Собрание лирических стихотворений от Жуковского до Соловьева

Составил Илья Франк

Последняя редакция файла на www.russianeurope.ru — 7 июня 2026 г.

От составителя

Собрание русских стихотворений XIX века я начал составлять через несколько дней после 24 февраля (2022 года). В первые дни у меня было ощущение полного перечеркивания русской литературы, однако затем возникла внутренняя потребность собрать для себя в «тревожный чемоданчик» всё то, от чего не хочу и не могу отказаться.

Существует, конечно, немало антологий русской поэзии, составлялись и собрания русских стихотворений. Разницу между антологией и собранием я бы определил так: цель антологии — представить читателю поэзию определенной эпохи в наиболее типичных и известных ее образцах, цель собрания — собрать все ценные стихотворения эпохи в одной книге.

Что побудило меня заняться столь большим и амбициозным проектом? Помимо вышеуказанной внутренней потребности, еще были две причины: во-первых, такие собрания давно не предпринимались (а старые собрания неизбежно устаревают), во-вторых, я давно занимаюсь поэзией (как русской, так и западноевропейской), и, кроме того, думаю, что у меня есть на нее определенное «чутье» (отчасти природное, отчасти наживное). Важен для выполнения такой задачи и возраст (в моем случае это приближение к шестидесяти годам) — важен для понимания стихотворений, написанных пожилым или старым человеком.

Книга, естественно, получилась очень большая (более двух с половиной тысяч страниц) — ее невозможно охватить взглядом (прочесть в один

присест). По сути, она представляет собой собрание подборок поэтов — и читать ее надо именно по подборкам. Иными словами: вы не можете, скажем, прочесть сразу все стихотворения Пушкина или Фета, но в данном собрании вы вполне способны «управиться» с полной подборкой Пушкина или Фета — и таким образом охватить взглядом всё то ценное, что было ими написано (я имею в виду, конечно, стихотворения).

Цель собрания стихотворений — не историко-литературная, поэтому здесь необязательно представлены произведения наиболее известные или типичные для того или иного времени XIX века (либо важные для биографии поэта). Цель собрания — отобрать то, что нужно мне как современному читателю, — то, что (на мой вкус) живо и поныне.

Мое понимание и мой вкус, конечно же, не могли не подвести меня в ряде случаев. Но думаю, что если бы подобное собрание предпринял кто-либо другой (из опытных читателей поэзии), то расхождение вряд ли составило бы более, скажем, 10%.

Кто предполагаемый читатель данной книги? Прежде всего это человек, который вряд ли когда-либо соберется прочесть полное собрание стихотворений того или иного поэта (а чтение подряд сотен стихотворений XIX века, из которых большинство представляет в лучшем случае лишь исторический интерес, довольно тяжелое испытание не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста). Но, возможно, моя подборка будет любопытна и знатокам русской поэзии — как своего рода культурологическая работа (или даже как вид художества).

Вас удивит, возможно, что количество стихотворений в подборках не самых, казалось бы, важных поэтов иногда не уступает количеству стихотворений поэтов, по праву считающихся великими (а то и превосходит его). Величина подборки поэта необязательно говорит о его весе в русской поэзии. Я старался отбирать стихи, в которых есть та крупица, которая их как бы подсвечивает, делает живыми. Совершенно понятно, что не все они обладают

такой же жизнью и таким же свечением, как, скажем, лермонтовское «Выхожу один я на дорогу».

Творчество поэтов, разумеется, не укладывается строго в рамки одного века. В собрание не включены поэты, чье творчество началось в XVIII веке и продолжалось в веке XIX (например, Державин), а также поэты, творчество которых продолжилось в XX веке (за парой небольших исключений). Мне представилось разумным начать собрание с Жуковского и закончить Соловьевым.

Тексты стихотворений проверены по авторитетным изданиям (либо по собраниям сочинений, либо по книгам серии «Библиотека поэта»), из тех же источников взяты и примечания (которые я дополнял, пользуясь различными словарями). Примечания суть двух видов: во-первых, относящие к конкретным произведениям, во-вторых, общекультурные (к именам греческих богов, к некоторым старинным словам и т. п.). Хотя второй вид может несколько мешать тем, кто всё это и так знает, однако, я думаю, необходим для более широкой современной публики (а особенно для подростков).

Я надеюсь, что «Собрание русских стихотворений XIX века» сможет вас поддержать и утешить — подобно тому, как работа над ним поддержала и утешила меня.

Буду рад вашим отзывам: frank@franklang.ru

22 мая 2022 года

P.S. Смотрите также на проекте Русская Европа (russianeurope.ru) составленный мною в 2024 году сборник «1000 лирических стихотворений от Тредиаковского до Соловьева».

Содержание

Василий Жуковский (1783—1852)

Вечер
Песня (Мой друг, хранитель-ангел мой)
К Делию
Путешественник
Желание
Цветок
Певец
Элизиум
Пловец
Отчизне кубок сей, друзья!
Светлана
Вспомни, вспомни, друг мой милый
Теон и Эсхин
К самому себе
Максим
Славянка
Голос с того света
Песня (Розы расцветают)
Сон
Песня бедняка
Весеннее чувство
Там небеса и воды ясны
К месяцу
Рыбак
Лесной царь
Листок
Песня (Минувших дней очарованье)
На кончину ее величества королевы Виртембергской
Цвет завета
К мимопролетевшему знакомому гению
Невыразимое
Взошла заря. Дыханием приятным
Подробный отчет о луне
Песня (Отымает наши радости)
Лалла Рук
Теснятся все к тебе во храм
Явление поэзии в виде Лалла Рук
Воспоминание
19 марта 1823 (Ты предо мною)
Ночь

Я Музу юную, бывало
Таинственный посетитель
Мотылек и цветы
Замок на берегу моря
Приход весны
Жалоба Цереры
Ночной смотр
<А. С. Пушкин> (Он лежал без движенья...)
Тоска
Царскосельский лебедь

Алексей Мерзляков (1778—1830)

Среди долины ровныя
Восток и Запад

Иван Козлов (1779—1840)

Венецианская ночь
Романс (Есть тихая роща у быстрых ключей)
На погребение английского генерала сира Джона Мура
К Италии
Плач Ярославны
Вечерний звон
Над темным заливом, вдоль звучных зыбей
Бессонница
Восток алея пламенеет
Летняя гроза
П. Ф. Балк-Полеву (Друг, ты прав: хотя порой)
К М. Шимановской (Когда твой ропот вдохновенный)
Элегия (Вольное подражание Св. Григорию Назианзину)
К И. А. Беку (Скажи! зачем, мечтатель юный)
Не наяву и не во сне
К неверной
Дуб
Жнецы
Сельская жизнь
Княгине З. А. Волконской (Я арфа тревоги, ты — арфа любви)
Молитва (Прости мне, Боже, прегрешенья)

Николай Гнедич (1784—1833)

Осень
К NN (Когда из глубины души моей угрюмой)
Приютино
К И. А. Крылову, приглашавшему меня поехать с ним в чужие края
Кузнечик
Дума (Печален мой жребий, удел мой жесток)

Дума (Кто на земле не вкушал жизни на лоне любви)

Денис Давыдов (1784—1839)

Бурцову (Бурцов, ёра, забияка)
Бурцову (В дымном поле, на биваке)
Гусарский пир
В альбом (На вьюке, в тороках цевницу я таскаю)
Песня (Я люблю кровавый бой)
Решительный вечер гусара
Неужто думаете вы
Песня старого гусара
О пощади! — Зачем волшебство ласк и слов
Листок
Вечер в июне
Ответ (Я не поэт, я — партизан, казак)
Когда я повстречал красавицу мою
О, кто — скажи ты мне — кто ты
Не пробуждай, не пробуждай
Море воет, море стонет
На голос известной русской песни (Я люблю тебя — без ума люблю)
Я помню — глубоко
Выздоровление
Современная песня
Богомолка

Федор Глинка (1786—1880)

Видение в луне
К ночи
Темное воспоминание
Старец
Сон русского на чужбине
Много ли надобно?
Жатва
Луна
Весна
Два счастья
Песнь узника
А ветер выл
Звуки
К лугу
Весеннее чувство
Грусть в тишине
Отрадное чувство
Прояснение
К почтовому колокольчику

Первый снег
Постояльцы
Москва
Тайны души
Чего-то нет
Осень
Две дороги
И было раз, порой ночной
Сии места я осмотрел
На дальнем Севере есть птица
Что вдруг душа моя грустит
Поверьте мне, я вижу их

Константин Батюшков (1787—1855)

Выздоровление
Тибуллова элегия III (Напрасно осыпал я жертвенник цветами)
Веселый час
Тибуллова элегия X (Кто первый изострил железный меч и стрелы)
Счастливец
Элизий
Привидение
Радость
Мои пенаты
К Жуковскому (Прости, балладник мой)
Ответ Тургеневу (Ты прав! Поэт не лжец)
Разлука (Гусар, на саблю опираясь)
К Дашкову (Мой друг! я видел море зла)
Элегия из Тибулла (Месалла! Без меня ты мчишься по волнам)
Тень друга
Судьба Одиссея
Послание И. М. Муравьеву-Апостолу (Ты прав, любимец муз! От первых впечатлений)
Вакханка
Последняя весна
К друзьям
Мой гений
Разлука (Напрасно покидал страну моих отцов)
Таврида
Надежда
К другу (Скажи, мудрец младой, что прочно на земли)
Пробуждение
Воспоминания (Я чувствую, мой дар в поэзии погас)
Песнь Гаральда Смелого
Гезиод и Омир — соперники
Переход через Рейн

Умирающий Тасс
Беседка Муз
Мечта
Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы
Есть наслаждение и в дикости лесов
Подражание Ариосту (Девица юная подобна розе нежной)
Когда в страдании девица отойдет
Ты знаешь, что изрек

Павел Катенин (1792—1853)

Певец
Ольга
Кавказские горы
Сонет (Кто принял в грудь свою язвительные стрелы)

Петр Плетнев (1792—1865)

Родина
А. Н. Семеновой (Покой души, забавы, ожиданья)
Измена
Стансы к Дельвигу (Дельвиг! как бы с нашей ленью)
Ночь
Море
Безвестность

Петр Вяземский (1792—1878)

Объявление
Весеннее утро
К Батюшкову (Шумит по рощам ветр осенний)
Прощание с халатом
Первый снег
Уныние
Катай-валяй
Прелести деревни
Нарвский водопад
Деревня. Отрывки
Коляска
Море
Кибитка
Метель
Русский бог
Я Петербурга не люблю
Простоволосая головка
К ним
Слезы
Дорожная дума

Леса
Родительский дом
Осень 1830 года
Хандра
Еще дорожная дума
Еще тройка
Флоренция
Всё грустно, всё грустней, час от часу тяжелей
Ты светлая звезда таинственного мира
Я пережил
На память
Приятно находить, попавшись на чужбину
Брайтон
Любить. Молиться. Петь.
Петербургская ночь
Еще дорожная дума
Когда я был душою молод
Тропинка
Сумерки
Палестина
Ночью на железной дороге между Прагою и Веною
Царица красоты
Рябина
Моя вечерняя звезда
На прощанье
Прогулка
Береза
Приветствую тебя, в минувшем молодея
Послушать: век наш — век свободы
Друзьям (Я пью за здоровье не многих)
Вечер
Царскосельский сад зимою
Вкушая бодрую прохладу
Былое
Пожар на небесах — и на воде пожар
Там на земной границе
Кладбище
Мне нужны воздух вольный и широкий
Поминки
Как свеж, как изумрудно мрачен
Зимняя прогулка
Тихие равнины
Эпитафия себе заживо
Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду
Все сверстники мои давно уж на покое

Лукавый рок его обчел
Загадка
Цветок
"Такой-то умер". Что ж? Он жил да был и умер
Жизнь наша в старости — изношенный халат

Николай Коншин (1793—1859)

Ворон
Пристав дома сумасшедших к посетительнице

Кондратий Рылеев (1795—1826)

Воспоминания
Я ль буду в роковое время
Стансы (Не сбылись, мой друг, пророчества)
Мне тошно здесь, как на чужбине
О милый друг, как внятен голос твой

Александр Грибоедов (1795 — 1829)

Ну вот и день прошел, и с ним

Иван Мятлев (1796—1844)

Фантастическая высказка
Розы
Русский снег в Париже
Старушка
Бывало
Фонарики
Часы

Михаил Дмитриев (1796—1866)

Лето в столице
Орел
Язык поэзии
Подводный город
Сад снегом занесло: метелица и вьюга

Николай Цыганов (1797—1831)

Песня (Не шей ты мне, матушка)

Вильгельм Кюхельбекер (1797—1846)

Вдохновение
Песня дорожная
К Ахатесу
На Рейне

Проклятие
Тень Рылеева
Ночь
Луна
Смерть
19 октября 1828 года (Какой волшебною одеждой)
Ветер
Суров и горек черствый хлеб изгнанья
Любовь
Закупская часовня
Два гроба
Брату (Повсюду вижу Бога моего)
Пасхальный сонет
Магдалина у гроба Господня
Вознесение
Саше в день ее рождения
Клен
Море сна
Измена вдохновения
Меня взлелеял ангел песнопенья
Родство со стихиями
Разочарование
Тени Пушкина
19 октября 1837 года (Блажен, кто пал, как юноша Ахилл)
Три тени
При исходе 1841 года
Еще прибавился мне год
Усталость
Участь русских поэтов
Да! ровно через год мы свиделись с тобою
Горько надоел я всем
Счастливицы вольные птицы

Антон Дельвиг (1798—1831)

Тихая жизнь
Подражание Беранже
Когда, душа, просилась ты
Вдохновение
Сонет (Златых кудрей приятная небрежность)
Романс (Не говори: любовь пройдет)
Романс (Прекрасный день, счастливый день)
Романс (Только узнал я тебя)
Сонет (В Испании Амур не чужестранец)
Русская песня (Соловей мой, соловей)
Не осенний частый дождичек

Слезы любви
За что, за что ты отравила
Поэт
Смерть, души успокоенье

Александр Пушкин (1799—1837)

Простите, верные дубравы
Кривцову
К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой)
Краев чужих неопытный любитель
Жуковскому (Когда, к мечтательному миру)
К портрету Жуковского
К Н. Я. Плюсковой (На лире скромной, благородной)
К Чаадаеву (Любви, надежды, тихой славы)
Дорида
N. N. (В. В. Энгельгардту)
Деревня
Домовому
Уединение
Веселый пир
Возрождение
Дориде
Мне бой знаком
К *** (Зачем безвременную скуку)
Погасло дневное светило
Нереида
Редеет облаков летучая гряда
Муза
Я пережил свои желанья
Чаадаеву (В стране, где я забыл тревоги прежних лет)
К Овидию
Песнь о вещем Олеге
Наперсница волшебной старины
Узник
Птичка
Царское Село
Кто, волны, вас остановил
Ночь
Завидую тебе, питомец моря смелый
Надеждой сладостной младенчески дыша
Демон
Простишь ли мне ревнивые мечты
Свободы сеятель пустынный
Телега жизни
Все кончено: меж нами связи нет

Из письма к Вульфу
К Языкову
Разговор книгопродавца с поэтом
К морю
Коварность
О дева-роза, я в оковах
Виноград
Ночной зефир
Дружба
Подражания Корану
Аквилон
Пускай увенчанный любовью красоты
Козлову
Желание славы
П. А. Осиповой (Быть может, уж недолго мне)
Храни меня, мой талисман
Андрей Шенье
К *** (Я помню чудное мгновенье)
Если жизнь тебя обманет
Вакхическая песня
Цветы последние милей
19 октября
Сцена из Фауста
Зимний вечер
Буря
Под небом голубым страны своей родной
К Вяземскому
К Языкову
Признание
Пророк
Няне
Как счастлив я, когда могу покинуть
Каков я прежде был, таков и ныне я
И. И. Пущину (Мой первый друг, мой друг бесценный)
Зимняя дорога
Золото и булат
Во глубине сибирских руд
Соловей и роза
В степи мирской, печальной и безбрежной
Арион
Ангел
Поэт
Близ мест, где царствует Венеция златая
Блажен в златом кругу вельмож
19 октября 1827

Воспоминание
Дар напрасный, дар случайный
Еще дуют холодные ветры
Кобылица молодая
Не пой, красавица, при мне
Портрет
Утопленник
Рифма, звучная подруга
Ворон к ворону летит
Город пышный, город бедный
В прохладе сладостной фонтанов
Анчар
Цветок
Поэт и толпа
Подъезжая под Ижоры
Приметы
На холмах Грузии лежит ночная мгла
Калмычке
Жил на свете рыцарь бедный
Зорю бьют... из рук моих
Зима. Что делать нам в деревне
Зимнее утро
Я вас любил
Брожу ли я вдоль улиц шумных
Кавказ
Монастырь на Казбеке
Делибаш
Что в имени тебе моем
К вельможе
Поэту
Мадона
Бесы
Элегия (Безумных лет угасшее веселье)
Ответ анониму
Труд
Царскосельская статуя
Дорожные жалобы
Прощание
Румяный критик мой, насмешник толстопузый
Я здесь, Инезилья
Два чувства дивно близки нам
Заклинание
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы
Герой
В начале жизни школу помню я

На перевод Илиады
Для берегов отчизны дальной
Цыганы
Эхо
Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем
Когда б не смутное влеченье
Осень
Не дай мне Бог сойти с ума
Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит
Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила
Полководец
Туча
Странник
Вновь я посетил
Я думал, сердце позабыло
Пир Петра Первого
Мирская власть
Подражание итальянскому (Как с древа сорвался предатель ученик)
Из Пиндемонти (Не дорого ценю я громкие права)
Отцы пустынники и жены непорочны
Когда за городом, задумчив, я брожу
Я памятник себе воздвиг нерукотворный
Была пора: наш праздник молодой
На статую играющего в бабки
Забыв и рощу и свободу

Федор Туманский (1799—1853)

Родина
Птичка

Евгений Боратынский (1800—1844)

Дельвигу (Так, любезный мой Гораций)
Крылову (Любви веселый проповедник)
Добрый совет
Весна
Ропот
Коншину (Пора покинуть, милый друг)
Разлука
Уныние
Эпилог
Твой детский вызов мне приятен
Водопад
Коншину (Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам)
Отъезд

Родина
Дельвигу (Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти)
Когда неопытен я был
Разуверение
Две доли
Поцелуй
Возвращение
Весна
Размолвка
Признание
Н. И. Гнедичу (Нет! в одиночестве душой изнемогая)
Истина
К… (Как много ты в немного дней)
Очарованье красоты
Надпись (Взгляни на лик холодный сей)
Звезда
Песня (Когда взойдет денница золотая)
Ожидание
Стансы (В глуши лесов счастлив один)
Дорога жизни
Не трогайте Парнасского пера
Стансы (Судьбой наложенные цепи)
Она
Последняя смерть
Смерть
Деревня
Бесенок
Из А. Шенье (Под бурею судеб, унылый, часто я)
Не подражай: своеобразен гений
Уверение (Нет, обманула вас молва)
Мой дар убог, и голос мой не громок
Подражателям
Чудный град порой сольется
Муза
Хотя ты малый молодой
Где сладкий шепот
В дни безграничных увлечений
Бывало, отрок, звонким кликом
Н. М. Языкову (Языков, буйства молодого)
Своенравное прозванье
К чему невольнику мечтания свободы
Наслаждайтесь: всё проходит
Когда исчезнет омраченье
Болящий дух врачует песнопенье
Есть милая страна, есть угол на земле

Весна, весна! как воздух чист
На смерть Гёте
Запустение
Последний поэт
Недоносок
Бокал
Осень
Приметы
Были бури, непогоды
Толпе тревожный день приветен, но страшна
Обеды
Мудрецу
На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Все мысль да мысль! Художник бедный слова
Рифма
Скульптор
На посев леса
Люблю я вас, богини пенья
Когда твой голос, о поэт
Молитва
Когда, дитя и страсти и сомненья
Пироскаф
Дядьке итальянцу

Василий Туманский (1800—1860)

Черная речка
Одесса
Постоянство
Элегия (На скалы, на холмы глядеть без нагляденья)
Одесским друзьям
Песня (Любил я очи голубые)

Александр Одоевский (1802—1839)

Бал
Утро
Струн вещих пламенные звуки
Княгине М. Н. Волконской (Был край, слезам и скорби посвященный)
Неведомая странница
Два образа
По дороге столбовой
Тебя уж нет, но я тобою
Из детских всех воспоминаний
Ты знаешь их, кого я так любил
Как сладок первый день среди полей отчизны
Куда несетесь вы, крылатые станицы

Моя Пери

Николай Языков (1803—1847)

Чужбина
Мы любим шумные пиры
К халату
Свободы гордой вдохновенье
Слава Богу
Муза
Элегия (Поэту радости и хмеля)
Элегия (Еще молчит гроза народа)
Настоящее (Вчера гуляла непогода)
Молитва (Молю святое Провиденье)
Элегия (Свободен я: уже не трачу)
Две картины
Элегия (Меня любовь преобразила)
Извиненье
Элегия (Любовь, любовь! веселым днем)
А. С. Пушкину (О ты, чья дружба мне дороже)
Тригорское
К Пельцеру
Вечер (Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод)
К Музе (Мой ангел милый и прекрасный)
К П. А. Осиповой (Благодарю вас за цветы)
К няне А. С. Пушкина
Ночь
Ручей
Пловец (Нелюдимо наше море)
День ненастный, темный; тучи
Буря
Морское купанье
К Рейну
Вечер (Ложатся тени гор на дремлющий залив)
Элегия (Бог весть, не втуне ли скитался)
Элегия (На горы и леса легла ночная тень)
Весна
Элегия (Опять угрюмая, осенняя погода)
Я. П. Полонскому (Благодарю тебя за твой подарок милый)

Федор Тютчев (1803—1873)

Проблеск
14-е декабря 1825 (О жертвы мысли безрассудной)
Вечер (Как тихо веет над долиной)
Весенняя гроза
Могила Наполеона

Cache-cache
Летний вечер
Видение
Бессонница
Утро в горах
Снежные горы
Полдень
Сны
Еще шумел веселый день
Последний катаклизм
Безумие
Здесь, где так вяло свод небесный
Странник
Успокоение
Как над горячею золой
Цицерон
Весенние воды
Silentium!
Сон на море
Конь морской
Душа хотела б быть звездой
Через ливонские я проезжал поля
Песок сыпучий по колени
Осенний вечер
Альпы
Mala aria
Ты зрел его в кругу большого Света
В толпе людей, в нескромном шуме дня
Над виноградными холмами
Поток сгустился и тускнеет
О чем ты воешь, ветр ночной?
Душа моя, Элизиум теней
Я лютеран люблю богослуженье
Что́ ты клонишь над водами
И гроб опущен уж в могилу
В душном воздуха молчанье
Как сладко дремлет сад темно-зеленый
Как птичка, с раннею зарей
Вечер мглистый и ненастный
Там, где горы, убегая
Тени сизые смесились
Нет, моего к тебе пристрастья
С поляны коршун поднялся
Зима недаром злится
Фонтан

Яркий снег сиял в долине
Не то, что мните вы, природа
Я помню время золотое
Еще земли печален вид
Люблю глаза твои, мой друг
И чувства нет в твоих очах
Вчера, в мечтах обвороженных
29-е января 1837 (Из чьей руки свинец смертельный)
1-е декабря 1837 (Так здесь-то суждено нам было)
Итальянская villa
Давно ль, давно ль, о Юг блаженный
Смотри, как запад разгорелся
Весна (Как ни гнетет рука судьбины)
Лебедь
С какою негою, с какой тоской влюбленный
День и ночь
Не верь, не верь поэту, дева
Глядел я, стоя над Невой
Еще томлюсь тоской желаний
Русской женщине
Как дымный столп светлеет в вышине
Неохотно и несмело
Итак, опять увиделся я с вами
Тихой ночью, поздним летом
Когда в кругу убийственных забот
Слезы людские, о слезы людские
Вновь твои я вижу очи
Как он любил родные ели
Поэзия
Кончен пир, умолкли хоры
Рим, ночью
Святая ночь на небосклон взошла
Пошли, Господь, свою отраду
На Неве
Не рассуждай, не хлопочи
Как ни дышит полдень знойный
Под дыханьем непогоды
Обвеян вещею дремотой
Смотри, как на речном просторе
Предопределение
Близнецы
Я очи знал, — о, эти очи
Не говори: меня он, как и прежде, любит
О, не тревожь меня укорой справедливой
Чему молилась ты с любовью

О, как убийственно мы любим
Не знаю я, коснется ль благодать
Первый лист
Не раз ты слышала признанье
Наш век
Дума за думой, волна за волной
Не остывшая от зною
В разлуке есть высокое значенье
День вечереет, ночь близка
Как весел грохот летних бурь
Ты волна моя морская
Сияет солнце, воды блещут
Чародейкою Зимою
Последняя любовь
Лето 1854 (Какое лето, что за лето)
Увы, чтó нашего незнанья
Пламя рдеет, пламя пышет
Эти бедные селенья
Вот от моря и до моря
О вещая душа моя
Из Микеланджело (Молчи, прошу, не смей меня будить)
Н(иколаю) П(авловичу) (Не Богу ты служил и не России)
Так, в жизни есть мгновения
Все, что сберечь мне удалось
Н. Ф. Щербине (Вполне понятно мне значенье)
Над этой темною толпой
Есть в осени первоначальной
Смотри, как роща зеленеет
В часы, когда бывает
Она сидела на полу
Осенней позднею порою
На возвратном пути
Декабрьское утро
Хоть я и свил гнездо в долине
Я знал ее еще тогда
Утихла биза... Легче дышит
Весь день она лежала в забытьи
О, этот Юг, о, эта Ницца
Когда на то нет Божьего согласья
Как хорошо ты, о море ночное
Есть и в моем страдальческом застое
Певучесть есть в морских волнах
Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
Молчит сомнительно Восток
Накануне годовщины 4 августа 1864 г. (Вот бреду я вдоль большой дороги)

Как неожиданно и ярко
Ночное небо так угрюмо
Нет дня, чтобы душа не ныла
Тихо в озере струится
Когда дряхлеющие силы
Умом Россию не понять
Как ни тяжел последний час
Опять стою я над Невой
Пожары
В небе тают облака
Нам не дано предугадать
Две силы есть — две роковые силы
Природа — сфинкс. И тем она верней
К. Б. (Я встретил вас — и всё былое)
Брат, столько лет сопутствовавший мне
Впросонках слышу я — и не могу
От жизни той, что бушевала здесь
Всё отнял у меня казнящий Бог

Александр Полежаев (1804—1838)

Кремлевский сад
Табак

Алексей Хомяков (1804—1860)

Сумрак вечерний тихо взошел

Дмитрий Ознобишин (1804—1877)

Воспоминание
Весенний гром
Весенняя грусть
Чудная бандура

Дмитрий Веневитинов (1805—1827)

Любимый цвет
Новгород
Три розы
Я чувствую, во мне горит
Поэт и друг
Люби питомца вдохновенья

Степан Шевырев (1806—1864)

Мысль
Ночь

Владимир Бенедиктов (1807—1873)

Радуга
Гроза
Кудри
Искра
Прости!
К черноокой
Бивак
Черный цвет
Вальс
Порыв
Близ берегов
Молитва (Творец! Ниспошли мне беды и лишенья)
Тоска
Московские цыганы
К моей музе
Письма
Переход
После праздника
Неотвязная мысль
Грустная песня
Вечер в саду
День и две ночи
Мелочи жизни
Прежде и теперь
Раздумье
«По синим волнам океана»
В лесу
Он
Что шумишь?
Улетела
Плач остающегося в городе при виде переезжающих на дачу
Липы-липки
Переселение
Вечерние облака
К новому поколению
Ответ (Греза ль беспокойная)
И ныне
Бессонница
Человечество
Люцерн
Ночью
Утром
Светлые ночи
Ты мне всё
Сон

Перевороты
Поздно
Ну вот — все ладится, идет все понемногу
В музеуме скульптурных произведений

Каролина Павлова (1807—1893)

Шепот грустный, говор тайный
Да иль нет
Есть любимцы вдохновений
Нет, не им твой дар священный
Н. М. Языкову (Невероятный и нежданный)
Дума (Грустно ветер веет)
Думы (Я снова здесь, под сенью крова)
Воет ветр в степи огромной
Молчала дума роковая
Ты, уцелевший в сердце нищем
Спутница фея
В думе гляжу я на бег корабля
Гондола
Пильниц
Дорога
Труд ежедневный, труд упорный

Алексей Кольцов (1809—1842)

Песня пахаря
Раздумье селянина
Горькая доля
Лес
Первая песня Лихача Кудрявича
Вторая песня Лихача Кудрявича
Последний поцелуй
Хуторок
Что ты спишь, мужичок

Нестор Кукольник (1809—1868)

Английский романс
Жаворонок
Попутная песня

Семен Стромилов (1810—1860)

То не ветер ветку клонит

Николай Макаров (1810—1890)

Однозвучно гремит колокольчик

Евдокия Растопчина (1811—1858)

Двойные рамы
Домашний друг
Колокольчик
Голубая душегрейка

Дмитрий Давыдов (1811—1888)

Думы беглеца на Байкале

Иван Клюшников (1811—1895)

Я не люблю тебя: мне суждено судьбою
Беатриче

Евгений Гребенка (1812—1848)

Песня (Молода еще девица я была)
Черные очи

Николай Огарев (1813—1877)

Деревенский сторож
Там на улице холодом веет
Полдень
Вечер
Nocturno
Дорога
Изба
Обыкновенная повесть
К подъезду! — Сильно за звонок рванул я
Хандра
Длинный день проходит вяло
На мосту
Летом
По краям дороги
Призрак
Береза в моем стародавнем саду

Михаил Лермонтов (1814—1841)

Предсказание
Нищий
Желание
Исповедь
Ангел
Мой дом
К *** (Дай руку мне, склонись к груди поэта)
Нет, я не Байрон, я другой

К *** (Мы случайно сведены судьбою)
Я жить хочу! хочу печали
Она не гордой красотою
Парус
Он был рожден для счастья, для надежд
Русалка
Бородино
Смерть поэта
Ветка Палестины
Узник
Сосед
Когда волнуется желтеющая нива
Молитва (Я, Матерь Божия, ныне с молитвою)
Не смейся над моей пророческой тоскою
Спеша на север из далека
Кинжал
Гляжу на будущность с боязнью
Дума
Поэт
Не верь себе
Три пальмы
Молитва (В минуту жизни трудную)
Дары Терека
Памяти А. И. Одоевского (Я знал его: мы странствовали с ним)
На буйном пиршестве задумчив он сидел
Я умирал. Меня томил
Как часто, пестрою толпою окружен
И скучно и грустно
Казачья колыбельная песня
Есть речи — значенье
Журналист, читатель и писатель
Воздушный корабль
Соседка
Отчего
Благодарность
Из Гёте (Горные вершины)
Тучи
Валерик
Завещание
Родина
На севере диком стоит одиноко
Из-под таинственной холодной полумаски
Прощай, немытая Россия
Утес
Сон

Тамара
Листок
Выхожу один я на дорогу
Морская царевна
Пророк
Нет, не тебя так пылко я люблю

Эдуард Губер (1814—1847)

Сердце

Надежда Теплова (1814—1848)

Перерождение
Флейта
Воспоминание
Болит, болит мое земное сердце

Константин Аксаков (1817—1860)

Мой Марихен так уж мал, так уж мал
Меня зовет какой-то тайный голос
Свободное слово

Алексей Толстой (1817—1875)

Ты помнишь ли, Мария
По гребле неровной и тряской
Где гнутся над омутом лозы
Колокольчики мои
Ты не спрашивай, не распытывай
Средь шумного бала, случайно
С ружьем за плечами, один, при луне
Мне в душу, полную ничтожной суеты
Не ветер, вея с высоты
Меня, во мраке и в пыли
Колодники
Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньице
Из Гейне (Вянет лист, проходит лето)
Колышется море; волна за волной
Смеркалось — жаркий день бледнел неуловимо
Вот уж снег последний в поле тает
Что за грустная обитель
Лишь только один я останусь с собою
Он водил по струна́м; упадали
Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали
Порой, среди забот и жизненного шума
Не Божиим громом горе ударило

Ой, честь ли то молодцу лен прясти
Ты неведомое, незнамое
Двух станов не боец, но только гость случайный
Звонче жаворонка пенье
Что ни день, как поломя со влагой
Осень! Обсыпается весь наш бедный сад
Источник за вишневым садом
Когда природа вся трепещет и сияет
Мадонна Рафаэля
Не брани меня, мой друг
Запад гаснет в дали бледно-розовой
Ты клонишь лик, о нем упоминая
Вырастает дума, словно дерево
Тебя так любят все; один твой тихий вид
Хорошо, братцы, тому на свете жить
Благословляю вас, леса
На нивы желтые нисходит тишина
Темнота и туман застилают мне путь
В монастыре пустынном близ Кордовы
Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо
То было раннею весной
Илья Муромец

Федор Миллер (1818—1881)

Раз, два, три, четыре, пять
Мне всё равно

Иван Тургенев (1818—1883)

В дороге (Утро туманное, утро седое)
Весенний вечер
Люблю я вечером к деревне подъезжать
Гроза
Уж поздно... Конь усталый мой
Кроткие льются лучи с небес на согретую землю
Перед охотой
Первый снег
Из поэмы, преданной сожжению
Новым чувствам всем сердцем отдался
Синица
Я шел среди высоких гор

Алексей Разоренов (1819—1891)

Не брани меня, родная

Яков Полонский (1819—1898)

Пришли и стали тени ночи
Дорога
Зимний путь
Посмотри — какая мгла
Лунный свет
Уже над ельником из-за вершин колючих
Затворница
Не жди
Старый сазандар
Качка в бурю
Ночь
Песня цыганки
Колокольчик
Моя судьба, старуха, нянька злая
На пути из гостей
Ночь в Крыму
А. Н. Майкову
Иная зима
Я читаю книгу песен
Последний вздох
Заплетя свои темные косы венцом
Рассказать ли тебе, как однажды
Время новое повеяло — смотри
Плохой мертвец
Слышу я, моей соседки
Напрасно
На железной дороге
Из Бурдильёна (Ночь смотрит тысячами глаз)
Зимой, в карете
Зной — и всё в томительном покое
Полонский здесь не без привета
В саду
Если б смерть была мне мать родная

Афанасий Фет (1820—1892)

Чудная картина
Вот утро севера — сонливое, скупое
Перекресток, где ракитка
Печальная береза
Кот поет, глаза прищуря
Деревня
Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом
Я жду... Соловьиное эхо
На заре ты ее не буди
Стихом моим незвучным и упорным

Сосна так темна, хоть и месяц
Как на черте полночной дали
Не здесь ли ты легкою тенью
Буря на небе вечернем
Вдали огонек за рекою
Теплым ветром потянуло
Шумела полночная вьюга
Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно
Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны
Вакханка
Полуночные образы реют
Как ангел неба безмятежный
Мы с тобой не просим чуда
Облаком волнистым
Не ворчи, мой кот-мурлыка
Узник
Я пришел к тебе с приветом
Я долго стоял неподвижно
О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной
Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Весеннее небо глядится
Как мошки зарею
Улыбка томительной скуки
Уж верба вся пушистая
Серенада (Тихо вечер догорает)
Теплый ветер тихо веет
Офелия гибла и пела
Еще весна, — как будто неземной
Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Диана
Спи — еще зарею
Полно спать: тебе две розы
Поделись живыми снами
Когда мечтательно я предан тишине
Фантазия (Мы одни; из сада в стекла окон)
Свеж и душист твой роскошный венок
Летний вечер тих и ясен
Непогода — осень — куришь
Весенние мысли
Шепот, робкое дыханье
Ласточки пропали
Какие-то носятся звуки
Растут, растут причудливые тени
Муза

Еще весны душистой нега
Первый ландыш
Пчелы
Как здесь свежо под липою густою
Над озером лебедь в тростник протянул
Степь вечером
Жди ясного на завтра дня
Какое счастие: и ночь, и мы одни
Сосны
Старый парк
Шарманщик
Больной
Весна на дворе
Вечер
В темноте, на треножнике ярком
У камина
Горное ущелье
Смерти
Весенний дождь
Весна и ночь покрыли дол
Какая ночь! Как воздух чист
Еще майская ночь
Цветы
Грезы
На стоге сена ночью южной
На корабле
Дождливое лето
Певице
Скрип шагов вдоль улиц белых
Заря прощается с землею
Влачась в бездействии ленивом
Колокольчик
Зреет рожь над жаркой нивой
Ярким солнцем в лесу пламенеет костер
Я ждал. Невестою-царицей
Какая грусть! Конец аллеи
Солнце нижет лучами в отвес
Не первый год у этих мест
Еще вчера, на солнце млея
Жизнь пронеслась без явного следа
Измучен жизнью, коварством надежды
В тиши и мраке таинственной ночи
Как нежишь ты, серебряная ночь
Пришла, — и тает всё вокруг
Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури

Майская ночь
Осенью
Томительно-призывно и напрасно
В дымке-невидимке
Только встречу улыбку твою
Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Я рад, когда с земного лона
А. Л. Бржеской (Далекий друг, пойми мои рыданья)
Дул север. Плакала трава
Это утро, радость эта
Музе (Пришла и села. Счастлив и тревожен)
Только в мире и есть, что тенистый
Осень
Учись у них — у дуба, у березы
С гнезд замахали крикливые цапли
Солнце садится, и ветер утихнул летучий
Бабочка
Сад весь в цвету
Смерти
Страницы милые опять персты раскрыли
Ласточки
Я тебе ничего не скажу
Осенняя роза
Целый мир от красоты
Когда читала ты мучительные строки
От огней, от толпы беспощадной
Поэтам
Еще люблю, еще томлюсь
На кресле отвалясь, гляжу на потолок
Опять осенний блеск денницы
Рассыпаяся смехом ребенка
Тяжело в ночной тиши

Николай Щербина (1821—1869)

Невольная вера
Мысль о смерти
Эллада
Миг
Notturno (Ароматной весеннею ночью)
Письмо
Когда в высокие минуты бытия
Скульптору
Симпатии
Утреннее впечатление
Мы

Лето на острове Уайте

Николай Некрасов (1821—1878)

В дороге
Колыбельная песня (Спи, пострел, пока безвредный)
Перед дождем
Тройка
Псовая охота
Еду ли ночью по улице темной
Ты всегда хороша несравненно
Поражена потерей невозвратной
Вчерашний день, часу в шестом
Я не люблю иронии твоей
На улице
Мы с тобой бестолковые люди
Блажен незлобивый поэт
В деревне
Несжатая полоса
Влас
Свадьба
Я сегодня так грустно настроен
Безвестен я. Я вами не стяжал
Словно как мать над сыновней могилой
Забытая деревня
Замолкни, Муза мести и печали
Внимая ужасам войны
Школьник
В столицах шум, гремят витии
Тишина
Стихи мои! Свидетели живые
Размышления у парадного подъезда
Песня Еремушке
На Волге
Рыцарь на час
Плач детей
Что ни год — уменьшаются силы
Однажды, в студеную зимнюю пору
Слезы и нервы
Ой, полна, полна коробушка
В полном разгаре страда деревенская
Надрывается сердце от муки
Орина мать солдатская
Есть женщины в русских селеньях
Не ветер бушует над бором
В селе, за четыре версты

Железная дорога
До сумерек
Эй, Иван!
Наконец не горит уже лес
Утро
День свечерел. Томим тоскою вялой
Пророк
Сеятелям
Средь мира дольного
Русь
Баюшки-баю
Великое чувство! У каждых дверей
О муза! я у двери гроба

Аполлон Майков (1821—1897)

Сон
Поэзия
Барельеф
На дальнем Севере моем
Друзья! нам смерть страшна лишь чем
Еще я полн, о друг мой милый
Пейзаж
Весна! Выставляется первая рама
Мечтания
Рыбная ловля
Бездарных несколько семей
Нива
Болото
Ласточки
Осень
Под дождем
Сенокос
Голос в лесу
В лесу
Всё вокруг меня, как прежде
Голубенький, чистый
Я. П. Полонскому (Полонский! суждено опять судьбою злою)
Из Гейне (Конец! Опущена завеса)
Когда, гоним тоской неутолимой
Альпийские ледники
Альпийская дорога
Здесь весна, как художник уж славный, работает тихо
Мадонна
Приговор
Мать и дети

Ласточка примчалась
Я б тебя поцеловала
Что горы потемнели
Мать
Рассвет
Не может быть! не может быть
Вот уж и гроб!.. и она
Дорог мне, перед иконой
Есть мысли тайные в душевной глубине
Пан
Не говори, что нет спасенья
Из темных долов этих взор
Вдохновенье — дуновенье
На Чамлиджи

Алексей Жемчужников (1821—1908)

Освобожденный скворец
Осенние журавли
Ранней осени подарок
На железной дороге
В вагоне за Москвою
Прогулка по большой дороге
Отдых при дороге
Зима идет
Вечерняя заря
Как шумят мои липы
Осенью (Так полночь темная тепла)
Первый снег
Одиночество
Не спеша меняйтеся, картины
Грачи
Старость
Осеннее ненастье
За шлагбаумом
Звуки старины далекой

Лев Мей (1822—1862)

Не знаю, отчего так грустно мне при ней
Ты печальна
Убей меня, Боже всесильный
Церера
Малиновке
При посылке стихов
Сумерки
Запевка

Канарейка
Чуру
Фейерверк
Знаешь ли, Юленька
Молодой месяц
Четыре строки

Аполлон Григорьев (1822—1864)

Комета
Город
Доброй ночи!.. Пора
О, говори хоть ты со мной
Цыганская венгерка
Над Флоренцией сонной прозрачная ночь

Александр Аммосов (1823—1866)

Элегия (Хас-Булат удалой)

Иван Аксаков (1823—1886)

Дождь
Странным чувством объята душа

Иван Никитин (1824—1861)

Лес
Ярко звезд мерцанье
Помнишь? — с алыми краями
Помнишь? — с алыми краями

Юлия Жадовская (1824—1883)

Ты скоро меня позабудешь
Я всё еще его, безумная, люблю
Взгляд
Прощай
Ты всюду предо мной: повеет ли весна
Люди много мне болтали
Скучный вечер
Ночь. Всё тихо. Только звезды
Тихо я бреду одна по саду

Алексей Плещеев (1825—1893)

Зимнее катанье
Тихо всё, глядится месяц
Скучная картина
Родное

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки
Люблю я под вечер тропинкою лесною
Солнце горы золотило
Ночь пролетала над миром
Бледный луч луны пробился
Осень
Я помню всё: и голос милый
Весна (Уж тает снег, бегут ручьи)
Как часто образ дорогой
Нам звезды кроткие сияли

Михаил Михайлов (1829—1865)

Простая история
Те же всё унылые картины
Долиной пышной шли мы рядом
Снова дней весенних
Говорят, весна пришла
Только помыслишь о воле порой

Петр Вейнберг (1831—1908)

Он был титулярный советник

Платон Кусков (1834—1909)

Муха
Весна

Константин Случевский (1837—1904)

Рассвет в деревне
Старый плющ здесь ползет
В листопад
Ходит ветер избочась
Мало свету
Снега
Осенний мотив
Наши птицы
В немолчном говоре природы
На плотине
В деревне
Шли путем неведомым
Подле сельской церкви
Камаринская
Отдохните, глаза, закрываясь в ночи
Горячий день. Мой конь проворно
Саван белый... Смерть — картина

В избенке бедной, в стеклах окон
Будто месяц с шатра голубого
Когда, приветливо и весело ласкаясь
Мне ее подарили во сне
Не погасай хоть ты, — ты, пламя золотое
Невменяемость
Нас двое
Когда бы, как-нибудь, для нас возможным стало
Мы — стоики
В больнице Всех Скорбящих
Lux aeterna
В Киеве ночью
Да, нет сомненья в том, что жизнь идет вперед
На публичном чтении
Я задумался и — одинок остался
Где только есть земля, в которой нас зароют
Край лишенный живой красоты
Не стонет справа от меня больной
В Заонежьи
После казни в Женеве
На Раздельной
Всё чаще говорить приходится — «забыл»
На кладбище
Я видел свое погребенье
Ты не гонись за рифмой своенравной
Быть ли песне
Ни слава яркая, ни жизни мишура
В молчаньи осени ссыпаются листы
Любо мне, чуть с вечерней зарей
Порою между нас пророки возникают
О, будь в сознаньи правды смел
Заката светлого пурпурные лучи
Меня здесь нет. Я там, далеко
Здесь всё мое! — Высь небосклона
Что тут писано, писал совсем не я

Алексей Апухтин (1840—1893)

Вечер
Близость осени
Деревенский вечер
Апрельские мечты
Осенняя примета
Весенней ночи сумрак влажный
Вчера у окна мы сидели в молчаньи
Опять весна! Опять какой-то гений

Проселок
Глянь, как тускло и бесплодно
Актеры
Минуты счастья
Ни отзыва, ни слова, ни привета
Сухие, редкие, нечаянные встречи
Истомил меня жизни безрадостный сон
Мухи
Как бедный пилигрим, без крова и друзей
В уютном уголке сидели мы вдвоем
С курьерским поездом
В дверях покинутого храма
Ночи безумные, ночи бессонные
Отчалила лодка. Чуть брезжил рассвет
Снова один я… Опять без значенья
Пара гнедых
Два голоса
Памятная ночь
На новый 1881 год
Памяти Нептуна
Проложен жизни путь бесплодными степями

Федор Берг (1840—1909)

Смерть

Иван Суриков (1841—1880)

Рябина
В степи

Дмитрий Садовников (1847—1883)

Из-за острова на стрежень

Арсений Голенищев-Кутузов (1848—1913)

Летняя ночь
Снилось мне утро лазурное, чистое
Заря во всю ночь
В сонме поздних теней ты желанной звездой

Владимир Соловьев (1853—1900)

Вся в лазури сегодня явилась
Близко, далеко, не здесь и не там
Бескрылый дух, землею полоненный
В тумане утреннем неверными шагами
Земля-владычица! К тебе чело склонил я

Бедный друг, истомил тебя путь
В час безмолвного заката
Ветер с западной страны
Зачем слова? В безбрежности лазурной
Я добился свободы желанной
Милый друг, иль ты не видишь
День прошел с суетой беспощадною
О, что значат все слова и речи
Милый друг, не верю я нисколько
Сходня… Старая дорога…
У Саймы в полдень
Весна
На Сайме зимой
Шум далекий водопада
Сон наяву
Нет, силой не поднять тяжелого покрова
Око вечности
Три свидания
Les revenants

Василий Жуковский (1783—1852)

Вечер

(Элегия)[1]

Ручей, виющийся по светлому песку,

Как тихая твоя гармония приятна!

С каким сверканием катúшься ты в реку!

Приди, о муза благодатна,

[1] *Элегия* — в античной поэзии так называли лирическое стихотворение или музыкальное произведение определенной формы. Изначально его тематика была свободной, но со временем к элегиям стали относить только сочинения печального характера. В них поэты описывали свои скорбные переживания, часто от первого лица. Например, древнеримский поэт Овидий в элегиях оплакивал свое изгнание, которое было для него равносильно смерти.

В венке из юных роз, с цевницею[2] златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат, —
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов златых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у брега меж кустами;

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,[3]
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи[4] съезжают…

Уж вечер… облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях[5] умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,

[2] *Цевница* — пастушеская свирель.
[3] *Струг* — плоскодонное гребное и парусное судно, приспособленное для перевозки грузов по рекам.
[4] *Оратай* — пахарь.
[5] Т. е. на колокольнях.

Внимаю, как журчит, сливаяся с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладою растений фимиам![6]
Как сладко в тишине у брега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира[7] по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела[8] вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы…[9]

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов…
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем…
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

---

[6] *Фимиам* — благовонное вещество, сжигаемое при богослужениях, ладан.
[7] *Зефир* — (у древних греков) западный ветер; в поэзии: легкий теплый ветер.
[8] *Петел* — петух.
[9] *Филомела* — соловей (по имени Филомелы, дочери Пандиона, царя афинского, обращенной богами в соловья).

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропою,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,[10]
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой… о небо правосудно!..[11]

А мы… ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце вспоминанье

[10] Имеется в виду Андрей Иванович Тургенев (1781—1803) — поэт, брат Александра Ивановича Тургенева; учился в Благородном пансионе при Московском университете в одно время с Жуковским, с которым чрезвычайно близко сошелся. По окончании курса, Тургенев поступил в московский архив коллегии иностранных дел, но вскоре перешел на службу в СПб. к Н. Н. Новосильцеву, в комиссию составления законов. В 1802 г. он был послан курьером в Вену, и вскоре по возвращении оттуда скончался.
[11] Здесь речь идет о товарище поэта по Университетскому благородному пансиону и участнике Дружеского литературного общества С. Е. Родзянко, сошедшем с ума.

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных…

Мне рок судил: брести неведомой стезей,[12]
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать под сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и хóлмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливает,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел… но долго ль?.. Как узнать?..
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать

[12] *Стезя* — дорога, путь. «Брести неведомой стезей» — т. е. не стремясь к славе.

Над тихой юноши могилой![13]

1806

Песня

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу — в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо — им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить — одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне,[14] в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,

[13] *Минвана* и *Альпин* — условные имена поэтических влюбленных, связанные с оссианической традицией. Оссиан (Ossian), правильнее Ойсин (Oisin) — легендарный кельтский бард III века, от лица которого написаны чрезвычайно популярные в свое время поэмы Джеймса Макферсона (1736—1796).
[14] Т. е. в безлюдном месте.

С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не расстается;
Проснусь — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь — мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоем дыханье…
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь — ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

1808

К Делию[15]

Умерен, Делий, будь в печали

[15] Вольный пересказ III оды Горация.

И в счастии не ослеплен:
На миг нам жизнь бессмертны дали;
Всем путь к Тенару[16] проложен.
Хотя б заботы нас томили,
Хотя б токайское вино[17]
Мы, нежася на дерне, пили —
Умрем: так Дием[18] суждено.
Неси ж сюда, где тополь с ивой
Из ветвий соплетают кров,
Где вьется ручеек игривый
Среди излучистых брегов,
Вино, и масти ароматны,
И розы, дышащие миг.
О Делий, годы невозвратны:
Играй — пока нить дней твоих
У черной Парки под перстами;[19]
Ударит час — всему конец:
Тогда прости и луг с стадами,
И твой из юных роз венец,
И соловья приятны трели
В лесу вечернею порой,
И звук пастушеской свирели,
И дом, и садик над рекой,
Где мы, при факеле Дианы,[20]

[16] *Тенар*— мыс в Лаконии (на юге Пелопонеса), с пещерой, которая считалась входом в царство мертвых. Отсюда, подземный мир, царство мертвых.
[17] *Токай* — местность в Венгрии, известная выделываемыми в ней винами.
[18] *Дий* — одно из имен Зевса. Зевс — (в мифах древних греков) бог-громовержец, глава олимпийской семьи богов.
[19] В древнеримской мифологии парки — три богини судьбы, соответствуют греческим мойрам, плетущим и обрезающим нить жизни. *Перст* — палец.
[20] *Диана* — богиня луны и богиня-покровительница охоты, молодняка и рожениц, изображалась юной охотницей с колчаном за спиной; целомудренная богиня, девственница (рим. миф.); в греческой мифологии — Артемида.

Вокруг дернового стола,
Стучим стаканами в стаканы
И пьем из чистого стекла
В вине печалей всех забвенье;
Играй — таков есть мой совет;
Не годы жизнь, а наслажденье;
Кто счастье знал, тот жил сто лет;
Пусть быстрым, лишь бы светлым, током
Промчатся дни чрез жизни луг;
Пусть смерть зайдет к нам ненароком,
Как добрый, но *нежданный* друг.

1809

Путешественник[21]
(Песня)

Дней моих еще весною
Отчий дом покинул я;
Всё забыто было мною —
И семейство и друзья.

В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой,
Я пошел путем-дорогой —
Вера был вожатый мой.

И в надежде, в уверенье
Путь казался недалек,

[21] Вольный перевод стихотворения Шиллера «Der Piligrim» («Паломник»).

«Странник, — слышалось, — терпенье!
Прямо, прямо на восток.

Ты увидишь храм чудесный;
Ты в святилище войдешь;
Там в нетленности *небесной*
Всё *земное* обретешь».

Утро вечером сменялось;
Вечер утру уступал;
Неизвестное скрывалось;
Я искал — не обретал.

Там встречались мне пучины;[22]
Здесь высоких гор хребты;
Я взбирался на стремнины;
Чрез потоки стлал мосты.

Вдруг река передо мною —
Вод склоненье на восток;
Вижу зыблемый струею
Подле берега челнок.

Я в надежде, я в смятенье;
Предаю себя волнам;
Счастье вижу в отдаленье;
Всё, что мило, — мнится — там!

Ах! в безвестном океане

[22] *Пучина* — морская бездна.

Очутился мой челнок;
Даль по-прежнему в тумане;
Брег невидим и далек.

И вовеки надо мною
Не сольется, как поднесь,[23]
Небо светлое с землею…
Там не будет вечно *здесь.*

1809

Желание[24]
Романс

Озарися, дол туманный;
Расступися, мрак густой;
Где найду исход желанный?
Где воскресну я душой?
Испещренные цветами,
Красны холмы вижу там…
Ах! зачем я не с крылами?
Полетел бы я к холмам.

Там поют согласны лиры;
Там обитель тишины;
Мчат ко мне оттоль зефиры
Благовония весны;
Там блестят плоды златые

[23] *Поднесь* — доныне (*днесь* — ныне).
[24] Перевод с небольшими отступлениями стихотворения Шиллера «Sehnsucht» («Томление»).

На сенистых деревах;[25]
Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах.

О предел очарованья!
Как прелестна там весна!
Как от юных роз дыханья
Там душа оживлена!
Полечу туда… напрасно!
Нет путей к сим[26] берегам;
Предо мной поток ужасный
Грозно мчится по скалам.

Лодку вижу… где ж вожатый?
Едем!.. будь, что суждено…
Паруса ее крылаты,
И весло оживлено.
Верь тому, что сердце скажет;
Нет залогов от небес;
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

1811

Цветок[27]

Романс

Минутная краса полей,

[25] *Сень* — покров; крона или ветви деревьев, образующие полог, шатер (в сени ветвей, под сенью лип и т. п.)
[26] *Сей* — этот, *сии* — эти.
[27] Подражание одноименному романсу Мильвуа «La fleur».

Цветок увядший, одинокой,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри… очарованья нет;
Звезда надежды угасает…
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

1811

Певец

В тени дерев, над чистыми водами
Дерновый холм вы видите ль, друзья?
Чуть слышно там плескает в брег струя;
Чуть ветерок там дышит меж листами;
На ветвях лира и венец…
Увы? друзья, сей холм — могила;
Здесь прах певца земля сокрыла;

Бедный певец!

Он сердцем прост, он нежен был душою —
Но в мире он минутный странник был;
Едва расцвел — и жизнь уж разлюбил
И ждал конца с волненьем и тоскою;
И рано встретил он конец,
Заснул желанным сном могилы…
Твой век был миг, но миг унылый,
Бедный певец!

Он дружбу пел, дав другу нежну руку, —
Но верный друг во цвете лет угас;
Он пел любовь — но был печален глас;
Увы! он знал любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конец;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бедный певец!

Здесь, у ручья, вечернею порою
Прощальну песнь он заунывно пел:
«О красный мир, где я вотще расцвел;[28]
Прости навек; с обманутой душою
Я счастья ждал — мечтам конец;
Погибло всё, умолкни, лира;
Скорей, скорей в обитель мира,
Бедный певец!

[28] *Вотще* — тщетно, напрасно.

Что жизнь, когда в ней нет очарованья?
Блаженство знать, к нему лететь душой,
Но пропасть зреть меж ним и меж собой;
Желать всяк час и трепетать желанья…
О пристань горестных сердец,
Могила, верный путь к покою,
Когда же будет взят тобою
Бедный певец?»

И нет певца… его не слышно лиры…
Его следы исчезли в сих местах;
И скорбно всё в долине, на холмах;
И всё молчит… лишь тихие зефиры,
Колебля вянущий венец,
Порою веют над могилой,
И лира вторит им уныло:
Бедный певец!

1811

Элизиум[29]

Песня

Роща, где, податель мира,
Добрый Гений[30] смерти спит,
Где румяный блеск эфира[31]

[29] Перевод одноименного стихотворения Фр. фон Маттисона «Elysium», использовавшего античный миф о душе, попадающей в обитель мертвых. *Элисий (Элизий, Элизей, Элизийские поля)* — загробный мир, поля, где блаженствуют праведники (греч. миф.).
[30] *Гений* — дух.
[31] *Эфир* — олицетворение верхнего, лучезарного слоя воздуха, считавшегося местопребыванием Зевса (греч. миф.).

С тенью зыбких сеней слит,
Где источника журчанье,
Как далекий отзыв лир,
Где печаль, забыв роптанье,
Обретает сладкий мир:

С тайным трепетом, смятенна,
В упоении богов,[32]
Для бессмертья возрожденна,
Сбросив пепельный покров,
Входит в сумрак твой Психея;[33]
Неприкованна к земле,
Юной жизнью пламенея,
Развила она криле.[34]

Полетела в тихом свете,
С обновленною красой,
В дол туманный, к тайной Лете;[35]
Мнилось, легкою рукой
Гений влек ее незримый;
Видит мирные луга;
Видит Летою кропимы
Очарованны брега.

В ней надежда, ожиданье;

[32] Т. е. с божественным упоением.
[33] *Психея* — (в мифах древних греков) олицетворение души, дыхания. Психея представлялась в виде бабочки, летящей птицы или девушки. После долгих странствий и поисков Психея находит своего возлюбленного Эрота (Амура). Любовь Психеи и Эрота — распространенный сюжет в литературе, изобразительном искусстве.
[34] *Криле* (ц.-слав., поэт.) — крылья.
[35] *Лета* — река забвения, протекающая в Аиде (царстве мертвых); глоток воды из нее заставляет забыть землю и жизнь на земле (греч. миф.).

Наклонилася к водам,
Усмиряющим страданье…
Лик простерся по струям;
Так безоблачен играет
В море месяц молодой;
Так в источнике сверкает
Факел Геспера златой.[36]

Лишь фиал воды забвенья[37]
Поднесла к устам она —
Дней минувших привиденья
Скрылись легкой тенью сна.
Заблистала, полетела
К очарованным холмам,
Где журчат, как филомела,
Светлы воды по цветам.

Все в торжественном молчанье
Притаились ветерки;
Лавров стихло трепетанье;
Спят на розах мотыльки.
Так молчало всё творенье —
Море, воздух, берег дик, —
Зря пенистых вод рожденье,
Анадиомены лик.[38]

[36] *Геспер* — (в греческой мифологии) божество вечерней звезды. Геспер — одно из прозвищ планеты Венеры, утренний и вечерний восходы которой в древности считались сиянием разных звезд. В римской мифологии — Веспер.
[37] *Фиал* — (у древних греков) сосуд для питья с широким дном, чаша.
[38] *Анадиомена* — (греч., от *anadyein* вынырнуть). Прозвание Венеры, указывающее на то, что она вышла из морских волн.

Всюду яркий блеск Авроры,[39]
Никогда такой красой
Не сияли рощи, горы,
Обновленные весной;
Мирты с зыбкими листами
Тонут в пурпурных лучах;
Розы светлыми звездами
Отразилися в водах.

Так волшебный луч Селены[40]
В лес Карийский проникал,[41]
Где, ловитвой[42] утомленный,
Сладко друг Дианы спал;
Как струи ленивой ропот,
Как воздушной арфы звон,
Разливался в лесе шепот:
Пробудись, Эндимион![43]

1812

Пловец[44]

[39] *Аврора* — богиня утренней зари (рим. миф.).
[40] *Селена* (греч. Selene, от *selas* блеск, огненное явление) — богиня луны, то же, что Диана.
[41] *Кария* — юго-западная часть Малой Азии.
[42] *Ловитва* — охота.
[43] *Эндимион* — (в греческой мифологии) прекрасный юноша, спящий на горе Латмос в Карии. Он был возлюбленным Селены, богини луны, которая посещала его, когда он спал. Вечный сон Эндимиона связывали или с его собственным пожеланием, или с местью Зевса, хотя, по более распространенной версии, этот сон наслала Селена, чтобы беспрепятственно посещать возлюбленного.
[44] Это стихотворение, положенное на музыку А. А. Плещеевым, Жуковский исполнял на домашнем концерте в усадьбе Плещеевых 3 августа 1812 г. в присутствии Е. А. Протасовой и ее дочерей. Незадолго перед этим Жуковский просил у Е. А. Протасовой согласия на брак с ее дочерью Машей. Е. А. Протасова решительно отказала ему в этом и даже потребовала, чтобы он ничего не говорил о своих чувствах ее дочери. В романсе «Пловец» Е, А. Протасова усмотрела явственные намеки на отношение поэта к ее семье («три ангела» — это она сама и ее дочери). Расценив исполнение романса как непозволительное нарушение Жуковским ее требования молчать о любви к Маше, она принудила его покинуть Муратово.

Вихрем бедствия гонимый,
Без кормила[45] и весла,
В океан неисходимый
Буря челн мой занесла.
В тучах звездочка светилась;
«Не скрывайся!» — я взывал;
Непреклонная сокрылась;
Якорь был — и тот пропал.

Всё оделось черной мглою;
Всколыхалися валы;
Бездны в мраке предо мною;
Вкруг ужасные скалы.
«Нет надежды на спасенье!» —
Я роптал, уныв душой…
О безумец! Провиденье[46]
Было тайный кормщик твой.[47]

Невидимою рукою,
Сквозь ревущие валы,
Сквозь одеты бездны мглою
И грозящие скалы,
Мощный вел меня хранитель.
Вдруг — всё тихо! мрак исчез;
Вижу райскую обитель…
В ней трех ангелов небес.

О Спаситель-Провиденье!

---

[45] *Кормило* — руль судна.
[46] *Провиде́ние* — (в религии) высшая божественная сила, управляющая судьбами людей.
[47] *Кормщик* — рулевой, кормчий.

Скорбный ропот мой утих;
На коленах, в восхищенье,
Я смотрю на образ их.
О! кто прелесть их опишет?
Кто их силу над душой?
Всё окрест их небом дышит
И невинностью святой.

Неиспытанная радость —
Ими жить, для них дышать;
Их речей, их взоров сладость
В душу, в сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай все блага им вкусить;
Пусть им радость — мне страданье;
Но… не дай их пережить.

1812

* * *

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?

О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?[48]

1812

Светлана[49]

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый[50] воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.[51]

Тускло светится луна

[48] Отрывок из стихотворения «Певец во стане русских воинов».
[49] В качестве свадебного подарка «Светлана» посвящена племяннице Жуковского Александре Андреевне Протасовой, в замужестве Воейковой, сестре М. А. Протасовой-Мойер (прозвище «Светлана» осталось за А. А. Воейковой). Баллада представляет собой переработку «Леноры» Бюргера.
[50] *Ярый* — светлый.
[51] *Подблюдные песни* — народные песни, связанные со святочными гаданиями. Название объясняется тем, что под пение подблюдных песен из блюда или чаши с водой наугад вынимали кольцо или другую вещь, принадлежавшую кому-либо из участников гадания. Содержание исполняемой в это время песни якобы предсказывало его судьбу (удачу, свадьбу или же, наоборот, стародевство, несчастье, болезнь, смерть).

В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».[52]

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит…
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

[52] *Налой*, или *аналой* — род церковной утвари, высокий столик для книг и икон, перед которым совершался свадебный обряд.

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье…
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи…
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит…
Вот… легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами…
Занялся от страха дух…
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась… милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Йдут на широкий двор,
В ворота тесовы;[53]
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут

[53] *Тёс* — тонкие доски из древесины хвойных пород.

Повода шелковы.

Сели… кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут… пусто всё вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее[54] дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий…
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На средине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;

[54] *Вещий* — предвидящий будущее.

Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчалися… и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет…
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит…

Дверь шатнулася… скрыпит…
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;[55]
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой…
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло… вьюги нет…
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится…
Всё в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье…
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье…
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,

[55] *Запона* — завеса; покрывало.

Тихо вея, прилетел,
К ней на перси[56] тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом…
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится…
Сорвался́ покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворёны очи.
Вдруг… в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы…
Что же девица?.. Дрожит…
Гибель близко… но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крилы;
К мертвецу на грудь вспорхнул…
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами…
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах

[56] *Перси* — грудь, (женские) груди.

Смерть изобразилась…
Глядь, Светлана… о Творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;[57]
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит… Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий…
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;

[57] *Денница* — утренняя заря, утренняя звезда (планета Венера).

Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;[58]
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет…
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;[59]
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;

[58] *Рьяный* — ярый, горячий, усердный, ретивый.
[59] *Обет* — обещание, обязательство, налагаемое на себя из религиозных побуждений; клятвенное обещание.

Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в Провиденье.
Благ Зиждителя[60] закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана…
Будь, Создатель, ей покров![61]
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

1812

* * *

Вспомни, вспомни, друг мой милый,

[60] *Зиждитель* — созидатель, создатель.
[61] *Покров* — покрывало; покровительство, защита.

Как сей день приятен был!
Небо радостно светило!
Мнилось, целый мир делил
Наслаждение со мною!
Год минувший — тяжкий сон!
Смутной, горестной мечтою
Без возврата скрылся он.

Снова день сей возвратился,
Снова в сердце тишина!
Вид природы обновился —
И душа обновлена!
Что прошло — тому забвенье!
Верный друг души моей,
Нас хранило Провиденье!
Тот же с нами круг друзей!

О сопутник мой бесценный!
Мысль, что в мире ты со мной,
Неразлучный, неизменный, —
Будь хранитель в жизни мой!
В ней тобою всё мне мило!
В самой скорби страха нет!
Небо нас соединило!
Мы вдвоем покинем свет!

1813

Теон и Эсхин[62]

Эсхин возвращался к пенатам своим,
К брегам благовонным Алфея.[63]
Он долго по свету за счастьем бродил —
Но счастье, как тень, убегало.

И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот[64] —
Лишь сердце они изнурили;
Цвет жизни был сорван; увяла душа;
В ней скука сменила надежду.

Уж взорам его тихоструйный Алфей
В цветущих брегах открывался;
Пред ним оживились минувшие дни,
Давно улетевшая младость…

Всё те ж берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но где ж озарявшая некогда их
Волшебным сияньем Надежда?

Жилища Теонова ищет Эсхин.
Теон, при домашних пенатах,
В желаниях скромный, без пышных надежд,
Остался на бреге Алфея.

---

[62] Имена Теона (имеющий отношение к богу: «богоподобный», «богобоязненный») и Эсхина («стыдящийся») вымышлены и не встречаются в античной литературе и мифологии.
[63] *Пенаты* — боги домашнего очага в римской мифологии; *возвращался к Пенатам своим* — возвращался домой, к родному очагу. *Алфей* — крупнейшая река на Пелопоннесском полуострове, на юге Греции.
[64] *Вакх* («шумный») — Дионис, бог вина и веселья, покровитель виноградарства и виноделия. *Эрот* — бог любви.

Близ места, где в море втекает Алфей,
Под сенью олив и платанов,
Смиренную хижину видит Эсхин —
То было жилище Теона.

С безоблачных солнце сходило небес,
И тихое море горело;
На хижину сыпался розовый блеск,
И мирты окрестны алели.

Из белого мрамора гроб невдали,
Обсаженный миртами, зрелся;
Душистые розы и гибкий ясмин
Ветвями над ним соплетались.

На праге[65] сидел в размышленье Теон,
Смотря на багряное море, —
Вдруг видит Эсхина и вмиг узнает
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянет хранитель Зевес
На мирный возврат твой к пенатам!» —
С блистающим радостью взором Теон
Сказал, обнимая Эсхина.

И взгляд на него любопытный вперил —
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотрит Эсхин —

[65] *Праг* — порог.

Взор друга прискорбен, но ясен.

«Когда я с тобой разлучался, Теон,
Надежда сулила мне счастье;
Но опыт иное мне в жизни явил:
Надежда — лукавый предатель.

Скажи, о Теон, твой задумчивый взгляд
Не ту же ль судьбу возвещает?
Ужель и тебя посетила печаль
При мирных домашних пенатах?»

Теон указал, воздыхая, на гроб…
«Эсхин, вот безмолвный свидетель,
Что боги для счастья послали нам жизнь —
Но с нею печаль неразлучна.

О! нет, не ропщу на Зевесов закон:
И жизнь и вселенна прекрасны,
Не в радостях быстрых, не в ложных мечтах
Я видел земное блаженство.

Что может разрушить в минуту судьба,
Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: любовь
И сладость возвышенных мыслей —

Вот счастье; о друг мой, оно не мечта.
Эсхин, я любил и был счастлив;
Любовью моя освятилась душа,

И жизнь в красоте мне предстала.

При блеске возвышенных мыслей я зрел
Яснее великость творенья;
Я верил, что путь мой лежит по земле
К прекрасной, возвышенной цели.

Увы! я любил… и ее уже нет!
Но счастье, вдвоем столь живое,
Навеки ль исчезло? И прежние дни
Вотще ли столь были прелестны?

О! нет: никогда не погибнет их след;
Для сердца прошедшее вечно.
Страданье в разлуке есть та же любовь;
Над сердцем утрата бессильна.

И скорбь о погибшем не есть ли, Эсхин,
Обет неизменной надежды:
Что где-то в знакомой, но тайной стране
Погибшее нам возвратится?

Кто раз полюбил, тот на свете, мой друг,
Уже одиноким не будет…
Ах! свет, где *она* предо мною цвела, —
Он тот же: всё *ею* он полон.

По той же дороге стремлюся один
И к той же возвышенной цели,
К которой так бодро стремился вдвоем —

Сих уз не разрушит могила.

Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взором смотрю благодарным
На землю, где столько рассыпано благ,
На полное славы творенье.

Спокойно смотрю я с земли рубежа
На сторону лучшия жизни;
Сей сладкой надеждою мир озарен,
Как небо сияньем Авроры.

С сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мне земная священна;
При мысли великой, что я *человек,*
Всегда возвышаюсь душою.

А этот безмолвный, таинственный гроб…
О друг мой, он верный свидетель,
Что лучшее в жизни еще впереди,
Что *верно* желанное будет;

Сей гроб затворенная к счастию дверь;
Отворится… жду и надеюсь!
За ним ожидает сопутник меня,
На миг мне явившийся в жизни.

О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои —

Ты жизнь презирать научился.

С сим гибельным чувством ужасен и свет;
Дай руку: близ верного друга
С природой и жизнью опять примирись;
О! верь мне, прекрасна вселенна.

Всё небо нам дало, мой друг, с бытием:
Всё в жизни к великому средство;
И горесть и радость — всё к цели одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!»

1813

К самому себе

Ты унываешь о днях, невозвратно протекших,
Горестной мыслью, тоской безнадежной их призывая, —
Будь настоящее твой утешительный гений!
Веря ему, свой день проводи безмятежно!
Легким полетом несутся дни быстрые жизни!
Только успеем достигнуть до полныя зрелости мыслей,
Только увидим достойную цель пред очами —
Всё уж для нас прошло, как мечта сновиденья,
Призрак фантазии, то представляющей взору
Луг, испещренный цветами, веселые холмы, долины;
То пролетающей в мрачной одежде печали
Дикую степь, леса и ужасные бездны.
Следуй же мудрым! всегда неизменный душою,
Что посылает судьба, принимай и не сетуй! Безумно

Скорбью бесплодной о благе навеки погибшем
То отвергать, что нам предлагает минута!

1813

Максим[66]

Скажу вам сказку в добрый час!
Друзья, извольте все собраться!
Я рассмешу, наверно, вас —
Как скоро станете смеяться.

Жил-был Максим, он был неглуп;
Прекрасен так, что заглядеться!
Всегда он надевал тулуп —
Когда в тулуп хотел одеться.

Имел он очень скромный вид;
Был вежлив, не любил гордиться;
И лишь тогда бывал сердит —
Когда случалось рассердиться.

Максим за пятерых едал,
И более всего окрошку;
И рот уж, верно, раскрывал —
Когда в него совал он ложку.

[66] Перевод французского шуточного стихотворения-куплетов «Monsieur de la Palice» («Господин де ла Палис»). Для названия стихотворения Жуковский взял имя своего старого слуги Максима, которого он в 1823 г. отпустил на волю.

Он был кухмистер[67], господа,
Такой, каких на свете мало, —
И без яиц уж никогда
Его яишниц не бывало.

Красавиц восхищал Максим
Губами пухлыми своими;
Они, бывало, все за ним —
Когда гулял он перед ними.

Максим жениться рассудил,
Чтоб быть при случае рогатым;
Но он до тех пор холост был —
Пока не сделался женатым.

Осьмое чудо был Максим
В оригинале и портрете;
Никто б не мог сравниться с ним —
Когда б он был один на свете.

Максим талантами блистал
И просвещения дарами;
И вечно прозой сочинял —
Когда не сочинял стихами.

Он жизнь свободную любил,
В деревню часто удалялся;
Когда же он в деревне жил —

[67] *Кухмистер* — главный повар, в частности: повар, приглашаемый по какому-нибудь торжественному случаю, с его посудой, прислугой и проч.

То в городе не попадался.

Всегда учтивость сохранял,
Был обхождения простова;
Когда он в обществе молчал —
Тогда не говорил ни слова.

Он бегло по складам читал,
Читая, шевелил губами;
Когда же книгу в руки брал —
То вечно брал ее руками.

Однажды бодро поскакал
Он на коне по карусели,
И тут себя он показал —
Всем тем, кто на него смотрели.

Ни от кого не трепетал,
А к трусости не знал и следу;
И вечно тех он побеждал —
Над кем одерживал победу.

Он жив еще и проживет
На свете, сколько сам рассудит;
Когда ж, друзья, Максим умрет —
Тогда он, верно, жив не будет.

1814

Славянка[68]

(Элегия)

Славянка тихая, сколь ток приятен твой,
Когда, в осенний день, в твои глядятся воды
Холмы, одетые последнею красой
Полуотцветшия природы.

Спешу к твоим брегам… свод неба тих и чист;
При свете солнечном прохлада повевает;
Последний запах свой осыпавшийся лист
С осенней свежестью сливает.

Иду под рощею излучистой тропой;
Что шаг, то новая в глазах моих картина;
То вдруг сквозь чащу древ мелькает предо мной,
Как в дыме, светлая долина;

То вдруг исчезло всё… окрест сгустился лес;
Всё дико вкруг меня, и сумрак и молчанье;
Лишь изредка, струей сквозь темный свод древес

[68] *Славянка* — река в Павловске. Здесь описываются некоторые виды ее берегов, и в особенности два памятника, произведение знаменитого Мартоса. Первый из них воздвигнут государынею вдовствующею императрицею в честь покойного императора Павла. В уединенном храме, окруженном густым лесом, стоит пирамида: на ней медальон с изображением Павла; перед ним гробовая урна, к которой преклоняется величественная женщина в короне и порфире царской; на пьедестале изображено в барельефе семейство императорское: государь Александр представлен сидящим; голова его склонилась на правую руку, и левая рука опирается на щит, на коем изображен двуглавый орел; в облаках видны две тени: одна летит на небеса, другая летит с небес, навстречу первой. — Спустясь к реке Славянке (сливающейся перед самым дворцом в небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется *семейственною,* ибо в ней каждое дерево означает какое-нибудь радостное происшествие в высоком семействе царском. Посреди рощи стоит уединенная *урна Судьбы.* Далее, на самом берегу Славянки, под тенью дерев, воздвигнут прекрасный памятник великой княгине Александре Павловне. Художник умел в одно время изобразить и прелестный характер и безвременный конец ее; вы видите молодую женщину, существо более небесное, нежели земное; она готова покинуть мир сей; она еще не улетела, но душа ее смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взоры и рука ее, подъятые к небесам, как будто говорят: *да будет воля твоя.* Жизнь, в виде юного Гения, простирается у ее ног и хочет удержать летящую; но она ее не замечает; она повинуется одному Небу — и уже над головой ее сияет звезда новой жизни. (Прим. Жуковского.)

Прокравшись, днéвное сиянье

Верхи поблеклые и корни золотит;
Лишь, сорван ветерка минутным дуновеньем,
На сумраке листок трепещущий блестит,
Смущая тишину паденьем…

И вдруг пустынный храм в дичи́ передо мной;
Заглохшая тропа; кругом кусты седые;
Между багряных лип чернеет дуб густой
И дремлют ели гробовые.

Воспоминанье здесь унылое живет;
Здесь, к урне преклонясь задумчивой главою,
Оно беседует о том, чего уж нет,
С неизменяющей Мечтою.

Всё к размышленью здесь влечет невольно нас;
Всё в душу томное уныние вселяет;
Как будто здесь она из гроба важный глас
Давно минувшего внимает.

Сей храм, сей темный свод, сей тихий мавзолей,
Сей факел гаснущий и долу обращенный,
Всё здесь свидетель нам, сколь блага наших дней,
Сколь все величия мгновенны.

И нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы:
Сей витязь, на руку склонившийся главой;

Сей громоносец двоеглавый,

Под шуйцей[69] твердою седящий на щите;
Сия печальная семья кругом царицы;
Сии небесные друзья на высоте,
Младые спутники денницы…

О! сколь они, в виду сей урны гробовой,
Для унывающей души красноречивы:
Тоскуя ль полетит она за край земной —
Там все утраченные живы;

К земле ль наклонит взор — великий ряд чудес;
Борьба за честь; народ, покрытый блеском славным;
И мир, воскреснувший по манию небес,
Спокойный под щитом державным.

Но вкруг меня опять светлеет частый лес;
Опять река вдали мелькает средь долины,
То в свете, то в тени, то в ней лазурь небес,
То обращенных древ вершины.

И вдруг открытая равнина предо мной;
Там мыза,[70] блеском дня под рощей озаренна;
Спокойное село над ясною рекой,
Гумно и нива обнаженна.

[69] *Шуйца* — левая рука (*десница* — правая).
[70] Мыза (фин. *moisio*) — загородный дом, дача с собственным отдельным хозяйством (в местностях, прилегающих к Финляндии).

Всё здесь оживлено: с овинов[71] дым седой,
Клубяся, по браздам ложится и редеет,
И нива под его прозрачной пеленой
То померкает, то светлеет.

Там слышен на току согласный стук цепов;
Там песня пастуха и шум от стад бегущих;
Там медленно, скрипя, тащится ряд возов,
Тяжелый груз снопов везущих.

Но солнце катится беззнойное с небес;
Окрест него закат спокойно пламенеет;
Завесой огненной подернут дальний лес;
Восток безоблачный синеет.

Спускаюсь в дол к реке: брег темен надо мной,
И на воды легли дерев кудрявых тени;
Противный брег горит, осыпанный зарей;
В волнах блестят прибрежны сени;

То отраженный в них сияет мавзолей;
То холм муравчатый, увенчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими ветвями,

Сенистую главу купает в их струях;
Здесь храм между берез и яворов мелькает;[72]
Там лебедь, притаясь у берега в кустах,

[71] *Овин* — строение, приспособленное для огневой сушки хлебов в снопах перед молотьбой.
[72] Имеется в виду Храм Дружбы — парковый павильон типа ротонды.

Недвижим в сумраке сияет.

Вдруг гладким озером является река;
Сколь здесь ее брегов пленительна картина;
В лазоревый кристалл[73] слиясь вкруг челнока,
Яснеет вод ее равнина.

Но гаснет день… в тени склонился лес к водам;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихим их верхам
Заря багряной полосою;

Лишь ярко заревом восточный брег облит,
И пышный дом царей на скате озлащенном,
Как исполин, глядясь в зерцало вод, блестит
В величии уединенном.

Но вечер на него покров накинул свой,
И рощи и брега, смешавшись, побледнели;
Последни облака, блиставшие зарей,
С небес, потухнув, улетели.

И воцарилася повсюду тишина;
Всё спит… лишь изредка в далекой тьме промчится
Невнятный глас… или колы́хнется волна…
Иль сонный лист зашевелится.

Я на брегу один… окрестность вся молчит…

[73] *Кристалл* — хрусталь; традиционное в европейской поэзии поэтическое название речной или озерной воды.

Как привидение, в тумане предо мною
Семья младых берез недвижимо стоит
Над усыпленною водою.

Вхожу с волнением под их священный кров;
Мой слух в сей тишине приветный голос слышит;
Как бы эфирное[74] там веет меж листов,
Как бы невидимое дышит;

Как бы сокрытая под юных древ корой,
С сей очарованной мешаясь тишиною,
Душа незримая подъемлет голос свой
С моей беседовать душою.

И некто урне сей безмолвный приседит;[75]
И, мнится, на меня вперил он темны очи;
Без образа лицо, и зрак[76] туманный слит
С туманным мраком полуночи.

Смотрю… и, мнится, всё, что было жертвой лет,
Опять в видении прекрасном воскресает;
И всё, что жизнь сулит, и всё, чего в ней нет,
С надеждой к сердцу прилетает.

Но где он?.. Скрылось всё… лишь только в тишине
Как бы знакомое мне слышится призванье,
Как будто Гений путь указывает мне
На неизвестное свиданье.

---

[74] *Эфирное* — небесное.
[75] *Приседеть* — сидеть с кем-либо; участвовать; находиться около чего-либо.
[76] *Зрак* — взор; вид, образ, облик.

О! кто ты, тайный вождь? душа тебе вослед!
Скажи: бессмертный ли пределов сих хранитель
Иль гость минутный их? Скажи: земной ли свет
Иль небеса твоя обитель?..

И ангел от земли в сияньи предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
Горит звезда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сын небес;
Младая Жизнь в слезах простерта пред тобою…
Но где я?.. Всё вокруг молчит… призра́к исчез,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта в душе моей:
Как будто мир земной в ничто преобратился;
Как будто та страна знакомей стала ей,
Куда сей чистый ангел скрылся.

1815

Голос с того света[77]

Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла…
О друг, я всё земное совершила;

[77] Вольный перевод стихотворения Шиллера «Thekla. Eine Geisterstimme» («Текла. Посмертный голос»). Текла — героиня трагедии Шиллера «Валленштейн».

Я на земле любила и жила.

Нашла ли их? Сбылись ли ожиданья?
Без страха верь; обмана сердцу нет;
Сбылося всё; я в стороне свиданья;
И знаю *здесь,* сколь *ваш* прекрасен свет.

Друг, на *земле* великое не тщетно;
Будь тверд, а *здесь* тебе не изменят;
О милый, *здесь* не будет безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай: минувшее с тобою;
Незрима я, но в мире мы одном;
Будь верен мне прекрасною душою;
Сверши *один* начатое *вдвоем.*

1815

Песня

Розы расцветают,
Сердце, отдохни;
Скоро засияют
Благодатны дни.
Всё с зимой ненастной
Грустное пройдет;
Сердце будет ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцветет.

Розы расцветают —
Сердце, уповай;
Есть, нам обещают,
Где-то лучший край.
Вечно молодая
Там весна живет;
Там, в долине рая,
Жизнь для нас иная
Розой расцветет.

1815

Сон[78]

Заснув на хóлме луговом,
Вблизи большой дороги,
Я унесен был легким сном
Туда, где жили боги.

Но я проснулся наконец
И смутно озирался:
Дорогой шел младой певец
И с пеньем удалялся.

Вдали пропал за рощей он —
Но струны всё звенели.
Ах! не они ли дивный сон

[78] Перевод стихотворения Уланда «Sängers Vorüberziehn» («Промелькнувший певец»), с небольшими отступлениями от подлинника.

Мне на душу напели?

1816

Песня бедняка[79]

Куда мне голову склонить?
Покинут я и сир;
Хотел бы весело хоть раз
Взглянуть на Божий мир.

И я в семье моих родных
Когда-то счастлив был;
Но горе спутник мой с тех пор,
Как я их схоронил.

Я вижу замки богачей
И их сады кругом…
Моя ж дорога мимо их
С заботой и трудом.

Но я счастливых не дичусь;
Моя печаль в тиши;
Я всем веселым рад сказать:
Бог помочь! от души.

О щедрый Бог, не вовсе ж я
Тобою позабыт;
Источник милости Твоей

[79] Перевод одноименного стихотворения Уланда «Lied eines Armen».

Для всех равно открыт.

В селенье каждом есть Твой храм
С сияющим крестом,
С молитвой сладкой и с Твоим
Доступным алтарем.

Мне светит солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовест,[80] с Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будет добрым пир
В небесной стороне;
Там буду праздновать и я;
Там место есть и мне.

1816

Весеннее чувство

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?

[80] *Бла́говест* — звон в один (средний) колокол, извещающий о церковной службе.

Я смотрю на небеса…
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.

Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка, странник поднебесный,
Всё еще сей неизвестный
Край *желанного* сокрыт?..
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет,
Очарованное *Там?*

1816

* * *[81]

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но всё с тобой
Душой.

[81] Вольный перевод стихотворения Шатобриана «Combien j'ai douce souvenance…» («Как сладко мне воспоминание…»), входящего в его повесть «История последнего из Абенсераджей».

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росою,
Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Всё там!..

1816

К месяцу[82]

Снова лес и дол покрыл
Блеск туманный твой:
Он мне душу растворил
Сладкой тишиной.

Ты блеснул… и просветлел

[82] Перевод одноименного стихотворения Гёте «An den Mond».

Тихо темный луг:
Так улыбкой наш удел
Озаряет друг.

Скорбь и радость давних лет
Отозвались мне,
И минувшего привет
Слышу в тишине.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь уж отцвела;
Так надежды пронеслись;
Так любовь ушла.

Ах! то было и моим,
Чем так сладко жить,
То, чего, расставшись с ним,
Вечно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
С одинокою моей
Лирой согласуй.

Счастлив, кто от хлада лет
Сердце охранил,
Кто без ненависти свет
Бросил и забыл,

Кто дели́т с душой родной,

Втайне от людей,
То, что презрено толпой
Или чуждо ей.

1817

Рыбак[83]

Бежит волна, шумит волна!
Задумчив, над рекой
Сидит рыбак; душа полна
Прохладной тишиной.
Сидит он час, сидит другой;
Вдруг шум в волнах притих...
И влажною всплыла главой
Красавица из них.

Глядит она, поет она:
«Зачем ты мой народ
Манишь, влечешь с родного дна
В кипучий жар из вод?
Ах! если б знал, как рыбкой жить
Привольно в глубине,
Не стал бы ты себя томить
На знойной вышине.

Не часто ль солнце образ свой
Купает в лоне вод?
Не свежей ли горит красой

[83] Перевод одноименной баллады Гёте.

Его из них исход?
Не с ними ли свод неба слит
Прохладно-голубой?
Не в лоно ль их тебя манит
И лик твой молодой?»

Бежит волна, шумит волна...
На берег вал плеснул!
В нем вся душа тоски полна,
Как будто друг шепнул!
Она поет, она манит —
Знать, час его настал!
К нему она, он к ней бежит...
И след навек пропал.

1818

Лесной царь[84]

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой.
— О нет, то белеет туман над водой.

[84] Перевод баллады Гёте «Erlkönig» («Ольховый король»).

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

— Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.[85]
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

— Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.
— О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне.

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
— Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

[85] *Перл* — жемчуг.

1818

Листок[86]

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор, по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете *всё* стремится,
Куда и лист лавровый мчится
И легкий розовый листок».

1818

Песня

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;

[86] Перевод одноименного стихотворения Арно «La feuille» Стихотворение «La feuille» было написано тогда, когда его автор, бонапартист, находился в изгнании во время Реставрации; судьбу листка читатели и критики сопоставляли с судьбой поэта и других политических изгнанников, гонимых деспотизмом. Пушкин, в статье 1836 г. «Французская академия», писал о «Листке» Арно: «Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своею смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов…»

И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде,*
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не у́зрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

1818

На кончину ее величества королевы Виртембергской[87]

Элегия

[87] Некоторые стихи сей элегии покажутся непонятными для читателя, если не будет он знать обстоятельств того печального происшествия, которое в ней описано. Кончина незабвенной Екатерины была разительно неожиданная: она ужасно напомнила нам о неверности земного величия и счастья. Еще никакое известие о потере нашей не могло до нас достигнуть, а уже какое-то неизъяснимое предчувствие распространило пророческие о ней слухи, и горестная истина скоро их подтвердила. (Прим. автора).
Королева Виртембергская Екатерина Павловна — сестра Александра I, внезапно скончавшаяся в Штутгарте 28 декабря 1818 г.

Ты улетел, небесный посетитель;
Ты погостил недолго на земли;
Мечталось нам, что *здесь* твоя обитель;
Навек *своим* тебя мы нарекли…
Пришла Судьба, свирепый истребитель,
И вдруг следов твоих уж не нашли:
Прекрасное погибло в пышном цвете…
Таков удел прекрасного на свете!

Губителем, неслышным и незримым,
На всех путях Беда нас сторожит;
Приюта нет главам, равно грозимым;
Где не была, там будет и сразит.
Вотще дерзать в борьбу с необходимым:
Житейского никто не победит;
Гнетомы все единой грозной Силой;
Нам всем сказать о здешнем счастье: *было!*

Но в свой черед с деревьев обветшалых
Осенний лист, отвянувши, падет;
Слагая жизнь старик с рамен[88] усталых
Ее, как долг, могиле отдает;
К страдальцу Смерть на прах надежд увялых,
Как званый друг, желанная, идет…
Природа здесь верна стезе привычной:
Без ужаса берем удел обычный.

Но если вдруг, нежданная, вбегает
Беда в семью играющих Надежд;

[88] *Рамена́* — плечи (*рамо* — плечо).

Но если жизнь изменою слетает
С веселых, ей лишь миг знакомых вежд[89]
И Счастие младое умирает,
Еще не сняв и праздничных одежд…
Тогда наш дух объемлет трепетанье
И силой в грудь врывается роптанье.

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно…
Почто ж мы здесь мечтами так богаты,
Когда мечтам не сбыться суждено?
Внимая глас Надежды, нам поющей,
Не слышим мы шагов Беды грядущей.

Кого спешишь ты, Прелесть молодая,
В твоих дверях так радостно встречать?[90]
Куда бежишь, ужасного не чая,
Привыкшая с сей жизнью лишь играть?
Не радость — Весть стучится гробовая…
О! подожди сей праг переступать;
Пока ты здесь — ничто не умирало;
Переступи — и милое пропало.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая все таинства утрат,

[89] *Вежды* — веки.
[90] Автор имел честь находиться у ее императорского высочества великой княгини Александры Федоровны за минуту перед тем, как она узнала о кончине королевы. Вдруг, посреди веселого, спокойного разговора, послышался стук в дверях, потом голос великого князя. Ее высочество с веселым лицом вышла к нему, и за порогом дверей встретило ее страшное известие. (Прим. автора).

И ты спешишь с надеждой на свиданье…[91]

Ах! удались от входа сих палат;

Отложено навек торжествованье;

Счастливцы там тебя не угостят;

Ты посетишь обитель уж пустую…

Смерть унесла хозяйку молодую.

Из дома в дом по улицам столицы

Страшилищем скитается Молва;[92]

Уж прорвалась к убежищу царицы;

Уж шепчет там ужасные слова;

Трепещет всё, печалью бледны лицы…

Но мертвая для матери жива;

В ее душе спокойствие незнанья;

Пред ней мечта недавнего свиданья.

О Счастие, почто же на отлете

Ты нам в лицо умильно так глядишь?

Почто в своем предательском привете,

Спеша от нас: *я вечно!* говоришь;

И к милому, уж *бывшему* на свете,

Нас прелестью нежнейшею манишь?..

Увы! в тот час, как матерь ты пленяло,

Ты только дочь на жертву украшало.

---

[91] Государыне императрице Елисавете Алексеевне определено было испытать весь ужас неожиданной потери. Ее величество, ничего не предчувствуя, ехала в Штутгарт на веселое свидание с королевою: но она должна была воротиться с последней станции; ибо той, которая ждала ее, которую она надеялась обнять, уже не было на свете. (Прим. автора).

[92] Весь Петербург поражен был ужасною вестью, а сердце матери было спокойно: его еще наполняла свежая радость недавнего свидания; наконец общая печаль и несколько слов, приготовляющих к узнанию неизбежного, пробудили в нем тревогу: оно уже открывалось для принятия скорби, но случай, жестокая игра судьбы, снова его ободрил: пришло письмо из Штутгарта, писанное королевою, можно сказать, за минуту до разлуки ее с жизнью, и мертвая воскресла для матери, воскресла на минуту, чтобы в другой раз умереть для нее и живее разорвать ее душу после мгновенной, мучительно-обманчивой радости. (Прим. автора).

И, нас губя с холодностью ужасной,
Еще Судьба смеяться любит нам;
Ее уж нет, сей жизни столь прекрасной…
А мать, склонясь к обманчивым листам,
В них видит дочь надеждою напрасной,
Дарует жизнь безжизненным чертам,
В них голосу умолкшему внимает,
В них воскресить умершую мечтает.

Скажи, скажи, супруг осиротелый,
Чего над ней ты так упорно ждешь?[93]
С ее лица приветное слетело;
В ее глазах узнанья не найдешь;
И в руку ей рукой оцепенелой
Ответного движенья не вожмешь.
На голос чад зовущих недвижима…
О! верь, отец, она невозвратима.

Запри навек ту мирную обитель,
Где спутник твой тебе минуту жил;
Твоей души свидетель и хранитель,
С кем жизни долг не столько бременил,

[93] Король с каким-то упрямством отчаяния долго не хотел и не мог верить своей утрате: долго сидел он над бездыханным телом супруги, сжавши в руках своих охладевшую руку ее, и ждал, что она откроет глаза. Окруженный ее детьми, он шел за ее гробом. Не долго она украшала трон свой, не долго была радостью нового своего отечества; но милая память ее хранима любовью благодарною. Близ Штутгарта есть высокий холм (Rothenberg), на котором некогда стоял прародительский замок фамилии Виртембергской — время его разрушило; но теперь, на месте его развалин, воздвигнуто здание, столь же разительно напоминающее о непрочности всех земных величий, церковь, в которой должны храниться останки нашей Екатерины: прекрасная ротонда с четырьмя портиками. Памятник необыкновенно трогательный: с порога этого надгробного храма восхитительный вид на живую, всегда неизменную природу. В штутгартской русской церкви, в которую приходила молиться Екатерина, все осталось (1821), как было при ней; кресла ее стоят на прежнем своем месте. Нельзя без грустного чувства смотреть на образ, которым в последний раз благословил ее государь император: на нем изображен святый Александр Невский, видны Нева, Зимний дворец, и над ними радуга — светлое, но *минутное* украшение здешнего неба. (Прим. автора).

Советник дум, прекрасного делитель,
Слабеющих очарователь сил —
С полупути ушел он от земного,
От бытия прелестно молодого.

И вот — сия минутная царица,
Какою смерть ее нам отдала;
Отторгнута от скипетра десница:
Развенчано величие чела;
На страшный гроб упала багряница,[94]
И жадная судьбина пожрала
В минуту всё, что было так прекрасно,
Что всех влекло, и так влекло напрасно.

Супруг, зовут! иди на расставанье!
Сорвав с чела супружеский венец,
В последнее земное провожанье
Ведя сирот за матерью, вдовец;
Последнее отдайте ей лобзанье;
И там, где всем свиданиям конец,
Невнемлющей *прости* свое скажите
И в землю с ней все блага положите.

Прости ж, наш цвет, столь пышно восходивший, —
Едва зарю успел ты перецвесть.
Ты, Жизнь, прости, красавец не доживший;
Как радости обманчивая весть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,

[94] *Багряница* — надевавшаяся в старину в торжественных случаях царская одежда из дорогой ткани багряного цвета; порфира.

Не дав и дня надежде перечесть.
Простите вы, благие начинанья,
Вы, славных дел напрасны упованья…

Но мы… смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою дерзнем ли презирать?
О нет, главу подставивши смиренно,
Чтоб ношу бед от Промысла принять,
Себя отдав руке неоткровенной,
Не мни Творца, страдалец, вопрошать;
Слепцом иди к концу стези ужасной…
В последний час слепцу всё будет ясно.

Земная жизнь небесного наследник;
Несчастье нам учитель, а не враг;
Спасительно-суровый собеседник,
Безжалостный разитель бренных благ,
Великого понятный проповедник,
Нам об руку на тайный жизни праг
Оно идет, всё руша перед нами
И скорбию дружа нас с небесами.

Здесь радости — не наше обладанье;
Пролетные пленители земли
Лишь по пути заносят к нам преданье
О благах, нам обещанных вдали;
Земли жилец безвыходный — Страданье;
Ему на часть[95] Судьбы́ нас обрекли;
Блаженство нам по слуху лишь знакомец;

[95] *Часть* — участь, доля.

Земная жизнь — страдания питомец.

И сколь душа велика сим страданьем!
Сколь радости при нем помрачены!
Когда, простясь свободно с упованьем,
В величии покорной тишины,
Она молчит пред грозным испытаньем,
Тогда… тогда с сей светлой вышины
Вся Промысла ей видима дорога;
Она полна понятного ей Бога.

О! матери печаль непостижима,
Смиряются все мысли пред тобой!
Как милое сокровище, таима,
Как бытие, слиянная с душой,
Она с одним лишь небом разделима…
Что ей сказать дерзнет язык земной?
Что мир с своим презренным утешеньем
Перед ее великим вдохновеньем?

Когда грустишь, о матерь, одинока,
Скажи, тебе не слышится ли глас,
Призывное несущий издалека,
Из той страны, куда всё манит нас,
Где милое скрывается до срока,
Где возвратим отнятое на час?
Не сходит ли к душе благовеститель,
Земных утрат и неба изъяснитель?

И в горнее унынием влекома,

Не верою ль душа твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческого дома
Лишь только вход земная сторона?
Что милая небесная знакома
И ждущею семьей населена?
Всё тайное не зрится ль откровенным,
А бытие великим и священным?

Внемли ж: когда молчит во храме пенье
И вышних сил мы чувствуем нисход;
Когда в алтарь на жертвосовершенье
Сосуд Любви сияющий грядет;[96]
И на тебя с детьми благословенье
Торжественно мольба с небес зовет;
В час таинства, когда союзом тесным
Соединен житейский мир с небесным, —

Уже в сей час не будет, как бывало,
Отшедшая твоя наречена;
Об ней навек земное замолчало;
Небесному она передана;
Задернулось за нею покрывало…
В божественном святилище она,
Незрима нам, но видя нас оттоле,
Безмолвствует при жертвенном престоле.

Святый символ надежд и утешенья!
Мы все стоим у та́инственных врат;

[96] Имеется в виду евхаристия (греч. «благодарение»), причастие. Во время богослужения христиане вкушают освященные хлеб и вино, которые, согласно вероучению, становятся истинными Телом и Кровью Иисуса Христа.

Опущена завеса Провиденья;
Но проникать ее дерзает взгляд;
За нею скрыт предел соединенья;
Из-за нее, мы слышим, говорят:
«Мужайтеся; душою не скорбите!
С надеждою и с верой приступите!»

1819

Цвет завета[97]

Мой милый цвет, былинка полевая,
Скорей покинь приют твой луговой:
Теперь тебя рука нашла родная;
Доселе ты с непышной красотой
Цвела в тиши, очей не привлекая
И путника не радуя собой;
Ты здесь была желанью неприметна,
Чужда любви и сердцу безответна.

Но для меня твой вид — очарованье;
В твоих листах вся жизнь минувших лет;
В них милое цветет воспоминанье;
С них веет мне давнишнего привет;

[97] Стихотворение написано по желанию ученицы Жуковского, великой княгини Александры Федоровны, и содержит намеки на события в жизни царской семьи. Посылая текст этого стихотворения П. А. Вяземскому, А. И. Тургенев писал: «Посылаю тебе стихи Жуковского, написанные по заказу великой княгини. Она же дала и тему на немецком: „Ländler-Gras“, у немцев — цвет завета. Чего не выразит чародей Жуковский! В сем „Цветке“ соединяется воспоминание прошедшего с таинственностью будущего. Он часто означает какую-нибудь эпоху или минуту жизни, например свидание или разлуку. Знаменование его скорее понять, нежели объяснить можно». Ознакомившись со стихотворением, П. А. Вяземский пишет (7 августа 1819): «Этот обер-черт Жуковский!.. Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем — так, я понимаю; но чувствовать живо, дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого не могу!»

Смотрю… и всё, что мило, на свиданье
С моей душой, к тебе, родимый цвет,
Воздушною слетелося толпою,
И прошлое воскресло предо мною.

И всех друзей душа моя узнала…
Но где ж они? На миг с путей земных
На север мой мечта вас прикликала,
Сопутников младенчества родных…
Вас жадная рука не удержала,
И голос ваш, пленив меня, затих.
О, будь же вам заменою свиданья
Мой северный цветок воспоминанья!

Он вспомнит вам союза час священный,
Он возвратит вам прошлы времена…
О сладкий час! о вечер незабвенный!
Как Божий рай, цвела там сторона;
Безоблачен был запад озаренный,
И свежая на землю тишина,
Как ясное предчувствие, сходила;
Природа вся с душою говорила.

И к нам тогда, как Гений, прилетало
За песнею веселой старины
Прекрасное, что некогда бывало
Товарищем младенческой весны;
Отжившее нам снова оживало;
Минувших лет семьей окружены,
Всё лучшее мы зрели настоящим;

И время нам казалось нелетящим.

И *Верная* была незримо с нами…
Сии окрест волшебные места,
Сей тихий блеск заката за горами,
Сия небес вечерних чистота,
Сей мир души, согласный с небесами,
Со всем была, как таинство, слита
Ее душа присутствием священным,
Невидимым, но сердцу откровенным.

И нас *Ее* любовь благословляла;
И ободрял на благо тихий глас…
Друзья, тогда Судьба еще молчала
О жребиях, назначенных для нас;
Неизбранны, на дне ее фиала
Они еще таились в оный час;
Играли мы на тайном праге света…
Тогда был дан вам мною *цвет завета.*

И где же вы?.. Разрознен круг наш тесный;
Разлучена веселая семья;
Из области младенчества прелестной
Разведены мы в разные края…
Но розно ль мы? Повсюду в поднебесной,
О верные, далекие друзья,
Прекрасная всех благ земных примета,
Для нас цветет наш милый цвет завета.

Из северной, любовию избранной

И Промыслом указанной страны
К вам ныне шлю мой дар обетованный;
Да скажет он друзьям моей весны,
Что выпал мне на часть удел желанный:
Что младости мечты совершены;
Что не вотще[98] доверенность к надежде
И что *Теперь* пленительно, как *Прежде.*

Да скажет он, что в наш союз прекрасный
Еще один товарищ приведен…
На путь земной из люльки безопасной
Нам подает младую руку он;
Его лицо невинностию ясно,
И жизнь над ним как легкий веет сон;
Беспечному предав его веселью,
Судьба молчит над тихой колыбелью.

Но сладостным предчувствием теснится
На сердце мне грядущего мечта:
Младенчества веселый сон промчится,
Разоблачат житейское лета,
Огнем души сей взор воспламенится
И мужески созреет красота;
Дойдут к нему возвышенные вести
О праотцах, о доблести, о чести…

О! да поймет он их знаменованье,
И жизнь его да будет им верна!
Да перейдет, как чистое преданье

[98] *Вотще́* — напрасно.

Прекрасных дел, в другие времена!
Что б ни было судьбы обетованье,[99]
Лишь благом будь она освящена!..
Вы ж, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.

А ты, наш цвет, питомец скромный луга,
Симво́л любви и жизни молодой,
От севера, от запада, от юга
Летай к друзьям желанною молвой;
Будь голосом, приветствующим друга;
Посол души, внимаемый душой,
О верный цвет, без слов беседуй с нами
О том, чего не выразить словами.

1819

К мимопролетевшему знакомому гению[100]

Скажи, кто ты, пленитель безымянный?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?

Не ты ли тот, который жизнь младую
Так сладостно мечтами усыплял
И в старину про гостью неземную —
Про милую надежду ей шептал?

[99] *Обетованье* — обещанье.
[100] Вольный перевод стихотворения Шеллинга «Lied» («Песня»).

Не ты ли тот, кем всё во дни прекрасны
Так жило там, в счастливых тех краях,
Где луг душист, где воды светло-ясны,
Где весел день на чистых небесах?

Не ты ль во грудь с живым весны дыханьем
Таинственной унылостью влетал,
Ее теснил томительным желаньем
И трепетным весельем волновал?

Поэзии священным вдохновеньем
Не ты ль с душой носился в высоту,
Пред ней горел божественным виденьем,
Разоблачал ей жизни красоту?

В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда беседой сердца был,
Его смирял утехою случайной
И тихою надеждою целил?

И не тебе ль всегда она внимала
В чистейшие минуты бытия,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Бог свидетель был ея?

Какую ж весть принес ты, мой пленитель?
Или опять мечтой лишь поманишь
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастии шепнешь и замолчишь?

О Гений мой, побудь еще со мною;
Бывалый друг, отлетом не спеши;
Останься, будь мне жизнию земною;
Будь ангелом-хранителем души.

1819

Невыразимое

(Отрывок)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью…
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена, —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать —

И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам — сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —
Сии столь *яркие черты* —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотою —
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,

Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие Создателя в созданье —
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Всё необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

1819

* * *

Взошла заря. Дыханием приятным
Сманила сон с моих она очей;
Из хижины за гостем благодатным
Я восходил на верх горы моей;
Жемчу́г росы по травкам ароматным
Уже блистал младым огнем лучей,
И день взлетел, как гений светлокрылый!
И жизнью всё живому сердцу было.

Я восходил; вдруг тихо закурился
Туманный дым в долине над рекой;
Густел, редел, тянулся, и клубился,
И вдруг взлетел, крылатый, надо мной,
И яркий день с ним в бледный сумрак слился,
Задернулась окрестность пеленой,
И, влажною пустыней окруженный,
Я в облаках исчез, уединенный…

1819

Подробный отчет о Луне[101]

Послание к государыне императрице Марии Федоровне

.....

Довольно; всё пересчитать

[101] Отрывок из стихотворения Жуковского (собственно описание луны).
Примечание автора: Прекрасная лунная ночь в Павловске подала повод написать это послание. Государыне императрице угодно было дать заметить поэту красоту этой ночи, и он, исчислив разные прежде им сделанные описания луны, признается в стихах своих, что никоторая из этих описанных лун не была столь прелестна, как та, которая в ту ночь освещала павловские рощи и воды.

Мне трудно с Музою ленивой;
К тому ж, ей долг велит правдивый
Вам, государыня, сказать,
Что сколько раз она со мною,
Скитаясь в сумраке ночей,
Ни замечала за луною:
Но всё до сей поры мы с ней
Луны такой не подглядели,
Какою на небе ночном,
В конце прошедшия недели,
Над чистым павловским прудом
На колоннаде любовались;
Давно, давно не наслаждались
Мы тихим вечером таким;
Казалось всё преображенным;
По небесам уединенным,
Полупотухшим и пустым,
Ни облачка не пролетало;
Ни колыхания в листах;
Ни легкой струйки на водах;
Всё нежилось, всё померкало;
Лишь ярко звездочка одна,
Лампадою гостеприимной
На крае неба зажжена,
Мелькала нам сквозь запад дымный,
И светлым лебедем луна
По бледной синеве востока
Плыла, тиха и одинока;
Под усыпительным лучом
Всё предавалось усыпленью —

Лишь изредка пустым путем,
Своей сопутствуемый тенью,
Шел запоздалый пешеход,
Да сонной пташки содроганье,
Да легкий шум плеснувших вод
Смущали вечера молчанье.
В зерцало ровного пруда
Гляделось мирное светило,
И в лоне чистых вод тогда
Другое небо видно было,
С такой же ясною луной,
С такой же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящий,
Крылом неслышным ветерок
Дотронувшись до влаги спящей,
Слегка наморщивал поток:
Луна звездáми рассыпалась;
И смутною во глубине
Тогда краса небес являлась,
Толь мирная на вышине…
.....

Песня[102]

Отымает наши радости
Без замены хладный свет;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснет с чувством жертвой лет;

[102] Вольный перевод стихотворения Байрона «Stanzas for music» («Стансы для музыки»).

Не одно ланит[103] пылание
Тратим с юностью живой —
Видим сердца увядание
Прежде юности самой.

Наше счастие разбитое
Видим мы игрушкой волн,
И в далекий мрак сердитое
Море мчит наш бедный челн;
Стрелки нет путеводительной,
Иль вотще ее магнит
В бурю к пристани спасительной
Челн беспарусный манит.

Хлад, как будто ускоре́нная
Смерть, заходит в душу к нам;
К наслажденью охлажденная,
Охладев к самим бедам,
Без стремленья, без желания,
В нас душа заглушена
И навек очарования
Слез отрадных лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый лик наш оживет,
Или *прежнее* ошибкою
В сердце сонное зайдет —
То обман; то плющ, играющий
По развалинам седым;

[103] *Ланита* — щека.

Сверху лист благоухающий —
Прах и тление под ним.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старине;
Иль оплакивать *бывалое*
Слез *бывалых* дайте мне.
Сладко, сладко появление
Ручейка в пустой глуши;
Так и слезы — освежение
Запустевшия души.

1820

Лалла Рук[104]

Милый сон, души пленитель,
Гость прекрасный с вышины,
Благодатный посетитель
Поднебесной стороны,
Я тобою насладился
На минуту, но вполне:
Добрым вестником явился
Здесь небесного ты мне.

Мнил я быть в обетованной

[104] Поводом для написания этого стихотворения явился праздник, данный в Берлине 15 января 1821 г. прусским королем Фридрихом, по случаю приезда его дочери — великой княгини Александры Федоровны и зятя — будущего императора Николая I. На празднике были разыграны живые картины на сюжеты, заимствованные из поэмы «Лалла Рук» Томаса Мура. Роль индийской принцессы Лалла Рук исполняла Александра Федоровна. Жуковский, присутствовавший на празднике, написал это стихотворение, где образ Лалла Рук превратился в символ поэзии, поэтического вдохновения.

Той земле, где вечный мир;
Мнил я зреть благоуханный
Безмятежный Кашемир;
Видел я: торжествовали
Праздник розы и весны
И пришелицу встречали
Из далекой стороны.

И блистая и пленяя —
Словно ангел неземной —
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Светлый завес покрывала
Отенял ее черты,
И застенчиво склоняла
Взор умильный с высоты.

Всё — и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной —
Всё в ней было без искусства
Неописанной красой!

Я смотрел — а призрак мимо
(Увлекая душу вслед)
Пролетал невозвратимо;
Я за ним — его уж нет!

Посетил, как упованье;
Жизнь минуту озарил;
И оставил лишь преданье,
Что когда-то в жизни был!

Ах! не с нами обитает
Гений чистый красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он!

Он лишь в чистые мгновенья
Бытия бывает к нам
И приносит откровенья,
Благотворные сердцам;
Чтоб о небе сердце знало
В темной области земной,
Нам туда сквозь покрывало
Он дает взглянуть порой;

И во всем, что *здесь* прекрасно,
Что наш мир животворит,
Убедительно и ясно
Он с душою говорит;
А когда нас покидает,
В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает

Он прощальную звезду.

1821

* * *

Теснятся все к тебе во храм,
И все с коленопреклоненьем
Тебе приносят фимиам,
Тебя гремящим славят пеньем;
Я одинок в углу стою,
Как жизнью, полон я тобою,
И жертву тайную мою
Я приношу тебе душою.

1821

Явление поэзии в виде Лалла Рук[105]

К востоку я стремлюсь душою!
Прелестная впервые там
Явилась в блеске над землею
Обрадованным небесам.

Как утро юного творенья,
Она пленительна пришла
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.

[105] В письме к А. И. Тургеневу от 6 февраля 1821 г. Жуковский писал: «Эти стихи сочинены здесь одною молодою девушкою: я их перевел». Автор стихов — вероятно, Гедвига Штегеман, о стихотворениях которой упоминается в дневнике Жуковского за 1821 г.

Везде любовь ее встречает;
Цветет ей каждая страна;
Но всюду милый сохраняет
Обычай родины она.

Так пролетела здесь, блистая
Востока пламенным венцом,
Богиня песней молодая
На паланкине[106] золотом.

Как свежей утренней порою
В жемчу́ге утреннем цветы,
Она пленяла красотою,
Своей не зная красоты.

И нам с своей улыбкой ясной,
В своей веселости младой,
Она казалася прекрасной
Всеобновляющей весной.

Сама гармония святая —
Ее нам мнилось бытие,
И мнилось, душу разрешая,
Манила в рай она ее.

При ней все мысли наши — пенье!
И каждый звук ее речей,

[106] *Паланкин* — (на Востоке) средство передвижения в виде укрепленного на длинных шестах крытого кресла или ложа, переносимого носильщиками.

Улыбка уст, лица движенье,

Дыханье, взгляд — всё песня в ней.

1821

Воспоминание

О милых спутниках, которые наш свет

Своим сопутствием для нас животворили,

Не говори с тоской: *их нет;*

Но с благодарностию *были.*

1821

19 марта 1823[107]

Ты предо мною

Стояла тихо.

Твой взор унылый

Был полон чувства.

Он мне напомнил

О милом прошлом…

Он был последний

На здешнем свете.

[107] Написано, вероятно, в день получения известия из Дерпта о смерти М. А. Мойер (Протасовой), последовавшей 18 марта 1823 г. Мария Протасова — племянница поэта, дочь его единокровной сестры Е. А. Протасовой. Он просил у Е. А. Протасовой руки ее дочери, но та ответила категорическим отказом. Формальным поводом для отказа послужило близкое родство, согласно установлениям православной церкви препятствующее вступлению в брак. Реальным мотивом для отказа было, возможно, отношение Е. А. Протасовой к Жуковскому, основанное на его полукрепостном происхождении. После нескольких лет, посвященных тщетным попыткам переубедить сестру, Жуковский покорился. 14 января 1817 г. Мария Протасова вышла замуж за И. Ф. Мойера — хирурга и профессора Дерптского университета.

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.

Звёзды небес,
Тихая ночь!..

Ночь[108]

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездою своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом.
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,

[108] Перевод романса неизвестного немецкого автора «Schon sank auf rosiger Bahn / Der Tag in wallende Fluten…» («Уже опускался по розовой дороге / День в кипящие волны…»).

Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как матерь дитя, успокой.

1823

* * *

Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На всё земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия одно.

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?

Но всё, что от времен прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Всё, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил —

Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы, —
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!

Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда, —
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

1824

Таинственный посетитель

Кто ты, призрак, гость прекрасный?
К нам откуда прилетал?
Безответно и безгласно
Для чего от нас пропал?
Где ты? Где твое селенье?
Что с тобой? Куда исчез?
И зачем твое явленье
В поднебесную с небес?

Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Из неведомого края

Под волшебной пеленой?
Как она, неумолимо
Радость милую на час
Показал ты, с нею мимо
Пролетел и бросил нас.

Не Любовь ли нам собою
Тайно ты изобразил?..
Дни любви, когда одною
Мир для нас прекрасен был,
Ах! тогда сквозь покрывало
Неземным казался он…
Снят покров; любви не стало;
Жизнь пуста, и счастье — сон.

Не волшебница ли Дума
Здесь в тебе явилась нам?
Удаленная от шума
И мечтательно к устам
Приложивши перст, приходит
К нам, как ты, она порой
И в минувшее уводит
Нас безмолвно за собой.

Иль в тебе сама святая
Здесь Поэзия была?..
К нам, как ты, она из рая
Два покрова принесла:
Для небес лазурно-ясный,
Чистый, белый для земли:

С ней всё близкое прекрасно;
Всё знакомо, что вдали.

Иль Предчувствие сходило
К нам во образе твоем
И понятно говорило
О небесном, о святом?
Часто в жизни так бывало:
Кто-то светлый к нам летит,
Подымает покрывало
И в далекое манит.

1824

Мотылек и цветы[109]

Поляны мирной украшение,
Благоуханные цветы,
Минутное изображение
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцветаете,
Глядяся в воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
В непостоянстве мотылька.

Во дни весны с востока ясного,
Младой денницей пробужден,
В пределы бытия прекрасного

[109] Стихотворение было напечатано с примечанием: «Стихи, написанные в альбоме Н. И. И., на рисунок, представляющий бабочку, сидящую на букете из *pensées* (анютиных глазок) и незабудок».

От высоты спустился он.
Исполненный воспоминанием
Небесной, чистой красоты,
Он вашим радостным сиянием
Пленился, милые цветы.

Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
И крылья и душа даны;
Но вы к земле, цветы, прикованы;
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вам не разогреть.

Не рождены вы для внимания;
Вам непонятен чувства глас;
Стремишься к вам без упования;
Без горя забываешь вас.
Пускай же к вам, резвясь, ласкается,
Как вы, минутный ветерок;
Иною прелестью пленяется
Бессмертья вестник мотылек…

Но есть меж вами два избранные,
Два ненадменные цветка:
Их имена, им сердцем данные,
К ним привлекают мотылька.
Они без пышного сияния;
Едва приметны красотой:

Один есть цвет воспоминания,
Сердечной думы цвет другой.

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца — упование
На лучший, неизменный свет!
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл.

1824

Замок на берегу моря[110]

«Ты видел ли замок на бреге морском?
Играют, сияют над ним облака;
Лазурное море прекрасно кругом».

«Я замок тот видел на бреге морском;
Сияла над ним одиноко луна;
Над морем клубился холодный туман».

«Шумели ль, плескали ль морские валы?
С их шумом, с их плеском сливался ли глас
Веселого пенья, торжественных струн?»

«Был ветер спокоен; молчала волна;

[110] Перевод с небольшими сокращениями стихотворения Уланда «Das Schloss am Meere» («Замок у моря»).

Мне слышалась в замке печальная песнь;
Я плакал от жалобных звуков ее».

«Царя и царицу ты видел ли там?
Ты видел ли с ними их милую дочь,
Младую, как утро весеннего дня?»

«Царя и царицу я видел… Вдвоем
Безгласны, печальны сидели они;
Но милой их дочери не было там».

1831

Приход весны[111]

Зелень нивы, рощи лепет,
В небе жаворонка трепет,
Теплый дождь, сверканье вод, —
Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

1831

Жалоба Цереры[112]

[111] Вольный перевод стихотворения Уланда «Lob des Frühlings» («Похвала весне»).
[112] Перевод одноименной баллады Шиллера, в которой использован античный миф о браке Прозерпины (греч. Персефоны), дочери богини плодородия Цереры (греч. Деметры), с Плутоном, богом подземного царства (греч. Аидом). Согласно мифу, Прозерпина весной покидает владения Плутона и навещает мать; время ее пребывания на земле ознаменовывается пробуждением природы, цветением и плодородием (весна, лето, начало осени).

Снова гений жизни веет;
Возвратилася весна;
Холм на солнце зеленеет;
Лед разрушила волна;
Распустившийся дымится
Благовониями лес,
И безоблачен глядится
В воды зеркальны Зевес;
Всё цветет — лишь мой единый
Не взойдет прекрасный цвет:
Прозерпины, Прозерпины
На земле моей уж нет.

Я везде ее искала,
В днéвном свете и в ночи;
Все за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ее под сводом неба
Не нашел всезрящий бог;
А подземной тьмы Эреба[113]
Луч его пронзить не мог:
Те брега недостижимы,
И богам их страшен вид…
Там она! неумолимый
Ею властвует Аид.

Кто ж мое во мрак Плутона
Слово к ней перенесет?

[113] *Эреб* — вечный мрак, по имени Эреба, брата — или супруга — богини Ночи (греч. миф.).

Вечно ходит челн Харона,[114]
Но лишь тени он берет.
Жизнь подземного страшится;
Недоступен ад и тих;
И с тех пор, как он стремится,
Стикс не видывал живых;[115]
Тьма дорог туда низводит;
Ни одной оттуда нет;
И отшедший не приходит
Никогда опять на свет.

Сколь завидна мне, печальной,
Участь смертных матерей!
Легкий пламень погребальный
Возвращает им детей;
А для нас, богов нетленных,
Что усладою утрат?
Нас, безрадостно-блаженных,
Парки строгие щадят…
Парки, парки, поспешите
С неба в ад меня послать;
Прав богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

В тот предел — где, утешенью
И веселию чужда,
Дочь живет — свободной тенью

[114] *Харон* — сын Эреба и Ночи, перевозчик теней умерших через Стикс, реку подземного царства (греч. миф.).
[115] *Стикс* — река, обтекающая подземное царство, через которую в него переправляет души умерших перевозчик Харон (греч. миф.).

Полетела б я тогда;
Близ супруга, на престоле
Мне предстала бы она,
Грустной думою о воле
И о матери полна;
И ко мне бы взор склонился,
И меня узнал бы он,
И над нами б прослезился
Сам безжалостный Плутон.

Тщетный призрак! стон напрасный!
Всё одним путем небес
Ходит Гелиос[116] прекрасный;
Всё навек решил Зевес;
Жизнью горнею доволен,
Ненавидя адску ночь,
Он и сам отдать неволен
Мне утраченную дочь.
Там ей быть, доколь Аида
Не осветит Аполлон
Или радугой Ирида[117]
Не сойдет на Ахерон![118]

Нет ли ж мне чего от милой,
В сладкопамятный завет:
Что осталось всё, как было,
Что для нас разлуки нет?

[116] *Гелиос* — бог Солнца, брат Луны и Зари, отождествляемый обыкновенно с Аполлоном, а потому к Аполлону нередко прилагается эпитет Феба, т. е. блестящего (греч. миф.).
[117] *Ирида* — богиня радуги, вестница богов (греч. миф.).
[118] *Ахеро́н, Стикс* и *Коци́т* — реки подземного царства, отделяющие его от всего живого (греч. миф.).

Нет ли тайных уз, чтоб ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвых с милыми живыми,
С светлым днем подземну ночь?..
Так, не все следы пропали!
К ней дойдет мой нежный клик:
Нам святые боги дали
Усладительный язык.

В те часы, как хлад Борея[119]
Губит нежных чад весны,
Листья падают, желтея,
И леса обнажены:
Из руки Вертумна[120] щедрой
Семя жизни взять спешу,
И, его в земное недро
Бросив, Стиксу приношу;
Сердцу дочери вверяю
Тайный дар моей руки
И, скорбя, в нем посылаю
Весть любви, залог тоски.

Но когда с небес слетает
Вслед за бурями весна:
В мертвом снова жизнь играет,
Солнце греет семена;
И, умершие для взора,
Вняв они весны привет

[119] *Борей* (греч.) — северный ветер.
[120] *Вертумн* — древнеиталийский бог времен года и их различных даров.

Из подземного затвора
Рвутся радостно на свет:
Лист выходит в область неба,
Корень ищет тьмы ночной;
Лист живет лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

Ими та́инственно слита
Область тьмы с страною дня,
И приходят от Коцита
С ними вести для меня;
И ко мне в живом дыханье
Молодых цветов весны
Подымается признанье,
Глас родной из глубины;
Он разлуку услаждает,
Он душе моей твердит:
Что любовь не умирает
И в отшедших за Коцит.

О! приветствую вас, чада
Расцветающих полей;
Вы тоски моей услада,
Образ дочери моей;
Вас налью благоуханьем,
Напою живой росой,
И с Авророю сияньем
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенний мрак полей

И мою вещают радость
И печаль души моей.

Ночной смотр[121]

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях

[121] Перевод одноименного стихотворения И.-Х. фон Цедлица «Die nächtliche Herschau».

Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту:
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена.*
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

1836

<А. С. Пушкин>

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем, — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?

1837

Тоска

Младость легкая порхает
В свежем радости венке,
И прекрасно перед нею
Жизнь цветами убрана.
Для меня ж в благоуханье
Упоительной весны —
Несказанное волненье,
Несказанная тоска.
Сердце мукой безымянной
Всё проникнуто насквозь,
И меня отсель куда-то

Всё зовет какой-то глас.

1838

Царскосельский лебедь[122]

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,
Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,
Здесь сидишь на лоне вод уединенных!
Спутников давнишних, прежней современных
Жизни, переживши, сетуя глубоко,
Их ты поминаешь думой одинокой!
Сумрачный пустынник, из уединенья
Ты на молодое смотришь поколенье
Грустными очами; прежнего единый
Брошенный обломок, в новый лебединый
Свет на пир веселый гость не приглашенный,
Ты вступить дичишься в круг неблагосклонный
Резвой молодежи. На водах широких,
На виду царевых теремов высоких,
Пред Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожат плаваньем, плесканьем,
Боем крыл могучих, белых шей купаньем;
День они встречают, звонко окликаясь;
В зеркале прозрачной влаги отражаясь,

[122] По поводу этого стихотворения Жуковский писал: «Этот лебедь не выдумка, а правда. Я сам видел в Царском Селе старого лебедя, который всегда был один, никогда не покидал своего уединенного пруда и когда являлся в общество молодых лебедей, то они поступали с ним весьма неучтиво. Его называли Екатерининским Лебедем». В описании Царскосельского парка упоминаются памятники русским победам над турками в войне 1769—1774 гг.: морской битве при Чесме в Эгейском море и битве при Кагуле под командованием П. А. Румянцева (обе — 1770).

Длинной вереницей, белым флотом стройно
Плавают в сиянье солнца по спокойной
Озера лазури; ночью ж меж звездами
В небе, повторенном тихими водами,
Облаком перловым,[123] вод не зыбля, реют
Иль двойною тенью, дремля, в них белеют;
А когда гуляет месяц меж звездами,
Влагу расшибая сильными крылами,
В блеске волн, зажженных месячным сияньем,
Окруженны брызгов огненных сверканьем,
Кажутся волшебным призраков явленьем —
Племя молодое, полное кипеньем
Жизни своевольной. Ты ж старик печальный,
Молодость их образ твой монументальный
Резвую пугает; он на них наводит
Скуку, и в приют твой ни один не входит
Гость из молодежи, ветрено летящей
Вслед за быстрым мигом жизни настоящей.
Но не сетуй, старец, пращур[124] лебединый:
Ты родился в славный век Екатерины,
Был ее ласкаем царскою рукою, —
Памятников гордых битве под Чесмою,
Битве при Кагуле воздвиженье зрел ты;
С веком Александра тихо устарел ты;
И, почти столетний, в веке Николая
Видишь, угасая, как вся Русь святая
Вкруг царевой силы, — вековой зеленый
Плющ вкруг силы дуба, — вьется под короной

[123] Т. е. жемчужным. *Перлы* — жемчуга.
[124] *Пращур* — далекий предок.

Царской, от окрестных бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таял одиноко; а младое племя
В шуме резвой жизни забывало время…
Раз среди их шума раздался чудесно
Голос, всю пронзивший бездну поднебесной;
Лебеди, услышав голос, присмирели
И, стремимы тайной силой, полетели
На́ голос: пред ними, вновь помолоделый,
Радостно вздымая перья груди белой,
Голову на шее гордо распрямленной
К небесам подъемля, — весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой лебединый!
А когда допел он — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
К небу, как во время оное бывало,
Он с земли рванулся… и его не стало
В высоте… и навзничь с высоты упал он;
И прекрасен мертвый на хребте лежал он,
Широко раскинув крылья, как летящий,
В небеса вперяя взор, уж не горящий.

1851

Алексей Мерзляков (1778—1830)

* * *[125]

Среди долины ровныя
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут[126] на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вкруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу

[125] Относительно создания этой песни М. А. Дмитриев вспоминал: «Песня Мерзлякова “Среди долины ровныя...” написана была в доме Вельяминовых-Зерновых. Он разговорился о своем одиночестве, говорил с грустью, взял мел и на открытом ломберном столе написал почти половину этой песни. Потом ему предложили перо и бумагу: он переписал написанное и кончил тут же всю песню» (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти). Дом Вельяминовых-Зерновых, о котором говорит Дмитриев, — подмосковное поместье Жодочи, куда Мерзляков ездил в период увлечения Анисьей Федоровной Вельяминовой-Зерновой (1788—1876), впоследствии в замужестве Кологривовой.
[126] *Рекрут* — (в России с 1705 по 1874 гг.) солдат новобранец.

Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон — да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вкруг малюточки,

Тихохонько резвясь!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

1810

Восток и Запад

Воззри на светлое Востока украшенье,
И жизнью веселись!
Но ты страдал — тебе потребно утешенье:
На Запад обратись!

1815

Иван Козлов (1779—1840)

Венецианская ночь[127]

(Фантазия)

П. А. Плетневу[128]

[127] Вскоре после появления в печати стихотворение приобрело широкую популярность. Оно прочно вошло в музыкальный быт. Так, например, А. П. Керн, жившая летом 1825 г. в Тригороком, пела «Венецианскую ночь» «на голос гондольерского речитатива», как об этом сообщал Пушкин в письме к Плетневу (ок. 19 июля 1825 г.). Характерно, что М. И. Глинка, будучи в начале тридцатых годов в Венеции, вспомнил о стихотворении Козлова и положил на музыку его первые три строфы.
[128] *Плетнев* Петр Александрович (1792—1865) —поэт и критик, близкий друг Козлова.

Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистой
От зеленых берегов.

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимыя волны,
Померанцев, миртов шепот
И любовный свет луны,
Упоенья аромата
И цветов и свежих трав,
И вдали напев Торквата
Гармонических октав[129] —

Всё вливает тайно радость,
Чувствам снится дивный мир,
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенний пир;
По вода́м скользят гондолы,
Искры брызжут под веслом,
Звуки нежной баркаролы[130]
Веют легким ветерком.

[129] Венецианские гондольеры пели мелодии на стихи из поэмы Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим», написанной *октавами* (строфа, состоящая из восьми строк).
[130] *Баркарола*— песня лодочника, рыбака; название вокальных и инструментальных пьес певучего характера.

Что же, что не видно боле
Над игривою рекой
В светло-убранной гондоле
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Исступленного певца?[131]

Нет ее: она тоскою
В замок свой удалена;
Там живет одна с мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит сребристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Но густее тень ночная;
И красот цветущий рой,
В неге страстной утопая,
Покидает пир ночной.
Стихли пышные забавы,
Всё спокойно на реке,

[131] Строфы 4—12 стихотворения, вероятно, навеяны эпизодами из жизни Байрона в Венеции, куда он переехал из Англии в 1816 г. Байрон назван «исступленным певцом», певцом «свободы и любви». В образе «красавицы младой», по-видимому, отразились романтические представления Козлова о графине Терезе Гвиччиоли, возлюбленной Байрона, с которой он расстался, отправившись в свое последнее путешествие в Грецию.

Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалеке.

Вот прекрасная выходит
На чугунное крыльцо;
Месяц бледно луч наводит
На печальное лицо;
В русых локонах небрежных
Рисовался легкий стан,
И на персях белоснежных
Изумрудный талисман!

Уж в гондоле одинокой
К той скале она плывет,
Где под башнею высокой
Море бурное ревет.
Там певца воспоминанье
В сердце пламенном живей,
Там любви очарованье
С отголоском прежних дней.

И в мечтах она внимала,
Как полночный вещий бой
Медь гудящая сливала
С вечно-шумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душен свежий ветерок,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Тучи тянутся грядою,
Затмевается луна;
Ясный свод оделся мглою;
Тма внезапная страшна.
Вдруг гондола осветилась,
И звезда на высоте
По востоку покатилась
И пропала в темноте.

И во тме с востока веет
Тихогласный ветерок;
Факел дальний пламенеет, —
Мчится по морю челнок.
В нем уныло молодая
Тень знакомая сидит,
Подле арфа золотая,
Меч под факелом блестит.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкие мои:
Славной тени не гневите!..
О! свободы и любви
Где же, где певец чудесный?
Иль его не сыщет взор?
Иль угас огонь небесный,
Как блестящий метеор?

1825

Романс[132]

Есть тихая роща у быстрых ключей;
И днем там и ночью поет соловей;
Там светлые воды приветно текут,
Там алые розы, красуясь, цветут.
В ту пору, как младость манила мечтать,
В той роще любила я часто гулять;
Любуясь цветами под тенью густой,
Я слышала песни — и млела душой.

Той рощи зеленой мне век не забыть!
Места наслажденья, как вас не любить!
Но с летом уж скоро и радость пройдет,
И душу невольно раздумье берет:
«Ах! в роще зеленой, у быстрых ключей,
Всё так ли, как прежде, поет соловей?
И алые розы осенней порой
Цветут ли всё так же над светлой струей?»

Нет, розы увяли, мутнее струя,
И в роще не слышно теперь соловья!
Когда же, красуясь, там розы цвели,
Их часто срывали, венками плели;
Блеск нежных листочков хотя помрачен,
В росе ароматной их дух сохранен.
И воздух свежится душистой росой;

[132] Вольный перевод отрывка из поэмы Томаса Мура «Лалла-Рук»: “The veiled prophet of Khorassan. There’s a bower of roses by Bendemeer’s streem”.

Весна миновала — а веет весной.

Так памятью можно в минувшем нам жить
И чувств упоенья в душе сохранить;
Так веет отрадно и поздней порой
Бывалая прелесть любви молодой!
Не вовсе же радости время возьмет:
Пусть младость увянет, но сердце цветет.
И сладко мне помнить, как пел соловей,
И розы, и рощу у быстрых ключей!

1823

На погребение английского генерала сира Джона Мура[133]

Не бил барабан перед смутным полком.
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почесть к ночи́ отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе —

[133] Перевод стихотворения ирландского поэта Чарльза Вольфа (1791—1823) “The burial of sir J. Moore”. *Джон Мур* (1761—1809) — генерал, командовавший английскими войсками в Португалии во время войны с Наполеоном.

Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Недолго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр[134] одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;
И с валу ударил перун вестовой,[135]
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного

[134] *Одр* — постель, ложе.
[135] Т. е. пушечный выстрел (перун — удар молнии). *Перун* — главное божество восточных славян, бог грома и молнии, отожествляемый с Зевсом и Юпитером.

С твоею бессмертною славой.

1825

К Италии[136]

В. А. Жуковскому

Лети со мной к Италии прелестной,
Эфирный друг, фантазия моя!
Земля любви, гармонии чудесной,
Где радостей веселая семья
Взлелеяна улыбкою небесной,
Италия, Торкватова земля,[137]
Ты не была, не будешь мною зрима,
Но как ты мной, прекрасная, любима!

Мне видятся полуденные розы,
Душистые лимонные леса,
Зеленый мирт и виноградин лозы,
И синие, как яхонт, небеса.
Я вижу их — и тихо льются слезы...
Италия, мила твоя краса,
Как первое любви младой мечтанье,
Как чистое младенчества дыханье.

С высот летят сияющие воды,

[136] Стихотворение навеяно отдельными образами и мотивами из 4-й песни поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», посвященной Италии, которую Байрон страстно любил и вдохновенно воспел.
[137] *Торкватова земля* — Италия, где жил и творил Торкват Тассо.

Жемчужные — над безднами горят;
Таинственных видений хороводы
Прозрачные — вкруг гор твоих кипят;
Твои моря, не зная непогоды,
Зеленые — струятся и шумят;
Воздушный пир — твой вечер благодатной
С прохладою и негой ароматной.

Луна взошла, а небосклон пылает
Последнею багряною зарей;
Высокий свод безоблачно сияет,
Весь радужной подернут пеленой;
И яркий луч, сверкая, рассыпает
Блеск розовый над сонною волной;
Но гаснет он под ризою ночною,
Залив горит, осеребрен луною.

И я несусь волшебными крилами
К развенчанной царице волн морских:[138]
Там звук октав с любовью и мечтами
При сладостном мерцаньи звезд ночных;
Там Байрон пел; там бродит меж гробами
Тень грозная свободы дней былых;
Там в тишине как будто слышны стоны
Пленительной, невинной Десдемоны.

Но вдруг печаль, Италия, стеснила

[138] Т. е. к Венеции, которую называли «царицей Адриатики».

Души восторг и светлые мечты;
Слезами ты и кровью искупила
Дар пагубный чудесной красоты;
Она к тебе рать буйную манила
Угрюмых гор с туманной высоты;
И враг — твой бич, и гордый избавитель —
Не мирный друг, но хищный притеснитель.[139]

А ты прими от сердца завещанье,
Певец, Орфей[140] полуночной страны!
Ты будешь зреть тех волн очарованье
И нежный блеск над Брентою луны,
И вспомнишь ты дум пламенных мечтанье
И юных лет обманутые сны.
О, в сладкий час, душою посвященный
Друзьям живым и праху незабвенной,[141]

Когда в пылу сердечных упоений
Ты звонких струн таинственной игрой
Сольешь, о друг, ряд северных видений
С небесною Италии красой,
И, может быть, в толпе родных явлений
Промчусь и я, как призрак, над тобой, —
Скажи земле певца Ерусалима,[142]
Как мной была прекрасная любима!

---

[139] Наполеон. (Примеч. Козлова.) Козлов имеет в виду Наполеона, а Байрон заклеймил австрийских правителей, которым с 1815 г. принадлежала Венеция.
[140] *Орфей* — чудесный певец, очаровывавший своим искусством диких зверей, деревья и скалы (греч. миф.).
[141] Имеется в виду скончавшаяся в 1823 г. любимая племянница Жуковского Мария Андреевна Протасова (род. 1793), в замужестве — Мойер.
[142] Имеется в виду Торквато Тассо, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим».

1825

Плач Ярославны[143]

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна,
Одна, на городской стене:

«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Ветер, ветер, о могучий,
Буйный ветер! что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,

[143] *Ярославна* — жена северского князя Игоря Святославича, чей плач на стене г. Путивля передает «Слово о полку Игореве».

Вея ханскими стрелами
На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли,
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли?
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Днепр мой славный! ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил, —
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеных вод,
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывет».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«О река! отдай мне друга —
На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слез к нему не слала
Синим морем на заре».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».

И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

11 октября 1825

Вечерний звон[144]

[144] Перевод стихотворения Томаса Мура “Those evening bells...”. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым и Станиславом Монюшко.

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

1827

* * *[145]

Над темным заливом, вдоль звучных зыбей
Венеции, моря царицы,

[145] Вольный перевод стихотворения Андре Шенье «Près des bords où Venise est reine de la mer...». Это стихотворение Шенье было также переведено в 1827 г. Пушкиным («Близ мест, где царствует Венеция златая...»).

Пловец полуночный в гондоле своей
С вечерней зари до денницы[146]
Рулем беззаботным небрежно сечет
Ленивую влагу ночную;
Поет он Ринальда, Танкреда поет,
Поет Эрминию младую;[147]
Поет он по сердцу, сует удален,
Чужого суда не страшится,
И, песней любимой невольно пленен,
Над бездною весело мчится.
И я петь люблю про себя, в тишине,
Безвестные песни мечтаю,
Пою, и как будто отраднее мне,
Я горе мое забываю,
Как ветер ни гонит мой бедный челнок
Пучиною жизни мятежной,
Где я так уныло и так одинок
Скитаюсь во тме безнадежной...

1827

Бессонница[148]

В часы отрадной тишины
Не знают сна печальны очи;
И призрак милой старины
Теснится в грудь со мраком ночи;

[146] *Денница* — утренняя звезда (планета Венера).
[147] *Ринальд, Танкред, Эрминия* — герои «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо.
[148] Вольный перевод стихотворения Томаса Мура “Oft, in the stilly night...”.

И живы в памяти моей
Веселье, слезы юных дней,
Вся прелесть, ложь любовных снов,
И тайных встреч, и нежных слов,
И те красы, которых цвет
Убит грозой — и здесь уж нет!
И сколько радостных сердец
Блаженству видели конец!

Так прежнее ночной порою
Мою волнует грудь,
И думы, сжатые тоскою,
Мешают мне уснуть.
Смотрю ли вдаль — одни печали;
Смотрю ль кругом — моих друзей,
Как желтый лист осенних дней,
Метели бурные умчали.

Мне мнится: с пасмурным челом
Хожу в покое я пустом,
В котором прежде я бывал,
Где я веселый пировал;
Но уж огни погашены,
Гирлянды сняты со стены,
Давно разъехались друзья,
И в нем один остался я.

И прежнее ночной порою
Мою волнует грудь,
И думы, сжатые тоскою,

Мешают мне уснуть!

22 января 1827

* * *[149]

Восток алея пламенеет,
И день заботливый светлеет;
Проснулись пташки; в тихий бор
Уж дровосек несет топор;
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами;
Заутрень сельских дальний звон[150]
По роще ветром разнесен;
Скрыпит под сеном воз тяжелый,
И заиграл рожок веселый.
О, если б ты, прекрасный день,
Гнал мрачные души волненья,
Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!
Зачем ты в блеске молодом
Лелеешь каждою зарею
И вишню солнечным лучом
И ландыш утренней росою,
Но сердца, полного тоской,
Не освежишь своей красой?

1827

[149] Из поэмы «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (как и следующее стихотворение).
[150] *Заутреня* — ранняя (на рассвете, до обедни) церковная служба у православных.

<Летняя гроза>

Клубятся в полдень черны тучи
По раскаленным небесам,
И вихрь несет песок горючий
С дороги пыльной по холмам;
В томленьи душном жнец ленивый
Лежит в тени, оставя нивы;
Пастух со стадом в лес бежит;
Бор темный шепчет и дрожит;
Сожженный лист о стебель бьется;
Всё притаилось, всё молчит...
И вдруг огонь по тучам вьется,
Грохочет гром, с ним дождь и град
В полях встревоженных шумят.

.....

Утихла буря; свод небес
Меж дымных туч уже синеет,
И ароматом дышит лес,
И как свежо с поляны веет!
Цветы, омытые дождем,
Блестят под влажным жемчугом,
И солнце вечера спокойно
Бросает ярко луч незнойный.

1827

П. Ф. Балк-Полеву[151]

Lorsque je sens le rezeda, je crois d'abord entendre un son, puis il me semble voir une forme.[152]

Друг, ты прав: хотя порой,
Достигая бед забвенья,
Мы, в груди стеснив волненья,
Дремлем томною душой,
Невзначай в мечте воздушной
Отзыв прежнего слетит,
И предмет нам равнодушной
Память сердца воскресит.
Неожиданно, случайно
Потрясет душевной тайной
Летний вечер, звук, цветок,
Песня, месяц, ручеек,
Ветер, море — и тоскою
Всё опять отравлено;
Как бы молнийной струею
Снова сердце прожжено.

И той тучи мы не знаем,
Вдруг откуда грянул гром;
Лишь томимся и страдаем;
Мрак и ужасы кругом:
Призрак страшный, неотступной
Образует в думе смутной
Холод дружбы, сон любви,
Ту, с кем радость погребли,

[151] *Балк-Полев* Петр Федорович (ум. 1849) — дипломат, был близок к литературным кругам Петербурга.
[152] Когда я ощущаю запах резеды, мне кажется, что я сначала слышу звук, а потом вижу облик (франц.).

Всё, о чем мы тосковали,
Что любили, потеряли,
Чем был красен Божий свет,
Всё, чего для нас уж нет.

1828

К М. Шимановской[153]

Когда твой ропот вдохновенный
Звучит сердечною тоской
И я, невольно изумленный,
Пленяюсь дивною игрой, —
Мой дух тогда с тобой летает
В безвинный мрак тревожных дней
И свиток тайный развивает
Судьбы взволнованной твоей.
Не твой был жребий веселиться
На светлой, радостной заре;
Но пламень в облаке родится.
И в сладостной твоей игре
Не та б мелодия дышала,
Не так бы чувством ты цвела, —
Когда б ты слез не проливала,
Печаль душой не обняла.

[153] *Шимановская* Мария-Агата (1789—1831) — польская пианистка и композитор, гастролировавшая в 1822 г. в России; в 1828 г. поселилась в Петербурге, где сблизилась с М. И. Глинкой, Адамом Мицкевичем, Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Козловым. Шимановская часто навещала Козлова — страстного любителя музыки и играла для него.

1829

Элегия

(Вольное подражание Св. Григорию Назианзину)[154]

Князю А. И. Голицыну[155]

Вчера в лесу я, грустью увлечен,
Сидел один и сердцем сокрушен.
Когда мой дух волнуется тоской,
Отрадно мне беседовать с душой.
Везде кругом дремала тишина.
Мне веяла душистая весна;
Едва журчал ленивый ручеек,
И на цветах улегся мотылек;
Хор нежный птиц, вечерний пламень дня
И запах трав лелеяли меня.
Но я на всё без радости смотрел, —
Развеселить я горя не хотел;
В смятеньи дум не тягостна печаль,
Расстаться с ней душе как будто жаль.
Мой дух кипел, я спрашивал себя:
Что я теперь? что был? чем буду я? —
Не знаю сам, и знать надежды нет.
И где мудрец, кто б мог мне дать ответ?
В какой-то тме, без цели я лечу,
И тени нет того, чего хочу.
Мятежных чувств губительный обман
Вкруг падших нас бросает свой туман, —

---

[154] *Св. Григорий Назианзин* (328—390) — архиепископ константинопольский, богослов, публицист и поэт.
[155] *Голицын* Александр Николаевич (1773—1844) — министр духовных дел и народного просвещения при Александре I.

И я кружусь, обманут ложным сном,
В дыму сует, как в облаке густом.
Как от меня далек вчерашний день!
Промчался он — я с ним пропал, как тень…
И если мне еще до утра жить,
Кто скажет, где и чем и как мне быть? —
Уже тех волн мы в море не найдем,
Которые в нем раз переплывем...
И человек, лишь мы расстались с ним,
Не тем, чем был, но встретит нас иным...

И разум мой сомненье облегло;
Лета сребрят усталое чело.
А знаю ль я, зачем рожден на свет?
Что жизнь моя? — Те дни, которых нет...
Как бурный ток, пролетная вода,
Теку — стремлюсь — исчезну навсегда.
Удел мой — гроб; сегодня — человек,
А завтра — прах. Ужели прах навек?
Иль в смерти жизнь нам новая дана?
Надежда льстит, но тайна мне страшна.

О! кто же ты, бессмертием дыша,
Откуда ты, нетленная душа?
Ты божество являешь мне в себе;
Откинь порок — и верю я тебе.
Кто чистый дух мог в тело заключить?
Кто мертвеца велел тебе носить? —
Я сын греха — и Божий образ я!
Сними же цепь, влекущую меня;

Услышать дай таинственный привет;
Но тма теперь, — а завтра будет свет,
И будешь ты сгораема огнем
Иль в небесах пред Богом и Отцом, —
И там сама, как ангел чистоты,
Увидишь всё, и всё узнаешь ты...

Я так мечтал, — и вдруг мой страх исчез.
Настала ночь, и я оставил лес;
И на пути в приют укромный мой
То сам себе над здешней суетой
Смеялся я, то вновь смущал мой ум
Минувший мрак его тревожных дум.

1830

К И. А. Беку[156]

Wage du, zu irren und zu träumen.
Schiller[157]

Скажи! зачем, мечтатель юный,
Зачем умолкли так давно
Твои приманчивые струны?
Ужель в порывах стеснено,
Мой друг, твое воображенье?
Огнем бессмертным зажжено
В душах святое вдохновенье;

[156] *Бек* Иван Александрович (1807—1842) — поэт-элегик и переводчик; состоял на дипломатической службе. Козлов познакомился с ним в конце двадцатых годов через посредство А. И. Тургенева, который отнесся с большой симпатией к первым опытам молодого поэта. Эпиграф взят из стихотворения Ф. Шиллера «Тэкла».
[157] Дерзай блуждать и грезить. Шиллер (нем.).

Храни его! Сей дивный жар
Творца доброт любимый дар.

Когда, град пышный покидая,
В приюте сельском и родном
Ты, взор на волны устремляя,
Сидишь на берегу морском;
Когда безмолвно пред тобою
Волна несется за волною
Или, встревожена порой,
То зашумит, то засверкает, —
И невозвратно утекает,
Как радость жизни молодой;
Когда, явясь из тайной сени,
Луна мерцает в небесах,
И, может быть, усопших тени,
Мелькая, вьются в облаках,
И к нам от них эфирный шепот,
Как будто веет томный ропот, —
Ужели сердце не дрожит?
Ужель младой певец молчит?

.....

Увы! на радость кто глядел
Сквозь слезы, — знай, того удел —
Поэзия; в тиши безвестной,
Она объемлет мир чудесный
Прекрасных дел, злодейств, страстей;
Она сердечной жизни повесть,

Минувших и грядущих дней
Урок, таинственная совесть.
Будь озарен ее красой,
Воспоминай, люби и пой!

1832

Не наяву и не во сне[158]

(Фантазия)

Князю П. Г. Гагарину

And song that said a thousand things.[159]

Откинув думой жизнь земную,
Смотрю я робко в темну даль;
Не знаю сам, о чем тоскую,
Не знаю сам, чего мне жаль.

Волной, меж камнями дробимой,
Лучом серебряной луны,
Зарею, песнию любимой
Внезапно чувства смущены.

Надежда, страх, воспоминанья
Теснятся тихо вкруг меня;
Души невольного мечтанья
В словах мне выразить нельзя.

[158] *Гагарин* Павел Гаврилович (1777—1850) — генерал-адъютант и дипломат. В молодости печатал стихи в «Вестнике Европы», издававшемся Жуковским. Эпиграф взят из 10-й строфы поэмы Байрона «Шильонский узник».
[159] Как много было в песне той! (Перевод В. А. Жуковского.)

Какой-то мрачностью унылой
Темнеет ясность прежних дней;
Манит, мелькает призрак милой,
Пленяя взор во тме ночей.

И мнится мне: я слышу пенье
Из-под туманных облаков...
И тайное мое волненье
Лелеять сердцем я готов.

1832

К неверной

Когда прощался я с тобою
И твой корабль стремился в путь, —
Какой ужасною тоскою
Моя тогда стеснялась грудь!
Унылой мрачностью оделось
Души цветущей бытие,
И мне, безумному, хотелось
Всё сердце выплакать мое.

Кто б мне сказал, что роковая
Пора минует и что мне
Тужить, об ней воспоминая
Как о прекрасном, милом сне?
И то сбылось — и ты явилась,
Опять пленительна красой;
Но уж любовь не возвратилась,

Ни радость жизни молодой.

Когда опять взыграли волны
С назад плывущим кораблем
И прибежал я, неги полный;
В восторге сладостном моем
Когда душа моя кипела,
Бледнел, дрожал, смущался я, —
Ты не краснела, не бледнела,
Взглянула просто на меня.

С тех пор простился я с мечтами,
Смотрю в слезах на Божий свет;
За ночью ночь и день за днями
Текут, текут, — а жизни нет.
Одно лишь в памяти унылой —
Как наша молодость цвела,
Когда прелестною, счастливой
Ты для меня и мной жила.

Бывало, пылкою душою
Я всё, что свято, обнимал,
И, быв твоим, любим тобою,
Я сам себе цены не знал;
Но разлил взгляд твой безнадежный
Могильный холод вкруг меня, —
Он отравил в груди мятежной
Весь жар небесного огня.

И мрачной томностью крушимый,

Не знаю я, как с сердцем быть,
И образ, так давно любимый,
Боюсь и помнить, и забыть.
В тревоге дум теряя силы,
Почти без чувств скитаюсь я,
Как будто вышел из могилы,
Как будто мир не для меня.

Хочу, лишен всего, что мило,
Страшась сердечной пустоты, —
Чтоб мне хоть горе заменило
Всё то, чем мне бывала ты,
Чтоб об утраченной надежде
Душой взбунтованной тужил;
Хоть нет того, что было прежде,
Но я б по-прежнему любил.

1835

Дуб

Краса родной горы, с тенистыми ветвями,
И крепок и высок являлся юный дуб;
Зеленые кусты с душистыми цветами
Кругом его растут.

Игривый ручеек отрадной свежей влагой,
Струяся близ него, приветливо шумел,
И мощный сын дубрав с какою-то отвагой
Чрез поле вдаль смотрел.

И, младостью цветя, грозы он не боялся —
От гроз живей весна, меж туч ясней лазурь —
Сверканьем молнии и громом любовался,
Дышал под свистом бурь.

Любили юноши и сельские девицы
Под тень его ходить; и сладко там певал
Полночный соловей, и алый блеск денницы
Их в неге заставал.

И, видя вкруг себя во всем красу природы,
Он думал, что ему она не изменит,
И дерзостно мечтал, что ветер непогоды
К нему не долетит.

Но вдруг небесный свод оделся черной тучей,
И ливнем хлынул дождь, и буйный ураган,
Клубяся, налетел, взвивая прах летучий,
И дол покрыл туман.

Зеленые кусты с душистыми цветами
Он с корнем вырывал, и светлый ручеек
Закидан был землей, каменьями и пнями, —
Исчез отрадный ток.

Гром грянул, молния дуб крепкий опалила;
Дуб треснул, но грозой он не был сокрушен:
Еще осталась в нем стесненной жизни сила,
Хоть вянуть обречен.

Отрадной влаги нет, и нет земли родимой,
Где буйно вырос он, красуясь меж долин;
На голой уж горе теперь, судьбой гонимый,
Остался он один.

Увы, надежды нет, и стрелы роковые
Бедой отравлены, всё рушат и мертвят;
Одни лишь небеса, как прежде голубые,
Над гибнущим блестят.

И начал сохнуть дуб; но, к долу не склоненный,
Он, ветви вознося, казал их облакам,
Как будто бы своей вершиной опаленной
Стремился к небесам.

1836

Жнецы

Однажды вечерел прекрасный летний день,
Дышала негою зеленых рощей тень.
Я там бродил один, где синими волнами
От Кунцевских холмов, струяся под Филями,
Шумит Москва-река; и дух пленялся мой
Занятья сельского священной простотой,
Богатой жатвою в душистом тихом поле
И песнями жнецов, счастливых в бедной доле.
Их острые серпы меж нив везде блестят,
Колосья желтые под ними вкруг лежат,

И, собраны жнецов женами молодыми,
Они уж связаны снопами золотыми;
И труд полезный всем, далекий от тревог,
Улыбкою отца благословляет Бог.

Уж солнце гаснуло, багровый блеск бросая;
На жниве кончилась работа полевая,
Радушные жнецы идут уже домой.
Один, во цвете лет, стоял передо мной.
Его жена мой взор красою удивляла;
С младенцем радостным счастливая играла
И в кудри темные вплетала васильки,
Колосья желтые и алые цветки.
А жнец на них смотрел, и вид его веселый
Являл, что жар любви живит удел тяжелый;
В отрадный свой приют уже сбирался он...
С кладбища сельского летит вечерний звон, —
И к тихим небесам взор пылкий устремился:
Отец и муж, душой за милых он молился,
Колена преклонив. Дум набожных полна,
Младенца ясного взяла его жена,
Ручонки на груди крестом ему сложила,
И, мнилось, благодать их свыше осенила.

Но дремлет всё кругом; серебряный туман
Таинственной луной рассыпан по снопам,
Горит небесный свод нетленными звездами, —
Час тайный на полях, час тайный над волнами.
И я под ивою сидел обворожен,
И думал: в жатве той я видел райский сон.

И много с той поры, лет много миновало,
Затмилась жизнь моя, — но чувство не увяло.
Томленьем сокрушен, в суровой тме ночей,
То поле, те жнецы — всегда в душе моей;
И я, лишенный ног, и я, покинут зреньем, —
Я сердцем к ним стремлюсь, лечу воображеньем,
Моленье слышу их, — и сельская чета
Раздумья моего любимая мечта.

1836

Сельская жизнь

(Стансы)[160]

Блажен, кто мирно обитает
В заветном прадедов селе
И от проезжих только знает
О белокаменной Москве.

Не вдаль стремится он мечтою,
Не к морю мысль его летит, —
Доволен речкой небольшою:
Она светла, она шумит.

Не изменяясь в тихой доле,
Благословляя небеса,
Он всё на то же смотрит поле,
На те же нивы и леса.

[160] *Стансы* — стихотворение, в котором каждая строфа представляет собой законченный синтаксический период.

Он сердцем чист, он прав душою;
Без дум высоких он умел
Одной вседневной добротою
Украсить бедный свой удел.

Ему страстей волненья чужды,
Не прерван ими сладкий сон,
Живет без прихотей, без нужды, —
И черных дней не знает он.

Вот дом уютный меж холмами,
В тени берез вот Божий храм,
И вот погост с его крестами,
Где меж родных он ляжет сам.

И жив священник тот безвестный,
Который здесь его крестил,
Венцом с подругою прелестной
На радость жить благословил.

И радость с ними, — и всечасно
Она ему милей, милей,
И жизнь он тратит не напрасно
В земном раю семьи своей.

Привычка наслаждений мирных,
Веселые заботы дня,
Забавный страх рассказов дивных
Кругом вечернего огня, —

О вы, обычаи святые!
Любовь домашнего быту!
Отрады ваши золотые
Лелеют жизни суету.

Преданья прежнего, родного
Душе пленительно хранить,
Блаженства сердцу нет другого,
Как жить одним, одно любить.

1837

Княгине З. А. Волконской[161]
(в ответ на ее послание)[162]

Я арфа тревоги, ты — арфа любви
И радости мирной, небесной;
Звучу я напевом мятежной тоски, —
Мил сердцу твой голос чудесной.

Я здесь омрачаюсь земною судьбой,
Мечтами страстей сокрушенный, —
А ты горишь в небе прекрасной звездой,
Как ангел прекрасный, нетленный!

1838

[161] *Волконская* Зинаида Александровна (1792—1862) — поэтесса, композитор и певица. Ее московский салон посещали выдающиеся писатели, музыканты и художники.
[162] Послание Волконской начиналось словами: «Ты арфа страданья, / Ты арфа терпенья...»

Молитва

Прости мне, Боже, прегрешенья
И дух мой томный обнови,
Дай мне терпеть мои мученья
В надежде, вере и любви.

Не страшны мне мои страданья:
Они залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой
Я мог лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жар священный,
Дай Иоанна чистоту;

Дай мне донесть венец мой тленный
Под игом тяжкого креста
К ногам Спасителя Христа.

3 декабря 1839

Николай Гнедич (1784—1833)

Осень

Дубравы пышные, где ваше одеянье?
Где ваши прелести, о холмы и поля,

Журчание ключей, цветов благоуханье?
Где красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылися певцов пернатых хоры,
Живившие леса гармонией своей?
Зачем оставили приют их мирных дней?
И всё уныло вкруг — леса, долины, горы!

Шумит порывный ветр между дерев нагих
И, желтый лист крутя, далеко завевает, —
Так всё проходит здесь, явление на миг;
Так гордый сын земли цветет и исчезает!

На крыльях времени безмолвного летят
И старость и зима, гроза самой природы;
Они, нещадные и быстрые, умчат,
Как у весны цветы, у нас младые годы!

Но что ж? крутитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коих низкие надежды и желанья
Лишь пресмыкаются над бренною землей,
И дух ваш заключат в гробах без упованья.

Но кто за темный гроб с возвышенной душой,
С святой надеждою взор ясный простирает,
С презреньем тот на жизнь, на мрачный мир взирает
И улыбается превратности земной.

Весна украсить мир ужель не возвратится?
И солнце пало ли на вечный свой закат?

Нет! новым пурпуром восток воспламенится,
И новою весной дубравы зашумят.

А я останусь в ничтожность[163] погруженный,
Как[164] всемогущий перст цветок животворит?
Как червь, сей житель дня, от смерти пробужденный,
На крыльях золотых вновь к жизни полетит!

Сменяйтесь, времена, катитесь в вечность, годы!
Но некогда весна несменная сойдет!
Жив Бог, жива душа! и, царь земной природы,
Воскреснет человек: у Бога мертвых нет!

1819

К NN

Когда из глубины души моей угрюмой,
    Где грусть одна живет в тоске немой,
Проступит мрачная на бледный образ мой
    И осенит чело мне черной думой, —
    На сумрачный ты вид мой не ропщи:
Мое страдание свое жилище знает;
Оно сойдет опять во глубину души,
Где, нераздельное, безмолвно обитает.

1819

[163] *Ничтожность, ничтожество* — небытие.
[164] *Как* — когда.

Приютино

Посвящено Елисавете Марковне Олениной[165]

Еще я прихожу под кров твой безмятежный,
Гостеприимная приютинская сень!
Я, твой старинный гость, бездомный странник прежний,
Твою приютную всегда любивший тень.

Край милый, сколько раз с тобою я прощался;
Но как проститься с тем, что в нас слилось с душой?
Всё, чем я здесь дышал, чем втайне наслаждался,
Всё неизгла́димо везде ношу с собой!

Есть край, родной мне край зефиров легкокрылых:[166]
Там небо и земля и воздух мне милей!
Но где людей найти, душе моей столь милых?
Где столько сладостных воспоминаний ей?

Здесь часто, удален от городского шума,
Я сердцу тишины искал от жизни бурь;
И здесь, унылая моя светлела дума,
Как неба летнего спокойная лазурь.

---

[165] Посвящено хозяйке усадьбы «Приютино», жене президента Академии художеств А. Н. Оленина — *Елизавете Марковне Олениной* (1768—1838). Елизавета Марковна была гостеприимной хозяйкой петербургского салона Оленина, посещавшегося многими художниками, писателями и учеными. Летом вечера и праздники устраивались на даче Олениных «Приютино», расположенной в 17 верстах от Петербурга, за Охтой. Вяземский, побывавший в «Приютине», писал о нем жене: «Деревня довольно мила, особливо для Петербурга... есть довольно движения в видах, возвышенность, вода, лес». Правнучка Олениных А. Н. Оом в предисловии к дневнику своей бабушки пишет: «Барский дом стоял над самым прудом; дачу окаймлял дремучий лес... В саду, близ дома, разбросаны были разные отдельные флигеля, которые Алексей Николаевич построил для размещения гостивших у него друзей». «Приютино» было излюбленным местопребыванием Гнедича; он и Крылов, оба холостяки, не имевшие прочного гнезда, чувствовали себя в «Приютине» как дома.

[166] Имеется в виду Украина, с которой Гнедич расстался в раннем возрасте.

Здесь часто по холмам бродил с моей мечтою,
И спящее в глуши безжизненных лесов
Я эхо севера вечернею порою
Будил гармонией Гомеровых стихов.[167]

Вам, дети тайные души моей свободной,
Вам, думы гордые, здесь глас мой жизнь давал;
И, пылкий юноша, ты, друг мой благородный,
Мой слыша смелый стих, кипел и трепетал!

Но чаще, сев я там, под со́сной говорливой,
Где с нею шепчется задумчивый ручей,
Один, уединен, в час ночи молчаливой
Беседы долгие вел с думою моей.

О! кто переходил путь бедствий и крушенья,
Тот знает, отчего душа и дума в нас
Влечется в тихие лесов уединенья,
Зачем полуночный, безмолвный любит час.

Так, здесь я не один; здесь всё, чем сердце дышит,
Надежды юности, сердечные мечты,
Всё видит в образе, всего здесь голос слышит,
И ловит милого воздушные черты!

Уединение для сердца не пустыня:
Мечтами населит оно и дикой бор;
И в дебрях сводит с ним фантазия-богиня

[167] Гнедич — переводчик «Илиады» Гомера. См. также стихотворение Пушкина «На перевод Илиады Гомера».

Свиданья тайные и тайный разговор.

Пустыня не предел для мысли окрыленной:
Здесь я, невидимый, всё вижу над землей;
Воздушной жизни всей участник сокровенный,
Делюся бытием, живу не сам собой.

Душой сливаюся с лазурью бесконечной,
С златыми звездами, поэзией небес!
С тобой беседую, художник мира вечной!
И с книгой дивною божественных чудес!

Вот чем влеком опять под кров твой безмятежный,
Гостеприимная приютинская сень!
Я, твой старинный гость, бездомный странник прежний,
Еще мою главу в твою склоняю тень.

Ты тот же всё еще, край мирный и прелестный!
Свежи твои цветы, предел твой так же тих;
Без шума всё течет поток твой неизвестный,
Как счастье скромное властителей твоих,

Но я уже не тот беспечный сын свободы,
Лелеявший мечты дубрав твоих в тиши.
Увы! не многие, но гибельные годы
Умчали молодость и жизнь моей души.

Они затмили свет надежд, меня жививших,
Убили жизнь младых и недоцветших лет.
Ударов роковых, мне мир опустошивших,

На бледном я челе ношу глубокий след.

Но, тщетным ропотом я року не скучая,
Как грусть бессловная, грущу наедине;
Я слезы, пред людьми души не унижая,
Скрыл в их источнике, в сердечной глубине.

Долины мирные, лесов уединенья!
Нет, я не прихожу покой ваш возмутить;
Живой я прихожу искать воды забвенья:
Поток приютинский, мне дай его испить!

Вот здесь я, заключен зеленой сей стеною,
Мой ограничу взор прудом недвижным сим:
С его спокойствием сольюсь моей душою
И обману печаль бесчувствием немым.

Вот здесь семья берез, нависших над водами,
Меня безмолвием и миром осенит;
В тени их мавзолей под ельными ветвями,[168]
Знакомый для души, красноречивый вид!

При нем вся жизнь, как сон, с мечтами убегает,
И мысль покоится, и сердце здесь молчит.
И дружба самая здесь слез не проливает:
О храбром сожалеть ей гордость запретит.

За честь отечества он отдал жизнь тирану,

[168] Речь идет о памятном мавзолее сыну Олениных Николаю Алексеевичу (1791—1812), убитому в Бородинском сражении.

И русским витязям он может показать
Грудь с сердцем вырванным, прекраснейшую рану,
Его бессмертия кровавую печать! —

Но вечер наступил; вокруг меня молчанье,
О, как торжественна ночная тишина!
И вот, и на леса и на холмы сиянье,
Поднявшись, полная рассыпала луна.

О луч серебряный полночного светила!
Что одинокий ты к груди моей летишь?
Что за волшебная в твоем блистаньи сила?
О луч таинственный, ты что мне говоришь?

Нисходишь ли с высот, сиянием прекрасным
Прекрасный свет иной земле предвозвещать?
Иль утешительный склоняешься к несчастным,
Над бледным их челом надеждою сиять?

Твой свет в меня лиет святое трепетанье!
Резвей волнует кровь вкруг сердца моего!
О мертвом юноше родит воспоминанье!..
Небесный, кроткий луч, ты не душа ль его?

Как гласом ближнего, как друга призыванье
Мой слух ласкается в вечерней тишине!
Мне сердце говорит веселым трепетаньем,
Здесь есть невидимый, но кто-то близкий мне.

О ты, на дружество мне в жизни руку давший!

Я чувствую, ты здесь, небес незримый дух:
О, видим ты душе, тебе не изменявшей,
Не раз являясь ей как утешитель-друг.

Так, если, сбросив прах, дух чистый избирает
Места любезные обителью своей,
Здесь, в сих местах давно дух сына обитает
Незримым гением отеческих полей.[169]

О гость приютинской обители смиренной!
За всё, что в ней найдешь для сердца твоего,
За всё благодари душою умиленной
Благого гения убежища сего.

И если, здесь бродя полуденной порою,
Ты сядешь, утомлен, берез в густой навес,
И вдруг тебе в лицо, горящее от зною,
Прохладою дохнет с незыблемых древес,

То будет он! Здесь он вливает в воздух сладость,
Свежит цветы, луга родных своих полей;
Ниспосылает он и мир на них и радость,
И тихим счастием лелеет их гостей.

О, дай ты, дай и мне, мой дух-благотворитель!
Хотя спокойствием все траты заменить.
Но, верно, не могуч и он, небесный житель,
Утраченного здесь для смертных возвратить.

[169] *Гений* — дух. Здесь имеется в виду *genius loci* (лат. «дух места»).

Он не забыл того, чьей арфой тихострунной
Слух юный услаждать любил в земной стране,
Но, лишь являяся в виденьях ночи лунной,
На небо грустному указывает мне.

1820

К И. А. Крылову, приглашавшему меня поехать с ним в чужие края

Надежды юности, о милые мечты,
Я тщетно вас в груди младой лелеял!
Вы не сбылись! как летние цветы
Осенний ветер вас развеял!
Свершен предел моих цветущих лет;
Нет более очарований!
Гляжу на тот же свет —
Душа моя без чувств, и сердце без желаний!
Куда ж, о друг, лететь, и где опять найти,
Что годы с юностью у сердца похищают?
Желанья пылкие, крылатые мечты,
С весною дней умчась, назад не прилетают.
Друг, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я — не *Ариель*,[170]
Эфира легкий сын, весны любимец вечной.[171]
От неизбежного удела для живых
Он на земле один уходит;
Утраченных, летучих благ земных,

[170] Маленький воздушный гений. (Примечание Гнедича.)
[171] Т. е. вечный любимец весны.

Счастливец, он замену вновь находит.
Удел прекраснейший судьба ему дала,
Завидное существованье!
Как златокрылая пчела,
Кружится *Ариель* весны в благоуханьи;
Он пьет амврозию цветов,[172]
Перловые[173] Авроры слезы;
Он в зной полуденных часов
Прильнет и спит на лоне юной розы.
Но лишь приближится ночей осенних тьма,
Но лишь дохнет суровая зима,
Он с первой ласточкой за летом улетает;
Садится радостный на крылышко ея,
Летит он в новые, счастливые края,
Весну, цветы и жизнь всё новым заменяет.
О, как его судьба завидна мне!
Но нам ее в какой искать стране?
В какой земле найти утраченную младость?
Где жизнию мы снова расцветем?
О друг, отцветших дней последнюю мы радость
Погубим, может быть, в краю чужом.
За счастием бежа под небо мы чужое,
Бросаем дома то, чему замены нет:
Святую дружбу, жизни лучший цвет
И счастье душ прямое.

Приютино. 1821

[172] *Амврозия (амбросия)* — пища олимпийских богов (ср.: *нектар* — питье богов).
[173] *Перловые* — жемчужные. *Перл* — жемчужина.

Кузнечик

(Из Анакреона)

О счастливец, о кузнечик,
На деревьях на высоких
Каплею росы напьешься,
И как царь ты распеваешь.
Всё твое, на что ни взглянешь,
Что в полях цветет широких,
Что в лесах растет зеленых.
Друг смиренный земледельцев,
Ты ничем их не обидишь;
Ты приятен человекам,
Лета сладостный предвестник;
Музам чистым ты любезен,
Ты любезен Аполлону:
Дар его — твой звонкий голос.
Ты и старости не знаешь,
О мудрец, всегда поющий,
Сын, жилец земли невинный,
Безболезненный, бескровный,
Ты почти богам подобен!

1822

Дума

Печален мой жребий, удел мой жесток!
Ничьей не ласкаем рукою,
От детства я рос одинок, сиротою:

В путь жизни пошел одинок;
Прошел одинок его — тощее поле,
На коем, как в знойной ливийской юдоле,
Не встретились взору ни тень, ни цветок;
Мой путь одинок я кончаю,
И хилую старость встречаю
В домашнем быту одинок:
Печален мой жребий, удел мой жесток![174]

1832

Дума

Кто на земле не вкушал жизни на лоне любви,
Тот бытия земного возвышенной цели не понял;
Тот предвкусить не успел сладостной жизни *другой:*
Он, как туман, при рождении гибнущий, умер, не живши.

1832

Денис Давыдов (1784—1839)

Бурцову[175]

Призывание на пунш

[174] В своей «Записной книжке» Гнедич писал: «Главный предмет моих желаний — домашнее счастье. Моих? Едва ли это не цель и конец, к которым стремятся предприятия и труды каждого человека. Но, увы, я бездомен, я безроден... Круг семейственный есть благо, которого я никогда не видал...».
[175] *Бурцов* Алексей Петрович (ум. 1813)—гусарский поручик (с 1810 г. ротмистр), сослуживец Давыдова по Белорусскому гусарскому полку. Был известен как «буян и забияка».

Бурцов, ёра[176], забияка,

Собутыльник дорогой!

Ради Бога и... арака[177]

Посети домишко мой!

В нем нет нищих у порогу,

В нем нет зеркал, ваз, картин,

И хозяин, слава Богу,

Не великий господин.

Он гусар — и не пускает

Мишурою пыль в глаза;

У него, брат, заменяет

Все диваны — куль овса.

Нет курильниц, может статься, —

Зато трубка с табаком;

Нет картин — да заменятся

Ташкой[178] с царским вензелём!

Вместо зеркала сияет

Ясной сабли полоса:

Он по ней лишь поправляет

Два любезные уса.

А наместо ваз прекрасных,

Беломраморных, больших

На столе стоят ужасных

Пять стаканов пуншевых![179]

Они полны, уверяю,

В них сокрыт небесный жар.

Приезжай, я ожидаю,

---

[176] *Ёра* — озорной гуляка, волокита.

[177] *Арак* — спиртной азиатский напиток из риса и других плодов.

[178] *Ташка* — (у гусаров) кожаная сумочка, носимая на ремнях, прикрепленных к портупее.

[179] *Пунш* — спиртной напиток, приготовляемый варкою рома с сахаром, чаем, кипятком, лимонным соком или другими приправами из фруктов.

Докажи, что ты гусар.

1804

Бурцову

В дымном поле, на биваке,[180]
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся вкруговую,
Православный весь причет!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцов, ты — гусар гусаров!
Ты — на ухарском коне[181] —
Жесточайший из угаров[182]
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,

[180] *Бивак* — стоянка войск под открытым небом для отдыха или ночлега.
[181] *Ухарь* — хват, молодец, бойкий человек.
[182] *Угар* — сорванец, кутила, буян.

Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,[183]
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет яко прах!
Пусть фортуна[184] для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И Георгья за совет![185]
Пусть... Но чу! гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,

[183] *Фланкировка* — действия кавалерии в рассыпном строю для прикрытия флангов.
[184] *Фортуна* — римская богиня счастья, случая, удачи изображалась женщиной с рогом изобилия, иногда стоящей на шаре или колесе с повязкой на глазах (признак изменчивости счастья) (рим. миф.).
[185] Орден св. Георгия (Георгиевский крест) давался за непосредственное участие в сражениях.

Саблю вон — и в сечу! Вот
Пир иной нам Бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Нутка, кивер[186] набекрень,
И — ура! Счастливый день!

1804

Гусарский пир

Ради Бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами!
Всех наездников сзывай
С закручёнными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон[187] гусар летучих;
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от ура
И тряслись, и трепетали!..
Лучше б в поле закричали...
Но другие горло драли:
«И до нас придет пора!»[188]
Бурцов, брат! что за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцов, пью твое здоровье:

[186] *Ки́вер* — высокий головной убор с круглым дном, козырьком, подбородочным ремнем и различными украшениями.
[187] *Эскадрон* — в кавалерии часть полка, подразделение, соответствующее роте в пехоте.
[188] По-видимому, автобиографический намек: к 1804 г, Давыдов еще не участвовал в сражениях.

Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,[189]
Фланкируй, как фланкируешь;
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи ее полет.
Пей, люби да веселися!
Вот мой дружеский совет.

1804

В альбом

На вьюке, в тороках[190] цевницу я таскаю;
Она и под локтём, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

1811

Песня

Я люблю кровавый бой!

[189] *Понтировать* — играть в банк, штос, против банкомета, ставить куш на карту.
[190] *Тороки* — ремни у задней луки седла для привязывания чего либо.

Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

За тебя на чёрта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами;
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
О, как страшно смерть встречать
На постеле господином!

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,

И не думая о ней!
То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!

1815

Решительный вечер гусара

Сегодня вечером увижусь я с тобою —
Сегодня вечером решится жребий мой,
Сегодня получу желаемое мною —
Иль абшид на покой.[191]

А завтра — черт возьми! как зюзя натянуся;[192]
На тройке ухарской стрелою полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся
И пьяный в Петербург на пьянство прискачу.

Но если счастие назначено судьбою
Тому, кто целый век со счастьем незнаком,

[191] *Абшид* (нем. *Abschied*) — отпуск, увольнение от службы или от должности.
[192] «Пьян как зюзя» или «напиться в зюзю» и т. п. — значит быть мертвецки пьяным. Это выражение восходит к псковским и смоленским говорам, где «зюзей» называли свинью (от междометия «зю-зю», которым ее подзывали). Соответственно, сравнение имеет тот же смысл, что и «пьян как свинья».

Тогда... о, и тогда напьюсь свинья свиньею
И с радости пропью прогоны с кошельком.

1816

* * *

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Как бешеный кричу: *увы!*
И от измены изменяюсь?
Я тот же атеист в любви,
Как был и буду, уверяю;
И чем рвать волосы свои,
Я ваши — к вам же отсылаю.
А чтоб впоследствии не быть
Перед наследником в ответе,
Все ваши клятвы: *век любить* —
Ему послал по эстафете.
Простите! Право, виноват!
Но если б знали, как я рад
Моей отставке благодатной!
Теперь спокойно ночи сплю,
Спокойно ем, спокойно пью
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чем чахнуть от любви унылой,
Ах, что здоро́вей может быть,
Как подписать отставку милой
Или отставку получить!

1817

Песня старого гусара

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны[193] до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном — кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны — дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют — и, преклонясь челом,

[193] *Доломан* — гусарский короткий офицерский плащ с рукавами, имеющей покрой полукафтана и привешиваемый к левому плечу.

Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик[194] с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк — и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсиру́ют на паркете!

Говорят умней они...
Но что слышим от любова?
«Жомини да Жомини!»[195]
А об водке — ни полслова.

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

1817

[194] *Ментик* — гусарская короткая одежда в роде курточки, опушенная мехом, надеваемая поверх доломана.
[195] *Жомини* Генрих Вениаминович (1779—1869) — военный писатель и теоретик, с 1813 г. на русской службе.

* * *

О пощади! — Зачем волше́бство ласк[196] и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокий,
Зачем скользит небережно покров
С плеч белых и груди высокой?
О пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею...
Но ты вошла — и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы —
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы!

1818

Листок[197]

«Листок иссохший, одинокой,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчик мой?»

[196] *Ласки* зд. означают приветливое, сердечное (ласковое) обращение.
[197] Перевод стих. Антуана Венсана Арно (1766—1834) «La Feuille» (1815), получившего европейскую известность.

— «Как знать мне! Налетели тучи —
И дуб родимый, дуб могучий
Сломили вихрем и грозой.
С тех пор, игралище Борея,
Не сетуя и не робея,
Ношусь я, странник кочевой,
Из края в край земли чужой;
Несусь, куда несет суровый,
Всему неизбежимый рок,
Куда летит и лист лавровый —
И легкий розовый листок!»

Конец 1810-х годов

Вечер в июне

Томительный, палящий день
Сгорел; полупрозрачна тень
Немого сумрака приосеняла дали,
Зарницы бегали за синею горой,
И, окропленные росой,
Луга и лес благоухали.
Луна во всей красе плыла на высоту,
Таинственным лучом мечтания питая,
И, приклонясь к лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

1827

Ответ

Я не поэт, я — партизан, казак,
Я иногда бывал на Пинде[198], но наскоком
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током[199]
Мой независимый бивак.
Нет! не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песне запевало.

1830

* * *

Когда я повстречал красавицу мою,
Которую любил, которую люблю,
Чьей власти избежать я льстил себя обманом, —
Я обомлел! — Так, случаем нежданным,
Гуляющий на вале сорванец —
Встречается солдат-беглец
С своим суровым капитаном.

1834

* * *

О, кто — скажи ты мне — кто ты,

[198] *Пинд* — горный хребет в Греции, на горах которого обитали Аполлон и музы (греч. миф.).
[199] *Кастальский ключ (ручей)* — источник на горе Парнас, посвященный Аполлону и музам (греч. миф.); источник вдохновения.

Виновница моей мучительной мечты!
Скажи мне, кто же ты, — мой ангел ли хранитель
Иль злобный гений-разрушитель
Всех радостей моих? — Не знаю — но я твой!
Ты смяла на главе венок мой боевой,
Ты из души моей изгнала жажду славы,
И грезы гордые, и думы величавы.
Ах! чтоб без трепета, без ропота терпеть
Разгневанной судьбы и грозы, и волненья,
Мне надо на тебя глядеть, всегда глядеть,
Глядеть без устали, как на звезду спасенья!
Уходишь ты — и за тобою вслед
Стремится мысль, душа несется,
И стынет кровь, и жизни нет!..
Но только что во мне твой шорох отзовется,
Я жизни чувствую прилив — я вижу свет —
И возвращается душа, и сердце бьется!..

1834

* * *

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны

Изгнаннику земли родной!

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти —
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай!

Иль нет! Сорви покров долой...
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой!

1834

* * *

Море воет, море стонет,
И во мраке, одинок,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливец, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою.

Молодая, золотая
Предвещательница дня!
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое.

1834

На голос известной русской песни

Я люблю тебя — без ума люблю!
О тебе одной думы думаю;
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка!

Ты взгляни, молю, на тоску мою —
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня беспокойного,
Осчастливь меня несчастливого!

Если жребий мой — умереть тоской,
Я умру, любовь проклинаючи,
Но и в смертный час воздыхаючи
О тебе, мой друг, моя душечка!

1834

* * *

Я помню — глубóко,

Глубоко мой взор,
Как луч, проникал и рощи, и бор
И степь обнимал широ́ко, широко..,

Но, зоркие очи,
Потухли и вы —
Я выглядел вас на деву любви,
Я выплакал вас в бессонные ночи!

1836

Выздоровление

Прошла борьба моих страстей,
Болезнь души моей мятежной,
И призрак пламенных ночей,
Неотразимый, неизбежный,
И милые тревоги милых дней,
И языка несвязный лепет,
И сердца судорожный трепет,
И смерть, и жизнь при встрече с *ней*...
Исчезло всё! — Покой желанный
У изголовия сидит...
Но каплет кровь еще из раны,
И грудь усталая и ноет, и болит!

1836

Современная песня

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,[200]
Расточитель славы.

То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала.

Деспотизма сопостат,[201]
Равенства оратор,
Вздулся, слеп и бородат,
Гордый регистратор.

Томы Тьера и Рабо[202]
Он на память знает
И, как ярый Мирабо,[203]
Вольность прославляет.

[200] Речь идет о Наполеоне.
[201] Т. е. противник деспотизма.
[202] *Тьер* Адольф (1797—1877) — французский политик и историк, сторонник буржуазной революции, автор «Истории Французской революции» (тт. 1—8, 1823—1828). Рабо де Сент-Этьен Жан Поль (1743—1793) — публицист и политический деятель Французской революции, жирондист, автор сочинения «Беглый взгляд на историю Французской революции».
[203] *Мирабо* Оноре (1749—1791) — один из вождей правого крыла буржуазии во время революции; выдающийся оратор.

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо[204]
Хлещет в ус да в рыло;

А глядишь: наш Лафает,[205]
Брут или Фабриций[206]
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.

Фраз журнальных лексикон,
Прапорщик в отставке,
Для него Наполеон —
Вроде бородавки;

Для него славнее бой
Карбонаров[207] бледных,
Чем когда наш шар земной
От громов победных

Колыхался и дрожал
И народ, в смятенье,
Ниц упавши, ожидал
Мира разрушенье.

---

[204] *Жабо* — оборка кисейная или кружевная на грудной части мужских рубашек в XVIII и начале XIX вв.
[205] *Лафает* (Лафайет) Мари Жозеф (1757—1834) —видный участник французской и американской революций, в эпоху Реставрации — один из лидеров либерально-буржуазной оппозиции.
[206] *Брут* Марк Юний (85—42 гг. до н. э.) —древнеримский республиканец, убийца Цезаря, воплощение гражданской доблести. *Фабриций* Кай Луцин (III в. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, образец чистоты нравов, мужества и бескорыстия.
[207] *Карбонары* — члены тайного политического общества в Италии. В переводе с итальянского *carbonaro* означает «угольщик». Название связано как с маскировкой (члены общества часто изображали простых торговцев углем), так и с внутренними ритуалами. Например, обряд сожжения древесного угля символизировал духовное очищение человека.

Что ж? — Быть может, наш герой
Утомил свой гений
И заботой боевой,
И огнем сражений?

Нет, он в битвах не бывал —
Шаркал по гостиным
И по плацу выступал
Шагом журавлиным.

Что ж? — Быть может, он богат
Счастьем семьянина,
Заменя блистанье лат
Тогой гражданина?

Нет, нахально подбочась,
Он по дачам рыщет
И в театрах, развалясь,
Всё шипит да свищет.

Что ж? — Быть может, сатаны
Он бежал приманок;
Звезды, ленты и чины
Презрел спозаранок?

Нет, мудрец не разрывал
С честолюбьем дружбы
И теперь бы крестик взял —
Только чтоб без службы.

Вот гостиная в лучах;
Свечи да кенкеты,[208]
На столе и на софах
Кипами газеты;

И превыспренний конгресс
Двух графинь оглохших
И двух жалких баронесс,
Чопорных и тощих;

Всё исчадие греха,
Страстное новинкой;
Заговорщица-блоха
С мухой-якобинкой;

И козявка-егоза,
Девка пожилая,
И рябая стрекоза,
Сплетня записная;

И комар, студент хромой,
В кучерской прическе;
И сверчок, крикун ночной,
Друг Крылова Моськи;

И мурашка-филантроп,
И червяк голодный,
И Филипп Филиппыч-клоп,

[208] *Кенкет* — лампа с горелкой ниже резервуара, наполненного маслом.

Муж... женоподобный,[209] —

Все вокруг стола — и скок
В кипет совещанья
Утопист, идеолóг,[210]
Президент собранья,

Старых барынь духовник,
Маленький аббатик,[211]
Что в гостиных бить привык
В маленький набатик.

Все кричат ему привет
С аханьем и писком,
А он важно им в ответ:
Dominus vobiscum![212]

И раздолье языкам!
И уж тут не шутка!
И народам, и царям —
Всем приходит жутко!

Всё, что есть,— всё в пыль и прах!
Всё, что процветает, —
С корнем вон! — Ареопаг[213]

---

[209] *Филипп Филиппыч* — Ф. Ф. Вигель (1786—1856) — член «Арзамаса», впоследствии известный мемуарист. Вигель был резким противником Чаадаева и западничества в целом. Памфлетный выпад Давыдова направлен как раз против его агрессивного славянофильства, включавшего резко критическое отношение к петровским реформам. *Муж... женоподобный.* Намек на гомосексуализм Вигеля.

[210] *Утопист, идеолог.* Речь идет о П. Я. Чаадаеве.

[211] *Маленький аббатик.* П. Я. Чаадаев.

[212] *Dóminus vobíscum!* — Господь с вами! (лат.).

[213] *Ареопаг* — древнегреческое (афинское) верховное судилище, которое находилось на холме бога войны Ареса; (перен.) суд из добросовестных и сведущих людей; (ирон.) судилище.

Так определяет.

И жужжит он, полн грозой,
Царства низвергая...
А России, — Боже мой! —
Таска... да какая!

И весь размежеван свет
Без войны и драки!
И России уже нет,
И в Москве поляки!

Но назло врагам она
Всё живет и дышит,
И могуча, и грозна,
И здоровьем пышет.

Насекомых болтовни
Внятием не тешит,
Да и место, где они,
Даже не почешет.

А когда во время сна
Моль иль таракашка
Заползет ей в нос — она
Чхнет — и вон букашка!

1836

Богомолка

Кто знает нашу богомолку,
Тот с ней узнал наедине,
Что взор плутовки втихомолку
Поет акафист[214] сатане.

Как сладко с ней играть глазами,
Ниц падая перед крестом,
И окаянными словами
Перерывать ее псалом!

О, как люблю ее ворчанье:
На языке ее всегда
Отказ идет как обещанье:
«Нет» на словах — на деле «да».

И — грешница — всегда сначала
Она завóпит горячо:
«О, варвар! изверг! я пропала!»
А после: «Милый друг, еще...»

1830-е годы

Федор Глинка (1786—1880)

Видение в луне

[214] *Акафист* — (от греч., *a* отриц. част., и *kathizein* сидеть) — церковное песнопение Спасителю, Божьей Матери и другим святым, при исполнении которого молящимся не дозволялось сидеть.

Заря, алея, угасала
Вдали, мелькая сквозь леса;
И тихая вечерняя роса,
Как благодать, сошла и засияла!
И день протек с кипящей суетой.
Всё ароматами и негою дышало;
Но мне чего-то всё недоставало:
И я страдал — сердечной пустотой.
Вдруг вся душа моя мятется и пылает...
Ее зовут с эфирной вышины!
И вот прекрасный круг безоблачной луны!
Она из-за лесов, как лебедь, выплывает,
И в ней горят черты знакомой мне красы:
Эльмира! это ты, в своем жилище новом!
Твои волнистые власы
Смешались с голубым твоим покровом...
Задумчивая! что мне скажешь ты без слов?
Что скажут мне твои уныло-хладны очи?..
Но ты скрываешься, как легкий призрак ночи,
В серебряном дыму летящих облаков!

1824

К ночи

Приди, о ночь! приди ко мне,
Как на условное свиданье!
Пусть гаснет пылкое страданье
В твоей прохладной тишине!

Ты, сизою своей одеждой
Окутав бедную постель,
Уложишь спать меня с надеждой...
Я сплю... И тайная свирель
Играет где-то дивны звуки:
И не она ль манит мечты?
И не она ль отводит муки?
Кто вас, воздушны красоты,
В приют тоски моей сзывает?
Кто так природу украшает
В моих заплаканных глазах?
Каких небес я вижу своды?
Картины счастья и свободы,
Лимон и лавры на холмах...
Но шум вломился с суетою,
И прочь с очей мечты и лень...
Опять идет мой грустный день
С своей несносной долготою...

1825

Темное воспоминание

Я помню так, как давний сон,
Мое златое время детства,
Когда еще мне чужд был стон,
Когда не знал я слова: бедства...
В тех незапамятных годах
Терялся часто я в мечтах,
Глядя на голубые своды

Как будто ведомых небес,
На виды сельские природы
И на спокойный темный лес
Под золотою полосою,
Когда день летний догорал
И свежей вечера росою
Благоуханный луг сиял...
Я помню, с каждою весною,
Откудова, не знаю сам,
Являлась дева песней к нам,
И часто занималась мною
Она, прекрасная как день;
Я помню стан, под флером, гибкой
И алые уста с улыбкой.
Как пролетающая тень,
Она без шуму приходила,
С любовью в голубых очах,
И на серебряных струнах
Златые песни выводила.
Я помню, часто я любил
Сидеть у ног певицы сладкой,
И, дух переводя украдкой,
Я жадно песнь ее ловил
И целовал у девы руки...
И были, в детской простоте,
Мне непонятны песни те;
Но — усладительные звуки,
Как дар высокий и святой,
Берег в душе дитя! счастливый, —
Так дождь пшеницы золотой

Ложится в лоно мягкой нивы.
И я с тех пор в душе носил
Залог священного посева...
От нас сокрылась скоро *дева.*
Уж я нигде не находил
Моей пленительной подруги!
Промчались детские досуги.
Я рано с грустью стал знаком:
Сказав в слезах «прости» отчизне,
Я рано брошен в бурю жизни,
И стал мне чужд отцовский дом.
Но что-то в памяти сверкало,
Мечтой неясною маня,
И мнилось, в сердце у меня
Как будто что-то созревало.
Я рос на поле боевом,
Труды и дальние походы
Снедали дни мои и годы:
Кругом грозы военной гром,
И со врагом дневные драки,
И, ночью, светлые биваки,
И грады пышные в огне —
Вот всё, что было близко мне!
Но браней смолкнула тревога,
Отпразднован победы пир;
И мне тиха была дорога:
Я шел украдкой в новый мир
Искать душе усталой мира...
Мне невзначай попалась лира!
Я в первых песнях пел любовь

И прелесть пышную природы,
И, чудеса сердечных снов,
Мечты блаженства и свободы
Ласкали юного певца...
И позже — в горестные лета,
Узнав вблизи коварство света,
Людей холодные сердца,
Лишенный счастья и покою,
Высокой вдохновен тоскою,
Я пылкой жаждою горел
Взноситься мыслью окрыленной
В пределы тайные вселенной;
И с гладом сердца я летел
К Нему — строителю природы;
И, выше созданных миров,
Где нет телесности оков,
Я в беспредельности свободы
Мой дух усталый освежал,
И горним солнцем позлащал
За мной влачащиеся узы.
Но никогда от ранних лет
Ко мне не приходили *музы,*
И мне неведом их привет;
Безвестны тайны песнопенья,
Пою по сердцу, без уменья...
Но что ж полна душа моя
О ком-то памяти священной!
Что б ни запел, то слышу я,
Всё песни *девы* незабвенной.

1825

Старец

Окончив тяжкую работу
Заботной, грустной жизни сей,
Он празднует свою субботу
В спокойной совести своей!

Он знает счастия обеты[215]
И мрак изгибистых дорог,
И что сулят кипящи леты
В мятежной области тревог.

Он отжил для подлунной жизни,
И часто в дивных, сладких снах
Он видит прежний край отчизны
В каких-то дальних сторонах.

Окончив тяжкую работу
Заботной, грустной жизни сей,
Он празднует свою субботу
В спокойной совести своей!

1825

Сон русского на чужбине

Отечества и дым нам сладок и приятен!
Державин

[215] *Обеты* зд. — обещания.

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгой;
И широко гуляет Волга
В заповедны́х своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —[216]

[216] По преданию, когда в 1478 году царь Иван III приказал увезти мятежный новгородский вечевой колокол в Москву, при переезде через Валдайские горы он сорвался с повозки и разбился. Из его осколков якобы и

Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про *ясны очи,*
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздохнул по стороне родной...

1825

Много ли надобно?

Что нам для жизни? — Уголок!
Для хлеба — нивы лоскуток!
Для садика земли частичка...
И я как маленькая птичка,
Беспечен, как она, и рад,
Коль из окна каких палат,

родились знаменитые валдайские ямщицкие колокольчики. На самом же деле ямщицкие (почтовые) колокольчиков в России появились в последней четверти XVIII века.

Или с чьего-нибудь балкона
Смотрю на синево наклона
Далеких, сводистых небес,
На расцвечённый летом лес.
Иль с башни *Екатерингофа*,
Где незамеченный сижу,
Я с сердцем радостным гляжу
На дальний абрис *Петергофа*,
На перламутровый залив.
Как он стеклянист и красив!
Как хороши под парусами
И с лентой флага — корабли!
На них дары чужой земли!
И под чужими небесами
Рожден их кормчий и пловец!..
Различен по́зыв для сердец:
Иных манит прибытком ловля
К горам нерастопимых льдов;
Других с Индейских островов
Ведет в кронштадтский рейд торговля...
А я, без сел и кораблей,
Картиной мира веселюся:
Где лягу — сплю; и не боюся
Неурожаев, ни мелей...
И я, бесконный, беспалатный,[217]
С одной сердечной полнотой
Любуюсь неба круглотой;
Глотаю запах ароматный

[217] *Палаты* — (в русской средневековой архитектуре) богатое жилое каменное или деревянное здание, обычно в два и более этажей, со многими помещениями.

И сам не знаю чьих садов.
Смотрю на сгибы берегов
Порой, на опененны волны —
И, сытостью душевной полный,
Иду в мой маленький приют,
В мой уголок, известный редким,
Где ласточки — мои соседки
И где мечты со мной живут.

1826

Жатва

Густая рожь стоит стеной!
Леса вкруг нивы как карнизы,
И всё окинул вечер сизый
Полупрозрачной пеленой...
Порою слышны отголосья
Младых косцов и сельских жниц;
Волнами зыблются колосья
Под пылкой ясностью зарниц;
И жатва, дочь златого лета,
Небесным кормится огнем
И жадно пьет разливы света
И зреет, утопая в нем...
Так горний пламень вдохновенья
Горит над нивою души,
И спеет жатва дум в тиши,
И созревают песнопенья...

1826

Луна

Луна прекрасная светила
В тиши лазоревых полей
И ярче золота златила
Главы подкрестные церквей.
А бедный узник за решеткой
Мечтал о Божьих чудесах:
Он их читал, как почерк четкий,
И на земле и в небесах.
И в тайной книге прошлой жизни
Он с умиленьем их читал,
И с мыслью о святой отчизне
Сидел, терпел — и уповал!

Между 9 марта — 31 мая 1826[218]

Весна

Уже душистей стали ели,
И пахнет в воздухе смолой;
Уже луга зазеленели,
И мох кудрится над скалой.

Разделись синие заливы,
И лодки ходят по реке;
Уже заколосились нивы,

[218] Время заключения Федора Глинки (по делу о декабристах) в Петропавловской крепости.

И слышно стадо вдалеке...

И воздух полон тишиною,
И как им сладостно дышать!
Так сердце с жизнью неземною
Вдыхает неба благодать.

Между 9 марта — 31 мая 1826

Два счастья

Земное счастье мне давалось,
Но я его не принимал:
К иному чувство порывалось,
Иного счастья я искал!
Нашел ли? — тут уста безмолвны...
Еще в пути моя ладья,
Еще кругом туман и волны,
И будет что? — не знаю я!

Между 9 марта — 31 мая 1826

Песнь узника

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник

Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости отчизна, край любезный!
Прости мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу, — такую долю
Взяла сама моя рука.

Откуда ж при́дет избавленье,
Откуда ждать беда́м конец?
Но есть на свете утешенье
И на святой Руси отец!

О русской царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.
Он значит — милость! Будь на троне,
И, наш отец, помилуй нас!

А мы с молитвой крепкой к Богу

Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь — и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате[219] —
Всё ту же песню запевал!..

1826

А ветер выл

За полночь пир, сиял чертог,
Согласно вторились напевы;
В пылу желаний и тревог
Кружились в легких плясках девы;
Их прелесть жадный взор следил,
Вино шипело над фиялом,[220]
А мрак густел за светлым залом,
А ветер выл!

И пир затих... последний пир!
И слава стихнула вельможи:
В дому день со́ днем глубже мир;
Ложится пыль на пышны ложи,
В глуши тускнеют зеркала,
В шкафах забыты знаки чести;

[219] *Каземат* — помещение в оборонительных сооружениях, защищенное от огня артиллерии; тюремное помещение для важных преступников.
[220] *Фиал* — (у древних греков) сосуд для питья с широким дном, чаша.

На барских крыльцах нет уж лести,
И мимо кра́дется хвала...
И всё в дому пустынно было,
Лишь сторож изредка бродил,
Стучал в металл и пел уныло,
А ветер выл!

Уж нет садов и нет чертога,
И за господ и за рабов
Молили в ближней церкви Бога,
Читали надписи гробов,
Дела усопших разбирали.
Но мертвых мир живой забыл:
К ним сыч да нетопырь слетали,
А ветер выл!

1826 или 1827

Звуки

1

Порой в полночной тишине
В глухой, безлюдной стороне
Я слышу песнь, я слышу звуки —
И сердцу сладостны они,
Как детства золотые дни!
От них стихают сердца муки.
Незримый тенор! твой напев
Сквозь душу с роскошью проходит,

Как ясный взор невинных дев.
Не знаю я, отколь приходит
Сей глас, как отзыв горних стран;
Но с ним целенье скорбных ран;
Он сладостно питает думу.
Молчат светила в вышине,
Леса наземные без шуму;
Но в сей безгласной тишине
В глухой безлюдной стороне,
Скрестя на грудь в покое руки,
Я слышу песнь, я слышу звуки!..

2

Опять они! всё те же звуки!
Там, где-то там, в туманной мгле,
Белее снега чьи-то руки
На звонком движутся стекле, —
И жизнь и песни под перстами!
Вон — там, незримыми устами,
О чем-то чудном говорят.
Сдается мне, поют про тайны
Плывущих в синеве миров,
О мятежах земли случайных,
О дивном жребии веков:
Возвышен голос сей и важен!
Как в ясном хрустале вода,
Он чист — и сладостно-протяжен,
Как чувство радости, когда
Мы, после долгия разлуки,

Пред девой милою сидим
И молча в очи ей глядим.
Опять они! всё те же звуки!..

3

Когда погаснут все огни
И стихнут голоса в многоглагольном граде,
Я слышу в тишине — опять они!
Как челн в волнах — душа в отраде...
О чем поют, не знаю сам,
Но с песнью сей — я к небесам!
Звучите ж вы, чарующие звуки!
Целите ж вы души скорбящей муки!
В часы святой, полночной тишины,
Отвеяв дня тоскливого заботы,
Вы так светлы, как луч луны,
Скользящий с ясной позолоты.

1827 или 1828

К лугу

Зеленый луг! Зеленый луг!
Как расстилаешься ты гладко,
Как отдыхает тут мой дух,
Как тут задумываться сладко!

Ах, если б так, ах, если б так
Постлался путь наземной жизни!

Смелей бы я сквозь вихрь и мрак
Спешил к сияющей отчизне,

Но тут скалы — и всё скалы,
Стоят, как призраки, от века,
И с них летят, кипят валы:
Трудна дорога человека!..

Зеленый луг! Зеленый луг!
Пока цветешь, стелися гладко!
И успокой мой томный дух
И дай задуматься мне сладко!..

1829

Весеннее чувство

Томление неизъяснимое
В душе моей,
Когда ласкается незримое
Незримо к ней.

Когда нисходит благодатное
От высоты,
И сердцу что-то непонятное
Сулят мечты.

Так, с первым вешних дней дыханьем,
Где я ни будь,
Уныло-сладостным страданьем

Теснится грудь.

Забыто всё, что обольщение,
Молва и шум,
И погружаюсь я в волнение
Великих дум.

И тут, что тайное, чудесное,
Всё так светло:
Как будто всё ко мне небесное
С небес сошло!..

1829

Грусть в тишине

Объято всё ночною тишиною,
Луга в алмазах, темен лес,
И город пожелтел под палевой луною,
И звездным бисером унизан свод небес;
Но влажные мои горят еще ресницы,
И не утишилась тоска моя во мне;
Отстал от песней я, отстал я от цевницы:
Мне скучно одному в безлюдной стороне.
Я живу, не живу,
И, склонивши главу,
Я брожу и без дум и без цели;
И в стране сей пустой,
Раздружившись с мечтой,
Я подобен *надломленной* ели;

И весна прилетит
И луга расцветит,
И калека на миг воскресает,
Зеленеет главой,
Но излом роковой
Пробужденную жизнь испаряет;
И, завидя конец,
Половинный мертвец
Понемногу совсем замирает!

Между 1826—1830

Отрадное чувство

Каким-то чувством обновилась.
Моя тоскующая грудь,
Душа о чем-то взвеселилась
И говорила мне: «Забудь,
Забудь печальное былое!»
И я, послушный, всё забыл,
И мнилось мне, что дым алое
Вился из золотых кадил.
Душа какой-то негой млела;
Понятней говор был ручья;
И звезд великая семья
На высях радостно светлела!
И, полный кроткой тишины,
Природой насыщая очи,
Я мнил, что золото луны
Мешалось с тишиною ночи!

Благодарю Его, кто дал
Мне хоть на миг покой сей чистый
С Ним светел стал я, как кристалл,
Одетый гранию лучистой!

Между 1827—1830

Прояснение

Я обрастал земной корою,
Я и хладел и цепенел,
И, как заваленный горою,
Давно небесного не зрел!

Но вдруг раздвинул Кто-то мрачность —
И вот незримых голоса!
И, как с поднебьем вод прозрачность,
С душой слилися небеса...

1830-е

К почтовому колокольчику

Ах, колокольчик, колокольчик!
Когда и над моей дугой,
Над тройкой ухарской, лихой
Ты зазвенишь? Когда дорога,
Широкой лентой раскатясь,
С своими пестрыми столбами
И с живописностью кругом,

Меня, мой колесистый дом,
Мою почтовую телегу,
К краям далеким понесет?
Когда увижу край над Волгой
И, с гор на горы мча стрелой,
Меня утешит песнью долгой
Земляк — извозчик удалой?
Когда увижу Русь святую,
Мои дубовые леса,
На девах ленту золотую
И синий русский сарафан?
Мне, сиротине на чужбине,
Мне часто грустно по родном,
И Русь я вижу, как в картине,
В воспоминании одном.

1829 или 1830

Первый снег

Постлалась белая, холодная постель,
И, под стеклом, чуть живы воды!
Сугроб высокий лег у ветхой изгороды...
В лесах одна без перемены — ель!
В господский сельский дом теснится вьюга в сени,
И забелелося высокое крыльцо,
И видны ног босых по улицам ступени,
И чаще трет ямщик полой себе лицо,
И колокол бренчит без звона,
Протяжно каркает обмоклая ворона,

И стая вдруг явилася сорок;
Везде огонь, везде дымятся трубы,
Уж для господ в домах готовят шубы,
И тройкою сосед катит на вечерок.
Куют коней, и ладят сани,
И говорят о будущем катаньи.
Пороша!.. и следят и зайцев и лисиц,
И хвалятся борзых удалым бегом...
И, по примете, первым снегом
Умылись девушки для освеженья лиц!

1832

Постояльцы

«Вы снимайте запор,
Отворяйте нам двор;
Мы пришли к вам, семьей, постояльцы.
Мы незримы для глаз,
Не ощупают нас,
Прикоснувшись, пытливые пальцы.
Не питье, не еда
Нам ваш хлеб и вода, —
Небольшое нам дайте местечко:
Не пиры нам рядить,
Будем смирно мы жить
В уголку, притаившись за печкой...
Мы беды не творим,
Но подчас пошалим:
Завизжим, замяукаем кошкой,

Зазвеним сковродой;
То старик с бородой
Постучится к вам ночью в окошко.
Но зато от воды,
От огня, от беды
Мы спасем, хоть гори всё пожаром;
Облегчим вам труды,
И к ответу в суды
Не потянут приказные[221] даром.
Отворяйте ж нам двор
И снимайте запор...» —
Так просились во двор постояльцы;
Василиса встает
И к воротам идет
И, слагая с молитвою пальцы,
Оградилась крестом...
Тихо в поле пустом,
Только даль огласилася смехом;
Ночь светла и тиха,
Но в кустах: «Ха! ха! ха!»
Раздавалось и вторилось эхом...

1834

Москва

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,

[221] *Приказ* — учреждение. *Приказный* — служащий в учреждении.

И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На *семи* твоих холмах!..[222]

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это *матушка Москва!*

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У *Ивана-звонаря?*..

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле ворот?!.

Ты не гнула крепкой выи[223]

[222] На семи холмах стоит Рим.
[223] *Выя* — шея.

В бедовóй своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный*, *град сердечный,*
Коренной России град!

1840

Тайны души

У души есть свои наслажденья,
У души есть заветный свой мир:
Своя вера — свои убежденья.
У души свой таинственный пир!

И душа *про свое* замышляет
И, уйдя из сетей суеты,

Как беглянка, летает, летает
Под наметом святой высоты.

Хоть *Подругу* наш остов телесный
По житейской таскает грязи;
Но *Она*, как природы небесной,
Всё в таинственной с небом связи!

И к душе налетают и гости,
И целует налетных сестра;
Но, незримых, не знают ни кости,
Ни телесная наша кора!

И напрасно к ним рвутся тревоги,
И напрасно мир сети плетет:
У души есть пути и дороги;
Пожелает — вспорхнет и уйдет!

1841—1845

Чего-то нет

1

Чего-то нет, чего-то жаль,
Душа о чем-то всё горюет;
Как будто друг уехал вдаль,
Как будто весть какую чует.

2

Кругом блестят ковры лугов,
Зеленым морем льется поле,
И много роз и соловьев,
А всё душа как не на воле! —

3

Но вот ей, звездочкой, во мгле
Блестит святое *упованье*,
Что *где-то*, темное земле,
Поймется же ее страданье...

4

И вот чего ей часто жаль:
И горлик[224] часто затоскует,
Как вспомнит про родную даль
И ветер *родины* почует.

Осень

Золотой метелью
Мчится желтый лист;
Жалобной свирелью
Слышен ветра свист...
В синие долины
Сумерки сошли;
С горныя вершины

[224] *Горлик* — голубь.

Вьются журавли!..
Слышу шепот сосен
С ближней высоты:
«Наступает осень,
Что же медлишь ты?!.»

1863

Две дороги

(Куплеты, сложенные от скуки в дороге)

Тоскуя — полосою длинной,
В туманной утренней росе,
Вверяет эху сон пустынной
Осиротелое шоссе...

А там вдали мелькает струнка,
Из-за лесов струится дым:
То горделивая чугунка
С своим пожаром подвижным.

Шоссе поет про рок свой слезной:
«Что ж это сделал человек?!
Он весь поехал по железной,
А мне грозит железный век!..

Давно ль красавицей дорогой
Считалась общей я молвой? —
И вот теперь сижу убогой
И обездоленной вдовой.

Где-где по мне проходит пеший;
А там и свищет и рычит
Заклепанный в засаде леший
И без коней — обоз бежит...»

Но рок дойдет и до чугунки:
Смельчак взовьется выше гор
И на две брошенные струнки
С презреньем бросит гордый взор.

И станет человек воздушной
(Плывя в воздушной полосе)
Смеяться и чугунке душной
И каменистому шоссе.

Так помиритесь же, дороги, —
Одна судьба обеих ждет.
А люди? — люди станут боги,
Или их громом пришибет.

Между 1836—1875

* * *[225]

И было раз, порой ночной,
Когда, меж сна и пробужденья,
Мелькают думы и виденья...

[225] Это стихотворение и следующие представляют собой отрывки из поэмы «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой».

И свежей памятью дневной
И томной памятью былого
Глава усталая полна —
Мне, вдруг... раскрылась вышина,
Как лик младой из-под покрова!
Не знаю, оставался ль я
Всё на земле, иль был возвышен,
И с телом, иль одна моя
Душа летела?.. Был мне слышен,
Был виден, близок мир иной,
Как солнце из-за синей тучи...
И вот, как помню, надо мной,
В средине звезд, путем зыбучим,
Белея, стлалась полоса;
И мне казались небеса
Торжественны и величавы —
Как празднество!.. Вдруг клики славы
И песни песней пронеслись:
Дружины светлых и дружины
Крылатых ангелов сошлись
И стройно заняли вершины:
Не стало в небе пустоты.
И се![226] является царица
Неизъяснимой красоты;
На ней венец и багряница,
И власти скиптр в ее десной.
Идет... и стала над луной!
И, в радостном благоговенье,
Склоняется под осененье

[226] *И се!* — И вот!

Благословляющего... И,
Покорная, стопы свои
Направила к земле... Толпами
Кидались ангелы вослед,
Чтоб яркий под ее стопами
Сбирать, как влагу, чистый свет
Целительный!.. И вот склонилась
Она как будто и ко мне,
И ароматом заструилась
Небесность. «Нет! Не в сей стране
Витать — тебе определенье!
Ты знаешь... Вспомяни!.. Иди!..
С тобой мое благословенье!
На Север .....
..... Угоди!»
Я не дослышал слов, — знать, радость
Тревожила мой ум и слух!
Но весь я погрузился в сладость,
И, как рассвет, сиял мой дух!..

* * *

Сии места я осмотрел
И поражен был. Тут сбывалось
Великое!.. Но кто б умел,
Кто б мог сказать, когда то сталось?..
Везде приметы и следы
И вид премены чрезвычайной
От ниспадения воды,
С каких высот — осталось тайной.

Но Север некогда питал,
За твердью некоей плотины,
Запросы вод, доколь настал
Преображенья час! И длинный,
Кипучий, грозный, мощный вал
Сразился с древними горами;
Наземный череп растерзал,
И стали щели — озерами.
Их общий всем продольный вид
Внушал мне это заключенье,
Но ток, сорвавшись, всё кипит,
Забыв былое заточенье,
Бежит и сыплет валуны,
И стал. Из страшного набега
Явилась — зеркало страны —
Новорожденная Онега!

Здесь поздно настает весна.
Глубоких долов, меж горами,
Карела дикая полна:
Там долго снег лежит буграми,
И долго лед над озерами
Упрямо жмется к берегам.
Уж часто видят: по лугам
Цветок синеется подснежный
И мох цветистый оживет
Над трещиной скалы прибрежной
А серый безобразный лед
(Когда глядим на даль с высот)
Большими пятнами темнеет,

И от озер студеным веет...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;
И в самом мае по утрам
Блистает серебро мороза...
Мертвеет долго всё... Но вдруг
Проснулось здесь и там движенье
Дохнул какой-то теплый дух,
И вмиг свершилось возрожденьем
Помчались лебедей полки,
К приютам ведомым влекомых;
Снуют по соснам пауки;
И тучи, тучи насекомых
В веселом воздухе жужжат;
Взлетает жавронок высоко,
И от черемух аромат
Лиется долго и далеко...
И в тайне диких сих лесов
Живут малиновки семьями:
В тиши бестенных вечеров
Луга, и бор, и дичь бугров
Полны кругом их голосами,
Поют... поют... поют оне
И только с утром замолкают;
Знать, в песне высказать желают,
Что́ в теплой видели стране,
Где часто провождали зимы;
Или предчувствием томимы,
Что скоро из лесов густых
Дохнет, как смерть неотвратимый,

От беломорских стран пустых
Губитель роскоши и цвета.
Он вмиг, как недуг, всё сожмет,
И часто в самой неге лета
Природа смолкнет и замрет!

По Суне плыли наши челны,
Под нами стлались небеса,
И опрокинулися в волны
Уединенные леса.
Спокойно всё на влаге светлой,
Была окрестность в тишине,
И ясно на глубоком дне
Песок виднелся разноцветной.
И за грядою серых скал
Прибрежных нив желтело злато,
И с сенокосов ароматом
Я в летней роскоши дышал.
Но что шумит?.. В пустыне шепот
Растет, растет, звучит, и вдруг
Как будто конной рати топот
Дивит и ужасает слух!
Гул, стук!.. Знать, где-то строят грады!
Свист, визг!.. Знать, целый лес пилят!
Кружатся, блещут звезд громады,
И вихри влажные летят
Холодной, стекловидной пыли.
Кивач! Кивач!..[227] Ответствуй, ты ли?..
И выслал бурю он в ответ!..

[227] *Кивач* — славный водопад на реке Суне, воспетый знаменитым Г. Р. Державиным. (Примечание Глинки.)

Кипя над четырьмя скалами,
Он с незапамятных нам лет,
Могучий исполин, валами
Като́т жемчуг и серебро;
Когда ж хрустальное ребро
Пронзится горними лучами,
Чудесной радуги цветы
Его опутают, как ленты;
Его зубристые хребты
Блестят — пустыни монументы.
Таков Кивач, таков он днем!
Но под зарею летней ночи
Вдвойне любуются им очи:
Как будто хочет небо в нем
На тысячи небес дробиться,
Чтоб после снова целым слиться
Внизу, на зеркале реки...
Тут буду я! Тут, жизнь, теки!..
О счастье жизни сей волнистой!
Где ты — в чертоге ль богача,
В обетах роскоши нечистой,
Или в Карелии лесистой
Под вечным шумом Кивача?..

* * *

...На дальнем Севере есть птица.
Она, как слышно, иногда
Перелетает и сюда.
Как мысль, как пылкая зарница,

Она мелькает по лесам.
Ее, как сон, я видел сам.
Грудь — яхонт, и лазурны крылы
Отливом золота горят;
Напев и длинный, и унылый,
И сладостный, как первый взгляд
На жениха стыдливой девы.
Какие звуки!.. Те напевы
Так очаровывают нас,
Когда их слышим в первый раз!..
Заман души, так в душу льются!
Чудесным счастьем и тоской
Все струны сердца потрясутся
И растревожится покой,
Как только песню ту услышишь:
Едва живешь, с боязнью дышишь!..
И время нет... Исчезла даль!..
Как прах, как дым, земное мчится,
И мчится всё с ним, что печаль.
Душа, юнея, веселится,
Как после недугов дитя,
Куда-то всё летя, летя...
Но из карельцев чудной птицы
Еще никто сей не видал.
Пусть ставят сети и пленицы![228]
Кто б был он, чтоб ее поймал?
Ее не видят здешних взоры,
Но мне порой видна она,
И с ней мне милы эти горы

[228] *Пленица* — волосяная петля, силок для ловли тетеревов.

И эта дикая страна!..

* * *

Что вдруг душа моя грустит
И пала в думе боязливой,
Как птица робкая над нивой,
Когда орел над ней шумит?..
Смутился ум, прильнул язык,
Невольно движутся колени...
Но ты послышал сердца крик —
И свет твой вспыхнул в смертной сени.

Ты озарил меня лучом —
И я во тьме увидел ясно:
С тобой нет бед нигде, ни в чем,
А без тебя везде опасно...

* * *

Поверьте мне, я вижу их! —
Не сомневайтесь больше, други! —
Я вижу вечно молодых
И их лазуревые круги.
Поверьте: это не мечты!..
Я вижу райские цветы!
И как они играют ими,
И сами свежие, как цвет!
Какой невыразимый свет
Там, над долинами святыми?..

Они легки, они в венках;
Я вижу лиры в их руках...
Там смешано повсюду злато
С неизъяснимой белизной!
И всё кругом так чисто, свято,
И сам я становлюсь иной:
Парю пареньем бестелесных,
Тону в их радостной тиши...
Но уж бежит покой души,
Исчез видений ряд чудесных,
Я на земле, на ниве слез,
Закрылся верх — я житель низа.
Но ароматами небес
Моя благоухает риза...

Между 1828—1830

Константин Батюшков (1787—1855)

Выздоровление[229]

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,

[229] Стихотворение обращено к молодой девушке, дочери рижского купца Мюгеля, в доме которого Батюшков находился в июне-июле 1807 г. после ранения, полученного под Гейльсбергом.

Уж сердце медленнее билось,
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцалуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали —
От Орковых полей[230], от Леты берегов —
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь: она — твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

Июнь или июль 1807

Тибуллова элегия III

(Из III книги)

Напрасно осыпал я жертвенник цветами,
Напрасно фимиам курил пред алтарями;
Напрасно: Делии еще с Тибуллом нет.
Бессмертны! Слышали вы скромный мой обет!
Молил ли вас когда о почестях и злате?
Желал ли обитать во мраморной палате?
К чему мне пажитей[231] обширная земля,

[230] *Орк* — божество смерти, доставляющее людей в подземный мир; *орковые поля* — подземный мир (рим. миф.).
[231] *Пажить* — пастбище.

Златыми класами венчанные поля
И стадо кобылиц, рабами охраненно?
О бедности молил, с тобою разделенной!
Молил, чтоб смерть меня застала при тебе,
Хоть нища, но с тобой!.. К чему желать себе
Богатства Азии или волов дебелых?[232]
Ужели более мы дней сочтем веселых
В садах и в храминах, где дивный ряд столбов
Иссечен хитростью наемных пришлецов;
Где всё один порфир Тенера и Кариста,[233]
Помосты мраморны и урны злата чиста;
Луга пространные, где силою трудов
Легла священна тень от кедровых лесов?[234]
К чему эритрские жемчужины бесценны[235]
И руны тирские, багрянцем напоенны?[236]
В богатстве ль счастие? В нем призрак, тщетный вид!
Мудрец от лар[237] своих за златом не бежит,
Колен пред случаем вовек не преклоняет
И в хижине своей с фортуной обитает!
И бедность, Делия, мне дорога с тобой!
Тот кров соломенный чту крышей золотой,
Под коим, сопряжен любовию с тобою,
Сто крат благословен!.. Но если предо мною
Бессмертные весов судьбы не преклонят —
Утешит ли тогда Тибулла пышный град?

---

[232] *Дебелый* — толстый, крепкий, плотный (о человеке, животном).
[233] *Тенер* (Тенар) и *Карист* — местности в Греции, где в древности добывался порфир. *Порфир* — горная порода типа гранита.
[234] Кедр в древней Греции считался священным деревом.
[235] *... эритрские жемчужины...* — добытые в Эритрейском море (ныне — Персидский залив).
[236] Дорогая пурпурной окраски шерсть, вырабатывавшаяся в финикийском городе Тире.
[237] *Лары* (рим. миф.) — боги, охранявшие дом и семью.

Ах! нет! и золото блестящего Пактола,[238]
И громкой славы шум, и самый блеск престола
Без Делии — ничто, а с ней и куща[239]— храм,
Безвестность, нищета завидны небесам!
О дочь Сатурнова![240] услышь мое моленье!
И ты, любови мать![241] Когда же парк сужденье,
Когда суровых сестр противно вретено
И Делией владеть Тибуллу не дано, —
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Где блата топкие и воды Ахерона
Широкой цепию вкруг ада облежат,
Где беспробудным сном печальны тени спят.

1809

Веселый час

Вы, други, вы опять со мною
Под тенью то́полей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах!

Други! сядьте и внемлите
Музы ласковой совет.
Вы счастливо жить хотите

[238] *Пактол* — река в Малой Азии, богатая золотым песком.
[239] *Куща* — шалаш.
[240] *... дочь Сатурнова... — Веста*, богиня-покровительница домашнего очага. *Сатурн* — бог земли и посевов, отец Юпитера (рим. миф.).
[241] *... любови мать...* — Афродита. *Афродита* (греч. миф.) — богиня любви, красоты и плодородия. Рожденная из морской пены, она вышла на сушу на острова Кипр и Киферон (отсюда ее прозвания Киприда, Киферея, или Цитерея). Богине посвящены голубь, заяц, дельфин, из растений — мирт, роза, мак. Женский праздник в честь Афродиты приходился на март.

На заре весенних лет?
Отгоните призрак славы!
Для веселья и забавы
Сейте розы на пути;
Скажем юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить:
Ах, не долго веселиться
И не веки в счастье жить!

Но вы, о други, вы со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

Станем, други, наслаждаться,
Станем розами венчаться;
Лиза! сладко пить с тобой,
С нимфой[242] резвой и живой!
Ах! обнимемся руками,
Съединим уста с устами,
Души в пламени сольем;
То воскреснем, то умрем!..

Вы ль, други милые, со мною,
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах?

[242] *Нимфы* (греч. миф.) — божества, олицетворяющие силы и явления природы.

Я, любовью упоенный,
Вас забыл, мои друзья,
Как сквозь облак вижу темный
Чаши золотой края!..
Лиза розою пылает,
Грудь любовию полна;
Улыбаясь, наливает
Чашу светлого вина.
Мы потопим горесть нашу,
Други! в эту полну чашу,
Выпьем разом и до дна
Море светлого вина!

Друзья! уж месяц над рекою,
Почили рощи сладким сном;
Но нам ли здесь искать покою
С любовью, с дружбой и вином?
О радость! радость! Вакх веселый
Толпу утех сзывает к нам;
А тут в одежде легкой, белой
Эрато[243] гимн поет друзьям:
«Часы крылаты! не летите,
И счастье мигом хоть продлите!»
Увы! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они!
Ни лень, ни счастья наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время, сильною рукой,
Погубит радость и покой.

[243] *Эрато* — муза любовной поэзии (греч. миф.).

Луга веселые, зелены,
Ручьи кристальные и сад,
Где мшисты дубы, древни клены
Сплетают вечну тень прохлад, —
Ужель вас зреть не буду боле?
Ужели там, на ратном поле,
Судил мне рок сном вечным спать?
Свирель и чаша золотая
Там будут в прахе истлевать;
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
Забвенный прах не окропится...
Заране должно ли крушиться?
Умру, и всё умрет со мной!..
Но вы еще, друзья, со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

Между началом 1806 и февралем 1810

Тибуллова элегия X

Из I книги

(Вольный перевод)

Кто первый изострил железный меч и стрелы?
Жестокий! он изгнал в безвестные пределы
Мир сладостный и в ад открыл обширный путь!
Но он виновен ли, что мы на ближних грудь
За золото, за прах — железо устремляем,

А не чудовищей им диких поражаем?
Когда на пиршествах стоял сосуд святой
Из буковой коры меж утвари простой
И стол был отягчен избытком сельских брашен,[244] —
Тогда не знали мы щитов и твердых башен
И пастырь[245] близ овец спокойно засыпал;
Тогда бы дни мои я радостьми считал!
Тогда б не чувствовал невольно трепетанье
При гласе бранных[246] труб! О тщетное мечтанье!
Я с Марсом[247] на войне: быть может лук тугой
Натянут на меня пернатою стрелой...

О боги! сей удар вы мимо пронесите,
Вы, лары отчески[248], от гибели спасите!
О вы, хранившие меня в тени своей
В беспечности златой от колыбельных дней,
Не постыдитеся, что лик богов священный,
Иссе́ченный из пня и пылью покровенный,
В жилище праотцев уединен стоит!
Не знали смертные ни злобы, ни обид,
Ни клятв нарушенных, ни почестей, ни злата,
Когда священный лик домашнего пената[249]
Еще скудельный был на пепелище их![250]
Он благодатен нам, когда из чаш простых
Мы учиним пред ним обильны излиянья

[244] *Брашно* — пища, еда.
[245] *Пастырь* — пастух.
[246] *Брань* — битва, сражение.
[247] *Марс* — бог войны (рим. миф.).
[248] *Лары* — души предков, охранявшие дом и семью (рим. миф.).
[249] *Пенаты* — боги-хранители домашнего очага (рим. миф.).
[250] Подразумевается, что статуэтка пената, стоявшая около домашнего очага, была простой, глиняной (скудельной). *Пепелище* — погорелое место, место пожара, пожарища; (перен.) родной дом, очаг, жилище, преим. унаследованное от предков: вернуться на старое пепелище.

Иль на чело его, в знак мирного венчанья,
Возложим мы венки из миртов и лилей;
Он благодатен нам, сей мирный бог полей,
Когда на празднествах, в дни майские веселы,
С толпою чад своих оратай престарелый
Опресноки[251] ему священны принесет,
А девы красные из улья чистый мед.
Спасите ж вы меня, отеческие боги,
От копий, от мечей! Вам дар несу убогий:
Кошницу полную Цереринх даров,[252]
А в жертву — сей овен, краса моих лугов.
Я сам, увенчанный и в ризы облеченный,[253]
Явлюсь наутрие[254] пред ваш алтарь священный.
Пускай, скажу, в полях неистовый герой,
Обрызган кровию, выигрывает бой;
А мне — пусть благости сей буду я достоин —
О подвигах своих расскажет древний воин,
Товарищ юности; и, сидя за столом,
Мне лагерь начертит веселых чаш вином.
Почто же вызывать нам смерть из царства тени,
Когда в подземный дом везде равны ступени?
Она, как тать в ночи,[255] невидимой стопой,
Но быстро, гонится, и всюду за тобой!
И низведет тебя в те мрачные вертепы,[256]

[251] *Опресноки* — пресный хлеб.
[252] *Кошница* — корзина. *Церера* (рим. миф.) — богиня плодородия и земледелия.
[253] *Ризы* — верхнее облачение священников во время богослужения. В поэтическом словоупотреблении — одежда.
[254] *Наутрие* — на другое утро, утром следующего дня.
[255] *Тать* — вор, грабитель.
[256] *Вертеп* — пещера, ущелье.

Где лает адский пес,[257] где Фурии свирепы[258]
И кормчий в челноке на Стиксовых водах.
Там теней бледный полк толпится на брегах,
Власы обожжены, и впалы их ланиты!..
Хвала, хвала тебе, оратай домовитый!
Твой вечереет век средь сча́стливой семьи;
Ты сам, в тени дубрав, пасешь стада свои;
Супруга между тем трапе́зу учреждает,
Для омовенья ног сосуды нагревает
С кристальною водой. О боги! если б я
Узрел еще мои родительски поля!
У светлого огня, с подругою младою,
Я б юность вспомянул за чашей круговою,
И были, и дела давно протекших дней!

Сын неба! светлый Мир! ты сам среди полей
Вола дебелого ярмом отягощаешь!
Ты благодать свою на нивы проливаешь,
И в отческий сосуд, наследие сынов,
Лиешь багряный сок из Вакховых даров.
В дни мира острый плуг и заступ нам священны,
А меч, кровавый меч, и шлемы оперенны
Снедает ржавчина безмолвно на стенах.
Оратай из лесу там едет на волах
С женою и с детьми, вином развеселенный!
Дни мира, вы любви игривой драгоценны!
Под знаменем ее воюем с красотой.
Ты плачешь, Ливия? Но победитель твой,

[257] *Адский пес* — Цербер, трехголовый пес, охраняющий вход в подземное царство (греч. и рим. миф.).
[258] *Фурия* — богиня мщения, одна из трех адских богинь, карательниц преступников, изображавшихся с бичами в руках и змеями вместо волос.

Смотри! — у ног твоих, колена преклоняет.
Любовь коварная украдкой подступает,
И вот уж среди вас, размолвивших, сидит!
Пусть молния богов нещадно поразит
Того, кто красоту обидел на сраженье!
Но счастлив, если мог в минутном исступленье
Венок на волосах каштановых измять
И пояс невзначай у девы развязать!
Счастли́в, трикрат счастлив, когда твои угрозы
Исторгли из очей любви бесценны слезы!
А ты, взлелеянный средь копий и мечей,
Беги, кровавый Марс от наших алтарей!

Между концом 1809 и мартом 1810

Счастливец

Подражание Касти[259]

Слышишь! мчится колесница
Там по звонкой мостовой!
Правит сильная десница
Коней сребряной браздой!

Их копыта бьют о камень,
Искры сыплются струей;
Пышет дым, и черный пламень
Излетает из ноздрей!

[259] Свободное переложение стихотворения итальянского поэта Джан Баттиста Касти (1724—1803) из цикла «Анакреонтических стихотворений».

Резьбой дивною и златом
Колесница вся горит.
На ковре ее богатом
Кто ж, Лизета, кто сидит?

Временщик[260], вельмож любимец,
Что на откуп город взял...
Ах! давно ли он у кры́лец
Пыль смиренно обметал?

Вот он с нами поравнялся
И едва кивнул главой;
Вот уж молнией промчался,
Пыль оставя за собой!

Добрый путь! Пока лелеет
В колыбели счастье вас!
Поздно ль? рано ль? но приспеет
И невзгоды страшный час.

Ах, Лизета! льзя ль прельщаться
И теперь его судьбой?
Не ему счастливым зваться
С развращенною душой!

Там, где хитростью искусства
Розы в зиму расцвели;
Там, где всё пленяет чувства —
Дань морей и дань земли:

[260] *Временщик* — человек, получивший высокое положение по воле стоящего у власти покровителя.

Мрамор дивный из Пароса[261]
И кораллы на стенах;
Там, где в роскоши Пафоса[262]
На узорчатых коврах

Счастья шаткого любимец
С нимфами забвенье пьет, —
Там же слезы сей счастливец
От людей украдкой льет.

Бледен, ночью Крёз несчастный[263]
Шепчет тихо, чтоб жена
Не вняла сей глас ужасный:
«Мне погибель суждена!»

Сердце наше — кладезь мрачный:
Тих, покоен сверху вид,
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит![264]

Душ великих сладострастье,
Совесть! зоркий страж сердец!
Без тебя ничтожно счастье,
Гибель — злато и венец!

---

[261] *Паро́с* — греческий остров, с которого добывался превосходный белый мрамор.
[262] *Пафо́с* — город на острове Кипр, где находился храм Афродиты. Жрицы этого храма отдавались за деньги, используемые для храма.
[263] *Крёз* — баснословно богатый царь Лидии (Малая Азия) в VI веке до н. э., имя которого сделалось нарицательным для богатых людей.
[264] *Сердце наше кладезь мрачной... Крокодил...* — слова, заимствованные из романа Шатобриана «Атала».

1810

Элизий

О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени приютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестный,
Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где всё тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любуясь пляской граций,[265]

[265] *Грации* — богини прелести и красоты (рим. миф.), соответствующие греческим харитам.

Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

1810

Привидение

(Из Парни)[266]

Посмотрите! в двадцать лет
Бледность щеки покрывает;
С утром вянет жизни цвет:
Парка дни мои считает
И отсрочки не дает.
Что же медлить! Ведь Зевеса
Плач и стон не укротит.
Смерти мрачной занавеса
Упадет — и я забыт!
Я забыт... но из могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, друг мой милый,
Как мертвец тебя пугать.
В час полуночных явлений
Я не стану в виде тени,

[266] *Эварист Парни* (1753—1814) — французский поэт, создатель цикла стихов о любви. Влияние Парни на русскую поэзию начала XIX века было сильнейшим, среди его подражателей оказались Давыдов, Батюшков, Пушкин, Баратынский…

То внезапу, то тишком,
С воплем в твой являться дом.
Нет, по смерти невидимкой
Буду вкруг тебя летать;
На груди твоей под дымкой
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развевать
Легким уст прикосновеньем,
Как зефира дуновеньем,
От каштановых волос
Тонкий запах свежих роз.
Если лилия листами
Ко груди твоей прильнет,
Если яркими лучами
В камельке огонь блеснет,
Если пламень потаенный
По ланитам пробежал,
Если пояс сокровенный
Развязался и упал —
Улыбнися, друг бесценный,
Это я! — Когда же ты,
Сном закрыв прелестны очи,
Обнажишь во мраке ночи
Роз и лилий красоты,
Я вздохну... и глас мой томный,
Арфы голосу подобный,
Тихо в воздухе умрет.
Если ж легкими крилами
Сон глаза твои сомкнет,
Я невидимо с мечтами

Стану плавать над тобой.
Сон твой, Хлоя, будет долог...
Но когда блеснет сквозь полог
Луч денницы золотой,
Ты проснешься... о блаженство!
Я увижу совершенство...
Тайны прелести красот,
Где сам пламенный Эрот
Оттенил рукой своею
Розой девственну лилею.
Всё опять в моих глазах!
Все покровы исчезают;
Час блаженнейший!.. Но ах!
Мертвые не воскресают.

1810

Радость[267]

Подражание Касти

Любимца Кипридина[268]
И миртом, и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!
Толпами сбирайтеся,
Руками сплетайтеся
И, радостно топая,

[267] Вольный перевод одноименного стихотворения Касти («Le contento»).
[268] *Киприда* — одно из прозвищ Афродиты; остров Кипр, на который она вышла из морской пены, — центр ее культа. *Любимца Кипридина* — т. е. Анакреон(т)а Теосского, греческого поэта VI века до н. э., автора любовных песен (родившегося в городе Теос в Ионии).

Скачите и прыгайте!
Мне лиру тиискую[269]
Камены и грации[270]
Вручили с улыбкою:
И песни веселию,
Приятнее не́ктара
И слаще амврозии,
Что пьют небожители,
В блаженстве беспечные,
Польются из струн ее!
Сегодня — день радости:
Филлида суровая[271]
Сквозь слезы стыдливости
«Люблю!» мне промолвила.
Как роза, кропимая
В час утра Авророю,
С главой, отягченною
Бесценными каплями,
Румяней становится, —
Так ты, о прекрасная!
С главою поникшею,
Сквозь слезы стыдливости
Краснея, промолвила
«Люблю!» тихим шепотом.
Всё мне улыбнулося;
Тоска и мучения,

[269] *Лира тииская* — лира Анакреонта Теосского, ср.: «певец Тииский» у Державина («Русские девушки»).
[270] *Камены* — богини-покровительницы искусств и наук (рим. миф.), соответствующие музам в греческой мифологии.
[271] *Филлида* (греч. «лиственная») — дочь фракийского царя Сифона и невеста одного из троянских героев Демофона. Когда жених не возвратился в назначенный день, Филлида повесилась и была превращена в дерево (см. «Метаморфозы» Овидия). Здесь: условное поэтическое имя.

И страхи и горести
Исчезли — как не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему
Меж бисерных облаков
Цитерскими птицами
К Цитере иль Пафосу,[272]
Цветами осыпала
Меня и красавицу.
Всё мне улыбнулося! —
И солнце весеннее,
И рощи кудрявые,
И воды прозрачные,
И хóлмы парнасские![273]
Любимца Кипридина,
В любви победителя,
И миртом, и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!

1810

Мои пенаты[274]

Послание к Жуковскому и Вяземскому

Отечески пенаты,

[272][272] Остров *Цитера* (Кифера) — один из центров культа богини любви Афродиты. *Пафос* — город на Кипре, где находился храм Афродиты.
[273] *Парна́с* — гора в Греции; по верованиям древних греков, место обитания муз и Аполлона — бога солнца, покровителя наук и искусств.
[274] *Пенаты* — боги-хранители домашнего очага (рим. миф.).

О пестуны мои![275]
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы́ и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где, странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам,
Но слезы умиленья,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
Богинь пермесских дар![276]
О Лары! уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы

[275] *Пе́стун* — тот, кто пестует, нянчит кого-либо; (перен.) тот, кто заботливо выращивает, воспитывает кого-либо.
[276] *Богини пермесские, пиериды* (см. ниже) — музы.

И суеты мирской
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухлая скудель![277]
Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги
Богатство с суетой;
С наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися
О воин, у меня,
Войди и обсушися
У яркого огня.

[277] *Рухлый* — непрочный; пришедший в ветхость. *Скудель* — глина; глиняный горшок, сосуд, а также (в переносном смысле) всё земное, непрочное, преходящее.

О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой
Что в жупел и в огни[278]
Летал перед полками
Как вихорь на полях,
И вкруг его рядами
Враги ложились в прах!..
И ты, моя Лилета,[279]
В смиренный уголок
Приди под вечерок,
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущéнны

[278] *Жупел* — по христианским религиозным представлениям, горящая сера, смола для грешников в аду; (перен.) то, что внушает страх, ужас, чем запугивают кого-нибудь.

[279] *Лилета* — условное поэтическое имя, подразумевающее утонченную красоту. Восходит к латинскому слову *lilium* (лилия) и переводится как «маленькая лилия».

Взвевают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Как ветер меж листами,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечный!..»
Блажен в сени беспечной,
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья,
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..

Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты над окном,
Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,

И всё любовью дышет
Среди полей моих;
Всё с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховейный
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны златые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестный,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепою
Забыт я от пелен,[280]
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой,

[280] Т. е. Фортуной.

Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой,
И часто, в мирной сени,
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретает хоры муз!)[281]
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы,
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,[282]
Подруги будьте мне!
Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени

[281] *Аония* — местность у подножья Геликона (горы, где, по греческой мифологии, обитали музы). *Сретает* — встречает.
[282] Т. е. музы. *Парнас* — горный массив в Греции, считавшийся наряду с Геликоном одним из местопребываний Аполлона и муз.

Стигийских берегов[283]
Иль области эфирны,[284]
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин,[285]
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз, и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.[286]
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,[287]
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.
Фантазии небесной
Давно любимый сын,

---

[283] *Стигийские берега* — берега подземной реки Стикс (греч. миф.).
[284] Т. е. небесные области.
[285] *Парнасский исполин* — Державин; далее подразумевается стихотворение Державина «Лебедь» — вольное подражание оде XX книги II Горация.
[286] То есть поет то нежно о любви (как лира), то громко о подвигах, о славе (как труба). О славе (греческих атлетов) пел греческий поэт Пиндар, а о любви — римский поэт Гораций. Ср. со строкой Державина «Чрез звуки лиры и трубы».
[287] *Наш Пиндар, наш Гораций... Как Суна средь степей...* — Эта характеристика Державина заимствована из посвящения Державину трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», где Державин назван поэтом, «который с парением Пиндара согласил философию Горация..., коего стихотворство шумно, быстро и чудесно, как водопад Суны». *Суна* — река в Карелии, где находится водопад Кивач, воспетый Державиным в оде «Водопад».

То повестью прелестной

Пленяет Карамзин,[288]

То мудрого Платона

Описывает нам

И ужин Агатона

И наслажденья храм,

То древню Русь и нравы

Владимира времян

И в колыбели славы

Рождение славян.

За ними сильф прекрасный,[289]

Воспитанник харит,[290]

На цитре сладкогласной[291]

О Душеньке бренчит;

Мелецкого с собою[292]

Улыбкою зовет

И с ним, рука с рукою,

Гимн радости поет!..

С эротами играя

Философ и пиит,

Близ Федра и Пильпая[293]

Там Дмитриев сидит;[294]

Беседуя с зверями,

---

[288] *...пленяет Карамзин...* — имеется в виду очерк Н. М. Карамзина «Афинская жизнь»; там изображен друг Платона, драматург *Агатон*, а также ужин в «храме наслажденья» — доме афинянина Гиппия.

[289] *... сильф прекрасный...* — поэт И. Ф. Богданович (1743—1803), автор поэмы «Душенька». *Сильфы* — (по средневековым поверьям) духи огня, воды, воздуха, земли.

[290] *Хариты* (греч. миф.: рим. миф. — *грации*) — три богини красоты и изящества.

[291] *Цитра* (итал., от греч. *kithara*) — музыкальный инструмент с металлическими над резонансовой доской струнами, из которых извлекают звуки посредством плектрона; был известен еще в древности.

[292] *Нелединский-Мелецкий* Юрий Александрович (1752—1828), поэт карамзинской школы, автор песен и стихотворений с любовно-эпикурейской тематикой.

[293] *Федр* — латинский баснописец I в. н. э. *Пильпай* (Бидпай) — древний индийский баснописец.

[294] *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837) — поэт-сентименталист, автор басен, сатирических сказок, лирических стихотворений и песен, высоко ценившийся Батюшковым. В свою очередь Дмитриев называл Батюшкова «достойным собратом любезного Жуковского» и находил, что он пишет «прекрасные» стихи.

Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер[295] и Крылов.
Наставники-пииты,
О Фебовы жрецы![296]
Вам, вам плетут хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги пиерид,
И в радости взываю:
О музы! я пиит![297]

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И негу, и покой!
Фортуна, прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил

[295] *Хемни́цер* Иван Иванович (1745—1784) — русский баснописец.
[296] *Феб* — Аполлон; буквально: светлый. Аполлон — бог солнечного света и бог поэзии (греч. миф.).
[297] *Пиит* — поэт.

И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вас, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковский добрый мой!
Стрелою мчится время,
Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О Вяземский! цветами
Друзей своих венчай,
Дар Вакха перед нами:[298]
Вот кубок — наливай!
Питомец муз надежный,
О Аристиппов внук![299]

---

[298] *Вакх* — прозвище Диониса, бога растительности, покровителя виноградарства и виноделия, сына Зевса, воспитанного нимфами. Он является в барсовой шкуре, с тирсом (жезлом, увитым плющом и виноградными листьями) в руке, в сопровождении шумной толпы вакханок.

[299] *Аристиппов внук* — П. А. Вяземский. *Аристипп* (V—IV в. до н. э.) — древнегреческий философ-гедонист, считавший целью жизни разумное наслаждение. В письме к Вяземскому от 19 декабря 1811 г. Батюшков так объяснял эти слова: «Это, то есть, не значит, что ты внук, то есть взаправду, и что твой

Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных.
И все заботы славы
Сует и шум, и блажь
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут

батюшка назывался Аристиппычем или Анакреонычем, но это значит то, что ты, то есть, имеешь качества, как будто нечто свойственное, то есть любезность, охоту напиться не вовремя и пр., пр., пр.».

И нас в обитель нощи
Ко прадедам снесут, —
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас,
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?[300]
К чему сии куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопенья,
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы
С листами повилик:
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливцев молодых!

Вторая половина 1811 и первая половина 1812

К Жуковскому

Прости, балладник мой,

[300] *Наемны лики* — церковный хор певчих.

Белёва мирный житель![301]
Да будет Феб с тобой,
Наш давний покровитель!
Ты счастлив средь полей
И в хижине укромной.
Как юный соловей
В прохладе рощи темной
С любовью дни ведет
Гнезда не покидая,
Невидимый поет,
Невидимо пленяя
Веселых пастухов
И жителей пустынных, —
Так ты, краса певцов,
Среди забав невинных,
В отчизне золотой
Прелестны гимны пой!
О! пой, любимец счастья,
Пока весёлы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Все блага рассыпая
Обильною рукой,
Тебе подносит вины
И портер выписной,[302]
И сочны апельсины,
И с трюфлями пирог —

[301] Жуковский жил в это время в имении Буниных около г. Белева Тульской губернии.
[302] Т. е. выписанный (заказанный) из Англии *портер* — английский напиток, род очень крепкого пива темного цвета, горького вкуса.

Весь Амальтеи рог,[303]

Вовек неистощимый,

На жирный твой обед!

А мне... покоя нет!

Смотри! неумолимый

Домашний Гиппократ,[304]

Наперсник парки бледной,

Попов слуга усердный,

Чуме и смерти брат,

Проклявшися латынью

И практикой своей,

Поит меня полынью

И супом из костей;

Без дальнего старанья

До смерти запоит

И к вам писать посланья

Отправит за Коцит![305]

Всё в жизни изменило,

Что сердцу сладко льстило,

Всё, всё прошло, как сон:

Здоровье легкокрыло,

Любовь и Аполлон![306]

Я стал подобен тени,

К смирению сердец,

Сух, бледен, как мертвец;

---

[303] *Амалътеи рог* — рог изобилия.

[304] *Гиппократ* (V в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий врач, в данном случае — врач вообще.

[305] *Коцит* — река в подземном царстве, впадающая в Ахерон (греч. миф.).

[306] *Аполлон* (Феб, греч. миф) — сын Зевса и богини Латоны, бог солнца и света, противник сил зла, защитник мореходов, покровитель искусства, предводитель муз («Мусагет»). Один из подвигов Аполлона — уничтожение чудовищного змея Пифона (Питона). На месте битвы Аполлон основал город Дельфы, ставший центром его культа, В Дельфийском храме стояла статуя Аполлона, здесь же, в храме, предсказывала жрица-прорицательница (Дельфийский оракул).

Дрожат мои колени,
Спина дугой к земле,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челе;
Навек исчезла сила
И доблесть прежних лет.
Увы! мой друг, и Лила
Меня не узнает.
Вчера с улыбкой злою
Мне молвила она
(Как древле Громобою[307]
Коварный Сатана):
«Усопший! мир с тобою!
Усопший, мир с тобою!» —
Ах! это ли одно
Мне роком суждено
За древни прегрешенья?..
Нет, новые мученья,
Достойные бесов!
Свои стихотворенья
Читает мне Свистов;[308]
И с ним певец досужий,
Его покорный бес,[309]
Как он, на рифмы дюжий,
Как он, головорез!

[307] *... Как древле Громобою...* — Имеется в виду эпизод из баллады Жуковского «Громобой» (1-я часть «Двенадцати спящих дев»).
[308] *Свистов* — граф Хвостов, постоянно подвергавшийся насмешкам за графоманство.
[309] *Его покорный бес...* — Намек на басню А. Е. Измайлова «Стихотворец и черт», где черт выступает единственным слушателем Хвостова. Имеется в виду основанное в 1811 г. общество «Беседа любителей русского слова».

Поют и напевают
С ночи до бела дня;
Читают и читают,
И до смерти меня
Убийцы зачитают!

1812

Ответ Тургеневу

Ты прав! Поэт не лжец,
Красавиц воспевая.
Но часто наш певец,
В восторге утопая,
Рассудка строгий глас
Забудет для Армиды,[310]
Для двух коварных глаз;
Под знаменем Киприды
Сей новый Дон-Кишот
Проводит век с мечтами:
С химерами живет,
Беседует с духами,
С задумчивой луной,
И мир смешит собой!
Для света равнодушен,
Для славы и честей,
Одной любви послушен,
Он дышит только ей.

[310] *Армида* — волшебница в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Рыцарь Ринальдо был пленен ее чарами и увезен ею на далекий остров, где среди волшебных садов Армиды он забыл о высокой цели освобождения Гроба Господня.

Везде с своей мечтою,
В столице и в полях,
С поникшей головою,
С унынием в очах,
Как призрак бледный бродит;
Одно твердит, поет:
Любовь, любовь зовет...
И рифмы лишь находит!
Так! верно, Аполлон
Давно с любовью в ссоре,
И мститель Купидон[311]
Судил поэтам горе.
Все нимфы строги к нам
За наши псалмопенья,
Как Дафна к богу пенья,[312]
Мы лавр находим там
Иль кипарис печали,[313]
Где счастья роз искали,
Цветущих не для нас.
Взгляните на Парнас:
Любовник строгой Лоры:[314]
Там в горести погас;
Скалы́ и дики горы
Его лишь знали глас

[311] *Купидон* — бог любви (рим. миф.)
[312] *Дафна* (греч. «лавр») — нимфа, спасавшаяся от преследований бога Аполлона и превращенная своей матерью в лавровое дерево (греч. миф.).
[313] *Кипарис* — растение из семейства хвойных, вечнозеленое дерево, эмблема печали. В греческой мифологии Кипарис — прекрасный юноша, любимец Аполлона, превратившийся в дерево-кипарис (по одной версии, Аполлон превратил его в дерево из сострадания после того, как Кипарис впал в безысходную тоску, случайно убив своего любимого оленя; по другой — Кипарис стал деревом, стремясь избежать преследований со стороны Аполлона).
[314] *Любовник строгой Лоры...* — Петрарка, влюбленный в Лауру. («Лора» — влияние французского произношения имени.)

На берегах Воклюзы.[315]
Там Душеньки певец,[316]
Любимец нежной музы
И пламенных сердец,
Любил, вздыхал всечасно,
Везде искал мечты,
Но лирой сладкогласной
Не тронул красоты.
Лесбосская певица,[317]
Прекрасная в женах,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила в волнах...
И я — клянусь глазами,
Которые стихами
Мы взапуски поем,
Клянуся Хлоей в том,
Что русские поэты
Давно б на берег Леты
Толпами перешли,
Когда б скалу Левкада
В болота Петрограда[318]
Судьбы́ перенесли!

1812

Разлука

[315] *Воклюз* — французская деревня, где долго жил Петрарка; около нее находится источник Сорг.
[316] *... Душеньки певец...* — И. Ф. Богданович.
[317] *Лесбосская певица — Сафо* (конец VII — VI вв. до н. э.), древнегреческая поэтесса с острова Лесбос. По преданию, была безнадежно влюблена в Фаона и, когда он переселился в Сицилию, покончила с собой, бросившись в море с Левкадской скалы.
[318] *Петроград* (равно как Петрополь) — в ту эпоху поэтическое наименование Санкт-Петербурга.

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь наказан быть!

Тогда мой верный конь споткнися,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка браная порвися
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался —
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам игрушка,
А клятвы их — слова!

Всё здесь, друзья! изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелою на воде.

Между сентябрем 1812 и январем 1813

К Дашкову[319]

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,

[319] Написано под впечатлением народного бедствия, массовой эвакуации и разорения во время наступления наполеоновских войск на Москву.

Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы[320] богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,

[320] *Сонм* — собрание, толпа, множество.

Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных Цирцей[321]
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,

[321] *Цирцея (Кирка)* — волшебница с острова Эя, превратившая спутников Одиссея в свиней, а его державшая на острове год (греч. миф.); иносказательно — красавица-обольстительница.

Венки, рукой любови свиты,
И радость шумная в вине!

март 1813

Элегия из Тибулла

(Вольный перевод)

Месалла! Без меня ты мчишься по волнам[322]
С орлами римскими к восточным берегам;
А я, в Феакии[323] оставленный друзьями,
Их заклинаю всем, и дружбой, и богами,
Тибулла не забыть в далекой стороне!
Здесь Парка бледная конец готовит мне,[324]
Здесь жизнь мою прервет безжалостной рукою...
Неумолимая! Нет матери со мною!
Кто будет принимать мой пепел от костра?
Кто будет без тебя, о милая сестра,
За гробом следовать в одежде погребальной
И миро изливать над урною печальной?
Нет друга моего, нет Делии со мной.
Она и в самый час разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
В священном ужасе бессмертных вопрошала —
И жребий сча́стливый нам отрок вынимал.
Что пользы от того? Час гибельный настал,
И снова Делия, печальна и уныла,

[322] Текст Тибулла начинается с сетования о том, что он не смог из-за болезни сопровождать далее в Азию своего покровителя, римского государственного деятеля, оратора и поэта Мессалу Корвина (64 до н. э. — 9 н. э.).
[323] *Феакия* — древнее название острова Корфу, где Тибулл был вынужден остаться.
[324] *Парка* — одна из трех римских богинь судьбы (здесь та из них, которая перерезает нить жизни).

Слезами полный взор невольно обратила
На дальный путь. Я сам, лишенный скорбью сил,
«Утешься» — Делии сквозь слезы говорил;
«Утешься!» — и еще с невольным трепетаньем
Печальную лобзал последним лобызаньем.
Казалось, некий бог меня останавлял:
То ворон мне беду внезапно предвещал,
То в день, отцу богов Сатурну посвященный,[325]
Я слышал гром глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умеете любить,
Страшитеся любовь разлукой прогневить!
Но, Делия, к чему Изиде приношенья[326]
Сии в ночи глухой протяжны песнопенья
И волхованье жриц, и меди звучный стон?
К чему, о Делия, в безбрачном ложе сон
И очищения священною водою?
Всё тщетно, милая, Тибулла нет с тобою.
Богиня грозная! Спаси его от бед,
И снова Делия мастики принесет,
Украсит дивный храм весенними цветами
И с распущéнными по ветру волосами,
Как дева чистая, во ткань облечена,
Воссядет на помост: и звезды, и луна,
До восхождения румяныя Авроры,
Услышит глас ее и жриц Фарийских[327] хоры.
Отдай, богиня, мне родимые поля,
Отдай знакомый шум домашнего ручья,

[325] Празднества Сатурна (сатурналии) происходили 17—19 декабря и были связаны с памятью о «золотом веке».
[326] Культ египетской богини *Изиды* (Исиды) распространился в Риме с I в. до н. э.; сопровождался постом и траурными мистериями. Исида считалась покровительницей и утешительницей женщин.
[327] *Фарийские* — египетские. *Фарос* — остров близ Александрии, известный своим маяком.

Отдай мне Делию: и вам дары богаты
Я в жертву принесу, о Лары и Пенаты!
Зачем мы не живем в златые времена?
Тогда беспечные народов племена
Путей среди лесов и гор не пролагали
И ралом[328] никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легких парусах,
Несома ветрами в лазоревых морях,
И кормчий не дерзал по хлябям разъяренным[329]
С Сидонским багрецом[330] и с золотом бесценным
На утлом корабле скитаться здесь и там.
Дебелый вол бродил свободно по лугам,
Топтал душистый злак и спал в тени зеленой;
Конь борзый не кропил узды кровавой пеной;
Не зрели на полях столпов и рубежей,
И кущи[331] сельские стояли без дверей;
Мед капал из дубов янтарною слезою;
В сосуды молоко обильною струею
Лилося из сосцов питающих овец...
О мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь безмолвных!
При вас, на пагубу друзей единокровных,
На наковальне млат не исковал мечей,
И ратник не гремел оружьем средь полей.
О век Юпитеров! О времена несчастны!
Война, везде война, и глад, и мор ужасный,
Повсюду рыщет смерть, на суше, на водах...

---

[328] *Рало* — старинное название сохи или плуга.
[329] *Хлябь* — водная пучина.
[330] с *Сидонским багрецом...* — с густой красной краской, производившейся в финикийском городе Сидоне.
[331] *Кущи* — хижины.

Но ты, держащий гром и молнию в руках!
Будь мирному певцу Тибуллу благосклонен.
Ни словом, ни душой я не был вероломен;
Я с трепетом богов отчизны обожал,
И, если мой конец безвременный настал, —
Пусть камень обо мне прохожим возвещает:
«Тибулл, Месаллы друг, здесь с миром почивает».
Единственный мой бог и сердца властелин,
Я был твоим жрецом, Киприды милый сын!
До гроба я носил твои оковы нежны,
И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
В Элизий приведешь таинственной стезей
Туда, где вечный май меж рощей и полей,
Где расцветает нард и киннамона лозы,
И воздух напоен благоуханьем розы;
Там слышно пенье птиц и шум биющих вод;
Там девы юные, сплетяся в хоровод,
Мелькают меж древес, как легки привиденья;
И тот, кого постиг, в минуту упоенья,
В объятиях любви, неумолимый рок,
Тот носит на челе из свежих мирт венок.
А там, внутри земли, во пропастях ужасных
Жилище вечное преступников несчастных,
Там реки пламенны сверкают по пескам,
Мегера страшная[332] и Тизифона[333] там
С челом, опутанным шипящими змиями,
Бегут на дикий брег за бледными тенями.
Где скрыться? адский пес лежит у медных врат,[334]

[332] *Мегера* — богиня мщения (греч. миф.).
[333] *Тизифона* — одна из Эринний, богинь мщенья (греч. миф).
[334] *Адский пес* — Цербер, охраняющий вход в Аид (греч. миф).

Рыкает зев его... и рой теней назад!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкелад[335] и Тифий преогромный[336]
Питает жадных птиц утробою своей.
Там хищный Иксион[337], окованный змией,
На быстром колесе верти́тся бесконечно;
Там в жажде пламенной Тантал бесчеловечный
Над хладною рекой сгорает и дрожит....[338]
Всё тщетно! вспять вода коварная бежит,
И черпают ее напрасно Данаиды,[339]
Все жертвы вечные карающей Киприды.
Пусть там страдает тот, кто рушил наш покой
И разлучил меня, о Делия, с тобой!
Но ты, мне верная, друг милой и бесценной,
И в мирной хижине, от взоров сокровенной,
С наперсницей любви, с подругою твоей,
На миг не покидай домашних алтарей.
При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясной
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы,
Забудешься, мой друг, и томные зеницы[340]

---

[335] *Энкелад* — гигант, заключенный Зевсом под Этну (греч. миф).
[336] *Тифий* (Титий) — гигант, низвергнутый в Аид (греч. миф.), где, согласно «Одиссее», коршуны терзали его печень.
[337] *Иксион* — царь, преследовавший богиню Геру, супругу Зевса, и в наказание прикованный последним в подземном царстве к вечно вертящемуся колесу (греч. миф).
[338] *Тантал* — царь, оскорбивший богов и жестоко наказанный ими. В подземном царстве он, стоя по горло в воде и видя над своей головой спелые плоды, не мог утолить жажду и голод, так как вода и ветки с плодами уходили от него (греч. миф.).
[339] *Данаиды* — дочери египетского царя Даная, наказанные за убийство своих мужей; они были осуждены вечно наполнять водой бездонную бочку в подземном царстве (греч. миф.).
[340] *Зеница* — зрачок.

Закроет тихий сон, и пряслица[341] из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг,
Как небом посланный внезапно добрый гений.
Беги навстречу мне, беги из мирной сени,
В прелестной наготе явись моим очам:
Власы развеянны небрежно по плечам,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда ж Аврора нам, когда сей день блаженный
На розовых конях, в блистанье принесет
И Делию Тибулл в восторге обоймет?

1814

Тень друга[342]

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.
Propertius[343]

Я берег покидал туманный Альбиона:[344]
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилася Гальциона,[345]
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветр, валов плесканье,
Однообразный шум и трепет парусов,
И кормчего на палубе взыванье

[341] *Пряслица* — прялка.
[342] Стихотворение посвящено другу Батюшкова Ивану Александровичу Петину, павшему в «битве народов» под Лейпцигом.
[343] Души усопших — не призрак: смертью не всё кончается; бледная тень ускользает, победив костер. Проперций (лат.).
[344] *Альбион* — древнее название Англии. После кратковременного пребывания в Англии (первая половина июня 1814 г.) Батюшков на пакетботе отплыл в Швецию, откуда в июле 1814 г. возвратился в Россию. По сообщению П. А. Вяземского, «Тень друга» была написана во время этого плавания.
[345] *Гальциона* (греч. миф.) — дочь Эола. Узнав, что ее муж Кейс утонул, бросилась в море и была превращена Нептуном в зимородка (см. «Метаморфозы» Овидия). Здесь же имеется в виду чайка.

Ко страже, дремлющей под говором валов, —
Всё сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли.
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды[346] томное сомненье навели.
Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над плейсскими струями.[347]
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское, веселием цвело
И всё небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? — я вскричал, — о воин вечно милый!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллониных огней,[348]
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
Или протекшее всё было сон, мечтанье;
Всё, всё — и бледный труп, могила и обряд,

[346] *Вежды* — веки.
[347] *Плейсские струи* — воды находящейся в Германии реки Плейссы, близ которой был убит Петин.
[348] Т. е. военных огней. *Беллона* — богиня войны (рим. миф.).

Свершенный дружбою в твое воспоминанье?
О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою с любовию сжимает...»
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
Исчез, — и сон покинул очи.

Всё спало вкруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казалися безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела —
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

1814

Судьба Одиссея[349]

Средь ужасов земли и ужасов морей
Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
Богобоязненный страдалец Одиссей;

[349] Вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Одиссей», написанного гекзаметром. Батюшков, которому, подобно гомеровскому герою, пришлось много странствовать, в 1814 г. писал Жуковскому о своем участии в заграничном походе и возвращении через разные страны на родину: «Вот моя Одиссея, поистине Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровым воинам, рассеянным по лицу земному». *Одиссей* — царь острова Итаки, главный герой гомеровской «Одиссеи» и один из персонажей «Илиады», отличившийся во время Троянской войны; после долгих и опасных странствий он вернулся на родину.

Стопой бестрепетной сходил Аида[350] в мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стон[351]
Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпеньем рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо сонного домчали
До милых родины давножеланных скал.
Проснулся он: и что ж? Отчизны не познал.[352]

1814

Послание И. М. Муравьеву-Апостолу

Ты прав, любимец муз! От первых впечатлений,
От первых, свежих чувств заемлет силу гений
И им в теченье дней своих не изменит!
Кто б ни был: пламенный оратор иль пиит,
Светильник мудрости, науки обладатель,
Иль кистью естества немого подражатель,
Наперсник муз, — познал от колыбельных дней,
Что должен быть жрецом парнасских алтарей.
Младенец сча́стливый, уже любимец Феба,
Он с жадностью взирал на свет лазурный неба,
На зелень, на цветы, на зыбку сень древес,
На воды быстрые и полный мрака лес.
Он, к лону матери приникнув, улыбался,

[350] *Аид (Айдес)* — бог подземного царства; царство мертвых (греч. миф.). Одиссей в XI песне поэмы Гомера посещает подземное царство мертвых.
[351] *Сцилла и Харибда* — чудовища, между которыми удалось проплыть лишь одному Одиссею (греч. миф.).
[352] Одиссей в XIII песне поэмы, попадая на берег Итаки, не узнает родного острова, покрытого туманом.

Когда веселый май цветами убирался
И жавронок вился́ над зеленью полей.
Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь свод лазоревый подернет облистаньем —
Ее приветствовал невнятным лепетаньем,
Ее манил к себе младенческой рукой.
Что видел в юности, пред хижиной родной,
Что видел, чувствовал, как новый мира житель,
Того в душе своей до поздних дней хранитель
Желает в песнях муз потомству передать.
Мы видим первых чувств волшебную печать
В твореньях гения, испытанных веками:
Из мест, где Мантуа красуется лугами,
И Минций[353] в камышах недвижимый стоит,
От милых лар своих отторженный пиит,
В чертоги Августа судьбой перенесенный,[354]
Жалел о вас, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижине, где юность провождал
И Титира[355] свирель потомству передал.
Но там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный Феб с безоблачного свода
Обилием поля счастливые дарит,
Таланта колыбель и область пиерид?
Нет! Нет! И в Севере любимец их не дремлет,
Но гласу громкому самой природы внемлет,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.
Природы ужасы, стихий враждебных бой,

[353] *Мантуа* (Мантуя) — город в Италии, родина римского поэта Вергилия (70—19 до н. э.); *Минций* — р. Минчио, у берегов которой находится Мантуя.
[354] Имеется в виду Вергилий, живший при дворе императора *Августа.*
[355] *Титир* — пастух, персонаж из эклог Вергилия.

Ревущие со скал угрюмых водопады,
Пустыни снежные, льдов вечные громады
Иль моря шумного необозримый вид —
Всё, всё возносит ум, всё сердцу говорит
Красноречивыми, но тайными словами
И огнь поэзии питает между нами.
Близ Колы пасмурной,[356] средь диких рыбарей
В трудах воспитанный, уже от юных дней
Наш Пиндар[357] чувствовал сей пламень потаенный
Сей огнь зиждительный, дар Бога драгоценный,
От юности в душе небесного залог,
Которым Фебов жрец исполнен, как пророк.
Он сладко трепетал, когда сквозь мрак тумана
Стремился по зыбям холодным океана
К необитаемым, бесплодным островам
И мрежи[358] расстилал по новым берегам.
Я вижу мысленно, как отрок вдохновенный
Стоит в безмолвии над бездной разъяренной
Среди мечтания и первых сладких дум,
Прислушивая волн однообразный шум...
Лице горит его, грудь тягостно вздыхает,
И сладкая слеза ланиту орошает,
Слеза, известная таланту одному!
В красе божественной любимцу своему,
Природа! Ты не раз на Севере являлась
И в пламенной душе навеки начерталась.
Исполненный всегда виденьем первых лет,

[356] Имеется в виду река *Кола* на Кольском полуострове, впадающая в Кольский залив Баренцева моря.
[357] *Наш Пиндар...* — Ломоносов. *Пиндар* (VI—V вв. до н. э.) —древнегреческий поэт, стиль которого отличается торжественностью и громозвучностью.
[358] *Мрежи (мережи)* — рыболовные сети.

Как часто воспевал восторженный поэт:
«Дрожащий, хладный блеск полунощной Авроры
И льдяные, в морях носимы ветром, горы,
И Уну, спящую средь звонких камышей,
И день, чудесный день, без ночи, без зарей!..»[359]
В Пальмире Севера,[360] в жилище шумной славы,
Державин камские воспоминал дубравы,[361]
Отчизны сладкий дым[362] и древний град отцов.
На тучны пажити приволжских берегов
Как часто Дмитриев, расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей счастливой музы,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,[363]
На коих в первый раз зрел солнечный восход
Певец сибирского Пизарра[364] вдохновенный!..
Так, свыше нежною душою одаренный,
Пиит, от юности до сребряных власов,
Лелеет в памяти страну своих отцов.
На жизненном пути ему дарует гений
Неиссякаемый источник наслаждений
В замену счастия и скудных мира благ:
С ним муза тайная живет во всех местах
И в мире дивный мир любимцу созидает.
Пускай свирепый рок по воле им играет:
Пускай незнаемый, без злата и честей,

---

[359] *Дрожащий, хладный блеск...* — строки из незаконченной поэмы Ломоносова «Петр Великий».
[360] *Пальмира Севера* — Петербург. *Пальмира* — пышный и богатый «город пальм», воздвигнутый, по библейскому преданию, царем Соломоном.
[361] Державин, который родился в Казани, ребенком жил в маленьком имении отца, находившемся в Казанской губернии, где протекает Кама.
[362] *Отчизны сладкий дым...* — Ср. выражение Державина в стихотворении «Арфа»: «Отечества и дым нам сладок и приятен».
[363] Имеется с виду Волга; в имении отца, находившемся в Симбирской губернии у берегов Волги, родился поэт И. И. Дмитриев.
[364] Имеется в виду Ермак, о котором И. И. Дмитриев написал одноименную драматическую поэму. *Пизарро* Хуансиско (1475—1541) — испанский завоеватель Перу.

С главой поникшею он бродит средь людей;
Пускай фортуною от детства удостоен
Он будет судия, министр иль в поле воин —
Но музам и себе нигде не изменит.
В самом молчании он будет всё пиит.
В самом бездействии он с деятельным духом,
Всё сильно чувствует, всё ловит взором, слухом,
Всем наслаждается, и всюду, наконец,
Готовит Фебу дань, — его грядущий жрец.

Между июлем 1814 и 24 мая 1815

Вакханка[365]

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;[366]
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры[367] волосы взвевали,
Перевитые плющом;
Нагло[368] ризы поднимали
И свивали их клубком.

[365] *Вакханки* — спутницы Диониса, сопровождавшие его во время шествий, носивших экстатический характер (греч. миф.).
[366] *Эригона* — кончившая самоубийством дочь Икария, наученного Вакхом виноделию, в память которой устраивались празднества (греч. миф.).
[367] *Эвр* — теплый юго-восточный ветер.
[368] Здесь работает и старое значение слова «нагло» — «внезапно».

Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом
И уста, в которых тает
Пурпуро́вый виноград, —
Всё в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг — она упала!
И тимпан[369] под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоэ![370] и неги глас!

1815

Последняя весна[371]

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос Филомелы[372]
Угрюмый бор очаровал:

[369] *Тимпан* — музыкальный инструмент типа маленькой ручной литавры в древнем Средиземноморье (обычно состоял из котла, обтянутого кожей, по которой били палкой с шаром на конце, обтянутым сукном).
[370] *Эвоэ* — восклицание в честь Вакха на празднествах, посвященных ему (Эвий — одно из имен Вакха).
[371] Переложение элегии французского поэта Ш. Ю. Мильвуа (1782—1816) «La chute des feuilles» («Падение листьев»).
[372] Этот образ впоследствии заимствует Пушкин в стихотворении «Не дай мне Бог сойти с ума» («яркий голос соловья»).

Всё новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами
В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла, и час кончины
Неотразимый вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье[373]
Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
И Гальционы тихий глас;
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,
Там первые увидишь розы
И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою[374]

[373] *Эпидавра прорицанъе...* — Связано с греч. мифом о Телефе, которому прорицал судьбу прорицатель в г. Эпидавре.
[374] *Делия* — условное поэтическое имя. Первой любовью римского поэта Тибулла была вольноотпущенница Делия, имя которой часто фигурирует впоследствии в стихотворениях поэтов-классицистов для обозначения возлюбленной.

К нему приближится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьев трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И Гальционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего:
И Делия не посетила
Пустынный памятник его,
Лишь пастырь, в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

1815

К друзьям

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может драгоценен.
Я добрым гением уверен,
Что в сем дедале рифм и слов[375]
Недостает искусства:
Но дружество найдет мои в замену чувства —

[375] *Дедал* — древнегреческий лабиринт, названный по имени его строителя; здесь в значении: памятник, строение.

Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легкокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал,
Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок фортуне поверял...
И словом, весь журнал
Здесь дружество найдет беспечного поэта,
Найдет и молвит так:
«Наш друг был часто легковерен;
Был ветрен в Пафосе;[376] на Пинде был чудак;[377]
Но дружбе он зато всегда остался верен;
Стихами никому из нас не докучал
(А на Парнасе это чудо!)
И жил так точно, как писал...[378]
Ни хорошо, ни худо!»

1815

Мой гений[379]

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,

[376] Т. е. в любви.
[377] Т. е. в поэтическом творчестве.
[378] Стараясь обосновать «науку» о жизни стихотворца, Батюшков утверждал: «Первое правило сей науки должно быть: живи как пишешь, и пиши как живешь».
[379] *Гений* — дух; дух-хранитель.

Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

1815

Разлука

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства;
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
Напрасно я скитался
Из края в край, и грозный океан
Кругом меня роптал и волновался;
Напрасно от брегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободою прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,

В страну, где Тирас[380] бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние пои́т народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все — неба на земле — блаженства отверзает,
И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.

1815

Таврида

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда
Где волны кроткие Тавриду[381] омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места.
Мы там, отверженные роком,
Равны несчастием, любовию равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком,
Забудем имена фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами

[380] *Тирас* — греческое название реки Днестр. В 1815 г. Батюшков жил в Каменец-Подольской губернии, где протекает эта река.
[381] *Таврида* — название Крымского полуострова, которое было введено царским правительством после присоединения Крыма к России в 1783. Таврида — производное от названия тавров — древнего населения части Крыма. Элегия написана Батюшковым в связи с тем, что во второй половине 1815 г. он собирался ехать в Крым.

На шум студеных струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором древес, пустынных птиц и вод, —
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры Севера огромной!
Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, Водолей[382]
Валит шумящий дождь, седый туман и мраки, —
О радость! Ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастия с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг — не смеет и вздохнуть:
Потупя взор стоит, дивится и немеет.

[382] Приближение Водолея, одного из 12-ти созвездий Зодиака, связывалось в античных представлениях с наступлением осенней поры. Созвездие Водолея изображалось в виде человека, наливающего из сосуда воду в пасть рыбы.

1815

Надежда

Мой дух! доверенность к Творцу!
Мужайся; будь в терпенье камень.
Не он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти — чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови меч врага
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,
И силу — в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатай неизменный?

Он! Он! Его всё дар благой!
Он нам источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Всё дар Его, и краше всех
Даров — надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный брег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ

Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

1815

К другу[383]

Скажи, мудрец младой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли,
Мы пили чашу сладострастья.

Но где минутный шум веселья и пиров?
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой Фалерн[384] и розы наши?

Где дом твой, счастья дом?.. Он в буре бед исчез,[385]
И место поросло крапивой;
Но я узнал его; я сердца дань принес
На прах его красноречивый.

На нем, когда окрест замолкнет шум градской
И яркий Веспер[386] засияет
На темном севере, — твой друг в тиши ночной

[383] Обращено к П. А. Вяземскому.
[384] *Фалерн* — область в Италии (в северной Кампании), которая была известна как *ager Falernus* (лат. *Фалернская земля*), а также название древнеримского вина (янтарного цвета), производившегося в этой области.
[385] Имеется в виду московский дом Вяземского, в котором часто собирались поэты, пострадавший в 1812 г. во время наполеоновского нашествия.
[386] *Веспер* (Геспер) — одно из названий планеты Венера, по имени бога вечерней звезды.

В душе задумчивость питает.

От самой юности служитель алтарей
Богини неги и прохлады,[387]
От пресыщения, от пламенных страстей
Я сердцу в ней ищу отрады.[388]

Поверишь ли? я здесь, на пепле храмин сих,
Венок веселия слагаю
И часто в горести, в волненье чувств моих,
Потупя взоры, восклицаю:

Минутны странники, мы ходим по гробам,
Все дни утратами считаем,
На крыльях радости летим к своим друзьям —
И что ж?.. их урны обнимаем.

Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей,
Сияла Лила красотою?
Благие небеса, казалось, дали ей
Всё счастье смертной под луною:

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи, и ланиты,
Чело открытое одной из важных муз
И прелесть — девственной хариты.

Ты сам, забыв и свет, и тщетный шум пиров,

[387] *Богиня неги и прохлады* — имеется в виду Венера.
[388] Этот стих относится к слову «задумчивость».

Ее беседой наслаждался
И в тихой радости, как путник средь песков,
Прелестным цветом любовался.

Цветок, увы! исчез, как сладкая мечта!
Она, в страданиях, почила
И, с миром в страшный час прощаясь навсегда,
На друге взор остановила.

Но, дружба, может быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило,
И тень чистейшую — дыханье клеветы
На лоне мира возмутило.

Так всё здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочно!
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии[389] мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвьем отвечали.

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,[390]
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает, —

[389] *Клио, Клия* — муза истории (греч. миф.).
[390] Перефразировка строк «Вечернего размышления о Божием величестве, при случае великого северного сияния» Ломоносова (1743): «Как в сильном вихре тонкий прах, в свирепом как перо огне».

Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились:
Мой гений в горести светильник погашал,
И музы светлые сокрылись.

Я с страхом вопросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь, как солнцем, озарен:
Ногой надежною ступаю
И, с ризы странника[391] свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.

1815

Пробуждение[392]

Зефир последний свеял сон
С ресниц, окованных мечтами,
Но я — не к счастью пробужден
Зефира тихими крилами.
Ни сладость розовых лучей
Предтечи утреннего Феба,[393]

[391] *Риза странника* — слова из песни Жуковского «Путешественник» (1809).
[392] Стихотворение первоначально было напечатано с эпиграфом из Петрарки: “Così mi sveglio a salutar l’Aurora” («Так пробуждаюсь я, чтобы приветствовать зарю») (сонет 164 из цикла «Сонеты и канцоны, написанные при жизни Лауры»).
[393] *Феб* ((греч. *phoibos* блистающий, от *phos, photos* свет, блеск) — одно из имен Аполлона (бога солнца), здесь имеется в виду солнце.

Ни кроткий блеск лазури неба,
Ни запах, веющий с полей,
Ни быстрый лёт коня ретива
По скату бархатных лугов,
И гончих лай, и звон рогов
Вокруг пустынного залива, —
Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый ум не победит
Любви, холодными словами.

1815

Воспоминания

(Отрывок)

.....
Я чувствую, мой дар в поэзии погас,
И муза пламенник небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глаз.
Туда влечет меня осиротелый гений,
В поля бесплодные, в непроходимы сени,
Где счастья нет следов,
Ни тайных радостей, неизъяснимых снов,
Любимцам Фебовым от юности известных,
Ни дружбы, ни любви, ни песней муз прелестных,
Которые всегда душевну скорбь мою,

Как лотос, силою волшебной врачевали.[394]

Нет, нет! себя не узнаю

Под новым бременем печали!

Как странник, брошенный из недра ярых волн,

На берег дикий и кремнистый

Встает и с ужасом разбитый видит челн,

Валы ревущие и молнии змиисты,

Объявшие кругом свинцовый небосклон;

Рукою трепетной он мраки вопрошает,

Ногой скользит над пропастями он,

И ветер буйный развевает

Молений глас его, рыдания и стон...

На крае гибели так я зову в спасенье

Тебя, последняя надежда, утешенье!

Тебя, последний сердца друг!

Средь бурей жизни и недуг

Хранитель ангел мой, оставленный мне Богом!..

Твой образ я таил в душе моей залогом

Всего прекрасного... и благости Творца.

Я с именем твоим летел под знамя брани

Искать иль славы, иль конца.

В минуты страшные чистейши сердца дани

Тебе я приносил на Марсовых полях;

И в мире, и в войне, во всех земных краях[395]

Твой образ следовал с любовию за мною;

С печальным странником он неразлучен стал.

---

[394] По древнегреческому преданию, цветы лотоса давали забвение вкусившему их человеку (см. IX песнь «Одиссеи» Гомера).

[395] Подразумевается пребывание Батюшкова во Франции и Швеции в составе русских войск во время кампании 1813—1814 гг.

Как часто в тишине, весь занятый тобою,
В лесах, где Жувизи[396] гордится над рекою,
И Сейна[397] по цветам льет сребренный кристалл,
Как часто средь толпы и шумной, и беспечной,
В столице роскоши,[398] среди прелестных жен,
Я пенье забывал волшебное сирен
И о тебе одной мечтал в тоске сердечной.
Я имя милое твердил
В прохладных рощах Альбиона[399]
И эхо называть прекрасную учил
В цветущих пажитях Ричмона.[400]
Места прелестные и в дикости своей, —
О камни Швеции, пустыни скандинавов!
Обитель древняя и доблестей и нравов,
Ты слышала обет и глас любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальние скалы гранитных берегов,
И села пахарей, и кущи рыбаков
Сквозь тонки, утренни туманы
На зеркальных водах пустынной Троллетаны.[401]

1815

Песнь Гаральда Смелого[402]

[396] *Жувизи* (Жювизи) — замок вблизи Парижа.
[397] *Сейна* — река Сена.
[398] *В столице роскоши...* — в Париже.
[399] Имеется в виду посещение Батюшковым Англии на обратном пути в Россию.
[400] *Ричмон* (Ричмонд) — городок вблизи Лондона.
[401] *Троллетана* — водопад в Швеции.
[402] Вольный перевод песни, автором которой средневековое предание называло одного из норвежских королей, известного скальда Гаральда по прозванию Смелый (XI в.). Установлено, однако, что песня эта Гаральду не принадлежит и написана от его имени не ранее первой половины XIII в. Ее текст сохранился в

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море, и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..[403]
А дева русская Гаральда презирает.

О други! я младость не праздно провел!
С сынами Дронтгейма[404] вы помните сечу?
Как вихорь пред вами я мчался на встречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бедные класы под ливнем, упали
И всадник, и пеший; владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,

сочинении известного исландского политического деятеля и ученого XIII в. Снорри Стурлусона «Круг земной» (о деяниях норвежских королей). Содержание песни связано с любовью Гаральда к его будущей жене — русской княжне Елизавете (дочери Ярослава Мудрого). В «Истории государства Российского» Карамзин писал об отношениях Гаральда и Елизаветы, комментируя знаменитую «Песнь»: «Елизавета не презирала его: он следовал единственно обыкновению тогдашних нежных рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своих любовниц... Гаральд женился на Елизавете в 1045 году... Она скоро умерла, оставив двух дочерей, Ингигерду и Марию...».

[403] *Секвана* — архаическое латинское название Сены.

[404] *Дронтгейм* — Тронхейм, область на севере Норвегии.

И Гела[405] зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, ярясь, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом:
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.

Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море, и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

Между февралем и 17 июля 1816

[405] *Гела* — Хель, хозяйка царства мертвых в древнескандинавской мифологии.

Гезиод и Омир — соперники[406]

Посвящено Алексею Николаевичу Оленину, любителю древности[407]

Народы, как волны, в Халкиду[408] текли,
Народы счастливой Эллады!
Там сильный владыка, над прахом отца
Оконча печальны обряды,
Ристалище[409] славы бойцам отверзал.
Три раза с румяной денницей
Бойцы выступали с бойцами на бой;
Три раза стремили возницы
Коней легконогих по звонким полям,
И трижды владетель Халкиды
Достойным оливны венки раздавал.
Но солнце на лоно Фетиды[410]
Склонялось, и новый готовился бой. —
Очистите поле, возницы!
Спешите! Залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы,
Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите;
Вы, пылью и потом покрыты бойцы,
При пламени светлом вздохните,
Внемлите, народы, Эллады сыны,

---

[406] Вольный перевод элегии французского поэта Ш.-Ю. Мильвуа (1782—1816) «Combat d'Homère et d'Hésiode» («Бой Гомера и Гезиода»). *Гезиод* — древнегреческий поэт VIII—VII вв. до н. э.; по античному преданию, состязался с Гомером в поэтическом искусстве.

[407] *Алексей Николаевич Оленин* (1763—1843), писатель, археолог и художник, с 1817 г. президент Академии художеств. Батюшков часто бывал в доме Оленина и сблизился с кругом его друзей; влиянием этого круга в значительной мере объясняется глубокий интерес Батюшкова к классической древности.

[408] *Халкида* — город на острове Эвбея.

[409] *Ристалище* (от старорусского *ристати* — двигаться, бегать, ездить) — площадь для гимнастических, конных и других состязаний, а также само такое состязание.

[410] *Фетида* — морская богиня (греч. миф.).

Высокие песни внемлите!

Пройдя из края в край гостеприимный мир,
Летами древними и роком удрученный,
Здесь песней царь, Омир,
И юный Гезиод, Каменам[411] драгоценный,
Вступают в славный бой.
Колебля ма́слину священную рукой,
Певец Аскреи[412] гимн высокий начинает
(Он с лирой никогда свой глас не сочетает):

Гезиод

Безвестный юноша, с стадами я бродил
Под тенью пальмовой близ чистой Иппокрены,[413]
Там пастыря нашли прелестные Камены,
И я в обитель их священную вступил.

Омир

Мне снилось в юности: орел-громометатель
От Мелеса меня играючи унес[414]
На край земли, на край небес,
Вещая: ты земли и неба обладатель.

Гезиод

---

[411] *Камены* — музы.
[412] *Певец Аскреи...* — Гесиод (Аскрея — его родной город).
[413] *Иппокрена* — источник поэтического вдохновения (источник на горе Геликон в Греции, которая считалась местом обитания муз).
[414] Одна из античных легенд о Гомере гласит, что он был унесен орлом (Зевсом-«громометателем») с берегов реки Мелес (близ Смирны) на Олимп. Далее в состязании певцов партия Гомера представляет собой прославление Зевса, партия Гесиода — прославление поэзии.

Там лавры хижину простую осенят,
В пустынях процветут Темпейские долины,[415]
Куда вы бросите свой благотворный взгляд,
О нежны дочери суровой Мнемозины![416]

Омир

Хвала отцу богов! Как ясный свод небес
Над царством высится плачевного Эреба,
Как радостный Олимп стоит превыше неба,
Так выше всех богов властитель их, Зевес!...

Гезиод

В священном сумраке, в сиянии Дианы,[417]
Вы, Музы, любите сплетаться в хоровод
Или, торжественный в Олимп свершая ход,
С бессмертными вкушать напиток Гебы рьяный...[418]

Омир

Не знает смерти он: кровь алая тельцов
Не брызнет под ножом над Зевсовой[419] гробницей;

---

[415] *Темпейские долины* — местность, славившаяся в древней Греции плодородием.
[416] *Мнемозина* — мать девяти муз, рожденных ею от Зевса; названа суровой, вероятно, потому, что считалась богиней памяти.
[417] Диана считалась божеством луны.
[418] *Напиток Гебы...* — нектар; богиня юности Геба подносила его обитателям Олимпа (греч. миф.). *Рьяный* — ярый, горячий; запальчивый, вспыльчивый; усердный, ретивый. Здесь: ярый (горячащий, возбуждающий).
[419] *Зевс* (Юпитер, греч., римск. миф.) — верховный бог, сын титана Кроноса (Кронид), царь и отец богов и людей, постоянно пребывает на горе Олимп, посылает с высоты громы и молнии. Он воплощает высшую мудрость и справедливость и вершит человеческие судьбы. Ему посвящен орел.

И кони бурные со звонкой колесницей
Пред ней не будут прах крутить до облаков.

Гезиод

А мы, все смертные, все Паркам обреченны,
Увидим области подземного царя
И реки спящие, Тенаром[420] заключенны,
Не льющи дань свою в бездонные моря.

Омир

Я приближаюся к мете сей неизбежной.
Внемли, о юноша! Ты пел «Труды и дни»...
Для сердца ветхого уж кончились они!

Гезиод

Сын дивный Мелеса! И лебедь белоснежной
На синем Стримоне[421], провидя страшный час,
Не слаще твоего поет в последний раз!
Твой гений проницал в Олимп: и вечны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что ж? В юдоли сей[422] страдалец искони,
Ты роком обречен в печалях кончить дни.
Певец божественный, скитаяся, как нищий,
В печальном рубище, без крова и без пищи,

[420] *Тенар* — Генарский мыс в Лакедемоне; там, по поверьям древних, был вход в Аид.
[421] *Стримон* — река на восточной границе Македонии.
[422] *Юдоль* — первонач. долина, а затем преим. в выражениях: земная юдоль, сия юдоль и т. п. — жизненный путь, жизнь, с ее заботами и печалями.

Слепец всевидящий![423] ты будешь проклинать
И день, когда на свет тебя родила мать!

Омир

Твой глас подобится амврозии небесной,
Что Геба юная сапфирной чашей льет.[424]
Певец! в устах твоих поэзии прелестной
Сладчайший Ольмия благоухает мед.[425]
Но... Муз любимый жрец!.. страшись руки злодейской,
Страшись любви, страшись Эвбеи берегов:[426]
Твой близок час: увы! тебя Зевес Немейской
Как жертву славную готовит для врагов.

Умолкли. Облако печали
Покрыло очи их... Народ рукоплескал.
Но снова сладкий бой поэты начинали
При шуме радостных похвал.
Омир, возвыся глас, воспел народов брани,
Народов, гибнущих по прихоти царей;[427]
Приама древнего, с мольбой несуща дани
Убийце грозному и кровных, и детей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,[428]

[423] Гомер, по преданию, был слепым.
[424] *Геба* (греч. мифол.) — богиня вечной юности, подносившая на пирах богам нектар и амброзию (божественные питье и еду). *Сапфир* — драгоценный камень синего цвета.
[425] *Ольмий* — мыс в Коринфии, известный в древности своим превосходным медом.
[426] Гезиод был убит на острове Эвбея, в местах, где находилось святилище Немейского Зевса (Немея — долина в Греции, в Арголиде).
[427] Имеется в виду Троянская война и, далее, эпизоды «Илиады»: убийство Ахиллом сына Приама Гектора, приход Приама к Ахиллу с целью вымолить тело сына, обида Ахилла на греков, отдавших Агамемнону пленницу Бризеиду и т. д.
[428] Здесь, по-видимому, Батюшков контаминирует образы гомеровского эпоса с образом «девы-обиды» из «Слова о полку Игореве».

Харит и легких Ор[429], и страшную Эгиду,[430]
Нептуна области, Олимп и дикий Ад.[431]
А юный Гезиод, взлелеянный Парнасом,
С чудесной прелестью воспел веселым гласом
Весну, роскошную сопутницу Гиад;[432]
Как Феб торжественно вселенну обтекает,
Как дни и месяцы родятся в небесах;
Как нивой золотой Церера награждает
Труды годичные оратая в полях;
Заботы сладкие при сборе винограда;
Тебя, желанный Мир, лелеятель долин,
Благословенных сел, и пастырей, и стада,
Он пел. И слабый царь, Халкиды властелин,
От самой юности воспитанный средь мира,
Презрел высокий гимн бессмертного Омира
И пальму первенства сопернику вручил.
Счастливый Гезиод в награду получил
За песни, мирною Каменой вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножник позлащенный
И черного овна,[433] красу веселых стад.
За ним, пред ним сыны ахейские,[434] как волны,
На край ристалища обширного спешат,
Где победитель сам, благоговенья полный,

---

[429] *Оры* — богини, следившие за сменой времен года (греч. миф.).
[430] *Эгида* (греч. *aigis* козья шкура, из которой обыкновенно делались щиты) — наводящий ужас щит Зевса, выкованный Гефестом (греч. миф.). Бросая правой рукой молнии, Зевс левой рукой потрясает эгиду, увешанную 100 кистями. В середине эгиды находилась голова Горгоны Медузы. Эгида не составляла принадлежности одного Зевса; ее могли носить Афина и, в исключительных случаях, Аполлон.
[431] *Ад* — Аид («безвидный») — бог и владыка подземного мира и царства мертвых, а также само царство мертвых (греч. миф.).
[432] *Гиады* — нимфы, имя которых связывалось с началом периода дождей (греч. миф.).
[433] *Овн, овен* — баран.
[434] Т. е. греки. *Ахейцы* — одно из основных древнегреческих племен, обитавшее в Фессалии с начала II тысячелетия до н. э. и на Пелопоннесе. Государства ахейцев: Микены, Пилос и др. Участвовали в Троянской войне. Ахейцы у Гомера — самоназвание греков героического периода.

При возлияниях, овна младую кровь
Довременно богам подземным посвящает
И Музам светлые сосуды предлагает
Как дар, усердный дар певца за их любовь.
До самой старости преследуемый роком,
Но духом царь, не раб разгневанной судьбы,
Омир скрывается от суетной толпы,
Снедая грусть свою в молчании глубоком.
Рожденный в Самосе[435] убогий сирота
Слепца из края в край, как сын усердный, водит,
Он с ним пристанища в Элладе не находит...
И где найдут его талант и нищета?[436]

Конец 1816 — январь 1817

Переход через Рейн

1814

Меж тем как воины вдоль и́дут по полям,
Завидя вдалеке твои, о Реин, волны,

[435] *Самос* — остров в Эгейском море.
[436] Примечание (Батюшкова) к элегии «Гезиод и Омир»:
«Эта элегия переведена из Мильвуа, одного из лучших французских стихотворцев нашего времени. Он скончался в прошлом годе, в цветущей молодости. Французские музы долго будут оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты ныне редки в отечестве Расина.
Многие писатели утверждали, что Омир и Гезиод были современники; некоторые сомневаются, а иные и совершенно оспоривают это предположение. Отец Гезиодов, как видно из поэмы «Труды и дни», жил в Кумах, откуда он перешел в Аскрею, город в Беотии, у подошвы горы Геликона: там родился Гезиод. Музы, говорит он в начале «Феогонии», нашли его на Геликоне и обрекли себе. Он сам упоминает о победе своей в песнопении. Архидамий, царь Эвбейский, умирая завещал, чтобы в день смерти его, ежегодно, совершались погребальные игры. Дети исполнили завещание родителя и Гезиод был победителем в песнопении. Плутарх в сочинении своем «Пир Семи Мудрецов» заставляет рассказывать Периандра о состязании Омира с Гезиодом. Последний остался победителем, и, в знак благодарности музам, посвятил им треножник, полученный в награду. Жрица Дельфийская предвещала Гезиоду кончину его; предвещание сбылось. Молодые люди, полагая, что Гезиод соблазнил сестру их, убили его на берегах Эвбеи, посвященных Юпитеру Немейскому.
Кажется не нужно говорить об Омире. Кто не знает, что первый в мире Поэт был слеп и нищий?
Нам Музы дорого таланты продают!»

Мой конь, веселья полный,
От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает,
Глотает хладную струю
И грудь, усталую в бою,
Желанной влагой обновляет...

О радость! я стою при Реинских водах!
И, жадные с холмов в окрестность брося взоры,
Приветствую поля и горы,
И замки рыцарей в туманных облаках,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньем древних дней,
Где с Альпов вечною струей
Ты льешься, Реин величавый!

Свидетель древности, событий всех времен,
О Реин, ты поил несчетны легионы,
Мечом писавшие законы
Для гордых Германа[437] кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился,[438] побеждал,
И конь его переплывал
Твои священны, Реин, воды.

Века мелькнули: мир крестом преображен,
Любовь и честь в душах суровых пробудились. —
Здесь витязи вооружились

[437] *Герман* — Арминий (17 до н. э.—21 н. э.), вождь древних германцев.
[438] *Здесь Кесарь бился...* — имеются в виду войны Юлия Цезаря.

Копьем за жизнь сирот, за честь прелестных жен;
Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые — и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
Звук сладкий трубадуров лиры.

Так, здесь под тению смоковниц и дубов,
При шуме сладостном нагорных водопадов,
В тени цветущих сел и градов
Восторг живет еще средь избранных сынов.
Здесь всё питает вдохновенье:
Простые нравы праотцов,
Святая к родине любовь
И праздной роскоши презренье.

Всё, всё — и вид полей, и вид священных вод,
Туманной древности и бардам[439] современных,
Для чувств и мыслей дерзновенных
И силу новую, и крылья придает.
Свободны, горды, полудики,
Природы верные жрецы,
Тевтонски[440] пели здесь певцы...
И смолкли их волшебны лики.[441]

Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен,
Ты сам, до наших дней спокойный, величавый,
С падением народной славы,
Склонил чело, увы! познал и стыд и плен...

---

[439] *Бард* — кельтский народный певец; в переносном смысле — поэт.
[440] *Тевтонские* — германские.
[441] *Лики* — хоры.

Давно ли брег твой под орлами
Аттилы нового[442] стенал
И ты уныло протекал
Между враждебными полками?

Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
И ненавистный взор зареинских сынов?
Давно ль они, кичася, пили
Вино из синих хрусталей
И кони их среди полей
И зрелых нив твоих бродили?

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи[443] и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

Стеклись, нагрянули за честь своих граждан,
За честь твердынь, и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян,

[442] *...Аттилы нового...* — Наполеона.
[443] *Улея* (Улео) — река в Финляндии.

Где ангел мирный, светозарный[444]
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.

Мы здесь, о Реин, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых ко́ней ржанье,
«Ура» победы и взыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот — коней лихих поят,
Кругом заставя дол зыбучий.

Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древние средь копий и мечей.
Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легких всадников рои —
В текучей влаге отраженны!

Там слышен стук секир — и пал угрюмый лес!
Костры над Реином дымятся и пылают!
И чаши радости сверкают,
И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет;

[444] Речь идет об императрице Елизавете Алексеевне (жене Александра I), урожденной баденской принцессе Луизе (1779—1826).

Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет.

Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на береге высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку́ своих родимых мест —
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...

Но там готовится, по манию вождей,
Бескровный жертвенник средь гибельных трофеев,
И богу сильных Маккавеев[445]
Коленопреклонен служитель алтарей:
Его, шумя, приосеняет
Знамен отчизны грозный лес;
И солнце юное с небес
Алтарь сияньем осыпает.

Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапу воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили в прах:
Поют владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,

[445] *Маккавеи* — библейские тираноборцы; здесь имеются в виду русские войска (как поборники веры и родины).

Тебе, незаходимый свет!

Дымятся мирные кадилы.

И се[446] подвигнулись — валит за строем строй!

Как море шумное, волнуется всё войско;

И эхо вторит крик геройской,

Досель неслышанный, о Реин, над тобой!

Твой стонет брег гостеприимный,

И мост под воями[447] дрожит!

И враг, завидя их, бежит,

От глаз в дали теряясь дымной!..

1816 — февраль 1817

Умирающий Тасс

Элегия

...E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!
Che più spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che più giova amicizia o giova amore!
Ahi lagrime! ahi dolore!
«Torrismondo», tragedia di T. Tasso[448]

[446] *И се* — и вот.

[447] *Вои* — воины.

[448] ... Подобно горному, быстрому потоку, подобно зарнице, вспыхнувшей в ясных ночных небесах, подобно ветерку или дыму, или подобно стремительной стреле проносится наша слава; всякая почесть похожа на хрупкий цветок! На что надеешься, чего ждешь ты сегодня? После триумфа и пальмовых ветвей одно только осталось душе — печаль и жалобы, и слезные пени. Что мне в дружбе, что мне в любви? О слезы! О горе! «Торрисмондо», трагедия Торквато Тассо (итал.).

Какое торжество готовит древний Рим?
Куда текут народа шумны волны?
К чему сих аромат и мирры сладкий дым,
Душистых трав кругом кошницы полны?
До Капитолия[449] от Тибровых валов,
Над стогнами[450] всемирныя столицы,
К чему раскинуты средь лавров и цветов
Бесценныя ковры и багряницы?[451]
К чему сей шум? К чему тимпанов звук и гром?
Веселья он или победы вестник?
Почто с хоругвием[452] течет в молитвы дом
Под митрою апостолов наместник?[453]
Кому в руке его сей зыблется венец,
Бесценный дар признательного Рима?
Кому триумф? — Тебе, божественный певец!
Тебе сей дар... певец Ерусалима![454]
И шум веселия достиг до кельи той,
Где борется с кончиною Торквато,
Где над божественной страдальца головой
Дух смерти носится крылатый.
Ни слезы дружества, ни иноков мольбы,
Ни почестей столь поздние награды —
Ничто не укротит железныя судьбы,
Не знающей к великому пощады.

---

[449] *Капитолий* — один из холмов Рима с укреплением на нем. Высшую точку Капитолия занимал храм Юпитера.
[450] *Стогны* — площади и широкие улицы.
[451] *Багряница* — одежда из ткани ярко-красного цвета, носившаяся царями и знатью в особо торжественных случаях.
[452] *Хоругвь* — войсковое знамя (ист.); большое полотнище на длинном древке с изображениями Христа, святых и т.п., обычно употр. в крестных ходах (церк.).
[453] *Апостолов наместник* — папа римский.
[454] Т. е. Тассо, написавший поэму «Освобожденный Иерусалим».

Полуразрушенный,[455] он видит грозный час,
С веселием его благословляет,
И, лебедь сладостный, еще в последний раз
Он, с жизнию прощаясь, восклицает:

«Друзья, о! дайте мне взглянуть на пышный Рим,
Где ждет певца безвременно кладбище.
Да встречу взорами холмы твои и дым,
О древнее квиритов[456] пепелище!
Земля священная героев и чудес!
Развалины и прах красноречивый!
Лазурь и пурпуры безоблачных небес,
Вы, тополы, вы, древние оливы!
И ты, о вечный Тибр, поитель всех племен,
Засеянный костьми граждан вселенны, —
Вас, вас приветствует из сих унылых стен
Безвременной кончине обреченный!

Свершилось! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий;
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли.
От самой юности игралище людей,
Младенцем был уже изгнанник;
Под небом сладостным Италии моей[457]
Скитаяся, как бедный странник,
Каких не испытал превратностей судеб?

[455] Эпитетом «полуразрушенный» Батюшков в пору сочинения элегии характеризовал самого себя, что подчеркивает ее автобиографичность.
[456] *Квиритами* назывались граждане древнего Рима.
[457] Батюшков в письме к Гнедичу от начала июля 1817 г. утверждал: «Вообще италианцы, говоря об Италии, прибавляют «моя». Они любят ее, как любовницу. Если это ошибка против языка, то беру на совесть».

Где мой челнок волнами не носился?
Где успокоился? Где мой насущный хлеб
Слезами скорби не кропился?
Сорренто! Колыбель моих несчастных дней,
Где я в ночи, как трепетный Асканий,[458]
Отторжен был судьбой от матери моей,
От сладостных объятий и лобзаний, —
Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я!
Увы! с тех пор добыча злой судьбины,
Все горести узнал, всю бедность бытия.
Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
Из веси[459] в весь, из стран в страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искал:
Повсюду перст ее неотразимый!
Повсюду молнии, карающи певца!
Ни в хижине оратая простова,
Ни под защитою Альфонсова дворца,[460]
Ни в тишине безвестнейшего крова,
Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей,
Бесславием и славой удрученной,
Главы изгнанника, от колыбельных дней
Карающей богине обреченной...

Друзья, но что мою стесняет страшно грудь?
Что сердце так и ноет, и трепещет?
Откуда я? какой прошел ужасный путь,

[458] Имеется в виду герой «Энеиды» Вергилия, в младенчестве вынесенный отцом из объятой пожаром Трои (намек на скитания Т. Тассо вместе с его отцом, изгнанным из Неаполитанского королевства).
[459] *Весь* — деревня, селение.
[460] Имеется в виду дворец феррарского герцога Альфонса II д'Эсте (Т. Тассо был его придворным поэтом).

И что за мной еще во мраке блещет?
Феррара... Фурии... и зависти змия!..
Куда? куда, убийцы дарованья!
Я в пристани. Здесь Рим. Здесь братья и семья!
Вот слезы их и сладки лобызанья...
И в Капитолии — Вергилиев венец!
Так, я свершил назначенное Фебом.
От первой юности его усердный жрец,
Под молнией, под разъяренным небом
Я пел величие и славу прежних дней,
И в узах я душой не изменился.
Муз сладостный восторг не гас в душе моей,
И гений мой в страданьях укрепился.
Он жил в стране чудес, у стен твоих, Сион,
На берегах цветущих Иордана;[461]
Он вопрошал тебя, мутящийся Кедрон,[462]
Вас, мирные убежища Ливана![463]
Пред ним воскресли вы, герои древних дней,
В величии и в блеске грозной славы:
Он зрел тебя, Готфред, владыка, вождь царей,
Под свистом стрел спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальд,[464] кипящий, как Ахилл,
В любви, в войне счастливый победитель.
Он зрел, как ты летал по трупам вражьих сил,
Как огнь, как смерть, как ангел-истребитель...

[461] *Иордан* — река в Палестине.
[462] *Кедрон* («мутный ручей») — название пересыхающего периодически ручья, впадающего в Мертвое море и находящегося между Масличной горой и Иерусалимом.
[463] *Ливан* —горы в Сирии, покрытые могучими лесами.
[464] *Годфред, Ринальд* — крестоносцы, герои поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

И Тартар[465] низложен сияющим крестом!
О, доблести неслыханной примеры!
О, наших пра́отцев, давно почивших сном,
Триумф святой! победа чистой веры!
Торквато вас исторг из пропасти времен:
Он пел — и вы не будете забвенны —
Он пел: ему венец бессмертья обречен,
Рукою муз и славы соплетенный.
Но поздно! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках[466] в Капитолий,
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли!» —

Умолк. Унылый огнь в очах его горел,
Последний луч таланта пред кончиной;
И умирающий, казалося, хотел
У парки взять триумфа день единой,
Он взором все искал Капитолийских стен,
С усилием еще приподнимался;
Но мукой страшною кончины изнурен,
Недвижимый на ложе оставался.
Светило дневное уж к западу текло
И в зареве багряном утопало;
Час смерти близился... и мрачное чело
В последний раз страдальца просияло.
С улыбкой тихою на запад он глядел...
И оживлен вечернею прохладой,
Десницу к небесам внимающим воздел,

[465] *Тартар* — подземное царство, где грешники получали наказания, достойные их преступлений (греч. миф.).
[466] *Плески* — рукоплескания.

Как праведник, с надеждой и отрадой.
«Смотрите, — он сказал рыдающим друзьям, —
Как царь светил на западе пылает!
Он, Он зовет меня к безоблачным странам,
Где вечное Светило засияет...
Уж ангел предо мной, вожатай оных мест;
Он осенил меня лазурными крилами...
Приближьте знак любви, сей та́инственный крест...
Молитеся с надеждой и слезами...
Земное гибнет всё... и слава, и венец...
Искусств и муз творенья величавы,
Но там всё вечное, как вечен сам Творец,
Податель нам венца небренной славы!
Там всё великое, чем дух питался мой,
Чем я дышал от самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Ваш друг достиг давно желанной цели.
Отыдет с миром он и, верой укреплен,
Мучительной кончины не приметит:
Там, там... о счастие!.. средь непорочных жен,
Средь ангелов, Элеонора[467] встретит!»

И с именем любви божественный погас;
Друзья над ним в безмолвии рыдали,
День тихо догорал... и колокола глас
Разнес кругом по стогнам весть печали.
«Погиб Торквато наш! — воскликнул с плачем Рим, —
Погиб певец, достойный лучшей доли!..»

[467] *Элеонора* — Элеонора Д'Эсте, сестра герцога Феррарского, в которую, согласно легенде, был влюблен Тассо.

Наутро факелов узрели мрачный дым;
И трауром покрылся Капитолий.[468]

1817

[468] Примечание (Батюшкова) к элегии «Умирающий Тасс»:
«Не одна история, но живопись и поэзия неоднократно изображали бедствия Тасса. Жизнь его, конечно, известна любителям словесности. Мы напомним только о тех обстоятельствах, которые подали мысль к этой элегии.
Т. Тасс приписал [То есть посвятил.] свой «Иерусалим» Альфонсу, герцогу Феррарскому («o magnamimo Alfonso!» [«О великодушный Альфонс!..» (итал.).]) — и великодушный покровитель без вины, без суда заключил его в больницу св. Анны, т. е. в дом сумасшедших. Там его видел Монтань, путешествовавший по Италии в 1580 г. Странное свидание в таком месте первого мудреца времен новейших с величайшим стихотворцем!.. Но вот что Монтань пишет в «Опытах»: «Я смотрел на Тасса еще с большею досадою, нежели с сожалением; он пережил себя: не узнавал ни себя, ни творений своих. Они без его ведома, но при нем, но почти в глазах его напечатаны неисправно, безобразно». Тасс, к дополнению несчастия, не был совершенно сумасшедший и, в ясные минуты рассудка, чувствовал всю горесть своего положения. Воображение, главная пружина его таланта и злополучии, нигде ему не изменяло. И в узах он сочинял беспрестанно. Наконец, по усильным просьбам всей Италии, почти всей просвещенной Европы, Тасс был освобожден (заключение его продолжалось семь лет, два месяца и несколько дней). Но он недолго наслаждался свободою. Мрачные воспоминания, нищета, вечная зависимость от людей жестоких, измена друзей, несправедливость критиков, одним словом — все горести, все бедствия, какими только может быть обременен человек, разрушили его крепкое сложение и привели по терниям к ранней могиле. Фортуна, коварная до конца, приготовляя последний решительный удар, осыпала цветами свою жертву. Папа Климент VIII, убежденный просьбами кардинала Цинтио, племянника своего, убежденный общенародным голосом всей Италии, назначил ему триумф в Капитолии. «Я вам предлагаю венок лавровый, — сказал ему папа, — не он прославит вас, но вы его!» Со времени Петрарка (во всех отношениях счастливейшего стихотворца Италии) Рим не видал подобного торжества. Жители его, жители окрестных городов желали присутствовать при венчании Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. В апреле всё было готово, но болезнь усилилась. Тасс велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия; и там, окруженный друзьями и братией мирной обители, на одре мучений ожидал кончины. К несчастию, вернейший его приятель, Константини, не был при нем, и умирающий написал к нему сии строки, в которых, как в зеркале, видна вся душа певца Иерусалима: «Что скажет мой Константини, когда узнает о кончине своего милого Торквато? Не замедлит дойти к нему эта весть. Я чувствую приближение смерти. Никакое лекарство не излечит моей новой болезни. Она совокупилась с другими недугами и, как быстрый поток, увлекает меня... Поздно теперь жаловаться на фортуну, всегда враждебную (не хочу упоминать о неблагодарности людей!). Фортуна торжествует! Нищим я доведен ею до гроба, в то время как надеялся, что слава, приобретенная наперекор врагам моим, не будет для меня совершенно бесполезною. Я велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия не потому единственно, что врачи одобряют его воздух, но для того, чтобы на сем возвышенном месте, в беседе Святых отшельников начать мои беседы с небом. Молись Богу за меня, милый друг, и будь уверен, что я, любя и уважая тебя в сей жизни и в будущей — которая есть настоящая, — не премину всё совершить, чего требует истинная, чистая любовь к ближнему. Поручаю тебя благости небесной и себя поручаю. Прости! — Рим. Св. Онуфрий».
Тасс умер 10 апреля на пятьдесят первом году [В действительности Тассо умер 25 апреля 1595 г. на 52-м году жизни.], исполнив долг христианский с истинным благочестием.
Весь Рим оплакивал его. Кардинал Цинтио был неутешен и желал великолепием похорон вознаградить утрату триумфа. По его приказанию, говорит Жингене в «Истории литературы итальянской», тело Тассово было облечено в римскую тогу, увенчано лаврами и выставлено всенародно. Двор, оба дома кардиналов Альдобрандини и народ многочисленный провожали его по улицам Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще раз на того, которого гений прославил свое столетие, прославил Италию и который столь дорого купил поздние, печальные почести!..
Кардинал Цинтио (или Чинцио) объявил Риму, что воздвигнет поэту великолепную гробницу. Два оратора приготовили надгробные речи: одну латинскую, другую италианскую. Молодые стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горесть кардинала была непродолжительна, и памятник не был воздвигнут. В обители св. Онуфрия смиренная братия показывает и поныне путешественнику простой камень с этой надписью: «Torquati Tassi ossa hic jacent». [Здесь лежат кости Торквато Тассо (лат.).] Она красноречива».

Беседка Муз[469]

Под тению черемухи млечнóй
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить алтарь и муз и граций,
Сопутниц жизни молодой.

Спешу принесть цветы и ульев сот янтарный,
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный!

Не злата молит он у жертвенника муз:
Они с фортуною не дружны,
Их крепче с бедностью заботливой союз,
И боле в шалаше, чем в тереме, досужны.[470]

Не молит славы он сияющих даров:
Увы! талант его ничтожен.
Ему отважный путь за стаею орлов,
Как пчелке, невозможен.

Он молит муз: душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть — вянущим бесперестанно чувствам.

[469] Было послано Н. И. Гнедичу из деревни при письме от мая 1817 г., где говорится: «Я убрал в саду беседку по моему вкусу, в первый раз в жизни. Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика, и веришь ли? целые часы, целые сутки просиживаю, руки сложа накрест».
[470] *Досужный* — свободный от дел, праздный.

Пускай забот свинцовый груз
В реке забвения потонет
И время жадное в сей тайной сени муз
Любимца их не тронет.

Пускай и в сединах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных граций,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.

Май 1817

Мечта[471]

Подруга нежных муз, посланница небес,
Источник сладких дум и сердцу милых слез,
Где ты скрываешься, Мечта, моя богиня?
Где тот счастливый край, та мирная пустыня,
К которым ты стремишь таинственный полет?
Иль дебри любишь ты, сих грозных скал хребет,
Где ветр порывистый и бури шум внимаешь?
Иль в муромских лесах задумчиво блуждаешь,
Когда на западе зари мерцает луч
И хладная луна выходит из-за туч?
Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит всё любви очарованьем,
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?

[471] Отрывок стихотворения.

Явись, богиня, мне, и с трепетом священным
Коснуся я струнам,
Тобой одушевленным!
Явися! ждет тебя задумчивый пиит,
В безмолвии ночном сидящий у лампады;
Явись и дай вкусить сердечныя отрады.
Любимца твоего, любимца Аонид,[472]
И горесть сладостна бывает:
Он в горести — *мечтает*.

.....

1817

* * *

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы[473]
При появлении Авроpиных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей прохлады,
Где нежились рои́ красот,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанут синих вод.

Май или июнь 1819

* * *

[472] Т. е. поэта (*Аониды* — музы).
[473] *Байя* — старинный город близ Неаполя; во времена Римской империи в нем жила аристократия, построившая себе роскошные дворцы. Развалины древней Байи частью затоплены морем.

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском береге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов
И как молчать об них — не знаю.[474]

1819

Подражание Ариосту[475]

La verginella è simile alla rosa[476]

Девица юная подобна розе нежной,
Взлелеянной весной под сению надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастухов
Не знают тайного сокровища лугов,
Но ветер сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

1821

[474] Стихотворение является незавершенным переводом 178-й и 179-й строф IV песни поэмы Байрона «Странствования Чайльд Гарольда».
[475] Сокращенный перевод 42-й октавы из I песни «Неистового Роланда» Л. Ариосто; в качестве эпиграфа взят ее 1-й стих.
[476] Девушка подобна розе (итал.)

* * *[477]

Когда в страдании девица отойдет
И труп синеющий остынет, —
Напрасно на него любовь и амвру[478] льет,
И облаком цветов окинет.

Бледна, как лилия в лазури васильков,
Как восковое изваянье;
Нет радости в цветах для вянущих перстов,
И суетно благоуханье.

* * *

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнию, седой Мельхиседек?[479]
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

1821

[477] Стихотворение из цикла «Подражания древним».
[478] *Амбра (амбра)* — смолистое ароматическое сероватое вещество, извергаемое кашалотами и плавающее на поверхности моря; употребляется для духов.
[479] *Мельхиседек* (Мелхиседек) упоминается в Библии, в книге Бытия, как царь Салима и священник, благословляющий Авраама. В Новом завете (послание апостола Павла к евреям) Мелхиседек характеризуется как «царь мира», «по знаменованию имени — царь правды» и прообраз Христа. Воплощение мудрости, Мелхиседек — это человек с трагической судьбой: «Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда».

Павел Катенин (1792—1853)

Певец

Из Гёте[480]

В стольном Киеве великом
Князь Владимир пировал;
Окружен блестящим ликом,
В светлой гридне[481] заседал.
Всех бояр своих премудрых,
Всех красавиц лепокудрых,
Сильных всех богатырей
Звал он к трапезе своей.

За дубовый стол саха́рных
Сорок яств принесены;
Меду сладкого янтарных
Сорок чаш опразднены[482] —
Всех живит веселье ново;
Изронил златое слово
Князь к гостям: «Пошлем гонца, —
Грустен пир, где нет певца».

Молвил князь; гонец поспешный
Скоро в путь, скорей — назад,

[480] Подражание романсу Гете «Der Sänger» из 11-й главы романа «Годы учения Вильгельма Мейстера».
[481] *Гридня, гридница* — (в древнерусской архитектуре) большое помещение для рядовых дружинников (гридей) в княжеском дворце. Использовалась также для праздничных пиров.
[482] *Опразднены* — опустошены.

И, певец на пир утешный,
Вдохновенный с ним Услад.
Вещий перст живые струны
Всколебал; гремят перуны:
Зверем рыщет он в леса,
Вьется птицей в небеса.

Бодры юноши внимали,
Быстрый взор в певца вперя;
Девы красные вздыхали,
Робким оком долу зря.
Князь, чудясь искусству дивну,
Повелел златую гривну[483]
С цепью бисерной принесть —
Песней сладких в мзду и честь.

«Не дари меня ты златом,
Цепью редкой не дари.
Пусть в наряде сем богатом
В брань текут богатыри;
Им бояр укрась почтенных,
Власти бременем стягченных:
Воин — меч, а судия —
Щит державы твоея.

Я пою, как птица в поле,
Оживленная весной;
Я пою: чего мне боле?

[483] *Гривна* — древнее шейное украшение в виде обруча из драгоценных или недрагоценных металлов (от праславянского слова «грива» — шея, загривок.

Песнь от сердца — дар драгой.
Если ж хочешь, князь, награду
По желанью дать Усладу, —
Пусть почтит меня княжна
Кубком светлого вина».

Налит кубок: «Будьте здравы,
Гости честные, всегда;
Обо мне во дни забавы
Вспомяните иногда.
Дом ваш полон всем, и сами
Вы любимы небесами:
Благодарны ж будьте им,
Сколько гость ваш вам самим».

1814

Ольга[484]

Из Бюргера

Ольгу сон встревожил слезный.
Смутный ряд мечтаний злых:
«Изменил ли, друг любезный?
Или нет тебя в живых?»
Войск деля Петровых славу,
С ним ушел он под Полтаву;
И не пишет ни двух слов:
Всё ли жив он и здоров.

[484] Вольный перевод баллады «Lenore» немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера (1747—1794).

На сраженьи пали шведы,
Турк без брани побежден,
И, желанный плод победы,
Мир России возвращен;
И на родину с венками,
С песньми, с бубнами, с трубами
Рать, под звон колоколов,
Шла почить от всех трудов.

И везде толпа народа;
Старый, малый — все бегут
Посмотреть, как из похода
Победители идут;
Все навстречу, на дорогу;
Кличут: «Здравствуй! слава Богу!
Ах! на Ольгин лишь привет
Ниотколь ответа нет.

Ищет, спрашивает; худо:
Слух пропал о нем давно;
Жив ли, нет — не знают; чудо!
Словно канул он на дно.
Тут, залившися слезами,
В перси бьет себя руками;
Рвет, припав к сырой земле,
Черны кудри на челе.

Мать к ней кинулась поспешно:
«Что ты? что с тобой, мой свет?
Разве горе неутешно?

С нами Бога разве нет?»
— «Ах! родима, всё пропало;
Свету-радости не стало.
Бог меня обидел сам:
Горе, горе бедным нам!»

— «Воля Божия! Создатель —
Нам помощник ко всему;
Он утех и благ податель:
Помолись, мой свет, Ему».
— «Ах! родима, всё пустое;
Бог послал мне горе злое,
Бог без жалости к мольбам:
Горе, горе бедным нам!»

— «Слушай, дочь! в Украйне дальной,
Может быть, жених уж твой
Обошел налой венчальный
С красной девицей иной.
Что изменника утрата?
Рано ль, поздно ль — будет плата,
И от Божьего суда
Не уйдет он никогда».

— «Ах! родима, всё пропало,
Нет надежды, нет как нет;
Свету-радости не стало;
Что одной мне белый свет?
Хуже гроба, хуже ада.
Смерть — одна, одна отрада;

Бог без жалости к слезам:
Горе, горе бедным нам!»

— «Господи! прости несчастной,
В суд с безумной не входи;
Разум, слову непричастной,
К покаянью приведи.
Не крушися, дочь, чрез меру;
Бойся муки, вспомни веру:
Сыщет чуждая греха
Неземного жениха».

— «Где ж, родима, злее мука?
Или где мученью край?
Ад мне — с суженым разлука,
Вместе с ним — мне всюду рай.
Не боюсь смертей, ни ада.
Смерть — одна, одна отрада:
С милым врозь несносен свет,
Здесь, ни там блаженства нет».

Так весь день она рыдала,
Божий Промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала;
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

И девица горько плачет,
Слезы градом по лицу;
И вдруг полем кто-то скачет,
Кто-то, всадник, слез к крыльцу;
Чу! за дверью зашумело,
Чу! кольцо в ней зазвенело;
И знакомый голос вдруг
Кличет Ольгу: «Встань, мой друг!

Отвори скорей без шуму.
Спишь ли, милая, во тьме?
Слезну думаешь ли думу?
Смех иль горе на уме?»
— «Милый! ты! так поздно к ночи!
Я все выплакала очи
По тебе от горьких слез.
Как тебя к нам Бог принес?»

— «Мы лишь ночью скачем в поле.
Я с Украйны за тобой;
Поздно выехал оттоле,
Чтобы взять тебя с собой».
— «Ах! войди, мой ненаглядный!
В поле свищет ветер хладный;
Здесь в объятиях моих
Обогрейся, мой жених!»

— «Пусть он свищет, пусть колышет;
Ветру воля, нам пора.

Ворон конь[485] мой к бегу пышет,
Мне нельзя здесь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Ворон конь домчит стрелою;
Нам сто верст еще: пора
В путь до брачного одра».

— «Ах! какая в ночь дорога!
И сто верст езды для нас!
Бьют часы... побойся Бога:
До полнóчи только час».
— «Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро:
Довезу и до утра
Вплоть до брачного одра».

— «Как живешь? скажи нелестно;
Чтó твой дом? велик? высок?»
— «Дом — землянка». — «Как в ней?» — «Тесно».
— «А кровать нам?» — «Шесть досок».
— «В ней уляжется ль невеста?»
— «Нам двоим довольно места.
Встань, ступай, садись за мной:
Гости ждут меня с женой».
Ольга встала, вышла, села
На коня за женихом;
Обвила ему вкруг тела
Руки белые кольцом.
Мчатся всадник и девица,

[485] *Ворон конь* — вороной конь.

Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Мимо глаз их взад летят
Сушь и воды; под ногами
Конскими мосты гремят.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
— «Нет... что мертвых поминать?»

Что за звуки? что за пенье?
Что за вранов крик во мгле?
Звон печальный! погребенье!
«Тело предаем земле».
Ближе, видят: поп с собором,[486]
Гроб неся, поют всем хором;
Поступь медленна, тяжка,
Песнь нескладна и дика.

«Что вы воете не к месту?
Хоронить придет чреда;
Я к венцу везу невесту,
Вслед за мною все туда!
У моей кровати спальной,
Клир![487] пропой мне стих венчальной;

[486] *Собор* — собрание, общество.
[487] *Клир* — церковный хор.

Службу, поп! и ты яви,
Нас ко сну благослови».

Смолкли, гроба как не стало,
Всё послушно вдруг словам,
И поспешно побежало
Всё за ними по следам.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Горы, долы и поля —
Взад летит всё; под ногами
Конскими бежит земля.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
— «Полно мертвых поминать».

Казни столп; над ним за тучей
Брезжит трепетно луна;
Чьей-то сволочи летучей
Пляска вкруг его видна.
«Кто там! сволочь! вся за мною!
Вслед бегите все толпою,
Чтоб под пляску вашу мне
Веселей прилечь к жене».

Сволочь с песнью заунывной
Понеслась за седоком,
Словно вихорь бы порывный
Зашумел в бору сыром.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Взад летят луга, леса;
Всё мелькает пред глазами:
Звезды, тучи, небеса.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
— «Ах! что мертвых поминать!»

— «Конь мой! петухи пропели;
Чур! заря чтоб не взошла;
Гор вершины забелели:
Мчись как ́из лука стрела.
Кончен, кончен путь наш дальный,
Уготовлен одр венчальный;
Скоро съездил как мертвец,
И доехал наконец».

Наскакал в стремленьи яром
Конь на каменный забор;
С двери вдруг хлыста ударом

Спали петли и запор.
Конь в ограду; там — кладбище,
Мертвых вечное жилище;
Светят камни на гробах
В бледных месяца лучах.

Что же мигом пред собою
Видит Ольга? чудо! страх!
Латы всадника золою
Все рассыпались на прах;
Голова, взгляд, руки, тело —
Всё на милом помертвело,
И стоит уж он с косой,
Страшный остов костяной.

На дыбы конь ворон взвился,
Диким голосом заржал,
Стукнул в землю, провалился
И невесть куда пропал.
Вой на воздухе высоко;
Скрежет под землей глубоко;
Ольга в страхе без ума,
Неподвижна и нема.

Тут над мертвой заплясали
Адски духи при луне,
И протяжно припевали
Ей в воздушной вышине:
«С Богом в суд нейди крамольно;
Скорбь терпи, хоть сердцу больно

Казнена ты во плоти;
Грешну душу Бог прости!»

1816, 1831

Кавказские горы

Сонет[488]

Громада тяжкая высоких гор, покрытых
Мхом, лесом, снегом, льдом и дикой наготой;
Уродливая складь бесплодных ка́мней, смытых
Водою мутною, с вершин их пролитой;

Ряд безобразных стен, изломанных, изрытых,
Необитаемых, ужасных пустотой,
Где слышен изредка лишь крик орлов несытых,
Клюющих па́деру[489] оравою густой;

Цепь пресловутая всепетого Кавказа,
Непроходимая, безлюдная страна,
Притон разбойников, поэзии зараза!

Без пользы, без красы, с каких ты пор славна?
Творенье Божье ты иль чертова проказа?
Скажи, проклятая, зачем ты создана?

Конец 1834

[488] *Сонет* — стихотворение, состоящее из четырнадцати строк — двух четверостиший и двух трехстиший.
[489] *Па́дера* — падаль.

Сонет

Кто принял в грудь свою язвительные стрелы
Неблагодарности, измены, клеветы,
Но не утратил сам врожденной чистоты
И образы богов сквозь пламя вынес целы;

Кто тёрновым путем идя в труде, как пчелы,
Сбирает воск и мед, где встретятся цветы, —
Тому лишь шаг — и он достигнул высоты,
Где добродетели положены пределы.

Как лебедь восстает белее из воды,
Как чище золото выходит из горнила,
Так честная душа из опыта беды:

Гоненьем и борьбой в ней только крепнет сила;
Чем гуще мрак кругом, тем ярче блеск звезды,
И чем прискорбней жизнь, тем радостней могила.

1835

Петр Плетнев (1792—1865)

Родина

Есть любимый сердца край;
Память с ним не разлучится:

Бездны моря преплывай —
Он везде невольно снится.

Помнишь хижин скромных ряд,
С хóлма к берегу идущий,
Где стоит знакомый сад
И журчит ручей бегущий.

Видишь: гнется до зыбей
Распустившаяся ива
И цветет среди полей
Зеленеющая нива.

На лугах, в тени кустов,
Стадо вольное играет;
Мнится, ветер с тех лугов
Запах милый навевает.

Лиц приветливых черты,
Слуху сладостные речи
Узнаешь в забвеньи ты
Без привета и без встречи.

Возвращаешь давних дней
Неоплаканную радость,
И опять объемлешь с ней
Обольстительницу-младость.

Долго ль мне в мечте одной
Зреть тебя, страна родная,

И бесплодной жить тоской,
К небу руки простирая?

Хоть бы раз глаза возвесть
Дал мне рок на кров домашний
И с родными рядом сесть
За некупленные брашны![490]

1823

А. Н. Семеновой[491]

Покой души, забавы, ожиданья,
Счастливые привычки юных лет,
Все радости, чем нам прекрасен свет
При шепоте игривого мечтанья,
От нас судьба берет без состраданья,
И время их свевает легкий след,
Как хладный ветр уносит поздний цвет,
Когда пора настанет увяданья.

Одно душа заботливо хранит,
Как тайный дар любви первоначальной:
От ранних лет до старости печальной
Друг первый с ней. Его улыбка, вид,
Движенья, взор — всё с нею говорит,
Всё к ней летит, как звук музы́ки дальной.

[490] *Брашно* — пища, еда.
[491] Александра Николаевна *Семенова,* в замужестве Карелина (1808 — после 1885) — ученица Плетнева по петербургскому женскому пансиону Е. Д. Шретер, ближайшая приятельница С. М. Салтыковой (Дельвиг).

1824

Измена

Улетает, улетает
Легкокрылая мечта;
Изменяет, изменяет
И весна и красота.

Что спешите? Поиграйте!
Оживите сердце вновь!
Улыбнитесь и отдайте
Первых лет моих любовь!

Всё напрасно: ни желанья,
Ни надежды не сбылись!
Не услышали призванья:
Полетели, унеслись.

Так осеннею порою
С увядающих полей
Поднимается грядою
Стадо вольных журавлей.

1824

Стансы к Дельвигу

Дельвиг! как бы с нашей ленью
Хорошо в деревне жить;

Под наследственною сенью
Липец прадедовский пить;[492]

Беззаботно в полдень знойный
Отдыхать в саду густом;
Выйти под вечер спокойный
Перед сладким долгим сном;

Ждать поутру на постеле,[493]
Не зайдет ли муза к нам;
Позабыть все дни в неделе
Называть по именам;

И с любовью не ревнивой,
Без чинов и без хлопот,
Как в Сатурнов век счастливый,[494]
Провожать за годом год!

1826

Ночь

Задумчивая ночь, сменив мятежный день,
На всё набросила таинственную тень.

---

[492] *Липец* — липовый мед; напиток из этого меда.
[493] *Постеля* — постель.
[494] Т. е. в Золотой век. В античном мире существовало представление о счастливом и беззаботном состоянии первобытного человечества, отчетливее всего выраженное в поэме «Труды и дни» Гесиода. По Гесиоду, первое поколение людей в правление верховного бога *Кроноса* (рим. *Сатурн*) наслаждалось полным блаженством: «Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою, горя не зная, не зная трудов. И печальная старость к ним приближаться не смела... А умирали как будто объятые сном... Большой урожай и обильный сами давали собой хлебодарные земли...». За Золотым веком наступил Серебряный, затем Медный — каждый тяжелее и бедственнее предыдущего. Четвертым был Век героев (воевавших под Фивами и под Троей) и, наконец, наступил теперешний — Железный век, испорченный и жестокий, когда «ни днем не прекращаются труды и печали, ни ночью».

Как опустелая, забвенная громада,
Весь город предо мной. С высот над ним лампада,
Без блеска, без лучей, унылая висит
И только для небес недремлющих горит.
Их беспредельные, лазурные равнины
Во тме[495] освещены. Люблю твои картины,
Мерцанье звезд твоих, поэзии страна,
Когда в полночный час меж них стоит луна!
С какою жаждою, насытив ими очи,
Впиваю в душу я покой священной ночи!
Весь мир души моей, создание мечты,
Исполнен в этот миг небесной красоты:
Туда в забвении несусь, покинув землю,
И здесь я не живу, не вижу и не внемлю.

1827

Море

Воспоминание, один друг верный мне,
Разнообразит дни в печальной стороне.
Бесцветной пеленой покрылись неба своды
И мертвы красоты́ окованной природы,
А взор мой в этот миг, пленяясь и горя,
Объемлет с жадностью привольные моря,
А слух мой ловит гул и плеск волны мятежной —
Музы́ку вечную обители прибрежной.

1827

[495] *Тма* — тьма.

Безвестность

За днем сбывая день в неведомом углу,
Люблю моей судьбы хранительную мглу.
Заброшенная жизнь, по воле Провиденья,
Оплотом стала мне от бурного волненья.
Не праздно погубя беспечность и досуг,
Я вымерял уму законный действий круг:
Он тесен и закрыт; но в нем без искушенья
Кладу любимые мои напечатленья.
Лампада темная в безмолвии ночей
Так изливает свет чуть видимых лучей,
Но в недре тишины спокойно догорает
И темный свой предел до утра освещает.

1827

Петр Вяземский (1792—1878)

Объявление

Разыгрывать на днях новейшу драму станут.
Сумбур, творец ее, ручается собой,
Что слезы зрители польют река рекой,
Что волосы у них от страха дыбом станут!
Акт первый: трубный глас, гром пушек, барабаны,
Кровавая война, сраженье, вопли, раны...

Вдали кладби́ще, гошпита́ль...
Второй акт: дождь, гроза, растрепанна Печаль
По сцене бегает и водит за собою
Свояка́ Голода с сестрицею Чумою;
И с ревом рыскают медведи, львы в лесах.
Акт третий: ужас! страх!
Землетрясение и преставленье света...
Смерть одинокая, во вдовий креп одета,
Хоронит человечий род!
Финал: балет чертей и фурий хоровод.

1810

Весеннее утро

По зыбким, белым облакам
Горят пылающие розы;
Денницы утренние слезы
Блестят, как жемчуг, по лугам,
И с пышной липы и березы
Душистый веет фимиам!

Разлитое струями злато
Волнуется на теме гор;
Садов богини верный двор,
Зефиров легких рой крылатый
Летит на сотканный ковер
Рукою Флоры тароватой![496]

[496] *Флора* — богиня цветов, юности и ее удовольствий (рим. миф.). *Тароватый* — щедрый.

Настал любви условный час,
Час упоений, час желаний;
Спи, Аргус,[497] под крылом мечтаний!
Не открывай, ревнивец, глаз!
Красавицы! Звезда свиданий,
Звезда Венеры будит вас![498]

Оставь ты одр[499] уединенный,
Услышь, о Дафна,[500] друга зов,
Накинь свой утренний покров
И матери непробужденной
Оставь неблагосклонный кров,
Восторгами не освященный!

Приди ко мне! Нас в рощах ждет
Под сень таинственного свода
Теперь и нега, и свобода!
Птиц ожил хор и шепот вод,
И для любви сама природа
От сна, о Дафна, восстает!

1815

К Батюшкову

[497] *Аргус* — многоглазый, всевидящий великан (греч. миф.), неусыпный страж, первоначально означал звездное небо.
[498] Имеется в виду планета Венера (поэт. «Утренняя звезда»), которая вечером появляется на небосклоне первой из звезд, а утром исчезает последней.
[499] *Одр* — постель, ложе.
[500] *Дафна* — имя нимфы, давшей обет целомудрия и обратившейся в лавровое дерево для спасения от преследовавшего ее влюбленного Аполлона. Здесь — традиционное поэтическое имя пастушки (в идиллиях и т. п.).

Шумит по рощам ветр осенний,
Древа стоят без украшений,
Дриады[501] скрылись по дуплам;
И разувенчанная Флора,
Воздушного не слыша хора,
В печали бродит по садам.
Певец любви, певец игривый
И граций баловень счастливый,
Стыдись! Тебе ли жить в полях?
Ты ль будешь в праздности постылой
В деревне тратить век унылый,
Как в келье дремлющий монах?
Нет! Быть отшельником от света —
Ни славы в том, ни пользы нет;
Будь терпелив, приспеют лета —
И сам тебя оставит свет.
Теперь, пока еще умильно
Глядят красавицы на нас
И сердце, чувствами обильно,
Знакомо с счастием подчас,
Пока еще у нас играет
Живой румянец на щеках
И радость с нами заседает
На шумных Вакховых пирах —
Не будем, вопреки природы
И гласу сердца вопреки,
Свои предупреждая годы,
Мы добиваться в старики!
Доколе роз в садах не тронет

[501] *Дриады* — нимфы-покровительницы деревьев (греч. миф.).

Мертвящей осени рука,
Любимца Флоры, мотылька,
Ничто от розы не отгонит.
Пример и мы с него возьмем!
Как мотылек весною к розе,
И мы к веселью так прильнем,
Смеяся времени угрозе!
Ах! юностью подорожим!
В свое пусть старость при́дет время,
Пусть лет на нас наложит бремя —
Навстречу к ней не поспешим.
Любви, небесным вдохновеньям,
Забавам, дружбе, наслажденьям
Дней наших поручая бег,
Судьбе предавшися послушно,
Ее ударов равнодушно
Дождемся мы средь игр и нег.
Когда же смерть нам в дверь заглянет
Звать в заточение свое,
Пусть лучше на пиру застанет,
Чем мертвыми и до нее.

1817

Прощание с халатом

Прости, халат! товарищ неги праздной,
Досугов друг, свидетель тайных дум!
С тобою знал я мир однообразный,
Но тихий мир, где света блеск и шум

Мне в забытьи не приходил на ум.
Искусства жить недоучённый школьник,
На поприще обычаев и мод,
Где прихоть-царь тиранит свой народ,
Кто не вилял? В гостиной я невольник,
В углу своем себе я господин,
Свой меря рост не на чужой аршин.[502]
Как жалкий раб, платящий дань злодею,
И день и ночь, в неволе изнурясь,
Вкушает рай, от уз освободясь,
Так, сдернув с плеч гостиную ливрею
И с ней ярмо взыскательной тщеты,
Я оживал, когда, одет халатом,
Мирился вновь с покинутым Пенатом;
С тобой меня чуждались суеты,
Ласкали сны и нянчили мечты.
У камелька, где яркою струею
Алел огонь, вечернею порою,
Задумчивость, красноречивый друг,
Живила сон моей глубокой лени.
Минувшего проснувшиеся тени
В прозрачной тьме толпилися вокруг;
Иль в будущем, мечтаньем окриленный,
Я рассекал безвестности туман,
Сближая даль, жил в жизни отдаленной
И, с истиной перемешав обман,
Живописал воздушных замков план.
Как я в твоем уступчивом уборе

[502] *Аршин* — старинная русская мера длины, равная 16 вершкам (71,12 см), исходно: расстояние от плеча до кончиков пальцев. *Мерить на свой аршин* — быть односторонним, истолковывая или оценивая что-нибудь со своей личной точки зрения.

В движеньях был портного не рабом,
Так мысль моя носилась на просторе
С надеждою и памятью втроем.
В счастливы дни удачных вдохновений,
Когда легко, без ведома труда,
Стих под перо ложился завсегда
И рифма, враг невинных наслаждений,
Хлыстовых бич,[503] была ко мне добра;
Как часто, встав с Морфеева одра,[504]
Шел прямо я к столу, где Муза с лаской
Ждала меня с посланьем или сказкой
И вымыслом, нашептанным вчера.
Домашний мой наряд ей был по нраву:
Прием ее, чужд светскому уставу,
Благоволил небрежности моей.
Стих вылетал свободней и простей;
Писал шутя, и в шутке легкокрылой
Работы след улыбки не пугал.
Как жалок мне любовник муз постылый,
Который нег халата не вкушал!
Поклонник мод, как куколка одетый
И чопорным восторгом подогретый,
В свой кабинет он входит, как на бал.
Его цветы — румяны и белила,
И, обмакнув в душистые чернила
Перо свое, малюет мадригал.[505]
Пусть грация жеманная в уборной
Дари́т его улыбкою притворной

[503] Т. е. бич графоманов. *Хлыстов* — граф Хвостов, постоянно подвергавшийся насмешкам за графоманство.
[504] Т. е. с ложа сна. *Морфей* — бог сна и сновидений.
[505] *Мадригал* — небольшое лирическое хвалебное стихотворение даме.

За то, что он выказывал в стихах
Слог расписной и музу в завитках;
Но мне пример: бессмертный сей неряха —
Анакреон,[506] друг красоты и Вакха,
Поверьте мне, в халате пил и пел;
Муз баловень, харитами изнежен
И к одному веселию прилежен,
Играя, он бессмертие задел.
Не льщусь его причастником быть славы,
Но в лени я ему не уступлю:
Как он, люблю беспечности забавы,
Как он, досуг и тихий сон люблю.
Но скоро след их у меня простынет:
Забот лихих меня обступит строй,
И ты, халат! товарищ лучший мой,
Прости! Тебя неверный друг покинет.
Теснясь в рядах прислуженцев властей,
Иду тропой заманчивых сетей.
Что ждет меня в пути, где под туманом
Свет истины не различишь с обманом?
Куда, слепец, неопытный слепец,
Я набреду? Где странствию конец?
Как покажусь я перед трон мишурный
Владычицы, из своенравной урны
Кидающей подкупленной рукой
Дары свои на богомольный рой,
Толпящийся с кадилами пред нею?[507]
Заветов я ее не разумею, —

[506] *Анакреон* (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий поэт, воспевавший чувственную любовь, наслаждение жизнью.
[507] Речь идет о Фортуне.

Притворства чужд и принужденья враг,
От юных дней ценитель тихих благ.
В неловкости, пред записным[508] проворством
Искусников, воспитанных притворством,
Изобличит меня мой каждый шаг.
И новичок еще в науке гибкой:
Всем быть подчас и вместе быть ничем
И шею гнуть с запасною улыбкой[509]
Под золотой, но тягостный ярем;
На поприще, где беспрестанной сшибкой
Волнуются противников ряды,
Оставлю я на торжество вражды,
Быть может, след моей отваги тщетной
И неудач постыдные следы.
О мой халат, как в старину приветный!
Прими тогда в объятия меня.
В тебе найду себе отраду я.
Прими меня с досугами, мечтами,
Венчавшими весну мою цветами.
Сокровище благ прежних возврати;
Дай радость мне, уединясь с тобою,
В тиши страстей, с спокойною душою
И не краснев пред тайным судиею,
Бывалого себя в себе найти.
Согрей во мне в холодном принужденье
Остывший жар к благодеяньям муз,
И гений мой, освободясь от уз,
Уснувшее разбудит вдохновенье.

[508] *Записной* — заядлый, завзятый или отъявленный (обычно о человеке, неодобрительно).
[509] Т. е. неискренне.

Пусть прежней вновь я жизнью оживу
И, сладких снов в волшебном упоенье
Переродясь, пусть обрету забвенье
Всего того, что видел наяву.

21 сентября 1817, Остафьево

Первый снег

(В 1817-м году)

Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где тень душистее, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весны!
Сын пасмурных небес полуночной страны,
Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.
С какою радостью нетерпеливым взглядом
Волнующихся туч ловлю мятежный бег,
Когда с небес они на землю веют хладом!
Вчера еще стенал над онемевшим садом
Ветр скучной осени, и влажные пары
Стояли над челом угрюмыя горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором.
Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.
Пугалище дриад, приют крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп,

И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.
Сегодня новый вид окрестность приняла,
Как быстрым манием чудесного жезла;
Лазурью светлою горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной со́сне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары, и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с брегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожиданный возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.
Там ловчих полк готов; их взор нетерпеливый
Допрашивает след добычи торопливой, —
На бегство робкого нескромный снег донес;
С неволи спущенный за жертвой хищный пес
Вверяется стремглав предательскому следу,
И довершает нож кровавую победу.

Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболь на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе.
Как лучшая весна, как лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утешенной земле,
О, пламенный восторг! В душе блеснула радость,
Как искры яркие на снежном хрустале.
Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!
Кто в тесноте саней с красавицей младой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой,
Жал руку, нежную в самом сопротивленье,
И в сердце девственном впервой любви смятенья,
И думу первую, и первый вздох зажег,
В победе сей других побед прияв залог.
Кто может выразить счастливцев упоенье?
Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылию окидывает их.
Стеснилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!
Напрасно прихотям вверяется различным;

Вдаль увлекаема желаньем безграничным,
Пристанища себе она нигде не зрит.
Счастливые лета! Пора тоски сердечной!
Но что я говорю? Единый беглый день,
Как сон обманчивый, как привиденья тень,
Мелькнув, уносишь ты обман бесчеловечный!
И самая любовь, нам изменив, как ты,
Приводит к опыту безжалостным уроком
И, чувства истощив, на сердце одиноком
Нам оставляет след угаснувшей мечты.
Но в памяти души живут души утраты.
Воспоминание, как чародей богатый,
Из пепла хладного минувшее зовет
И глас умолкшему и праху жизнь дает.
Пусть на омытые луга росой денницы
Красивая весна бросает из кошницы[510]
Душистую лазурь и свежий блеск цветов;
Пусть, растворяя лес очарованьем нежным,
Влечет любовников под кровом безмятежным
Предаться тихому волшебству сладких снов! —
Не изменю тебе воспоминаньем тайным,
Весны роскошныя смиренная сестра,
О сердца моего любимая пора!
С тоскою прежнею, с волненьем обычайным,
Клянусь платить тебе признательную дань;
Всегда приветствовать тебя сердечной думой,
О первенец зимы, блестящей и угрюмой!

[510] *Кошница* — корзина.

Снег первый, наших нив о девственная ткань!

Ноябрь 1819

Уныние

Уныние! Вернейший друг души!
С которым я делю печаль и радость,
Ты легким сумраком мою одело младость,
И расцвела весна моя в тиши.

Я счастье знал, но молнией мгновенной
Оно означило туманный небосклон,
Его лишь взвидел взор, блистаньем ослепленный,
Я не жалел о нем: не к счастью я рожден.

В душе моей раздался голос славы:
Откликнулась душа волненьем на призыв;
Но, силы испытав, я дум смирил порыв,
И замерли в душе надежды величавы.

Не оправдала ты честолюбивых снов,
О слава! Ты надежд моих отвергла клятву,
Когда я уповал пожать бессмертья жатву
И яркою браздой прорезать мглу веков!

Кумир горящих душ! Меня не допустила
Судьба переступить чрез твой священный праг,
И, мой пожравшая уединенный прах,
Забвеньем зарастет безмолвная могила.

Но слава не вотще мне голос подала!
Она вдохнула мне свободную отвагу,
Святую ненависть к бесчестному зажгла —
И чистую любовь к изящному и благу.

Болтливыя молвы не требуя похвал,
Я подвиг бытия означил тесным кругом;
Пред алтарем души в смиренье клятву дал:
Тирану быть врагом и жертве верным другом.

С улыбкою любви, в венках из свежих роз,
На пир роскошества влекли меня забавы;
Но сколько в нéктар их я пролил горьких слез,
И чаша радости была сосуд отравы.

Унынье! Всё с тобой крепило мой союз:
Неверность льстивых благ была мне поученьем;
Ты сблизило меня с полезным размышленьем
И привело под сень миролюбивых муз.

Сопутник твой, сердечных ран целитель,
Труд, благодатный труд их муки усыпил.
Прошедшего — веселый искупитель!
Живой источник новых сил!

Всё изменило мне! Ты будь не безответен!
С утраченным мое грядущее слилось;
Грядущее со мною разочлось,
И новый иск на нем мой был бы тщетен.

Сокровищницу бытия
Я истощил в одном незрелом ощущеньи,
Небес изящное наследство прожил я
В неполном темном наслажденьи.

Наследство благ земных холодным оком зрю.
Пойду ль на поприще позорных состязаний
Толпы презрительной соперником, в бою
Оспоривать успех, цель низких упований?

В победе чести нет, когда бесчестен бой.
Раскройте новый круг, бойцов сзовите новых,
Пусть лавр, не тронутый корыстною рукой,
Пусть мета[511] высшая самих венков лавровых

Усердью чистому явит достойный дар!
И честолюбие, источник дел высоких,
Когда не возмущен грозой страстей жестоких,
Вновь пламенной струей прольет по мне свой жар.

Но скройся от меня, с коварным обольщеньем,
Надежд несбыточных испытанный обман!
Почто тревожишь ум бесплодным сожаленьем
И разжигаешь ты тоску заснувших ран?

Унынье! с коим я делю печаль и радость,
Единый друг обманутой души,
Под сумраком твоим моя угасла младость,

[511] *Мета* — цель.

Пускай и полдень мой прокрадется в тиши.

1819

Катай-валяй

(Партизану-поэту)[512]

Какой-то умник наше тело
С повозкой сравнивать любил,
И говорил всегда: «В том дело,
Чтобы вожатый добрый был».
Вожатым шалость мне досталась,
Пускай несет из края в край,
Пока повозка не сломалась,
Катай-валяй!

Когда я приглашен к обеду,
Где с чванством голод за столом,
Или в ученую беседу,
Пускай везут меня шажком.
Но еду ль в круг, где ум с фафошкой,[513]
Где с дружбой ждет меня Токай[514]
Иль вдохновенье с женской ножкой, —
Катай-валяй!

По нивам, по коврам цветистым
Не тороплюсь в дальнейший путь:
В тени древес, под небом чистым

[512] Адресат стихотворения — Денис Давыдов.
[513] *Фафошка* — вероятно, образовано от слова фофан (дурак, шут); здесь: дурачество, шутка.
[514] Т. е. токайское вино. *Токай* — местность в Венгрии, известная выделываемыми в ней винами.

Готов беспечно я заснуть, —
Спешит от счастья безрассудный!
Меня, о время, не замай;[515]
Но по ухабам жизни трудной
Катай-валяй!

Издатели сухих изданий,
Творцы, на коих Север спит,
Под вьюком ваших дарований
Пегас[516] как вкопанный стоит.
Но ты, друг музам и Арею,[517]
Пегаса на лету седлай
И к славе, как на батарею,
Катай-валяй!

Удача! Шалость! Правьте ладно!
Но долго ль будет править вам?
Заимодавец-время жадно
Бежит с расчетом по пятам!
Повозку схватит и с поклажей
Он втащит в мрачный свой сарай.
Друзья! Покамест песня та же:
Катай-валяй!

1820

Прелести деревни

[515] *Не замай* — (прост.) не трогай, не задевай, оставь в покое.
[516] *Пегас* (в греческой мифологии) — крылатый конь Зевса; под ударом его копыта на горе Геликон образовался источник Ипокрена, вдохновляющий поэтов. Символ поэтического вдохновения.
[517] *Арей* (греч. миф.) — бог войны.

(С французского)

Не раз хвалили без ума
Деревню, пристань всем весельям.
Затей в поэтах наших тьма;
Не знать цены их рукодельям —
И Боже нас оборони!
Но, воспевая рощи, воды
И дикие красы природы,
Нередко порют дичь они!

Лесок распишут ли? Как раз
И вечный соловей поспеет!
Лужок расстелят? На заказ
И роза вечная алеет!
Не верь их песне — вдоль полей
Растут репейники с крапивой
И слышен галок хор крикливый
И хор индеек и гусей!

С собачкой стадо у реки:
Вот случай мне запеть эклогу![518]
Но что ж? — Бодаются быки,
А шавка мне кусает ногу!
Кто ж пастушок? Прямой пастух![519]
Под тяжестью густой овчинки
Он скрыпом хриплыя волынки
Немилосердно режет слух!

---

[518] *Эклога* (греч. *ekloge* выбор) — первонач. отдельное избранное стихотворение любого содержания. Стихотворение, сходное с идиллией, разновидность пастушеского жанра.
[519] И в самом деле пастух (*прямой* — подлинный, настоящий).

Сиянье томное луны
Влечет к задумчивой дремоте;
Но гонит прочь мечтаний сны
Лягушек кваканье в болоте.
Хочу заснуть без метафóр,
Но мне и в том успеха мало:
Комарий писк и мухи жало
На сон мой входят в заговóр!

Нет, воля ваша, господа!
Но деревенские забавы
Найду без лишнего труда,
Не отлучаясь от заставы.
Злой враль не тот же ли комар?
Репейники цветут в журналах,
Гусей встречаю в самохвалах,
А спесь индеек в спеси бар.

1821

Нарвский водопад

Несись с неукротимым гневом,
Мятежной влаги властелин!
Над тишиной окрестной ревом
Господствуй, бурный исполин!

Жемчужною, кипящей лавой,
За валом низвергая вал,

Сердитый, дикий, величавый,
Перебегай ступени скал!

Дождь брызжет от упорной сшибки
Волны, сразившейся с волной,
И влажный дым, как облак зыбкий,
Вдали их представляет бой.

Всё разъяренней, всё угрюмей
Летит, как гений непогод;
Я мыслью погружаюсь в шуме
Междоусобно-бурных вод.

Но как вокруг всё безмятежно
И, утомленные тобой,
Как чувства отдыхают нежно,
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берег чужд смятенью,
На нем цветет весны краса,
И вместе миру и волненью
Светлеют те же небеса.

Но ты, созданье тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зерцало их лазури,
Вотще блестящей с вышины.

Противоречие природы,
Под грозным знаменем тревог,

В залоге вечной непогоды
Ты бытия приял залог.

Ворвавшись в сей предел спокойный,
Один свирепствуешь в глуши,
Как вдоль пустыни вихорь знойный,
Как страсть в святилище души.

Как ты, внезапно разразится,
Как ты, растет она в борьбе,
Терзает лоно, где родится,
И поглощается в себе.

Лето 1825, Ревель. Екатериненталь

Деревня. Отрывки

1

Я слышу, слышу ваш красноречивый зов,
Спешу под вашу тень, под ваш зеленый кров,
Гостеприимные, прохладные дубровы!
С негодованьем рву постыдные оковы,
В которых суетность опутала меня;
Целебней воздух здесь, живей сиянье дня,
И жизнь прекраснее, и сердце безмятежней!
Здесь человек с собой беседует прилежней.
Степенней ум его и радостней мечты.
Здесь нет цепей, здесь нет господства суеты!
Ко счастью след открыв, наперсник верных таин —

Здесь мыслям, и делам, и времени хозяин —
Не принужден платить предубежденью дань
И в мятеже страстей вести с собою брань;[520]
Мужаю бытием и зрею в полных силах,
Живительный огонь в моих струится жилах.
Как воздух, так и ум в людских оградах сжат;
Их всюду тяжкие препятствия теснят.
И думать и дышать равно в столицах душно!
В них мысль запугана, в них чувство малодушно,
Желания без крыл прикованы к земле
И жизнь как пламенник,[521] тускнеющий во мгле!
В полях — сынов земли свободной колыбели —
Стремится бытие к первоначальной цели:
Отвагою надежд кипит живая грудь
И думам пламенным открыт свободный путь.
Под веяньем древес и беглых вод журчаньем
Спит честолюбие с язвительным желаньем.
В виду широких нив, в виду высоких гор,
Небес, раскинувших сияющий шатер,
Как низки замыслы тщеты высокомерной
И как смешон кумир,[522] толпою суеверной
Взнесенный на плечах в ряды полубогов!
Как жалки и они, искатели оков,
Когда глядишь на них из области свободы.
Когда, уединясь в святилище природы,
Ты зришь, как в облаках купается орел,
А царь земли, как червь, смиренно топчет дол.
Я видел их вблизи, сих временных счастливцев,

[520] *Брань* — война, сражение.
[521] *Пламенник* — факел.
[522] *Кумир* — изваяние языческого божества, идол; (перен.) предмет слепого поклонения.

Сих гордых подлецов и подлых горделивцев.
И чем польстит мне их мишурная судьба?
Пойду ль в толпе рабов почетного раба
Стезею почестей, уклончивой от чести,
Бесстыдною рукой кадить кадилом лести
Нелепым идолам попра́нных алтарей?
Пойду ль молить венков от ветреных судей,
Равно и в милости и в казни безрассудных?
Пойду ль искать ценой пожертвований трудных
Надежд обманчивых к обманчивым дарам
И счастья тень ловить по призрачным следам,
Когда оно меня рукой невероломной
Готово при́нять здесь под свой приют укромный?
О независимость! Небес первейший дар!
Храни в груди моей твой мужественный жар!
Он — пламенник души, к изящному вожатый;
Безропотно снесу даров судьбы утраты,
Но, разлучась с тобой, остыну к жизни я.
Рабу ли дорожить наследством бытия?
Страстей мятежных раб, корысти раб послушный,
Раб светских прихотей иль неги малодушной,
Равно унизил он свой промысл на земле.
Равно затмил печать величья на челе.

Здесь утром как хочу я сам располагаю,
Ни важных мелочей, ни мелких дел не знаю.
Когда послышу муз таинственный призыв
И вдохновенных дум пробудится порыв,
Могу не трепетать: нежданный посетитель
Чужого времени жестокий расточитель,

Не явится ко мне с вестями о дожде
Иль с неба на глупца свалившейся звезде.
Как часто три часа, не шевелясь со стула,
Злодей держал меня под пыткой караула
И холостой стрельбой пустых своих вестей.
Счастлив еще, когда, освободясь гостей
И светского ярма свалив с себя обузу,
Мог залучить я вновь запуганную музу
И, рифму отыскав под дружеским пером,
Стих сиротливый свесть с отставшим близнецом.

2

Поэзия! Твое святилище природа!
Как древний Промефей с безоблачного свода
Похитил луч живой предвечного огня,[523]
Так ты свой черпай огнь из тайных недр ея.
Природу заменить вотще труда усилья;
Наука водит нас, она дает нам крылья
И чадам избранным указывает след
В безвестный для толпы и чудотворный свет.
Счастлив поэт, когда он внял из колыбели
Ее таинственный призыв к заветной цели.
Счастлив, кто с первых дней приял, как лучший дар,
Волненье, смелый пыл, неутолимый жар;
Кто, детских игр беглец, объятый дикой думой,
Любил паденью вод внимать с скалы угрюмой,
Прокладывал следы в заглохшие леса,

[523] *Прометей* — в греческой мифологии титан, похитивший у богов с Олимпа огонь и передавший его людям.

Взор вопрошающий вперял на небеса
И, тайною тоской и тайной негой полный,
Любил скалы́, леса, и облака, и волны.
В младенческих глазах горит души рассвет,
И мысли на челе прорезан ранний след,
И, чувствам чуждая, душа, еще младая,
Живет в предчувствии, грядущим обладая.
Счастлив он, сын небес, наследник высших благ!
Поведает ему о чуде каждый шаг.
Раскрыта перед ним природы дивной книга;
Воспитанник ее, он чужд земного ига;
Пред ним отверстый мир: он мира властелин!
Чем дале от людей, тем мене он один.
Везде он слышит глас, душе его знакомый:
О страшных таинствах ей возвещают громы,
Ей водопад ревет, ласкается ручей,
Ей шепчет ветерок и стонет соловей.
Но не молчит и он: певец, в пылу свободы,
Поэзию души с поэзией природы,
С гармонией земли гармонию небес
Сливает песнями он в звучный строй чудес,
И стих его тогда, как пламень окрыленный,
Взрывает юный дух, еще не пробужденный,
В нем зажигая жар возвышенных надежд;
Иль, как Перуна[524] глас, казнит слепых невежд,
В которых, под ярмом презрительных желаний,
Ум без грядущего и сердце без преданий.
.....

[524] *Перун* — главное божество восточных славян, грозное и карающее; бог грома и молнии.

1817, между 1821 и 1826

Коляска[525]

Томясь житьем однообразным,
Люблю свой страннический дом,
Люблю быть деятельно-праздным
В уединеньи кочевом.
Люблю, готов сознаться в том,
Ярмо привычек свергнув с выи,
Кидаться в новые стихии
И обновляться существом.
Боюсь примерзнуть сиднем к месту
И, волю осязать любя,
Пытаюсь убеждать себя,
Что я не подлежу аресту.
Прости, шлагбаум городской
И город, где всегда на страже
Забот бессменных пестрый строй,
А жизнь бесцветная всё та же;
Где бредят, судят, мыслят даже
Всегда по таксе цеховой.
Прости, блестящая столица!
Великолепная темница,
Великолепный желтый дом,[526]
Где сумасброды с бритым лбом,
Где пленники слепых дурачеств,
Различных званий, лет и качеств

[525] Отрывок из стихотворения.
[526] *Желтый дом* — так по желтому цвету окраски фасадов первоначально называли отделение для умалишенных Обуховской больницы.

Кряхтят и пляшут под ярмом.
Не раз мне с дела и с безделья,
Не раз с унынья и с веселья,
С излишества добра и зла,
С тоски столичного похмелья
О четырех колесах келья
Душеспасительна была.
Хоть телу мало в ней простора,
Но духом на просторе я.
И недоступные обзора
Из глаз бегущие края,
И вольный мир воздушной степи,
Свободный путь свободных птиц,
Которым чужды наши цепи;
Рекой, без русла, без границ,
Как волны льющиеся тучи;
Здесь лес, обширный и дремучий,
Там море жатвы золотой —
Всё тешит глаз разнообразно
Картиной стройной и живой,
И мысль свободно и развязно
Сама, как птица на лету,
Парит, кружится и ныряет
И мимолетом обнимает
И даль, и глубь, и высоту.
И всё, что на душе под спудом
Дремало в непробудном сне,
На свежем воздухе, как чудом,
Всё быстро ожило во мне.
Несется легкая коляска,

И с ней легко несется ум,
И вереницу светлых дум
Мчит фантастическая пляска.
То по открытому листу,
За подписью воображенья,
Переношусь с мечты в мечту;
То на ночлеге размышленья
С собой рассчитываюсь я:
В расходной книжке бытия
Я убыль с прибылью сличаю,
Итог со страхом поверяю
И контролирую себя.

Так! Отъезжать люблю порою,
Чтоб в самого себя войти,
И говорю другим: прости! —
Чтоб поздороваться с собою.
.....

1826

Море

Как стаи гордых лебедей,
На синем море волны блещут,
Лобзаются, ныряют, плещут
По стройной прихоти своей.
И упивается мой слух
Их говором необычайным,
И сладко предается дух

Мечтам пленительным и тайным.

Так! Древности постиг теперь
Я баснословную святыню:
О волны! Красоты богиню
Я признаю за вашу дщерь!
Так, верю: родилась она
Из вашей колыбели зыбкой
И пробудила мир от сна
Своею свежею улыбкой.[527]

Так, верю: здесь явилась ты,
Очаровательница мира!
В прохладе влажного сафира,[528]
В стихии светлой чистоты.
Нам чистым сердцем внушены
Прекрасных таинств откровенья:
Из лона чистой глубины
Явилась ты, краса творенья.

И в наши строгие лета,
Лета существенности лютой,
При вас одних, хотя минутой,
Вновь забывается мечта!
Не смели изменить века
Ваш образ светлый, вечно юный,
Ни смертных хищная рука,
Ни рока грозного перуны!

[527] Имеется в виду миф о рождении Афродиты из морской пены.
[528] *Сафир* — сапфир, драгоценный камень синего или зеленого цвета.

В вас нет следов житейских бурь,
Следов безумства и гордыни,
И вашей девственной святыни
Не опозорена лазурь.
Кровь ближних не дымится в ней;
На почве, смертным непослушной,
Нет мрачных знамений[529] страстей,
Свирепых в злобе малодушной.

И если смертный возмутит
Весь мир преступною отвагой,
Вы очистительного влагой
Спешите смыть мгновенный стыд.
Отринутый из чуждых недр,
Он поглощаем шумной бездной;
Так пятна облачные ветр
Сметает гневно с сени звездной!

Людей и времени раба,
Земля состарилась в неволе;
Шутя ее играют долей
Владыки, веки и судьба.
Но вы всё те ж, что в день чудес,
Как солнце первое в вас пало,
О вы, незыблемых небес
Ненарушимое зерцало!

Так и теперь моей мечте

[529] *Зна́мение* — предзнаменование чего либо; знак, символ.

Из лона зе́ркальной пустыни
Светлеет лик младой богини
В прозрачно-влажной красоте.
Вокруг нее, как радуг блеск,
Вершины волн горят игривей,
И звучный ропот их и плеск
Еще душе красноречивей!

Над ней, как звезды, светят сны,
Давно померкшие в тумане,
Которые так ясно ране
Горели в небе старины.
Из волн, целующих ее,
Мне веют речи дивной девы;
В них слышно прежнее бытье,
Как лет младенческих напевы.

Они чаруют и целят
Тоску сердечного недуга;
Как мировое слово друга,
Все чувства меж собой мирят.
В невыразимости своей
Сколь выразителен сей лепет:
Он пробудил в душе моей
Восторгов тихих сладкий трепет.

Как звучно льнет зефир к струнам,
Играя арфою воздушной,
Так и в душе моей послушной
Есть отзыв песням и мечтам.

Волшебно забывает ум
О настоящем, мысль гнетущем,
И в сладострастьи стройных дум
Я весь в протекшем, весь в грядущем.

Сюда, поэзии жрецы!
Сюда, существенности жертвы!
Кумиры ваши здесь не ме́ртвы,
И не померкли их венцы.
Про вас поэзия хранит
Свои преданья и поверья;
И здесь, где море вам шумит,
Святыни светлыя преддверья!

Лето 1826

Кибитка

Что за медвежие набеги
Сам-друг[530] с медведем на спине?
Нет, нет, путь зимний не по мне:
Мороз, ухабы, вьюги, снеги.

А подвижной сей каземат,
А подвижная эта пытка,
Которую зовут: кибитка,
А изобрел нам зимний ад.

Неволя, духота и холод;

[530] *Сам-друг* — вдвоем.

Нос зябнет, а в ногах тоска,
То подтолкнет тебя в бока,
То головой стучишь, как молот.

И всё, что небо обрекло
На сон вещественныя смерти,
Движеньем облекают черти
Страдальцу горькому назло.

Подушки, отдыха приюты,
Неугомонною возней
Скользят, вертятся под тобой,
Как будто в них бесенок лютый,

Иль шерстью с зверя царства тьмы
Набил их адский пересмешник,
И, разорвав свой саван, грешник
Дал ведьмам наволки взаймы.

И в шапке дьявол колобродит:
То лоб теснит, то с лба ползет,
То голова в нее уйдет,
То с головы она уходит.

Что в платье шов, то уж рубец,
В оковах словно руки, ноги,
Их снаряжая для дороги,
Твой камердинер[531] был кузнец.

[531] *Камердинер* — (нем. *Kammerdiener*, букв. комнатный слуга), служитель при господине.

Дремота липнет ли к реснице,
Твой сон — горячки бред шальной:
То обопрется домовой
На грудь железной рукавицей;

То хочешь ты без крыл лететь,
То падаешь в пучину с мóста,
То вдруг невиданного роста
Идет здороваться медведь;

То новый враг перед страдальцем:
С тетрадью толстой рифмодул
Стихами в петлю затянул,
Схватя за петлю мощным пальцем.

1828

Метель

День светит; вдруг не видно зги,
Вдруг ветер налетел размахом,
Степь поднялася мокрым прахом
И завивается в круги.

Снег сверху бьет, снег прыщет снизу,
Нет воздуха, небес, земли;
На землю облака сошли,
На день насунув ночи ризу.

Штурм сухопутный: тьма и страх!

Компáс не в помощь, ни кормило:
Чутье заглохло и застыло
И в ямщике и в лошадях.

Тут выскочит проказник леший,
Ему раздолье в кутерьме:
То огонек блеснет во тьме,
То перейдет дорогу пеший,

Там колокольчик где-то бряк,
Тут добрый человек аукнет,
То кто-нибудь в ворота стукнет,
То слышен лай дворных собак.

Пойдешь вперед, поищешь сбоку,
Всё глушь, всё снег, да *мерзлый пар*.
И Божий мир стал снежный шар,
Где как ни шаришь, всё без проку.

Тут к лошадям косматый враг
Кувыркнется с поклоном в ноги,
И в полночь самую с дороги
Кибитка набок — и в овраг.

Ночлег и тихий и с простором:
Тут тараканам не залезть,
И разве волк ночным дозором
Придет проведать: кто тут есть?

1828

Русский бог[532]

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов,
Вот он, вот он русский бог.

Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он русский бог.

Бог грудей и <...> отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он русский бог.

Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,[533]
Бригадирш обоих полов,[534]

[532] *Русский бог* — выражение, приписываемое Мамаю после поражения на Куликовом поле. Заключительный стих трагедии Озерова «Дмитрий Донской»: «Язы́ки ведайте: велик российский бог!»
[533] Намек на разорение дворянства, вследствие которого значительная часть помещичьих имений с крепостными «душами» была заложена государству.
[534] *Бригадир* — офицерский чин, упраздненный еще Павлом I. Вяземский здесь имеет в виду комедию Фонвизина «Бригадир», в которой между прочим осмеяна глупая провинциальная барыня-бригадирша.

Вот он, вот он русский бог.

Бог всех с анненской на шеях,[535]
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он русский бог.

К глупым полн он благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он русский бог.

Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы,
Вот он, вот он русский бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,[536]
Вот он, вот он русский бог.

1828

* * *

Я Петербурга не люблю,
Но вас с трудом я покидаю,

[535] Царский орден св. Анны давался в петлицу или «для ношения на шее».
[536] Имеется в виду наемная царская бюрократия, в рядах которой видную роль играли прибалтийские немцы.

Друзья, с которыми гуляю
И, так сказать, немножко, пью.

Я Петербурга не люблю,
Но в вас не вижу Петербурга
И Шкурина, Невы Ликурга,[537]
Я в вас следов не признаю.

Я Петербурга не люблю,
Здесь жизнь на вахтпарад похожа,
И жизнь натянута, как кожа
На барабане...

Апрель — июнь 1828

Простоволосая головка[538]

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурных глаз,
И своенравная уловка,
И блажь затейливых проказ —

Всё в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других,
Так поэтически-игриво,
Как Пушкина веселый стих.

[537] *Шкурин* Александр Сергеевич (1783—1853) — петербургский обер-полицмейстер. *Ликург* (IX—VIII вв. до н. э.) — легендарный спартанский законодатель.
[538] 26 июля 1828 г. Вяземский писал Пушкину из села Мещерского Саратовской губернии: «Здесь есть милая бабочка, Всеволожская, Пелагея Николаевна... Вот портрет Всеволожской, на днях написанный…» (далее следует текст стихотворения «Простоволосая головка»).

Пусть спесь губернской прозы трезвой,
Чинясь, косится на нее,
Поэзией живой и резвой
Она всегда возьмет свое.

Она пылит, она чудесит,
Играет жизнью, и, шутя,
Она влечет к себе и бесит,
Как своевольное дитя.

Она дитя, резвушка, мальчик,
Но мальчик, всем знакомый нам,
Которого лукавый пальчик
Грозит и смертным и богам.[539]

У них во всем одни приемы,
В сердца играют заодно:
Кому глаза ее знакомы,
Того уж сглазил он давно.

Ее игрушка — *сердцеловка*,
Поймает сердце и швырнет;
Простоволосая головка
Всех поголовно оберет!

Июль 1828

К ним

[539] Речь об Эроте.

За что служу я целью мести вашей,
Чем возбудить могу завистливую злость?
За трапезой мирской, непразднуемый гость,
Не обойден ли я пирующею чашей?
Всмотритесь, истиной прочистите глаза:
Она утешит вас моею наготою,
Быть может, язвами, которыми гроза
Меня прожгла незримою стрелою.

И что же в дар судьбы́ мне принесли?
В раскладке жребиев участок был мне нужен.
Что? Две-три мысли, два-три чувства, не из дюжин,
Которые в ходу на торжищах[540] земли,
И только! Но сей дар вам не был бы по нраву,
Он заколдован искони;
На сладость тайную, на тайную отраву
Ему подвластные он обрекает дни.

Сей дар для избранных бывает мздой и казнью,
Его ношу в груди, болящей от забот,
Как мать преступная с любовью и боязнью
Во чреве носит тайный плод.
Еще до бытия приял, враждой закона,
Он отвержения печать;
Он гордо ближними от их отринут лона,
Как бытия крамольный[541] тать.

И я за кровный дар перед толпой краснею,

[540] *Торжище* — торговая площадь.
[541] *Крамо́ла* — (в древнем русском праве) смута, волнение, мятеж, любое преступление, имеющее политический характер.

И только в тишине и скрытно от людей
Я бремя милое лелею
И Промысл за него молю у алтарей.
Счастливцы! Вы и я, мы служим двум фортунам.
Я к вашей не прошусь; моя мне зарекла
Противопоставлять волненью и перунам
Мир чистой совести и хладный мир чела.

1828 или 1829

Слезы

Сколько слез я про́лил,
Сколько тайных слез
Скрыться приневолил
В дни сердечных гроз!

Слезы, что пробились,
Позабыты мной;
Чувства освежились
Сладкой их росой.

Слезы, что осели
На сердечном дне,
К язвам прикипели
Ржавчиной во мне.

1829

Дорожная дума

Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика,
Зимней степи сумрак скучный,
Саван неба, облака!
И простертый саван снежный
На холодный труп земли!
Вы в какой-то мир безбрежный
Ум и сердце занесли.

И в бесчувственности праздной,
Между бдения и сна,
В глубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.
Мне не скучно, мне не грустно, —
Будто роздых бытия!
Но не выразить изустно,
Чем так смутно полон я.

1830

Леса

Хотите ль вы в душе проведать думы,
Которым нет ни образов, ни слов, —
Там, где кругом густеет мрак угрюмый,
Прислушайтесь к молчанию лесов;
Там в тишине перебегают шумы,
Невнятный гул беззвучных голосов.

В сих голосах мелодии пустыни;[542]
Я слушал их, заслушивался их,
Я трепетал, как пред лицом святыни,
Я полон был созвучий, но немых,
И из груди, как узник из твердыни,
Вотще кипел, вотще мой рвался стих.

1830

Родительский дом

Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна.
Жуковский

Поэзия воспоминаний,
Дороже мне твои дары
И сущих благ и упований,
Угодников одной поры.

Лишь верно то, что изменило,
Чего уж нет и вновь не знать,
На что уж время наложило
Ненарушимую печать.

То, что у нас еще во власти,
Что нам дано в насущный хлеб,
Что тратит жизнь — слепые страсти
И ум, который горд и слеп, —

[542] *Пустыня* — уединенное, безлюдное место.

То наше, как волна в пучине,
Скользящая из жадных рук,
Как непокорный ветр в пустыне,
Как эха бестелесный звук.

В воспоминаниях мы дома,
А в настоящем — мы рабы
Незапной бури, перелома
Желаний, случаев, судьбы.

Одна в убежище безбурном
Нам память мир свой бережет,
Пока детей своих с Сатурном
Сама в безумье не пожрет.[543]

Кто может хладно, равнодушно
На дом родительский взглянуть?
В ком на привет его послушно
Живей не затрепещет грудь!

Влеченьем сердца иль случайно
Увижу стены, темный сад,
Где ненару́шимо и тайно
Зарыт минувшей жизни клад, —

Я, как скупец, сурово хладный
К тому, чем пользуется он,
И только к тем богатствам жадный,
На коих тленья мертвый сон,

[543] *Сатурн* (римск. миф., греч. Кронос) — бог времени, пожирающий своих собственных детей.

Я от минуты отрекаюсь,
И, охладев к тому, что есть,
К тому, что было, прилепляюсь,
Чтоб сердца дань ему принесть.

Ковчег минувшего, где ясно
Дни детства мирного прошли
И волны жизни безопасно
Над головой моей текли;

Где я расцвел под отчей сенью
На охранительной груди,
Где тайно созревал к волненью,
Что мне грозило впереди;

Где искры мысли, искры чувства
Впервые вспыхнули во мне
И девы звучного искусства
Мне улыбнулись в тайном сне;[544]

Где я узнал по предисловью
Жизнь сердца, ряд его эпох,
Тоску, зажженную любовью,
Улыбку счастья, скорби вздох,

Всё, чем страстей живые краски
Одели после пестротой
Главы загадочной той сказки,

[544] Т. е. Музы.

Которой автор — жребий мой.

Дом, юности моей преддверье,
Чем медленней надежд порыв,
Тем детства сердца суеверье
И давней памяти прилив

Меня к тебе уносит чаще;
Чем жизнь скупее на цветы,
Тем умилительней и слаще
Души обратные мечты.

Пусть в сей упра́здненной святыне
Нет сердцу образов живых,
И в отчем доме был бы ныне
Пришелец я в семье чужих;

Но неотъемлемый, душевный
Мой целый мир тут погребен,
Волненьем жизни ежедневной
Не тронут он, не возмущен.

Призванью памяти покорный,
Он возникает предо мной
С своей красою благотворной,
С своей лазурного весной,

С дарами на запас богатый,
Которых жизнь не сберегла,
И с тем и теми, коих траты

Душа моя пережила.

Как часто в распре своевольной
С судьбою, жизнью и собой,
Чтоб обуздать раздор крамольный
И ропот немощи слепой,

Покинув света хаос бурный,
Вхожу в сей тихий саркофаг
И мыслью вопрошаю урны,
Где пепел лет, друзей и благ.

Целебной скорбью, грустью нежной
Тогда очистясь, гаснет вдруг
Души то робкой, то мятежной
Обуревающий недуг.

Пробьются умиленья слезы,
Смиряя смутный пыл в груди;
Так в воспаленном небе грозы
Разводят свежие дожди.

Сближая в мыслях с колыбелью
Гробницы ближних и друзей,
Жизнь проясняется пред целью,
Которой не избегнуть ей.

Вчера, сегодня, завтра — звенья
Предвечной цепи бытия,
Которой в тьме недоуменья

Таятся чудные края.

Рожденье, смерть, из урны рока
С неодолимой быстриной,
Как волны одного потока,
Нас уносящие с собой,

Скорбь, радость, буря, ветр попутный
И всё, что испытали мы,
И всё, чем в нас надеждой смутной
Еще волнуются умы;

Всё то, что разнородным свойством,
Враждуя, развлекало нас,
Всё равновесия спокойством
Почиет в этот светлый час.

На той стезе, где означаем
Свои неверные следы,
Где улыбаемся, вздыхаем,
Подъемлем битвы и труды, —

До нас прошли, до нас сражались
В шуму падений и побед,
До нас невольно увлекались
Порывом дум, страстей и бед.

Одни надежды и сомненья,
Одни задачи бытия,
Которых тайные решенья,

Как недоступные края,

Обетованные мечтанью,
Но запрещенные уму,
Нас манят и во мзду исканью
Ввергают снова в хлад и тьму;

Одни веселья и печали
Нас и которых след остыл
Равно томили и ласкали
Средь колыбелей и могил.

Почтим же мы любовью нежной
До нас свершивших оный путь,
И мысль о них во мгле мятежной
Звездой отрадной нашей будь!

Когда ж придется нам, прохожим,
Доспехи жизни сбросить с плеч,
И посох странника отложим,
И ратоборца тяжкий меч, —

Пусть наша память, светлой тенью
Мерцая на небе живых,
Не будет чуждой поколенью
Грядущих путников земных.

1830

Осень 1830 года[545]

Il faisait beau en effet. Comment une idée sinistre aurait-elle pu poindre parmi tant de gracieuses sensations? Rien ne m'apparaissait plus sous le même aspect qu'auparavant. Ce beau soleil, ce ciel si pur, cette jolie fleur, tout cela était blanc et pâle de la couleur d'un linceul.
Le dernier jour d'un condamné.[546]

Творец зеленых нив и голубого свода!
Как верить тяжело, чтобы твоя природа,
Чтобы тот светлый мир, который создал ты,
Который ты облек величьем красоты,
Могли быть смертному таинственно враждебны;
Чтоб воздух, наших сил питатель сей целебный,
Внезапно мог на нас предательски дохнуть
И язвой лютою проникнуть в нашу грудь;
Чтобы земля могла, в благом твоем законе,
Заразой нас питать на материнском лоне!

Как осень хороша! Как чисты небеса!
Как блещут и горят янтарные леса
В оттенках золотых, в багряных переливах!
Как солнце светится в волнах, на свежих нивах!
Как сердцу радостно раскрыться и дышать,
Любуяся кругом на Божью благодать.
Средь пиршества земли, за трапезой осенней,
Прощальной трапезой, тем смертным драгоценней,
Что зимней ночи мрак последует за ней,

[545] Во время холерной эпидемии, свирепствовавшей осенью 1830 г., Вяземский с семьей укрылся в своем подмосковном имении Остафьеве. Там и написано это стихотворение.
[546] «В самом деле стояла прекрасная погода. Каким образом мрачная мысль могла бы возникуть среди всех этих очаровательных впечатлений? Всё представлялось мне теперь в другом свете. Это прекрасное солнце, это ясное небо, этот прелестный цветок, всё стало белым и бледным, как саван». (Виктор Гюго) «Последний день приговоренного к смерти».

Как веселы сердца доверчивых гостей.

Но горе! Тайный враг, незримый, неизбежный,
Средь празднества потряс хоругвию мятежной.
На ней начертано из букв кровавых: Мор.
И что вчера еще увеселяло взор,
Что негу чистую по сердцу разливало:
Улыбчивых небес лазурное зерцало,
Воздушной синевы прозрачность, и лугов
Последней зеленью играющий покров,
И полные еще дыханьем благовонным
Леса, облитые как золотом червонным, —

Весь этот пышный храм, святилище красот,
Не изменившийся, сегодня уж не тот;
Не в радость пестрый лес и ярких гор вершина,
Печальным облаком омрачена картина:
Тень грозной истины лежит на ней. Она
В хладеющую грудь проникнула до дна.
Из истин истина единая живая,
Смерть воцарилась, жизнь во лжи изобличая,
И сердце, сжатое боязнью и тоской,
Слабеет и падет под мыслью роковой.

Не верьте небесам: им чувство доверялось,
Но сардонически и небо улыбалось.
Есть солнце на́ небе, а бедствует земля.
Сияньем праздничным одеяны поля,
И никогда пышней не зрелся нам мир Божий,
Но светлых сих полей владетель и прохожий,

Земного царства царь, в владении своем,
Один под бич поник униженным челом,
Один, среди богатств цветущего наследства,
Он предан на земле в добычу зла и бедства.

Скорбь в разных образах грозит ему. В борьбе
С Протеем нет ему убежища в себе.[547]
Один в минувшем он и в будущем несчастен,
Один предвидит зло и забывать не властен,
Один не страждущий, он страждет о других;
То слез своих родник, то в доле слез чужих;
Иль жертвой падает, иль из своих объятий
На лютый жертвенник он отпускает братий.
Во дни кровавые народных непогод,
Когда предускорён природы мерный ход,

Когда с небес падет карательная клятва
И смерти алчущей сторицей зреет жатва
Под знойной яростью убийственных страстей, —
Так в жертвах, преданных секирам палачей,
Последняя стоит в живой кончине страха
И очереди ждет, чтоб упразднилась плаха.
Отсрочка ей не жизнь, судьбы коварный дар;
И вместо, чтоб пресек в ней жизнь один удар,
Над нею смерть, свои удары помножая,
Страданий лестницей ведет на край от края.

1830

[547] *Протей* — морской бог, обладавший способностью принимать любой образ и таким образом трудно уловимый.

Хандра

(Песня)

Сердца томная забота,
Безыменная печаль!
Я невольно жду чего-то,
Мне чего-то смутно жаль.

Не хочу и не умею
Я развлечь свою хандру:
Я хандру свою лелею,
Как любви своей сестру.

Ей предавшись с сладострастьем,
Благодарно помню я,
Что сироткой под ненастьем
Разрослась любовь моя;

Дочь туманного созвездья,
Красных дней и ей не знать.
Ни сочувствий, ни возмездья
Бесталанной[548] не видать.

Дети тайны и смиренья,
Гости сердца моего
Остаются без призренья[549]
И не просят ничего.

[548] *Бесталанный* — (в народно поэтической речи) несчастный, обездоленный («бесталанная головушка»).
[549] *Призреть* — дать кому-либо приют и пропитание («призреть сироту»).

Жертвы милого недуга,
Им знакомого давно,
Берегут они друг друга
И горюют заодно.

Их никто не приголубит,
Их ничто не исцелит...
Поглядишь! хандра всё любит,
А любовь всегда хандрит.

1831

Еще дорожная дума

Колокольчик, замотайся,
Зазвени-ка, загуди!
Пыль, волнуйся, подымайся,
Что-то будет впереди!

Не сидится мне на месте,
Спертый воздух давит грудь;
Как жених спешит к невесте,
Я спешу куда-нибудь!

Даль — невеста под фатою!
Даль — таинственная даль!
Сочетаешься с тобою —
И в жене невесту жаль!

1832

Еще тройка

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон,
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник? И отколе,

И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он не дождется
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный,
Ждут ли путника пиры
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? Уж он далеко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

1834

Флоренция

Ты знаешь край! Там льется Арно,
Лобзая темные сады;

Там солнце вечно лучезарно
И рдеют золотом плоды.
Там лавр и мирт благоуханный
Лелеет вечная весна,
Там город Флоры соимянный
И баснословный, как она.

Край чудный! Он цветет и блещет
Красой природы и искусств,
Там мрамор мыслит и трепещет,
В картине дышит пламень чувств.
Там речь — поэзии напевы,
Я с упоеньем им внимал;
Но ничего там русской девы
Я упоительней не знал.

Она, и стройностью красивой,
И яркой белизной лица,
Была соперницей счастливой
Созданий хитрого резца.
Канова на свою Психею
При ней с досадой бы смотрел,[550]
И мрамор девственный пред нею,
Стыдясь, завистливо тускнел.

На белом мраморе паросском[551]
Ее чела, венцом из кос,
Переливалась черным лоском

[550] *Кано́ва* Антонио (1757—1822), итальянский скульптор, представитель классицизма. Автор, в частности, мифологических статуй (Амур и Психея, 1793).
[551] *Паросский мрамор* — превосходный белый мрамор, добывавшийся с острова Парос.

Густая прядь густых волос.
И черным пламенем горела
Очей пылающая ночь;
И южным зноем пламенела
Младая северная дочь.

1834

* * *

Всё грустно, всё грустней, час от часу тяжелей,
Час от часу на жизнь темней ложится мгла,
На жизнь, где нет тебя, на жизнь, где ты доселе
Любимых дум моих святая цель была.
Всё повод мне к слезам, все впечатленья полны
Тобой, одной тобой: подъятые тоской,
Теснятся ли к груди воспоминаний волны —
Всё образ твой, всё ты, всё ты передо мной,
Ты, неотступно ты! Грядущего ли даль
Откроется глазам пустынею безбрежной —
Ты там уж ждешь меня с тоскою безнадежной;
Пророчески тебя и в будущем мне жаль.

1835, Рим

* * *

Ты светлая звезда таинственного мира,
Куда я возношусь из тесноты земной,
Где ждет меня тобой настроенная лира,

Где ждут меня мечты, согретые тобой.

Ты облако мое, которым день мой мрачен,
Когда задумчиво я мыслю о тебе
Иль измеряю путь, который нам назначен,
И где судьба моя чужда твоей судьбе.

Ты тихий сумрак мой, которым грудь свежеет,
Когда на западе заботливого дня
Мой отдыхает ум и сердце вечереет,
И тени смертные снисходят на меня.

1837

Я пережил

Я пережил и многое, и многих,
И многому изведал цену я;
Теперь влачусь в одних пределах строгих
Известного размера бытия.
Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем всё ближе и темней;
Усталых дум моих полет стал низок,
И мир души безлюдней и бедней.
Не заношусь вперед мечтою жадной,
Надежды глас замолк — и на пути,
Протоптанном действительностью хладной,
Уж новых мне следов не провести.
Как ни тяжел мне был мой век суровый,

Хоть житницы моей запас и мал,
Но ждать ли мне безумно жатвы новой,
Когда уж снег из зимних туч напал?
По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след;
Во мне найдешь, быть может, след вчерашний,
Но ничего уж завтрашнего нет.
Жизнь разочлась со мной; она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла.

1837

На память

В края далекие, под небеса чужие
Хотите вы с собой на память перенесть
О ближних, о стране родной живую весть,
Чтоб стих мой сердцу мог, в минуты неземные,
Как верный часовой, откликнуться: Россия!
Когда беда придет иль просто как-нибудь
Тоской по родине заноет ваша грудь,
Не ждите от меня вы радостного слова;
Под свежим трауром печального покрова,
Сложив с главы своей венок блестящих роз,
От речи радостной, от песни вдохновенной
Отвыкла муза: ей над урной драгоценной
Отныне суждено быть музой вечных слез.

Одною думою, одним событьем полный,
Когда на чуждый брег вас переносят волны
И звуки родины должны в последний раз
Печально врезаться и отозваться в вас,
На память и в завет о прошлом в мире новом
Я вас напутствую единым скорбным словом,
Затем что скорбь моя превыше сил моих;
И, верный памятник сердечных слез и стона,
Вам затвердит одно рыдающий мой стих:
Что яркая звезда с родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,
Что песни лучшие поэзии родной
Внезапно замерли на лире онемелой,
Что пал во всей поре красы и славы зрелой
Наш лавр, наш вещий лавр, услада наших дней,
Который трепетом и сладкозвучным шумом
От сна воспрянувших пророческих ветвей
Вещал глагол богов на севере угрюмом,
Что навсегда умолк любимый наш поэт,
Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет.

1837

* * *[552]

Приятно находить, попавшись на чужбину,
Родных обычаев знакомую картину,

[552] Отрывок из стихотворения «Самовар». Стихотворение посвящено семейству П. Я. Убри. *Убри* Петр Яковлевич (1774—1847) — русский посланник во Франкфурте-на-Майне.

Домашнюю хлеб-соль, гостеприимный кров,
И сень, святую сень отеческих богов, —
Душе, затертой льдом, в холодном море света,
Где на родной вопрос родного нет ответа,
Где жизнь — обрядных слов один пустой обмен,
Где ты везде чужой, у всех — monsieur N. N.
У тихой пристани приятно отогреться,
И в лица ближние доверчиво всмотреться,
И в речи вслушаться, в которых что-то есть
Знакомое душе и дней прошедших весть.
Дни странника листам разрозненным подобны,
Их разрывает дух насмешливый и злобный;
Нет связи: с каждым днем всё сызнова живи,
А жизнь и хороша преданьями любви,
Сродством поверий, чувств, созвучьем впечатлений
И милой давностью привычных отношений.
В нас ум — космополит, но сердце — домосед:
Прокладывать всегда он любит новый след,
И радости свои все в будущем имеет;
Но сердце старыми мечтами молодеет,
Но сердце старыми привычками живет
И радостней в тени прошедшего цветет!
О, будь благословен, кров светлый и приютный,
Под коим как родной был принят гость минутный!
Где беззаботно мог он сердце развернуть
И сиротство его на время обмануть!

29 декабря 1838. Франкфурт

Брайтон[553]

Сошел на Брайтон мир глубокий,
И, утомившись битвой дня,
Спят люди, нужды и пороки,
И только моря гул широкий
Во тьме доходит до меня.

О чем ты, море, так тоскуешь?
О чем рыданий грудь полна?
Ты с тишиной ночной враждуешь,
Ты рвешься, вóпишь, негодуешь,
На ложе мечешься без сна.

Красноречивы и могучи
Земли и неба голоса,
Когда в огнях грохочут тучи
И с бурей, полные созвучий,
Перекликаются леса.

Но всё, о море! всё ничтожно
Пред жалобой твоей ночной,
Когда смутишься вдруг тревожно
И зарыдаешь так, что можно
Всю душу выплакать с тобой.

Конец 1838

Любить. Молиться. Петь

[553] *Брайтон* — приморский город в Англии, где Вяземский провел осень 1838 г.

Любить. Молиться. Петь. Святое назначенье
Души, тоскующей в изгнании своем,
Святого таинства земное выраженье,
Предчувствие и скорбь о чем-то неземном,
Преданье темное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь;
Души, настроенной к созвучию с прекрасным,
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!
Счастли́в, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда с любовью и мольбой
И песни внутренней был арфою живой!

1839

Петербургская ночь

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

После зноя тихо дремлет
Прохлажденная земля;
Не такая ль ночь объемлет
Елисейские поля![554]

[554] *Елисейские поля* (греч. миф.) — страна загробного блаженства.

Тени легкие, мелькая,
В светлом сумраке скользят,
Ночи робко доверяя
То, что дню не говорят.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Блещут свежестью сапфирной
Небо, воздух и Нева,
И, купаясь в влаге мирной,
Зеленеют острова.
Вёсел мерные удары
Раздаются на реке
И созвучьями гитары
Замирают вдалеке.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Как над ложем новобрачной
Притаившиеся сны,

Так в ночи полупрозрачной
Гаснут звезды с вышины!
Созерцанья и покоя
Благодатные часы!
Мирной ночи с днем без зноя
Чудом слитые красы!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Чистой неги, сладкой муки
Грудь таинственно полна.
Чу! Волшебной песни звуки
Вылетают из окна.
Пой, красавица певица!
Пой, залетный соловей,
Сладкозвучная царица
Поэтических ночей!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

1840

Еще дорожная дума

Опять я на большой дороге,
Стихии вольной гражданин,
Опять в кочующей берлоге
Я думу думаю один.

Мне нужны: это развлеченье,
Усталость тела, и тоска,
И неподвижное движенье,
Которым зыблюсь я слегка.

В них возбудительная сила,
В них магнетический прилив,
И жизни потаенной жила
Забилась вдруг на их призыв.

Мир внешний, мир разнообразный
Не существует для меня:
Его явлений зритель праздный,
Не различаю тьмы от дня.

Мне всё одно: улыбкой счастья
День обогреет ли поля,
Иль мрачной ризою ненастья
Оделись небо и земля.

Сменяясь панорамой чудной,

Леса ли, горы ль в стороне,
Иль степью хладной, беспробудной
Лежит окрестность в мертвом сне;

Встают ли села предо мною,
Святыни скорби и труда,
Или с роскошной нищетою
В глазах пестреют города!

Мне всё одно: обратным оком
В себя я тайно погружен,
И в этом мире одиноком
Я заперся со всех сторон.

Мне любо это заточенье,
Я жизнью странной в нем живу:
Действительность в нем — сновиденье,
А сны — я вижу наяву!

23 сентября 1841

* * *[555]

Когда я был душою молод,
С восторгом пел я первый снег;
Зимы предвестник, первый холод
Мне был задатком новых нег.

Мне нравилось в тот возраст жаркий

[555] Отрывок из стихотворения.

Зима под сребреным венцом,
Зима с своей улыбкой яркой
И ослепительным лицом.

В летах и чувствах устарелый,
Я ныне с тайною тоской
Смотрю, как вьется пепел белый
Над унывающей землей.

.....

1845

Тропинка

Когда рассеянно брожу без цели,
Куда глаза глядят и не глядят,
И расстилаются передо мной
На все четыре стороны свободно
Простор, и даль, и небосклон широкой, —
Как я люблю нечаянно набресть
На скрытую и узкую тропинку,
Пробитую средь жатвы колосистой!
Кругом меня волнами золотыми
Колышется колосьев зыбких море,
И свежею головкой васильки
Мне светятся в его глубоком лоне,
Как яхонтом[556] блистающие звезды.

[556] *Яхонт* — древнерусское название некоторых драгоценных камней, чаще рубина, реже сапфира.

Картиной миловидною любуясь,
Я в тихое унынье погружаюсь,
И на меня таинственно повеет
Какой-то запах милой старины;
Подъятые неведомою силой
С глубокого, таинственного дна,
В душе моей воспоминаний волны
Потоком свежим блещут и бегут;
И проблески минувших светлых дней
По лону памяти моей уснувшей
Скользят — и в ней виденья пробуждают.
Так в глубине небес, порою летней,
Когда потухнет ярко-знойный день,
Средь тьмы ночной зарница[557] затрепещет,
И вздрогнет тьма, обрызганная блеском.

Таинственно во мне и предо мной
Минувшее слилося с настоящим;
И вижу ли иль только вспоминаю
И чувством ли иль памятью живу,
В моем немом и сладком обаяньи
Отчета дать себе я не могу.

Мне кажется, что по тропинке этой
Не в первый раз брожу, что я когда-то
Играл на ней младенцем беззаботным,
Что юношей, тревог сердечных полным,
Влачил по ней тоскующие думы,

[557] *Зарница* — мгновенная световая вспышка, озаряющая горизонт вечером или ночью, вроде молнии, но без грома; отблеск дальней грозы.

Незрелые и темные желанья,
И радости, и слезы, и мечты.
Передо мной не та же ль жатва зрела?
Не так же ли волнами золотыми
Она кругом, как море, трепетала,
И, яхонтом блистающие звезды,
Не те же ли светлели мне цветы?

О, как любовь твоя неистощима,
Как неизменно свежи, вечно новы
Дары твои, всещедрая природа!
В их роскоши, в их неге, в изобильи
Нет бедственной отравы пресыщенья,
И на одном твоем цветущем лоне
Не старится и чувством не хладеет
С днем каждым увядающий печально,
К утратам присужденный человек.
Едва к тебе с любовью прикоснешься,
И свежесть первобытных впечатлений
По чувствам очерствевшим разольется,
И мягкостью и теплотою прежней
Разнежится унылая душа.

Сердечные преданья в нас не гаснут, —
Как на небе приметно иль незримо
Неугасимою красою звезды
Равно горят и в вёдро и в ненастье,
Так и в душе преданья в нас не гаснут;
Но облака житейских непогод
От наших чувств их застилают мраком,

И только в ясные минуты жизни,
Когда светло и тихо на душе,
Знакомые и милые виденья
На дне ее отыскиваем мы.

И предо мной разодралась завеса,
Скрывавшая минувшего картину,
И всё во мне воскресло вместе с нею,
И всё внезапно в жизни и в природе
Знакомое значенье обрело.
И светлый день, купающийся мирно
В прозрачной влаге воздуха и неба,
И с тесною своей тропинкой жатва,
И в стороне младой сосновой рощей
Увенчанный пригорок — есть на всё
В душе моей сочувствие и отзыв;
И радостно, в избытке чувств и жизни,
Я упиваюсь воздухом и солнцем,
И с жадностью младенческой кидаюсь
На яркие и пестрые цветы.
Но этими цветами, как бывало,
Не стану я уж ныне украшать
Алтарь моих сердечных поклонений,
Из них венки не соплету кумирам[558]
Моей мечты, слепой и суеверной,
Не обовью роскошным их убором
Веселой чаши дружеского пира:
Мои пиры давно осиротели,
И недопитые бокалы грустно

[558] *Кумир* — изваяние языческого божества, идол; (перен.) предмет слепого поклонения.

Стоят и ждут гостей уж безвозвратных.

Нет, ныне я с смиренным умиленьем
Вас принесу, любимые цветы,
На тихие могилы милых ближних,
Вас посвящу с признательною думой
Минувшему и памяти о нем.
В те редкие и тайные минуты,
Когда светло и тихо на душе
И милые, желанные виденья
Из сумраков вечерних восстают.

Август 1848, Лесная дача[559]

Сумерки

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин

Когда бледнеет день, и сумрак задымится,
И молча на поля за тенью тень ложится,
В последнем зареве сгорающего дня
Есть сладость тайная и прелесть для меня,
Люблю тогда один, без цели, тихим шагом,
Бродить иль пó полю, иль в роще за оврагом.
Кругом утихли жизнь и бой дневных работ;
Заботливому дню на смену ночь идет,
И словно к таинству природа приступила
И ждет, чтобы зажглись небес паникадила.

[559] Дача Вяземских в Лесном, под Петербургом.

Брожу задумчиво, и с сумраком полей
Сольются сумерки немой мечты моей.
И только изредка звук дальний, образ смутный
По сонному уму прорежет след минутный
И мир действительный напомнит мне слегка.

Чу! песня звонкая лихого ямщика
С дороги столбовой несется. Парень бойкой,
Поет и правит он своей задорной тройкой.
Вот тусклый огонек из-за окна мелькнул,
Тут голосов людских прошел невнятный гул,
Там жалобно завыл собаки лай нестройный —
И всё опять замрет в околице спокойной.

А тут нежданный стих, неведомо с чего,
На ум мой налетит и вцепится в него;
И слово к слову льнет, и звук созвучья ищет,
И леший звонких рифм юлит, поет и свищет.

Сентябрь 1848, Лесная дача

Палестина[560]

Свод безоблачно синий
Иудейских небес,
Беспредельность пустыни,

[560] В стихотворении отразились впечатления поэта от паломничества в Иерусалим, которое он с женой совершили в апреле—мае 1850 г., после смерти старшей дочери.

Одиноких древес,

Пальмы, ма́слины скудной
Бесприютная тень,
Позолотою чудной
Ярко блещущий день.

По степи — речки ясной
Не бежит полоса,
По дороге безгласной
Не слыхать колеса.

Только с ношей своею
(Что ему зной и труд),
Длинно вытянув шею,
Выступает верблюд.

Ладия и телега
Беспромышленных стран,
Он идет до ночлега,
Вслед за ним караван

Иль, бурнусом[561] обвитый,
На верблюде верхом
Бедуин сановитый,
Знойно-смуглый лицом.

[561] *Бурнус* — плащ арабов, с капюшоном, из белой шерстяной материи.

Словно зыбью качаясь,
Он торчит и плывет,
На ходу подаваясь
То назад, то вперед.

Иль промчит кобылица
Шейха с длинным ружьем,
Иль кружится, как птица,
Под лихим седоком.

Помянув Магомета,
Всадник, встретясь с тобой,
К сердцу знаком привета
Прикоснется рукой.

Полдень жаркий пылает,
Воздух — словно огонь;
Путник жаждой сгорает
И томящийся конь.

У гробницы с чалмою
Кто-то вырыл родник;
Путник жадной душою
К хладной влаге приник.

Благодетель смиренный!
Он тебя от души
Помянул, освеженный,
В опаленной глуши.

Вот под сенью палаток
Быт пустынных племен;
Женский склад — отпечаток
Первобытных времен.

Вот библейского века
Верный сколок: точь-в-точь
Молодая Ревекка,
Вафуилова дочь.

Голубой пеленою
Стан красивый сокрыт;
Взор восточной звездою
Под ресницей блестит.

Величаво-спокойно
Дева сходит к ключу,
Водонос держит стройно,
Прижимая к плечу.

В поле кактус иглистый
Распускает свой цвет.
В дальней тьме — каменистый
Аравийский хребет.

На вершинах суровых
Гаснет день средь зыбей
То златых, то лиловых,

То зеленых огней.

Чудно блещут картины
Ярких красок игрой.
Светлый край Палестины!
Упоенный тобой,

Пред рассветом, пустыней
Я несусь на коне
Богомольцем к святыне,
С детства родственной мне.

Шейх с летучим отрядом —
Мой дозор боевой;
Впереди, сзади, рядом
Вьется пестрый их рой.

Недоверчиво взгляды
Озирают вокруг:
Хищный враг из засады
Не нагрянет ли вдруг?

На пути, чуть пробитом
Средь разорванных скал,
Конь мой чутким копытом
По обломкам ступал.

Сон под звездным наметом;
Запылали костры;

Сон тревожит налетом
Вой шакалов с горы.

Эпопеи священной
Древний мир здесь разверст:
Свиток сей неизменный
Начертал Божий перст.

На Израиль с Заветом
Здесь сошла Божья сень;
Воссиял здесь рассветом
Человечества[562] день.

Край святой Палестины,
Край чудес искони!
Горы, дебри, равнины,
Дни и ночи твои,

Внешний мир, мир подспудный,
Всё, что было, что есть, —
Всё поэзии чудной
Благодатная весть.

И, в ответ на призванье,
Жизнь, горé[563] возлетев,
Жизнь — одно созерцанье
И молитвы напев.

---

[562] *Человечество* — человеколюбие.
[563] *Горé* — ввысь, в вышине.

Отблеск светлых видений
На душе не угас;
Дни святых впечатлений,
Позабуду ли вас?

1850

Ночью на железной дороге между Прагою и Веною

Прочь Людмила с страшной сказкой
Про полночного коня!
Детям будь она острасткой,
Но пугать ей не меня.

Сказку быль опередила
В наши опытные дни:
Огнедышащая сила,
Силам адовым сродни,

Нас уносит беспрерывно
Сквозь ущелья и леса,
Совершая с нами дивно
Баснословья чудеса.

И меня мчит ночью темной
Змий — не змий и конь — не конь,
Зверь чудовищно огромный,
Весь он пар, и весь огонь!

От него, как от пожара,
Ночь вся заревом горит,
И сквозь мглу, как Божья кара,
Громоносный, он летит.

Он летит неукротимо,
Пролетит — и нет следа,
И как тени мчатся мимо
Горы, села, города.

На земле ль встает преграда —
Под землей он путь пробьет,
И нырнет во мраки ада,
И как встрепанный всплывет.

Зверю бесконечной снедью
Раскаленный уголь дан.
Грудь его обита медью,
Голова — кипучий чан.

Род кометы быстротечной,
По пространностям земным
Хвост его многоколечный
Длинно тянется за ним.

Бьют железные копыта
По чугунной мостовой.
Авангард его и свита —
Грохот, гул, и визг, и вой.

Зверь пыхтит, храпит, вдруг свистнет
Так, что вздрогнет всё кругом,
С гривы огненной он вспрыснет
Мелким огненным дождем,

И под ним, когда громада
Мчится бурью быстроты,
Не твоим чета, баллада:
"С громом зыблются мосты".[564]

Мертвецам твоим, толпами
Вставшим с хладного одра,
Не угнаться вслед за нами,
Как езда их ни скора.

Поезд наш не оробеет,
Как ни пой себе петух;
Мчится — утра ль блеск алеет,
Мчится — блеск ли дня потух.

В этой гонке, в этой скачке —
Всё вперед, и всё спеша —
Мысль кружится, ум в горячке,
Задыхается душа.

Приключись хоть смерть дорогой,
Умирай, а всё лети!
Не дадут душе убогой

[564] Цитата из баллады Жуковского «Людмила». Далее намеки на «Людмилу» Жуковского (толпы мертвецов, преследующих путников, пение петуха).

С покаяньем отойти.

Увлеченному потоком
Страшен этот, в тьме ночной,
Поединок с темным роком,
С неизбежною грозой.

Силой дерзкой и крамольной
Человек вооружен;
Ненасытной, своевольной
Страстью вечно он разжен.

Бой стихий, противоречий,
Разногласье спорных сил —
Всё попрал ум человечий
И расчету подчинил.

Так, ворочая вселенной
Из страстей и из затей,
Забывается надменный
Властелин немногих дней.

Но безделка ль подвернется,
Но хоть на волос один
С колеи своей собьется
Наш могучий исполин, —

Весь расчет, вся мудрость века
Нуль да нуль, всё тот же нуль,
И ничтожность человека

В прах летит с своих ходуль.

И от гордых снов науки
Пробужденный, как ни жаль,
Он, безногий иль безрукий,
Поплетется в госпиталь.

Май 1853

Царица красоты

Нам море нравится и манит нас равно
Однообразием и вечной переменой:
Смотрите, как теперь улыбчиво оно!
Как ластится к земле своей блестящей пеной!

Пред зеркалом, парчу накинув на плеча,
Царица красоты любуется собою,
И падает до ног лазурная парча
И вьется по земле жемчужной бахромою.

1853

Рябина

Тобой, красивая рябина,
Тобой, наш русский виноград,
Меня потешила чужбина,
И я землячке милой рад.

Любуюсь встречею случайной;
Ты так свежа и хороша!
И на привет твой думой тайной
Задумалась моя душа.

Меня минувшим освежило,
Его повеяло крыло,
И в душу глубоко и мило
Дней прежних запах нанесло.

Всё пережил я пред тобою,
Всё перечувствовал я вновь —
И радость пополам с тоскою,
И сердца слезы, и любовь.

Одна в своем убранстве алом,
Средь обезлиственных дерев,
Ты вся обвешана кораллом,
Как шеи черноглазых дев.

Забыв и озера картину,
И снежный пояс темных гор,
В тебя, родную мне рябину,
Впился мой ненасытный взор.

И предо мною — Русь родная,
Знакомый пруд, знакомый дом;
Вот и дорожка столбовая
С своим зажиточным селом.

Красавицы, сцепивши руки,
Кружок веселый заплели,
И хороводной песни звуки
Перекликаются вдали:

«Ты рябинушка, ты кудрявая,
В зелено́м саду пред избой цвети,
Ты кудрявая, моложавая,
Белоснежный пух — кудри-цвет твои.

Убери себя алой бусою,
Ярких ягодок загорись красой;
Заплету я их с темно-русою,
С темно-русою заплету косой.

И на улицу на широкую
Выйду радостно на закате дня,
Там мой суженый черноокую,
Черноокую сторожит меня!»

Но песней здесь по околотку
Не распевают в честь твою.
Кто словом ласковым сиротку
Порадует в чужом краю?

Нет, здесь ты пропадаешь даром,
И средь спесивых винных лоз
Не впрок тебя за летним жаром
Прихватит молодой мороз.

Потомка новой Элоизы[565]
В сей романтической земле,
Заботясь о хозяйстве мызы,
Или по-здешнему — шале,

Своим Жан-Жаком как ни бредит,
Свой скотный двор и сыр любя —
Плохая ключница, не цедит
Она наливки из тебя.

В сей стороне неблагодарной,
Где ты растешь особняком,
Рябиновки злато-янтарной
Душистый нектар незнаком.

Никто понятья не имеет,
Как благодетельный твой сок
Крепит желудок, душу греет,
Вдыхая сладостный хмелек.

И слава сахарной Коломны
В глушь эту также не дошла:
Сырам вонючим сбыт огромный,
А неизвестна пастила.

Средь здешних всех великолепий
Ты, в одиночестве своем,
Как роза средь безлюдной степи,

[565] «Юлия, или Новая Элоиза» — роман в письмах, написанный Жан-Жаком Руссо в 1757—1760 годы. Одно из центральных произведений литературы сентиментализма, породившее моду на «сельский вкус» и швейцарские пейзажи.

Как светлый перл на дне морском.

Сюда заброшенный случайно,
Я, горемычный как и ты,
Делю один с тобою тайно
Души раздумье и мечты.

Так, я один в чужбине дальной
Тебя приветствую тоской,
Улыбкою полупечальной
И полурадостной слезой.

2 ноября 1854, Вене[566]

* * *

Моя вечерняя звезда,
Моя последняя любовь!
На потемневшие года
Приветный луч пролей ты вновь!

Средь юных, невоздержных лет
Мы любим блеск и пыл огня;
Но полурадость, полусвет
Теперь отрадней для меня.

14 января 1855, Вене

[566] *Вевé* (Vevey) — город на западе Швейцарии, во франкоязычном кантоне Во (Vaud).

На прощанье

Я никогда не покидаю места,
Где Промысл дал мне смирно провести
Дней несколько, не тронутых бедою,
Чтоб на прощанье тихою прогулкой
Не обойти с сердечным умиленьем
Особенно мне милые тропинки,
Особенно мне милый уголок.
Прощаюсь тут и с ними, и с собою.
Как знать, что ждет меня за рубежом?
Казалось мне — я был здесь застрахован,
Был огражден привычкой суеверной
От треволнений жизни ненадежной
И от обид насмешливой судьбы.
Здесь постоянно и однообразно,
День за день, длилось всё одно *сегодня*,
А там меня в дали неверной ждет
Неведенье сомнительного *завтра*,
И душу мне теснит невольный страх.
Как в гроб родной с слезами опускаем
Мы часть себя, часть лучшую себя,
Так, покидая теплое гнездо,
Пролетных дней приют богохранимый,
Сдается мне, что погребаю я
Досугов мирных светлые занятья,
И свежесть чувств, и деятельность мысли —
Всё, чем я жил, всё, чем жила душа.

Привычка мне дана в замену счастья.

Знакомое мне место — старый друг,
С которым я сроднился, свыкся чувством,
Которому я доверяю тайны,
Подъятые из глубины души
И недоступные толпе нескромной.
В среде привычной ближе я к себе.
Природы мир и мир мой задушевный —
Один с своей красой разнообразной
И с свежей прелестью картин своих,
Другой — с своими тайнами, глубоко
Лежащими на недоступном дне, —
Сливаются в единый строй сочувствий,
В одну любовь, в согласие одно.
Здесь тишина, и целость, и свобода.
Там между *мною*, внутренним и внешним,
Вторгается насильственным наплывом
Всепоглощающий поток сует,
Ничтожных дел и важного безделья.
Там к спеху всё, чтоб из пустого — важно
В порожнее себя переливать.
Когда мой ум в халате, сердце дома,
Я кое-как могу с собою ладить,
Отыскивать себя в себе самом
И быть не тем, во что нарядит случай,
Но чем могу и чем хочу я быть.
Мой *я* один здесь цел и ненарушим,
А там мы два разрозненные *я*.

О, будь на вас благословенье свыше,
Сень рощей, мир полей и бытия!

Да, с каждым летом всё ясней, всё тише,
На запад свой склоняясь, жизнь моя
Под вашею охраной благосклонной
К урочной цели совершает путь,
И вечер мирный, свежий, благовонный
Даст от дневных тревог мне отдохнуть.

Люблю я наш обычай православный;
В нем тайный смысл и в нем намек есть явный;
Недаром он в почтенье у отцов,
Поднесь храним у нас в среде семейной:
Когда кто в путь отправиться готов,
Присядет он в тиши благоговейной,
Сосредоточится в себе самом
И, оградясь напутственным крестом,
Предаст себя и милых ближних Богу,
А там бодрей пускается в дорогу.

Не все ль мы странники? Не всем ли нам
В путь роковой идти всё тем же следом?
Сегодня? Завтра? День тот нам неведом,
Но свыше он рассчитан по часам.
Как ни засиживаться старожилу,
Как на земле он долго ни гости,
Нечаянно пробьет поход в могилу,
И редко кто готов в тот путь идти.
Волнуемым житейскою тревогой,
Нам, отстали́м от братьев, прежде нас
Отшедших в путь, — и нам уж близок час.
Не лучше ль каждому пред той дорогой

Собраться с духом, молча, одному
Сойти спокойно в внутреннюю келью
И дать остыть житейскому похмелью
И отрезвиться страстному уму.

Осень 1855, Лесная дача

Прогулка

В лоне озера бесструйного
И прозрачно-неподвижного
Отражаясь, горы светлые
Головой своею снежною
Окунулись в глубину.

Там, на озере, белеются
Паруса в воздушной ясности;
Лодка, к озеру прильнувшая,
На воде стоит незыблемо,
Словно лебедь, сладко дремлющий
На своем прохладном бархате,
На воде своей родной.

А под ней — двойчаткой стройною
Так же легкой и спокойною,
Лодка светлая мерещится,
В лоне зеркальном рисуется
И белеет и красуется, —
Только парусами вниз.

И не знаешь, что пленительней,
Что для взоров обольстительней:
Горы ль, гордо восстающие,
Иль их призраки подводные?
Что прекраснее: действительность
Иль чарующий обман?

1855

Береза

Средь избранных дерев — береза
Не поэтически глядит;
Но в ней — душе родная проза
Живым наречьем говорит.

Милей всех песней сладкозвучных —
От ближних радостная весть,
Хоть пара строк собственноручных,
Где сердцу много что прочесть.

Почтовый фактор — на чужбине
Нам всем приятель дорогой;
В лесу он про́сек, ключ — в пустыне,
Нам проводник в стране чужой.

Из нас кто мог бы хладнокровно
Завидеть русское клеймо?
Нам здесь и ты, береза, словно
От милой матери письмо.

1855

* * *

Остафьево, 26 октября 1857

Приветствую тебя, в минувшем молодея,
Давнишних дней приют, души моей Помпея![567]
Былого след везде глубоко впечатлен —
И на полях твоих, и на твердыне стен
Хранившего меня родительского дома.
Здесь и природа мне так памятно знакома,
Здесь с каждым деревом сроднился, сросся я,
На что ни посмотрю — всё быль, всё жизнь моя.
Весь этот тесный мир, преданьями богатый,
Он мой, и я его. Все блага, все утраты,
Всё, что я пережил, всё, чем еще живу, —
Всё чудится мне здесь во сне и наяву.
Я слышу голоса из-за глухой могилы;
За милым образом мелькает образ милый...
Нет, не Помпея ты, моя святыня, нет,
Ты не развалина, не пепел древних лет, —
Ты всё еще жива, как и во время óно:
Источником живым кипит благое лоно,
В котором утолял я жажду бытия.
Не изменилась ты, но изменился я.
Обломком я стою в виду твоей нетленной
Святыни, пред твоей красою неизменной,

[567] *Помпеи* — древний римский город в Кампании (Южная Италия). Расположен на берегу Неаполитанского залива, в 22 км от Неаполя, у подножия вулкана Везувий. Разрушен и засыпан пеплом при извержении Везувия в 79 н. э. Раскопки ведутся с середины XVIII в.

Один я устарел под ношею годов.
Неузнанный вхожу под твой знакомый кров
Я, запоздалый гость другого поколенья.
Но по тебе года прошли без разрушенья;
Тобой любуюсь я, какой и прежде знал,
Когда с весной моей весь мир мой расцветал.
Всё те же мирные и свежие картины:
Деревья разрослись вдоль прудовой плотины,
Пред домом круглый луг, за домом темный сад,
Там роща, там овраг с ручьем, курганов ряд —
Немая летопись о безымянной битве;
Белеет над прудом пристанище молитве,
Дом Божий, всем скорбям гостеприимный дом.
Там привлекают взор, далече и кругом,
В прозрачной синеве просторной панорамы,
Широкие поля, селенья, Божьи храмы,
Леса, как темный пар, поемные луга
И миловидные родные берега
Извилистой Десны, Любучи молчаливой,
Скользящей вдоль лугов струей своей ленивой.
Здесь мирных поселян приветливый погост.
Как на земле была проста их жизнь, так прост
И в матери-земле ночлег их. Мир глубокий.
Обросший влажным мхом, здесь камень одинокий
Без пышной похвалы подкупного резца;
Но детям памятно, где тлеет прах отца.
Там деревянный крест, и тот полуразрушен;
Но мертвым здесь простор, но их приют не душен,
И светлая весна ласкающей рукой
Дарит и зелень им, и ландыш полевой.

Везде всё тот же круг знакомых впечатлений.
Сменяются ряды пролетных поколений,
Но не меняются природа и душа.
И осень тихая всё так же хороша.
Любуюсь грустно я сей жизнью полусонной, —
И обнаженный лес без тени благовонной,
Без яркой зелени, убранства летних дней,
И этот хрупкий лист, свалившийся с ветвей,
Который под ногой моей мятется с шумом, —
Мне всё сочувственно, всё пища тайным думам,
Всё в ум приводит мне, что осень и моя
Оборвала цветы былого бытия.
Но жизнь свое берет: на молодом просторе,
В дни беззаботные, и осень ей не в горе.
Отважных мальчиков веселая орда
Пускает кубари по зеркалу пруда.
Крик, хохот. Обогнать друг друга каждый ищет,
И под коньками лед так и звенит и свищет.
Вот ретива́я песнь несется вдалеке:
То грянет удалью, то вдруг замрет в тоске,
И светлым облаком на сердце тихо ляжет,
И много дум ему напомнит и доскажет.
Но постепенно дня стихают голоса.
Серебряная ночь взошла на небеса.
Всё полно тишины, сиянья и прохлады.
Вдоль блещущих столбов прозрачной колоннады
Задумчиво брожу, предавшись весь мечтам;
И зыбко тень моя ложится по плитам —
И с нею прошлых лет и милых поколений
Из глубины ночной выглядывают тени.

Я вопрошаю их, прислушиваюсь к ним —
И в сердце отзыв есть приветам их родным.

* * *

Послушать: век наш — век свободы,
А в сущность глубже загляни —
Свободных мыслей коноводы
Восточным деспотам сродни.

У них два веса, два мерила,
Двоякий взгляд, двоякий суд:
Себе дается власть и сила,
Своих наверх, других под спуд.

У них на всё есть лозунг строгой
Под либеральным их клеймом:
Не смей идти своей дорогой,
Не смей ты жить своим умом.

Когда кого они прославят,
Пред тем — колена преклони.
Кого они опалой давят,
Того и ты за них лягни.

Свобода, правда, сахар сладкий,
Но от плантаторов беда;
Куда как тяжки их порядки
Рабам свободного труда!

Свобода — превращеньем роли —
На их условном языке
Есть отреченье личной воли,
Чтоб быть винтом в паровике;

Быть попугаем однозвучным,
Который, весь оторопев,
Твердит с усердием докучным
Ему насвистанный напев.

Скажу с сознанием печальным:
Не вижу разницы большой
Между холопством либеральным
И всякой барщиной другой.

16 мая 1860

Друзьям

Я пью за здоровье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней.

Я пью за здоровье далеких,
Далеких, но милых друзей,
Друзей, как и я, одиноких
Средь чуждых сердцам их людей.

В мой кубок с вином льются слезы,

Но сладок и чист их поток;
Так с алыми — черные розы
Вплелись в мой застольный венок.

Мой кубок за здравье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней;

За здравье и ближних далеких,
Далеких, но сердцу родных,
И в память друзей одиноких,
Почивших в могилах немых.

1861

Вечер

Прелестный вечер! В сладком обаянье
Душа притихла, словно в чудном сне.
И небеса в безоблачном сиянье,
И вся земля почила в тишине.

Куда б глаза пытливо ни смотрели,
Таинственной завесой мир одет,
Слух звука ждет — но звуки онемели;
Движенья ищет взор — движенья нет.

Не дрогнет лист, не зарябится влага,
Не проскользнет воздушная струя;

Всё тишь!.. Как будто в пресыщенье блага
Жизнь замерла и не слыхать ея.

Но в видимом бездейственном покое
Не истощенье сил, не мертвый сон:
Присущны здесь и таинство живое,
И стройного могущества закон.

И молча жизнь кругом благоухает,
И в неподвижной красоте своей
Прохладный вечер молча расточает
Поэзию без звуков, без речей.

И в этот час, когда, в тени немея,
Всё, притаясь, глубокий мир хранит
И тихий ангел, крыльями чуть вея,
Землей любуясь, медленно парит, —

Природа вся цветет, красуясь пышно,
И, нас склоня к мечтам и забытью,
Передает незримо и неслышно
Нам всю любовь и душу всю свою.

9 июля 1861, Петергоф

Царскосельский сад зимою

1

С улыбкою оледенелой

Сошла небес суровых дочь,
И над землей сребристо-белой
Белеет северная ночь.

Давно ль здесь пестротою чудной
Сафир, рубин и бирюза[568]
Сливались с тенью изумрудной,
Чаруя жадные глаза?

Зимы покров однообразный
Везде сменил наряд цветной,
Окован сад броней алмазной
Рукой волшебницы седой.

В дому семьи осиротелой,
Куда внезапно смерть вошла,
Задернуты завесой белой
С златою рамой зеркала.

Так снежной скатертью печальной
Покрыты и объяты сном
И озеро с волной зерцальной,
И луг с цветным своим ковром.

Природа в узах власти гневной,
С смертельной белизной в лице,
Спит заколдованной царевной
В своем серебряном дворце.

[568] *Бирюза* — драгоценный камень голубого или зеленоватого цвета.

2

Но и природы опочившей
Люблю я сон и тишину:
Есть прелесть в ней, и пережившей
Свою прекрасную весну.

Есть жизнь и в сей немой картине,
И живописен самый мрак:
Деревьям почерневшим иней
Дал чудный образ, чудный лак.

Обрызгал их холодным блеском
Своих граненых хрусталей,
Он вьется ярким арабеском[569]
Вдоль обезлиственных ветвей.

Твой Бенвенуто,[570] о Россия,
Наш доморощенный мороз
Вплетает звезды ледяные
В венки пушисто-снежных роз.

Кует он дивные изделья
Зиме, зазнобушке своей,
И наряжает в ожерелья
Он шею, мрамора белей.

3

[569] *Арабеск* — узорчатый орнамент из стилизованных листьев, цветов, геометрических фигур и т. п. (возникший в подражание арабскому стилю).
[570] *Бенвенуто Челлини* (1500—1571) — итальянский скульптор, ювелир и медальер.

Когда наступит вечер длинный,
Объятый таинством немым,
Иду один я в сад пустынный
Бродить с раздумием своим.

И много призрачных видений
И фантастических картин
Мелькают, вынырнув из тени
Иль соскочив с лесных вершин.

Они сшибаются друг с другом
И, налетев со всех сторон,
То нежат лаской, то испугом
Тревожат мыслей чуткий сон.

А между тем во тьме безбрежной
Оцепенело всё кругом,
В волшебном царстве ночи снежной,
В саду, обросшем серебром.

Но в этой тишине глубокой,
Питающей дремоту дум,
Местами слышен одинокой
Переливающийся шум.

Под хладной снежной пеленою
Тень жизни внутренней слышна,
И, с ка́мней падая, с волною
Перекликается волна.

22 ноября 1861, Царское Село

* * *

Вкушая бодрую прохладу,
Я наслаждаюсь зимним днем
И по серебряному саду,
Объятому волшебным сном,

Хожу — любуяся картиной
В ее суровой тишине,
С ее обширною равниной,
С ее печалью, милой мне.

1861

Былое

Томимся ль, странники, мы переходом дальним
И много на пути за нами дней легло, —
Под сумерками дни, под сумраком печальным,
Которым нашу жизнь кругом заволокло.
Надежде чуждые и бедные желаньем,
Покоя одного и молим мы и ждем;
Но в книге памяти с задумчивым вниманьем
Мы любим проверять страницы о былом.
Воспоминание, минувшего зарница,
Блеснет и озарит пройдённый нами путь
И прожитые дни и выбывшие лица —

Все тени милые — теснятся в нашу грудь.

1862

* * *

Пожар на небесах — и на воде пожар.
Картина чудная! Весь рдея, солнца шар,
Скатившись, запылал на рубеже заката.
Теснятся облака под жаркой лавой злата;
С землей прощаясь, день на пурпурном одре
Оделся пламенем, как Феникс на костре.

Палацца[571] залились потоком искр златых,
И храмов куполы, и кампанилы их,[572]
И мачты кораблей, и пестрые их флаги,
И ты, крылатый лев,[573] когда-то царь отваги,
А ныне, утомясь по вековой борьбе,
Почивший гордым сном на каменном столбе.

Как морем огненным, мой саламандра-челн[574]
Скользит по зареву воспламененных волн.
Раздался колокол с Сан-Марко и с Салуте[575] —
Вечерний благовест, в дневной житейской смуте
Смиренные сердца к молитве преклоня,
Песнь лебединая сгорающего дня!

---

[571] *Палацца* — палаццо (итал.) — дворец; здесь: Дворец дожей в Венеции.
[572] *Кампаниле* — четырехгранная колокольня в средневековых итальянских соборах; здесь: кампанила св. Марка.
[573] *Крылатый лев* — скульптурное изображение на колонне, расположенной на площади Сан-Марко.
[574] *Саламандра* — здесь: несгораемая ящерица, сказочный дух огня.
[575] *Сан-Марко* — главный собор Венеции в честь святого, покровителя города. *Салуте* — церковь Santa Maria della Salute (архитектор Б. Лонгена).

1863 или 1864

* * *

Там на земной границе
Блестящей багряницей
Оделись облака,
Прозрачное зерцало,
Лагуна зыбью алой
Подернулась слегка, —
И замер день усталый,
Как путник с далека.

Повеял сумрак свежий.
Рыбак раскинул мрежи
В водах, объятых сном:
В заботе рыболовной
Среди лагуны ровной,
Разлившейся стеклом,
Сам неподвижный, словно
Прирос он с челноком.

Как ни проста картина,
Но чуткая холстина
Под кистью мастерскóй,
Ни речь, ни дум свобода
Не скажет, чтó природа
Шепнет душе родной,
Без слов, без перевода

На наш язык земной.

1864

Кладбище

Где б ни был я в чужбине дальной,
Мной никогда не позабыт
Тот угол светлый и печальный,
Где тихий ангел погребальный
Усопших мирный сон хранит.

Оплакавший земной дорогой
Любви утрату не одну,
Созревший опытностью строгой,
Паломник скорбный и убогой,
Люблю кладбища тишину.

Мне так сочувственны могилы,
В земле так много моего,
Увядших благ, увядшей силы,
Что мне кладбище — берег милый,
Что мне приветлив вид его.

Предавшись думам несказанным,
И здесь я, на закате дня,
Спешу к местам обетованным,
К могилам чуждым, безымянным,
Но не безмолвным для меня.

Среди цветов в тени древесной,
Кладбище здесь — зеленый сад,
Нас не смущает давкой тесной
Гробниц и с спесью полновесной
Тщете воздвигнутых громад.

В виду — величество природы,
Твердыни вечных гор кругом,
И вечно подвижны́е воды,
То блеск небес, то непогоды
В прекрасном ужасе своем.

Вблизи — всё пепел да обломки,
Вся наша немощь в тле[576] своей;
Близ предков улеглись потомки;
Могил молчанье и потемки —
Вот след непрочных наших дней.

Но здесь нагорное кладбище
Поближе к небу вознеслось,
Прозрачный воздух здесь и чище,
И дней минувших пепелище
Цветущей жизнью облеклось.

Здесь всё свежо, везде просторно,
Здесь словно ратный стан почил
По битве жаркой и упорной
И к ночи отдых благотворный
Бойцов и страсти умирил.

[576] *Тля* — тлен, прах.

Ноябрь 1864, Веве

* * *

Мне нужны воздух вольный и широкий,
Здесь рощи тень, там небосклон далекий,
Раскинувший лазурную парчу,
Луга и жатва, холм, овраг глубокий
С тропинкою к студеному ключу,
И тишина, и сладость неги праздной,
И день за днем всегда однообразный:
Я жить устал, — я прозябать[577] хочу.

1864

Поминки

Дельвиг, Пушкин, Боратынской,
Русской музы близнецы,
С бородою бородинской
Завербованный в певцы,

Ты, наездник, ты, гуляка,
А подчас и Жомини,[578]
Сочетавший песнь бивака

[577] *Прозябать* — расти, прорастать, также (здесь): вести малосодержательную, унылую жизнь (жизнь растения).
[578] *Анри Жомини* (1779—1869) — военный теоретик, генерал, состоявший на службе в русской, французской и швейцарской армиях. Называя Давыдова Жомини, Вяземский имеет в виду его работы по теории партизанской войны.

С песнью нежною Парни![579]

Ты, Языков простодушный,
Наш заволжский соловей,
Безыскусственно послушный
Тайной прихоти своей!

Ваши дружеские тени
Часто вьются надо мной,
Ваших звучных песнопений
Слышен мне напев родной;

Наши споры и беседы,
Словно шли они вчера,
И веселые обеды
Вплоть до самого утра —

Всё мне памятно и живо.
Прикоснетесь вы меня,
Словно вызовет огниво
Искр потоки из кремня.

Дни минувшие и речи,
Уж замолкшие давно,
В столкновенье милой встречи
Всё воспрянет заодно, —

[579] *Эварист Парни* (1753—1814) — французский поэт. В сборниках "Эротические стихотворения" (1778), "Поэтические безделки" (1779), оставаясь верным классицистическому стилю, одушевил свою поэзию искренностью чувств, элегичностью. В России Парни подражали Батюшков, Пушкин, Боратынский и др. поэты.

Дело пополам с бездельем,
Труд степенный, неги лень,
Смех и грусти за весельем
Набегающая тень,

Всё, чем жизни блеск наружный
Соблазняет легкий ум,
Всё, что в тишине досужной
Пища тайных чувств и дум,

Сходит всё благим наитьем
В поздний сумрак на меня,
И событьем за событьем
Льется памяти струя.

В их живой поток невольно
Окунусь я глубоко —
Сладко мне, свежо и больно,
Сердцу тяжко и легко.

1864

* * *

Как свеж, как изумрудно мрачен
В тени густых своих садов,
И как блестящ, и как прозрачен
Водоточивый Петергоф.

Как дружно эти водометы

Шумят среди столетних древ,
Днем и в часы ночной дремоты
Не умолкает их напев.

Изгибистым, разнообразным
В причудливой игре своей,
Они кипят дождем алмазным
Под блеском солнечных лучей.

Лучи скользят по влаге зыбкой,
Луч преломляется с лучом,
И водомет под этой сшибкой
Вдруг вспыхнет радужным огнем.

Как из хрустальных ульев пчелы,
От сна подъятые весной,
И здесь, блестящий и веселый,
Жужжа, кружится брызгов рой.

Они отважно и красиво
То, прянув, рвутся в небеса,
То опускаются игриво,
И прыщет с них кругом роса.

Когда ж сиянья лунной ночи
Сады и воздух осребрят
И неба золотые очи
На землю ласково глядят,

Когда и воздух не струится,

И море тихо улеглось,
И всё загадочно таится,
И в мраке видно всё насквозь, —

Какой поэзией восточной
Проникнут, дышит и поет
Сей край Альгамбры[580] полуночной,
Сей край волшебства и красот.

Ночь разливает сны и чары,
И полон этих чудных снов
Преданьями своими старый
И вечно юный Петергоф.

1865

Зимняя прогулка

Графине М. Б. Перовской[581]

Ждет тройка у крыльца; порывом
Коней умчит нас быстрый бег.
Смотрите — месячным отливом
Озолотился первый снег.

Кругом серебряные сосны;
Здесь северной Армиды сад:[582]
Роскошно с ветви плодоносной

[580] *Альгамбра* — позднемавританский дворцовый комплекс (сер. XIII — кон. XIV в.) в Гренаде (Испания).
[581] Посвящено графине Марии Борисовне *Перовской,* дочери графа Бориса Алексеевича Перовского (1814—1881), бывшего воспитателем Александра III.
[582] *Армида* — героиня поэмы Тассо "Освобожденный Иерусалим" (1580), прекрасная волшебница, владеющая чудесным садом.

Висит алмазный виноград;

Вдоль по деревьям арабеском
Змеятся нити хрусталя;
Серебряным, прозрачным блеском
Сияют воздух и земля.

И небо синее над нами —
Звездами утканный шатер,
И в поле искрится звездами
Зимой разостланный ковер.

Он, словно из лебяжьей ткани,
Пушист и светит белизной;
Скользя, как челн волшебный, сани
Несутся с плавной быстротой.

Всё так таинственно, так чудно;
Глядишь — не верится глазам.
Вчерашний мир спит беспробудно,
И новый мир открылся нам.

Гордяся зимнею обновой,
Ночь блещет в светозарной тьме;
Есть прелесть в сей красе суровой,
Есть прелесть в молодой зиме,

Есть обаянье, грусть и нега,
Поэзия и чувств обман;
Степь бесконечная и снега

Необозримый океан.

Вот леший — скоморох мохнатый,
Кикимор пляска и игра,
Вдали мерещатся палаты,[583]
Все из литого серебра.

Русалок рой среброкудрявый,
Проснувшись в сей полночный час,
С деревьев резво и лукаво
Стряхает иней свой на нас.

Ноябрь 1868, Царское Село

* * *

Тихие равнины
Ель, ветла, береза,
Северной картины
Облачная даль.

Серенькое море,
Серенькое небо,
Чуется в вас горе,
Но и прелесть есть.

Праздничным нарядом
Воздух, волны, горы,
Расцветая садом,

[583] *Палаты* — дворец.

Облачает юг.

Вечным воскресеньем
Там глядит природа,
Вечным упоеньем
Нежится душа.

Будничные дети
Будничной природы,
Редко знаем эти
Праздничные дни.

День-деньской нам труден,
Жизнь не без лишений,
Темен кров наш, скуден
Наш родной очаг,

Но любовь и ласки
Матери, хоть бедной,
Детям — те же ласки,
Та же всё любовь.

В рубище убогом
Мать — любви сыновней
Пред людьми и Богом
Та же друг и мать.

Чем она убоже,
Тем для сердца сына
Быть должна дороже,

Быть должна святей.

Грех за то злословить
Нашу мать-природу,
Что нам изготовить
Пиршеств не могла.

Здесь родных могилы;
Здешними цветами
Прах их, сердцу милый,
Усыпаем мы.

Не с родного ль поля
Нежно мать цветами
Украшала, холя
Нашу колыбель?

Всё, что сердцу мило,
Чем оно страдало,
Чем живет и жило,
Здесь вся жизнь его.

Струны есть живые
В этой тихой песне,
Что поет Россия
В сумраке своем.

Те родные струны
Умиляют душу
И в наш возраст юный,

И в тени годов;

Им с любовью внемлю,
Им я вторю, глядя
На родную землю,
На родную мать.

1869

Эпитафия себе заживо

Лампадою ночной погасла жизнь моя,
Себя, как мертвого, оплакиваю я.
На мне болезни и печали
Глубоко врезан тяжкий след;
Того, которого вы знали,
Того уж Вяземского нет.

6 января 1871, Висбаден

* * *

Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду,
Что страшно вновь иметь за гробом жизнь в виду;
Покоя твоего, ничтожество![584] я жажду:
От смерти только смерти жду.

28 сентября 1871, Царское Село

[584] *Ничтожество* — ничто, небытие.

* * *

Все сверстники мои давно уж на покое,
И младшие давно сошли уж на покой;
Зачем же я один несу ярмо земное,
Забытый каторжник на каторге земной?

Не я ли искупил ценой страданий многих
Всё, чем пред промыслом я быть виновным мог?
Иль только для меня своих законов строгих
Не властен отменить злопамятливый Бог?

12 июня 1872, Царское Село

* * *

Лукавый рок его обчел:
Родился рано он и поздно,
Жизнь одиночную прошел
Он с современной жизнью розно.

В нем старого добра был клад,
Родник и будущих стремлений;
Зато и был он виноват
У двух враждебных поколений.

«Воздвиг я памятник себе!» —
Не мог сказать он, умирая:
Он много выстрадал в борьбе,
Но та борьба была глухая.

К такой борьбе вниманья нет:
Кто в глубь души борцу заглянет?
Не перекрестится и свет,
Пока успеха гром не грянет.

И много непочатых сил
И втуне[585] жатв за ним осталось,
Талант не в землю он зарыл,
Но в ход пустить не удавалось.

Бедняк не вовремя рожден,
Не вовремя он жил и умер;
И в лотерее жизни он
Попал на проигрышный нумер.

Между 1873 и 1875

Загадка

Меня за книгу засадили,
С трудом читается она:
В ней смесь и вымысла, и были,
Плох вымысел, и быль скучна.

Как много в книге опечаток!
Как много непонятных мест!
Сил и охоты недостаток
Читать ее в один присест.

[585] *Втуне* — напрасно, впустую.

Пред догорающей лампадой
И в ожиданье темноты
Читаю с грустью и досадой
Ее последние листы.

Всё это опыт, уверяют,
Терпенья надобно иметь,
И в ободренье обещают,
Что будет продолженье впредь.

Благодарю! С меня довольно!
Так надоел мне первый том,
Что мне зараней думать больно,
Что вновь засяду на втором.

1876

Цветок

Зачем не увядаем мы,
Когда час смерти наступает,
Как с приближением зимы
Цветок спокойно умирает?

К нему природы благ закон,
Ему природа — мать родная:
Еще благоухает он,
Еще красив и увядая.

Его иссохшие листки
Еще хранят свой запах нежный,
Он дар нам памятной руки
В день слез разлуки безнадежной.

Его мы свято бережем
В заветной книге дум сердечных,
Как весть, как песню о былом,
О днях, так грустно скоротечных.

Для нас он памятник живой,
Хотя он жизнью уж не дышит,
Не вспрыснут утренней росой
И в полночь соловья не слышит.

Как с другом, с ним мы говорим
О прошлом, нам родном и общем,
И молча вместе с ним грустим
О счастье, уж давно усопшем.

Цветку не тяжек смертный час:
Сегодня нас он блеском манит,
А завтра нам в последний раз
Он улыбнется и завянет.

А нас и корчит, и томит
Болезнь пред роковой могилой,
Нам диким пугалом грозит
Успенья гений белокрылый.

Мертвящий холод в грудь проник,
Жизнь одичала в мутном взоре,
Обезображен светлый лик,
Друзьям и ближним в страх и горе.

А там нас в тесный гроб кладут,
Опустят в мраки подземелья
И сытной пищей предадут
Червям на праздник новоселья.

В предсмертных муках и в борьбе,
Неумолимой, беспощадной,
Как позавидую тебе,
Цветок мой милый, ненаглядный!

Будь ласковой рукой храним,
Загробным будь моим преданьем,
И в память мне друзьям моим
Еще повей благоуханьем.

1876

* * *

Что выехал в Ростов.[586]
Дмитриев

"Такой-то умер". Что ж? Он жил да был и умер.

[586] Что выехал в Ростов — неточная цитата из шуточной эпитафии И. И. Дмитриева (1803):
Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах.
Вот жребий наш каков!
Живи, живи, умри — и только что в газетах
Осталось: *выехал в Ростов*.

Да, умер! Вот и всё. Всем жребий нам таков.
Из книги Бытия один был вырван нумер.
И в книгу внесено, что "выехал в Ростов".
Мы все попутчики в Ростов. Один поране,
Другой так попоздней, но всем ночлег один:
Есть подорожная у каждого в кармане,
И похороны всем — последствие крестин.
А после? Вот вопрос. Как знать, зачем пришли мы?
Зачем уходим мы? На всем лежит покров,
И думают себе земные пилигримы:
А что-то скажет нам загадочный Ростов?

1876

* * *

Жизнь наша в старости — изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить;
Мы с ним давно сжились, давно как с братом брат;
Нельзя нас починить и заново исправить.

Как мы состарились, состарился и он;
В лохмотьях наша жизнь, и он в лохмотьях тоже,
Чернилами он весь расписан, окроплен,
Но эти пятна нам узоров всех дороже;

В них отпрыски пера, которому во дни
Мы светлой радости иль облачной печали
Свои все помыслы, все таинства свои,

Всю исповедь, всю быль свою передавали.

На жизни также есть минувшего следы:
Записаны на ней и жалобы, и пени,
И на нее легла тень скорби и беды,
Но прелесть грустная таится в этой тени.

В ней есть предания, в ней отзыв, нам родной,
Сердечной памятью еще живет в утрате,
И утро свежее, и полдня блеск и зной
Припоминаем мы и при дневном закате.

Еще люблю подчас жизнь старую свою
С ее ущербами и грустным поворотом,
И, как боец свой плащ, простреленный в бою,
Я холю свой халат с любовью и почетом.

Между 1874 и 1877

Николай Коншин (1793—1859)

Ворон

Здорово, друг ворон, бездомный, бессонный,
Разумная птица моя!
Сосед мой, мой ворон, мой гость благосклонный,
Прилет твой приветствую я.

Зачем ты так близко к жилищу живого
И зорко так в очи глядишь?
Иль вещую тайну из мира другого
Ты молча на сердце таишь?
Всё знаю, друг ворон, вещун запоздалый:
Ты поздно подсел под окно, —
Всё знаю, мой ворон, мне сердце сказало,
И сердце сказало давно!

1839, Тверь

Пристав дома сумасшедших к посетительнице

Красавица, зачем нас посетила?
Что в этот гроб тебя могло привесть?
Придет пора, засыплется могила —
Тогда приди, на свежем дерне сесть...
Знакомы вы?.. Гляди смелее в очи:
В них нет любви, но и укора нет;
Ему слились, как привиденья ночи,
Все образы, без красок и примет.
Не бойся же, не вскрикнет, не узнает:
Всмотрись в его бездонные глаза, —
В них не земной теперь огонь пылает,
В них не блеснет знакомая слеза.
На пламени и козней и коварства
В нем мир земной, перепылав, погас;
Зато, царем заоблачного царства,
Как гордо он теперь глядит на нас!

10 апреля 1840

Кондратий Рылеев (1795—1826)

Воспоминания

Элегия

Посвящается Н. М. Рылеевой[587]

Еще ли в памяти рисуется твоей
С такою быстротой промчавшаяся младость, —
Когда, Дорида,[588] мы, забыв иных людей,
Вкушали с жаждою любви и жизни сладость?..
Еще ли мил тебе излучистый ручей
И струй его невнятный лепет,
Зеленый лес, и шум младых ветвей,
И листьев говорящий трепет, —
Где мы одни с любовию своей
Под ивою ветвистою сидели:
Распростирала ночь туманный свой покров,
Терялся вдалеке чуть слышный звук свирели,
И рог луны глядел из облаков,
И струйки ручейка журчащие блестели...
Луны сребристые лучи
На нас, Дорида, упадали
И что-то прелестям твоим в ночи
Небесное земному придавали:

[587] *Рылеева* Наталия Михайловна (1803?—1853) — жена поэта.
[588] *Дорида* — условное поэтическое имя («Золотистая, Златовласка»).

Перерывался разговор,
Сердца в восторгах пылких млели,
К устам уста, тонул во взоре взор,
И вздохи сладкие за вздохами летели.
Не знаю, милая, как ты,
Но я не позабуду про былое:
Мне утешительны, мне сладостны мечты,
Безумство юных дней, тоска и суеты;
И наслаждение сие немое
Так мило мне, как запах от левкоя,
Как первый поцелуй невинной красоты.

1823

* * *

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны

И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.[589]

1824

Стансы

К А. Бестужеву

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжкой грустью, с черной думою

[589] *Риего* — Рафаэль Риэго-и-Нуньес (1785—1823), вождь радикального крыла испанской революции 1820 г.; был казнен после ее поражения.

Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

1824

* * *[590]

Мне тошно здесь, как на чужбине.
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто даст крыле мне голубине,[591]
Да полечу и почию.
Весь мир как смрадная могила!
Душа из тела рвется вон.
Творец! Ты мне прибежище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стон:
Приникни на мое моленье,
Вонми смирению души,
Пошли друзьям моим спасенье,

[590] Написано в Алексеевском равелине Петропавловской крепости и переслано Е. П. Оболенскому. Оболенский вспоминал: «Раз добрый наш сторож приносит два кленовых листа и осторожно кладет их в глубину комнаты, в дальний угол, куда не проникал глаз часового. Он уходит. Я спешу к заветному углу, подымаю листья и читаю (следует текст стихотворения...). Кто поймет сочувствие душ, то невидимое соприкосновение, которое внезапно объемлет душу, когда нечто родное, близкое коснется ее, тот поймет и то, что я почувствовал при чтении этих строк. То, что мыслил, чувствовал Кондратий Федорович, сделалось моим, его болезнь сделалась моею, его уныние усвоилось мне, его вопиющий голос вполне отразился в моей душе».
[591] *Крыле́* — крылья.

А мне даруй грехов прощенье
И дух от тела разреши.

Между январем и маем 1826

* * *

О милый друг, как внятен голос твой,
Как утешителен и сердцу сладок:
Он возвратил душе моей покой
И мысли смутные привел в порядок.
Ты прав: Христос спаситель нам один,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, в ком дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше.
Прямой мудрец: он жребий свой вознес,
Он предпочел небесное земному,
И, как Петра, ведет его Христос
По треволнению мирскому.
Душою чист и сердцем прав,
Перед кончиною подвижник постоянный,
Как Моисей с горы Навав,
Узрит он край обетованный.

Май или июнь 1826

Александр Грибоедов (1795—1829)

* * *[592]

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

(Лакей уходит.)

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! — Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый, вот резвó
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь, и степь, и пусто, и мертво…
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

1825

[592] Отрывок из комедии «Горе от ума» (действие IV, явление 3).

Иван Мятлев (1796—1844)

Фантастическая высказка

Таракан
Как в стакан
Попадет —
Пропадет,
На стекло
Тяжело
Не всползет.

Так и я:
Жизнь моя
Отцвела,
Отбыла;
Я пленен,
Я влюблен,
Но в кого?
Ничего
Не скажу;
Протужу,
Пока сил
Не лишил
Меня Бог;
Но чтоб мог
Разлюбить,
Позабыть —
Никогда.
Навсегда

Я с тоской,
Грусти злой
Не бегу:
Не могу
Убежать,
Перестать
Я любить —
Буду жить
И тужить.

Таракан
Как в стакан
Попадет —
Пропадет,
На стекло
Тяжело
Не всползет.

Апрель 1833

Розы

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость;

Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты;
Венка из роз искала молодая —
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей;
Как хорошо, как мило соплетались
С душистою волной каштановых кудрей!

И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг ее вилась и радость и любовь!

В ее очах — веселье, жизни пламень,
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок, —
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне — роз моих завянувший венок.

1834

Русский снег в Париже

Здорово, русский снег, здорово!
Спасибо, что ты здесь напал,
Как будто бы родное слово
Ты сердцу русскому сказал.

И ретивое запылало
Любовью к родине святой,
В груди отрадно заиграло
Очаровательной мечтой.

В родных степях я очутился,
Зимой отечества дохнул,
И от души перекрестился,
Домой я точно заглянул.

Но ты растаешь, и с зарею
Тебе не устоять никак,
Нет, не житье нам здесь с тобою:
Житье на родине, земляк!

1839

Старушка

Идет старушка в дальний путь,
С сумою и клюкой;
Найдет ли место отдохнуть
Старушка в час ночной?

Среди грозы кто приютит?
Как ношу донесет?
Ничто старушку не страшит,
Идет себе, идет...

Присесть не смеет на часок,
Чтоб дух перевести;
Короткий дан старушке срок,
Ей только б добрести...

И, может быть, в последний раз
Ей суждено туда,
Куда душа всегда рвалась,
Где кончится беда.

Во что б ни стало, а дойти,
Хоть выбиться из сил,
Как бы ни страшно на пути,
Чем путь бы ни грозил.

Так в жизни поздние лета
Сильней волнует кровь
Души последняя мечта,
Последняя любовь.

Ничто не помогает нам —
Ни юность, ни краса,
Ни рой надежд, младым годам
Дарящий небеса.

Одна любовь взамен всему,
И с нею мы идем,
И с нею горестей суму
Безропотно несем.

Спешим, спешим в далекий путь...
Желали бы бежать...
Присесть не смеем, отдохнуть,
Чтобы не опоздать.

Бесщадно гонит нас любовь,
Пока дойдем туда,
Где навсегда остынет кровь,
Где кончится беда.

1841

Бывало

Бывало... Бывало, —
Как всё утешало,
Как всё привлекало,
Как всё забавляло,
Как всё восхищало!
Бывало... Бывало!

Бывало... Бывало, —
Как солнце сияло,
Как небо пылало,
Как всё расцветало,
Резвилось, играло,
Бывало... Бывало!

Бывало... Бывало, —

Как сердце мечтало,
Как сердце страдало,
И как замирало,
И как оживало,
Бывало... Бывало!

Но сколько не стало
Того, что бывало,
Так сердце пленяло,
Так мир оживляло,
Так светло сияло,
Бывало... Бывало!

Иное завяло,
Иное отстало,
Иное пропало,
Что сердце ласкало,
Заветным считало!
Бывало... Бывало!

Теперь всё застлало
Тоски покрывало,
Ах, сердце, бывало,
Тоски и не знало:
Оно уповало!
Бывало... Бывало!

1841

Фонарики

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы тишине?
Так чинно вы расставлены
По улицам у нас:
Ночные караульщики,
Ваш верен зоркий глаз!

Вы видели ль, приметили ль,
Как девушка одна,
На цыпочках, тихохонько
И робости полна,
Близ стенки пробирается,
Чтоб друга увидать
И шепотом, украдкою
«Люблю!» ему сказать.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль, как юноша
Нетерпеливо ждет,
Как сердцем, взором, мыслию
Красавицу зовет...

И вот они встречаются —
И радость, и любовь;
И вот они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль несчастную,
Убитую тоской,
Как будто тень бродящую,
Как призрак гробовой,
Ту женщину безумную,
Заплаканы глаза:
Ее все жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль преступника,
Как в горести немой
От совести убежища
Он ищет в час ночной?
Вы видели ль веселого

Гуляку в сюртуке,
Оборванном, запачканном,
С бутылкою в руке?

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль сиротушку,
Прижавшись в уголок,
Как просит у прохожего,
Чтоб, бедной, ей помог;
Как горемычной холодно,
Как страшно в темноте.
Ужель никто не сжалится,
И гибнуть сироте?

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль мечтателя,
Поэта в час ночной?
За рифмой своенравною
Гоняясь, как шальной,
Он хочет муку тайную
И неба благодать

Толпе, ему внимающей,
Звучнее передать.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Быть может, не приметили...
Да им и дела нет;
Гореть им только велено,
Покуда будет свет.
Окутанный рогожею
Фонарщик их зажег;
Но чувства прозорливости
Им передать не мог!..

Фонарики, сударики —
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой!
Они на то поставлены,
Чтоб видел их народ,
Чтоб величались, славились,
Но только без хлопот.

Им, дескать, не приказано
Вокруг себя смотреть,
Одна у них обязанность:

Стоять тут и гореть.
Да и гореть, покудова
Кто не задует их.
Так что же и тревожиться
О горестях людских!

Фонарики, сударики —
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой!

8 ноября 1841

Часы

Стучат, стучат,
Не замолчат
Часы всю ночь,
И мне невмочь
Их слышать шум;
Тяжелых дум
Душа полна,
И стеснена
Тоской она.
Часы, часы,
Где все красы
Минувших лет?
Увял их цвет...
Постыл мне свет.

Часы, часы,
Что те красы, —
Ужель опять
Их не видать?
Часы в ответ
Ни да, ни нет;
И я вздохнул
И с тем уснул.

18 марта 1843

Михаил Дмитриев (1796—1866)

Лето в столице

Всё камни!.. камни стен и камни мостовых!
В домах защиты нет от духоты и жара!
Деревья чахлые бульвара
Стоят, как вечный фрунт! Под мертвой пылью их
Не видно зелени, нет свежести — и это,
Столица бедная, ты называешь лето!

О! сдвинул бы на миг один
Громады зданий сих, спирающие взоры,
И, мира вольный гражданин,
Открыл бы родины моей поля и горы,
Гремучие ключи, тенистые леса,

И ночь, столь свежую, как спустится роса
И напитает воздух чистый
Своею влагою живительной, душистой.
О лето! то ли ты, как в юности моей!
Грянь снова надо мной тогдашнею грозою,
Прекрасною на воле, средь полей!
Пролей дождь шумный полосою
И яркой, полною дугою
Ты, радуга, склонись над радостным селом!
Пускай овраг гремит и катится ручьем,
А завтра, солнце лишь пригрело,
Всё снова ожило и всё зазеленело!
Здесь солнце — духота! Прольет ли дождь порой —
Он смоет с крышек пыль и мутными ручьями
Бежит в канавах мостовой;
Туман висит над головой,
И грязь, и слякоть под ногами.
Всё шумно и мертво! И самый Божий гром
Неслышно прогремит, где всё гремит кругом,
Где всё сливается в бесперерывном шуме —
И экипажей стук, и продающих крик!..
Здесь людям некогда живой предаться думе,
И забываем здесь природы мы язык!
Так жалкий юноша, которого чужая,
Наемничья, хотя искусная рука
Под небом чуждого воспитывала края,
Не понимает, Русь святая,
Родной земли твоей родного языка!

22 апреля 1832. Москва

Орел

Ширококрылый и могучий
Орел в поднебесьи летел,
Летел — под ним сбирались тучи,
Сердилось море, вал гремел!

Он око вверх — там солнце рдеет!
Он око вниз — там туч гряда!
Крыло лишь паруса белеет,
Как путь забывшая звезда!

И быстро вдаль он кинул взоры,
И вот, сквозь занавесы мглы,
Как с места сдвинутые горы,
Встают валы, идут валы!

И бьется чайкой над волнами
Корабль, ныряя между вод,
И ловит ветер парусами,
А ветер злой — вертит и рвет!

То вскинет вал, то хлябь глотает!
И вот, забитый волн бичом,
Припал — и ветра не хватает
Летун разодранным крылом!

Вдруг морю туча прогремела:

«Вставай! Бушуй! Иди на брань!»
И бездна туче проревела:
«Встаю! Иду! Сильнее грянь!»

И всё слилось! И море встало!
И грозно встречные пошли!
И море неба тяжко пало
На море, вставшее с земли!

А он, царь воздуха могучий,
Взлетал, не видимый земле,
И там, где плыть не смеют тучи,
Он плыл, простря свои крыле!

И думал он: «Как жалки люди!
Взлететь бы только до небес!»
Прорезал воздух силой груди,
Взмахнул крылами и исчез!

15 августа 1844. Зыково

Язык поэзии

Странная мысль мне пришла! Первобытный язык человека
Не был ли мерный язык, обретенный поэтами снова?
Как он естествен и жив! Он не то, что ленивая проза!
Все в нем слова — как лады; речь — как полная звуков октава!
В прозе — оратая труд, а в поэзии —сила атлета!
Страшно становится мне, как подумаю: сколько несчастных,
Тонкого слуха и ясных очей лишены, неспособны

Веянья жизни принять, животворных сил духа изведать!
Грубая речь для потребности дня лишь — их слух отверзает;
Грубый житейский лишь быт — устремляет их жадные очи!
Низко упал тот народ, где поэтам высоким не внемлют!
Ниже еще, где они не являются более миру!
Там, где в народе немом замолчало высокое слово,
Там невозможны высокий полет, ни великая жертва!
В зареве нашей Москвы пел во стане певец вдохновенный![593]

30 ноября 1845

Подводный город

Идиллия[594]

Море ропщет, море стонет!
Чуть поднимется волна,
Чуть пологий берег тронет, —
С стоном прочь бежит она!

Море плачет; брег песчаный
Одинок, печален, дик;
Небо тускло; сквозь туманы
Всходит бледен солнца лик.

Молча на воду спускает
Лодку ветхую рыбак,

[593] Подразумевается В. А. Жуковский, автор стихотворения «Певец во стане русских воинов», прославлявшего подвиги героев войны 1812 г.
[594] Подзаголовок носит иронический характер. В стихотворении использована старая легенда о гибели Петербурга от наводнения.

Мальчик сети расстилает,
Глядя молча в дальный мрак!

И задумался он, глядя,
И взяла его тоска:
«Что так море стонет, дядя?» —
Он спросил у рыбака.

«Видишь шпиль? Как нас в погодку
Закачало с год тому,
Помнишь ты, как нашу лодку
Привязали мы к нему?..

Тут был город всем привольный
И над всеми господин,
Нынче шпиль от колокольни
Виден и́з моря один.

Город, слышно, был богатый
И нарядный, как жених;
Да себе копил он злато,
А с сумой пускал других!

Богатырь его построил;
Топь костьми он забутил,
Только с Богом как ни спорил,
Бог его перемудрил!

В наше море в стары годы,
Говорят, текла река,

И сперла гранитом воды
Богатырская рука!

Но подула буря с моря,
И назад пошла их рать,
Волн морских не переспоря,
Человеку вымещать!

Всё за то, что прочих братий
Брат богатый позабыл,
Ни молитв их, ни проклятий
Он не слушал, ел да пил, —

Оттого порою стонет
Моря темная волна;
Чуть пологий берег тронет —
С стоном прочь бежит она!»

Мальчик слушал, робко глядя,
Страшно делалось ему:
«А какое ж имя, дядя,
Было городу тому?»

«Имя было? Да чужое,
Позабытое давно,
Оттого что не родное —
И не памятно оно».

11 апреля 1847. Москва

* * *

Сад снегом занесло: метелица и вьюга!
И это всякий день! Нет мыслящего друга.
Кому мне передать со скукою борьбу?
Ветр воет и свистит в каминную трубу!
Читаю и пишу всё утро до обеда,
Но с книгами, с пером — безмолвная беседа!
Мне нужен разговор — его-то здесь и нет!
В двенадцати верстах от нас живет сосед,
Забытый человек которого-то века.
Поехал посмотреть живого человека —
К нему проезду нет! Снег пó грудь лошадям,
В ухабах — пропадешь: как по морским волнам
Кидает каждый миг ныряющие сани!
«Пошел назад!» А там, подалее к Сызрани,
Где верст пятнадцать степь в длину и ширину,
Обоз и спутники в ночь вьюжную одну
Дорогу, как в степях Сахары, потеряли,
Увязли и в снегу рассвета ожидали!
Той ночью волк поел у мельницы гусей,
А нынче на мосту перепугал людей!
Вот наши новости! О людях уж ни слова!
Подкатится к крыльцу вдруг тройка станового...
«О! чтоб его совсем!» — «Поставьте самовар,
Да рому!» — Вот чем здесь поддерживают жар
И тела и души! О родина святая!
Чье сердце не дрожит, тебя благословляя![595]

[595] *О родина святая! Чье сердце не дрожит, тебя благословляя* — неточная цитата из «Певца во стане русских воинов» Жуковского.

9 февраля 1849. Село Богородское

Николай Цыганов (1797—1831)

Песня

«Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пущай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать?

Золотая волюшка

Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!»

«Дитя мое, дитятко,
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать!

Заблекнут на щеченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки —
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим.

И я молодешенька
Была такова,
И мне те же в девушках
Пелися слова!»

1832

Вильгельм Кюхельбекер (1797—1846)

Вдохновение

Я слышу твой священный глас,
Живое вдохновенье!
Даруй певцу в последний раз
В страданьях утоленье!

Зови в последний раз мечты,
В последний дай мне слезы!
Я вас забыл, мои мечты,
Я вас забыл, о слезы!

Шепни о ней, небесный друг!
Поведай мне о милой;
И раз еще мой скорбный дух
Проснется над могилой!

Еще раз сердце оживет;
Для боли сердце вспыхнет!
Ах, скоро, скоро всё заснет,
Всё смолкнет, всё утихнет!

Тогда без грусти встречу день,
Без страха ужас ночи —
И, по земле пройдя как тень,

Сомкну с весельем очи!

Между 1817 и 1820

Песня дорожная

Без лишних денег, без забот,
Окрылены мечтою,
Мы, юноши, идем вперед,
Мы радостны душою.

Нас в тихий сумрак манит лес,
В объятия прохлады!
Для нас прелестен свод небес,
Нас призывают грады;

Для нас, журча, бегут ручьи
Под темными древами,
Нас, нас зовут в свои струи
И блещут меж цветами.

Для нас поет пернатых глас,
Шумят и шепчут рощи,
Светило дня блестит для нас,
Для нас светила нощи!

И грусть не смеет омрачать
Невинных наслаждений:
Ее от сердца отогнать

Нам послан дружбы Гений![596]

Его священная рука
Мои отерла слезы;
И спит в моей груди тоска;
И вновь цветут мне розы!

Конец 1810-х или начало 1820-х годов

К Ахатесу[597]

Ахатес, Ахатес! ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас? —
Мой пламенный юноша, вспрянь!
О друг, — полетим на священную брань!

Кипит в наших жилах веселая кровь,
К бессмертью, к свободе пылает любовь,
Мы смелы, мы молоды: нам
Лететь к Марафонским, святым знаменам![598]

Нет! нет! — не останусь в убийственном сне,
В бесчестной, глухой, гробовой тишине;
Так! ждет меня сладостный бой —
И если паду, я паду как герой.

[596] Т. е. дух дружбы.
[597] Поэт Василий Иванович Туманский (1800—1860), к которому обращено стихотворение, был вместе с Кюхельбекером в Париже и вместе с ним же через Варшаву вернулся в Петербург. О близости Кюхельбекера и Туманского в это время сохранилось несколько свидетельств. Так, Н. И. Греч писал, что после лекции о русской литературе и языке, прочитанной в «Афинее», Кюхельбекер «... пропал бы в Париже без помощи благородного Василия Ивановича Туманского ...; он же помог Кюхельбекеру пробраться в Россию». *Ахáтес* — герой «Энеиды» Вергилия, верный друг Энея.
[598] То есть в Грецию. 13 сентября 490 г. в битве при Марафоне греки разгромили персидское войско.

И в вольность и в славу, как я, ты влюблен,
Навеки со мною душой сопряжен!
Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит свободы звезда!

Огонь запылал в возвышённых сердцах;
Эллада бросает оковы во прах![599]
Ахатес! нас предки зовут —
О, скоро ль начнем мы божественный труд!

Мы презрим и негу, и роскошь, и лень.
Настанет для нас тот торжественный день,
Когда за отчизну наш меч
Впервые возблещет средь радостных сеч!

Тогда, как раздастся громов перекат,
Свинец зашипит, загорится булат, —
В тот сумрачный, пламенный пир,
«Что любим свободу», поверит нам мир!

Апрель 1821, Париж; начало 1820-х годов

На Рейне

Мир над спящею пучиной,
Мир над долом и горой;
Реин гладкою равниной
Разостлался предо мной.

[599] *Эллада* — Греция. Речь идет о восстании греков против Османской империи.

Легкий челн меня лелеет,
Твердь небесная ясна,
С тихих вод прохлада веет:
В сердце льется тишина!

Здесь, над вечными струями,
В сей давно желанный час,
Други, я в мечтаньях с вами;
Братия, я вижу вас!

Вам сей кубок, отягченный
Влагой чистой и златой:
Пью за наш союз священный!
Пью за русский край родной!

Но волна бежит и плещет
В безответную ладью:
Что же грудь моя трепещет?
Что же душу тьмит мою?

Встали в небе великаны,
Отражает их река:
Солнце то прорвет туманы,
То уйдет за облака!

Слышу птицу предвещаний:
Дик ее унылый стон;
Светлую толпу мечтаний
И надежду гонит он.

О! скажи, жилец дубравы,
Томный, жалобный пророк,
Иль меня на поле славы
Ждет неотразимый рок?

Или радостных объятий
К милым мне не простирать?
И к груди дрожащей братий
При свиданьи не прижать?

Да паду же за свободу,[600]
За любовь души моей,
Жертва славному народу,
Гордость плачущих друзей!

Декабрь 1820 или начало 1821

Проклятие

Прокля́т, кто оскорбит поэта
Богам любезную главу;
На грозный суд его зову:
Он будет посмеяньем света!

На крыльях гневного стиха
Помчится стыд его в потомство:
Там казнь за грех и вероломство,

[600] По-видимому, отражает неосуществившееся намерение Кюхельбекера принять участие в освободительном движении греков.

Там не искупит он греха.

Напрасно в муках покаянья
Он с воплем упадет во прах;
Пусть призовет и скорбь и страх,
Пусть на певца пошлет страданья;

Равно бесстрашен и жесток,
Свой слух затво́рит заклинанью,
Предаст злодея поруганью
Святый, неистовый пророк.

Пройдет близ сумрачного гроба
Пришелец и махнет рукой,
И молвит, покивав главой:
«Здесь смрадно истлевает злоба!»

А в жизни — раб или тиран,
Поэта гнусный оскорбитель, —
Нет, изверг, — не тебе был дан
Восторг, бессмертья похититель!

Все дни твои тяжелый сон,
Ты глух, и муз ты ненавидишь,
Ты знаешь роковой закон,
Ты свой грядущий срам предвидишь.

Но бодро радостный певец
Чело священное подъемлет,
Берет страдальческий венец

И место меж богов приемлет!

1822

Тень Рылеева

Петру Александровичу Муханову[601]

В ужасных тех стенах, где Иоанн,
В младенчестве лишенный багряницы,
Во мраке заточенья был заклан
Булатом ослепленного убийцы, —[602]
Во тьме на узничьем одре лежал
Певец, поклонник пламенной свободы;[603]
Отторжен, отлучен от всей природы,
Он в вольных думах счастия искал.
Но не придут обратно дни былые:
Прошла пора надежд и снов,
И вы, мечты, вы, призраки златые,
Не позлатить железных вам оков!
Тогда — то не был сон — во мрак темницы
Небесное видение сошло:
Раздался звук торжественной цевницы;
Испуганный певец подъял чело
И зрит: на облаках несомый,
Явился образ, узнику знакомый.

---

[601] *Муханов* Петр Александрович (1799—1854) — штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка, член Союза Благоденствия, журналист, переводчик. В 1824—1825 гг. был другом Рылеева и выполнял ряд его поручений по изданию «Дум» и «Полярной звезды». В одном из писем, 16 февраля 1825 г., П. А. Муханов писал о Кюхельбекере: «Кюхельбекер человек благородный, с душой, с странностями и с горем... вот заслуги и право на уважение».

[602] В Шлиссельбургской крепости был заключен царь Иоанн Антонович, свергнутый с престола во младенчестве и убитый в 1764 г.

[603] Кюхельбекер говорит о себе.

«Несу товарищу привет
Из области, где нет тиранов,
Где вечен мир, где вечен свет,
Где нет ни бури, ни туманов.
Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью!
И ты — я знаю — пламенел
К отчизне чистою любовью.
Грядущее твоим очам
Разоблачу я в утешенье...
Поверь: не жертвовал ты снам;
Надеждам будет исполненье!» —
Он рек — и бестелесною рукой
Раздвинул стены, растворил затворы.
Воздвиг певец восторженные взоры
И видит: на Руси святой
Свобода, счастье и покой!

1827. Шлиссельбургская крепость

Ночь

Ночь, — приди, меня покрой
Тишиною и забвеньем,
Обольсти меня виденьем,
Отдых дай мне, дай покой!

Пусть ко мне слетит во сне
Утешитель мой ничтожный,
Призрак быстрый, призрак ложный,
Легкий призрак милых мне!

Незабвенных, дорогих
Наслажуся разговором:
Повстречаюся с их взором,
Уловлю улыбку их!

Предо мной моя семья:
Позабыты все печали,
Узы будто не бывали,
Будто не в темнице я![604]

1828

Луна

Тебя ли вижу из окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье Божией десницы?

Прими же скорбный мой привет,
Ночное мирное светило!
Отраден мне твой тихий свет:

[604] Стихотворение написано в заключении, в арестантских ротах в Динабурге (совр. Даугавпилс), куда Кюхельбекер был переведен из Шлиссельбургской крепости.

Ты мне всю душу озарило.

Так, может быть, не только я,
Страдалец, узник в мраке ночи, —
Быть может, и мои друзья
К тебе теперь подъемлют очи!

Быть может, вспомнят обо мне;
Заснут, — с молитвою, с любовью
Мой призрак в их счастливом сне
Слетит к родному изголовью,

Благословит их... но когда
На своде неба запылает
Передрассветная звезда —
Мой призрак, будто пар, растает.

1828

Смерть

Не в блеске алого сиянья
Мой Гений предо мной стоит;
Его суров и важен вид,
Не радостны его вещанья;
Я слышу, слышу прорицанья:
Он мне о смерти говорит.

Но что же смерть? покой ли вечный?
Ночь? без рассвета темнота?

Всех чувств, всех мыслей немота?
Полет ли к жизни бесконечной?
Увы! мой Гений быстротечный,
Твои безмолвствуют уста!

Не указуй перстом на землю,
Но да воздвигнешь светлый взор
К звездам далеким, высше гор!
К тебе молящий вопль подъемлю:
Пусть слову утешенья внемлю!
Вступлю ли в ангельский собор?[605]

Так! я изыду из могилы,
Бесплотным приобщусь духам;
К моим бесплотным раменам
Прильнут сияющие крилы;
Исполненный бессмертной силы,
Помчусь в перунах[606] к небесам!

Здесь тьмой душа моя одета;
Но, будто дальной церкви звон,[607]
И здесь сквозь тайный, вещий сон
Гул слышу райского привета:
Я погружусь в то море света,
Которому источник Он!

1828

[605] *Собор* — собрание, общество.
[606] *В перунах* — в молниях.
[607] Т. е. дальний звон церкви.

19 октября 1828 года

Какой волшебною одеждой
Блистал пред нами мир земной!
С каким огнем, с какой надеждой,
С какою детской слепотой
Мы с жизнию вступали в бой.
Но вскоре изменила сила,
И вскоре наш огонь погас;
Покинула надежда нас,
И жизнь отважных победила!
Моих друзей далекий круг!
Под воплями осенних вьюг,
Но благостным хранимый небом,
При песнях, вдохновенных Фебом,[608]
От бурь и горя вдалеке,
В уютном, мирном уголке
Ты празднуешь ли день священный,
День, сердцу братьев незабвенный?
Моих друзей далекий круг!
Воспомнит ли в сей день священный,
В день, сердцу братьев незабвенный,
Меня хотя единый друг?
Или судьба меня лишила
Не только счастья — и любви?
И не взяла меня могила,
И кончилися дни мои?

1828

[608] *Феб* — Аполлон, покровитель искусств.

Ветер

Слышу стон твой, ветер бурный!
Твой унылый, дикий вой:
Тьмой ненастной свод лазурный,
Черным саваном покрой!

Пусть леса, холмы и долы
Огласит твой шумный зык!
Внятны мне твои глаголы,
Мне понятен твой язык.

Из темницы безотрадной
Преклоняю жадный слух:
За тобою, ветер хладный,
Рвется мой стесненный дух!

Ветер! ветер! за тобою
К необъятной вышине
Над печальной мглой земною
В даль бы понестися мне!

Был бы воздух одеянье,
Собеседник — Божий гром,
Песни — бурей завыванье,[609]
Небо — мой пространный дом.

Облетел бы круг вселенной,

[609] Т. е. завыванье бурь.

Только там бы отдохнул,
Где семьи, мне незабвенной,[610]
Речи вторит тихий гул;

Среди летней светлой ночи,
У часовни той простой,[611]
Им бы там мелькнул я в очи,
Где почиет их родной!

К милым я простер бы руки,
Улыбнулся бы, исчез,
Но знакомой лиры звуки
Потрясли бы близкий лес.

1829

* * *

Суров и горек черствый хлеб изгнанья;
Наводит скорбь чужой страны река,
Душа рыдает от ее журчанья,
И брег уныл, и влага не сладка.
В изгнаннике безмолвном и печальном —
Туземцу непостижная тоска;
Он там оставил сердце, в крае дальном,
Там для него всё живо, всё цветет;

[610] Семья сестры поэта, Юстины Карловны, живущая в Закупе. *Закуп* — имение Ю. К. Глинки, где жил поэт в 1822—1823 гг.
[611] Часовня над гробом покойного мужа, Г. А. Глинки, была поставлена вдовой в 1829 г. В письме от 1829 г. она просила заточенного в Динабургскую крепость К. написать стихи на построение часовни (см. «Закупская часовня»).

А здесь... не всё ли в крове погребальном,
Не всё ли вянет здесь, не всё ли мрет?
Суров и горек черствый хлеб изгнанья;
Изгнанник иго тяжкое несет.

1829

Любовь

Податель счастья и мученья,
Тебя ли я встречаю вновь?
И даже в мраке заточенья
Ты обрела меня, любовь!

Увы! почто твои приветы?
К чему улыбка мне твоя?
Твоим светилом ли согретый
Воскресну вновь для жизни я?

Нет! минула пора мечтаний,
Пора надежды и любви:
От мраза лютого страданий
Хладеет ток моей крови.

Для узника ли взоров страстных
Восторг, и блеск, и темнота? —
Погаснет луч в парах ненастных:
Забудь страдальца, красота![612]

[612] Слово «красота» имело также значение «красавица».

1829

Закупская часовня

Кресты, часовни и холмы
Задумчивостью полнят взоры,
Но смежно с царством вечной тьмы
Владычество роскошной Флоры.[613]

Священный сердцу уголок!
Там дышит всё благоуханьем,
Там с розы сорванный листок
Кружится ветерка дыханьем.

Младенцев почивает прах
Под свежей тьмой дерев душистых.
На легких носятся листках
Не души ли младенцев чистых?

Они! средь полночи немой,
Как бы Зефирову шептанью,[614]
Не эхо ль вторит над рекой
Их сладостному лепетанью?

Меж ними спит мой брат и друг,
Отец семьи мне драгоценной:
Всё тихо, всё молчит вокруг,

[613] *Флора* — богиня цветов и цветения.
[614] *Зефир* — легкий ветерок.

Мир над могилою священной.

Когда свершу свою судьбу, —
В твоей обители спокойной
(Услышь, о друг, мою мольбу!)
Пусть отдохну от жизни знойной!

1829 или 1830

Два гроба

Горемыка бесталанный
Одинок бредет домой.
Ночь одета в плащ туманный,
Холм и дол покрыты мглой;
Вправо видится кладбище;
Далеко еще жилище;
Путь ведет в дремучий бор;
Путник встал и поднял взор:

«Отдохну; ослабли силы,
Ноги гнутся подо мной;
Вы, безмолвные могилы,
Дайте сирому покой!
Защитит плетень забора,
От зверей меня и вора;
Мертвых — не боюся их —
Мертвых сон глубок и тих».

Вот уж там страдалец бедный;

Месяц озарил кресты,
Льет таинственный и бледный
Свет на тусклые щиты.
Будто духи меж собою,
Ветер шепчется с травою.
Он на пышный гроб взглянул,
Лег на камень и — заснул.

Вдруг, как будто чьей рукою,
С гроба сорвало его.
Снова лег он; нет покою;
Слышит, кажется, кого:
«Прочь отсюда, подлый нищий!
Нет! ни помощи, ни пищи,
Ни ночлега не давал
Я бродягам, — прочь, нахал!»

Путник встал, — перекрестился:
Что ж? незапно вопль и стон
Не из гроба ль испустился?
Путник молвил: «Тяжкий сон!
Филин поднял эти крики,
Этот вой глухой и дикий
Средь ночи́ с часовни той.
Гроб я выберу другой».

Под крестом простым, смиренным,
Тенью двух согбенных ив,
Древних, мшистых, осененным,
Спит страдалец: он счастлив;

Он на лоне наслаждений
В жизни сладостных видений,
Райских, благотворных грез
Жизнь забыл скорбей и слез.

Во дворец вступил блестящий. —
Блеск от тысячи свечей;
Пир готов, уста манящий;
Много во дворце людей.
Стройный лик певиц согласных
Хором песен сладкогласных
Просят странника присесть,
Отдохнуть, попить, поесть.
И старик к нему подходит,
Светлый, радостный старик,
И к столу его подводит;
Стол пространен и велик:
Не исчислить мест всех, сметы
Нет гостям, и все одеты,
Словно в ризы от икон,
В жемчуг, синету, виссон.[615]

Все молчат; но свет их взоров,
Но улыбка их ланит
Лучше слов и разговоров
Слуху сердца говорит:
«Насладися яствой нашей!» —
Странник пьет златою чашей

[615] *В синету, виссон* — в синий цвет и пурпур. *Синета* — гиацинт. *Виссон* — дорогая, тончайшая ткань белого или пурпурного цвета (возможно, из льна).

Искрометное вино;
Но не тьмит души оно.

Ест от яств[616] бескровных, чистых:
Легки яствы, как эфир,
Слаще сотов золотистых.
Встали; кончен дивный пир:
Нет гостей, умолкли гимны;
Лишь старик гостеприимный
В плат для гостя своего
Вяжет лучшего всего.

Между тем лучом светила,
Озаряющего день,
Позлатилася могила:
Бросил пахарь бодро лень;
Поспешил пастух ко стаду,
Силу, свежесть и отраду
Мир, воскреснув, ощутил, —
Он проснулся средь могил.

В небе жаворонок вился,
Пел в незримой вышине;
Путник в тяжкий путь пустился,
Но вдруг стал, дошед к стене,
Посмотрел на гроб смиренный,
Молвил: «Прах благословенный
Лег вон в этот гроб простой!
Там же...» Он махнул рукой.

[616] *Яство* — еда, кушанье.

25 января 1830

Брату[617]

Повсюду вижу Бога моего:
Он чад своих отец и не покинет,
Нет! не отвергнет никогда того,
В ком вера в милосердого не стынет.

Господь — мой Бог на суше и водах,
И в шумном множестве, в мирском волненьи,
И в хижине, и в пышных теремах,
И в пристани души — в уединеньи.

Нет места, коего лучом своим
Не озарял бы Он, повсюдусущий;
Нет мрака, нет затменья перед Ним:
Всем близок благостный и всемогущий.

Он близок: я уже Его узнал
И здесь, в глухих стенах моей темницы,
И здесь, среди седых, угрюмых скал,
Меня покрыла сень Его десницы.

Он близок, близок и тебе, мой друг!
К нему лети на крыльях упованья;
Его услышишь в самом гласе вьюг

[617] *Брат* — Михаил Карлович Кюхельбекер (1799—1859), морской офицер, декабрист, в 1819 г. совершивший плавание от Архангельска к берегам Новой Земли на бриге под командованием лейтенанта Лазарева 1-го.

И у́зришь в льдинах твоего изгнанья!

1831

Пасхальный сонет

Меня беды́ и скорби посещали
От дней младенчества до седины;
Я, наконец, и горе и печали
Так встречу, как утес напор волны.

Но что — хулы меня ли взволновали?
Все чувства чем во мне возмущены?
Слуга Христов, бесславлен миром, я ли
Лишился вдруг сердечной тишины?

Кто я? ничтожный грешник! А чудесный,
Божественный, Господь, владыка сил,
Явился ли, одетый в блеск небесный?
Нет! в прахе Он, светлейший всех светил,
Он в низости окончил путь свой тесный
И дух на древе срама испустил!

3 марта 1832

Магдалина у гроба Господня

Мария, в тяжкой горести слепая,
Назвала вертоградарем[618] того,

[618] *Вертоград* — фруктовый сад, виноградник.

Кто, гроб покинув, ей вещал: «Кого
Здесь в гробе ищешь, плача и рыдая?»

И отвечала: «Тела не нашла я...
Ах! Господа отдай мне моего!»
Но вдруг Он рек: «Мария!» — и Его
В восторге узнаёт жена святая...

Не так ли, больший, чем она, слепец,
Взывал я, с Промыслом Всевышним споря:
«Почто меня оставил мой Творец?»
А Ты — Ты был со мной и среди горя!
Я утопал, но за руку, Отец,
Ты удержал меня над бездной моря.

6 марта 1832

Вознесение

Божественный на Божием престоле;
Христос на небо, высше всех светил,
В свое отечество, туда, отколе
Сошел на землю, в славе воспарил.

Своих же не покинул Он в неволе,
Их не оставил в узах темных сил;
Нет! слабых их и трепетных дотоле
Неколебимым сердцем одарил.

И всех стремящихся к его святыне,

Горé на крыльях душ ему вослед,
Он свыше укрепляет и поныне:
Им песнь Эдема[619] слышится средь бед,
Средь бурь, в юдоли слез, в людской пустыне,
И так вещает: «Близок день побед!»

19 мая 1832

Саше в день ее рождения[620]

В даль и в даль несется время,
Снег бросает мне на темя:
Я не тот, чем был вчера;
Входит в мир иное племя;
Наша минула пора;
Жизнь для плеч усталых — бремя.

Коротка дорога наша:
Мы цветем мгновенье, Саша!
Но тебе шестнадцать лет,
Дни твои — очарованье:
Нет, — не наведет поэт
Грустных туч на их сиянье.

Друг! тоску считай ошибкой;
Всё кругом живи[621] улыбкой;
Сердцем верь благой судьбе;

[619] *Эдем* — по библейской легенде местопребывание человека до грехопадения, земной рай. То же, что рай, место блаженного существования после смерти (книжн., поэт.).
[620] *Саша* — Александра Григорьевна Глинка (род. 1816), племянница поэта.
[621] *Живи* — оживляй.

Будь твой мир мечтой украшен:
Пусть летят часы! тебе
Грозный их полет не страшен.

Что со мною, друг мой милый? —
Я объят чудесной силой:
Ток лучей, река огня,
Жар святого вдохновенья
Вдруг вливается в меня;
Вижу светлые виденья! —

Предо мной жена младая:
Всюду радость изливая,
Честь и счастие она,
Рай того, с кем не одною
Лишь рукой сопряжена,
С кем слиялася душою!

Вижу дочерей пригожих,
На нее во всем похожих,
Вижу резвых сыновей;
Правит мать толпой их шумной
Взглядом ласковых очей —
Или речию разумной...

Призрак, сердцу вожделенный! —
Саша, в той семье блаженной
Я узнал твою семью...
Но восторг, мой вождь дотоле,
Вдруг исчез; не узнаю,

Ничего не вижу боле...

Ах! почто же дух мой жадный
Не узрел в дали отрадной
Старца, дряхлого певца?
Он почто, страдалец хилый,
В той семье не ждет конца,
Встретив счастье пред могилой?

Сон унесся благосклонный
Прежде, чем ты Антигоной[622]
Мне явилась! — Но судьбы
Не страшись моей плачевной:
Сильны, верь, того мольбы,
Кто судьбой испытан гневной.

14 апреля 1832

Клен

Скажи, кудрявый сын лесов священных,
Исполненный могучей красоты,
Средь ка́мней, соков жизненных лишенных,
Какой судьбою вырос ты?

Ты развился перед моей тюрьмою...
Сколь многое напоминаешь мне!
Здесь не с кем мне... поговорю с тобою

[622] *Антигона* — героиня трагедий Софокла (ок. 497—406 до н. э.) «Антигона» и др. Уподобление себя слепому старцу Эдипу, а сестры или племянницы — преданной отцу Антигоне встречается и в вариантах ранних стихотворений Кюхельбекера.

О милой сердцу старине:

О времени, когда, подобно птице,
Жилице вольной средь твоих ветвей,
Я песнь свободную певал деннице
И блеску западных лучей;

Тогда с брегов смиренной Авиноры,[623]
В лесах моей Эстонии родной,
Впервые жадно в даль простер я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящие до неба братья
Видали, как завешанную тьмой
Страну я звал, манил в свои объятья, —
И покачали головой.

А ныне ты свидетель совершенья
Того, что прорицали братья мне;
О ты, последний в мраке заточенья
Мой друг в далекой стороне![624]

2 июня 1832

Море сна

Мне ведомо море, седой океан:

[623] *Авинора* — река в Авинорме, имении родителей Кюхельбекера в Эстляндии, где прошло детство поэта.
[624] Стихотворение написано в Свеаборге (совр. Суоменлинна) — крепости близ Хельсинки, в арестантских ротах.

Над ним беспредельный простерся туман,
Над ним лучезарный не катится щит;
Но звездочка бледная тихо горит.

Пускай океана неведом конец,
Его не боится отважный пловец;
В него меня манит незанятый блеск,
Таинственный шепот и сладостный плеск.

В него погружаюсь один, молчалив,
Когда настает полуночный прилив,
И чуть до груди прикоснется волна,
В больную вливается грудь тишина.

И вдруг я на береге — будто знаком!
Гляжу и вхожу в очарованный дом:
Из окон мне милые лица глядят
И речи приветные слух веселят,

Не милых ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Все, все они здесь! Удержать не могли
Ни рок их, ни люди, ни недра земли!

По-прежнему льется живой разговор;
По-прежнему светится дружеский взор...
При вещем сиянии райской звезды
Забыта разлука, забыты беды.

Но ах! пред зарей наступает отлив —
И слышится мне неотрадный призыв...
Развеялось всё — и мерцание дня
В пустыне глухой осветило меня.

4 сентября 1832

Измена вдохновения

Итак, опять мелькнул ты предо мною,
Итак, опять меня обворожил:
И льняных кудрей шумною рекою,
И радужным мерцаньем легких крыл,
И взором, в коем блеск златых светил,
Катящихся над твердью[625] голубою!
К тебе бросаюсь жадною душою,
К тебе, прекрасный гость мой, Исфраил![626]

Сойди же, вестник дивный, вожделенный,
Давно желанный, из страны чудес!
Но что? — туманом жадным поглощенный,
Ужели в серой бездне ты исчез?
Увы! там дебрь и холод, мрак и лес,
Где цвел эдем, тобою насажденный;
Там, где жемчу́г дробился оживленный,[627]
Там жажду ждет один нагой утес.

[625] *Твердь* — небосвод.
[626] *Исфраил* — ангел поэзии по персидской мифологии. (Примечание Кюхельбекера.)
[627] Т. е. был водопад.

И вот! сдается, в глубине воздушной,
Отколе гулы рая ты свевал
Мне на душу, моим мольбам послушный, —
Там дикий хохот вдруг задребезжал;
И чудится: из-за угрюмых скал,
Из-под покрова мглы густой и душной,
Насмешкой злобной на привет радушный
Мне кто-то адским взором засверкал.

Между августом и ноябрем 1832 года

* * *[628]

Меня взлелеял ангел песнопенья,
И светлые, чудесные виденья
За роем рой слетают в мой приют;
Я вижу их: уста мои поют,
И райским исполняюсь наслажденьем.
И (да вещаю ныне с дерзновеньем!)
Не все, так уповаю я, умрут
Крылатые души моей созданья:
С лица земного свеется мой прах,
Но тот, на чьем челе печать избранья,
Тот и в далеких будет жить веках;
Не весь истлею я: с очей потомства
Спадет покров мгновенной слепоты,
И стихнет гул вражды и вероломства;
Умолкнет злоба черной клеветы,
Забудут заблужденья человека,

[628] Отрывок из стихотворения «Моей матери».

Но воспомянут чистый глас певца,
И отзовутся на него сердца
И дев и юношей иного века.

Наступит оный вожделенный день, —
И радостью встрепещет от приветов
Святых, судьбой испытанных поэтов
В раю моя утешенная тень.
Тогда я робко именем клевретов,[629]
Великие! назвать посмею вас:
Тебя, о Дант, божественный изгнанник!
О узник, труженик бессмертный Тасс,[630]
Тебя! — и с ним тебя, бездомный странник,
Страдалец, Лузитании Гомер![631]
Вы, образцы мои, вы мне пример.
Мне бед путем ко славе предлетели,
Я бед путем стремлюся к той же цели.
Не плача же достоин жребий мой:
Я на земле, в тюрьме я только телом,
Но дух в полете радостном и смелом
Горé несется, за предел земной,
И в ваш собор вступает светозарный.
Нет! мне не страшен смех толпы коварной:
Я в скорби, в заточеньи, в нищете;
Но лучший ли удел вкушали те,

[629] *Клеврет* — сторонник, приспешник. В древнерусском языке слово *клеврет* употреблялось в значении «товарищ, дружинник, участник в каком-нибудь деле, приверженец» (от лат. *collibertus* — отпущенный с кем-либо на свободу).
[630] *Тасс* — Тассо Торквато (1544—1595), итальянский поэт, живший в нищете, объявленный безумным и заточенный в тюрьму герцогом Феррарским, в сестру которого был влюблен, и лишь перед смертью признанный и увенчанный лавровым венком.
[631] *Лузитании Гомер* — Камоэнс (1524—1580) — португальский поэт, автор эпической поэмы «Лузиады» (1572), живший в нищете. *Лузитания* — Португалия.

Которых имена в столетьях громки,
Избранников победоносный хор,
Певцы, к которым поздние потомки
Подъемлют блеском ослепленный взор?

Между 12 и 15 декабря 1832

Родство со стихиями

Есть что-то знакомое, близкое мне
В пучине воздушной, в небесном огне;
Звезды полуночной таинственный свет
От духа родного несет мне привет.

Огромную слышу ли жалобу бурь,
Когда умирают и день и лазурь,
Когда завывает и ломится лес, —
Я так бы и ринулся в волны небес.

Доне́льзя постыли мне тина и прах...
Мне там в золотых погулять бы парах:
Туда призывают и ветер и гром,
Перун прилетает оттуда послом.

Туман бы распутать мне в длинную нить,
Да плащ бы широкий из сизого свить,
Предаться бы вихрю несытой душой,
Средь туч бы лететь под безмолвной луной!

Всё дале и дале и путь бы простер

Я в бездну, туда, за сафирный шатер! —
О! как бы нырял в океане светил!
О! как бы себя по вселенной разлил!

1 и 22 сентября 1834

Разочарование

Скажи: совсем ли мне ты изменил,
Доселе неизменный мой хранитель?
Для узника в волшебную обитель
Темницу превращал ты, Исфраил;
Я был один, покинут всеми в мире,
Всего страшился, даже и надежд;
Бывало же, коснешься томных[632] вежд,
С них снимешь мрак, дашь жизнь и силу лире, —
И снова я свободен и могуч:
Растаяли затворы, спали цепи,
И, как орел под солнцем из-за туч
Обозревает горы, реки, степи, —
Так вижу мир раскрытый под собой
И радостно сквозь ужас хладной ночи
Бросаю полные восторга очи
На свиток, писанный судьбы рукой!..
А ныне пали стены предо мной:[633]
Я волен; что же? — бледные заботы,
И грязный труд, и вопль глухой нужды,

[632] *Томный* — ослабевший, изнуренный (и здесь слово употреблено в этом значении); устало нежный, исполненный истомы, сладкого томления.
[633] По указу от 14 (26) декабря 1835 года Кюхельбекер (из заключения в Свеаборгской крепости) определен на поселение в заштатный город Баргузин Иркутской губернии.

И визг детей, и стук тупой работы
Перекричали песнь златой мечты;
Смели, как прах, с души моей виденья,
Отняли время и досуг творить, —
И вялых дней безжизненная нить
Прядется мне из мук и утомленья.

22 мая 1837

Тени Пушкина

Итак, товарищ вдохновенный,
И ты! — а я на прах священный
Слезы не пролил ни одной:
С привычки к горю и страданьям
Все высохли в груди больной.
Но образ твой моим мечтаньям
В ночах бессонных предстоит,
Но я тяжелой скорбью сыт,
Но, мрачный, близ жены мне милой
И думать о любви забыл...
Там мысли, над твоей могилой!
Смолк шорох благозвучных крыл
Твоих волшебных песнопений,
На небо отлетел твой гений;
А визги желтой клеветы
Глупцов, которые марали,
Как был ты жив, твои черты,
И ныне, в час святой печали,
Бездушные, не замолчали!

Гордись! Ей-богу, стыд и срам
Их подлая любовь! — Пусть жалят!
Тот пуст и гнил, кого все хвалят;
За зависть дорого я дам.
Гордись! Никто тебе не равен,
Никто из сверстников-певцов:
Не смеркнешь ты во мгле веков, —
В веках тебе клеврет[634] Державин.

24 мая 1837

19 октября 1837 года

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В средине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил!
Блажен! лицо его всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.

А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный;

[634] *Клеврет* — приспешник, приверженец.

Но уж и Пушкина меж вами нет!

Не принесет он новых песней вам,
И с них не затрепещут перси ваши;
Не выпьет с вами он заздравной чаши:
Он воспарил к заоблачным друзьям.
Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
Он ныне с Грибоедовым моим:
По них, по них душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним!

Пора и мне! — Давно судьба грозит
Мне казней нестерпимого удара:
Она меня того лишает дара,
С которым дух мой неразлучно слит!
Так! перенес я годы заточенья,
Изгнание, и срам, и сиротство;
Но под щитом святого вдохновенья,
Но здесь во мне пылало божество!

Теперь пора! — Не пламень, не перун[635]
Меня убил; нет, вязну средь болота,
Горою давят нужды и забота,
И я отвык от позабытых струн.
Мне ангел песней рай в темнице душной
Когда-то созидал из снов златых;
Но без него не труп ли я бездушный
Средь трупов столь же хладных и немых?

[635] *Перун* — молния.

19 октября 1838

Три тени

На диком берегу Онона я сидел,
Я, чьей еще младенческой печали
Ижора и Нева задумчивы внимали,
Я (странный же удел!),
Кому рукоплескал когда-то град надменный,
Соблазн и образец, гостиница вселенной.
И кто в Массилии[636] судьбу народов пел,
А вслед за тем, влекомый вещим духом,
Родоначальником неизреченных дум,
Средь грозных, мертвых скал, склонялся жадным слухом
На рев и грохот вод, на ветра свист и шум,
На голос чад твоих, Кавказ-небогромитель!
И напоследок был темницы душной житель.
Свинцовых десять лет, как в гробе, протекло;
Однообразный бой часов без измененья
До срока инеем посыпал мне чело
В глухих твердынях заточенья.
Всё обмануло, кроме вдохновенья:
Так! и судьбы неумолимый гнев
Не отнял у меня любви бессмертных дев;
Слетали к узнику священные виденья.
Что ж? — в мире положён всему предел:
За старым новое отведал я страданье;
Уж ныне не тюрьма мой жребий, а изгнанье...
На диком берегу Онона я сидел,

[636] Т. е. в Марселе (Массилия, греческая колония в Галлии, основанная фокеянами в VI в.).

И вот раздумывал причудливую долю
Свою и тех, с которыми ходил
Во дни моей весны по жизненному полю,
Питомцев близких меж собой светил.
Их дух от скорби опочил,
Но тени их, моих клевретов,
Жертв сердца своего, страдальцев и поэтов,
Я вызывал из дальних их могил.
Угрюмый сын степей, хранительниц Китая,
Роптал утесами стесняемый Онон,
Волнами тусклыми у ног моих сверкая.
И, мнилось, повторял *их* передсмертный стон,
И, словно факел *их* унылых похорон,
Горела на́ небе луна немая.
Был беспредельный сон на долах, на горах, —
Тут не́ спал только я с своей живой тоскою...
Вдруг — будто арфы вздох пронесся над рекою;
Таинственный меня обвеял страх;
И что ж? то был ли бред больного вображенья,
Или трепещутся и там еще сердца,
И в самом деле друг, податель утешенья,
Явиться может нам, расторгнув узы тленья?
Почудилися мне родные три лица:
Их стоп не видел я — скользили привиденья
(Над каждым призраком дрожало по звезде,
И следом каждого была струя мерцанья),
Воды не возмущая, по воде, —
Я вспрянул, облитый потоком содроганья,
И в ужасе студеном, как со сна,
Вскричал и произнес любезных имена:

«Брат Грибоедов, ты! Ты, Дельвиг! Пушкин, — ты ли?»
Взглянул — их нет; они уж вдаль уплыли;
Вотще я руки простирал к друзьям, —
Как прежде, всё померкло и заснуло;
Мне только что-то будто бы шепнуло:
«Так, верь же, есть свиданье там!»

13 и 14 июня 1840

При исходе 1841 года

Что скажу я при исходе года?
Слава Богу, что и он прошел!
Был он для изгнанника тяжел.
Мрачный, как сибирская природа.

Повторять ли в сотый раз: «Всё тленно,
Всё под солнцем дым и суета»?
Не поверят! Тешит их мечта!
Для людей ли то, что совершенно?

Ноша жизни однозвучной, вялой,
Цепь пустых забот и мук и снов,
Глупый стук расстроенных часов,
Гадки вы душе моей усталой!

13 декабря 1841

* * *

Еще прибавился мне год
К годам унылого страданья;
Гляжу на их тяжелый ход
Не ропща, но без упованья —

Что будет, знаю наперед:
Нет в жизни для меня обмана.
Блестящ и весел был восход,
А запад весь во мгле тумана.

10 июня 1845

Усталость

Мне нужно забвенье, нужна тишина:
Я в волны нырну непробудного сна,
Вы, порванной арфы мятежные звуки,
Умолкните, думы, и чувства, и муки.

Да! чаша житейская желчи полна;
Но выпил же эту я чашу до дна, —
И вот опьянелой, больной головою
Клонюсь и клонюсь к гробовому покою.

Узнал я изгнанье, узнал я тюрьму,
Узнал слепоты нерассветную тьму
И совести грозной узнал укоризны,
И жаль мне невольницы милой отчизны.

Мне нужно забвенье, нужна тишина

.....

Ноябрь 1845

Участь русских поэтов

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула пе́тля дерзостную выю.[637]

Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,
Пожалися годиной роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки, —
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...

Или болезнь наводит ночь и мглу[638]
На очи прозорливцев вдохновенных;
Или рука любовников презренных
Шлет пулю их священному челу;[639]

[637] *Выя* — шея.
[638] В 1845 г. Кюхельбекер ослеп.
[639] Речь идет о гибели Пушкина.

Или же бунт поднимет чернь глухую,[640]
И чернь того на части разорвет,
Чей блещущий перунами полет
Сияньем óблил бы страну родную.

28 октября 1845 года

* * *

Да! ровно через год мы свиделись с тобою,
Но, друг и брат, тогда под твой приветный кров
Вступил я полн надежд, и весел и здоров —
Теперь, измученный и телом и душою,
Беспомощным, больным, трепещущим слепцом
Поник я под своим страдальческим венцом
И смерти говорил: приди же, избавитель!
Вот я вошел в твою смиренную обитель.
И ожил вдруг душой; и вера и любовь
Вновь встретили меня: уж не бунтует кровь,
И сердце улеглось, и тешусь я мечтою,
И с Богом я мирюсь, и с миром, и с собою!

5 марта 1846

* * *

Горько надоел я всем,

[640] Имеется в виду А. С. Грибоедов, трагически убитый в 1829 г. в Тегеране разъяренной толпой, исполненной ненависти к России (из-за заключенного между Россией и Персией договора, приведшего к обеднению многих иранцев).

Самому себе и прочим:
Перестать бы жить совсем!
Мы о чем же здесь хлопочем?
Ждешь чего-то впереди...
Впереди ж всё хуже, хуже;
Путь грязней, тяжеле, уже —
Ты же всё вперед иди!
То ли дело лоно гроба!
Там безмолвно и темно,
Там молчат мечты и злоба:
В гроб убраться бы давно!

13 апреля 1846, Тобольск

* * *

Счастливицы вольные птицы:
Не знают они ни темницы,
Ни ссылки, ни злой слепоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Да! ласточкой, легкой касаткой![641]
Глядел бы на мир не украдкой,
Весь видел бы вдруг с высоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Счастливицы вольные птицы:
Купаются в море денницы,
Им прах незнаком суеты.

[641] *Касатка* — деревенская ласточка.

Зачем же родился не птицею ты?

Нет Божией птичке работы,
Ни страха, ни слез, ни заботы,
Не слышит она клеветы!
Зачем же родился не птицею ты?

С утра и до вечера Бога
Ты славил бы в выси чертога[642]
Чудесной святой красоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Ты пел бы с утра до зарницы
Созданье премудрой десницы,
И звезды, и луг, и цветы,
Зачем же родился не птицею ты?

Ты грязь ненавидишь земную,
Ты просишься в твердь голубую,
Ты рвешься из уз темноты,
Верь: некогда птицею будешь и ты!

Прильнут к раменам тебе крылья,
Взлетишь к небесам без усилья,
И твой искупитель и Бог
Возьмет тебя в райский нетленный чертог.

29 апреля 1846

[642] *Чертог* — большое, пышное, великолепно убранное помещение, великолепное здание, дворец.

Антон Дельвиг (1798—1831)

Тихая жизнь

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
Ногою не шагнет, мечтой не унесется;
Кто с доброй совестью и с милою своей
Как весело заснет, так весело проснется;

Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой
И мягкую волну[643] с своих овец сбирает,
И для кого свой дуб в огне горит зимой,
И сон прохладою в день летний навевает.

Спокойно целый век проводит он в трудах,
Полета быстрого часов не примечая,
И смерть к нему придет с улыбкой на устах,
Как лучших, новых дней пророчица благая.

Так жизнь и Дельвигу тихонько провести.
Умру — и скоро все забудут о поэте!
Что нужды? я блажен, я мог себе найти
В безвестности покой и счастие в Лилете!

Между 1814 и 1817

[643] *Волна* — шерсть, особ. овечья.

Подражание Беранже[644]

Однажды Бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И, чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит вдалеке —
Земля вертится в уголке.
«Чтоб для нее я двинул ногу,
Черт побери меня, ей-богу!

О человеки всех цветов! —
Сказал, зевая, Саваоф,[645] —
Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляю славно.
Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите друг друга в шеи
И славите потом меня
Под гром картечного огня.
Я не люблю войны тревогу,
Черт побери меня, ей-богу!

Меж вами карлики-цари
Себе воздвигли алтари
И думают они, буффоны,[646]

[644] Перевод песни П.-Ж. Беранже «Le bon Dieu».
[645] *Саваоф* — в Библии у пророков добавление к имени Бога, означающее: владыка небесных воинств.
[646] *Буффон* — актер, использующий приемы буффонады; (перен.) тот, кто грубо, неуместно шутит, шутник, фигляр.

Что я надел на них короны
И право дал душить людей.
Я в том не виноват, ей-ей!
Но я уйму их понемногу,
Черт побери меня, ей-богу!

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом курят,
Страшат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья,
Отец всем добрым детям я;
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь…
Но с вами я заговорюсь…
Прощайте! Гладкого боюсь![647]
Коль в рай ему я дам дорогу,
Черт побери меня, ей-богу!»

1821

* * *

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я нé пил слез

[647] Имеется в виду И. В. Гладков, обер-полицмейстер; прославился жестоким подавлением крестьянских волнений в 1821 году.

Из чаши бытия, —
Зачем тогда, в венке из роз,
К теня́м не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько долы и леса
И милый взгляд забыл, —
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного: люблю
Не повторяйте ей!

1821 или 1822

Вдохновение

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всем, чем сердце дорожит,
Забыты им: восторженный пиит[648]
Уж прочитал свое предназначенье.

И пре́зренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,
Он говорит с грядущими веками;

Он ставит честь превыше всех частей,[649]
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

1822

Сонет

Златых кудрей приятная небрежность,
Небесных глаз мечтательный привет,
Звук сладкий уст при слове даже *нет*
Во мне родят любовь и безнадежность.

На то ли мне послали боги нежность,
Чтоб изнемог я в раннем цвете лет?
Но я готов, я выпью чашу бед:
Мне не страшна грядущего безбрежность!

[648] *Пиит* — поэт.
[649] Слово «часть» имело также значение «счастье, удача».

Не возвратить уже покоя вновь,
Я позабыл свободной жизни сладость,
Душа горит, но смолкла в сердце радость.

Во мне кипит и холодеет кровь:
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебе я вверил младость?

1822

Романс

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? чтó мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;

Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

1823

Романс

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью всё кипит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне, — и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

1823

Романс

Только узнал я тебя —

И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

Сонет

С. Д. Пономаревой[650] (При посылке книги «Воспоминание об Испании», соч. Булгарина)

В Испании Амур не чужестранец,
Он там не гость, но родственник и свой,
Под кастаньет с веселой красотой
Поет романс и пляшет, как испанец.

[650] В конце 1810-х — начале 1820-х годов Дельвиг был постоянным посетителем салона Софьи Дмитриевны Пономаревой.

Его огнем в щеках блестит румянец,
Пылает грудь, сверкает взор живой,
Горят уста испанки молодой;
И веет мирт, и дышит померанец.

Но он и к нам, всесильный, не суров,
И к северу мы зрим его вниманье:
Не он ли дал очам твоим блистанье.

Устам — коралл, жемчужный ряд зубов,
И в кудри свил сей мягкий шелк власов,
И всю тебя одел в очарованье!

1823

Русская песня

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети мой, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,

На чужие берега;
Побывай во всех страна́х,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у младой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у младой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у младой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1825

* * *

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:

Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

«Не тоска, друзья-товарищи,
Грусть запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко».

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

«И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать»,

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

1829

Слезы любви

Сладкие слезы первой любви, как роса, вы иссохли!
— Нет! на бессмертных цветах в светлом раю мы блестим!

1829

* * *

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Мне ль хладным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

1829 или 1830

Поэт

Долго на сердце хранит он глубокие чувства и мысли:
Мнится, с нами, людьми, их он не хочет делить!

Изредка, так ли, по воле ль небесной, вдруг запоет он,
Боги! в песнях его счастье, и жизнь, и любовь,
Все, как в вине вековом, початом для гостя родного,
Чувства ласкают равно: цвет, благовонье и вкус.

1830

* * *

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?

Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенник ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой светоч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною муза,
С ней пишу я — не мешай!

И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я,
Иль как свой счастливый стих.

Вечер тоже отдан мною

Музам, Вакху и друзьям;
Но ночною тишиною
Съединиться можно нам:

На одре один в молчаньи
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданьи
Протекает ночь моя.

1830 или 1831

Александр Пушкин (1799—1837)

* * *[651]

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз![652]
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.

[651] Написано перед отъездом из Михайловского, имения матери Пушкина в Псковской губернии; Пушкин провел здесь после окончания лицея пять недель летом 1817 г.
[652] *Тригорское* — соседнее имение, принадлежавшее Прасковье Александровне Осиповой (1781—1859); поэт часто бывал там и на всю жизнь сохранил дружеские отношения с Осиповой и ее дочерьми.

Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

1817

К ***

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё подъемлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю *милой* —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткой миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

1817

* * *[653]

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Галицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

1817

Кривцову[654]

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.

[653] Обращено к кн. Евдокии Ивановне *Голицыной* (1780—1850), незаурядной женщине; современник назвал ее «жрицей какого-то чистого и высокого служения»; ее прозвали Пифией. Карамзин писал Вяземскому в декабре 1817 г., что Пушкин «смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера».
[654] *Кривцов* Николай Иванович (1791—1841) — участник Отечественной войны, потерявший в сражении ногу. Стихотворение названо в рукописи: «К Анаксагору», по имени греческого философа, отказавшегося от радостей жизни и приговоренного к смертной казни по обвинению в оскорблении богов. Кривцов был одинок в личной жизни и слыл атеистом.

Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы[655]
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд —
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут.
Смертный миг наш будет светел;
И подруги шалунов
Соберут их легкой пепел
В урны праздные пиров.[656]

1817

Жуковскому[657]

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья

[655] Т. е. у Афродиты. *Пафо́с* — город на острове Кипр, где находился храм Афродиты.
[656] Т. е. в пустые пиршественные чаши.
[657] Эти стихи Пушкин сопровождал в журнальной публикации подзаголовком: «По прочтении изданных им книжек: "Для немногих"». Книжки эти содержали образцы немецкой поэзии и русские переводы Жуковского. Предназначались они для «избранных», в первую очередь для ученицы Жуковского великой княгини Александры Федоровны, жены Николая Павловича, бывшей немецкой принцессы. Пушкин переосмысляет слова «для немногих» и относит их к «друзьям таланта строгим», ценителям поэзии.

Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе, —
Ты прав, творишь ты *для немногих*,[658]
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным.

1818

К портрету Жуковского[659]

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

[658] Подразумевается литературный альманах «Для немногих», который Жуковский выпускал в 1818 году. Он издавался крошечным тиражом (около 30 экземпляров) и предназначался исключительно для членов императорской семьи и ближайших друзей.
[659] Поводом для создания этого стихотворения послужило появление портрета Жуковского работы Кипренского (гравирован Вендрамини).

1818

К Н. Я. Плюсковой[660]

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,[661]
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,

[660] Стихотворение распространялось в рукописных сборниках наряду с стихотворениями Пушкина политического содержания. Жена Александра I, Елизавета Алексеевна, снискала популярность своей добротой и широкой благотворительностью; она проявляла глубокий интерес к русской литературе и к русским поэтам. В филиалах декабристского общества Союз благоденствия, руководимых Федором Глинкой, человеком умеренных политических взглядов, насаждался культ Елизаветы, там даже возникла мысль о «дворцовом перевороте» в ее пользу. На одном из заседаний "Вольного общества любителей словесности, наук и художеств" под председательством Глинки состоялось чтение стихотворения Пушкина (25 сентября 1819 г., читал Дельвиг), а в конце года Глинка напечатал эти стихи в «Трудах Вольного Общества любителей российской словесности». Наталья Яковлевна Плюскова — фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, близкая к литературным кругам. Возможно, что «вызов» написать стихи жене Александра I исходил от нее.

[661] *Геликон* — гора, находящаяся в Аонии, место обитания муз. *Касталийский ток (Касталия)* — источник на горе Парнас, посвященный Аполлону и музам; источник вдохновения.

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

1818

К Чаадаеву[662]

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

[662] *Чаадаев* Петр Яковлевич (1794—1856) — русский писатель и философ; офицер; близкий друг Пушкина. С 1821 г. — член тайного декабристского общества Союз благоденствия. В стихотворении, по всей видимости, нашло отражение намерение юного Пушкина совершить цареубийство.

1818

Дорида[663]

В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые....
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

1819

N. N.
(В. В. Энгельгардту)[664]

Я ускользнул от Эскулапа[665]
Худой, обритый — но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкой друг Приапа,[666]

[663] *Дорида* — условное поэтическое имя («Золотистая, Златовласка»).
[664] *Энгельгардт* Василий Васильевич (1785—1837) — член кружка «Зеленая лампа», являвшегося филиалом Союза благоденствия. Пушкин входил в общество с самого начала его существования, с марта 1819 г.
[665] Летом 1819 г. Пушкин тяжело болел «гнилой горячкой». После болезни, в середине июля, он уехал в Михайловское (Меня зовут холмы, луга и т. д.).
[666] *Приап* (греч. миф.) — бог садов и полей, сын Диониса. Статуи Приапа (с эрегированным половым органом) устанавливались в садах.

И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда[667] гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

1819

[667] *Пинд* — горный хребет в Греции, на горах которого обитали Аполлон и музы (греч. миф.).

Деревня

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор Цирцей,[668]
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой — люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,

[668] *Цирцея (Кирка)* — волшебница с острова Эя, превратившая спутников Одиссея в свиней, а его державшая на острове год (греч. миф.); иносказательно — красавица-обольстительница.

Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидывать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде Невежества убийственный Позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь *барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,

Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы́ измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

1819

Домовому

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес, и дикий садик мой,
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра поздного осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей![669]
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад, и берег сонных вод,

[669] *Тук* — жир, сало; перегной, чистый чернозем, удобряющий землю и составляющий, в смеси с ископаемою россыпью, почву.

И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

1819

Уединение[670]

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали взыскательных невежд,
Дни делит меж трудов и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому Судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости Творца,
От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала.

1819

Веселый пир

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,

[670] Вольный перевод стихотворения французского поэта А. Арно (1766—1834) «La solitude» («Одиночество»).

Где до утра слово *пей!*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

1819

Возрождение[671]

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

1819

Дориде

[671] Образы элегии возникли под впечатлением картины Рафаэля «Мадонна с безбородым Иосифом», выставленной в Эрмитаже. В начале XIX в. она была подвергнута реставрации, восстановившей подлинное рафаэлевское письмо. Этот факт излагался в начале каталога Эрмитажа, открывавшегося репродукцией этой картины. Он отразился позднее и в словах Сальери: «Мне не смешно, когда маляр негодный / Мне пачкает Мадонну Рафаэля» («Моцарт и Сальери»).

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит[672] бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

1820

* * *[673]

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.

1820

К ***[674]

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать

[672] *Хариты* (греч. миф.: рим. миф. — *грации*) — три богини красоты и изящества.
[673] Стихотворение отражает настроение Пушкина в связи с известием о революции в Испании.
[674] Посвящено Елене или Екатерине Раевской. В 1826 г. поэт переадресовал стихи Софье Федоровне Пушкиной, своей однофамилице, к которой он тогда сватался.

И неизбежную разлуку
В унынье робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

1820

* * *[675]

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,[676]
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,

[675] Элегия написана на корабле, когда Пушкин с семейством Раевских плыл из Керчи в Гурзуф.
[676] *Ветрило* — парус.

Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младые,
Подруги тайные моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

1820

Нереида[677]

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,[678]
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

1820

* * *[679]

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,

[677] *Нереиды* — нимфы моря, дочери морского старца Нерея.
[678] *Таврида* — Крым.
[679] Написано в Каменке, Киевском имении братьев Давыдовых, у которых Пушкин гостил с ноября 1820 г. по февраль 1821 г. В элегии отражены гурзуфские впечатления поэта. Она посвящена, по-видимому, одной из дочерей генерала Раевского. «Признаюсь, одной мыслию этой женщины, — писал Пушкин, — дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики» (письмо к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г.). Поэт негодовал, что Бестужев напечатал три последних стиха этой элегии, в которых говорится о любимой им женщине.

Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1820

Муза

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой — и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.[680]
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

1821

* * *

[680] *Фригия* — древняя страна в северо-западной части Малой Азии.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

1821

Чаадаеву

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,[681]
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.
Врагу стеснительных условий и оков,
Не трудно было мне отвыкнуть от пиров,
Где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет,
И правду пылкую приличий хлад объемлет.

[681] Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский поэт — был сослан властителем (фактически императором) Октавианом Августом на берег Черного моря, в гор. Томы, согласно преданию — за его любовную связь с Юлией, дочерью Августа. Овидий писал в ссылке свои «Скорбные элегии» («Tristia»), обращенные к Августу, с мольбой о возвращении его в Рим. Император не отозвался на просьбы Овидия, и поэт умер в изгнании.

Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предáл проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум:
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще не знаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени.

Но дружбы нет со мной. Печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
Ничто не заменúт единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;

О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства — может быть спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;[682]
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть,
Умел я презирать, умея ненавидеть.
Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде,
Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,[683]
Но, просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор?
Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.[684]

---

[682] Речь идет о спасительном участии, проявленном Чаадаевым, когда, после сплетен, пущенных о поэте в 1820 г. Федором Толстым (будто поэта высекли в тайной канцелярии), Пушкин думал о самоубийстве.
[683] Речь идет о Федоре Толстом («Американце»). Граф Федор Иванович Толстой (1782—1846) — человек «необыкновенный, преступный и привлекательный», по словам Льва Толстого (его внучатого племянника). Он был известен бесчисленными дуэлями, во время которых убил несколько человек, и нечистой игрой в карты. Участвуя в молодости в первом кругосветном плавании русских кораблей (1803—1806), возглавлявшемся Крузенштерном, Ф. Толстой за недостойное поведение был высажен командиром экспедиции в районе Алеутских островов, где и прожил несколько месяцев. Отсюда его прозвище «американец» и название «алеут», данное ему Грибоедовым в «Горе от ума»: «Ночной разбойник, дуэлист, / В Камчатку сослан был, вернулся алеутом / И крепко на руку не чист».
[684] *Оратор Лужников* — М. Т. Каченовский, подписывавший свои статьи в «Вестнике Европы»: "Лужницкий старец".

Мне ль было сетовать о толках шалунов,
О лепетанье дам, зоилов[685] и глупцов
И сплетней разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твоею?
Благодарю богов: прешел я мрачный путь;
Печали ранние мою теснили грудь;
К печалям я привык, расчелся я с судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.

Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?..
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим,
И счастлив буду я; но только, ради Бога,
Гони ты Шепинга от нашего порога.[686]

1821

[685] *Зоил* (IV в. до н. э.) — грамматик и ритор, преследовавший мелочной критикой сочинения Гомера; нарицательное имя злобного и придирчивого критика.
[686] *Шеппинг* Отто Дмитриевич — кавалергардский офицер.

К Овидию[687]

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображенье
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!
Я видел твой корабль игралищем валов
И якорь, верженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.
Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там хладной Скифии свирепые сыны,
За Истром[688] утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И по́ льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!),
Ты, с юных лет презрев волненье жизни ратной,
Привыкнув розами венчать свои власы

[687] В послании Пушкин сопоставляет свою судьбу с судьбой сосланного в те же места, к берегам Черного моря, Овидия, и противопоставляет «Скорбным элегиям» римского поэта свою «непреклонную лиру» и «гордую совесть».
[688] *Истр* — Дунай.

И в неге провождать беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелый,
И грозный меч хранить близ лиры оробелой.
Ни дочерь, ни жена, ни верный сонм друзей,
Ни музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали.
Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут;
Дни старости твоей в забвении потонут.
Златой Италии роскошный гражданин,
В отчизне варваров безвестен и один,
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжкой горести далекой дружбе пишешь:
«О, возвратите мне священный град отцов
И тени мирные наследственных садов!
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните,
Но если гневный бог досель неумолим
И век мне не видать тебя, великий Рим, —
Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
Приближьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!»
Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиленья
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Суровый славянин, я слез не проливал,

Но понимаю их; изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло втайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.
Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там — а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг;
Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед, над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замеченный крылатым вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой...
И по́ льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки.

Утешься; не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений,
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнию, с минутною молвой...
Но если, обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой — участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

1821

Песнь о вещем Олеге

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам,[689]

[689] В основе стихотворения лежит летописный рассказ, приведенный Карамзиным в главе V тома I «Истории Государства Российского». Олег — первый князь киевский, правивший в 879—912 гг. и прозванный

Их селы и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса на встречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну[690] старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,[691]
А княжеский дар им не нужен:
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:

«вещим» после победоносного похода в 907 г. на греков. *Хозары* — кочевой народ, некогда обитавший на юге России.

[690] *Перун* — главное божество восточных славян, бог грома и молнии.

[691] *Волхв* — мудрец-провидец.

Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда:[692]
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов:
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,

[692] Воины Олега в знак победы над греками повесили свои щиты на вратах Цареграда (Константинополя), столицы Византии.

Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег: —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль легóк его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!

Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;[693]

[693] *Игорь* Рюрикович — великий князь киевский в 912—945 гг. *Ольга* — жена Игоря, правившая Киевской землей после смерти Игоря.

Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

1822

* * *

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой[694]
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкой сон.
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,

[694] *Веселая старушка* — вероятно, бабушка Пушкина по матери, Мария Алексеевна Ганнибал.

Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

1822

Узник[695]

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1822

[695] Стихотворение создано в период южной ссылки и выражает душевное состояние поэта, чувствующего себя узником в политической обстановке царской России. Оно написано в то же время под впечатлением некоторых конкретных событий действительности: арест друга Пушкина декабриста В. Ф. Раевского; беседы с арестантами в кишиневском остроге, о посещении которого поэт писал в дневнике 1821 г.; ночное бегство оттуда нескольких человек, один из которых намекал Пушкину о готовящемся побеге; и, наконец, личные ощущения самого Пушкина, находившегося три недели под домашним арестом.

Птичка[696]

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

1823

Царское Село

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой...

Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,

[696] Посылая стихи Н. И. Гнедичу, поэт писал ему 13 мая 1823 г.: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в Светлое Воскресенье выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это». Светлое Воскресенье — праздник Пасхи.

На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

1823

* * *[697]

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную
Дремотой лени усыпил?
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплот!
Где ты, гроза — симво́л свободы?
Промчись поверх невольных вод.

1823

Ночь

[697] Стихотворение отражает тяжелое душевное состояние Пушкина; оно вызвано подавлением войсками Священного союза (союз России, Пруссии и Австрии) революционных движений и торжеством в Европе реакции; однако поэт еще надеется на новые революционные взрывы.

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит поздное молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви; текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..

1823

* * *[698]

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку — в нас сердца единой страстью полны.
Для неба дальнего, для отдаленных стран
Оставим берега Европы обветшалой;
Ищу стихий других, земли жилец усталый;
Приветствую тебя, свободный океан.

1823

* * *

[698] Обращение к неизвестному моряку явилось поводом для нового выражения настроения Пушкина в связи с политической реакционностью Европы обветшалой. Земле противопоставляется океан — как символ свободы.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...[699]
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно... И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

1823

Демон

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства

[699] *Ничтожество* — небытие.

Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

1823

* * *[700]

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?

[700] Обращено к Амалии Ризнич (1803?—1825), жене итальянского негоцианта (купца), жившего в Одессе. В мае 1824 г. Амалия Ризнич уехала в Италию, где через год умерла от чахотки. Три раза вспоминал о ней Пушкин в «Евгении Онегине» — в строфе XIV главы третьей, в «Путешествии Онегина» («...красой блистая, негоциантка молодая...») и наконец в не напечатанных поэтом строфах XV и XVI главы шестой. Ее памяти посвящены стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...» и «Для берегов отчизны дальной...».

Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дари́т надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор —
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.

Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

1823

* * *

Изыде сеятель сеяти семена своя.[701]

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

1823

Телега жизни

[701] Эпиграф взят из Евангелия от Матфея, гл. 13, ст. 3. Оттуда же и образ первых стихов (пустынный — одинокий).

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! . . . .[702]

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И, дремля, едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

1823

* * *

Всё кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.[703]
Всё кончено — я слышу твой ответ.

[702] Многоточие подразумевает матерное выражение, рифмующееся со «сломать».
[703] *Пени* — жалобы.

Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

1824

Из письма к Вульфу[704]

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат[705]
(Не михайловской приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета![706]
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,

[704] *Вульф* Алексей Николаевич (1805—1881) — сын от первого брака соседки Пушкина, помещицы села Тригорского П. А. Осиповой. Когда Пушкин в августе 1824 г. приехал из Одессы в Михайловское, Вульф был на летних вакациях в Тригорском, где поэт и подружился с ним. Письмо написано в Дерпт, где Вульф учился в университете вместе с поэтом Языковым.
[705] *Лайон* — английская форма имени брата Пушкина, Льва (1805—1852).
[706] *Анахорет* (греч.) — отшельник, пустынник.

Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

1824

К Языкову[707]

(Михайловское, 1824)

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз,
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б, оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;

[707] *Языков* Николай Михайлович (1803—1846) — поэт, в это время — студент Дерптского университета. Это первое обращение Пушкина к молодому поэту, о котором он еще в конце 1823 г. писал Дельвигу: «Разделяю твои надежды на Языкова». Знал он его и по рассказам Вульфа.

Уснув, не знаю где проснусь. —
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,[708]
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,[709]
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей, —
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,[710]
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним

[708] Имеется в виду Ибрагим (Абрам Петрович) Ганнибал (1697?—1781), прадед Пушкина, вывезенный из Абиссинии.
[709] Имение «Михайловская губа» было пожаловано Ганнибалу грамотой имп. Елизаветы Петровны 12 января 1746 г., после пятнадцатилетней опалы его, кончившейся с воцарением Елизаветы.
[710] Л. С. Пушкин, с которым поэт был в эту пору очень близок.

Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

1824

Разговор книгопродавца с поэтом

Книгопрода́вец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите: жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...
О чем вздохнули так глубоко?
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.

Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал:
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья!..
Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов

С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлися по рукам.
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?

Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил;[711]
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрям, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон[712]
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В младые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.[713]

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали

[711] В следующих словах из «Светланы»: Слава, нас учили — дым; / Свет — судья лукавый.
[712] *Коринна* — греческая лирическая поэтесса (VI в. до н. э.). *Кифера* — остров, лежащий к югу от Пелопоннеса против мыса Малея; центр культа Афродиты со знаменитым святилищем богини. От названия острова происходит эпитет Афродиты «Киферийская» (или «Киферская»).
[713] *Геликон* — гора, находящаяся в Аонии, место обитания муз.

Меня с улыбкою любви:
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души:
Не чисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?..

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя: но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит

Ни вдохновенья, ни страстей,
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкой сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?
Я всем чужой!.. душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?
.....
И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!..
Она одна бы разумела

Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви!
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излиянья,
Как божеству, не нужно ей!..

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истинне полезной:
Наш век — торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!

Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

1824

К морю[714]

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной

[714] Прощание с морем связано с отъездом Пушкина из Одессы, где он прожил год, в новую ссылку — в Михайловское.

Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтической побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,[715]
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.[716]

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,

[715] Имеется в виду чувство к гр. Елизавете Ксаверьевне Воронцовой (1790—1880).
[716] Байрон умер 7/19 апреля 1824 г. в Греции, куда он приехал летом 1823 г. для участия в национально-освободительной борьбе греков.

Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.[717]

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

1824

Коварность[718]

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;

[717] Сближение просвещенья и тирании как отрицательных явлений отражает свойственное романтикам представление о губительности цивилизации для морали, для блага человека.
[718] Поводом к написанию стихотворения был вероломный поступок А. Н. Раевского. Узнав от Пушкина о его любви к Е. К. Воронцовой, заметив ее увлечение Пушкиным, Раевский, сам влюбленный в нее, сообщил об этом Воронцову, что, по предположению самого Пушкина, явилось причиной высылки его из Одессы в Михайловское.

Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, —
Не говори: «Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «Неблагодарен он:
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором, —
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

1824

* * *

О дева-роза, я в оковах;

Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

1824

Виноград

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной:
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,[719]
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

1824

* * *

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит

[719] *Злачный* — богатый растительностью (злаками), плодородный.

Гвадалквивир.
Вот взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

1824

Дружба

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья

Иль покровительства позор.

1824

Подражания Корану

Посвящено П. А. Осиповой

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой: (2)

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II.

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В пареньи дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых. (3)

III.

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье: (4)
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что Бог и умертвит
И воскресит его — по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды
И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред Бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV.

С тобою древле, о Всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, Господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, Боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!

V.

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой. (5)

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:

Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

VI.

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен младых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравляемом ничем.

VII.

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII.

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — Господом отверженная дань.

IX.

И путник усталый на Бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладез под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера:
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладез холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей:
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой:
Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он дале пускается в путь.

Примечания

1 "Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен". Мнение сих *нечестивых*, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.
2 В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей реторический оборот встречается в Коране поминутно.

3 "Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться" и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.
4 Из книги *Слепец*.
5 Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

1824

Аквилон[720]

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.[721]

[720] *Аквилон* (лат. *aquilon*, от *aquila* — орел) — сильный северный ветер, который древние называли так по его быстроте, подобной полету орла.
[721] Пушкин датировал стихотворение в единственном сохранившемся автографе (в 1830 г.) и в печати (в 1837 г.) 1824 годом. Однако нет сомнения в том, что за образами природы в «Аквилоне», подобно тому как

1824

* * *

Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты
И письма тайные, награды долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной —
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

1824

* * *[722]

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках

это было в стихотворении «Арион», стоят современные события и едва ли стихотворение могло быть написано до восстания 14 декабря 1825 г.

[722] Вступление к поэме «Руслан и Людмила» (1820), написанное в Михайловском в 1824—1825 годах.

Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русской дух… там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету…

1824 или 1825

Козлову[723]

Певец! когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На всё минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им.
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки;
Тебе он создал новый мир,
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды —
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

[723] *Козлов*, Иван Иванович (1779—1840), поэт, начал писать стихи лишь на сорок третьем году жизни, после того как ослеп. Печатая стихотворение, Пушкин сопровождал его (в оглавлении) подзаголовком: «По получении от него "Чернеца"» ("Чернец" — поэма Козлова). Козлов благодарил Пушкина за послание восторженным письмом, в котором писал: «Не мой слабый талант, но восхищение перед вашим дарованием и искренняя привязанность, которую я к вам питаю, оправдывают первое полустишие 7-го стиха; еще раз спасибо, большое спасибо; оно тронуло меня до глубины души!»

1825

Желание славы[724]

Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не при́дет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилося! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною

[724] Стихотворение обращено к Е. К. Воронцовой.

Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

1825

П. А. Осиповой[725]

Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

1825

[725] Написано в связи с планами бегства за границу, которые Пушкин уже давно обдумывал.

* * *[726]

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи, —
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило…
Оно сокрылось, изменило…
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

---

[726] "Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила нам, — писал П. В. Анненков, — что когда приходило из Одессы письмо с печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какие находились и на перстне ее брата, — последний запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе". Речь шла о письмах Воронцовой, запечатанных таким же перстнем, как и перстень-талисман Пушкина, подаренный ему Воронцовой.

1825

Андрей Шенье[727]

Посвящено Н. Н. Раевскому

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...[728]

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира,
Пою. Мне внемлет он и ты.

———

Подъялась вновь усталая секира

[727] *Андрей (Андре) Шенье* (1762—1794) — французский поэт, во время революции оставался в лагере умеренных и выступал в печати в защиту жирондистов, а во время процесса короля Людовика XVI — в его защиту. Это вызвало подозрение якобинского правительства, Шенье был обвинен в заговоре в пользу монархии и казнен 7 термидора (26 июля 1794 г.), за два дня до падения диктатуры Робеспьера.
[728] Так, когда я был печальным и пленным, моя лира все же / Пробуждалась... *(франц.)*

И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет. 1)

Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон[729]

[729] *Пантеон* — в данном случае это не древнеримский храм («храм всех богов»), а Пантеон в Париже — усыпальница, куда в эпоху Французской революции торжественно перенесли останки Вольтера и Руссо — французских писателей и философов, подвергавшихся при старом режиме гонениям за свободолюбивые идеи.

Святых изгнанников входили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой:
Но ты придешь опять со мщением и славой, —
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Всё ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минёт!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы

Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заране назначали.
Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни, 2)
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой недозрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,

И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и *Узница* моя, 3)
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовию, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Всё вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспалясь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гневе;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала:

Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...
О, нет!
Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных; 4)
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных:
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;[730]
Ты пел Маратовым жрецам

[730] *Немезида* — богиня, олицетворявшая справедливость и мщение (греч. миф.).

Кинжал и деву-эвмениду![731]
Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепенелой,
Ты смело им обоим руку дал,
И перед вами трепетал
Ареопаг[732] остервенелый.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
И всё покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решетке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!

---

[731] *Эвмениды* — богини-мстительницы (греч. миф.), соответствующие фуриям в римской мифологии. Здесь речь идет о Шарлотте Корде — сторонице умеренных республиканцев (жирондистов). Она вошла в историю как убийца Жана-Поля Марата — одного из радикальных лидеров Французской революции, которого она считала главным виновником разгоревшегося террора и гражданской войны. 13 июля 1793 года Корде проникла в квартиру Марата под видом просительницы и заколола его кинжалом в собственной ванной.

[732] *Ареопаг* (греч. *areiopagos*, от *areios* посвященный Аресу, т. е. Марсу, и *pagos* холм) — древнегреческое верховное судилище, которое находилось на марсовом холме; (перен.) суд из добросовестных и сведущих людей; какое-либо судилище вообще.

Звучат ключи, замки, запоры.

Зовут... Постой, постой; день только, день один:

И казней нет, и всем свобода,

И жив великий гражданин

Среди великого народа. 5)

Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.

Но дружба смертный путь поэта очарует. 6)

Вот плаха. Он взошел. Он славу именует... 7)

Плачь, муза, плачь!..

Примечания[733]

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.
(V. Les derniers vers d'André Chénier).[734]

2. *У Авеля, у Фанни.*[735]
Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I): один из друзей А. Ш.
Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

3. *И Узница моя.*
V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).[736]

4. Voyez ses îambes.
Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célebré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.
(H. de la Touche.)[737]

5. Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспиерра.

6. На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus

---

[733] Примечания Пушкина.

[734] Как последний луч, как последнее веяние ветра / Оживляет вечер прекрасного дня, / Так у подножья эшафота я еще пробую свою лиру. *(См. Последние стихи Андрея Шенье)* (франц.).

[735] Фанни, одна из любовниц Андрея Шенье. См. оды, к ней обращенные (франц.).

[736] См. Юная Пленница (М-ль де Куаньи) (франц.).

[737] См. его ямбы.
Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера. — Известно, что король испрашивал у Конвента письмом, исполненным спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье. *(А. де ла Туш)* (франц.).

belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)[738]

7. На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose là.[739]

1825

К ***[740]

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,

В тревогах шумной суеты,

Звучал мне долго голос нежный

И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный

Рассеял прежние мечты,

И я забыл твой голос нежный,

Твои небесные черты.

---

[738] В свои последние минуты они беседовали о поэзии. Она была — для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их разговора и последнего восхищения был Расин. Они решили читать его стихи. Выбрали они первую сцену Андромахи. *(А. де ла Туш)* (франц.).

[739] всё же здесь у меня кое-что было (франц.).

[740] *Керн*, Анна Петровна (1800—1879) — племянница соседки Пушкина П. А. Осиповой. Гостила летом 1825 г. в Тригорском. В первой строфе поэт вспоминает первую встречу с ней, в 1819 г., в Петербурге, в доме Олениных. Керн писала о том, как Пушкин передал ей эти стихи в день ее отъезда из Тригорского. «Он пришел утром и на прощание принес мне экземпляр 2-й главы «Онегина», в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновенье» и проч. и проч. Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове — не знаю». Керн ошиблась, вторая глава еще не вышла тогда. Вероятно, это была первая глава «Евгения Онегина».

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

* * *[741]

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;

[741] Написано в альбом второй дочери П. А. Осиповой, пятнадцатилетней Евпраксии Николаевне Вульф (Зизи) (1809—1883).

Что пройдет, то будет мило.

1825

Вакхическая песня

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

1825

* * *[742]

Цветы последние милей

[742] Происхождение стихотворения объясняется заглавием в копии руки П. А. Осиповой: «Стихи на случай в позднюю осень присланных цветов к П. от П. О.» (т. е. к Пушкину от П. Осиповой).

Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

1825

19 октября[743]

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,[744]
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

[743] 19 октября — день основания Лицея, постоянно отмечавшийся лицеистами первого выпуска.
[744] *Похмелье* — опьянение.

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,[745]
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?[746]
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе

[745] Корсаков, Николай Александрович, композитор, умерший 26 сентября 1820 г. во Флоренции.
[746] Матюшкин, Федор Федорович (1799—1872), моряк; он был в это время уже в третьем плаванье, кругосветном.

Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за́ моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»[747]

Друзья мои, прекрасен наш союз
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,

[747] Перифраз заключительных стихов "Прощальной песни воспитанников царскосельского лицея" Дельвига: «Судьба на вечную разлуку, / Быть может, здесь сроднила нас».

Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;[748]
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,[749]
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.[750]

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;

[748] Пущин приезжал к Пушкину в Михайловское на один день, 11 января 1825 г. Он рассказал позднее об этом посещении в своих «Записках о Пушкине».
[749] А. М. Горчаков встретился с Пушкиным у своего дяди, А. Н. Пещурова, в имении Лямоново, недалеко от Михайловского, летом 1825 г.
[750] Дельвиг гостил у Пушкина в Михайловском в апреле 1825 г.

С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм,[751] не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,

[751] Кюхельбекер.

Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.[752]

[752] В первоначальной беловой редакции далее следовала строфа, которую Пушкин не ввел в окончательный текст:
Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию — и мертвым и живым,
К устам подняв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.
Куницын, Александр Петрович (1783—1840) — преподаватель «нравственных и политических наук» в Царскосельском лицее, один из самых любимых и уважаемых профессоров Пушкина, известный своими передовыми убеждениями.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...[753]
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

1825

Сцена из Фауста

Берег моря. Фауст и Мефистофель.

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?
Таков вам положён предел,

[753] Пережил всех товарищей по выпуску А. М. Горчаков, умерший 84 лет.

Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру:
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!
Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь
Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновение души.
Я психолóг... о вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?

Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но — помнится — тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.
Желал ты славы — и добился, —
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Фауст

Перестань.
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знанье жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

Мефистофель

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать,

Не Гретхен ли?

Фауст

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи —
Там, на груди ее прелестной
Покоя томную главу,
Я счастлив был...

Мефистофель

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Как вы вдвоем — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,

Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Фауст

Говори. Ну, что?

Мефистофель

Ты думал: агнец мой послушный![754]
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал! —
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решась на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело; —
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключенье...

[754] *Агнец* — ягненок.

Фауст

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофель

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Всё утопить.

Мефистофель

Сейчас.

(Исчезает)

1825

Зимний вечер[755]

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,[756]
Приумолкла у окна?
Или бури завыванье
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;

[755] Картина жизни Пушкина в ссылке в Михайловском.
[756] Няня поэта, Арина Родионовна.

Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1825

Буря

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

1825

* * *[757]

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

1826

К Вяземскому[758]

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?

[757] Написано под впечатлением известия о смерти Амалии Ризнич, умершей в Италии в 1825 г.
[758] Написано в ответ на стихотворение Вяземского «Море». Вызвано неверным слухом, о котором писал Пушкин Вяземскому 14 августа 1826 г., когда посылал ему стихотворение: «Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург? Вот каково море наше хваленое!». Декабрист Н. И. Тургенев находился за границей и заочно был приговорен к смертной казни.

Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

1826

К Языкову

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой[759]
Ты воспоил свою камену;[760]
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.[761]
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,

[759] *Кастальский источник* (греч. миф.) — родник на Парнасе, дарующий вдохновение, священный источник Аполлона и муз.
[760] *Камена* — муза.
[761] *Пегас* (греч. миф.) — крылатый конь Зевса; под ударом его копыта на горе Геликон образовался источник *Ипокрена*, вдохновляющий поэтов.

В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

1826

Признание[762]

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно

[762] Обращено к Александре Ивановне Осиповой (впоследствии, по мужу, Беклешовой), падчерице П. А. Осиповой. См. также Овидия — четырнадцатую элегию третьей книги любовных элегий.

Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиленье, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетеся вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

1826

Пророк[763]

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим

[763] Картина, изображенная Пушкиным, в нескольких мелких деталях восходит к VI главе Книги Исайи в Библии (шестикрылый Серафим с горящим углем в руке).

На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.[764]
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1826

[764] *Прозябанье* — прорастание.

Няне[765]

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе

1826

* * *

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подымется, как рыбка золотая?

[765] Написано спустя полтора месяца по возвращении из ссылки в Михайловское, где поэт жил в течение двух лет в большой дружбе со своей няней Ариной Родионовной.

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь и журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья,
Томительно и сладко — в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь,
Хочу стонать и пить ее лобзанье —
А речь ее.... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майской шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли.[766]

1826

[766] *Боян* — древнерусский поэт-певец. Как «творец песен» Б. назван в зачине «Слова о полку Игореве». Вся фраза означает «гусли древнего славянского певца Бояна».

* * *

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.[767]

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,[768]
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы...

1826

И. И. Пущину[769]

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:

[767] Таков я был раньше и таков я всё еще (франц.)
[768] *Киприда* — одно из прозвищ Афродиты; остров Кипр, на который она вышла из морской пены, — центр ее культа.
[769] Обращено к ближайшему другу Пушкина с лицейских лет, декабристу Ивану Ивановичу Пущину, приговоренному к пожизненной каторге. Написано 13 декабря, накануне первой годовщины восстания на Сенатской площади. В первой строфе поэт вспоминает приезд к нему Пущина в Михайловское, 11 января 1825 г., описанный декабристом в «Записках о Пушкине». Пущин вспоминал впоследствии о получении им стихотворения Пушкина на каторге в Чите: «Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнанье».

Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826

Зимняя дорога[770]

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...

[770] Стихотворение написано под впечатлением поездки во второй половине декабря 1826 г. из Пскова в Москву. Кто такая Нина — неизвестно.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

1826

Золото и булат[771]

«Всё мое», — сказало злато;
«Всё мое», — сказал булат.
«Всё куплю», — сказало злато;
«Всё возьму», — сказал булат.

1826

* * *[772]

[771] Перевод французского стихотворения неизвестного автора "Tout est à moi, car je l'achète".
[772] Послание декабристам, сосланным в Сибирь на каторгу. Очень многих из них Пушкин знал лично. Двое — Пущин и Кюхельбекер — были его лицейскими товарищами. В словах «Храните гордое терпенье» они

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827

Соловей и роза

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,

могли услышать отзвук лицейской «Прощальной песни воспитанников Царскосельского лицея» Дельвига, исполнявшейся лицеистами хором на акте по случаю первого выпуска. В песне были такие слова: «Храните, о друзья, храните / Ту ж дружбу с тою же душой, / То ж к славе сильное стремленье, / То ж правде — да, неправде — нет, / В несчастье гордое терпенье, / И в счастье — всем равно привет!» Свое послание декабристам Пушкин вручил жене одного из них, А. Г. Муравьевой, уезжавшей из Москвы в начале января 1827 г. к мужу — Никите Муравьеву — в Сибирь.

Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; взываешь — нет ответа.

1827

* * *

В степи мирской, печальной и безбрежной[773]
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

1827

Арион[774]

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,

[773] *В степи* (поэт.) — в пустынном месте, в месте, где человеку одиноко.
[774] В иносказательной форме Пушкин говорит о судьбе, постигшей его и его друзей-декабристов. Стихотворение написано 16 июля 1827 г. в связи с первой годовщиной казни декабристов (13 июля). Миф о спасении дельфином греческого поэта и музыканта Ариона (VII-VI в. до н. э.) довольно далек по содержанию от стихотворения Пушкина.

Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел.... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный....
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

1827

Ангел

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, он рек, тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:

Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

1827

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

1827

* * *[775]

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.[776]
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальных умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

1827

* * *

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит,
Он украшает их пиры

[775] Пушкин сопровождал стихотворение в печати указанием: «Перевод неизданных стихов Андрея Шенье». Имеется в виду стихотворение «Près des bords où Venise est reine de la mer...» («Близ берегов, где Венеция — королева моря...»).
[776] Герои «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо (1544—1595), октавы (восьмистишия) которого пели венецианские гондольеры XVIII в.

И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими дверями,
Теснясь у черного крыльца,
Народ, гоняемый слугами,
Поодаль слушает певца.

1827

19 октября 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли![777]

1827

Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день,

[777] Стихи написаны к лицейской годовщине, когда Пушкин после семилетнего вынужденного перерыва вновь принял участие в дружеском собрании. Образы второй строфы имеют в виду дипломатов Ломоносова и Горчакова (в краю чужом), моряка Матюшкина (в пустынном море), декабриста Пущина (в мрачных пропастях земли), вероятно и Кюхельбекера, которого Пушкин встретил 14 октября, когда того везли из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую. Пущину переслали эти стихи в Читу. «И в эту годовщину, — писал он, — в кругу товарищей-друзей Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребенных, которых они не досчитывали на лицейской сходке» (И. И. Пущин, Записки о Пушкине).

И на немые стогны[778] града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

1828

* * *[779]

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,

[778] *Сто́гна* (ед. ч.) — площадь, широкая улица, обычно: *стогны* (мн. ч.).
[779] Поэт назвал стихотворение в перечне произведений, предназначенных к печати, — «На день рождения».

Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

1828

* * *

Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетела первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

1828

* * *[780]

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра́,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

1828

* * *[781]

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне[782]
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне

[780] Стихотворение было опубликовано в 1829 году под заглавием «Подражание Анакреону». Является подражанием оде «К фракийской кобылице».
[781] Обращено к Олениной, бравшей уроки пения у Глинки. Грузинская мелодия, которую она напевала, была привезена с Кавказа Грибоедовым и использована Глинкой в его романсе на эти стихи. Пушкин вспоминает в стихотворении о своем пребывании летом 1820 г. на Северном Кавказе с семьей Раевских. Оленина, Анна Алексеевна (1808—1888), младшая дочь президента Академии художеств, директора Публичной библиотеки в Петербурге, художника-дилетанта А. Н. Оленина.
[782] *Оне* — личное местоимение женского рода, третьего лица, множественного числа.

Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы.[783]

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

1828

Портрет[784]

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

[783] Вероятно, М. Н. Раевская, которая, став женой декабриста С. Г. Волконского, поехала за ним на каторгу в Сибирь.
[784] Обращено к Аграфене Федоровне Закревской (1800—1879), которая была известна своей страстностью и презрением к предрассудкам.

1828

Утопленник

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца.»
«Врите, врите, бесенята, —
Заворчал на них отец; —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз пóплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,[785]
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река,
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — «Эй, впусти, хозяин!» —

[785] *Калач* — белый хлеб, выпеченный в форме замка с дужкой.

«Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!»
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;

Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

1828

* * *

Рифма, звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ты умолкла, онемела;
Ах, ужель ты улетела,
Изменила навсегда!

В прежни дни твой милый лепет
Усмирял сердечный трепет,
Усыплял мою печаль,
Ты ласкалась, ты манила
И от мира уводила
В очарованную даль.

Ты, бывало, мне внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушная дитя;
То, свободна и ревнива,
Своенравна и ленива,
С нею спорила шутя.

Я с тобой не расставался,
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим;
Как любовник добродушный,
Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.

О, когда бы ты явилась
В дни, как на небе толпилась
Олимпийская семья!
Ты бы с нею обитала,
И божественно б сияла
Родословная твоя.

Взяв божественную лиру,
Так поведали бы миру
Гезиод или Омир:[786]
Феб однажды у Адмета
Близ тенистого Тайгета[787]
Стадо пас, угрюм и сир.

Он бродил во мраке леса,
И никто, страшась Зевеса,
Из богинь иль из богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов.

---

[786] *Гезиод* — один из древнейших поэтов Греции (VIII в. до н. э.). *Омир* — Гомер.
[787] *Адмет* — (в мифах древних греков) царь города Феры в Фессалии. *Тайгет* — горный хребет в Греции, на юге полуострова Пелопоннес (т. е. в на самом деле далеко от Фессалии, но тут, можно сказать, рифма одержала победу над действительностью).

Помня первые свиданья,
Усладить его страданья
Мнемозина[788] притекла.
И подруга Аполлона
В тихой роще Геликона
Плод восторгов родила.

1828

* * *[789]

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,

[788] *Мнемозина* — богиня памяти, мать девяти муз.
[789] Стихотворение является вольным переводом шотландской народной баллады.

На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого
Не убитого, живого.

1828

* * *[790]

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

1828

* * *

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой

[790] Обращено к Олениной. Написано осенью перед отъездом в Михайловское. Оленина записала в своем дневнике о вечере 5 сентября 1828 г.: «Прощаясь, Пушкин мне сказал, что он должен уехать в свое имение, если, впрочем, у него хватит духу, — прибавил он с чувством».

Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Любили Крым сыны Саади,[791]
Порой восточный краснобай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владетель умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.[792]

1828

Анчар[793]

[791] Т. е. поэты Востока. *Саади* — великий персидский поэт XIII века.
[792] *Прозорливый и крылатый поэт* — вероятно, Адам Мицкевич. *Чудная сторона* — Литва. Косматыми назвал поэт литовцев по их косматой рысьей шапке. *Гурии* — вечно юные девы, обитавшие, согласно магометанской легенде, в раю (араб. миф.). Стихотворение, по-видимому, обращено к Мицкевичу. Крымские сонеты Мицкевича, появившиеся в конце 1826 г. и переведенные на русский язык (прозою) Вяземским, привлекли общее внимание.
[793] Древо яда. (Прим. Пушкина.)

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

1828

Цветок

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

1828

Поэт и толпа

Procul este, profani[794].

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:[795]
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,

[794] Прочь, непосвященные (лат.).
[795] «Ибо чернь, подлый народ, суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди, знатны ли они или нищие» (Николай Новиков «О воспитании и наставлении детей», 1784).

Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.[796]
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!... так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;

[796] Имеется в виду Аполлон Бельведерский — знаменитая античная статуя, считающаяся эталоном мужской красоты и символом гармонии в классическом искусстве.

Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

1828

* * *[797]

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

[797] Обращено к шестнадцатилетней Екатерине Васильевне Вельяшевой, двоюродной сестре Ал. Н. Вульф, которую Пушкин встретил в Малинниках, Тверском имении Вульфов. *Ижоры* — последняя станция на пути из Торжка в Петербург.

1829

Приметы

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

1829

* * *[798]

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,

[798] Стихотворение обращено к М. Н. Волконской, с которой поэт общался на Северном Кавказе в 1820 г.

И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

1829

Калмычке

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.[799]
Твои глаза конечно узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шёлком не сжимаешь ног;
По-а́нглийски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,[800]
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: *Ma dov'è*,[801]
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали

[799] Пушкин вспоминает свое пребывание в цыганском таборе под Кишиневом.
[800] «Сен-Мар» — роман (1826) Альфреда де Виньи.
[801] Но где (итал.). Ария из оперы Галуппи (1703—1785) по трагедии Метастазио «Покинутая Дидона» (опера Галуппи, приглашенного Екатериной II в 1766 г. в Россию, исполнялась в Петербурге).

Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

1829

* * *

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь Господа Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни Святому Духу ввек
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом Пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei[802] кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
Ввстречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

Lumen coelum, sancta Rosa![803]
Восклицал всех громче он,
И гнала его угроза

[802] Радуйся, Матерь Божия (лат.)
[803] Свет небес, святая роза (лат.)

Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Всё влюбленный, всё печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина[804] своего.

1829

* * *

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,

[804] *Паладин* (от позднелат. *palatinus* придворный) — в средневековой западно европейской литературе название сподвижников Карла Великого. Позднее паладином стали называть доблестного рыцаря, преданного своему государю или даме.

На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнею порой.[805]

1829

* * *[806]

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники[807] в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;

[805] Написано под впечатлением внезапного звука «зори», барабанного боя, в военном лагере на Кавказе. Звуки эти напомнили поэту «зори», слышанные им в лицейские годы, в Царском Селе, — они доносились до лицея из казарм или с дворцовой караульни.
[806] Написано в Старицком уезде Тверской губ., в селе Павловском П. И. Вульфа, дяди друзей Пушкина. Поэт гостил у него по дороге из Москвы (после возвращения из Арзрума) в Петербург.
[807] *Арапник* — длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.

По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдёт... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если по́д вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы), —
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!

Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

1829

Зимнее утро[808]

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры[809]
Навстречу северной Авроры,[810]
Звездою севера явись![811]

Вечор,[812] ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла[813] носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;

---

[808] Написано на другой день там же.
[809] Т. е. сомкнутые негой глаза.
[810] *Аврора* — римская богиня утренней зари; (поэт.) утренняя заря. *Навстречу северной Авроры* —навстречу северной Авроре (уст.: родительный падеж вместо дательного после «навстречу», по следующей логике: встреча Авроры — навстречу Авроры).
[811] Т. е. явись северной красавицей. Вместе с тем подразумевается и «Утренняя звезда» — планета Венера. Иными словами, явись северной Венерой.
[812] *Вечо́р* — вчера вечером.
[813] *Мгла* — здесь не «тьма, мрак», а «снежная пелена», сравните: «Буря мглою небо кроет...».

Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.[814]
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?[815]

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;

[814] *Лежанка* — невысокий выступ у русской печи. Сравните (в одном из пушкинских писем): «Покамест я один-одинешенек; живу недорослем, валяюсь *на лежанке* и слушаю старые сказки да песни».
[815] *Запречь* — (прост.) запрячь.

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

1829

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину

Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

1829

Кавказ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;

Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

1829

Монастырь на Казбеке[816]

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

[816] Монастырь, описанный и в главе V «Путешествия в Арзрум», — старинная церковь Цминда Самеба.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

1829

Делибаш[817]

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к *лаве,*[818]
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...

[817] *Делибаш* — конный солдат турецкой армии (по-турецки буквально: «отчаянная голова»). Под текстом стихотворения в рукописи помета: «Сыганлу». Пушкин был в Саганлу 13 июня 1829 г. и участвовал в сражении. Картина боя нарисована в главе III «Путешествия в Арзрум».
[818] *Лава* — казачий строй к нападению охватом, дугою, в одну шеренгу.

Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

1829

* * *[819]

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:[820]
На небе синем и прозрачном
Сияли груды ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар…
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

*

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились…

[819] Из: Отрывки из «Путешествия Онегина».
[820] Далее следует описание Гурзуфа.

Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья…
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

*

Иные ну́жны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой.[821]

[821] Стих основан на русской поговорке, смысл которой таков: «я ем простую пищу, но сам себе хозяин».

1830

* * *[822]

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я…

1830

[822] Написано 5 января 1830 г. в ответ на просьбу красавицы польки Каролины Собаньской вписать ей в альбом свое имя. Пушкин познакомился с ней в феврале 1821 г. в Киеве, а позднее встречался в Одессе и в Петербурге. О чувстве поэта к Собаньской свидетельствуют два письма к ней, написанные 2 февраля 1830 г.

К вельможе[823]

(Москва)

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,[824]
К тебе являюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшéбстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной Жены,[825]
Явился ты в Ферней — и циник поседелый,[826]
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,[827]
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростясь, увидел ты Версаль.

---

[823] Послание к кн. Николаю Борисовичу Юсупову (1751—1831), одному из последних деятелей XVIII в., рассказы которых любил слушать Пушкин. Вызвано приглашением Юсупова посетить его в его подмосковном имении Архангельском.
[824] *Аристипп* (V—IV в. до и. э.) — древнегреческий философ-гедонист, считавший целью жизни разумное наслаждение.
[825] Юсупов был посланником в Сардинии, Неаполе и Венеции в царствование Екатерины II.
[826] *Циник поседелый* — Вольтер, живший в Швейцарии, в Фернее.
[827] Т. е. свое влияние: Екатерина II ценила Вольтера и переписывалась с ним.

Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?[828]
Но ты не изнемог от сладкой их отравы:
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То чтитель Промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею[829] иль деисту,[830]
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:[831]
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.

---

[828] *Армида молодая* — Мария-Антуанетта, французская королева, казненная в 1793 г. *Трианон* — дворец в Версале, любимая резиденция Марии-Антуанетты.
[829] *Афей* — атеист.
[830] *Деист* — это сторонник религиозно-философского учения (деизма), который верит, что Бог создал Вселенную и установил ее законы, но не вмешивается в повседневную жизнь мира, не творит чудеса и не общается с людьми через откровения. Бога деисты часто сравнивают с «великим часовщиком», который завел механизм Вселенной, оставил ее работать и более не управляет событиями.
[831] Т. е. английский парламент с двумя палатами — представительной нижней палатой и аристократической палатой лордов.

Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкий отрока восторгов полный сон,
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как златом усыплен надзор угрюмой тетки;[832]
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Всё изменилося. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,[833]
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы.[834]
Преобразился мир при громах новой славы.[835]
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,

[832] Имеется в виду дуэнья — пожилая женщина-воспитательница, которую нанимали в аристократических семьях Испании для надзора за поведением молодой девушки.
[833] Т. е. культа разума и разгула жестокости. *Фурии* — в древнеримской мифологии — богини мести и гнева.
[834] Имеется в виду революция 1789—1793 гг.; *ужас* — буквальный перевод политического термина «террор». Речь идет о годах якобинской диктатуры.
[835] Имеется в виду царствование Наполеона.

Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.[836]
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептической причет,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, былое истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились младые поколенья.
Жестоких опытов сбирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры,
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.[837]

---

[836] Вольтер был сначала похоронен на кладбище монастыря Сельер, откуда прах его в 1791 г. был перенесен в Пантеон. При реставрации Бурбонов прах Вольтера был вывезен из Пантеона.
[837] *Алябьева*, Александра Васильевна (1812—1891) — московская красавица. *Гончарова*, Наталья Николаевна — невеста Пушкина.

Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

1830

Поэту

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плю́ет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

1830

Мадона[838]

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель —

Она с величием, Он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

[838] Обращено к невесте, Н. Н. Гончаровой. Та же картина («Мадонна» итальянского мастера, приписывавшаяся Рафаэлю и продававшаяся в Петербурге) упоминается в письме Пушкина от 30 июля 1830 г. к невесте: «Часами простаиваю перед белокурой мадоной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40000 рублей» (подлинник на французском языке).

1830

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюёт на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна

Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

1830

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

1830

Ответ анониму[839]

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим,[840] —
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,

---

[839] Ответ на большое анонимное послание, начинающееся стихами: «Олимпа девы встрепенулись! / Сердца их с горести сомкнулись» — муз тревожит, что поэт, счастливый в любви, перестанет творить. Заканчивается послание стихами, вызвавшими ответ Пушкина: «Уймите дух свой сокрушенный, / О музы! Друг ваш вожделенный / Небесным пламенем горит: / Источник новых откровений / Залогом будет вдохновений — / И снова гений воспарит». Под анонимом скрывался Иван Александрович Гульянов (1789—1841), египтолог, член Российской Академии, впоследствии знакомый Пушкина.

[840] *Херувим* — ангел высшего чина. Слово херувим встречается в первый раз в книге Бытия в следующих словах: «И поставил (Бог) на востоке сада Эдемского херувима с пламенным мечем, по изгнании Адама и Евы из Рая, чтобы охранять путь к древу жизни». Затем говорится о херувимах при устроении Скинии во времена пророка Моисея и при создании храма Соломонова. Изображение их в образе человеческом, но с крыльями, и поставление этих изображений во Святом Святых над Ковчегом Завета с преклоненными к нему лицами, означает, что они, как высшие духовные существа, удостоены особенной близости к Богу.

Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастие поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

1830

Труд[841]

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

1830

Царскосельская статуя[842]

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

[841] Стихотворение связано с окончанием «Евгения Онегина».
[842] Стихотворение Пушкина посвящено бронзовой статуе «Молочница» (на тему басни Лафонтена «Молочница и кувшин», скульптор П. П. Соколов) в Царскосельском парке, изображающей девушку над разбитым кувшином, из которого льется неиссякаемый источник.

1830

Дорожные жалобы

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил,

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.[843]

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

[843] *Инвалид* — солдат, неспособный к военной службе, вследствие ран, болезни или старости.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра[844] поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

1830

Прощание

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя всё, меняя нас,
Уж ты для своего поэта

[844] *Яр* — название московского модного ресторана. Французский ресторатор Транкий Яр (Tranquille Yard), открыл заведение в 1826 году на углу Кузнецкого Моста и Неглинной.

Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

1830

* * *

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.[845]
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.

[845] *Борей* (греч.) — сильный северный ветер.

Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.

Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить? —

——

Куда же ты? — В Москву, чтоб графских именин
Мне здесь не прогулять.
— Постой — а карантин![846]
Ведь в нашей стороне индейская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа
Бывало, сиживал покорный твой слуга;[847]
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

1830

* * *[848]

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

[846] Осенью 1830 г. Россию охватила эпидемия холеры. Вокруг Болдина были установлены карантины.
[847] На обратном пути из Арзрума в Тифлис, в июле 1829 г., Пушкин провел три дня в карантине в Гумрах (см. «Путешествие в Арзрум», глава V).
[848] Издано Пушкиным вместе с нотами М. И. Глинки, сочинившего музыку на эти стихи. Написано за месяц до «Каменного гостя», под впечатлением чтения английского поэта Барри Корнуолла. Первый стих романса Пушкина воспроизводит первый стих «Серенады» Корнуолла.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелкóвые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

1830

* * *

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

1830

Заклинание

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:[849]
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкой звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно, сюда! сюда!...

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба

[849] *Лейла* — героиня поэмы Байрона «Корсар», условное поэтическое имя.

Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

1830

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,[850]
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

1830

[850] В древнеримской мифологии парки — три богини судьбы.

Герой

Что есть истина?

Друг

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

Поэт

Всё он, всё он — пришлец сей бранный,[851]
Пред кем смирилися цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Друг

Когда ж твой ум он поражает

[851] Наполеон.

Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;[852]
Тогда ли, как хватает знамя[853]
Иль жезл диктаторский;[854] тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,[855]
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, — и молчит?

Поэт

Нет, не у счастия на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне,[856]
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!

[852] Имеется в виду блестящий успех Бонапарта в его Итальянском походе.
[853] Может быть, намек на известный случай на Аркольском мосту.
[854] Речь идет о государственном перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), когда Наполеон стал первым консулом.
[855] Имеется в виду победа в битве при Эмбабе 12 июля 1799 г., «близ пирамид» — «с вершины которых глядели на французов четыре тысячелетия» (Бюллетень Наполеона).
[856] Имеется в виду женитьба Наполеона на дочери австрийского императора Франца I, Марии-Луизе.

Одров я вижу длинный строй,[857]
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнию своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Друг

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас![858]
Увы! его раздался глас,[859] —
И где ж очарованье света!

Поэт

Да будет проклят правды свет,

[857] Посещение Бонапартом чумного госпиталя в Яффе.
[858] Пушкин ссылается на изданные в 1829—1830 гг. «Воспоминания» Бурьена, секретаря Наполеона, в которых оспаривается рассказ о том, что Наполеон в Яффе посетил госпиталь с больными чумой. Впоследствии раскрылось, что эти мемуары были подложными, написанными бывшим дипломатом, французским журналистом Виллемаре.
[859] Mémoires de Bourienne. (Прим. Пушкина.)

Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Друг

Утешься.....[860]

1830

* * *[861]

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,

[860] Последняя реплика Друга Утешься... и дата 29 сентября 1830 Москва (Пушкин был в это время в Болдине) намекают на поступок Николая I, который в этот день прибыл в холерную Москву.
[861] Как предполагают исследователи, начало осуществления замысла произведения из эпохи раннего итальянского Возрождения: это подсказывается впервые употребленными Пушкиным терцинами — строфой, характерной для итальянской поэзии XIV в., а также духом произведения — с его столкновением культуры католицизма с образами античной древности, созерцанием античных статуй, трактуемых как изображение «бесов». Другие исследователи видят здесь начало автобиографического повествования Пушкина, рисующего ранние годы пробуждения мысли и чувств поэта.

Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,

На главах лавры, на плечах порфиры —[862]

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесóв изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик младой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.[863]

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений ранний голод
Меня терзал — уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день

[862] *Порфира* — верхняя царская одежда: широкий плащ из багряного шелка, подбитый горностаем.
[863] *Дельфийский идол* — статуя Аполлона. *Другой, женообразный, сладострастный...* — статуя Венеры (женообразный — не женоподобный, Адонис, как толковали некоторые критики, а изваянный в образе женщины).

Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

1830

На перевод Илиады[864]

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

1830

* * *[865]

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;

[864] «С чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого высокого подвига», — такими словами приветствовал Пушкин выход в свет труда Гнедича — перевода «Илиады» («Литературная газета», 1830).
[865] Стихи связываются с памятью Амалии Ризнич (см. стих. «Под небом голубым страны своей родной...», 1826). Существует и другая гипотеза, опирающаяся на первоначальный текст первых стихов: «Для берегов чужбины дальней / Ты покидала край роднойРоссии, уехавшей в ». Эта редакция говорит о жительнице чужую Италию.

Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

1830

Цыганы[866]

Над лесистыми брегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, сча́стливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время

[866] Пушкин вспоминает о своем пребывании в цыганском таборе в кишиневскую пору жизни, вероятно в связи с увиденным им в 1830 г. в Болдине табором цыган.

Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

1830

Эхо

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
        На всякой звук
Свой отклик в воздухе пустом
        Родишь ты вдруг.[867]

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
        И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
        И ты, поэт!

[867] *Вдруг* здесь означает «тут же» (мгновенную последовательность во времени, а не неожиданность).

1831

* * *

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняяся на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

1831

* * *

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,

Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать так поминать,
Начинать так начинать,
Лить так лить, разлив разливом.
Начинай-ка, сват, пора.
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогами да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Всё бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам не досужно)
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно... —
Слушай, сват, начну первой,

Сказка будет за тобой.[868]

1833

* * *

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал....

1833

Осень

(Отрывок)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин.

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает

[868] Написано в стиле народных прибауток-поминаний, в которых неизменно фигурируют вошедшие и в стихотворение Пушкина три Матрены, Лука и Петр.

В отъезжие поля[869] с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми[870]
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

[869] *Отъезжие поля* — отдаленные от жилья и пашен пустоши, используемые для охоты.
[870] *Армида* — волшебница в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Рыцарь Ринальдо был пленен ее чарами и увезен ею на далекий остров, где среди волшебных садов Армиды он забыл о высокой цели освобождения Гроба Господня.

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.

Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.

Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?. . . . .

. . . . . .

. . . . . .

1833

* * *

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,

Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.

1833

* * *[871]

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

1834

* * *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

1835

[871] Обращено к жене. Написано, вероятно, летом 1834 г. в связи с неудавшейся попыткой выйти в отставку (см. письма к Бенкендорфу от 25 июня, 3 и 4 июля и письмо к Жуковскому от 4 июля) и уехать в деревню.

Полководец[872]

У русского царя в чертогах есть палата:[873]
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой

[872] Стихотворение посвящено памяти М. Б. Барклая де Толли (1761—1818), главнокомандующего русскими войсками в начале Отечественной войны 1812 г., выработавшего план отступления русской армии в глубь страны и руководившего (до 17 августа 1812 г.) операциями по отступлению.
[873] Имеется в виду «Военная галерея» в Зимнем дворце в Петербурге, где помещены портреты свыше трехсот генералов, участников Отечественной войны 1812 г. Портреты написаны английским художником Доу, приглашенным для этого в 1819 г. в Россию, и его помощниками.

Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый!... Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоем звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и ла́вровый венец,[874]
И власть, и замысел, обдуманный глубоко, —

[874] Уступить Кутузову.

И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —[875]
.....
.....

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

1835

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

[875] Барклай проявил необычайную храбрость в Бородинском сражении, появляясь в самых опасных местах. Он писал Александру I: «26 августа не сбылось мое пламеннейшее желание: провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит».

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1835

Странник[876]

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? что станется со мной?»

II

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них:

[876] Пушкин обозначил это произведение в своих записях «Из Bunyan» (Из Беньяна). «Странник» является вольным переложением начала 1-й главы прозаического произведения «Путешествие пилигрима» английского сектанта и проповедника Джона Беньяна (1628—1688). Однако «Странник» Пушкина произведение законченное.

Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты жена! —
Сказал я, — ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обресть убежище; а где? о горе, горе!»

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились

Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны, и кому суровый нужен врач.

IV

Пошел я вновь бродить — унынъем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик — влача свою веригу,[877]
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор — и вопросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит.»
«Коль жребий твой таков, —
Он возразил, — и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь» —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал; — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,[878]

[877] *Вериги* — тяжелые железные цепи, обручи и т. п., носимые на голом теле христианскими аскетами с целью «умерщвления плоти».
[878] *Мета* — цель, предмет стремлений.

Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг.

V

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы́ скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

1835

* * *[879]

... Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,

[879] Написано 26 сентября 1835 г. в Михайловском, куда Пушкин приехал после восьмилетнего перерыва (если не считать четырехдневного пребывания в Михайловском в мае 1835 г.).

Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.[880]

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно, синея, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...
На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,

[880] Няня Пушкина Арина Родионовна умерла в Петербурге 31 июля 1828 г.

Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ
Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему всё пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

1835

* * *

Я думал, сердце позабыло

Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

1835

Пир Петра Первого

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русской штык иль русской флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,[881]
И пошел навстречу *деда*
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

[881] *Брантов бот* — морская лодка царя Алексея Михайловича, починенная при Петре I голландским корабельным мастером Брантом. В 1723 г. Петр I устроил боту торжественное чествование, о котором Пушкин сделал заметку в «Истории Петра», под 1723 г.: «10-го же (июля) триумф старого ботика, дедушки русского флота (см. Голикова, Ломоносова, Сумарокова etc.)».

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

1835

Мирская власть

Когда великое свершалось торжество,
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и Пресвятая Дева,
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь Креста Честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или Распятие казенная поклажа,
И вы боитеся воров или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою

Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, Чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?[882]

1836

(Подражание итальянскому)

Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

1836

(Из Пиндемонти)[883]

[882] По словам Вяземского, стихотворение, «вероятно, написано потому, что в Страстную пятницу в Казанском соборе стоят солдаты на часах у плащаницы» («Старина и новизна», кн. VIII). Первые шесть стихов передают евангельский рассказ о смерти распятого на кресте Иисуса Христа. *Мария-грешница* — Мария Магдалина.
[883] Первоначально стихотворение было названо: «Из Alfred Musset», затем заменено ссылкой на Пиндемонти. Это говорит о том, что оба источника — мнимые, придуманные Пушкиным для проведения стихов через цензуру.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура,
Всё это, видите ль, *слова, слова, слова*.[884]
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепе́ща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

1836

* * *

Отцы пустынники и жены непорочны,

[884] Hamlet. (Прим. Пушкина.)

Чтоб сердцем возлетать во области заочны,[885]
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого Поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия,[886] змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой[887] от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.[888]

1836

* * *

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,

---

[885] Т. е. в мир, невидимый материальному глазу, мир духовный.
[886] *Любоначалие* — страстное стремление к власти, любовь к начальствованию, к господству над другими людьми.
[887] Т. е. другой член общества.
[888] Вторая половина стихотворения является поэтическим переложением великопостной молитвы Ефрема Сирина «Господи и владыко живота моего...».

Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,[889]
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи, жильцов к себе на утро ждут, —
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...
Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ ка́мней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место[890] праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит[891]
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

1836

* * *

[889] Здесь имеются в виду изображения или изваяния скорбящих (плачущих) амуров.
[890] *На место* — вместо.
[891] *Хариты* (греч. миф.: рим. миф. — *грации*) — три богини красоты и изящества.

Exegi monumentum[892].

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.[893]

---

[892] Я воздвиг памятник (лат.).

[893] Написано на тему оды Горация «К Мельпомене» (XXX ода книги III), откуда взят и эпиграф. Эту же оду Горация перевел Ломоносов; ей подражал Державин в своем стихотворении «Памятник». *Александрийский столп* — Александровская колонна, памятник Александру I в Петербурге на Дворцовой площади; Пушкин «выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, моими товарищами» (запись в дневнике 28 ноября 1834 г.).

1836

* * *[894]

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лицея день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!

[894] Последняя «лицейская годовщина» Пушкина, написанная к двадцатипятилетию основания лицея. Осталась незаконченной.

Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вкруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метался смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,[895]
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,

[895] Царскосельский лицей располагался во флигеле Екатерининского дворца — летней резиденции русских императриц. *Чертог* — дворец.

И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон[896]
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь,[897] суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлися новы тучи,
И ураган их...

1836

На статую играющего в бабки[898]

[896] Т. е. Александр I, называвшийся так по имени могущественнейшего греческого царя, возглавлявшего других греческих царей в Троянской войне.
[897] Николай I.
[898] Стихотворение посвящено скульптуре, которую Пушкин увидел на выставке, открывшейся в конце сентября 1836 г. в Академии художеств в Петербурге. Статуя играющего в бабки принадлежала скульптору Н. С. Пименову (1812—1864). По преданию, при первом свидании с Пименовым «А. С. Пушкин в энергическом порыве и с навернувшимися на глазах слезами, взяв в обе руки руку ваятеля, сказал громко: слава Богу, наконец и скульптура на Руси явилась народною». По словам биографа Пименова, Пушкин тут же на выставке набросал четверостишие в записной книжке, вырвал листок и вручил художнику с приглашением к себе; Пименов не мог об этом вспоминать без волнения (П. Петров, Н. С. Пименов, профессор скульптуры, СПб. 1883).

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро опёрся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удáлой игре.

1836

* * *

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

1836

Федор Туманский (1799—1853)

Родина

Есть на земле безвестный уголок,
Уединенный, неприметный:
Знакомый луг, знакомый лес, поток,
И в них дух добрый и приветный.
Он издавна живет в том уголке,
Летает птичкой по дубравам,
Шумит в бору, купается в реке

И улыбается забавам.
Сберется ль в луг красавиц хоровод —
Он между ними невидимкой,
И по́д вечер он в сумраке поет
Любовь с пастушеской волынкой.
Я не видал его в стране родной,
Но с ним почувствовал разлуку,
Когда, в очах с прощальною слезой,
Я посох странника взял в руку.
Он вкруг меня в унынии шептал:
«Куда? не я ль тебя взлелеял?»
Он за рубеж отчизны провожал
И грустью на меня повеял.
Казалось мне, покинут детства друг,
Который вместе рос со мною.
Недаром же с тобой разлуку, добрый дух,
Зовут по Родине тоскою!

1823

Птичка

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

1827

Евгений Боратынский (1800—1844)

Дельвигу[899]

Так, любезный мой Гораций,[900]
Так, хоть рад, хотя не рад,
Но теперь я муз и граций
Променял на вахтпарад;[901]
Сыну милому Венеры,
Рощам Пафоса, Цитеры,
Приуныв, прости сказал;
Гордый лавр и мирт веселый[902]
Кивер воина тяжелый
На главе моей измял.
Строю нет в забытой лире,
Хладно день за днем идет,
И теперь меня в мундире
Гений мой не узнает!

---

[899] Адресовано близкому другу Боратынского поэту Антону Антоновичу Дельвигу (1798—1831), знакомство с которым состоялось в конце 1818 г. В Петербурге. В 1819 г. оба поэта поселились в одной квартире, о чем рассказывается в совместном стихотворении «Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком / Жили поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом. …». Дельвиг ответил Боратынскому посланием «К Евгению». Он содействовал продвижению в печать первых стихотворений Боратынского. Особенно значительна роль Дельвига в побуждении Боратынского к творчеству в печальный и критический момент его биографии.

[900] *Гораций Флакк Квинт* (65—8 г. до н. э.) — римский поэт, любитель сельского уединения.

[901] *Вахтпарад* — торжественная смена военного караула.

[902] *Лавр* символизирует поэзию, *мирт* — любовь.

Мне ли думать о куплетах?
За свирель… а тут беды!
Марс, затянутый в штиблетах,[903]
Обегает уж ряды;
Кличет ратников по-свойски.
О судьбы переворот!
Твой поэт летит геройски
Вместо Пинда — на развод.[904]

Вам, свободные пииты,
Петь, любить; меня же вряд
Иль камены, или хариты[905]
В карауле навестят.

Вольный баловень забавы,
Ты, которому дают
Говорливые дубравы
Поэтический приют,
Для кого в долине злачной,
Извиваясь, ключ прозрачный
Вдохновительно журчит,
Ты, кого зовут к свирели
Соловья живые трели,
Пой, любимец аонид![906]
В тихой, сладостной кручине
Слушать буду голос твой,
Как внимают на чужбине

[903] *Штиблеты* — мужские полуботинки на шнурках или с резинками по бокам.
[904] *Пинд* — горный хребет в Греции, на горах которого обитали Аполлон и музы (греч. миф.). *Развод* — здесь: смена военного караула.
[905] Т. е. не навестят ни музы, ни прекрасные девушки.
[906] *Аониды* — так называли муз по местности Аония (в Беотии) около горы Геликон.

Языку страны родной.

1819

Крылову[907]

Любви веселый проповедник,
Всегда любезный говорун,
Глубокомысленный шалун,
Назона[908] правнук и наследник!
Дана на время юность нам;
До рокового новоселья
Пожить не худо для веселья.
Товарищ милый, по рукам!
Наука счастья нам знакома,
Часы летят! — Скорей зови
Богиню милую любви!
Скорее ветреного Мома![909]
Альков уютный приготовь!
Наполни чаши золотые!
Изменят скоро дни младые,
Изменит скоро нам любовь!
Летящий миг лови украдкой, —
Игея,[910] Вакх еще с тобой!
Еще полна, друг милый мой,
Пред нами чаша жизни сладкой;

---

[907] Адресовано поэту Александру Абрамовичу Крылову (1793—1829), автору нескольких любовных элегий, привлекших к себе внимание публики.
[908] *Назон* — Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — ок. 18 г. н. э.) — римский поэт, автор «Науки любви» и «Любовных элегий».
[909] *Мом* — олицетворение злословия и насмешки; в мифе рассказывается, что Мом лопнул от злости, не найдя в Афродите никакого изъяна.
[910] *Игея* — богиня здоровья, дочь Эскулапа (рим. миф.).

Но смерть, быть может, сей же час
Ее с насмешкой опрокинет, —
И мигом в сердце кровь остынет,
И дом подземный скроет нас!

1820

Добрый совет
(Коншину)[911]

Живи смелей, товарищ мой,
Разнообразь досуг шутливый!
Люби, мечтай, пируй и пой,
Пренебреги молвы болтливой
И порицаньем и хвалой!
О, как безумна жажда славы!
Равно исчезнут в бездне лет
И годы шумные побед,
И миг незнаемый забавы!
Всех смертных ждет судьба одна:
Всех чередом поглотит Лета,
И филосóфа-болтуна,
И длинноусого корнета,[912]
И в молдаванке[913] шалуна,
И в рубище анахорета.
Познай же цену срочных[914] дней,
Лови пролетное мгновенье!

[911] Адресовано ротному командиру Боратынского, поэту Николаю Михайловичу Коншину (1794—1865).
[912] *Корнет* — (в царской армии) офицерский чин в кавалерии, равный подпоручику пехоты.
[913] *Молдаванка* — молдавская короткая приталенная женская куртка, кацавейка.
[914] *Срочный* — имеющий определенный, ограниченный срок, т. е. не вечный.

Исчезнет жизни сновиденье:
Кто был счастливей, был умней.
Будь дружен с музою моею,
Оставим мудрость мудрецам;
На что чиниться с жизнью нам,
Когда шутить мы можем с нею?

1820

Весна

(Элегия)

Мечты волшебные, вы скрылись от очей!
Сбылися времени угрозы!
Хладеет в сердце жизнь, и юности моей
Поблекли утренние розы!

Благоуханный май воскреснул на лугах,
И пробудилась Филомела,
И Флора милая на радужных крылах
К нам обновленная слетела.

Вотще! Не для меня долины и леса
Одушевились красотою,
И светлой радостью сияют небеса!
Я вяну, — вянет всё со мною!

О, где вы, призраки невозвратимых лет,
Богатство жизни — вера в счастье?
Где ты, младого дня пленительный рассвет?

Где ты, живое сладострастье?

В дыхании весны всё жизнь младую пьет
И негу тайного желанья!
Всё дышит радостью и, мнится, с кем-то ждет
Обетованного свиданья!

Лишь я как будто чужд природе и весне:
Часы крылатые мелькают;
Но радости принесть они не могут мне
И, мнится, мимо пролетают.

1820

Ропот

Он близок, близок день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя?
Не мне роптать; но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу,
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Всё мнится, счастлив я ошибкой,

И не к лицу веселье мне.

1820

Коншину

Пора покинуть, милый друг,
Знамена ветреной Киприды
И неизбежные обиды
Предупредить, пока досуг.
Чьих ожидать увещеваний!
Мы лишены старинных прав
На своеволие забав,
На своеволие желаний.
Уж отлетает век младой,
Уж сердце опытнее стало:
Теперь ни в чем, любезный мой,
Нам исступленье не пристало!
Оставим юным шалунам
Слепую жажду сладострастья;
Не упоения, а счастья
Искать для сердца должно нам.
Пресытясь буйным наслажденьем,
Пресытясь ласками цирцей,
Шепчу я часто с умиленьем
В тоске задумчивой моей:
Нельзя ль найти любви надежной?
Нельзя ль найти подруги нежной,
С кем мог бы в счастливой глуши
Предаться неге безмятежной

И чистым радостям души;
В чье неизменное участье
Беспечно веровал бы я,
Случится ль вёдро иль ненастье
На перепутьи бытия?
Где ж обреченная судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу?
Или с волненьем и тоскою
Ее напрасно я зову?
Или в печали одинокой
Я проведу остаток дней,
И тихий свет ее очей
Не озарит их тьмы глубокой,
Не озарит души моей!..

1820

Разлука

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя,
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

1820

Уныние

Рассеивает грусть пиров веселый шум.
Вчера, за чашей круговою,
Средь братьев полковых, в ней утопив мой ум,
Мечтал воскреснуть я душою.

Туман полуночный на холмы возлегал,
Шатры над озером дремали,
Лишь мы не знали сна — и пенистый бокал
С весельем буйным осушали.

Но что же? вне себя я тщетно жить хотел:
Вино и Вакха мы хвалили;
Но я безрадостно с друзьями радость пел:
Восторги их мне чужды были.

Того не приобресть, что сердцем не дано,
Рок злобный к нам ревниво злобен,
Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен!

1820

Эпилог

Чувствительны мне дружеские пени,[915]
Но искренне забыл я Геликон
И признаюсь: неприхотливой лени
Мне нравится приманчивый закон;
Охота петь уж не владеет мною:
Она прошла, погасла, как любовь.
Опять любить, играть струнами вновь
Желал бы я, но утомлен душою.
Иль жить нельзя отрадою иною?
С бездействием любезен мне союз;
Лелеемый счастливым усыпленьем,
Я не хочу притворным исступленьем
Обманывать ни юных дев, ни муз.

1820

* * *

Твой детский вызов мне приятен,
Но не желай моих стихов:
Немногим избранным понятен
Язык поэтов и богов.
Когда под звонкие напевы,
Под звук свирели плясовой,
Среди полей, рука с рукой,
Кружáтся юноши и девы,
Вмешавшись в резвый хоровод,
Хариты, ветреный Эрот,

[915] *Пени* — жалобы, укоры, сетования.

Дриады, фавны[916] пляшут с ними
И гонят прочь толпу забот
Воскликновеньями своими,
Поодаль музы между тем,
Таяся в сумраке дубравы,
Глядят, не зримые никем,
На их невинные забавы;
Но их собор в то время нем.
Певцу ли ветрено бесславить
Плоды возвышенных трудов
И легкомыслие забавить
Игрою гордою стихов?
И той нередко, чье воззренье[917]
Дарует лире вдохновенье,
Не поверяет он его;
Поет один, подобный в этом
Пчеле, которая со цветом
Не делит меда своего.

1820

Водопад

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

[916] *Фавн* — бог лесов и полей, покровитель стад и пастухов; *фавны* — веселые козлоногие существа, постоянные спутники Вакха (рим. миф.).
[917] Т. е. чей вид (чье воззренье — воззренье на кого, на которую).

Я слышу: свищет аквилон,[918]
Качает елию скрыпучей,
И с непогодою ревучей
Твой рев мятежный соглашен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный, стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

1820

Коншину

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
Не испытав его, нельзя понять и счастья:
Живой источник сладострастья

[918] *Аквилон* (лат.; греч. — *борей*) — сильный северный ветер.

Дарован в нем его сынам.
Одни ли радости отрадны и прелестны?
Одно ль веселье веселит?
Бездейственность души счастливцев тяготит;
Им силы жизни неизвестны.
Не нам завидовать ленивым чувствам их:
Что в дружбе ветреной, в любви однообразной
И в ощущениях слепых
Души рассеянной и праздной?
Счастливцы мнимые, способны ль вы понять
Участья нежного сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, как сладко поверять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны ль чувствовать, как дорог верный друг?
Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг,
Тот дорожит врачом душевным.
Что, что дает любовь веселым шалунам?
Забаву легкую, минутное забвенье;
В ней благо лучшее дано богами нам
И нужд живейших утоленье!
Как будет сладко, милый мой,
Поверить нежности чувствительной подруги —
Скажу ль? — все раны, все недуги,
Всё расслабление души твоей больной,
Забыв и свет, и рок суровый,
Желанья смутные в одно желанье слить
И на устах ее, в ее дыханье пить
Целебный воздух жизни новой!

Хвала всевидящим богам!
Пусть мнимым счастием для света мы убоги,
Счастливцы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

1820

Отъезд

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Где, дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Где солнце нехотя сияет,
Где сосен вечный шум,
И моря рев, и всё питает
Безумье мрачных дум;
Где, отлученный от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой;
Где, позабыт молвой гремучей,
Но всё душой пиит,
Своею музою летучей
Он не был позабыт!
Теперь, для сладкого свиданья,
Спешу к стране родной;
В воображеньи край изгнанья
Последует за мной:
И камней мшистые громады,

И вид полей нагих,
И вековые водопады,
И шум угрюмый их!
Я вспомню с тайным сладострастьем
Пустынную страну,
Где я в размолвке с тихим счастьем
Провел мою весну,
Но где порою, житель неба,
Наперекор судьбе,
Не изменил, питомец Феба,
Ни музам, ни себе.[919]

1820, сентябрь

Родина

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пускай другие чтут приличия законы;
Пускай другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастия, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.

[919] Написано в связи с отпуском. Уезжая в Петербург, Боратынский, по словам Н. М. Коншина, был убежден, что не воротится в Финляндию, но его надежды не сбылись (ему удалось выйти в отставку лишь в 1825 г.).

О дом отеческий! О край, всегда любимый!
Родные небеса! Незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой,
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.
Как в пристани пловец, испытанный ненастьем,
С улыбкой слушает, над бездною воссев,
И бури грозный свист, и волн мятежный рев,
Так, небо не моля о почестях и злате,
Спокойный домосед, в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.
Нет, нет, не отменю священного обета!
Пускай летит к шатрам бестрепетный герой;
Пускай кровавых битв любовник молодой
С волненьем учится, губя часы златые,
Науке размерять окопы боевые —
Я с детства полюбил сладчайшие[920] труды.
Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды,
Почтеннее меча; полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле.
Оратай, ветхих дней достигший над сохой,
В заботах сладостных наставник будет мой;
Мне дряхлого отца сыны трудолюбивы
Помогут утучнять наследственные нивы.
А ты, мой старый друг, мой верный доброхот,[921]

[920] Т. е. более сладкие, более отрадные.
[921] Имеется в виду воспитатель Боратынского итальянец Джачинто Боргезе (см. стихотворение «Дядьке итальянцу»).

Усердный пестун мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!
Ты поведешь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена;
Я сам, когда с небес роскошная весна
Повеет негою воскреснувшей природе,
С тяжелым заступом явлюся в огороде,
Приду с тобой садить коренья и цветы.
О подвиг благостный! Не тщетен будешь ты:
Богиня пажитей признательней Фортуны![922]
Для них безвестный век, для них свирель и струны;
Они доступны всем и мне за легкий труд
Плодами сочными обильно воздадут.
От гряд и заступа спешу к полям и плугу;
А там, где ручеек по бархатному лугу
Катúт задумчиво пустынные струи,
В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У брега насажу лесок уединенный,[923]
И липу свежую, и тополь осребренный;
В тени их отдохнет мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу.

1821

[922] По мысли Боратынского, богиня плодородия Церера более справедливо воздает людям за их труды, чем непостоянная богиня судьбы, случая и удачи Фортуна.
[923] Мечта Боратынского исполнилась много лет спустя (см. стихотворение «На посев леса»).

* * *

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея.[924]

Похищенной искрой созданье свое
Дерзнул оживить безрассудный;
Бессмертных он пре́зрел — и страшная казнь
Постигнула чад святотатства.

Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слепые рабы,
Рабы самовластного рока!
Земным ощущеньям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет.

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!..

Вотще! Мы надолго отвержены им!

---

[924] *Прометей* — титан, богоборец, создатель и защитник людей, для которых похитил огонь с Олимпа (греч. миф.). За это Зевс приказал приковать Прометея к скале, и прилетавший каждый день орел клевал его печень.

Сияет красою над нами,
На бренную землю беспечно оно
Торжественный свод опирает…

Но нам недоступно! Как алчный Тантал
Сгорает средь влаги прохладной,
Так, сердцем постигнув блаженнейший мир,
Томимся мы жаждою счастья.

1820

* * *

Когда неопытен я был,
У красоты самолюбивой,
Мечтатель слишком прихотливый,
Я за любовь любви молил;
Я трепетал в тоске желанья
У ног волшебниц молодых;
Но тщетно взор во взорах их
Искал ответа и узнанья!

Огонь утих в моей крови;
Покинув службу Купидона,
Я променял сады любви
На верх бесплодный Геликона.
Но светлый мир уныл и пуст,
Когда душе ничто не мило:
Руки пожатье заменило
Мне поцелуй прекрасных уст.

1821

Разуверение

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь,
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

1821

Две доли

Дало две доли Провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,

Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите, крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие,
И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие
Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный;
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.

Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов;

Так вы, согрев в душе желания,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,

Для боли новой прежних ран.

1821

Поцелуй

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой,
Мне снишься ты, мне снится наслажденье;
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

1822

Возвращение

На кровы ближнего селенья
Нисходит вечер, день погас.
Покинем рощу, где для нас
Часы летели как мгновенья!
Лель,[925] улыбнись, когда из ней
Случилось девице моей
Унесть во взорах пламень томный,
Мечту любви в душе своей
И в волосах листок нескромный.

[925925] *Лель* — славянский бог любви, покровитель пастухов и певцов (на деле же романтическая придумка русских поэтов).

1822

* * *

На звук цевницы голосистой,[926]
Толпой забав окружена,
Летит прекрасная весна;
Благоухает воздух чистый,
Земля воздвиглась ото сна.

Утихли вьюги и метели,
Текут потоками снега;
Опять в горах трубят рога,
Опять зефиры налетели
На обновленные луга.

Над урной мшистою наяда[927]
Проснулась в сумраке ветвей,
Стрясает инеи с кудрей,
И, разломав оковы хлада,
Заговорил ее ручей.

Восторги дух мой пробудили!
Звучат и блещут небеса;
Певцов пернатых голоса,
Пастушьи песни огласили
Долины, горы и леса.

---

[926] *Цевница* — здесь: свирель; духовой музыкальный инструмент; символ поэзии, поэтического дара.
[927] *Наяды* — нимфы вод (греч. миф.).

Лишь ты, увядшая Климена,[928]
Лишь ты, в печаль облечена,
Весны не празднуешь одна!
Тобою младости измена
Еще судьбе не прощена!

Унынье в грудь к тебе теснится,
Не видишь ты красы лугов.
О, если б щедростью богов
Могла ко смертным возвратиться
Пора любви с порой цветов!

1822, апрель

Размолвка

Мне о любви твердила ты шутя
И холодно сознаться можешь в этом.
Я исцелен; нет, нет, я не дитя!
Прости, я сам теперь знаком со светом.
Кого жалеть? печальней доля чья?
Кто отягчен утратою прямою?
Легко решить: любимым не был я;
Ты, может быть, была любима мною.

1822

[928] *Климена* — нимфа-океанида, обитающая в океане, дочь Океана; по одним мифам, жена Прометея, по другим — Феба (греч. миф.); условно-поэтическое имя.

Признание

Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты пра́ва, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.
Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной;
Кто знает? мнением сольюся я с толпой;
Подругу, без любви — кто знает? — изберу я.
На брак обдуманный я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,

Невинной, преданной, быть может, лучшим снам,
И назову ее моею;
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим:
Мы не сердца под брачными венцами,
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

1823

Н. И. Гнедичу

Нет! в одиночестве душой изнемогая
Средь каменных пустынь противного мне края,
Для лучших чувств души еще я не погиб,
Я не забыл тебя, почтенный Аристипп,[929]
И дружбу нежную, и русские Афины![930]
Не Вакховых пиров, не лобызаний Фрины,[931]

[929] *Аристипп* (435—360 гг. до н. э.) — древнегреческий философ; здесь: мудрец, свободный духом.
[930] *Русские Афины* — здесь: Петербург как центр культуры России.
[931] *Фрина* (IV в. до н. э.) — знаменитая древнегреческая гетера, возлюбленная мудрого афинского стратега Перикла.

В нескромной юности нескромно петых мной,
Не шумной суеты, прославленной толпой, —
Лишенье тяжко мне в краю, где финну нищу
Отчизна мертвая едва дарует пищу.
Нет, нет! мне тягостно отсутствие друзей,
Лишенье тягостно беседы мне твоей,
То наставительной, то сладостно отрадной:
В ней, сердцем жадный чувств, умом познаний жадный,
И сердцу и уму я пищу находил.

Счастливец! дни свои ты музам посвятил
И бодро действуешь прекрасные полвека
На поле умственных усилий человека;
Искусства нежные и деятельный труд
Твой независимый украсили приют.
Податель сердца — труд, искусства — наслажденья.

Еще не породив прямого просвещенья,
Избыток породил бездейственную лень.
На мир снотворную она нагна́ла тень,
И чадам роскоши, обремененным скукой,
Довольство бедности тягчайшей было мукой;
Искусства низошли на помощь к ним тогда;
Уже отвыкнувших от грубого труда
К трудам возвышенным они воспламенили
И праздность упражнять роскошно научили;
Быть может, счастием обязаны мы им.

Как беден, кто больной бездействием своим!
Занятья бодрого цены не постигает,

За часом час другой глазами провожает,
Скучает в городе и бедствует в глуши,
Употребления не ведая души,
И плачет, сонных дней снося насилу бремя,
Что жизни краткое в них слишком длится время.

Они в углу моем не длятся для меня.
Судьбу младенчески за строгость не виня
И взяв тебя в пример, поэзию, ученье
Призвал я украшать мое уединенье.
Леса угрюмые, громады мшистых гор,
Пришельца нового пугающие взор,
Свинцовых моря вод безбрежная равнина,
Напев томительный протяжных песен финна —
Не долго, помню я, в печальной стороне
Печаль холодную вливали в душу мне.

Я победил ее и не убит неволей,
Еще я бытия владею лучшей долей,
Я мыслю, чувствую: для духа нет оков;
То вопрошаю я предания веков,
Паденья, славы царств читаю в них причины,
Наставлен давнею превратностью судьбины,
Учусь покорствовать судьбине я моей;
То занят свойствами и нравами людей,
В их своевольные вникаю побужденья,
Слежу я сердца их сокрытые движенья
И разуму отчет стараюсь в сердце дать!
То вдохновение, Парнаса благодать,
Мне душу радует восторгами своими;

На миг обворожен, на миг обманут ими,
Дышу свободно я и, лиру взяв свою,
И дружбу, и любовь, и негу я пою.

Осмеливаясь петь, я помню преткновенья
Самолюбивого искусства песнопенья;
Но всякому свое, и мать племен людских,
Усердья полная ко благу чад своих,
Природа, каждого даря особой страстью,
Нам разные пути прокладывает к счастью:
Кто блеском почестей пленен в душе своей;
Кто создан для войны и любит стук мечей;
Любезны песни мне. Когда-то для забавы
Я, праздный, посетил Парнасские дубравы
И воды светлые Кастальского ручья;
Там к хорам чистых дев прислушивался я,
Там, очарованный, влюбился я в искусство
Другим передавать в согласных звуках чувство,
И, не страшась толпы взыскательных судей,
Я умереть хочу с любовию моей.

Так, скуку для себя считая бедством главным,
Я духа предаюсь порывам своенравным;
Так, без усилия ведет меня мой ум
От чувства к шалости, к мечтам от важных дум!
Но ни души моей восторги одиноки,
Ни любомудрия[932] полезные уроки,
Ни песни мирные, ни легкие мечты,
Воображения случайные цветы,

[932] *Любомудрие* — калька греческого слова «философия».

Среди глухих лесов и скал моих унылых
Не заменяют мне людей, для сердца милых,
И часто, грустию невольною объят,
Увидеть бы желал я пышный Петроград,
Вести желал бы вновь свой век непринужденный
В кругу детей искусств и неги просвещенной,
Апелла, Фидия[933] желал бы навещать,
С тобой желал бы я беседовать опять,
Муж, дарованьями, душою превосходный,
В стихах возвышенный и в сердце благородный!
За то не в первый раз взываю я к богам:
Свободу дайте мне — найду я счастье сам!

1823

Истина

О счастии с младенчества тоскуя,
Всё счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
В пустыне бытия?

Младые сны от сердца отлетели,
Не узнаю я свет;
Надежд своих лишен я прежней цели,
А новой цели нет.

«Безумен ты и все твои желанья», —

[933] *Апелл* (Апеллес; IV в. до н. э.) — древнегреческий живописец. *Фидий* (V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор.

Мне тайный голос рек;
И лучшие мечты моей созданья
Отвергнул я навек.

Но для чего души разуверенье
Свершилось не вполне?
Зачем же в ней слепое сожаленье
Живет о старине?

Так некогда обдумывал с роптаньем
Я тяжкий жребий свой,
Вдруг Истину (то было не мечтаньем)
Узрел перед собой.

«Светильник мой укажет путь ко счастью! —
Вещала. — Захочу —
И, страстного, отрадному бесстрастью
Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь
И ближних и друзей.

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой».

Я трепетал, словам ее внимая,

И горестно в ответ
Промолвил ей: «О гостья неземная!
Печален твой привет.

Светильник твой — светильник погребальный
Последних благ моих!
Твой мир, увы! могилы мир печальный
И страшен для живых.

Нет, я не твой! В твоей науке строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-как моей дорогой
Один я побреду.

Прости! иль нет: когда мое светило
Во звездной вышине
Начнет бледнеть и всё, что сердцу мило,
Забыть придется мне,

Явись тогда! Раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети,
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти».

1823

К…[934]

[934] Адресовано Аграфене Федоровне Закревской (1799—1879) — жене финляндского генерал-губернатора, известной своею красотой и бурной жизнью.

Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты!
В тоске душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Как Магдалина, плачешь ты,
И, как русалка, ты хохочешь!

1824

А. А. Воейковой[935]

Очарованье красоты
В тебе не страшно нам:
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;
От дольней жизни, как луна,
Манишь за край земной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной.

1824

Надпись

Взгляни на лик холодный сей,

[935] Обращено к Александре Андреевне Воейковой (1797—1829), жене поэта и журналиста А. Ф. Воейкова, воспетой Жуковским под именем Светланы.

Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.

1824

Звезда

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? Ранее встает,
Ярчей горит она?

Нет! утешает свет ее
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Она на небе чуть видна,
Но с думою глядит,
Но взору шлет ответный взор

И нежностью горит.

С нее в лазоревую ночь
Не сводим мы очес,
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверь
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ту назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлет ответный взор,
И нежностью горит.

1824

Песня

Когда взойдет денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир,

И славит всё существованья сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных,
Глядишь порой,
Глядишь и пьешь их томных взоров сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?

Страдаю я! Из-за дубравы дальной
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья в сладость!
Душе моей
Противен он! что прежде было в радость,
То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?
Обманчив он! знаком с его отравой
Я с давних пор.
Обманчив он! его живая сладость
В душе моей
Страшна теперь! что прежде было в радость,

То в муку ей.

1824—1825

Ожидание

Она придет! к ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье:
Мы ими счастию вредим
И сокращаем наслажденье.

1825

Стансы

В глуши лесов счастлив один,
Другой страдает на престоле;
На высоте земных судьбин
И в незаметной, низкой доле
Всех благ возможных тот достиг,
Кто дух судьбы своей постиг.

Мы все блаженствуем равно,
Но все блаженствуем различно;
Уделом нашим решено,

Как наслаждаться им прилично,
И кто нам лучший дал совет —
Иль Эпикур, иль Эпиктет?[936]

Меня тягчил печалей груз,
Но не упал я перед роком,
Нашел отраду в песнях муз
И в равнодушии высоком,
И светом пре́зренный удел
Облагородить я умел.

Хвала вам, боги! Предо мной
Вы оправдалися отныне!
Готов я с бодрою душой
На всё угодное судьбине,
И никогда сей лиры глас
Не оскорбит роптаньем вас!

1824

Дорога жизни

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас:

[936] *Эпикур* (341—270 гг. до н. э.) — греческий философ, учивший, что счастье состоит в наслаждении, достигаемом возвышенными чувствами и умственными интересами; впоследствии учение Эпикура вульгаризировали и превратили философа в проповедника чувственных удовольствий (эпикуреизм); в этом смысле имя Эпикура употреблено в стихотворении Боратынского.
Эпиктет (ок. 50 — ок. 138) — греческий философ-стоик, считавший, что, примиряясь со своей судьбой, человек отвергает внешние условия и достигает внутренней свободы, а следовательно, счастья.

Нас быстро годы почтовые[937]
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми путевые
Прогоны жизни платим мы.

1825

* * *

Не трогайте Парнасского пера,[938]
Не трогайте, пригожие вострушки!
Красавицам не много в нем добра,
И им Амур другие дал игрушки.[939]
Любовь ли вам оставить в забытьи
Для жалких рифм? Над рифмами смеются,
Уносят их летийские струи —
На пальчиках чернила остаются.

1826

Стансы[940]

Судьбой наложенные цепи[941]
Упали с рук моих, и вновь

[937] Имеется в виду езда «на почтовых» — со сменой лошадей на станциях (в противоположность езде «на долгих», т. е. на своих лошадях).
[938] *Парнас* — горный массив в Греции; место обитания Аполлона и муз (греч. миф.); сообщество поэтов.
[939] Игрушка здесь имеет неприличный смысл, так как отсылает к произведению «Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова» — знаменитому анонимному сборнику русской эротической, нецензурной поэзии XVIII века.
[940] Весной 1827 г. Боратынский вместе с женой и новорожденной дочерью посетил родовое имение Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии.
[941] *Судьбой наложенные цепи* — пребывание в Финляндии на положении рядового.

Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.

Степного неба свод желанный,
Степного воздуха струи,
На вас я в неге бездыханной
Остановил глаза мои.

Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой чаще —
Приют младенческих годов.

Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил
И наблюдал людское племя
И, наблюдая, восскорбил.

Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?..

Я братьев знал;[942] но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.[943]

---

[942] *Я братьев знал…* — Речь идет о декабристах: казненном К. Ф. Рылееве и ссыльных В. К. Кюхельбекере и А. А. Бестужеве.
[943] *Далече бедствуют иные, И в мире нет уже других.* — Перифраз пушкинского эпиграфа к поэме «Бахчисарайский фонтан», восходящего к персидскому поэту Саади; как впоследствии и у Пушкина

Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один.

Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах:
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках.

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищей[944] вселенной
Не буду помнить бытия.

Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей.

1827

Она

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;

(последняя строфа «Евгения Онегина»), намек на происшедшие исторические события. Текст эпиграфа: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече. *Сади*».

[944] *Урочище* — естественная граница, природная межа (напр.: река, лес, гора, овраг и т. п.); участок, местность, отличающаяся от окружающей какими нибудь естественными признаками, напр. лес среди поля, болото и т. п.

Есть что-то в ней над сердцем самовластней
Земной любви и прелести земной.

Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечет очарованье
К ее ногам и под защиту к ней.

Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты — и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.

Бредешь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой —
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

1827

Последняя смерть

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятья своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон:

Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Созданье ли болезненной мечты
Иль дерзкого ума соображенье,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуяся, подобно облакам,
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого.

Сначала мир явил мне дивный сад;
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,
Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Всё на земле движением дышало,
Всё на земле как будто ликовало.

Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода,
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов, и в высоте небес,
И в бездне вод, сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещенье!

Прошли века. Яснеть очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? что вновь открыто им?
Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольних благ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всесильным увлекало.

Желания земные позабыв,
Чуждаяся их грубого влеченья,
Душевных снов, высоких снов призыв

Им заменил другие побужденья,
И в полное владение свое
Фантазия взяла их бытие,
И умственной природе уступила
Телесная природа между них:
Их в эмпирей и в хаос уносила[945]
Живая мысль на крылиях своих;
Но по земле с трудом они ступали,
И браки их бесплодны пребывали.

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерь по суше, по водáм,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? скрывалися в гробах!
Как древние столпы на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям заглохнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье;
Мне слышалось их гладное блея́нье.

И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор[946]

[945] *Эмпирей* — небесная высь, местопребывание богов (греч. миф). *Хаос* — мрачная, туманная бездна, из которой был сотворен мир (греч. миф.).
[946] *Позор* — зрелище.

Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло,
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло.
Один туман над ней, синея, вился
И жертвою чистительной дымился.

1827

Смерть

Тебя из тьмы не изведу я,
О смерть! и, детскою мечтой
Гробовый стан тебе даруя,
Не ополчу тебя косой.

Ты дочь верховного Эфира,
Ты светозарная краса,
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое храненье Всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
Согласье прям его лия,
И в нем прохладным дуновеньем

Смиряя буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на брега свои бегущий,
Вспять повращаешь океан.

Даешь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл безмерный лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принужденье —
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.

1828

Деревня

Люблю деревню я и лето:
И говор вод, и тень дубров,
И благовоние цветов;
Какой душе не мило это?
Быть так, прощаю комаров!
Но признаюсь — пустыни житель,
Покой пустынный в ней любя,
Комар двуногий, гость-мучитель,
Нет, не прощаю я тебя!

1828

Бесенок

Слыхал я, добрые друзья,
Что наши прадеды в печали,
Бывало, беса призывали;
Им подражаю в этом я.
Но не пугайтесь: подружился
Я не с проклятым сатаной,
Кому душою поклонился
За деньги старый Громобой;[947]
Узнайте: ласковый бесенок
Меня младенцем навещал
И колыбель мою качал
Под шепот легких побасенок.
С тех пор я вышел из пеленок,

[947] *Громобой* — персонаж баллады Жуковского «Двенадцать спящих дев», продавший душу дьяволу Асмодею.

Между мужами возмужал,
Но для него еще ребенок.
Случится ль горе иль беда,
Иль безотчетно иногда
Сгрустнется мне в моей конурке —
Махну рукой: по старине
На сером волке, сивке-бурке
Он мигом явится ко мне.
Больному духу здравьем свистнет,
Бобами думу разведет,
Живой водой веселье вспрыснет,
А горе мертвою зальет.
Когда в задумчивом совете
С самим собой из-за угла
Гляжу на свет и, видя в свете
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильем сверженный закон,
Я слабым сердцем возмущен;
Проворно шапку-невидимку
На шар земной набросит он;
Или, в мгновение зеницы,
Чудесный коврик-самолет
Он подо мною развернет,
И коврик тот в сады жар-птицы,
В чертоги дивной царь-девицы
Меня по воздуху несет.
Прощай, владенье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я от твоей бездушной пыли

Уже за тридевять земель.

1828

Из А. Шенье[948]

Под бурею судеб, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытия,
Нести ярмо мое утрачивая силу,
Гляжу с отрадою на близкую могилу,
Приветствую ее, покой ее люблю,
И цепи отряхнуть я сам себя молю.
Но вскоре мнимая решимость позабыта,
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мне; и ближние, друзья,
Мое грядущее, и молодость моя,
И обещания в груди сокрытой музы —
Всё обольстительно скрепляет жизни узы,
И далеко ищу, как жребий мой ни строг,
Я жить и бедствовать услужливый предлог.

1828

Уверение

Нет, обманула вас молва:
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.

[948] Сокращенный перевод элегии Андре Шенье «O nécessité dure! O pesant esclavage».

Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца.

1828

* * *

Не подражай: своеобразен гений
И собственным величием велик;
Доратов[949] ли, Шекспиров ли двойник,
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он![950]
Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,[951]
Я думаю: поклонник униженный!
Восстань, восстань и вспомни: сам ты бог!

1828

* * *

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое

[949] Кто имеется в виду под фамилией Дорат, точно не установлено; одни комментаторы полагают, что речь идет о французском поэте, современнике Шекспира, Жане Дорате (1508—1588), другие называют имя Клода Жозефа Дора (1734—1780).
[950] Имеется в виду заповедь «Не сотвори себе кумира», данная Богом народу Израиля (Библия, Исход, 20,4).
[951] В 1828 г. вышла поэма Адама Мицкевича «Конрад Валленрод», отмеченная сильным влиянием Байрона; выходом поэмы и вызвана эпиграмма Боратынского.

Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

1828

Подражателям

Когда печалью вдохновенный
Певец печаль свою поет,
Скажите: отзыв умиленный
В каком он сердце не найдет?
Кто, вековых проклятий жаден,
Дерзнет осмеивать ее?
Но для притворства всякий хладен,
Плач подражательный досаден,
Смешно жеманное вытье!
Не напряженного мечтанья
Огнем услужливым согрет,
Постигнул таинства страданья
Душемутительный поэт.
В борьбе с тяжелою судьбою
Познал он меру вышних сил,
Сердечных судорог ценою
Он выраженье их купил.
И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружен,

И чтим земными племенами,
Подобно мученику, он.
А ваша муза площадная,
Тоской заемною мечтая
Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
С чужим ребенком на руках.

1829

* * *

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков;
Но лишь ветр его коснется,
Он исчезнет без следов.
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

1829

Муза

Не ослеплен я музою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.

Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едким осужденьем,
Ее почтит небрежной похвалой.

1829

* * *

Хотя ты малый молодой,
Но пожилую мудрость кажешь:
Ты слова лишнего не скажешь
В беседе самой распашной;
Приязни глупой с первым встречным
Ты сгоряча не заведешь,
К ногам вертушки не падешь
Ты пастушком простосердечным;
Воздержным голосом твоим
Никто крикливо не хвалим,
Никто сердито не осужен.
Всем этим хвастать не спеши:
Не редкий ум на это нужен,
Довольно дюжинной души.

1830

* * *

Где сладкий шепот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зимы
Покрыл холмы,
Луга и долы.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Всё цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушуя, воет
И небо кроет
Седою мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёт?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно дает.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий

Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

О Провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

1831

* * *

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал:
Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотел.

1831

* * *

Бывало, отрок, звонким кликом

Лесное эхо я будил,
И верный отклик в лесе диком
Меня смятенно веселил.
Пора другая наступила,
И рифма юношу пленила,
Лесное эхо заменя.
Игра стихов, играя златая!
Как звуки, звукам отвечая,
Бывало, нежили меня!
Но всё проходит. Остываю
Я и к гармонии стихов —
И как дубров не окликаю,
Так не ищу созвучных слов.

1831

Н. М. Языкову[952]

Языков, буйства молодого
Певец роскошный и лихой!
По воле случая слепого
Я познакомился с тобой[953]
В те осмотрительные лета,
Когда смиренная диета
Нужна здоровью моему,
Когда и тошный опыт света
Меня наставил кой-чему,

[952] Адресат послания — поэт Николай Михайлович Языков (1803—1846), с которым Боратынский сблизился в конце 1820-х годов. Посылая стихотворение Н.М. Языкову, Боратынский сопроводил его словами: «Вот тебе, милый Языков, несколько нескладных рифм, которые, однако ж, показывают, что я о тебе думал».
[953] *Я познакомился с тобой*... — В стихотворении речь идет не о знакомстве, которое состоялось 12 июня 1824 г., а о дружеском сближении, которое произошло после переезда Языкова в Москву в 1829 г.

Когда, от бурных увлечений
Желанным отдыхом дыша,
Для благочинных размышлений
Созрела томная душа;
Но я люблю восторг удалый,
Разгульный жар твоих стихов.
Дай руку мне: ты славный малый,
Ты в цвете жизни, ты здоров;
И неумеренную радость,
Счастливец, славить ты в правах;
Звучит лирическая младость
В твоих лирических грехах.
Не буду строгим моралистом
Или бездушным журналистом;
Приходит всё своим чредом:
Послушный голосу природы,
Предупредить не должен годы
Ты педантическим пером;
Другого счастия поэтом
Ты позже будешь, милый мой,
И сам искупишь перед светом
Проказы музы молодой.

1831

* * *

Своенравное прозванье
Дал я милой в ласку ей:
Безотчетное созданье

Детской нежности моей;
Чуждо явного значенья,
Для меня оно симво́л
Чувств, которых выраженья
В языках я не нашел.
Вспыхнув полною любовью
И любви посвящено,
Не хочу, чтоб суесловью
Было ведомо оно.
Что в нем свету? Но сомненье
Если дух ей возмутит,
О, его в одно мгновенье
Это имя победит;
Но в том мире, за могилой,
Где нет образов, где нет
Для узнанья, друг мой милой,
Здешних чувственных примет,
Им бессмертье я привечу,
Им в тебе воскликну я,
И душе моей навстречу
Полетит душа твоя.[954]

1829—1832

* * *

К чему невольнику мечтания свободы?

[954] Обращено к жене поэта Анастасии (Настасье) Львовне Боратынской. Как отметил М. Л. Гофман, в домашнем быту «своенравное прозванье» «переводится на язык прозы словом “Попинька”». Этим именем Боратынский называл Настасью Львовну в письмах.

Взгляни: безропотно текут речные воды
В указанных брегах, по склону их русла́;
Ель величавая стоит, где возросла,
Невластная сойти. Небесные светила
Назначенным путем неведомая сила
Влечет. Бродячий ветр не волен, и закон
Его летучему дыханью положён.
Уделу своему и мы покорны будем,
Мятежные мечты смирим иль позабудем;
Рабы разумные, послушно согласим
Свои желания со жребием своим —
И будет счастлива, спокойна наша доля.
Безумец! не она ль, не вышняя ли воля
Дарует страсти нам? и не ее ли глас
В их гласе слышим мы? О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втесненная судьбою.

1831—1832

* * *

Наслаждайтесь: всё проходит!
То благой, то строгий к нам,
Своенравно рок приводит
Нас к утехам и к бедам.
Чужд он долгого пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красы,
На лету ловите счастья

Ненадежные часы.

Не ропщите: всё проходит
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.
И веселью и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле.

1832

* * *

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня,
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?
Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму,
И пробужденным вдохновеньем
Природу снова обниму?

Вотще ль мольбы? напрасны ль пени?

Увижу ль снова ваши сени,
Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, ее светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла,
И, легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.

1831—1832

* * *

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице[955] своей.

1831—1832

* * *[956]

[955] *Причастник* — тот, кто принимает причастие; участник чего-либо.
[956] Навеяно воспоминаниями о посещениях в 1826 г. подмосковного имения Мураново, принадлежавшего генерал-лейтенанту Льву Николаевичу Энгельгардту (1766—1836), на дочери которого был женат Боратынский. С 1836 г., после смерти Л. Н. Энгельгардта, управление имением перешло к Боратынскому. По его проекту был построен дом. Н. А. Обухова (великая певица) вспоминала: «Бабушка часто рассказывала нам, как он любил родину, русскую природу и как увлекался хозяйством. <…> Мой дед проявлял живейший интерес к земледелию, садоводству, огородничеству, занимался устройством лесопилки у себя в деревне».

Есть милая страна, есть угол на земле,
Куда, где б ни были: средь буйственного стана,
В садах Армидиных,[957] на быстром корабле,
Браздящем весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей,
Где, чужды низменных страстей,
Житейским подвигам предел мы назначаем,
Где мир надеемся забыть когда-нибудь
И вежды старые сомкнуть
Последним, вечным сном желаем.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Я помню ясный, чистый пруд;
Под сению берез ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут;
Светлея нивами меж рощ своих волнистых;
За ним встает гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг широкой,
А там счастливый дом… туда душа летит,
Там не хладел бы я и в старости глубокой!
Там сердце томное, больное обрело

[957] *В садах Армидиных…* — здесь: в сетях любви. *Армида* — волшебница из поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» — очаровала своего возлюбленного Ринальдо в саду.

Ответ на всё, что в нем горело,
И снова для любви, для дружбы расцвело
И счастье вновь уразумело.
Зачем же томный вздох и слезы на глазах?
Она, с болезненным румянцем на щеках,
Она, которой нет, мелькнула предо мною.[958]
Почий, почий легко под дерном гробовым:
Воспоминанием живым
Не разлучимся мы с тобою!
Мы плачем… но прости! Печаль любви сладка,
Отрадны слезы сожаленья!
Не то холодная, суровая тоска,
Сухая скорбь разуверенья.

1831—1832

* * *

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

[958] *Она, которой нет…* — Речь идет о Наталье Львовне Энгельгардт, свояченице Боратынского, умершей от чахотки в 1826 г.

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поет
Заздравный[959] гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радует ее
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нем
Забвенье мысли пьет,
Кого далёко от нее
Он, дивный, унесет!

[959] *Заздравный* — относящийся к пожеланью кому-либо здравия, многолетия, благополучия.

1831—1832

На смерть Гёте

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане[960] совершил
В пределе земном всё земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения череп — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На всё отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Всё дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упованья.
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал;
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,

[960] *Зане́* — потому что, ибо.

И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведан, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего:
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзывах сполна
Всё дольное долу отдавший,
К Предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

1832

Запустение[961]

Я посетил тебя, пленительная сень,
Не в дни веселые живительного мая,
Когда, зелеными ветвями помавая,
Манишь ты путника в свою густую тень,
Когда ты веешь ароматом
Тобою бережно взлелеянных цветов, —

[961] Навеяно воспоминаниями о посещении осенью 1833 г. родового имения Мара Тамбовской губернии, где Боратынский родился и где провел детские годы.

Под очарованный твой кров
Замедлил я моим возвратом.
В осенней наготе стояли дерева
И неприветливо чернели;
Хрустела под ногой замерзлая трава,
И листья мертвые, волнуяся, шумели;
С прохладой резкою дышал
В лицо мне запах увяданья;
Но не весеннего убранства я искал,
А прошлых лет воспоминанья.
Душой задумчивый, медлительно я шел
С годов младенческих знакомыми тропами;
Художник опытный их некогда провел.
Увы! рука его изглажена годами!
Стези заглохшие, мечтаешь, пешеход
Случайно протоптал. Сошел я в дол заветный,
Дол, первых дум моих лелеятель приветный!
Пруда знакомого искал красивых вод,
Искал прыгучих вод мне памятной каскады;
Там, думал я, к душе моей
Толпою полетят виденья прежних дней…
Вотще! лишенные хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Их ложе поросло травою,
Приют хозяйственный в нем улья обрели,
И легкая тропа исчезла предо мною,
Ни в чем знакомого мой взор не обретал!
Но вот по-прежнему, лесистым косогором,
Дорожка смелая ведет меня… обвал
Вдруг поглотил ее… Я стал

И глубь нежданную измерил грустным взором,
С недоумением искал другой тропы.
Иду я: где беседка тлеет
И в прахе перед ней лежат ее столпы,
Где остов мостика дряхлеет.
И ты, величественный грот,
Тяжело-каменный, постигнут разрушеньем,
И угрожает уж паденьем,
Бывало, в летний зной, прохлады полный свод!
Что ж? пусть минувшее минуло сном летучим!
Еще прекрасен ты, заглохший Элизей,
И обаянием могучим
Исполнен для души моей.
Он не был мыслию, он не был сердцем хладен,[962]
Тот, кто, глубокой неги жаден,
Их своенравный бег тропам сим указал,
Кто, преклоняя слух к мечтательному шуму
Сих кленов, сих дубов, в душе своей питал
Ему сочувственную думу.
Давно кругом меня о нем умолкнул слух,
Прияла прах его далекая могила,[963]
Мне память образа его не сохранила,
Но здесь еще живет его доступный дух;
Здесь, друг мечтанья и природы,
Я познаю его вполне:
Он вдохновением волнуется во мне,
Он славить мне велит леса, долины, воды;

[962] Речь идет об отце поэта, генерал-лейтенанте Абраме Андреевиче Боратынском (1767/68—1810); имение Мара было пожаловано ему Павлом I в 1796 г. Поселившись там после отставки, он превратил Мару в цветущую усадьбу, проявив при этом большой вкус и чувство изящного. По проектам А. А. Боратынского в саду были сооружены беседки, мостики, гроты, каскады, проложены аллеи и тропы.
[963] Отец поэта умер в Москве и похоронен в Спасо-Андрониковом монастыре.

Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную[964] весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень, священную мне, встречу.

1833

Последний поэт

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,[965]
Собрала свои народы
И столицы подняла;
В ней опять цветут науки,
Носит понт[966] торговли груз,
Но не слышны лиры звуки

[964] *Несрочный* — вечный (не имеющий временного ограничения — срока).
[965] Речь идет о современной поэту Греции, сбросившей турецкое иго в 1830 г. и ставшей самостоятельным государством.
[966] *Понт (греч.)* — море.

В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, брега лазурных рек.
Цветет Парнас! пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;
Нежданный сын последних сил природы —
Возник поэт: идет он и поет.

Воспевает, простодушный,
Он любовь и красоту
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнанья
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урании холодной[967]
Поет, увы! он благодать страстей;
Как пажити Эол[968] бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подъемлется от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.

[967] *Урания* — эпитет Афродиты как олицетворения чистой, возвышенной любви; муза астрономии (греч. миф.).
[968] *Эол* — бог ветра, повелитель ветров, выпускающий ветра из своих мехов (греч. миф.).

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Бодрым сердцем покоримся
Думам робким, а не им!
Верьте сладким убежденьям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста, вещать полуотверсты,
Но гордыя главы не преклонил:
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Уж праздного вертепа не являет,[969]
И на земле уединенья нет!

Человеку непокорно
Море синее одно,
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;
И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.

Оно шумит перед скалой Левкада.

[969] Т. е. в мире уже нет свободного пространства.

На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит… в очах блеснула вдруг отрада;
Сия скала… тень Сафо!.. песни волн…
Где погребла любовница Фаона[970]
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребет питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!

И по-прежнему блистает
Хладной роскошию свет;
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

1835

Недоносок

Я из племени духóв,
Но не житель Эмпирея,[971]
И, едва до облаков
Возлетев, паду, слабея.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,

[970] *Сафо* (конец VII — VI вв. до н. э.) — древнегреческая поэтесса с острова Лесбос. По преданию, была безнадежно влюблена в Фаона и, когда он переселился в Сицилию, покончила с собой, бросившись в море с Левкадской скалы.
[971] *Эмпирей* — высшее небо, озаренное невещественным светом; обиталище богов в античной мифологии и ангелов, блаженных душ — в христианской.

И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Блещет солнце — радость мне!
С животворными лучами
Я играю в вышине
И веселыми крылами
Ластюсь к ним, как облачкó;
Пью счастливо воздух тонкой,
Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревет
И до облак, свод небесный
Омрачивши, вознесет
Прах земной и лист древесный:
Бедный дух! ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьет, крутúт меня, как пух,
Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный! вихорь жгучий!
Бьет меня древесный лист,
Удушает прах летучий!
Обращусь ли к небесам,
Оглянуся ли на землю —
Грозно, черно тут и там;
Вопль унылый я подъемлю.

Смутно слышу я порой
Клик враждующих народов,
Поселян беспечных вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца…
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных — скорби тесных!
В тучу прячусь я и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу… На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

1835

Бокал

Полный влагой искрометной,
Зашипел ты, мой бокал!
И покрыл туман приветный
Твой озябнувший кристалл…
Ты не встречен братьей шумной,
Буйных оргий властелин, —
Сластолюбец вольнодумный,
Я сегодня пью один.

Чем душа моя богата,
Всё твое, о друг Аи![972]
Ныне мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не рассеян данник твой
Бестолково оживленной,
Разногласною толпой.

Мой восторг неосторожный
Не обидит никого;
Не откроет дружбе ложной
Таин счастья моего;
Не смутит глупцов ревнивых
И торжественных невежд
Излияньем горделивых
Иль святых моих надежд!

Вот теперь со мной беседуй,

[972] *Аи* — марка шампанского.

Своенравная струя!
Упоенья проповедуй
Иль отравы бытия;
Сердцу милые преданья
Благодатно оживи
Или прошлые страданья
Мне на память призови!

О бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой;
Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!
Не в людском шуму пророк —
В немотству́ющей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченьи
Общежительных страстей —
В одиноком упоеньи
Мгла падет с его очей!

1836

Осень

1

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зерцале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вкруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоет роща, дол
Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!

Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убеленных,
Своих дубров и хóлмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов сбирает;
Сметав в стога скошённый злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрыпящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, Зима! на строги дни себе
Припас оратай много блага:

Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовится подать свои плоды
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее сбираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты, —

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял…
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья!..
Увы! мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошел, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушён.

9

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник,
Вполне торжественный и дикой, —
Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!

Спеши, хозяин тароватый![973]
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блистает он!.. Но вкус один во всех
И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревращенье —
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум бесполезный сердца трепет
Угомонит и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ее предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,

[973] *Тароватый* — щедрый.

Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновленным,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примиренным,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний[974] не понят был тобой, —

13

Пред Промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утоленным разуменьем, —
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная,[975] она
Нам на земле не для земли дана.

14

Вот буйственно несется ураган,
И лес подъемлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит

[974] *Превыспренний* — очень приподнятый, торжественный.
[975] Т. е. небесная или земная.

Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзы́ва тот глагол,
Что страстное земное[976] перешел.

15

Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть замени́т ее другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой —
Все образы годины бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей, —
Перед тобой таков отныне свет,

[976] Т. е. земное, подверженное страстям.

Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

1837

Приметы

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъемля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним:
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий…
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

1839

* * *

Были бури, непогоды,
Да младые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;

Вольной песнью разольется,
Скорбь-невзгода распоется!

А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой,

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый,

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

1839

* * *

Толпе тревожный день приветен, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится в ней она
Раскованной мечты видений своевольных.
Не легкокрылых грез, детей волшебной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных.[977]

Ощупай возмущенный мрак —
Исчезнет, с пустотой сольется
Тебя пугающий призрак,
И заблужденью чувств твой ужас улыбнется.

О сын фантазии! ты благодатных фей
Счастливый баловень, и там, в заочном мире,
Веселый семьянин, привычный гость на пире
Неосязаемых властей!
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:

Ей исполинский вид дает твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духóв откроются врата.

1839

[977] *Юдоль* — первонач. долина, а затем преим. в выражениях: земная юдоль, сия юдоль и т. п. — жизненный путь, жизнь, с ее заботами и печалями.

Обеды

Я не люблю хвастливые обеды,[978]
Где сто обжор, не ведая беседы,
Жуют и спят. К чему такой содом?
Хотите ли, чтоб ум, воображенье
Привел обед в счастливое броженье,
Чтоб дух играл с играющим вином,
Как знатоки Эллады завещали?
Старайтеся, чтоб гости за столом,
Не менее харит своим числом,
Числа камен у вас не превышали.[979]

1839

Мудрецу

Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой.
Нам, из ничтожества[980] вызванным творчества словом тревожным,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье — одно.

Тот, кого миновали общие смуты, заботу
Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец;
Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя,
Первым стенаньем качать нудит свою колыбель!

1840

---

[978] Т. е. обеды, с помощью которых хозяин показывает свои богатство и роскошь.
[979] *Харит* (богинь красоты и изящества) было три, *камен* (муз) — девять (греч. миф.).
[980] Т. е. из небытия.

* * *

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужны ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

1840

* * *

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,

И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

1840

Рифма

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов
Народа, жадного восторгов мусикийских;[981]
В нем вера полная в сочувствие жила,
Свободным и широким метром,
Как жатва, зыблемая ветром,
Его гармония текла.
Толпа вниманием окована была,
Пока, могучим сотрясеньем
Вдруг побежденная, плескала без конца[982]
И струны звучные певца
Дарила новым вдохновеньем,

Когда на греческий амвон,[983]
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил и славословил он

[981] *Мусикийские* — музыкальные, поэтические.
[982] *Плескала* — рукоплескала.
[983] *Амвон* — возвышенное или поднятое место для проповедника, сказателя речи.

Или оплакивал народную фортуну[984]
И устремлялися все взоры на него,
И силой слова своего
Вития[985] властвовал народным произволом:
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит бог
Его торжественным глаголом.
А ныне кто у наших лир
Их дружелюбной тайны просит?
Кого за нами в горний мир[986]
Опальный голос их уносит?
Меж нас не ведает поэт,
Его полет высок иль нет!

Сам судия и подсудимый
Пусть молвит: песнопевца жар
Смешной недуг иль высший дар?
Решит вопрос неразрешимый!
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного брега,
Живую ветвь приносишь ты;[987]

---

[984] Сцена навеяна рассказом древнегреческого историка Фукидида о чтении на Олимпийских играх своей истории Геродотом (историка у Боратынского заменили оратор и поэт). *Народную фортуну…* — здесь: судьбу, участь.
[985] *Вития* — оратор, красноречивый человек.
[986] *Горний мир* — небесный, возвышенный.
[987] Имеется в виду библейский рассказ о голубе, которого Ной во время всемирного потопа выпустил из ковчега. «Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Книга Бытие, 8, 11).

Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты!

1840

Скульптор

Глубокий взор вперив на камень,
Художник нимфу в нем прозрел,
И пробежал по жилам пламень,
И к ней он сердцем полетел.

Но, бесконечно вожделенный,
Уже он властвует собой:
Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.

В заботе сладостно-туманной
Не час, не день, не год уйдет,
А с предугаданной, с желанной
Покров последний не падет,

Покуда, страсть уразумея
Под лаской вкрадчивой резца,
Ответным взором Галатея
Не увлечет, желаньем рдея,

К победе неги мудреца.[988]

1841

На посев леса[989]

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей младой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольный мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг[990] земли не перешел пиит, —
К ее сынам еще взывает лира.

Велик Господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает Он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

[988] Имеется в виду греческий миф о статуе морской нимфы Галатеи, изваянной скульптором Пигмалионом, ожившей и ставшей его возлюбленной.
[989] В стихотворении отражен факт биографии поэта: осенью (а не весной, как в стихотворении) 1842 г. Боратынский сажал деревья в мурановской роще. Этим биографическим эпизодом навеяно стихотворение, в котором явственны глухие намеки на вражду недавних друзей.
[990] *Праг* — порог.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый;
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой![991]

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ[992] другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети!

1842

* * *

Люблю я вас, богини пенья,

---

[991] Имеется в виду библейское выражение: «Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил» (Псалтирь, пс. 7, 16). Поясняя это выражение и смысл всего стихотворения, П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту: «У Боратынского “сокрытый ров” означает намек на разные пакости, которые в Москве делали ему юные литераторы, злобствуя, что он не делит их дурачеств. <…> “Свои рога” есть живописное изображение глупца в виде рогато скотины. Все последние четыре стиха оттого непонятны, что я не припечатал объяснения, бывшего в подлиннике. Боратынский это писал, насадивши дубов и елей, которую и называет здесь дитятей поэзии таинственных скорбей, выражая последними словами мрачное расположение души своей, в каком он занимался и до которого довели его враги литературные».

[992] *Хрящ* — здесь: почва, поприще.

Но ваш чарующий находˏ
Сей сладкий трепет вдохновенья, —
Предтечей жизненных невзгод.

Любовь камен с враждой Фортуны —
Одно. Молчу! Боюся я,
Чтоб пе́рсты, падшие на струны,
Не пробудили вновь перуны,
В которых спит судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
От музы, ласковой ко мне.
И говорю: до завтра, звуки!
Пусть день угаснет в тишине!

1842

* * *

Когда твой голос, о поэт,
Смерть в высших звуках остановит,
Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит, —

Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзыв гибели твоей
Стесненной грудию восстонет,

И тихий гроб твой посетит,

И, над умолкшей Аонидой
Рыдая, пепел твой почтит
Нелицемерной панихидой?

Никто! — но сложится певцу
Канон намеднишним зоилом,
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадилом.[993]

1842

Молитва

Царь небес! успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенье пошли,
И на строгий твой рай
Силы сердцу подай.

1842—1844

* * *[994]

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья,

[993] В этих словах Боратынский имел в виду современную ему критику, которая в середине 1830-х годов при жизни Пушкина неодобрительно отзывалась о его творчестве, а после гибели стала хвалить на все лады, одновременно используя похвалу Пушкину как хулу на живых поэтов, в том числе Боратынского, и преследуя их несправедливыми оценками.
[994] Обращено к жене поэта, Анастасии Львовне Боратынской.

В нем таинство печали полюбя.

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою;
Рай зрела в нем чудесная любовь.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

1843—1844

Пироскаф[995]

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан.
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роют волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами
Белая, рея меж вод и небес.

[995] Написано на пароходе во время морского переезда из Марселя (Франция) в Италию, но опубликовано уже после смерти поэта. *Пироскаф (греч.)* — пароход.

Только вдали, океана жилица,
Чайке подобна, вод его птица,
Парус развив, как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбачья качается в море, —
С брегом набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская,
Пеною здравия брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до брега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду;[996] мне жребий благой
Емлет[997] она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,[998]
Завтра увижу Элизий земной![999]

---

[996] *Фетида* — морская богиня (греч. миф.)
[997] *Емлет* — берет — устаревшая форма глагола *имати* (брать, хватать) в 3-м лице единственного числа.
[998] *Ливурна* — Ливорно, порт в Италии.
[999] Т. е. земной рай.

1844

Дядьке итальянцу[1000]

Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой,
Янтарный виноград, лимон ее златой
Тревожно бросивший, корыстью уязвленный,
И в край, суровый край, снегами покровенный,
Приставший с выбором загадочных картин,[1001]
Где что-то различал и видел ты один!
Прости наш здравый смысл, прости, мы та из наций,
Где брату вашему всех меньше спекуляций.
Никто их не купил. Вздохнул, оставил ты
В глушь севера тебя привлекшие мечты;
Зато воскрес в тебе сей ум, на всё пригодный,
Твой итальянский ум, и с нашим очень сходный!
Ты счастлив был, когда тебе кое-что дал
Почтенный, для тебя богатый генерал,[1002]
Чтоб, в силу строгого с тобою договора,
Имел я благодать нерусского надзора.
Благодаря богов, с тобой за этим вслед
Друг другу не были мы чужды двадцать лет.

Москва нас приняла, расставшихся с деревней.[1003]
Ты был вожатый мой в столице нашей древней.

[1000] Последнее стихотворение Боратынского (29 июня 1844 г. он скончался). Посвящено памяти покойного воспитателя и домашнего учителя Боратынского в детские годы (с 1805 г.) Жьячинто (Джачинто) Боргезе. Джачинто Боргезе эмигрировал из Неаполя после падения республики (1799).
[1001] Из Неаполя Боргезе тайно вывез в Россию несколько картин, которые пытался продать русским богачам, но картины не имели спроса.
[1002] Абрам Андреевич Боратынский, отец поэта.
[1003] В 1808 г. Боратынские переселились из Мары в Москву.

Всех макаронщиков тогда узнал я в ней,[1004]
Ментóра[1005] моего полуденных друзей.
Увы! оставив там могилу дорогую,
Опять увидели мы вотчину степную,[1006]
Где волею небес узнал я бытие,
О сын Авзонии,[1007] для бурь, как ты свое,
Но где, хотя вдали твоей отчизны знойной,
Ты мирный кров обрел, а позже гроб спокойный.

Ты полюбил тебя призревшую семью
И, с жизнию ее сливая жизнь свою,
Ее событьями в глуши чужого края
Былого своего преданья заглушая,
Безропотно сносил морозы наших зим;
В наш краткий летний жар тобою был любим
Овраг под сению дубов прохладовейных,
Участник наших слез и праздников семейных,
В дни траура главой седой ты поникал;
Но ускорял шаги и членами дрожал,
Как в утро зимнее, порой, с пределов света,
Питомца твоего, недавнего корнета,
К коленам матери кибитка принесет
И скорбный взор ее минутно оживет.

Но что! радушному пределу благодарный,
Нет! ты не забывал отчизны лучезарной!

[1004] Т. е. познакомился со всей итальянской колонией в Москве.
[1005] *Ме́нтор* — друг Одиссея, воспитатель его сына Телемаха (греч. миф.); наставник юношества; в ироническом смысле — назидательный советник.
[1006] Имеется в виду могила отца: А. А. Боратынский внезапно скончался в Москве 24 марта 1810 г., после чего осиротевшая семья возвратилась в Мару.
[1007] *Авзония* — поэтическое наименование Италии у римских поэтов (авзоны — одно из племен, населявших древнюю Италию).

Везувий, Колизей, грот Капри, храм Петра
Имел ты на устах от утра до утра,
Именовал ты нам и принцев и прелатов[1008]
Земли, где зрел, дивясь, суворовских солдатов,[1009]
Входящих вопреки тех пламенных часов,
Что, по твоим словам, со стогнов гонят псов,
В густой пыли побед, в грозе небритых бóрод,
Рядами стройными в классический твой город;
Земли, где год спустя тебе предстал и он,
Тогда Буонапарт, потом Наполеон,[1010]
Минутный царь царей, но дивный кондотьери,[1011]
Уж зиждущий свои гигантские потери.
Скрывая власти глад, тогда морочил вас
Он звонкой пустотой революционных фраз.
Народ ему зажег приветственные плошки;
Но ты, ты не забыл серебряные ложки,[1012]
Которые, среди блестящих общих грез,
Ты контрибуции назначенной принес;
Едва ты узнику печальному британца
Простил военную систему корсиканца.[1013]

[1008] Прелат (от лат. *praelatus* предпочтенный, отличенный) — духовный сановник в католической церкви, имеющий придворную должность при папской курии.
[1009] Русские войска под командованием А.В. Суворова вошли в Италию в 1799 г., несмотря на сопротивление французских пушек; в мирное время залп этих орудий возвещал о наступлении полудня.
[1010] Наполеон Бонапарт после битвы при Маренго (14 июня 1800 г.) снова занял Италию.
[1011] Наполеон Бонапарт стал французским императором в мае 1804 г., а в декабре того же года торжественно коронован Папой Пием VII в Париже. 18 марта 1805 г. Наполеон принял титул короля Италии и через три месяца на его голову возложили железную корону лангобардских королей; так он уподобился Карлу Великому, императору Священной Римской империи. Однако после Аустерлицкого сражения, согласно Пресбургскому миру, подписанному 26 декабря 1805 г., Священная Римская империя формально перестала существовать. Через несколько лет, в 1814 г., военная система Наполеона рухнула, и Италия обрела независимость от Франции. В словах «дивный кондотьери» содержится противоречивая оценка Наполеона: в одной стороны, он выступает как гениальный полководец, а с другой — как удачливый авантюрист (кондотьери — предводитель-авантюрист наемных военных отрядов Италии эпохи Возрождения).
[1012] Население Италии по приказу Наполеона сдавало свое серебро французам.
[1013] Боратынский говорит, что Джачинто Боргезе так и не «простил» даже поверженному Наполеону-узнику, сосланному на остров Св. Елены, где его охраняли англичане, завоеваний Наполеона — полководца и императора, выходца с острова Корсика.

Что на твоем веку, то ль благо, то ли зло,
Возникло, при тебе — в преданье перешло:
В альпийских молниях, приемлемый опалой,[1014]
Свой ратоборный дух, на битвы не усталый,
В картечи эпиграмм Суворов испустил.
Злодей твой на скале пустынной опочил;
Ты сам глаза сомкнул, когда мирские сети
Уж поняли тобой взлелеянные дети;
Когда, свидетели превратностей земли,
Они глубокий взор уставить уж могли,
Забвенья чуждые за жизненною чашей,
На итальянский гроб в ограде церкви нашей.

А я, я, с памятью живых твоих речей,
Увидел роскоши Италии твоей!
Во славе солнечной Неаполь твой нагорный,
В парах пурпуровых и в зелени узорной,
Неувядаемой, — амфитеатр дворцов
Над яркой пеленой лазоревых валов;
И Цицеронов дом,[1015] и злачную пещеру,
Священную поднесь Камены суеверу,
Где спит великий прах властителя стихов,[1016]
Того, кто в сей земле волканов и цветов
И ужасов и нег взлелеял эпопею,

[1014] После победоносных сражений возвратившийся в Россию Суворов был враждебно встречен Павлом I и подвергся опале.
[1015] Имеется в виду вилла знаменитого римского оратора, государственного деятеля и писателя Марка Туллия Цицерона (106—43 гг. до н. э.), которая находилась в Формии, на полпути из Рима в Неаполь; там Цицерон был убит.
[1016] Речь идет о пещере близ Неаполя, где был похоронен римский поэт, автор поэмы «Энеида», Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.); согласно преданию, грот с его могилой существует и до сих пор.

Где в мраки Тенара открыл он путь Энею,[1017]
Явил его очам чудесный сад утех,
Обитель сладкую теней блаженных тех,
Что, крепки в опытах земного треволненья,
Сподобились вкусить эфирных струй забвенья.

Неаполь! До него среди садов твоих
Сердца мятежные отыскивали их.
Сквозь занавес веков еще здесь помнят виллы
Приюты отдыхов и Мария и Силлы.[1018]
И кто, бесчувственный среди твоих красот
Не жаждал в их раю обресть навес иль грот,
Где б скрылся, не на час, как эти полубоги,
Здесь Лету пившие, чтоб крепнуть для тревоги,
Но чтоб незримо слить в безмыслии златом
Сон неги сладостной с последним, вечным сном,
И в сей Италии, где всё — каскады, розы,
Мелезы,[1019] тополи и даже эти лозы,
Чей безымянный лист так преданно обник
Давно из божества разжалованный лик,[1020]
Потом с чела его повиснул полусонно, —
Всё беззаботному блаженству благосклонно,
Ужиться ты не мог и, помня сладкий юг,
Дух предал строгому дыханью наших вьюг,

[1017] В поэме Вергилия «Энеида» (VI песнь) троянский царевич Эней спускается в царство мертвых и в садах Элизия встречает отца (мыс *Тенар* — одно из мест, откуда пролегал, по мифическим представлениям, путь в преисподнюю; там находилась пещера с пропастью, бывшая, как считалось, входом в подземное царство).
[1018] *Марий* — римский полководец и консул Гай Марий (155—86 гг. до н. э.). *Силла* — римский полководец, диктатор Луций Корнелий Сулла (138—78 до н. э.). Марий — сторонник народной власти — и Сулла — защитник аристократии — были непримиримыми врагами.
[1019] Т. е. лиственницы (от фр. mélèze).
[1020] Речь идет о том, что некогда, в мифологические времена, бога вина и виноделия Бахуса (Вакха) украшали виноградные лозы и вечнозеленый плющ, но теперь, в наши времена, Бахус уже не является божеством.

Не сетуя о том, что за пределы мира
Он улететь бы мог на крылиях Зефира![1021]

О тайны душ! меж тем как сумрачный поэт,
Дитя Британии,[1022] влачивший столько лет
По знойным берегам груди своей отравы,
У миртов, у олив, у моря и у лавы,
Молил рассеянья от думы роковой,
Владеющей его измученной душой,
Напрасно! (Уст его, как древле уст Тантала,[1023]
Струя желанная насмешливо бежала.)
Мир сердцу твоему дал пасмурный навес
Метелью пóлгода скрываемых небес,
Отчизна тощих мхов, степей и дров иглистых
О, спи! безгрезно спи в пределах наших льдистых!
Лелей по-своему твой подземельный сон,
Наш бурнодышащий, полночный аквилон,[1024]
Не хуже веющий забвеньем и покоем,
Чем вздохи южные с душистым их упоем!

1844

Василий Туманский (1800—1860)

[1021] *Зефир* — бог западного ветра (греч. миф.); приятный и мягкий ветер.
[1022] Имеется в виду Байрон, с 1817 по 1823 г. живший в Италии.
[1023] *Тантал* — герой, оскорбивший богов и похитивший у них нектар и амбросию, за что боги ввергли его в подземное царство, где он стоял по горло в воде и терзался голодом и жаждой: как только он пытался сорвать плод или испить, ветви с плодами тут же отодвигались, а вода отступала (греч. миф.).
[1024] *Аквилон* — бог северного ветра (рим. миф.); поэтическое наименование сильного северного ветра.

Черная речка[1025]

Пора покинуть терем древний,
Пора мне воспевать луга,
Свободу, светлые деревни
И Черной речки берега.

Прости, обманчивая радость
Высоких мраморных палат:
Сих мест уединенных сладость
Душе пленительней стократ.

Здесь неизменные забавы!
Здесь мило слушать, как порой
Словоохотные дубравы
С болтливой шепчутся волной.

Здесь мило, предаваясь лени,
Следить по влаге у брегов
Берез трепещущие сени
И цепи легких облаков.

Но вот со свода голубого
Скатилось солнце; день погас;
Утихло всё, и без покрова
Нисходит вечер в поздний час.

Умолкли сельские певицы;
Ко мне летят издалека

[1025] *Черная речка* — название нескольких речек в окрестностях Петербурга.

Лишь стоны перелетной птицы
Иль гул призывный рыбака.

О речка! много оживила
Ты милых снов в водах твоих,
Когда без весел и ветрила
Я тихо плыл по воле их.

В душе возобновлялись думы,
В устах теснилися мольбы;
Разоблачался вид угрюмый
Давно разгневанной Судьбы.

Я вспоминал мои обеты,
Надежды, слезы и любовь,
И милой давние приветы,
Как прежде, волновали кровь.

Она повсюду мне являлась...
Быть может, здесь, в полдневный зной,
Она небрежно наклонялась
И воду черпала рукой.

Быть может, образ незабвенной
Напечатлелся на водах —
И мне сиял он неизменно
В моих изменчивых мечтах.

Катись, катись волною сонной,
О речка тихая моя,

И добродушно, благосклонно
Ласкай любви моей края.

С дубравным шумом непрерывно
Сливай свой говорливый ток,
Как с песнью девы заунывной
Вдали сливается рожок.

Когда ж ты грусть *ее* пробудишь,
Не скрой мне ласковых речей —
И, речка Черная, ты будешь
Светлее зе́ркальных морей.

1823

Одесса

В стране, прославленной молвою бранных дней,
Где долго небеса отрада для очей,
Где тополы шумят, синеют грозны воды, —
Сын хлада изумлен сиянием природы.
Под легкой сению вечерних облаков
Здесь упоительно дыхание садов.
Здесь ночи теплые, луной и негой полны,
На злачные брега, на сребряные волны
Сзывают юношей веселые рои...
И с пеной по морю расходятся ладьи.
Здесь — тихой осени надежда и услада —
Холмы увенчаны кистями винограда.
И девы, томные наперсницы забав,

Потупя быстрый взор иль очи приподняв,
Равно прекрасные, сгорают наслажденьем
И душу странника томят недоуменьем.

1823

Постоянство

Как в море плаватель, живущий без забав,
Средь звезд бесчисленных одну звезду избрав,
Младый, зовет ее любовию своею,
В пустынном странствии обрадованный ею,
Следит ее восход и в тишине ночей
Сладчайши имена придумывает ей, —
Так я, задумчивый, средь жен и дев прекрасных,
То резво-ласковых, то горделиво-страстных,
О дева милая! звезда любви моей!
Везде ищу тебя, со сладостью очей,
С волшебной гибкостью и поступи и стана.
И полный страстного, отрадного обмана,
Незримый для тебя, с мечтою о тебе,
Одну тебя люблю наперекор судьбе.

1823

Элегия

На скалы, на холмы глядеть без нагляденья;
Под каждым деревом искать успокоенья;
Питать бездействием задумчивость свою;

Подслушивать в горах журчащую струю
Иль звонкое о брег плесканье океана;
Под зыбкой пеленой вечернего тумана
Взирать на облака, разбросанны кругом
В узорах и в цветах и в блеске золотом, —
Вот жизнь моя в стране, где кипарисны сени,
Средь лавров возрастя, приманивают к лени,
Где хижины татар венчает виноград,
Где роща каждая есть благовонный сад.

1824. Алупка

Одесским друзьям

(Из деревни)

В тиши семейственной, под милою мне сенью,
Предавшись сладкому Поэзии влеченью,
Я сердцем памятным средь неги не забыл
Полуденных друзей, полуденных светил.
С отрадой мысль моя в тот край перелетает,
Где небо, как любовь, приветливо сияет,
Где вьется виноград, питомец южных стран;
Где ум и взор и слух пленяет океан,
Неумолкающий, необозримый, чудный,
То ясно-голубой, то ярко-изумрудный;
Где служба царская и служба *добрых* муз
Единомыслием скрепили наш союз.
Но я ль, мои друзья, к противуречьям склонный,
Венчанный розами в отчизне благосклонной,
Вас ныне обману притворною тоской?..

Нет! весел сердцем я, и весел голос мой.
Завидуйте певца благословенной доле:
Я мыслю и ленюсь и странствую по воле.
Ярмом мирских сует стесненная душа
Очнулась, ожила, свободою дыша,
И вдохновение в ней гордо пробудилось;
Пред ней грядущее вновь блеском озарилось;
И, обозрев, кляня мой прежний, темный путь,
Я силу чувствую на славу посягнуть.
Склониться сладостно к утехам деревенским
Тому, кто, не пристав к *несносным* сплетням женским,
К условиям невежд, к служению льстецов,
Ценя́т по-своему блаженство городов,
И, друг Природы, друг святых ее уставов,
В душе не ослеплен блестящим прахом нравов.
Здесь тишины моей ничто не возмутит:
Не завернет ко мне бродяга — езуит,
Народа русского служитель чужеземный,
Россию осквернять хвалой своей наемной;
Напева нового моих горящих струн
Приходом не прервет городовой болтун,
Как с башни колокол гласящий всенародно,
Где свадьба, где пожар, где праздник благородный.
Я здесь не осужден в кругу жеманных дам
Учтиво потакать бессмысленным речам
Иль слушать набожно премудрые их толки,
Где вместе: вера, Бог, булавки и иголки...
Я вижу вкруг себя лишь милых мне людей.
Ты здесь, мой лучший друг от юношеских дней,
Усердный гражданин, философ доброхотный,

Поклонник радости и неги беззаботной,
Сестра любимая! очам моим всегда
Ты здесь являешься, как тихая звезда,
И чистотой души мне небо открываешь.
И ты, моя любовь, и ты здесь обитаешь!
Отрада первая моих сердечных дум,
Ты свежестью ума живишь мой праздный ум,
И, как весна, мила, блистательна, как радость,
Усталых чувств моих восстановляешь младость.
О, сколько в сей тиши утех прекрасных мне!
Светило ль дня горит на яркой вышине
И, воздух раскалив, во мрак дубрав сплетенных
Прогонит пастухов, от зноя утомленных;
Иль летних вечеров полупрозрачный свет
Из хижин вызовет для песен и бесед
Толпы́ веселых дев, — мы вместе: сном отрадным
Летит наш ясный день. То внемлем ухом жадным
Свободной старины заветную скрижаль,
То, сердцем погрузясь в мечтательную даль,
В роскошном трепете и радости и муки
Мы ловим Пушкина пленительные звуки.
Порой лукавый смех, добросердечный спор
Лениво прерванный пробудят разговор,
И быстро бросится душа к предметам новым.
Когда ж, под сумраком всплывая пурпуровым,
Прохладой, тайнами ночей напоена,
На темный небосклон подымется луна
И землю усыпит волшебным усыпленьем, —
К ней очи устремив с невольным умиленьем,
В мечтах блуждаем мы над озером своим;

Глядим на бездну вод, на облака глядим, —
И мнится: в облаках мелькают перед нами
Живые образы бесплотными тенями;
И мнится: небеса, дубравы и струи —
Всё полно голоса и ласки и любви,
Как будто бы душа духовной лире внемлет
И в откровениях чудесный мир объемлет.
О други! чья приязнь, чьи теплые мольбы
Мне столько милых благ исторгли у судьбы?
Сбылись мои мечты, сбылись мои желанья,
Мой рай вокруг меня; сосуд очарованья
Я пью — и, прослезясь, взываю к небесам:
«Как жертва чистая да вознесется к вам
В сих радостных слезах певца благодаренье;
Вы ниспослали мне и мир и наслажденье, —
Хвала вам! но еще дерзаю вас молить —
Пошлите силу мне ваш дивный дар хранить».

Июнь 1826. Ярославец

Песня

Посвящена А. О. Смирновой[1026]

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные.
Те были нежные такие,
А эти непокорные.

[1026] *Смирнова* (урожденная Россет) Александра Осиповна (1809—1882) — приятельница Пушкина, Жуковского, Плетнева, Вяземского, Гоголя и др.; адресат стихов Пушкина («Ее глаза», 1828), Вяземского («Черные очи», 1828), Жуковского, Мятлева, Лермонтова, Ростопчиной и др.

Глядеть, бывало, не устанут
Те долго, выразительно;
А эти не глядят; а взглянут —
Так словно царь властительный.

На тех порой сверкали слезы,
Любви немые жалобы,
А тут не слезы, а угрозы,
А то и слез не стало бы.

Те укрощали жизни волны,
Светили мирным счастием,
А эти бурных молний полны
И дышат самовластием.

Но увлекательно, как младость,
Их юное могущество.
О! Я б за них дал славу, радость
И всё души имущество.

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные,
Хоть эти сердцу не родные,
Хоть эти непокорные.

1843

Александр Одоевский (1802—1839)

Бал

Открылся бал. Кружась, летели
Четы младые за четой;
Одежды роскошью блестели,
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумье прислонился
И загляделся на Неву.
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, сребряных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго. Зал гремел...
Вдруг без размера полетел
За звуком звук. Я оглянулся,
Вперил глаза; весь содрогнулся;
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их — все покровы спали.
Одно осталось: их уста,
Как прежде, всё еще смеялись;

Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.
Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались...
Плясало сборище костей.

1825

Утро[1027]

Рассвело, щебечут птицы
Под окном моей темницы;
Как на воле любо им!
Пред тюрьмой поют, порхают,
Ясный воздух рассекают
Резвым крылышком своим.
Птицы! Как вам петь не стыдно,
Вы смеетесь надо мной.
Ах! теперь мне всё завидно,
Даже то завидно мне,
Что и снег на сей стене,
Застилая камень мшистый,
Не совсем его покрыл.
Кто ж меня всего зарыл?
Выду ли на воздух чистый —
Я, как дышат им, забыл.

[1027] Стихотворение написано в в Петропавловской крепости, в одиночном заключении, в дни следствия и ожидания приговора.

Начало 1826

* * *[1028]

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

Конец 1828 или начало 1829. Чита

Княгине М. Н. Волконской[1029]

[1028] Ответ на послание А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...».
[1029] *Волконская* Мария Николаевна, рожд. Раевская (1805—1863) — жена декабриста С. Г. Волконского, последовавшая за ним в Сибирь. М. Н. Волконская, приводя это стихотворение, поясняет, что оно было написано «в воспоминание того, как мы, дамы <жены декабристов>, приходили < в Чите> к ограде и приносили заключенным письма и известия» (М. Н. Волконская. Записки). Декабрист Н. В. Басаргин писал,

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестники благие провиденья
Явилися, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

что в этом стихотворении О. верно и прекрасно высказал чувства всех узников (Н. В. Басаргин. Записки). «Наш милый поэт Ал. Ив. Одоевский воспел их <жен декабристов> чуднозвучными и полными чувства стихами», — вспоминал А. П. Беляев (А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном).

25 декабря 1829. Чита

Неведомая странница[1030]

Уже толпа последняя изгнанников
Выходит из родного Новагóрода,
Выходит на Московский путь.
В толпе идет неведомая женщина,
Горюет, очи ясные заплаканы,
А слово каждое — любовь.

С небесных уст святое утешение,
Как сок целебный, сходит в душу путников,
В них оживает свет очей.
Вокруг жены толпа теснится, слушает;
Услышит слово — сердце расширяется
И усыпляется печаль.

Уже темнеет небо, путь туманится.
Идут... Но в воздух чудная целебница
С пути подъемлется, как пар.
Чело звездами светлыми увенчано,
Чем выше, всё летучий стан воздушнее
И светозарнее чело.

В тумане с нею над главами странников
Не ангелы, но, как она, небесные,

[1030] В стихотворении идет речь о покорении Новгорода Иваном III в 1478 г. *Неведомая странница* — св. София, покровительница Новгорода. Новгород для декабристов и близких им по духу людей был символом свободной России.

Мерцая, медленно плывут.
Плывет она, и с неба слово тихое
Спадает, замирает в слухе путников,
Не прикасаясь до земли.

«Забыта Русью Божия посланница.
Мой дом был предан дыму и мечу,[1031]
И я, как вы — земли родной изгнанница —
Уже в свой город не слечу.

Вас цепи ждут, бичи, темницы тесные;
В страданиях пройдет за годом год.
Но пусть мои три дочери небесные[1032]
Утешат бедный мой народ.

Нет, веруйте в земное воскресение:
В потомках ваше племя оживет,
И чад моих святое поколение
Покроет Русь и процветет».

1829 или 1830

Два образа

Мне в ранней юности два образа предстали
И, вечно ясные, над сумрачным путем
Слились в созвездие, светились сквозь печали
И согревали дух живительным лучом.

[1031] *Мой дом* — Софийский собор.
[1032] *Мои три дочери* — Вера, Надежда, Любовь.

Я возносился к ним с молитвой благодарной,
Следил их мирный свет и жаждал их огня,
И каждая черта красы их светозарной
Запала в душу мне и врезалась в меня.

Я мира не узнал в отливе их сиянья —
Казалось, предо мной открылся мир чудес;
Он их лучами цвел; и блеск всего созданья
Был отсвет образов, светивших мне с небес.

И жаждал я на всё пролить их вдохновенье,
Блестящий ими путь сквозь бури провести...
Я в море бросился, и бурное волненье
Пловца умчало вдаль по шумному пути.

Светились две звезды, я видел их сквозь тучи;
Я ими взор поил; но встал девятый вал,
На влажную главу подъял меня могучий,
Меня, недвижного, понес он и примчал, —

И с пеной выбросил в могильную пустыню...
Что шаг — то гроб, на жизнь — ответной жизни нет;
Но я еще хранил души моей святыню,
Заветных образов небесный огнь и свет!

Что искрилось в душе, что из души теснилось, —
Всё было их огнем! их луч меня живил;
Но небо надо мной померкло и спустилось —
И пали две звезды на камни двух могил...

Они рассыпались! они смешались с прахом!
Где образы? Их нет! Я каждую черту
Ловлю, храню в душе и с нежностью и страхом,
Но не могу их слить в живую полноту.

Кто силу воскресит потухших впечатлений
И в образы сведет несвязные черты?
Ловлю все призраки летучих сновидений —
Но в них божественной не блещет красоты.

И только в памяти, как на плитáх могилы,
Два имени горят! Когда я их прочту,
Как струны задрожат все жизненные силы,
И вспомню я сквозь сон всю мира красоту!

1830

* * *

По дороге столбовой
Колокольчик заливается;
Что не парень удалой
Чистым снегом опушается?
Нет, а ласточка летит —
По дороге красна девица.
Мчатся кони... От копыт
Вьется легкая метелица.

Кроясь в пухе соболей,

Вся душою в даль уносится;
Из задумчивых очей
Капля слез за каплей просится:
Грустно ей... Родная мать
Тужит тугою сердечною;
Больно душу оторвать
От души разлукой вечною.

Сердцу горе суждено,
Сердце надвое не делится, —
Разрывается оно...
Дальний путь пред нею стелется.
Но зачем в степную даль
Свет-душа стремится взорами?
Ждет и там ее печаль
За железными затворами.

«С другом любо и в тюрьме! —
В думе мыслит красна девица. —
Свет он мне в могильной тьме
Встань, неси меня, метелица!
Занеси в его тюрьму...
Пусть, как птичка домовитая,
Прилечу я — и к нему
Притаюсь, людьми забытая!»

Сентябрь 1831. Петровский завод[1033]

[1033] Стихотворение посвящено Камилле Петровне Ле-Дантю (1803—1839), приехавшей в Петровский завод, чтобы выйти замуж за декабриста В. П. Ивашева.

* * *[1034]

Тебя уж нет, но я тобою
Еще дышу;
Туда, в лазурь, я за тобою
Спешу, спешу!
Когда же ласточкой взовьюсь я
В тот лучший мир,
Растаю и с тобой сольюсь я
В один эфир,
Чтоб с неба пасть росой жемчужной,
Алмазом слез
На бедный мир, где крест я дружно
С тобою нес.
Но на земле, блеснув слезами,
Взовьюсь я вновь
Туда, где вечными зарями
Блестит любовь.

Между 1828 и 1835

* * *

Из детских всех воспоминаний
Одно во мне свежее всех,
Я в нем ищу в часы страданий
Душе младенческих утех.

Я помню липу, нераздельно

[1034] Стихотворение посвящено матери поэта.

Я с нею жил; и листьев шум
Мне веял песней колыбельной,
Всей негой первых детских дум.

Как ветви сладостно шептали!
Как отвечал им лепет мой!
Мы будто вместе песнь слагали
С любовью, с радостью одной.

Давно я с липой разлучился;
Она как прежде зелена,
А я? Как стар! Как изменился!
Не молодит меня весна!

Увижу ль липу я родную?
Там мог бы сердце я согреть
И песнь младенчески простую
С тобой, мой добрый друг, запеть.

Ты стар, но листья молодеют,
А люди, люди! Что мне в них?
Чем ста́рей — больше всё черствеют
И чувств стыдятся молодых!

Между 1832 и 1835

* * *[1035]

[1035] Стихотворение иногда печаталось под заглавием: «Приезжему из Кургана». В Кургане были поселены несколько бывших соузников Одоевского по Петровской тюрьме, которых он не видел со дня перевода на поселение.

Ты знаешь их, кого я так любил,
С кем черную годину я делил...
Ты знаешь их! Как я, ты жал им руку
И передал мне дружний разговор,
Душе моей знакомый с давних пор;
И я опять внимал родному звуку,
Казалось, был на родине моей,
Опять в кругу соузников-друзей.

Так путники идут на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океан,
И пальмы тень, студеных вод приволье
Манят их в даль... лишь сладостный обман
Чарует их; но их бодреют силы,
И далее проходит караван,
Забыв про зной пылающей могилы.

3 октября 1836. Ишим

* * *[1036]

Как сладок первый день среди полей отчизны,
На берегах излучистой Усьмы!
Опять блеснул нам луч давно минувшей жизни
И вывел нас из долгой скорбной тьмы...
Мы ожили! Наш взор тонул в зеленом море
Родных полей, и рощей, и холмов.
Там горы тянутся, тут в живописном споре

[1036] Стихотворение написано во время проезда из Сибири в Грузию (в действующую армию) по Тамбовской губернии.

С лазурью струй сень пышная лесов.
Усьма то скроется в лесу, то вновь проглянет,
Одета, как невеста, в блеск небес,
В объятья кинется, а там опять обманет
Склоненный к ней, в нее влюбленный лес.
Тут как дитя шалит: то с мельницей играет
И ре́звится, как белка с колесом,
То остров срядит и, его объемля, засыпает,
Как мысль любви, застигнутая сном;
И сладкий сон ее сияет небесами,
Всей прелестью осенних ясных дней,
Пока она опять разгульными струями
Не побежит вдоль рощей и полей.
И может ли что быть милее и привольней
Обзора мирного приятных этих мест,
Где издали блестит на белой колокольне,
Манит, как жизни цель, отрадный Спасов крест?

Сентябрь 1837

* * *[1037]

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,
Где реют радостно могучие орлицы
И тонут в синеве пылающих небес?
И мы — на Юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет,

[1037] В изд. 1883 г. — под заглавием: «Экспромт» и с подзаголовком: «На пути за несколько верст до Ставрополя, при виде стаи журавлей, летевших на юг к Кавказу... «Приветствуй их!», — сказал М. А. Назимов, сидевший на повозке рядом с А. И. Одоевским, и вот ответ (1837 года, в октябре)».

И нас, и нас далекий путь влечет...
Но солнце там души не отогреет
И свежий мирт[1038] чела не обовьет.

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не Севера угрюмая сосна,
А южный кипарис[1039] своей покроет тенью?
И что не мерзлый ров, не снеговой увал
Нас мирно подаря́т последним новосельем;
Но кровью жаркою обрызганный чакал[1040]
Гостей бездомный прах разбросит по ущельям.

Октябрь—декабрь 1837

Моя Пери[1041]

Взгляни, утешь меня усладой мирных дум,
Степных небес заманчивая Пери!
Во мне грусть тихая сменила бурный шум,
Остался дым от пламенных поверий.
Теперь, томлю ли грусть в волнении людей,
Меня смешит их суетная радость;
Ищу я думою подернутых очей;
Люблю речей задумчивую сладость.
Меня тревожит смех дряхлеющих детей,
С усмешкою гляжу на них угрюмой.

[1038] *Мирт* — эмблема любви.
[1039] *Кипарис*— эмблема смерти.
[1040] *Чакал* — шакал.
[1041] *Пери* (персидск. миф.) — божественные женские существа. Образ пери был распространен о русской поэзии начала XIX в. под влиянием Томаса Мура.

Но жизнь моя цветет улыбкою твоей,
Твой ясный взор с моей сроднился думой.
О Пери! улети со мною в небеса,
В твою отчизну, где всё негой веет,
Где тихо и светло, и времени коса
Пред цветом жизни цепенеет.
Как облако плывет в иной, прекрасный мир
И тает, просияв вечернею зарею,
Так полечу и я, растаю весь в эфир
И обовью тебя воздушной пеленою.

Февраль 1838. Караагач

Николай Языков (1803—1847)

Чужбина[1042]

Там, где в блеске горделивом
Меж зеленых берегов
Волга вторит их отзывом
Песни радостных пловцов,
И как Нил-благотворитель
На поля богатство льет, —
Там отцов моих обитель,
Там любовь моя живет!

[1042] Стихотворение написано Языковым во время учебы в Дерптском университете.

Я давно простился с вами,
Незабвенные края!
Под чужими небесами
Отцветет весна моя;
Но ни в громком шуме света,
Ни под бурей роковой,
Не слетит со струн поэта
Голос родине чужой.

Радость жизни, друг свободы,
Муза любит мой приют.
Здесь, когда брега и воды
Под туманами заснут,
И, как щит перед сраженьем,
Светел месяц золотой, —
С благотворным вдохновеньем,
Легкокрылою толпой,

Из страны очарованья,
В их эфирной тишине,
Утешители-мечтанья
Ниспускаются ко мне;
Пред очами оживает
Красота минувших дней,
Сладко грудь моя вздыхает,
Сердце бьется, взор ясней!

Это ты, страна родная,
Где весенние цветы
Мне дарила жизнь младая!

Край прелестный — это ты,
Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!

Вы, холмы, леса, поляны,
Скаты злачных берегов
И старинные курганы —
Память смелых праотцов, —
Сохраненные веками
Как свидетели побед,
Непритворными струнами
Вас приветствует поэт!

Ваш певец в чужбине дышит
И один, во цвете дней,
Долго, долго не услышит
Песен волжских рыбарей.
Долго грустный проблуждает
Он по дальным сторонам;
Долго арфа не сыграет
Песни радостным друзьям.

Ты, которая вливаешь
Огнь божественный в сердца,
И цветами убираешь
Кудри юного певца,
Радость жизни, друг свободы,
Муза лиры! прилетай

И утраченные годы
Мне в мечтах напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
Ты мила душе моей;
Мне с тобою не ужасна
Буря света и страстей.
Я горжусь твоим участьем;
Ты чаруешь жизнь мою, —
И забытый рано счастьем,
Я утешен: я пою!

1823

* * *

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим.
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август[1043] смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —

[1043] Имеется в виду Александр I (1777—1825). *Август* — почетное имя римских императоров, усвоенное затем как титул («августейший») и русскими монархами.

Нам до него какое дело!

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.

Друзья! бокалы к небесам
Обет правителю природы:
«Печаль и радость — пополам,
Сердца — на жертвенник свободы!»
Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:

«Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятье и безделье!
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!»

1823

К халату

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея[1044]
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой
Я исцелен — и мир со мной!
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей —
И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней
Царя, живущего некстате.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом;[1045]

[1044] *Арей* — бог войны (греч. миф.).
[1045] *Герострат* — грек, сжегший в 356 г. до н. э. одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской, чтобы обессмертить свое имя.

Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда и Лувеля,[1046]
И наша слава-пустомеля
Душе возвышенной — не страх.
Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит!

Декабрь 1823

* * *

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,

[1046] *Занд* Карл (1795—1820) — немецкий патриот, в 1819 г. убивший кинжалом агента царского правительства писателя Августа Коцебу. *Лувель* Пьер (1783—1820) — французский рабочий, заколовший в 1820 г. племянника Людовика XVIII — герцога Беррийского.

Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

1824

Слава Богу

О, слава Богу, слава Богу!
Я не влюблен, свободен я;
Я выбрал лучшую дорогу
На скучной степи бытия:
Не занят светом и молвою,
Я знаю тихие мечты,
И не поклонник красоты,
И не обманут красотою!

1824

Муза

Богиня струн пережила
Богов и грома и булата;
Она прекрасных рук в оковы не дала
Векам тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань,
В венце раскованная сила,
Ее бессовестная длань
Алтарь изящного разбила;
Но с праха рушенных громад,
Из тишины опустошенья,

Восстал — величествен и млад —
Бессмертный ангел вдохновенья.

1824

Элегия

Поэту радости и хмеля,
И мне судил всесильный рок
Узнать практического Леля[1047]
Нравоучительный урок.
Я испытал любви желанье,
Ее я пел, ее я ждал:
Безумно было ожиданье,
Бездушен был мой идеал.
Моей тоски, моих приветов
Не понял слепок божества —
И все пропали без ответов
Мои влюбленные слова.

Но был во мне — и слава Богу! —
Избыток мужественных сил:
Я на прекрасную дорогу
Опять мой ум поворотил;
Я разгулялся понемногу —
И глупость страсти роковой
С души исчезла молодой...
Так с пробудившейся поляны

[1047] *Лель* — (якобы) славянский бог любви (искусственно выведенный из народного припева «Ой люли-лель» и широко используемый в поэзии).

Слетают темные туманы;
Так, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки!

1824

Элегия

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут, —
И не пробудится Россия!

1824

Настоящее
6 апреля 1825

Вчера гуляла непогода,
Сегодня то же, что вчера, —
И я от утра до утра
Уныл и мрачен, как природа.
Не то, не то в душе моей
Что восхитительно и мило,
Что сердце юноше сулило
Для головы и для очей:

Болезнь встревоженного духа
Мне дум высоких не дает,
И, как сибирская пищуха,[1048]
Моя поэзия поет.

Молитва

Молю святое Провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам!

1825

Элегия

Свободен я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подарённых наудачу
В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья

[1048] *Сибирская пищуха* — лесная птица, известна также под названием пищухи-сверчка.

Слетает с чистого стекла!

1825

Две картины

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блестки золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося брега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом:

Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь плавучий
Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубровах мрак и тишина,
Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сети из воды,
Рыбак живит веселым словом
Своих товарищей труды;
Или путем дугообразным
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленьи пропадет.

1825

Элегия

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,

И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя, — она придет!

1825

Извиненье[1049]

Я не исполнил обещанья:
Не всё и плохо написал;
Но я прекрасного желал,
Но я имею оправданья
Во глубине моей души,
Они довольно хороши.
Я жажду славы и свободы,
А что пророчат мне мечты?
Предвижу царство пустоты
И прозаические годы...
Во имя Бога и природы,
Не веря сердцу и уму,

[1049] Написано по поводу вступления на престол Николая I.

Уже сбегаются народы
К позолочённому ярму;
Награда вам — и корм и ласки,
А служба скромная легка:
Не беспокоить седока
И верно слушаться указки!
Жестоки наши времена,
На троне глупость боевая!
Прощай, поэзия святая,
И здравствуй, рабства тишина!

20 декабря 1825

Элегия

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрилила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зе́ркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,

Твои надежды; но умчится
Очаровательный их сон;
Зови его — не внемлет он,
И сердцу снова не приснится.

1826

А. С. Пушкину[1050]

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края
И ту годину золотую,
Где и когда мы — ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз —
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
Пророк изящного! забуду ль,
Как волновалася во мне,
На самой сердца глубине,
Восторгов пламенная удаль,
Когда могущественный ром
С плодами сладостной Мессины,[1051]

[1050] Написано вскоре после возвращения Языкова из имения матери А. Н. Вульфа (П. А. Осиповой) Тригорское, где поэт гостил около полутора месяцев, постоянно общаясь с Пушкиным. Отправлено Пушкину в письме от 19 августа 1826 г. Ответом на это послание стало стихотворение Пушкина «К Языкову» («Языков, кто тебе внушил...»).
[1051] *Мессина* — город в Сицилии. *Плоды... Мессины* — лимоны.

С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы-исполины?
Как мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе,[1052]
Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе!
И славой прадедов горжусь!
Мне утешительно доселе,
Мне весело воспоминать
Сию поэзию во хмеле,
Ума и сердца благодать.
Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды[1053]
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья, —
С челом возвышенным стою,
Перед скрижалью вдохновений[1054]
И вольность наших наслаждений
И берег Сороти пою![1055]

16 августа 1826

Тригорское

[1052] *Наша Геба* — Е. Н. Вревская (Вульф). *Геба* (греч. мифол.) — богиня вечной юности, подносившая на пирах богам нектар и амброзию (божественные питье и еду).
[1053] *Хвостов* Дмитрий Иванович (1757—1835) — малоодаренный стихотворец, писавший напыщенным, «надутым» слогом; излюбленным жанром его были торжественные оды.
[1054] Аспидная доска, на которой стихи пишу. (Примечание Языкова.) *А́спидная доска* — пластинка из черного сланца для записи мелом или грифелем.
[1055] *Сороть* — река в Тригорском; над нею, на горе, стоял господский дом.

Посвящается П. А. Осиповой[1056]

В стране, где вольные живали[1057]
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза[1058]
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;[1059]
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;[1060]
Где побеждающий Стефан[1061]
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густыя,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия!
Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась… Кровь за кровь…
И он не праздновал победы!
В стране, где славной старины

[1056] *Осипова* Прасковья Александровна (1781—1859) — мать А. Н. Вульфа, владелица Тригорского, соседка Пушкина (по Михайловскому) и его приятельница.
[1057] Речь идет о Псковщине, где расположено Тригорское. Языков имеет в виду древние Новгородскую и Псковскую республики.
[1058] *Ганза* — торговый и политический союз северонемецких городов (XIV—XVII вв.), торговавший с Новгородом и Псковом.
[1059] В конце XV — начале XVI вв. Новгород и Псков были подчинены власти московских князей.
[1060] Видимо, имеется в виду последний магистр Ливонского ордена Кетлер, сражавшийся против России в Ливонской войне.
[1061] *Стефан Баторий* (1533—1586) — польский король, в 1581—1582 гг. безуспешно осаждал Псков. Ставка Батория при осаде Пскова была в городище Вороничe, на месте которого расположено Тригорское.

Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому доныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.
В стране, где Сороть голубая,
Подруга зе́ркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой, —
Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой!
Благоговею пред тобой, —
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава —

Мои стихи — тебе привет!

Как сна отрадные виденья,
Как утро пышное весны,
Волшебны, свежи наслажденья
На верном лоне тишины,
Когда душе, не утомленной
Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священный
Богинь кастальских берегов;
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Всё, чем возвышена свобода.

Душе пленительна моей
Такая райская година:
Камены пламенного сына
Она утешила; об ней
Воспоминание живое
И ныне радует меня.
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;
Поля, холмы благоухают;

С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песнью голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озирал сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтелись, там и там
Жнецы к товарищам взывали,
И на дороге, вдалеке,
С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блея́ли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная тень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почиет лень,
И кони спутанные бродят,

И псы валяются; молчат
Село и хóлмы; душен сад,
И птицы песен не заводят...

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной сребристым.
Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая наяда!
Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковер.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства,

Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера
Там на горе,[1062] под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной
Жилища граций,[1063] где цветут
Каменами хранимый труд
И ум, изящно просвещенный;
В часы, как сладостные там
Дары Эвтерпы[1064] нас пленяли,
Как пе́рсты легкие мелькали
По очарованным ладам, —

[1062] В Тригорском парке.
[1063] *Жилище граций* — дом в Тригорском, где жили сестры Вульфа (Александра, Анна, Евпраксия).
[1064] *Эвтерпа* (греч. миф.) — муза лирической поэзии, здесь имеется в виду пение под музыку.

С них звуки стройно подымались,
И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их!

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
От сеней леса над водами
Волнообразными рядами
Длиннеет трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют хóлмы, дол и брег;
В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;
Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листах темнеющей дубровы,
Иль птица робко пролетит,
Иль воз тяжелый и скрыпучий,
Усталым движимый конем,
Считая бревна колесом,
Переступает мост плавучий;
И вдруг отрывный и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей, —
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись,

Вон, грозно-тихие, слились
В одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнует,
Взрывает воды и леса,
Гремит, и блещет, и бушует.
Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец по тучам бурным
Зубча́той молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным, —
Всё видно: цепь далеких гор
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,

Села, и брега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черней,
Удары громче громовые,
Шумнее, гуще и быстрей
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо ярко-голубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?
Твои родные красоты
Во имя муз благословляю
И верным счастьем называю
Всё, чем меня ласкала ты.

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по брегу луговому,
Упиться воздухом полей!
Как утешительно поэту
От мира хладной суеты,
Где многочисленные в Лету[1065]

[1065] *Лета* (греч. миф.) — река забвения в подземном царстве, Тартаре.

Бегут надежды и мечты,
Где в сердце, музою любимом,
Порой, как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом,
Слабеют силы бытия, —
В прекрасный мир, в сады природы
Себя, свободного, укрыть
И вдруг и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

1826

К Пельцеру[1066]

Свободны, млады, в цвете сил,
Мы весело, мы шумно жили:
Нас Бахус пламенный любил,
Нас девы хищные любили;
В обгон летели наши дни,
Светились ярко наши ночи…
Так в туче реются огни,
Так блещут радостные очи!
И где ж она, товарищ мой,
Сия волшебная година;
Где наши песни, наши вина
И праздник жизни удалой?
Всё миновалось!.. На разлуку,

[1066] *Пельцер* Карл (1801—1863) — товарищ Языкова по университету.

Задумчив, тих, твоей руке
Мою протягиваю руку;
Предвижу сон, предвижу скуку
В моем пустынном уголке,
Где мы, надежд могучих полны,
Пивали сладость бытия
И где вчера еще, как волны,
Шумели бурные друзья.
Но, милый мой, пройдет ненастье:
Когда-нибудь и где-нибудь,
Хотя на миг, земное счастье
Украсит жизненный наш путь:
Я обниму тебя, как брата,
Под кровом доброго пената
С твоим сольется мой досуг;
Тогда, мой друг, тогда, мой друг,
Последний грош ребром поставлю,
Упьюсь во имя прошлых дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!

1826

Вечер

Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод
Звездами убранный лазурный неба свод
Светился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврам долины благовонной;
Над берегом, в тени раскидистых ветвей,

И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

Тогда между кустов, как призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дева молодая
Бродили вдоль реки; казалося, для них
Сей вечер нежился, так сладостен и тих;
Для них лучами звезд играла вод равнина,
Для них туманами окрестная долина
Скрывалась, — и в тени раскидистых ветвей
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

1826

К Музе

Мой ангел милый и прекрасный,
Богиня мужественных дум!
Ты занимала сладострастно,
Ты нежила мой юный ум.
Служа тебе, тобою полный,
Не видел я, не слышал я,
Как на пучине бытия
Росли, текли, шумели волны.
Ты мне открыла в тишине
Великий мир уединенья,
Благообразные ко мне
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоим величьем величава,
Сама любовь передо мной

Являлась пышная, как слава…
И весело мои мечты,
Тобой водимые, играли;
Тебе стихи мои звучали
Живые, светлые, как ты.
Так разноцветными огнями
Блестит речная глубина,
Когда торжественно мирна,
В одежде, убранной цветами,
По поднебесью ночь идет
И смотрится в лазури вод.

1827

К П. А. Осиповой

Благодарю вас за цветы:
Они священны мне; порою
На них задумчиво покою
Мои любимые мечты;
Они пленительно и живо
Те дни напоминают мне,
Когда на воле, в тишине,
С моей каменою ленивой,
Я своенравно отдыхал
Вдали удушливого света,
И вдохновенного поэта[1067]
К груди кипучей прижимал!

[1067] Т. е. Александра Пушкина.

И ныне с грустию утешной,
Мои желания летят
В тот край возвышенных отрад
Свободы милой и безгрешной.
И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,[1068]
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер и Гёте и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Оселок сердца и души;
И всё божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдет,
Зане Языковым воспето!

Златые дни! златые дни!

[1068] *Аргамак* — порода персидских или кабардинских коней. Отличается стройностью, а также быстротой бега.

Взываю к вам и где ж они?
Теперь не то: с утра до ночи
Мир политических сует[1069]
Мне утомляет ум и очи,
А пользы нет, и славы нет!
Скучаю горько, и едва ли
К поре, ко времени, пройдут
Мои учебные печали
И прозаический мой труд.
Но что бы ни было, оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетных наук, —
И, друг природы, лени друг, —
Беспечной жизнью позабавлю
Давно ожиданный досуг.
Итак, вперед! молюся Богу,
Да Он меня благословит,
Во имя Феба и харит,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взор
Увидит вновь, восторга полный,
Верхи и скаты ваших гор,
И темный сад, и дом, и волны!

1 мая 1827

К няне А. С. Пушкина

[1069] Речь идет о политических (государственных) науках, изучавшихся Языковым в период подготовки к экзамену.

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки —
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре камены, —
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.[1070]
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство;
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна[1071] подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно!

[1070] *Ареевых наук питомец молодой* — А. Н. Вульф, изучавший военные науки.
[1071] *Брашно* — пища, еда.

17 мая 1827

Ночь

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Там, под горой, едва-едва
Бежит, журчит ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивных сновидений!
Как сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И негу вольных вдохновений!

Он отдыхает, грешный свет:
Главу страдальца утомило
Однообразие сует,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй виденья золотые,
Да, улелеянный тобой,
Забудет он и шум дневной,
И страхи, и надежды злые.

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья
Там, где поэт своей души
Свершает стройные творенья;
Пускай торжественный восход

Великолепного светила
Его бессонного найдет,
И снова дум его полет
Подымет божеская сила!

15 августа 1827

Ручей

Под склоном сетчатых ветвей
Чрез груды камней и корней
Играют, скачут, силы полны,
Твои серебряные волны;
Светло и пышно луч дневной,
Скользя на грани водяные,
На быстрине твоей живой
Дробится в искры огневые.

Лежу — дерев нагорных тень
Мою задумчивую лень
Своей прохладой осеняет;
В вершинах леса, там и там,
По шепотливым их листам
Мгновенный шорох пробегает —
И смолкнет вдруг, и вдруг сильней
Зашевелится мрак ветвей,
И лес пробудится дремучий,
И в чаще ходит шум глухой —
Здесь и тогда, ручей гремучий,
Твой говор слышен волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь — и во мне
Мечта яснеет золотая
О незабвенной стороне…
Бегите дни, как эти воды,
Бегите дни быстрей, быстрей,
Да вновь священный луч свободы
В душе заискрится моей!

Лето 1827

Пловец

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,

Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.

1829

* * *

Я помню: был весел и шумен мой день
С утра до зарницы другого…
И было мне вдоволь разгульных гостей,
Им вдоволь вина золотого.

Беседа была своевольна: она
То тихим лилась разговором,
То новую песню, сложённую мной,
Гремела торжественным хором.

И песня пропета во здравье мое,
Высоко возгла́с подымался,

И хлопали пробки, и звонко и в лад
С бокалом бокал целовался!

А ныне… О, где же вы, братья-друзья?
Нам годы иные настали —
Надолго, навечно разрознили нас
Великие русские дали.

Один я, но что же? Вот книги мои,
Вот милое небо родное —
И смело могу в одинокий бокал
Я пенить вино золотое.

Кипит, и шумит, и сверкает оно:
Так молодость наша удала…
Вот стихло, и вновь безмятежно светло
И равно с краями бокала.

Да здравствует то же, чем полон я был
В мои молодецкие лета;
Чем ныне я счастлив и весел и горд,
Да здравствует вольность поэта!

Здесь бодр и спокоен любезный мой труд,
Его берегут и голубят
Мой правильный день, моя скромная ночь;
Смиренность его они любят.

Здесь жизнь мне легка! И мой тихий приют
Я доброю славой прославлю,

И разом глотаю вино — и на стол
Бокал опрокинутый ставлю.

Между 1834 и 1836

Н. А. Языковой[1072]

Прошла суровая година вьюг и бурь,
Над пробудившейся землею,
Полна теплом и тишиною,
Сияет вешняя лазурь.
Ее растаяны лучами,
Сбежали с гор на дол глубокие снега;
Ручей, усиленный водами,
Сверкает и кипит гремучими волнами,
И пеной плещет в 6берега.

И скоро холм и дол в свои ковры зелены
Роскошно уберет царица красных дней,
И в лиственной тени засвищет соловей
И сладкогласный и влюбленный.
Как хороша весна! Как я люблю ее
Здесь, в стороне моей родимой,
Где льется мирно и незримо
Мое привольное житье;
Где я могу таким покоем наслаждаться,
Какого я не знал нигде и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться

[1072] *Языкова* Наталия Алексеевна, урожденная Наумова, — жена Александра Михайловича Языкова (брата поэта).

Перед светильником труда;
Где озарен его сияньем величавым,
Поникнув на руку безоблачным челом,
Я миру чужд и радостям лукавым,
И суетам, господствующим в нем;
И счастлив: не хочу ни в мраморны палаты,
Ни в шум блистательных пиров!
И вас зову сюда — под мой наследный кров,
Уединением богатый,
В простор и тишь, на злачны скаты
Моих березовых садов,
В лес и поляны за дорогой,
И к речке, шепчущей под сумраком ракит,
И к зыбким берегам, где аист красноногой
Беспечно бродит цел и сыт;
Зову на светлый пруд, туда, где тень густую
Склонил к водам нагорный сад,
Туда — и на мостки, и в лодку удалую,
И вёсла дружно загремят!
Я вас сюда зову гулять и прохлаждаться,
Пить мед свободного и мирного житья,
Закатом солнца любоваться,
И засыпать под трели соловья.

25 марта 1836

* * *

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко над горой,

Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;
Сад безлюден, смолкли птицы,
Дерева дождем шумят:
Две красавицы-девицы,
Две певуньи, две сестрицы,
Не пойдут сегодня в сад!

А вчера они, при трелях
Соловья и при луне,
Там летали на качелях
Соблазнительно одне;[1073]
И качели их качают
Мягко, будто на руках:
Осторожно поднимают,
Осторожно опускают
Быстролетный свой размах!

А вчера поклонник скромный
Граций, медик молодой,
Удовольственно и томно
Любовался их игрой;
И размашисто качалась,
Как они, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Их летаний быстрота.

День ненастный, день враждебный

[1073] *Одне* — ж. р. от «одни».

Очарованным сердцам,
И ходьбе многоцелебной,
И лекарственным водам!
Но зато в нем нет томленья,
Лени, жару, он здоров
Мне, в тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писания стихов.

Лето или начало осени 1839, Теодорсгалле

Буря

Громадные тучи нависли широко
Над морем и скрыли блистательный день.
И в синюю бездну спустилась глубоко
И в ней улеглася тяжелая тень;
Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света и ропщет она,
И скоро, могучая, встанет грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад;
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят;
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

15 декабря 1839, Ницца приморская, предместье Мраморного креста

Морское купанье

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит, подвижна́я громада кристалла,
И тихо, качаясь, идет на меня.
Вот, словно в раздумьи, она отступила,
Вот берег она под себя покатила
И выше сама поднялась и падет;
И громом, и пеной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружит, и бросает, и душит, и бьет,
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода — легок и свеж выхожу,
Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно, — резва, удала.

17 июня 1840, Ницца, предместье Мраморного креста

К Рейну

Я видел, как бегут твои зелены волны:

Они, при вешнем свете дня,
Играя и шумя, летучим блеском полны,
Качали ласково меня;
Я видел яркие, роскошные картины:
Твои изгибы, твой простор,
Твои веселые каштаны и раины,[1074]
И виноград по склонам гор,
И горы, и на них высокие могилы
Твоих былых богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувших дней!
Я волжанин: тебе приветы Волги нашей
Принес я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты! Но Волга больше, краше,
Великолепнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не так, не так она бурлит,
Когда поднимется погодка верховая[1075]
И белый вал заговорит!
А какова она, шумящих волн громада,
Весной, как с выси берегов
Через ее разлив не перекинешь взгляда,
Чрез море вод и островов!
По царству и река!.. Тебе привет заздравный
Ее, властительницы вод,
Обширных русских вод, простершей ход свой славный,
Всегда торжественный свой ход,
Между холмов, и гор, и долов многоплодных

[1074] *Раины* — тополя.
[1075] *Погодка верховая* — северо-западный ветер на Волге.

До темных Каспия зыбей!
Приветы и ее притоков благородных,
Ее подручниц и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелеет тысячи судов,
Идущих пестрыми, красивыми толпами
Под звучным пением пловцов;
Тебе привет Оки поемистой, дубравной,
В раздолье муромских песков
Текущей царственно, блистательно и плавно,
В виду почтенных берегов, —
И храмы древние с лучистыми главами
Глядятся в ясны глубины,
И тихий благовест[1076] несется над водами,
Заветный голос старины! —
Суры, красавицы задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опахалом парусов;
Свияги пажитной,[1077] игривой и бессонной,
Среди хозяйственных забот,
Любя́щей стук колес, и плеск неугомонный,
И гул работающих вод;
Тебе привет из стран Биармии далекой,[1078]
Привет царицы хладных рек,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобег,

[1076] *Бла́говест* — церковный колокольный звон, совершаемый одним колоколом, призывающий верующих к началу богослужения.
[1077] *Пажить* — пастбище, луг.
[1078] *Биармия* — в скандинавских сказаниях VIII—X вв. страна на крайнем северо-востоке Европы, богатая мехом и серебром.

Под кликами орлов свои валы седые
Катя в кремнистых берегах,
Несет железо, лес и горы соляные
На исполинских ладиях;
Привет Самары, чье течение живое
Не слышно в говоре гостей,
Ссыпающих в суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привет проворного, лихого Черемшана,
И двух Иргизов луговых,
И тихо-струйного, привольного Сызрана,
И всех и бóльших и меньши́х,
Несметных данников и данниц величавой,
Державной северной реки,
Приветы я принес тебе!.. Теки со славой,
Князь многих рек, светло теки!
Блистай, красуйся, Рейн! Да ни грозы военной,
Ни песен радостных врага
Не слышишь вечно ты; да мир благословенный
Твои покоит берега!
Да сладостно, на них мечтая и гуляя,
В тени раскидистых ветвей,
Целуются любовь и юность удалая
При звоне синих хрусталей![1079]

1840

Вечер

[1079] *...При звоне синих хрусталей!* — реминисценция из стихотворения К. Н. Батюшкова «Переход через Рейн» (1814) («Вино из синих хрусталей»), подчеркивающая и общую соотнесенность текстов обоих произведений.

Ложатся тени гор на дремлющий залив;
Прибрежные сады лимонов и олив
Пустеют; чуть блестит над морем запад ясный, —
И скоро Божий день, веселый и прекрасный,
С огнистым пурпуром и золотом уйдет
Из чистого стекла необозримых вод.

1841

Элегия

Бог весть, не втуне[1080] ли скитался
В чужих страна́х я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

1841, Швальбах

Элегия

На горы и леса легла ночная тень,
Темнеют небеса, блестит лишь запад ясный, —
То улыбается безоблачно-прекрасный

[1080] *Втуне* — напрасно, впустую.

Спокойно, радостно кончающийся день.

1840, Ницца

Весна

Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу, — ни облачка в небесной синеве!
Цветет зеленый луг; чистейший воздух горный
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою, — и полон я весной!
И вот певец ее летает надо мной,
И звуки надо мной веселые летают!
И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю
Летаю и пою, летаю и пою!

Весна 1843, Рим

Элегия

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачет, бедная, она и ночь и день;
На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:
Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и как сюда

Она явилася, не ведаю, — звезда
С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами;
Но и ее уж нет! О! Я бы рад отсель
Лететь, бежать, идти за тридевять земель,
И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

10 июня 1843, Гаштейн

Я. П. Полонскому

Благодарю тебя за твой подарок милый,
Прими радушный мой привет!
Стихи твои блистают силой
И жаром юношеских лет,
И сладостно звучат, и полны мысли ясной;
О! пой, пленительный певец,
Лаская чисто и прекрасно
Мечты задумчивых сердец;
И пой, как соловей поет в затишьи сада
Свою весну, свою любовь,
И в пеньи том и вся награда
Ему за пенье, вновь и вновь,
И слушают его, и громко раздается,
И гонит сон от ложа дев,
И так и льется, так и льется
Его серебряный напев.

Федор Тютчев (1803—1873)

Проблеск

Слыхал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,[1081]
Когда полуночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшися, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах![1082]

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

[1081] *Воздушная арфа* (или Эолова арфа) — музыкальный инструмент в виде ящика, в котором натянуты струны, звучащие от движения воздуха.
[1082] *По небесах* — от старослав. «по небесъхъ», т. е. по небесам.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

1825

14-е декабря 1825

.....[1083]

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,

[1083] Стихотворение приводится не полностью.

Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.[1084]

1826

Вечер

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, —
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

Около 1826; 1829

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

[1084] Написано в связи с обнародованием в июле 1826 г. приговора по делу декабристов.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,[1085]
Кормя Зевесова орла,[1086]
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

1828, начало 1850-х годов

Могила Наполеона

Душой весны природа ожила,
И блещет всё в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...

[1085] *Геба* — богиня вечной юности, разносившая богам нектар (греч. миф.).
[1086] Орел — символ верховного бога Зевса.

Еще гремит твоих побед
Отзывный гул в колеблющемся мире...
.....
.....
И ум людей твоею тенью полн,
А тень твоя, скитаясь в крае диком,
Чужда всему, внимая шуму волн,
И тешится морских пернатых криком.

1828

Cache-cache[1087]

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?[1088]
Волшебную близость, как благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

[1087] Игра в прятки (франц.) [каш-каш]
[1088] *Сильфиды* — духи воздуха, легкие, подвижные существа (герм., миф.).

Не арфы ль твоей мне послышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

1828

Летний вечер

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней

Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

1828

Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья[1089]
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу...[1090]
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

1829

Бессонница

Часов однообразный бой,

[1089] *Живая колесница мирозданья* — планета Земля (античная перифраза, свойственная и поэтике классицизма; ср. «колесница дня» — солнце, «колесница ночи» — луна).
[1090] *Атлас*, или Атлант — гигант, держащий на своих плечах небесный свод (греч. миф.).

Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

1829

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волше́бством созданных палат.

1829

Снежные горы

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилася гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи...

И между тем как полусонный
Наш дольний[1091] мир, лишенный сил,

[1091] *Дольний* — земной, человеческий.

Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

1829

Полдень

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.[1092]

1829

Сны

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...

[1092] Полдневный час считался священным у древних греков. В этот час отдыхал Пан — бог долин, лесов, стад и пастухов, изобретатель свирели. В полдень Пан отдыхает — и на тех, кто нарушает его покой, нагоняет «панический ужас».

Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

1829

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала,

И доносилися порой
Все звуки жизни благодатной, —
И всё в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный — и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье...
Не знаю, долог ли был сон,

Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам
И воцарилося молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

1829, 1851

Последний катаклизм

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

1829

Безумие

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход![1093]

1829

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

[1093] В стихотворении создан излюбленный в мистической символике образ водоискателя — человека, умеющего распознавать в безводных местах подземные источники ключевой воды.

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

1829

Странник

Угоден Зевсу бедный странник,[1094]
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук созданье,
С разнообразием своим,
Лежит, развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля,
Он видит всё и славит бога!..

1829

Успокоение

[1094] Зевс считался покровителем странников.

Гроза прошла — еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,[1095]
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалася
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

1829

* * *

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огнь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает —

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень рáзвился по воле —
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

1829, начало 1830-х годов

[1095] *Перун* — балтийское и славянское божество грома и молнии. Здесь — молния.

Цицерон

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»[1096]
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты[1097]
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..[1098]

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие[1099]
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

1829; начало 1830-х годов

Весенние воды

Еще в полях белеет снег,

[1096] Перефразировка слов Цицерона: «...мне горько, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и что ночь республики наступила прежде, чем я успел завершить свой путь».
[1097] *Капитолийская высота* — главный из семи холмов, на которых расположен Рим; здесь находилась цитадель города и центр его политической жизни.
[1098] Речь идет о гибели потопленной в крови гражданской войны 48—45 гг. до н. э. римской республики, идеологом которой был Цицерон. Результатом этой войны было установление диктатуры Юлия Цезаря.
[1099] *Всеблагие* — боги.

А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!

Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

1829, начало 1830-х годов

Silentium![1100]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

[1100] Безмолвие, тишина (лат.).

Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

1829, начало 1830-х годов

Сон на море

И море, и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы,[1101] звучали скалы́,
Окликалися ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы[1102] развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лавиринфы,[1103] чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.

[1101] *Кимвалы* — древний музыкальный инструмент в виде двух металлических тарелок.
[1102] *Огневица* (диалект.) — бред, горячка.
[1103] *Сады-лавиринфы* (лабиринты) — сады с затейливым, путаным расположением дорожек.

Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как Бог, я шагал,
И мир подо мною недвижный сиял.
Но все грезы нáсквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

1830

Конь морской

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный-ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком Божьем поле,
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег —
И в брызги разлетишься!..

1830

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

1830

* * *

Через ливонские я проезжал поля,[1104]
Вокруг меня всё было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Всё на́ душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли
Кровавую и мрачную ту пору,[1105]
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

[1104] Ливонией в средние века называлась территория Латвии и Эстонии.
[1105] В 1202—1562 гг. Ливония находилась под владычеством духовно-рыцарского Ордена меченосцев.

И, глядя на тебя, пустынная река,[1106]
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, — мыслил я, — пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с брегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной, —
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит.[1107]

Начало октября 1830

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!

[1106] Западная Двина.
[1107] Тютчев сравнивает природу, скрывающую свое прошлое, с библейским отроком Самуилом (1-я кн. Царств, гл. 3-я), который боялся объявить, что ему ночью было видение Бога.

Октябрь 1830

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!

Октябрь 1830

Альпы

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалеет,
Чарам гибельным конец —
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из злата
Вся воскресшая семья!..

Октябрь? 1830

Mala aria[1108]

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима!
Всё та ж высокая, безоблачная твердь,
Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Всё тот же теплый ветр верхи дерев колышет,
Всё тот же запах роз... и это всё есть Смерть!..

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цветы и голоса —
Предвестники для нас последнего часá
И усладители последней нашей муки, —
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,

[1108] Зараженный воздух (итал.).

Как тканью легкою, свой образ прикрывает...
Да утаит от них приход ужасный свой!..[1109]

1830

* * *

1

Ты зрел его в кругу большого Света:
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум —
Таков поэт, — и ты презрел поэта!..
На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог, —
Настала ночь — и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

2

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —

[1109] Навеяно описанием окрестностей Рима в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» (1807): «Нездоровый воздух — бич жителей Рима, он угрожает городу полным опустением; но именно поэтому роскошные сады, расположенные в пределах Рима, имеют еще большее значение. Коварное действие вредоносного воздуха не дает себя знать никакими внешними признаками: когда его вдыхаешь, он кажется чистым и очень приятным, земля щедра и обильна плодами, прелестная вечерняя прохлада успокаивает после дневного палящего зноя, но во всем этом таится смерть! — Меня влечет к себе, — сказал Освальд, — эта таинственная невидимая опасность, прячущаяся под сладостной личиной. Если смерть — в чем я уверен — призывает нас к более счастливому существованию, то почему бы аромату цветов, тени прекрасных деревьев, свежему дыханью вечера не быть ее вестниками? Конечно, всякое правительство должно заботиться о сохранении жизни людей; но у природы есть свои тайны, постичь которые можно лишь с помощью воображения, и я прекрасно понимаю, почему местные жители и иностранцы не бегут из Рима, хотя жить там в лучшую пору года бывает опасно».

Душа моя! О, не вини меня!..
Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный...
Наступит ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

Начало 1830-х годов

* * *

Над виноградными холмами
Плывут златые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там, в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче, и пустынно-чище
Струя воздушная течет,
Туда взлетая, звук немеет...
Лишь жизнь природы там слышна,
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

Начало 1830-х годов

* * *

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет и звук немеет
В оцепененье ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не может:
Она всё льется — и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, —
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот!

Начало 1830-х годов

* * *

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —

И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О! страшных песен сих не пой!
Про древний хаос, про родимый
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Начало 1830-х годов

* * *

Душа моя, Элизиум теней,[1110]
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годины буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных, —

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

Начало 1830-х годов

* * *

[1110] *Элизиум* — загробный мир, где блаженствуют тени (души) праведников (греч. миф.).

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой, —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.[1111]

Не видите ль? Собравшися в дорогу,
В последний раз вам Вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

* * *

Что́ ты клонишь над водами,
Ива, ма́кушку свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей,
Но струя бежит и плещет,

[1111] Убранство лютеранских церквей отличается строгой простотой и лишено украшений.

И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

1835

* * *

И гроб опущен уж в могилу,
И всё столпилося вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух.

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор сановитый
Речь погребальную гласит.

Вещает бренность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

1835

* * *

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

1835

* * *

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой!
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музы́ки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса,
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный еженощный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

1835

* * *

Как птичка, с раннею зарей

Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней[1112]
Неправый праведен упрек!..
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

1835

* * *

[1112] *Пеня* — жалоба, упрек.

Вечер мглистый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час...
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

1835

* * *

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого[1113] Дуная
Льются вечные струи.

Там-то, бают,[1114] в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вилися хороводы
Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели...
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.

[1113] *Пресловутый* — преславный, известный, знаменитый.
[1114] *Баить* — говорить, сказывать.

И лучами неземными,
Заключен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.

Звезды в небе им внимали,
Проходя за строем строй,
И беседу продолжали
Тихомолком меж собой.

В панцирь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальний гул, как бы во сне.

И, лишь дремой забывался,
Гул яснел и грохотал...
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.

Всё прошло, всё взяли годы —
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Ныне рыщут по тебе...

1835

* * *

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальный гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Всё залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

1835

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля...
Духóв бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я...
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Весь день в бездействии глубоком
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить,
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набресть на свежий дух синели[1115]
Или на светлую мечту?..

1835

* * *

С поляны коршун поднялся́,
Высоко к небу он взвился́;
Всё выше, дале вьется он —
И вот ушел за небосклон!

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли.
Я, царь земли, прирос к земли!..

1835

* * *

Зима недаром злится,

[1115] *Синель* — сирень.

Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.[1116]

1836

Фонтан

[1116] Возможно, этот образ был создан под впечатлением обряда, распространенного в деревнях под Мюнхеном. В марте юноши и девушки имитируют весенние полевые работы; внезапно появляется «ведьма», которая безуспешно пытается им помешать. Сцена утверждает неизбежную победу лета над зимой.

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая
Твой луч упорный, преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

1836

* * *

Яркий снег сиял в долине, —
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине,
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет
Там, на высях снеговых?

А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..

1836

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.....
.....
.....
.....

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклéил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

.....
.....
.....
.....[1117]

Они не видят и не слышат,

[1117] Строфы 2 и 4 были запрещены цензурой. Пушкин настоял на том, чтобы они были заменены точками, так как отсутствие этих строф нарушало композиционную цельность стихотворения.

Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, знать, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Души его, ах! не встревожит
И голос матери самой!..

1836

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,

Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день:
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

1836

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебль колышет,

И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редеющего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает, и целует,
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

1836

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья.

1836

* * *

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
    И нет души в тебе.
Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении Творца!
    И смысла нет в мольбе!

1836

* * *

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах темно-озаренных,
Ты поздним позабылась сном.

Утихло вкруг тебя молчанье
И тень нахмурилась темней,
И гру́ди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то пóрхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало
По темно-брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям, —

Вот, словно змейка, извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента, развеваясь,
Меж пологами развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

1836

29-е января 1837

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?[1118]

[1118] *Скудельный* — глиняный, также: бренный.

Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он высшею рукою
В *«цареубийцы»* заклеймен.

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И осененный опочил
Хоругвью[1119] горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..[1120]

Июнь или июль 1837

1-е декабря 1837

[1119] *Хоругвь* — войсковое знамя (ист.); большое полотнище на длинном древке с изображениями Христа, святых и т.п., обычно употр. в крестных ходах (церк.).
[1120] Вызвано трагической гибелью Пушкина, но написано, видимо, не в Мюнхене, а во время пребывания в Петербурге в мае — июле 1837 г. под впечатлением светских пересудов о дуэли и смерти поэта.

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее истлило
В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.[1121]

Декабрь 1837

Итальянская villa[1122]

И распростясь с тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь —
Блаженной тенью, тенью элисейской[1123]
Она заснула в добрый час.

И вот уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.

[1121] Написано в Генуе после свидания с Эрнестиной Пфеффель (будущей женой поэта). Расставаясь с нею, Тютчев действительно предполагал, что расстается навсегда. Впоследствии — 17 июля 1839 г. — она стала второй женой поэта.
[1122] Связано с предыдущим и относится ко времени пребывания Тютчева и Э. Пфеффель в Генуе.
[1123] Тенью елисейской т. е. подобно душе, блаженствующей в Элизиуме (на Елисейских полях).

Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..

И мы вошли... Всё было так спокойно!
Так всё от века мирно и темно!..
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

Вдруг всё смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, —
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:

«Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?»

Декабрь 1837

* * *

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,

Я зрел тебя лицом к лицу —
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..
Давно ль — хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн!

И песнь их, как *во время оно*,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...
Они всё те же и поныне —
Всё так же блещут и звучат,
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился —
Я вновь на Север увлечен...
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...
Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине —
И холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге
Еще я вижу вас вдали:

Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей —
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей![1124]

Декабрь 1837

* * *

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не съединяет их?[1125]

1838

Весна

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, —

[1124] Написано в дек. 1837 г. по возвращении из Генуи в Турин.
[1125] Возможно, в этом стихотворении есть политический подтекст: символическое изображение разлада между западом и востоком европейским.

Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна... Она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она;
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея,
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, —
И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни Божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

1838

Лебедь

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.[1126]

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.[1127]

[1126] Тютчев имеет в виду поверье о том, что орел может смотреть на солнце, не закрывая глаз.
[1127] Противопоставление лебедя и орла как символов лирического и политического поэтов, характерное для поэтики классицизма, было унаследовано многими романтиками. Символическое значение образа лебедя связано с древнегреческим преданием о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей. Антитеза лебедя и орла имеет в стихотворении еще одно значение: Россия (в гербе которой орел)

Между 1838 и серединой 1839

* * *

С какою негою, с какой тоской влюбленный
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем, —

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенческо-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И, матери нежней, тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уровнялось —
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась —
Иль в сон иной бы перешла.[1128]

противопоставляется Баварии (в гербе Людвига Баварского лебедь). *Слава* здесь употреблено в своем исконном значении: лучезарное сияние, великолепие.

[1128] Обращено к Эрнестине Пфеффель — будущей второй жене поэта (1810—1894; в первом браке — Дёрнберг), с которой он сблизился еще в начале 1833 г. В том же году она овдовела. В 1836 г. их роман получил в Мюнхене широкую огласку, в связи с чем несколько пошатнулось душевное равновесие Элеоноры Тютчевой (урожденной графини Ботмер, в первом браке Петерсон, 1799—1838). К несчастью, это совпало по времени с отнятием от груди родившейся у нее в 1835 г. дочери Екатерины. Во время одного из приступов послеродовой горячки Элеонора пыталась покончить жизнь самоубийством, нанеся себе несколько ударов в грудь небольшим маскарадным кинжалом. Стихотворение написано уже после смерти Элеоноры (авг. 1838 г.). В первых трех строфах Тютчев описывает одну из первых встреч с Э. Дёрнберг, причем о себе говорит отстраненно — в 3-м лице, а в строфе 4, совершив — после отточия — переход к

Между концом 1838 и серединой 1839

День и ночь

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и, с мира рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

1839

* * *

Не верь, не верь поэту, дева;

первому лицу мн. числа, пишет об общности их судеб, намекая на то, что их союз оплачен ценой двух жизней — ее мужа и его жены.

Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всесилен, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змиею сердце жалит,
Но, как пчела, его сосет.

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.

1839

* * *

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана

Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.[1129]

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...[1130]

21 ноября 1844

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,

[1129] Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге.
[1130] Первое стихотворение, написанное Тютчевым по окончательном переезде из-за границы в Петербург.

Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной, везде, всегда,
Недостижимый, неизменный, —
Как ночью на небе звезда...[1131]

1848

Русской женщине

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

1848 или 1849

* * *

[1131] Написано в десятилетнюю годовщину смерти первой жены поэта Элеоноры Ботмер.

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит, неуловима!..
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

1848 или 1849

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальный гром и дождь порой.
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля —
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

6 июня 1849

* * *

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые —
И где теперь, туманными очами,
При свете вечереющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах —
Как брат меньшой, умерший в пеленах...

Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил

Всё, чем я жил и чем я дорожил![1132]

13 июня 1849

* * *

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

23 июля 1849

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам всё мерзит — и жизнь, как камней груда,
Лежит на нас, — вдруг знает Бог откуда
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,

[1132] Написано во время пребывания в Овстуге, куда Тютчев приехал 7 июня 1849 г., вторично по своем возвращении из-за границы. Поэт вспоминает о своей первой жене, умершей и похороненной в Турине.

Бледнее небо, пасмурнее долы,
Вдруг ветр подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

22 октября 1849

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.[1133]

Осень 1849

* * *

Вновь твои я вижу очи —
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи[1134]
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной — родимый край —
Словно прадедов виною

[1133] И. С. Аксаков писал: «...однажды, в осенний дождливый вечер, возвратись домой на извозчичьих дрожках, почти весь промокший, он сказал встретившей его дочери: “j'ai fait quelques rimes” (я сочинил несколько стихов), и, пока его раздевали, продиктовал ей следующее прелестное стихотворение: “Слезы людские, о слезы людские”».
[1134] Киммерия упоминается в «Одиссее» Гомера как «печальная область», где царит «ночь безотрадная».

Для сынов погибший рай...

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.
Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провевает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...[1135]

1849

* * *

Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой!
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой!..

[1135] Обращено, по-видимому, к Эрн. Ф. Тютчевой и содержит воспоминание о пребывании с ней в Италии в 1838 г.

Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожали ум!..[1136]

1849

Поэзия

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

1850

* * *

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, —

[1136] Навеяно чтением книги А. Ламартина «Признания» (1849), где есть такие строки: «Ветер также мелодически шумит в ветвях трех елей, посаженных моей матерью... когда мне случается забыться там на минуту, меня пробуждают только шаги старого виноградаря, который служил у нас прежде садовником и который приходит иногда навестить свои растения, как я мои воспоминания и мечты». Савойя — один из южных департаментов Франции, родина Ламартина; до 1860 г. принадлежала Сардинскому королевству.

Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...

Кончив пир, мы поздно встали
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...
Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом
В горнем, выспреннем пределе[1137]
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

1850

Рим, ночью

В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и — овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —

[1137] *Дольный* — земной, *горний* — небесный. *Выспренний* — возвышенный, торжественный.

Всё тот же мир, волшебный, но отживший!..

1850

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров, она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.

Между 1848 и мартом 1850

* * *

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной

Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой —

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.[1138]

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

На Неве

И опять звезда играет
В легкой зыби невских волн,

[1138] *Луговина* — небольшой луг среди других угодий (леса, пастбищ).

И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездою
Он скользит как бы во сне
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.

Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,
Дивно-пышная волна,
Приюти в своем просторе
Тайну скромного челна![1139]

Июль 1850

* * *

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит:
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей *всё* пережить:

[1139] Одно из первых стихотворений так называемого «денисьевского» цикла любовной лирики поэта. Близкие отношения Тютчева и Елены Александровны Денисьевой (1826—1864) продолжались 14 лет, вплоть до ее смерти.

Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава Богу!

Июль 1850

* * *

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где всё тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.[1140]

Июль 1850

[1140] Одно из первых стихотворений, внушенных любовью Тютчева к Е. А. Денисьевой.

* * *

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом,

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И — уносит их поток...
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...[1141]

12 августа 1850

* * *

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участьем умиленным,

[1141] Написано во время поездки в Преображенский монастырь (на о. Валаам в Ладожском озере), совершенной вместе с Е. А. Денисьевой и А. Ф. Тютчевой, старшей дочерью поэта.

Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч!

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
Льдина за льдиною плывет.

На солнце ль радужно блистая
Иль ночью, в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое *Я*,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

1851

Предопределение

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

Между июлем 1850 и серединой 1851

Близнецы

Есть близнецы — для земнородных
Два божества — то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!

Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их — знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалося горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный

В тени ресниц ее густой,
Как наслажденья, утомленный
И, как страданья, роковой.

В эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.[1142]

Между июлем 1850 и серединой 1851

[1142] Написано от лица Е. А. Денисьевой.

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:[1143]
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, когда б живые крылья
Души, парящей над толпой,

[1143] *Часть* — здесь: участь, судьба.

Ее спасали от насилья
Безмерной пошлости людской!

Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи
И смех младенческо-живой?

И что ж теперь? И где ж всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,

Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

Первая половина 1851

(Э. Ф. Тютчевой)

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
    Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
    Ты, ты, мое земное провиденье!..[1144]

Апрель 1851

Первый лист

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьем[1145] молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, —
И вот живые эти грезы

[1144] Перед текстом помета на французском языке: «Для вас (чтобы прочесть наедине)». Обращено ко второй жене поэта, Эрн. Ф. Тютчевой. Написанное в первый год любви Тютчева к Е. А. Денисьевой, стихотворение было вложено поэтом в альбом-гербарий, принадлежавший его жене, и пролежало в нем, не замеченное ею, 24 года — до мая 1875 г. Прочитав впервые это стихотворение, И. С. Аксаков писал (в письме к дочери поэта Екатерине от 8 июня 1875 г.): «Стихи эти замечательны не столько как стихи, сколько потому, что бросают луч света на сокровеннейшие, интимнейшие брожения его сердца к жене... В 1851 г. ...она еще не настолько знала по-русски, чтобы понимать русские стихи, да и не умела еще разбирать русского писанья Ф. И. ...Каков же был ее сюрприз, ее радость и скорбь при чтении этого привета d'outre tombe (замогильного), такого привета, такого признания ее подвига жены, ее дела любви!»

[1145] *Листье* — совокупность листьев; листва (обычно на деревьях).

Под первым небом голубым
Пробились вдруг на свет дневной.

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.

Май 1851

* * *

Не раз ты слышала признанье:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она созданье —
Но как я беден перед ней...

Перед любовию твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюся тебе...

Когда порой так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колено
Пред колыбелью дорогой,

Где спит *она* — твое рожденье —

Твой безымянный херувим, —
Пойми ж и ты мое смиренье
Пред сердцем любящим твоим.[1146]

1851

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит.

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»[1147]

10 июня 1851

* * *

[1146] Обращено к Е. А. Денисьевой вскоре после рождения ее первой дочери Елены. Впервые опубликовавшая это стихотворение Е. П. Казанович полагает, что оно написано еще до крещения дочери, чем и объясняется выражение «безымянный херувим».
[1147] «Впусти меня! — Я верю, Боже мой!..» и т. д. — перефразировка евангельского изречения (Марк, 9.24).

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе, —
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой.

14 июля 1851

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Всё в зарницах трепетало.

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорался порою...

14 июля 1851

* * *

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,

И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

6 августа 1851

* * *

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня, —
Лишь ты, волшебный призрак мой
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть, —
Но с страстной женскою душой.

1 ноября 1851

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаясь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

1851

* * *

Mobile comme l'onde[1148]

Ты волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

[1148] «Подвижна / изменчива, как волна» (франц.). Как показал Б. М. Козырев в «Письмах о Тютчеве», в образе «своенравной волны» поэт создал символически обобщенный портрет Е. А. Денисьевой.

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, —

Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, как дар заветный,[1149]
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет — в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоем.

Апрель 1852

[1149] Этот образ, в основе которого вариация на тему немецкой народной песни, построен на противопоставлении «законной» любви и роковой любви-самоубийства и заключает намек на то общественное положение, в котором оказалась Е. А. Денисьева из-за своих отношений с поэтом.

* * *

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...[1150]

28 июля 1852

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —

[1150] Написано на Каменном острове (помета в рукописи) в Петербурге, где Тютчев жил с июня по сент. 1852 г. В последней строфе — обращение к Е. А. Денисьевой.

Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

Между серединой 1851 и началом 1854

Лето 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, (с)прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас.

Август 1854

* * *

Увы, чтó нашего незнанья
И беспомóщней и грустней?
Кто смеет молвить: *до свиданья*
Чрез бездну двух или трех дней?[1151]

11 сентября 1854

[1151] В письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 11 сент. 1854 г. из Петербурга.

* * *

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики,
Я брожу как бы во сне, —
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой люблю...
Слава Богу, я с тобою,
А с тобой мне — как в раю.

10 июля 1855

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

13 августа 1855

* * *

Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,[1152]
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.

И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул и крылами
Замахал он веселей.

[1152] *Нить железная* — телеграфная проволока.

И кричит он, и ликует,
И кружится всё над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?[1153]

13 августа 1855

* * *

О вещая душа моя,[1154]
О сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так ты — жилица двух миров,[1155]
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,[1156]
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

[1153] Проникнуто мрачными предчувствиями, вызванными осадой Севастополя.
[1154] *Вещая душа моя* — выражение из «Слова о полку Игореве».
[1155] По-видимому, обращение к Е. А. Денисьевой.
[1156] *Мария* — сестра Лазаря, которая, по Библии, припала к ногам Христа, прося о воскрешении умершего брата (Иоанн, 11.32). Она слушала слово Христа, сидя у ног его, в то время как ее сестра Марфа «заботилась о большом угощении». Когда Марфа сказала Христу: «Господи!.. Скажи ей (Марии), чтобы помогла мне», тот ответил: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую участь, которая не отнимется у нее» (Лука, 10. 39-42). Именно этот эпизод имел в виду Тютчев, ибо его стихотворение также построено на противопоставлении мирской суеты святому делу души.

(Из Микеланджело)

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный.
Отрадно спать, отрадней камнем быть.[1157]

1855

Н(иколаю) П(авловичу)

Не Богу ты служил и не России,
    Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
    Ты был не царь, а лицедей.[1158]

1855

* * *

[1157] Перевод четверостишия «Grato m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso...» (1545), являющегося ответом на стихи Д. Строцци, навеянные знаменитым изваянием Ночи на саркофаге Джулиано Медичи (в усыпальнице рода Медичи во Флоренции). Восхищенный гениальным творением Микеланджело, Строцци писал: «Ночь, что так сладко пред тобою спит, / То ангелом одушевленный камень; / Он недвижим, но в нем есть жизни пламень, / Лишь разбуди — и он заговорит».
Переведенное в годы Крымской войны четверостишие Микеланджело поэт и позднее хранил в своей памяти. В одном из писем 1870 г. к А. Ф. Аксаковой, негодуя на правящие круги России, он процитировал две строки из этого четверостишия, по-своему перефразировав их: «Есть стихи Микельанжело, где говорится следующее о том времени, когда он жил: “Mentre che il danno e la vergogna dura, / Non sentir, non pensar è gran ventura,” что означает по-русски: пока глупцы царствуют и управляют, умные люди должны бы молчать».

[1158] Эпиграмма-эпитафия Николаю I, умершему 18 февр. 1855 г. Написана, по всей вероятности, несколько позже, когда под впечатлением падения Севастополя Тютчев подверг особенно резкой критике личность и деятельность покойного самодержца. В письме к жене от 17 сент. 1855 г. он писал: «Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека...».

Так, в жизни есть мгновения
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Всё пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Всё мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О время, погоди!

1855?

* * *

Всё, что сберечь мне удалось,
Надежды, веры и любви,
В одну молитву всё слилось:
Переживи, переживи![1159]

8 апреля 1856

Н. Ф. Щербине

[1159] Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой в день ее рождения.

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.[1160]

4 февраля 1857

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —

[1160] В лирике Николая Федоровича Щербины (1821—1869) преобладали античные темы и мотивы.

Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...[1161]

15 августа 1857

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,

[1161] Написано в церковный праздник Успенья, на котором Тютчев присутствовал в Овстуге летом 1857 г. Замысел стихотворения подсказан предстоящей крестьянской реформой.

А в ней — какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Конец августа 1857

* * *

В часы, когда бывает
Так тяжко на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;

Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны, —

Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной

Струею по стенам:

И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...

Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.

Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла
Душе моей стократно
Любовь твоя была.[1162]

1858

* * *

Она сидела на полу
И груду писем разбирала —
И, как остывшую золу,

[1162] Посвящено памяти Эл. Ф. Тютчевой, первой жены поэта. Написано в 20-й год со дня ее смерти.

Брала их в руки и бросала —

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела —
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут;
Невозвратимо-пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно-грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.[1163]

1858

* * *

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою,
Как бы дремотою, объят
И белокрылые виденья[1164]
На тусклом озера стекле

[1163] По семейным преданиям Тютчевых, в стихотворении имеется в виду Эрн. Ф. Тютчева, уничтожившая свою переписку с Тютчевым, относящуюся к первым годам их знакомства. *Присущая* (церк.-слав.) — здесь: присутствующая.
[1164] *Белокрылые виденья* — белые лебеди царскосельских прудов, воспетые в стихах многих русских поэтов.

В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

22 октября 1858

На возвратном пути

1

Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал — и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек — не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана…[1165]

[1165] *Леман* — Женевское озеро.

Чудный вид и чудный край —
Путь далек — не вспоминай...[1166]

2

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль — с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Всё голо так — и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытьи изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...

Конец октября 1859

Декабрьское утро

На небе месяц — и ночная
Еще не тронулася тень,

[1166] Написано по дороге из Кёнигсберга в Петербург.

Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день, —

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

Декабрь 1859

* * *

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, —
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как всё удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, —
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!

Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...

Октябрь 1860

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И всё еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

27 марта 1861

* * *

Утихла биза...[1167] Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод —
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,[1168]
Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы всё забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там — в родном краю —
Одной могилой меньше было...[1169]

11 октября 1864

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.

[1167] *Биза* (франц. *bise*) — холодный и сухой северный или северо-восточный ветер в горных районах Франции и Швейцарии.
[1168] Монблан (*Mont-Blanc* — «белая гора», франц.).
[1169] Написано в Женеве. Одной могилой меньше было — имеется в виду могила Е. А. Денисьевой на Волковом кладбище в Петербурге.

Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как всё это я любила!»

.....

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О Господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...[1170]

Октябрь или первая половина декабря 1864

* * *

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...

[1170] В стихотворении поэт вспоминает о последних часах жизни Е. А. Денисьевой. Написано в Ницце.

Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...[1171]

21 ноября 1864

* * *

Когда на то нет Божьего согласья,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

Он, милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.[1172]

[1171] Стихотворение отражает подавленное состояние, в котором поэт находился после смерти Е. А. Денисьевой. Покинув Ниццу весной 1865 г., он писал дочери Анне: «Странную роль сыграла Италия в моей жизни... Дважды являлась она передо мной, как роковое видение, после двух самых великих скорбей, какие мне суждено было испытать... Есть страны, где носят траур ярких цветов. По-видимому, это мой удел...». Первая «великая скорбь», пережитая Тютчевым, была вызвана смертью его первой жены, Элеоноры.
[1172] В автографе перед текстом помета: «Из Ниццы в Сими, 11/23 января 1865». Стихотворение было подарено поэтом дочери Дарье со следующей припиской в автографе: «Моя милая дочь, храни это на память о нашей вчерашней прогулке и разговоре, но не показывай никому... Пусть это будет иметь значение лишь для нас двоих... Обнимаю и благословляю тебя от всего сердца. Ф. Т.». Из содержания стихотворения явствует, что темой разговора поэта с дочерью были переживания его в связи со смертью Е. А. Денисьевой. Вместе с тем стихотворение имеет прямое отношение и к Д. Ф. Тютчевой. Со строфой 1 следует сопоставить строки из письма поэта к Дарье от 8 сент. 1864 г., написанного через месяц после смерти Е. А. Денисьевой: «...если б что и могло меня подбодрить, создать мне по крайней мере видимость жизни, так это

11 января 1865

* * *

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движенье, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

Январь 1865

сберечь себя для тебя, посвятить себя тебе, мое бедное, милое дитя, — тебе, столь любящей и столь одинокой, внешне столь мало рассудительной и столь глубоко искренней, — тебе, кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви, которая у тебя, мое бедное дитя, осталась неутоленной».

* * *

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг всё замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу.

О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей

Наперекор и людям и судьбе, —

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.[1173]

Конец марта 1865

* * *

Est in arundineis modulatio musica ripis.[1174]

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох[1175]
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?[1176]

[1173] В стихотворении поэт вспоминает о Е. А. Денисьевой.
[1174] Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках (лат.).
[1175] *Мусикийский* — музыкальный.
[1176] *Мыслящий тростник* — образ, восходящий к известному афоризму Блеза Паскаля, французского философа, писателя, математика (из его «Мыслей»): «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но это тростинка мыслящая».

И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,[1177]
Души отчаянной протест?

11 мая 1865

* * *

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив всё, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.[1178]

15 июля 1865

* * *

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,

[1177] *Глас вопиющего в пустыне* — библейское выражение (кн. пророка Исайи, 40.3), процитированное во всех четырех Евангелиях и ставшее идиомой.
[1178] Обращено, по всей вероятности, к близкому другу поэта А. И. Георгиевскому (1829—1911), мужу сестры Е. А. Денисьевой Марии.

И близок день или далек?

Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и долы,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она всё ярче, всё живее —
Вся разгорается она —
Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей...[1179]

29 июля 1865

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...

[1179] Стихотворение в аллегорической форме выражает мечты поэта о политическом и национальном возрождении восточных славян. Вместе с тем, по верному замечанию И. С. Аксакова, «образ сам по себе так самостоятельно хорош, что очевидно, если не перевесил аллегорию в душе поэта, то не подчинился ей, а вылился свободно и независимо».

Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?[1180]

3 августа 1865

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

[1180] Написано накануне первой годовщины смерти Е. А. Денисьевой.

5 августа 1865

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

18 августа 1865

* * *

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,

И сохла, сохла с каждым днем, —

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.[1181]

23 ноября 1865

* * *

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достославностей былых.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь былое чудно веет
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое былое
Словно дышит в забытьи;
Дремлет сладко-беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...[1182]

[1181] Написано поэтом в день своего рождения и связано с воспоминанием о Е. А. Денисьевой.
[1182] В письме к жене от 31 июля 1866 г, из Царского Села, о котором идет речь в стихотворении, Тютчев писал: «В течение нескольких дней стоит довольно хорошая погода, и, когда солнце пригревает и небо ясно,

Июль 1866

* * *

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, —

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор,
И старческой любви позорней

царскосельские сады в самом деле очень красивы. Чувствуешь себя погруженным в более изысканную стихию: это прелестно и величественно в одно и то же время».

Сварливый старческий задор.[1183]

Начало сентября 1866

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

28 ноября 1866

* * *

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...[1184]

14 октября 1867

[1183] Стихотворение является очень острой, хотя и косвенной характеристикой Вяземского в его отношении к молодым поколениям вообще. Нечто подобное писал Тютчев о Вяземском, прослушав однажды его статью по поводу «Войны и мира» Л. Н. Толстого: «...натуры столь колючие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем для малоисследованной страны является враждебно настроенный и предубежденный посетитель-иностранец» (письмо к Е. Ф. Тютчевой от 3 янв. 1869 г.).
[1184] Написано 14 окт. 1867 г. во время заседания Совета Главного управления по делам печати. Присутствовавший на заседании писатель и редактор «Правительственного вестника» П. И. Капнист заметил, что Тютчев «был весьма рассеян и что-то рисовал или писал на листе бумаги, лежавшей перед ним на столе. После заседания он ушел в раздумье, оставив бумагу». Экспромт был взят Капнистом «на память о любимом им поэте».

* * *

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?[1185]

Июнь 1868

Пожары

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготеет над землей.

Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба

[1185] В последней строфе — воспоминание о Е. А. Денисьевой.

Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один, —
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло —
Беспомóщное дитя.[1186]

16 июля 1868

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,

[1186] Навеяно зрелищем лесных пожаров под Петербургом летом 1868 г.

Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

2 августа 1868

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869

* * *

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны[1187] и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...

Но Смерть честней — чужда лицеприятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью —
Своей косой равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей — увы, двойное горе, —
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой.

Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, —

[1187] Т. е. безответны (не дающие ответа).

Да, горе ей — и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

Март 1869

* * *

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Август 1869

К. Б.

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем

Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..[1188]

26 июля 1870

* * *

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один — и пусто всё кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой — и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И, что со мной, не сознавая сам...

[1188] Скорее всего, стихотворение обращено к сестре первой жены Тютчева Клотильде Ботмер (1809—1882), в замужестве Мальтиц, которая находилась в июле 1870 г. в городе Кезене под Наумбургом (в 120 км от Карлсбада) и с которой Тютчев мог встретиться между 21 и 26 июля, перед поездкой в Теплиц.

Бесследно всё — и так легко не быть!
При мне иль без меня — что нужды в том?
Всё будет то ж — и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я как есть
На роковой стою очередй.[1189]

11 декабря 1870

* * *

Впросонках слышу я — и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

Январь или февраль 1871

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?

[1189] *Брат* — Николай Иванович Тютчев (1800—1870). Написано по дороге из Москвы в Петербург, куда Тютчев возвращался после похорон брата. По словам И. С. Аксакова, Н. И. Тютчев был, «можно сказать, единственным другом Федора Ивановича, у которого вне семьи было великое множество «друзей», но между ними ни одного, с кем бы преимущественно пред прочими делился он всеми тайнами мысли и сердца, с кем бы состоял в отношениях исключительно тесной, задушевной дружбы. Николай Иванович Тютчев любил брата не только с братскою, но с отцовскою нежностью, и ни с кем не был Федора Иванович так короток, так близко связан своею личною судьбой с самого детства».

Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, — и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезою природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.[1190]

17 августа 1871

(Э. Ф. Тютчевой)

Всё отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.[1191]

Февраль 1873

[1190] Написано под впечатлением поездки в село Вщиж Брянского уезда Орловской губ., которое было некогда столицей удельного княжества и близ которого сохранились древние курганы, напоминающие о кровавых событиях истории села.
[1191] Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой.

Александр Полежаев (1804—1838)

Кремлевский сад[1192]

Люблю я позднею порой,
Когда умолкнет гул раскатный
И шум докучный городской,
Досуг невинный и приятный
Под сводом неба провождать;
Люблю задумчиво питать
Мои беспечные мечтанья
Вкруг стен кремлевских вековых,
Под тенью липок молодых
И пить весны очарованье
В ароматических цветах,
В красе аллей разнообразных,
В блестящих зеленью кустах.
Тогда, краса ленивцев праздных,
Один, не занятый никем,
Смотря и ничего не видя,
И, как султан, на лавке сидя,
Я созидаю свой эдем
В смешных и странных помышленьях.
Мечтаю, грежу как во сне,

[1192] *Кремлевский* (или Александровский) *сад* в Москве — парк, созданный вдоль западной кремлевской стены на месте оврага, по которому протекала заключенная в 1819 г. в трубу речка Неглинка. Кремлевский сад был торжественно открыт в 1822 г., 30 августа (в день тезоименитства царя Александра I).

Гуляю в выспренних[1193] селеньях —
На солнце, небе и луне;
Преображаюсь в полубога,
Сужу решительно и строго
Мирские бредни, целый мир,
Дарую счастье миллионам...
(Весы правдивые законам)
И между тем, пока мой пир
Воздушный, легкий и духовный
Приемлет всю свою красу,
И я себя перенесу
Гораздо дальше подмосковной, —
Плывя, как лебедь, в небесах,
Луна сребрит седые тучи;
Полночный ветер на кустах
Едва колышет лист зыбучий;
И в тишине вокруг меня
Мелькают тени проходящих,
Как тени пасмурного дня,
Как проблески огней блудящих.

1829

Табак

Курись, табак мой! Вылетай
Из трубки, дым приятный,
И облаками расстилай
Свой запах ароматный!

[1193] Т. е. в небесных.

Не столько персу мил кальян
Или шербет душистый,
Сколь мил душе моей туман
Твой легкий и волнистый!
Тиран лишил меня всего —
И чести и свободы,
Но всё курю, назло его,
Табак, как в прежни годы;
Курю и мыслю: как горит
Табак мой в трубке жаркой,
Так и меня испепелит
Рок пагубный и жалкой...
Курись же, вейся, вылетай
Из трубки, дым приятный,
И, если можно, исчезай
И жизнь с ним невозвратно!

1829

Алексей Хомяков (1804—1860)

* * *

Сумрак вечерний тихо взошел,
Месяц двурогий звезды повел
В лазурном просторе,
Время покоя, любви, тишины,
Воздух и небо сиянья полны,

Смолкло роптанье разгульной волны,
Сравнялося море.

Сердцу отрадно, берег далек;
Как очарован, спит мой челнок,
Упали ветрила.
Небо, как море, лежит надо мной;
Море, как небо, блестит синевой;
В бездне небесной и бездне морской
Всё те же светила.

О, что бы в душу вошла тишина!
О, что бы реже смущалась она
Земными мечтами!
Лучше, чем в лоне лазурных морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вечное небо гляделось бы в ней
Со всеми звездами.

1841

Дмитрий Ознобишин (1804—1877)

Воспоминание

Нева, свод лип, беседка, розы,
Луна, поющий соловей,

Моленья робкие и слезы,
И бледность в памяти моей...

Другие дни, мечты другие!
Но часто думаю о ней,
Про очи темно-голубые,
Как небо северных ночей.

Теперь, быть может, в думе сладкой
Вздыхает милая в тиши,
Быть может, слезы льет украдкой
При светлой памяти души?

Иль слезы время осушило,
Иль клятв минувших след погиб?
И сердце женское забыло
Неву, беседку, своды лип?

1830

Весенний гром

Слышен в небе дальний гром;
Куст окинулся листом,
Из лазурной вышины
Канул первый дождь весны.[1194]

Все девицы вереницей
Выбегают на крыльцо

[1194] *Кануть* — капнуть, упасть каплей.

Дождевой умыть водицей
Миловидное лицо.
Серебром в руках звенят;
С смехом брызги вдаль летят.

«О весенний гром, греми!
Зимний хлад с полей сними.
Мчись, огнистый Илия,
Теплый дождь с небес лия.
Молим кроткою душою:
В свежих каплях дождевых
Дай нам здравье с красотою,
Чтоб вгляделся в нас жених;
Чтоб, увидя только раз,
Не сводил с нас ясных глаз!»
Дождь прошел; затихнул гром.
Веет ласточка крылом
В поднебесье голубом.
Соловьи в кустах поют;
Блещет листьев изумруд.

1833

Весенняя грусть

Зима бежит. Не слышен вьюги вой;
Метель не вьется по дороге;
И шумно панцирь ледяной
Дробит Ока, волнуяся в тревоге.

В ущельях гор серебряным ковром
Лежат нетронутые снеги,
И коршун в небе голубом
Кругоплывет — предвестник теплой неги.

Между дерев безлиственно-нагих
Младая верба: вся в уборе,
Весну встречает, как жених,
Улыбкой светлою во взоре.

Еще два дня... Проснется жизнь везде;
На Божий свет былинка взглянет,
И ласточка в родном гнезде
И щебетать, и виться станет.

Всех радует привет весны!..
Лишь я, печальный и угрюмый,
Былые вспоминаю сны,
Мои несбывшиеся думы.

Но что другим в тоске моей?..
Кому понять чужие слезы!
Спеши ж, весна! Пой в роще, соловей!
Цветите, пламенные розы!..

1835

Чудная бандура

Гуляет по Дону казак молодой;

Льет слезы девица над быстрой рекой.

«О чем ты льешь слезы из карих очей?
О добром коне ли, о сбруе ль моей?

О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
Я, милая сердцу, просватал тебя?»

«Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня!
С тобой обручили охотой меня!»

«Родной ли, отца ли, сестер тебе жаль?
Иль милого брата? Пугает ли даль?»

«С отцом и родимой мне век не пробыть;
С тобой и далече мне весело жить!

Грущу я, что скоро мой локон златой
Дон быстрый покроет холодной волной.

Когда я ребенком беспечным была,
Смеясь, мою руку цыганка взяла.

И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: утонешь в день свадебный свой!»

«Не верь ей, друг милый, я выстрою мост,
Чугунный и длинный, хоть в тысячу верст;

Поедешь к венцу ты — я конников дам:

Вперед будет двадцать и сто по бокам».

Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;

Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон ее принял в клубящийся вал...

«Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!»

Лад первый он тихо и робко берет...
Хохочет русалка сквозь пенистых вод.

Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слезы русалки из глаз,

И молит: «Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.

Хотели казачку назвать мы сестрой
За карие очи, за локон златой».

Апрель 1835

Дмитрий Веневитинов (1805—1827)

Любимый цвет[1195]

Посвящено Софье Владимировне Веневитиновой

На небе все цветы прекрасны.
Все мило светят над землей,
Все дышат горней[1196] красотой.
Люблю я цвет лазури ясной:
Он часто томностью пленял
Мои задумчивые вежды,
И в сердце робкое вливал
Отрадный луч благой надежды.
Люблю, люблю я цвет луны,
Когда она в полях эфира
С дарами сладостного мира
Плывет как ангел тишины.
Люблю цвет радуги прозрачной —
Но из цветов любимый мой
Есть цвет денницы молодой:
В сем цвете, как в одежде брачной,
Сияет утром небосклон.
Он цвет невинности счастливой,
Он чист, как девы взор стыдливой,
И ясен, как младенца сон.

Когда и страх и рой веселий —
Всё было чуждо для тебя
В пределах тесной колыбели,
Посланник неба, возлюбя

[1195] Написано ко дню рождения сестры поэта Софьи.
[1196] *Горняя* — небесная.

Младенца милую беспечность,
Тебя лелеял в тишине,
Ты почивала — но во сне,
Душой разгадывая вечность,
Встречала ясную мечту
Улыбкой милою, прелестной.
Что сорвало улыбку ту,
Что зрела ты, — мне неизвестно;
Но твой хранитель, гость небесный
Взмахнул таинственным крылом —
И тень ночная пробежала,
На небосклоне заиграла
Денница[1197] пурпурным огнем,
И луч румяного рассвета
Твои ланиты озарил.
С тех пор он вдвое стал мне мил,
Сей луч румяного рассвета.
Храни его — недаром он
На девственных щеках возжен,
Не отблеск красоты напрасной,
Нет! он печать минуты ясной,
Залог он тайный, неземной.
На небе все цветы прекрасны,
Все дышат горней красотой;
Но меж цветов есть цвет святой —
Он цвет денницы молодой.

13 августа 1825

[1197] *Денница* — утренняя заря.

Новгород[1198]

Посвящено княжне А. И. Трубецкой[1199]

«Валяй, ямщик, да говори,
Далеко ль Но́вград?» — «Недалеко,
Версты четыре или три.
Вон видишь что-то там высоко,
Как черный лес издалека...»
— «Ну, вижу; это облака».
— «Нет! Это но́вградские кровли».
Ты ль предо мной, о древний град
Свободы, славы и торговли!
Как живо сердцу говорят
Холмы разбросанных обломков!
Не смолкли в них твои дела,
И слава предков перешла
В уста правдивые потомков.
«Ну, тройка! духом донесла!»
— «Потише. Где собор Софийской?»
— «Собор отсюда, барин, близко.
Вот улица, да влево две,
А там найдешь уж сам собою,
И крест на золотой главе
Уж будет прямо пред тобою».
Везде былого свежий след!
Века прошли... но их полет
Промчался здесь, не разрушая.
«Ямщик! Где площадь вечевая?»

[1198] Стихотворение было запрещено цензурой в период правления Николая I.
[1199] *Трубецкая* Александра Ивановна — ученица М. П. Погодина, которой одно время был увлечен Веневитинов.

— «Прозванья этого здесь нет...»
— «Как нет?» — «А, площадь? Недалеко:
За этой улицей широкой.
Вот площадь. Видишь шесть столбов?
По сказкам наших стариков,
На сих столбах висел когда-то
Огромный колокол, но он
Давно отсюда увезен».
— «Молчи, мой друг; здесь место свято:
Здесь воздух чище и вольней!
Потише!.. Нет, ступай скорей:
Чего ищу я здесь, безумный?
Где Волхов?» — «Вот перед тобой
Течет под этою горой...»
Всё так же он, волною шумной
Играя, весело бежит!..
Он о минувшем не грустит.
Так всё здесь близко, как и прежде...
Теперь ты сам ответствуй мне,
О Но́вград! В вековой одежде
Ты предо мной, как в седине,
Бессмертных витязей ровесник.
Твой прах гласит, как бдящий вестник,
О непробудной старине.
Ответствуй, город величавый:
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич князей,
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или к кровавой сече
Сзывал послушных сыновей?

Когда твой меч, гроза соседа,
Карал и рыцарей, и шведа,[1200]
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой?
Скажи, где эти времена?
Они далёко, ах, далёко!

Между октябрем и декабрем 1826

Три розы

В глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили нам боги,
Эдема[1201] лучшие цветы.
Одна под небом Кашемира[1202]
Цветет близ светлого ручья;
Она любовница зефира[1203]
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянет,
И если кто ее сорвет,
Лишь только утра луч проглянет,
Свежее роза расцветет.

Еще прелестнее другая:
Она, румяною зарей
На раннем небе расцветая,

[1200] Речь идет о разгроме войск ливонских рыцарей и шведских феодалов новгородцами под водительством Александра Невского в XIII в.
[1201] *Эдем* — рай.
[1202] *Кашемир* — обширная долина в Индии.
[1203] *Зефир* — приятный и мягкий ветер.

Пленяет яркой красотой.
Свежей от этой розы веет
И веселей ее встречать:
На миг один она алеет,
Но с каждым днем цветет опять.

Еще свежей от третьей веет,
Хотя она не в небесах;
Ее для жарких уст лелеет
Любовь на девственных щеках.
Но эта роза скоро вянет:
Она пуглива и нежна,
И тщетно утра луч проглянет —
Не расцветет опять она.[1204]

1826

* * *

Я чувствую, во мне горит
Святое пламя вдохновенья,
Но к темной цели дух парит...
Кто мне укажет путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипит, как океан безбрежный...
Найду ли я утес надежный,
Где твердой обопрусь ногой?
Иль, вечного сомненья полный,

[1204] В стихотворении поэт намеками говорит о трех радостях, украшающих скорбный путь человека: об искусстве, природе и о быстро вянущей девичьей красоте.

Я буду горестно глядеть
На переменчивые волны,
Не зная, что любить, что петь?

Открой глаза на всю природу, —
Мне тайный голос отвечал, —
Но дай им выбор и свободу,
Твой час еще не наступал:
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывный —
Отзывной песнью отвечай!
Когда ж минуты удивленья,
Как сон туманный, пролетят
И тайны вечного творенья
Ясней прочтет спокойный взгляд, —
Смирится гордое желанье
Весь мир обнять в единый миг,
И звуки тихих струн твоих
Сольются в стройные созданья.

Не лжив сей голос прорицанья,
И струны верные мои
С тех пор душе не изменяли.
Пою то радость, то печали,
То пыл страстей, то жар любви,
И беглым мыслям простодушно
Вверяюсь в пламени стихов.
Так соловей в тени дубров,
Восторгу краткому послушный,

Когда на долы ляжет тень,
Уныло вечер воспевает
И утром весело встречает
В румяном небе светлый день.

1826 или 1827

Поэт и друг
(Элегия)

Друг

Ты в жизни только расцветаешь,
И ясен мир перед тобой, —
Зачем же ты в душе младой
Мечту коварную питаешь?
Кто близок к двери гробовой,
Того уста не пламенеют,
Не так душа его пылка,
В приветах взоры не светлеют,
И так ли жмет его рука?

Поэт

Мой друг! слова твои напрасны
Не лгут мне чувства — их язык
Я понимать давно привык,
И их пророчества мне ясны.
Душа сказала мне давно:
Ты в мире молнией промчишься!
Тебе всё чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Друг

Не так природы строг завет.
Не презирай ее дарами:
Она на радость юных лет
Дает надежды нам с мечтами.
Ты гордо слышал их привет;
Она желание святое
Сама зажгла в твоей крови
И в грудь для сладостной любви
Вложила сердце молодое.

Поэт

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещий голос, изловил!
Тому, кто жребий довершил,
Потеря жизни не утрата —
Без страха мир покинет он!
Судьба в дарах своих богата,
И не один у ней закон:
Тому — процвесть развитой силой
И смертью жизни след стереть,
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Друг

Мой друг! зачем обман питать?
Нет! дважды жизнь нас не лелеет.
Я то люблю, что сердце греет,
Что я своим могу назвать,
Что наслажденье в полной чаше
Нам предлагает каждый день.
А что за гробом, то не наше:
Пусть величают нашу тень,
Наш голый остов отрывают,
По воле ветреной мечты
Дают ему лицо, черты
И призрак славой называют!

Поэт

Нет, друг мой! славы не брани.
Душа сроднилася с мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мне сладко верить, что со мною
Не всё, не всё погибнет вдруг
И что́ уста мои вещали —
Веселья мимолетный звук,
Напев задумчивой печали, —
Еще напомнит обо мне,
И смелый стих не раз встревожит
Ум пылкий юноши во сне,
И старец со слезой, быть может,
Труды нелживые прочтет —
Он в них души печать найдет
И молвит слово состраданья:

«Как я люблю его созданья!
Он дышит жаром красоты,
В нем ум и сердце согласились
И мысли полные носились
На легких крылиях мечты.
Как знал он жизнь, как мало жил!»

———

Сбылись пророчества поэта,
И друг в слезах с началом лета
Его могилу посетил.
Как знал он жизнь! как мало жил![1205]

1827

* * *

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.
Не много истинных пророков
С печатью власти на челе,
С дарами выспренних уроков,
С глаголом неба на земле.

[1205] В «Московском вестнике» под стихотворением помещено сообщение редактора М. П. Погодина о смерти поэта: «Горькими слезами омочили мы сие стихотворение... Через неделю после отправления к нам из Петербурга «Элегии» он (на 22 году от роду) занемог нервическою горячкою, которая в восемь дней низвела его в могилу». Строка «Как знал он жизнь, как мало жил» — вырезана на могильной плите поэта.

Март 1827

Степан Шевырев (1806—1864)

Мысль

Падет в наш ум чуть видное зерно
И зреет в нем, питаясь жизни соком;
Но час придет — и вырастет оно
В создании иль подвиге высоком
И разовьет красу своих рамен,
Как пышный кедр на высотах Ливана:[1206]
Не подточить его червям времен,
Не смыть корней волнами океана;
Не потрясти и бурям вековым
Его главы, увенчанной звездами,
И не стереть потоком дождевым
Его коры, исписанной летами.
Под ним идут неслышною стопой
Полки веков — и падают державы,
И племена сменяются чредой
В тени его благословенной славы.
И трупы царств под ним лежат без сил,
И новые растут для новых целей,

[1206] *Кедр на высотах Ливана.* Библейская реминисценция. В Библии это дерево — символ величия, долголетия и прочности. Стихотворение Шевырева перекликается со след. строками Ломоносова в его оде Елисавете Петровне 18 декабря 1757 г.:
Взирай в полки велики, сильны
И на размноженный народ
Подобно как в Ливане кедры.

И миллион оплаканных могил,
И миллион веселых колыбелей.
Под ним и тот уже давно истлел,
Во чьей главе зерно то сокрывалось,
Отколь тот кедр родился и созрел,
Под тенью чьей потомство воспиталось.

Май 1828

Ночь

Как ночь прекрасна и чиста,
Как чувства тихи, светлы, ясны!
Их не коснется суета,
Ни пламень неги сладострастный!

Они свободны, как эфир;
Они, как эти звезды, стройны;
Как в лоне Бога спящий мир,
И величавы и спокойны.

Единый хор их слышу я,
Когда всё спит в странах окрестных!
Полна, полна душа моя
Каких-то звуков неизвестных.

И всё, что ясно зрится в день,
Что может выразиться словом,
Слилося в сумрачную тень,
Облечено мечты покровом.

Неясно созерцает взор,
Но всё душою дозреваешь:
Так часто сердцем понимаешь
Любви безмолвный разговор.

1828

Владимир Бенедиктов (1807—1873)

Радуга

За тучами солнце — не видно его!
Но там оно капли нашло дождевые,
Вонзило в них стрелы огня своего, —
И пó небу ленты пошли огневые.

Дуга разноцветная гордо взошла,
Полнеба изгибом своим обхватила,
К зениту державно свой верх занесла,
А в синее море концы погрузила.

Люблю эту гостью я зреть в вышине:
Лишь только она в небесах развернется,
Протекшего сон вдруг припомнится мне,
Запрыгает сердце, душа встрепенется.

Дни прошлые были повиты тоской,

За тучами крылося счастья светило;
Я плакал, грустил, но в тоске предо мной
Всё так многоцветно, так радужно было.

Как в каплях, летящих из мглы облаков,
Рисуется пламя блестящего Феба,
В слезах преломляясь, блистала любовь
Цветными огнями сердечного неба.

1835

Гроза

В тяжелом воздухе соткалась мгла густая;
Взмахнул крылами ветр; зубчатой бороздой
Просеклась молния; завыла хлябь морская;
Лес ощетинился; расселся дуб седой.

Как хохот сатаны, несется, замирая,
Громов глухой раскат; — и снова над землей
Небесный пляшет огнь, по ребрам туч мелькая,
И грозно вдруг сверкнет изломанной чертой.

Смутилась чернь земли и мчится под затворы...
Бегите! этот блеск лишь для очей орла...
Творенья робкие, спешите в ваши норы!

Кто ж там — на гребне скал? Стопа его смела;
Открыта грудь его; стремятся к небу взоры,
И молния — венец вокруг его чела!

Кудри

Кудри девы-чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад!
Вейтесь, лейтесь, сыпьтесь дружно,
Пышно, и́скристо, жемчужно!
Вам не надобен алмаз:
Ваш извив неуловимый
Блещет краше без прикрас,
Без перловой диадимы,
Только роза — цвет любви,
Роза — нежности эмблема —
Красит роскошью эдема
Ваши мягкие струи.
Помню прелесть пирной ночи:
Живо помню я, как вы,
Задремав, чрез ясны очи
Ниспадали с головы;
В ароматной сфере бала,
При пылающих свечах,
Пышно тень от вас дрожала
На груди и на плечах;
Ручка нежная бросала
Вас небрежно за ушко;
Грудь у юношей пылала
И металась высоко.
Мы, смущенные, смотрели —

Сердце взорами неслось,
Ум тускнел, уста немели,
А в очах сверкал вопрос:
«Кто ж владелец будет полный
Этой россыпи златой?
Кто-то будет эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто из нас, друзья-страдальцы,
Будет амвру их впивать,
Навивать их шелк на пальцы,
Поцелуем припекать,
Мять и спутывать любовью
И во тьме по изголовью
Беззаветно рассыпать?»

Кудри, кудри золотые,
Кудри пышные, густые —
Юной прелести венец!
Вами юноши пленялись,
И мольбы их выражались
Стуком пламенных сердец;
Но снедаемые взглядом
И доступны лишь ему,
Вы ручным бесценным кладом
Не дались никому:
Появились, порезвились —
И, как в море вод хрусталь,
Ваши волны укатились
В неизведанную даль!

1835

Искра

Дикий камень при дороге
Дремлет глыбою немой;
В небе гром, земля в тревоге:
Он недвижен под грозой.
Дни ль златые улыбнутся —
Всюду жизнь заговорит,
Всюду звуки отольются:
Глыба мертвая молчит;
Всё одето ризой света,
Всё согрето, а она —
Серым мхом полуодета
И мрачна и холодна.

Но у этой мертвой глыбы
Жизни чудное зерно
В сокровенные изгибы
До поры схоронено.
Вот — удар! Она проснулась,
Дикий звук произнесла,
И со звуком — встрепенулась
Брызга света и тепла:
Искра яркая вспрыгнула
Из темницы вековой,
Свежим воздухом дохнула,
Красной звездочкой блеснула,
Разгорелась красотой.

Миг еще — и дочь удара
В тонком воздухе умрет,
Иль живым зерном пожара
Вдруг на ветку упадет, —
Разовьется искра в пламень,
И, дремавший в тишине,
Сам ее родивший, камень
Разрушается в огне.

Долго дух в оцепененьи
Безотзывен и угрюм,
Долго в хладном онеменьи
Дремлет сердце, дремлет ум;
Долго искра золотая
В бездне сумрачной души,
В Божий мир не выступая,
Спит в бездейственной тиши;
Но удар нежданный грянет —
Искра прянет из оков
И блистательно проглянет
Из душевных облаков,
И по миру пролагая
Всепалящей силой путь,
И пожары развивая,
Разрушает, огневая,
Огнетворческую грудь.

1836

Прости!

Прости! — Как много в этом звуке
Глубоких тайн заключено!
Святое слово! — в миг разлуки
Граничит с вечностью оно.
Разлука… Где ее начало?
В немом пространстве без конца
Едва *да будет* прозвучало
Из уст божественных Творца,
Мгновенно бездна закипела,
Мгновенно творческий глагол
Черту великого раздела
В хао́се дремлющем провел.
Сей глас расторгнул сочетанья,
Стихии рознял, ополчил,
И в самый первый миг созданья
С землею небо разлучил,
И мраку бездны довременной
Велел от света отойти, —
И всюду в первый день вселенной
Промчалось грустное «прости».
С тех пор доныне эти звуки
Идут, летят из века в век,
И, брошенный в юдоль разлуки,
Повит страданьем человек.

С тех пор как часто небо ночи
Стремит в таинственной дали
Свои мерцающие очи
На лоно сумрачной земли

И, к ней объятья простирая,
В свой светлый край ее манит!
Напрасно: узница родная
В оковах тяжести скорбит.
Заря с востока кинет розы —
Росой увлажатся поля;
О, это слезы, скорби слезы,
В слезах купается земля.
Давно в века уходят годы,
И в вечность катятся века,
Всё так же льется слез природы
Неистощимая река!

Прости! Прости! — Сей звук унылый
Дано нам вторить каждый час,
И наконец — в дверях могилы
Его издать в последний раз; —
И здесь, впервые полон света,
Исходит он, как новый луч,
Как над челом разбитых туч
Младая радуга завета,
И смерть спешит его умчать,
И этот звук с одра кончины,
Здесь излетев до половины,
Уходит в небо дозвучать, —
И повторен эдемским клиром
И принят в небе с торжеством,
Святой глагол разлуки с миром —
Глагол свиданья с божеством!

1837

К черноокой

Нет, красавица, напрасно
Твой язык лепечет мне,
Что родилась ты в ненастной,
В нашей хладной стороне!
Нет, не верю: издалёка
Бурный ветр тебя увлек:
Ты — жемчужина Востока,
Поля жаркого цветок!
Черный глаз и черный волос —
Всё не наших русых дев,
И томительный твой голос
Сыплет речь не нараспев.
Нет в лице твоем тумана,
Грудь не сжата у тебя,
И извив живого стана —
Азиатская змея.
Ты глядишь, очей не жмуря,
И в очах кипит смола,
И тропическая буря
Дышит пламенем с чела.
Фосфор в бешеном блистанье —
Взоры быстрые твои,
И сладчайшее дыханье
Веет мускусом любви.

Бивак

Темно. Ни звездочки на черном неба своде.
Под проливным дождем на длинном переходе
Промокнув до костей, до сердца, до души,
Пришли на место мы — и мигом шалаши
Восстали, выросли. Ну слава Богу: дома!
И — роскошь! — вносится в отрадный мой шалаш
Сухая, свежая, упругая солома.
«А чайник что?» — «Кипит». О чай — спаситель наш!
Он тут. Идет денщик — служитель ратных станов,
И слаще музыки приветный звон стаканов
Вдали уж слышится; и чайная струя
Спешит стаканов ряд наполнить по края.
Садишься и берешь — и с сладострастной дрожью
Пьешь нектар, радость пьешь, глотаешь милость Божью.
Нет, житель городской: как хочешь, величай
Напиток жалкий свой, а только он — не чай!
Нет, люди мирные, — когда вы не живали
Бивачной жизнию — вы чаю не пивали.
Глядишь: всё движется, волнуется, кипит;
Огни разведены — и что за чудный вид!
Такого и во сне вы, верно, не видали:
На грунте сумрачном необозримой дали
Фигуры воинов, как тени, то черны,
То алым пламенем красно освещены,
Картинно видятся в различных положеньях,
Кругами, группами, в раскидистых движеньях,
Облиты заревом, под искрами огней,
Со всею прелестью голов их поседелых,
Мохнатых их усов, нависших их бровей,

И глаз сверкающих, и лиц перегорелых.
Забавник-шут острит — и красное словцо
И добрый, звонкий смех готовы налицо.
Кругом и крик, и шум, и общий слитный говор.
Пред нами вновь денщик: теперь уж он как повар
Явился; ужин наш готов уже совсем.
Спасибо, мой Ватель! Спасибо, мой Карем!
Прекрасно! И, делúм живой артелью братской,
Как вкусен без приправ простой кусок солдатской!
Поели — нá лоб крест — и на солому бух!
И уж герой храпит во весь геройский дух.
О, богатырский сон! Едва ль он перервется,
Хоть гром из тучи грянь, обрушься неба твердь.
Великолепный сон! Он глубже, мне сдается,
Чем тот, которому дано названье: смерть.
Там спишь, а душу всё подталкивает совесть,
А нáд ухом ее нашептывает повесть
Минувших дней твоих; а тут… но барабан
Вдруг грянул — и восстал, воспрянул ратный стан.

1836

Черный цвет

В златые дни весенних лет,
В ладу с судьбою, полной ласки,
Любил я радужные краски:
Теперь люблю я черный цвет.

Есть дева — свет души моей,

О ком все песни и рассказы:
Черны очей ее алмазы
И черен шелк ее кудрей,

Мне музы сладостный привет
Волнует грудь во мраке ночи,
И чудный свет мне блещет в очи —
И мил мне ночи черный цвет.

Темна мне скучной жизни даль;
Печаль в удел мне боги дали —
Не радость. Черен цвет печали,
А я люблю мою печаль.

Иду туда, где скорби нет,
И скорбь несу душою сильной,
И милы мне — приют могильный
И цвет могильный — черный цвет.

1838

Вальс

Всё блестит: цветы, кенкеты,[1207]
И алмаз, и бирюза,
Ленты, звезды, эполеты,
Серьги, перстни и браслеты,
Кудри, фразы и глаза.
Всё в движеньи: воздух, люди,

[1207] *Кенкет* — масляная лампа (франц. *quinquet*).

Блонды,[1208] локоны, и груди
И достойные венца
Ножки с тайным их обетом,
И страстями и корсетом
Изнуренные сердца.

Бурей вальса утомленный
Круг, редея постепенно,
Много блеска своего
Уж утратил. Прихотливо
Пары, с искрами разрыва,
Отпадают от него.
Будто прах неоценимый —
Пыль с алмазного кольца,
Осьпь с пышной диадимы,
Брызги с царского венца;
Будто звезды золотые,
Что, покинув небеса,
Вдруг летят в края земные,
Будто блестки рассыпные,
Переливчато-цветные,
С огневого колеса.

Вот осталась только пара,
Лишь *она* и *он*. На ней
Тонкий газ — белее пара;
Он — весь облака черней.
Гений тьмы и дух эдема,
Мнится, реют в облаках,

[1208] *Блонды* — старинные шелковые кружева желтоватого оттенка.

И Коперника система
Торжествует в их глазах.
Вот летят! — Смычки живее
Сыплют гром; чета быстрее
В новом блеске торжества
Чертит молнии кругами,
И плотней сплелись крылами
Неземные существа.
Тщетно хочет чернокрылый
Удержать полет свой: силой
Непонятною влеком,
Как над бездной океана,
Он летит в слоях тумана,
Весь обхваченный огнем.
В сфере радужного света
Сквозь хаос и огнь и дым
Мчится мрачная планета
С ясным спутником своим.
Тщетно белый херувим
Ищет силы иль заклятий
Разломить кольцо объятий,
Грудь томится, рвется речь,
Мрут бесплодные усилья,
Над огнем открытых плеч
Веют блондовые крылья,
Брызжет локонов река,
В персях места нет дыханью,
Воспаленная рука
Крепко сжата адской дланью,
А другою — горячо

Ангел, в ужасе паденья,
Держит демона круженья
За железное плечо.

1840

Порыв

Как в кованой клетке дубравная птица,
Всё жажду я, грустный, свободного дня.
Напрасно мне блещут приветные лица,
И добрые люди ласкают меня:
Мне тяжко встречаться с улыбкою ясной;
Мне больно смотреть, как играет заря;
Нет, милые люди, напрасно, напрасно
Хотите вы сделать ручным дикаря!
Вы сами видали, как странно и тщетно,
Скрывая унынье, притворствовал я,
Как в обществе чинном и стройном заметна
Глухая, лесная природа моя.
Природа была мне в притворстве уликой:
Впиваясь в ее вековую красу,
Я рос на раздольях Карелии дикой,
Над озером бурным, в угрюмом лесу.
Со мной вы расстались, деревья родные!
Я помню, в минуты прощальной поры
Как слезы катились у вас смоляные
Живым янтарем из-под темной коры,
Как вы мне, сгибаясь, главами кивали,
Даря свой последний, унылый привет,

Как ваши мне листья по ветру шептали:
«Куда ты уходишь? — Там счастия нет»

О, я разорвал бы печали завесу,
Забытою жизнью дохнул бы вполне, —
Лишь дайте мне лесу, дремучего лесу!
Отдайте лишь волю широкую мне,
Где б мог я по-своему горе размыкать,
Объятья природе опять распахнуть,
И праздно бродящую радость закликать
На миг перепутья в отверстую грудь!

Близ берегов

(В Крыму)

В широком пурпуре Авроры
Восходит солнце. Предо мной
Тавриды радужные горы
Волшебной строятся стеной.
Плывем. Всё ближе берег чудный
И ряд заоблачных вершин —
Всё ближе. У кормы дельфин
Волной играет изумрудной
И прыщет искрами вокруг.
Вот пристань! — Зноем дышит юг.

Здесь жарко-сладок воздух чистый,
Огнем и негой разведен.
И, как напиток золотистый,
Из чаши неба пролит он.

Там — в раззолоченном уборе,
Границ не знающее море
С небесной твердью сведено,
А тут — к брегам прижаться радо,
И только именем черно,
Слилось лазурное оно
С зеленым морем винограда.
К громадам скал приник залив,
И воды трепетные млеют,
И рощи лавров отразив,
Густые волны зеленеют.

Молитва

Творец! Ниспошли мне беды́ и лишенья,
Пусть будет мне горе и спутник и друг!
Но в сердце оставь мне недуг вдохновенья,
Глубокий, прекрасный, священный недуг!

Я чувствую, Боже: мне тяжко здоровье;
С ним жизни моей мне невидима цель.
Да будет же в мире мне грусть — изголовье,
Страдание — пища, терпенье — постель!

Земная надежда, как призрак исчезни!
Пусть мрачно иду я тропой бытия!
Но в сладких припадках небесной болезни
Да снидет мне в душу отрада моя!

Когда же, отозван небес произволом,

Меня он покинет — желанный недуг,
И дар мой исчезнет, и стройным глаголом
Не будет увенчан мой тщетный досуг, —

Дозволь мне, о небо, упадшему духом,
Лишенному силы струнами владеть, —
На звуки склоняясь внимательным слухом,
Волшебные песни душой разуметь!

С земли воздымаясь до горнего мира,
Пророческий голос отрадой мне будь!
До сердца коснется знакомая лира —
Увлажатся очи и двигнется грудь!

Тоска

Порою внезапно темнеет душа, —
Тоска! — А Бог знает — откуда?
Осмотришь кругом свою жизнь: хороша,
А к сердцу воротишься: худо!

Всё хочется плакать. Слезами средь бед
Мы сердце недужное лечим.
Горючие, где вы? — Горючих уж нет!
И рад бы поплакать, да нечем.

Ужели пророческий сердца язык
Сулит мне удар иль потерю?
Нет, я от мечты суеверной отвык,
Предчувствиям темным не верю.

Нет! — Это — не будущих бедствий залог,
Не скорби грядущей задаток,
Не тайный на новое горе намек,
А старой печали остаток.

Причина ее позабыта давно:
Она лишь сама сохранилась,
В груди опустелой упала на дно,
И там залегла, притаилась,

Уснула — и тихо в потемках лежит;
Никто ее, скрытой, не видит;
А отдыхом силы она освежит,
Проснется — и выглянет, выйдет

И душу обнимет. Той мрачной поры
Пошел бы рассеять ненастье,
С людьми поделился б... Они так добры;
У них наготове участье.

Их много — и слишком — к утехе моей.
Творец мой! Кому не известно,
Что мир твой так полон прекрасных людей,
Что прочим становится тесно?

Да думаю: нет! Пусть же сердце мое
Хоть эта подруга голубит!
Она не мила мне; но гнать ли ее,
Тогда как она меня любит?

Ее ласка жестка, ее чаша горька,
Но есть в ней и тайная сладость;
Ее схватка крепка, и рука не легка:
Что ж делать? Она ведь — не радость!

Останусь один. Пусть никто из друзей
Ее не осудит, не видит,
И пусть ни единый из добрых людей
Насмешкой ее не обидит!

Московские цыганы

Хор готов. Вожатый ярый
Вышел, волю дал плечу.
Заиграло; вспыхнул старый!
Стал, моргнул, качнул гитарой,
Топнул, брякнул; — тише! чу!
Груша поет: голосок упоительный
Тонкой серебряной нитью дрожит,
Как замирает он в неге мучительной…
Чу!.. Гром!.. Взрыв!.. Буря шумит.
Грянул хор; сверкнули брызги
От каскада голосов.
Пламя молний! Ветра взвизги!
Моря вой и шум лесов!
Град ударов звонкой сечи!
Перекрестная гроза!
Огнь из уст! Из глаз картечи!
Пышут груди; ноют плечи,

Рыщут дикие глаза.
Вот запевает *Любовь*-чародейка:
Звонкий напев ее душу сквозит,
Льется, как струйка, и вьется, как змейка,
Ластится к сердцу и сладко язвит.
Чу!.. Свист!.. Вопль!.. Пожар трескучий!
Гармоническая брань!
То разинул хор гремучий
Полну бешеных созвучий
Раскаленную гортань!
Вот разгульный клик несется:
«Мы живем среди полей!»
Весь в огне *Илья* трясется,
Размахнется, развернется:
«Живо! Веселей!»
А вот «В темном лесе» — *Матрёна* колотит,
Колотит, молотит, кипит и дробит,
Кипит и колотит, дробит и молотит,
И вот — поднялась, и взвилась, и дрожит…
Врозь руками размахнула —
Хочет целый мир обнять.
Вот плывет… скользит… вздрогну́ла,
Кости старые тряхнула,
Повернулась — да опять!
Чудо — ведьма ты, злодейка!
Вне себя *Илья* стучит,
Рвется, свищет и кричит:
«Жизнь для нас — копейка!»

1842

К моей музе

Благодарю тебя: меня ты отрывала
От пошлости земной, и, отряхая прах,
С тобой моя душа всё в мире забывала
И сладко мучилась в таинственных трудах.
Сначала озарять пир юности кипучей
Влетала ты ко мне в златые дни забав,
Гремя литаврами и бубнами созвучий,
Покровы распахнув и дико разметав
Густые волосы по обнаженной груди.
Тебя так видели и осуждали люди
Нескромность буйную. Порою твой убор
Был слишком прихотлив и оскорблял их взор.
Сказали: он блестящ не в меру, он изыскан,
И амврой чересчур и мускусом[1209] напрыскан,
И ты казалась им кокеткою пустой,
Продажной прелестью, бездушной красотой.
Мир строг: он осудил твою младую шалость,
Твой бешеный порыв; твоих проступков малость
Он в преступление тяжелое вменил;
Ты скрылась от него, и он тебя забыл.
Но в тишине, в глуши меня ты не забыла,
И в зрелом возрасте мой угол посетила:
Благодарю тебя! — Уже не молода
Ты мне являешься, не так, как в те года,
Одета запросто, застегнута под шею,

[1209] *Мускус* — остро пахучая буроватая зернистая масса, вырабатываемая семенными железами самца кабарги, употребляется в парфюмерии и медицине.

Без ко́лец, без серег, но с прежнею своею
Улыбкой, лаской ты сидишь со мной в тиши,
И сладко видеть мне, что ты не без души,
Что мир тебя считал прелестницей минутной
Несправедливо... нет! В разгульности беспутной
Не промотала ты святых даров Творца;
Ты не румянила и в юности лица,
Ты от природы так красна была, — и цельный
Кудрявый локон твой был локон неподдельный,
И не носила ты пришпиленной косы,
Скручённой напрокат и взятой на часы.
О нет, ты не была кокеткою презренной,
И, может быть, ко мне в приязни неизменной,
Переживя меня, старушкой доброй ты
Положишь мне на гроб последние цветы.

1954

Письма

Послания милой, блаженства уроки,
Прелестные буквы, волшебные строки,
Заветные письма! Я вами богат;
Всегда вас читаю, и снова читаю,
И млею, и таю, и слезы глотаю,
И знаю насквозь, наизусть, наугад.

Любуюсь я слогом сих нежных посланий;
Не вижу тут жалких крючков препинаний;
В узлах запятых здесь не путаюсь я:

Грамматику сердца лишь вижу святую,
Ловлю недомолвки, ошибки целую
И подпись бесценную: «Вечно твоя».

Бывало, посланник, являясь украдкой,
Вручит мне пакетец, скрепленный облаткой.
Глядь: вензель знакомый. На адрес смотрю:
Так почерк неровен, так сизо чернило,
И ять[1210] не на месте… как всё это мило!
«Так, — это от… знаю», а сам уж горю.

От друга, от брата — бегу, как от пугал,
Куда-нибудь в сумрак, куда-нибудь в угол,
Читаю… те смотрят; я, дух затая,
Боюсь, что и мысль мою кто-нибудь слышит;
А тут мне вопросы: кто это к вам пишет?
«Так — старый знакомый. Пустое, друзья».

В глазах моих каждая строчка струится,
И каждая буква, вгляжусь, шевелится,
Прислушаюсь: дышит и шепчет: живи!
Тут брызга с пера — род нечаянной точки —
Родимое пятнышко милой мне щечки
Так живо рисует пред оком любви.

Хранитесь, хранитесь, блаженства уроки,
Без знаков, без точек — заветные строки!
Кто знает? Быть может, под рока грозой
Когда-нибудь после на каждую строчку

[1210] *Ять* — Название буквы Ѣ, обозначавшей в древности особый звук, впоследствии совпавший с Е.

Сих тайных посланий я грустную точку
Поставлю тяжелой, сердечной слезой.

1856

Переход

Видали ль вы преображенный лик
Жильца земли в священный миг кончины —
В сей пополам распределенный миг,
Где жизнь глядит на обе половины?

Уж край небес душе полуоткрыт;
Ее глаза туда уж устремились,
А отражать ее бессмертный вид
Черты лица еще не разучились —

И неземной в них отразился б день
Во всех лучах великого сиянья,
Но те лучи еще сжимает тень
Последнего предсмертного страданья.

Но вот — конец! Спокоен стал больной.
Спокоен врач. Сама прошла опасность —
Опасность жить. Редеет мрак земной,
И мертвый лик воспринимает ясность.

Так над землей, глядишь, ни ночь, ни день;
Но холодом вдруг утро засвежело,
Прорезалась рассветная ступень, —

И решено сомнительное дело.

Всмотритесь в лик отшедшего туда
В известный час; он ясностью своею
Торжественно вам, кажется, тогда
Готов сказать: «Я понял! разумею!

Узнал!» — Устам как будто нарушать
Не хочется святыню безглагольства,
А на челе оттиснута печать
Всезнания и вечного довольства.

Здесь, кажется, душа, разоблачась,
Извне глядит на это облаченье,
Чтоб в зеркале своем в последний раз
Последних дум проверить выраженье.

Но тленье ждет добычи — и летит
Бессмертная, и, бросив тело наше,
Она земным стихиям говорит:
Голодные, возьмите: это ваше!

1853

После праздника

Недавно был праздник, и было так весело, шумно,
И было так много прекрасных там дев светлокудрых,
Что радостью общей и я увлекался безумно,
Оставив беседу мужей и наставников мудрых.

Так часом вдаешься невольно в чужое веселье,
И будто бы счастлив, и будто бы сызнова молод;
Но после мелькнувшего пира мне тяжко похмелье,
И в душу врывается пуще язвительный холод.

И после стыжусь я, зачем, изменяя порядку,
Как школьник, не вовремя я так шалил и резвился,
И совестно, будто бы с жизни взял грешную взятку,
Как будто неправо чужим я добром поживился.

И голос упрека в душе так пронзительно звонок
И так повторяется тайным, насмешливым эхом,
Что если бы слезы... заплакал бы я, как ребенок!

Нет! Снова смеюсь я, но горьким, мучительным смехом.

1855

Неотвязная мысль

Как привяжется, как прилепится
К уму-разуму думка праздная,
Мысль докучная в мозг твой вцепится
И клюет его, неотвязная,
И подобная птице-ворону
Так и каркает в самом темени:
Норовлю от ней как бы в сторону,
Говорю: «Пусти! Нету времени.
День рабочий мне начинается

И кончается он заботою»; —
А несносная упирается:
Я с тобой, дескать, поработаю! —
И становится мне помехою,
И с помехою той досадною,
Что ни сделаю — всё с прорехою
Иль с заплаткою неприглядною.
Вспомнишь прошлое: были случаи —
Сердце юное поразнежится,
Забурлят в уме мысли жгучие,
И одна из них в душу врежется
И займет она всю головушку —
Мысль про тайную ласку дружнюю,
Аль про девушку, аль про вдовушку,
Аль — на грех-беду — про замужнюю,
Да как жаркое сердце свяжется
С этой думкою полюбовною —
Вся вселенная тебе кажется
Софьей Павловной; Ольгой Львовною;
Всюду прелести совершенные,
Всюду милые да прекрасные,
Ненаглядные, незабвенные!
В небе Лидии очи ясные
Во звездах тебе зажигаются,
Ветерок звенит Маши голосом,
Ветки дерева завиваются
Насти локонов мягким волосом;
Стих горит в уме с рифмой бешеной —
Стих, откованный сердца молотом;
На людей глядишь, как помешанный;

Мишуру дают — платишь золотом.
Дело прошлое! Дело древности!
Сколько дел моих ты расстроило!
Сколько было там глупой ревности!..
Да с любовью-то хоть уж стоило
Побезумствовать, покуражиться;
А теперь-то что? — Словно старая
Баба хилая, мысль привяжется
Худощавая, сухопарая;
С теми ль встретишься, с кем ты водишься, —
Речь их сладкая — мед малиновый,
Ты ж словцо сказать не находишься!
Как чурбан какой, пень осиновый,
С головою своей бесталанною
Дураком стоишь, заминаешься,
И на мысль свою окаянную
Всеми силами ополчаешься;
Гонишь прочь ее речью грубою:
«Вон из Питера! В подмосковную!
Не сравню ж тебя я, беззубую,
С Софьей Павловной, с Ольгой Львовною.
Отцепись же ты, сухопарая,
Неотвязная, безотходная!
Убирайся прочь, баба старая!
Фёкла Савишна ты негодная!»
Я гоню ее с криком, топотом,
Не стихом кричу — прозой рубленной,
А она в ответ полушепотом:
«Не узнал меня, мой возлюбленный!
А всё та же я, только смолоду

Я жила с тобой в женской прелести,
Но прибавилось в жизни холоду —
И осунулись бабьи челюсти;
Целовать меня не потянешься,
Счастья дать тебе не могущую,
Да зато во мне не обманешься,
Говорю тебе правду сущую,
И служу тебе верной парою,
И угрюмая, и суровая,
За тобой хожу бабой старою,
А за мной идет баба новая:
В белизне она появляется,
И суха, суха — одни косточки,
А идет она — ухмыляется,
А коса у ней вместо тросточки.
То не та коса благовонная,
Что, обвитая лентой тонкою
И тройным жгутом заплетенная,
Гордо держится под гребенкою,
Что сушúт, крушит сердце юноши,
Что — корона днем самопышная,
А рассыплется до полуночи —
Покрывало сбрось: вещь излишняя!
Для двоих тут есть чем закутаться,
Да останется — сердцу ярому,[1211]
Чем на век еще перепутаться
И веревку свить мужу старому.
То не та коса! — как свистящая
Сабля острая, круто-гнутая,

[1211] *Ярый* — огненный, пылкий; крайне ретивый, рьяный.

То коса всех кос, всекосящая;
С той косой идет баба лютая.
Нет кудрей у ней — нечем встряхивать,
Голова у ней безволосая,
Лишь косой вертеть да помахивать
Любит бабушка та курносая».

Грустная песня

Плохо! Чем живется доле,
Тем живется хуже.
Приютился б в горькой доле
Сердцем — да к кому же?

Бродишь старым сиротою;
Все мне как-то чужды;
Как живу и что со мною —
Никому нет нужды.

Есть у Божьей церкви, с краю,
Тихая могила.
Там лежит одна, я знаю:
Та меня любила.

Не за то чтоб точно было
Всё во мне так мило,
А за то меня любила,
Что меня роди́ла.

Изнуренная, больная,

Дряхлая, бывало,
Тужишь, ищешь ты, родная:
«Где дитя пропало?»

А сынок твой одурелый
Рыскал всё по свету,
Смотришь: нет его день целый,
Да и к ночи нету.

Бедной матери не спится;
Слез полна подушка:
«Мало ль может что случиться? —
Думает старушка. —

Страшен ворог неключимый[1212]
В эдакую пору.
Не попался ли родимый
Лиходею-вору?

Не ограбили ли сына?
Жив ли он, желанный?»
Чу! Идет домой детина,
Словно окаянный, —

Встрепан, бледен, смотрит дико,
Волос в беспорядке, —
Сам трясется весь… поди-ка:
Верно, в лихорадке!

[1212] *Неключимый* — негодный, непотребный.

Да, он болен, он расслаблен,
Он ужален змеем,
А пожалуй и ограблен —
Только не злодеем,

А разбойницей-злодейкой,
Резвою девчонкой,
С черной бровью, с белой шейкой,
С трелью речи звонкой.

Лишь закинула словечко —
И поддела разом
Из груди его сердечко,
Из-под шапки разум;

Всю в нем душу возмутила
Дьявольским соблазном
И домой его пустила
В виде безобразном.

А сама… и горя мало!
Жалости не крошки!
Так и пляшет с кем попало,
Только брызжут ножки.

Я ж лежу, горю и таю,
Думаю: кончина!
И за грудь себя хватаю —
То-то дурачина!

Мать горюет; слезы сжаты;
Смотрит на больного,
Говорит: «Напейся мяты
Иль чайку грудного!» —

«Эх, родная! — отвечаю: —
Что тут чай и мята,
Где отрады я не чаю,
Где душа измята?»

Чу! звонят. Гляжу: могила!
И мой жребий понят.
Лишь одна меня любила,
Да и ту хоронят.

И замкнулася тоскою
Жизнь моя блажная.
Ты зовешь меня к покою.
Подожди, родная!

Вечер в саду

Солнце будто б с неохотой
Свой прощальный мечет взгляд
И червонной позолотой
Обливает темный сад.

На скамейке я у стенки
В созерцании сижу
И игривые оттенки

Пышной зелени слежу:

Там — висит густым развивом,
Там — так женственно-нежна,
Там — оранжевым отливом
Отзывается она.

Аромат разлит сиренью,
И меж дремлющих ветвей
Свет заигрывает с тенью,
Уступая место ей.

Что-то там — вдали — сквозь ветки
Мне мелькнуло и потом
Притаилось у беседки,
В липах, в сумраке густом.

Что б такое это было —
Я не знаю, но оно
Так легко, воздушно, мило
И, как снег, убелено.

Пронизав летучей струйкой
Темный зелени покров,
Стало там оно статуйкой,
Извая́нной из паров.

Напрягаю взор нескромный
(Любопытство — спутник наш):
Вот какой-то образ темный

Быстро движется туда ж.

Сумрак гуще. Твердь одета
Серых тучек в бахромы.
То был, мнится, ангел света,
А за ним шел ангел тьмы; —

И, где плотно листьев сетка
Прижимается к стене,
Скрыла встречу их беседка
В ароматной глубине.

И стемнело всё. Все виды
В смуглых очерках дрожат,
И внесла звезда Киприды[1213]
Яркий луч свой в тихий сад.

Всё какой-то веет тайной,
И, как дева из окна,
В прорезь тучки белокрайной
Смотрит робкая луна,

И, как будто что ей видно,
Что в соблазн облечено,
Вдруг прижмурилась... ей стыдно —
И задернула окно.

Чу! Там шорох, шопот, лепет...
То колышутся листки.

[1213] Т. е. планета Венера.

Чу! Какой-то слышен трепет...
То ночные мотыльки.

Чу! Вздыхают... Вновь ошибка:
Ветерок сквозит в саду.
Чу! Лобзанье... Это рыбка
Звонко плещется в пруду.

Всё как будто что играет
В этом мраке и потом
Замирает, замирает
В обаянии ночном, —

И потом — ни лист, ни ветка
Не качнется; ночь тиха;
Сад спокоен — и беседка
Там — вдали — темна, глуха.

1856

День и две ночи

Днем небо так ярко: смотрел бы, да больно;
Поднимешь лишь к солнцу взор грешных очей —
Слезятся и слепнут глаза, и невольно
Склоняешь зеницы на землю скорей
К окрашенным легким рассеянным светом
И дольнею тенью облитым предметам.
Вещественность жизни пред нами тогда
Вполне выступает — ее череда!

Кипят прозаических дел обороты;
Тут счеты, расчеты, заботы, работы;
От ясного неба наш взор отвращен,
И день наш труду и земле посвящен.

Когда же корона дневного убранства
С чела утомленного неба снята,
И ночь наступает, и чаша пространства
Лишь матовым светом луны налита, —
Тогда, бледно-палевой дымкой одеты,
Нам в мягких оттенках земные предметы
Рисуются легче; нам глаз не губя,
Луна позволяет смотреть на себя,
И небо, сронив огневые уборы,
Для взоров доступно, — и мечутся взоры
И плавают в неге меж светом и мглой,
Меж дремлющим небом и сонной землей;
И небо и землю кругом облетая,
Сопутствует взорам мечта золотая —
Фантазии легкой крылатая дочь:
Ей пища — прозрачная лунная ночь.

Порою же ночи безлунная бездна
Над миром простерта и густо темна.
Вдруг на небо взглянешь: оно многозвездно,
А взоры преклонишь: земля чуть видна,
Дол тонет во мраке; — невольно вниманье
Стремится туда лишь, откуда сиянье
Исходит, туда — в лучезарную даль…
С землей я расстался — и, право, не жаль:

Мой мир, став пятном в звездно-пламенной раме,
Блестящими мне заменился мирами;
Со мною глаз на глаз вселенная здесь,
И, мнится, с землею тут в небе я весь,
Я сам себе вижусь лишь черною тенью,
Стал мыслью единой, — и жадному зренью
Насквозь отверзается этот чертог,
Где в огненных буквах начертано: Бог.

1856

Мелочи жизни

Есть муки непрерывные: не видно,
Не слышно их, о них не говорят.
Скрывать их трудно, открывать их стыдно,
Их люди терпят, жмутся и молчат.

Зарыты в мрак душевного ненастья,
Они не входят в песнь твою, певец.
Их благородным именем несчастья
Назвать нельзя, — несчастие — венец,

Венец святой, надетый под грозою,
По приговору Божьего суда.
Несчастье — терн, обрызнутый слезою
Иль кровию, но грязью — никогда.

Оно идет, как буря, — в тучах грозных,
С величьем, — тут его и тени нет.

Тут — пошлость зол и бед мелкозанозных,
Вседневных зол и ежечасных бед.

Житейский сор! — Едва лишь пережиты, —
Одни ушли, те сыплют пылью вновь, —
А на душе осадок ядовитый
От них растет и проникает в кровь;

Они язвят, подобно насекомым,
И с ними тщетна всякая борьба, —
Лишь вихрем бурным, молнией и громом
Разносит их могучая судьба.

Прежде и теперь

Я не люблю воспоминаний — нет!
О, если б всё, всё сердце позабыло!
Пересмотрев ряды минувших лет,
Я думаю: зачем всё это было?

Прошедшее за мною, как змея,
Шипя, ползет. Его я проклинаю.
Всё, что узнал, ношу, как бремя, я
И говорю: «Зачем я это знаю?»

Под разума критической лозой
Вся жизнь моя мне кажется ошибкой.
На что смотрел я прежде со слезой,
Теперь смотрю с насмешливой улыбкой.

Пред чем горел я пламенем грудным,
Пред тем стою с бесчувственностью трупа;
О том, что мне казалось неземным,
Готов сказать: «Как это было глупо!»

А для чего желал бы я забыть
Минувшее? — Чтоб сердцем стать моложе
И в будущем возобновить всё то же,
Все глупости былые повторить, —

Растратить вновь святые упованья,
И, опытов хватая барыши,
За них продать и девственность незнанья,
И светлое ребячество души.

Как весело, пока живешь и любишь,
И губишь всё, что думал век любить!..
Нехорошо всё это погубить,
А хорошо, пока всё это губишь.

Раздумье

Когда читаю я с улыбкой старика
Написанное мной в то время золотое,
Когда я молод был, — и строгая рука
Готова изменить и вычеркнуть иное, —
Себя остановив, вдруг спрашиваю я:
Черты те исправлять имею ли я право?
Порой мне кажется, что это не моя
Теперь уж собственность, и, «мудрствуя лукаво»,

Не должен истреблять я юного греха
В размахе удалом залетного стиха,
И над его огнем и рифмой сладострастной
Не должен допускать управы самовластной.
Порой с сомнением глядишь со всех сторон
И ищешь автора, — да это, полно, я ли?
Нет! Это он писал. Пусть и ответит он
Из прошлых тех времен, из той туманной дали!
Чужого ли коснусь я дерзкою рукой?
Нет! Даже думаю в невольном содроганье:
Зачем под давнею, забытою строкой
Подписываю я свое именованье?

«По синим волнам океана»[1214]

Из гроба твой стих нам гремит,
Поэт, опочивший так рано.
Воздушный корабль твой летит
«По синим волнам океана».

Всегда твоя песня жива,
И сладки, как звуки органа,
Твои золотые слова:
«По синим волнам океана».

И музыку кто-то творит
Для песни певца-великана,
И музыка та говорит:
«По синим волнам океана».

[1214] Первая строка стихотворения Лермонтова «Воздушный корабль».

И, вызвав обдуманных нот
Аккорды из струн фортепьяно,
Садится она и поет:
«По синим волнам океана».

И глаз ее светлых эмаль,
Мне кажется, дымку тумана
Пронзая, кидается вдаль —
«По синим волнам океана».

И, думами, думами полн,
Дрожу я, как в миг урагана
Бросаемый бурею челн
«По синим волнам океана».

И вместе с певицей тогда
Я рад бы без цели и плана
Умчаться Бог знает куда
«По синим волнам океана».

В лесу

Тебя приветствую я снова,
Маститый старец — темный лес,
Стоящий мрачно и сурово
Под синим куполом небес.

Меж тем как дни текли за днями,
Ты в грудь земли, на коей стал,

Глубоко врезался корнями
И их широ́ко разметал.

Твои стволы, как исполины,
Поправ пятой постелю мхов,
Стоят, послав свои вершины
На поиск бурных облаков.

Деревья сблизились, как братья,
И простирают всё сильней
Друг к другу мощные объятья
Своих раскинутых ветвей.

Я вижу дубы, сосны, ели,
Там — зев дупла, там — мох седой,
Коры растрескавшейся щели,
И пни, и кочки под ногой.

При ветре здесь витийством шума
Я упоен, а в тишине
Как величаво смотрит дума
С деревьев этих в душу мне!

И в час, как солнце близ заката
И меркнет день, душа моя
Здесь дивным таинством объята
И новым чувством бытия, —

И, с миром бренным, миром пыльным
Как бы навек разделена,

В союзе с миром замогильным
Здесь Богу молится она, —

И лес является мне храмом,
Шум листьев — гимном торжества,
Смолистый запах — фимиамом,
А сумрак — тайной божества.

Спускает ночь свою завесу —
И мне мерещится тот век,
Как был родным родному лесу
Перворожденный человек.

Мне грезится тот возраст мира,
Как смертный мирно почивал,
Не заходила в лес секира,
Над ним огонь не пировал.

И где тот мир и та беспечность?
Вот мир с секирой и огнем,
Заботы, труд, могила, вечность…
Откуда мы? Куда идем?

Лесная тень из отдаленья
Идет, ко мне наклонена,
Как будто слово разуменья
Мне хочет высказать она, —

И пробираюсь я украдкой,
Как будто встретиться боюсь

С великой жизненной разгадкой,
К которой мыслями стремлюсь;

Древесных листьев сонный лепет
Робею выслушать вполне,
Боюсь понять… невольный трепет
Вдруг проникает в сердце мне.

Бурлит игра воображенья,
И, как в магическом кругу,
Здесь духа тьмы и все виденья,
Сдается, вызвать я могу, —

И страшно мне, как сыну праха,
Ужасно мне под этой тьмой,
Но как-то рад я чувству страха
И мне приятен ужас мой.

Он[1215]

Посвящено тем, которые его помнят и чтят его память

Я помню: был старик — высокий, худощавый,
Лик бледный, свод чела разумно-величавый,
Весь лысый, на висках седых волос клочки,
Глаза под зонтиком и темные очки.
Правительственный сан! Огромные заботы!
Согбен под колесом полезной всем работы,
Угодничества чужд, он был во весь свой век
Советный муж везде и всюду — человек,

[1215] Речь идет о министре финансов Е. Ф. Канкрине (1774—1845), под чьим началом служил Бенедиктов.

Всегда доступен всем для нужд, и просьб, и жалоб,
Выслушивает всех, очки поднимет на́ лоб,
И видится, как мысль бьет в виде двух лучей
Из синих, наискось приподнятых очей;
Иного ободрит улыбкою привета,
Другому, ждущему на свой вопрос ответа,
На иностранный лад слова произнося,
Спокойно говорит: «Нет, патушка, нелься».[1216]
Народным голосом и милостью престольной
Увенчанный старик, под шляпой треугольной,
В шинели серенькой, надетой в рукава,
В прогулке утренней протащится сперва —
И возвращается в свой кабинет рабочий,
Где труд его кипит с утра до поздней ночи.
Угодно ль заглянуть вам в этот кабинет?
Здесь нету роскоши, удобств излишних нет,
Всё дышит простотой студентской кельи скромной:
Здесь к спинке кресел сам хозяин экономный,
Чтоб слабых глаз его свет лишний не терзал,
Большой картонный лист бечевкой привязал;
Тут — груды книг, бумаг, а тут запас дешевых
Неслиндовских сигар и трубок тростниковых,
Линейки, циркуля́; а дальше — на полу —
Различных свертков ряд, уставленный в углу:
Там планы, чертежи, таблицы, счеты, сметы;
Здесь — письменный прибор. Вот все почти предметы!
И посреди всего — он сам, едва живой,
Он — пара тощих ног с могучей головой!
Крест-накрест две руки, двух метких глаз оглядка

[1216] «Нет, батюшка, нельзя».

Да тонко сжатых губ изогнутая складка —
Вот всё! — Но он тут — вождь, он тут душа всего,
А там орудия и армия его:
Вокруг него кишат и движутся, как тени,
Директоры, главы́ различных отделений,
Вице-начальники, светила разных мест,
Навыйные кресты и сотни лент и звезд;
Те в деле уж под ним, а те на изготовке,
Те перьями скрипят и пишут по диктовке,
А он, по комнате печатая свой шаг,
Проходит, не смотря на бренный склад бумаг,
С сигарою в зубах, в исканье целей важных,
Дум нечернильных полн и мыслей небумажных.
Вдруг: «Болен, — говорят, — подагрой поражен», —
И подчиненный мир в унынье погружен,
Собрались поутру в приемной, — словно ропот
Смятенных волн морских — вопросы, говор, шепот:
«Что? — Как? — Не лучше ли? — Недоспанных ночей
Последствие! — Упрям! Не слушает врачей.
Он всем необходим; сам царь его так ценит!
Что, если он… того… ну кто его заменит?»

Что шумишь?

Что шумишь? Чего ты хочешь,
Беспокойный рифмотвор?
Нас ты виршами морочишь
И несешь гремучий вздор,
Воешь, тратишься на вздохи
Да на жалобы, чудак,

Что дела на свете плохи,
Что весь мир идет не так.
Ты всё как бы тишь нарушить!
Как бы сердце растрепать!
Мы тебя не станем слушать:
Мы хотим спокойно кушать,
А потом спокойно спать.
Не тревожь покой наш сонный!
Не рычи, неугомонный!
Будь, как надо — человек!
Мы о призраках не тужим;
Мы действительности служим;
Положителен наш век.
Блеск твоих высоких истин
Нам несносен, ненавистен, —
Мы их знаем, верим им,
Только знать их не хотим:
Нам бы жить они мешали,
А ведь все хотим мы жить,
Так зачем бы вдруг мы стали
Этим истинам служить?
Что нам в них, когда и с ложью,
Благ земных имея часть,
Можно славить милость Божью,
И, чтоб духом не упасть,
Да и плоти не ослабить,
Иногда немножко грабить,
Иногда немножко красть?
Не смущая нашу совесть,
Не ворочая души,

Дай нам песню, сказку, повесть,
Позабавь нас, посмеши —
Так, чтоб было всё пустенько,
Непридирчиво, легко,
И попрыгало б маленько
В смехе круглое брюшко,
Посреди отдохновенья,
В важный час пищеваренья!
Не ломись в число судей!
Не вноси к нам ни уроков,
Ни обидных нам намеков,
Ни мучительных идей,
И не будь бичом пороков,
Чтоб не бить бичом людей!
Если ж дико и сурово
Заревешь ты свысока —
Эко диво! Нам не ново:
Мы как раз уймем дружка.

Улетела

Эх, ты молодость-злодейка!
Ты ушла от старика,
Что заветная копейка
Из кармана бедняка.
Для чего ж, себе на горе,
Сохранил я чувства пыл?
Для чего при милом взоре
Трепетать я не забыл?
Лучше б вымер этот пламень!

Лучше б, взвесив лет число,
Обратилось сердце в камень,
Да и мохом поросло!

Будь-ка ты еще со мною,
Вихорь-молодость моя,
Как с тобой, моей родною,
Погулял бы нынче я!
Этим юношам степенным
Дал бы я какой урок!
Этим смолоду растленным
И потом нейдущим впрок,
Этим с детских лет привыкшим
И к лорнетам и к очкам
И над книгами поникшим
Малолетним старичкам!

В премудреные вопросы
Углубились: их не тронь!
Жгут сигары, папиросы:
Дым-то есть, да где ж огонь?
Что им девы-чародейки?
Нет им дела до любви;
Лишь журнальные статейки
В их вращаются крови.
Не сердечные тревоги
Занимают мысли их,
А железные дороги,
Цены акций биржевых,
Механическая ловля

Орденов, чинов и мест
И свободная торговля
Хоть сперва — на счет невест.
В каждом видишь человечка,
Что с расчетцем на уме
Ищет теплого местечка
Где-нибудь, хоть в Чухломе.
Он родится дипломатом,
Талейран[1217] — глядишь — точь в точь,
Даже смотрит и Сократом[1218] —
От цикуты б только прочь!
Русь считает он деревней;
Весь и новый мир и древний
Изучил он вперебор,
И учен, учен без меры:
Знает, что и как — гетеры,
Говорит насчет амфор[1219]
И букета вин фалернских;
В новизне же, наконец,
После «Очерков губернских»[1220] —
Окончательный мудрец:
Он в провинции размножить
Хочет свет своих идей,
Хочет взятки уничтожить

[1217] *Талейран*-Перигор Шарль Морис (1754—1838), французский дипломат, министр иностранных дел в 1797—1815. Глава французской делегации на Венском конгрессе 1814—15, где ему удалось укрепить позиции Франции в Европе. В 1830—34 посол в Лондоне. При различных формах правления (Директория, Наполеон I, период Реставрации) Талейран постоянно стремился к сохранению позиций Франции в качестве великой державы. Один из самых выдающихся дипломатов, мастер тонкой дипломатической интриги.
[1218] *Сократ* из Афин (469—399 до н.э.) — античный философ, учитель Платона. По приговору суда выпил яд (цикуту), перед этим отказавшись от побега из Афин, который хотели устроить ему его ученики.
[1219] *Амфо́ра* (совр. ударение: *а́мфора*) — (у древних) большой узкогорлый сосуд с двумя ручками для вина, масла и других жидкостей.
[1220] «Губернские очерки» (1856) — социально-критическое произведение Салтыкова-Щедрина.

К утешению людей;
А потом, поднявши брови,
Заберется как туда,
Да войдет во вкус — беда!
Чуть лизнет тигренок крови —
Станет тигром хоть куда.

Но зачем я так обидно
Нападаю на тебя,
Юный друг мой? — Знать завидна
Старцу молодость твоя.
Не сердись! Не мсти поэту!
Так — я брежу и шучу,
Чем я начал песню,
Тем ее и заключу:
Эх, ты — молодость-злодейка!
Ты ушла от старика! —
Что последняя копейка
Из кармана бедняка.

1857

Плач остающегося в городе при виде переезжающих на дачу

Уж май. Весь Петербург сбирается на дачу.
Все едут: я один смотрю и горько плачу.
Все едут: я один, опальный сын земли,
Жить должен в городе, томясь в сухой пыли,
Средь раскаленных плит и толстых стен кирпичных,
Пону́рив голову над грудой дел обычных!

Уж пусть бы, думаю, богатство лишь одно
На дачу ехало! Ему уж суждено
Все блага пить! так нет; — туда ж несет и бедность
Свою лохмотьями обвернутую бледность,
Свой волчий аппетит — природы щедрый дар,
Своих чреватых жен и свой любовный жар.
Весною бедность та в грязи со мною ж вязнет,
А тут и поднялась и мимоездом дразнит
Меня, бездачного. Мы едем: погляди! —
Всё это говорит, — а ты себе сиди!
Какой прекрасный день! Как солнце светит ярко!
Посмотришь: тянется с домашним скарбом воз
И разной утварью наполненная барка, —
И кофе пить спешит в страну лилей и роз
С блаженной прачкою счастливая кухарка.
И сколько чудных встреч на барке, на возу!
Подушка встретилась со щеткою в тазу;
Там, поглядишь, с бельем в союзе небывалом,
Фарфор или хрусталь под старым одеялом;
Перина и сундук знакомиться спешат,
И сколько тайных чувств выходит на поверку:
К кофейной мельнице тут ластится ушат,
А тут тюфяк привстал и обнял этажерку;
Там — хлама разного громадные узлы;
И — что за дерзкий вид! — И стулья и столы
Пред всею публикой (у них стыда ни крошки)
Сцепились, ножки вверх, и ножки через ножки
Продеты так и сяк, — трясутся, дребезжат,
Являя чудный вид подвижных баррикад;
Метла глядит в ведро и в спину трет гитару;

Там «здравствуй» говорит корыто самовару,
Который, уж давно не ездив со двора,
Прегордо высунул свой кран из-под ковра;
С вещами дамскими вверху бечевкой тонкой
Крест-накрест связаны картонка над картонкой,
Где скипетр и венец из кружев, блонд и лент
С державой газовой до времени сокрыты,
Где все, пред чем потом поникнут без защиты
И свежий прапорщик, и розовый студент.
Вот едут курицы в корзине под лоханью,
Вот глиняный горшок с чахоточной геранью!
Ну вот, я думаю, поправится и та,
Когда ее свезут в эдемские места!
И эта тощая герань полуживая,
Держась позадь всего, меж кадок и корыт,
Колышется и, мне насмешливо кивая,
«На дачу едем мы: прощайте!» — говорит,
И кланяется всем проезжим и прохожим:
«Прощайте! — говорит: — вас взять с собой не можем;
На дачу едем мы». — И тронутый до слез,
Глазами грустными слежу я этот воз.
Вдруг взор мой поражен знакомым мне диваном,
С горбатой спинкою, обтянутой сафьяном,
Где прошлою зимой я часто восседал,
Как в дремлющем кругу стихи свои читал;
И словно Архимед, решивший вдруг задачу,
Кричу: открыл![1221] Они поехали на дачу —
Они! — И стол их — вот! И этот мне знаком;

[1221] «Эврика!» («я нашел!») — восклицание Архимеда, открывшего закон тяжести тел; восклицание, сделавшееся поговоркой по разрешении трудной задачи.

Он был опорою моих торжеств минувших;
В него я ударял, бывало, кулаком,
Чтоб стих усилить мой и разбудить уснувших,
А бедный стол страдал; на дачу едет он.
Быть может, и диван в пружинах изнурен:
Лечиться надобно. Все это поюнеет,
Телесность всякая воскреснет, пополнеет
И поздоро́веет, — и в платьице ином
Придется уширять прекрасных мест объем.
Все вспрянет — каждая чуть дышащая личность,
И бодрость петуха, и курицы яичность,
Цыплята явятся. Не только мир живой,
Но и бездушное как будто обновится,
И мебель дряблая, трещавшая зимой,
Там трещины сожмет и в силах укрепится.
Воображаю я: приедет этот воз
К жилищу, скрытому под сению берез,
И разгрузи́т свое торжественное лоно;
Адель уж там — и ждет: она из пансиона
Недавно вырвалась и вдруг на дачу — прыг!
Сюда! Скорей — сюда! И нежный детский лик
Сияет прелестью и новостью заботы.
Помада, скляночки, флаконы, книги, ноты,
Картонки, зеркало, собачка — все ли тут?
И милой барышни все это подают.
О кухне между тем ее maman хлопочет;
Разбилось кое-что… дочь смотрит и хохочет:
«Оставьте, — говорит, — оставьте всё! Да вы
Взгляните, маменька, места-то каковы!
Ведь это — прелести! Вам разве не понятно,

Что воздухом одним питаться здесь приятно!
На это время пусть уж будет позабыт
Весь прозаический хозяйственный ваш быт!»
А маменька — свое, всё о своей потере
Толкует, думает: к какой прибегнуть мере
И все устроить так, чтобы не быть беде.
«Где ж рынок? — говорит: — говядину-то где
Мы будем покупать? Ты, Адичка, пустого
Мне не рассказывай: захочется мясного!»
А Адичка, давно стан легкий округля,
Подвысив платьице и выправляя ножки,
По полисаднику несется вдоль дорожки
И делает шассе с припевом: тра-ля-ля.
А там, преплыв Неву, у радостного брега
Явилась ладия — род ноева ковчега —
И высадку творит. А там уже давно
Все наслаждается и все населено:
Поутру на крыльцо с приветным звоном чашек
Выносится поднос; кудрява, как барашек,
Выходит Лидия; в пиджаке и в очках
Эрнест, с дымящейся гаванною в зубах,
Идет с небрежностью, не чуждою претензий,
И сел, раскинувшись под шапками гортензий;
Проснулся самовар, зафыркал, заворчал,
И с моккским нектаром кофейник зажурчал, —
Живой источник сил и всякого здоровья,
Тут масло, сливки, сыр — вся благодать коровья —
Соседней фермы дар. Уж подан тайный знак
Из меткого окна пригоженькой соседке…
И пестрый попинька, в своей качаясь клетке,

В привет хозяину, уж прокричал: дурак!
И Васька — старый кот, чтоб милую картину
Дополнить, развалясь на солнце, выгнул спину
И лег философом; — он чужд огня в крови,
Быв в юности лишен способности к любви.
Но что картины все, без них — моих любимых —
Сих истых дачников — детей неукротимых?
Вот, вот они — друзья! В бездетности своей
Я — старый холостяк — боготворю детей:
Не этих скованных, одетых по рисунку,
Ученых напоказ и вытянутых в струнку,
Но этих маленьких разбойников земных,
Растущих весело в разгульной их свободе,
Где светской петли нет на детской их природе,
И, кажется, что я люблю так крепко их,
Как крепко не люблю разбойников больших.
Творец мой! Как хорош раскинутый по дачам
Сей шумный мир детей с их смехом, визгом, плачем!
Вот вечер! Поглядишь: там садик, здесь балкон
Приезжих группами приятно оживлен:
Тут гости; в их кругу и старичок почтенный,
С звездой и лысиной, совета президент,
И Бетси, и Мими, и он — вышереченный —
Тот свежий прапорщик и розовый студент.
В саду скрипит качель; там сквозь деревьев ветки
Блаженная чета мелькает у беседки.
Вот август подойдет, стемнеют вечера:
Там музыка гремит, там — пенье, там — игра,
Блестят фонарики и хлопают ракеты;

У Излера восторг и прелестям нет сметы.[1222]
Там угол оглашен веселым звоном чаш;
Там хохот; тут любовь; здесь шум и ералаш.[1223]
О Боже! Май настал, а я сижу и плачу
При виде едущих на летний пир — на дачу.

1857

Липы-липки

Липы-липки! вы мне милы;
Вас я не забуду;
Вас, родные, до могилы
Петь и славить буду.

Часто вам я, липы-липки,
В дни стихов и прозы
Посвящал мои улыбки,
Посвящал и слезы.

От жены бежал, злодейки,
И от лютой тещи,
Я чрез тайные лазейки
В липовые рощи;

[1222] *Излер* Иван Иванович — швейцарец по происхождению, увеселитель петербургской публики, род. в 1811 г., умер 20 сентября 1877 г. В конце 30-х годов в Новой Деревне, на земле гр. Строганова, существовал вокзал заведения искусственных минеральных вод; здесь на эстраде два раза в неделю по вечерам играла музыка; в 1848 г. вокзал этот взял на аренду Излер; он завел хороший оркестр Ив. Гунгля, цыганский хор Васильева, труппу гимнастов-арабов, ставил входившие в моду живые картины, устраивал фейерверки, иллюминации и пр. Эти увеселения пришлись очень кстати: они развлекали жителей столицы, унывших во время свирепствовавшей тогда холеры. В 60-х годах сад стал приходить в упадок и Излер его оставил. (Пыляев «Забытое прошлое окрестностей Петербурга»).
[1223] *Ералаш* — беспорядок, путаница (разг. фам.).

И прильнув душой печальной
К новой чародейке,
С ней гулял по самой дальной
Липовой аллейке.

И потом, предав забвенью
Горькие ошибки,
Я один сидел под тенью
Одинокой липки.

Шумным роем обсыпали
Пчелы липку эту;
Сладкий мед они сбирали
С липового цвету.

После люди мне сказали:
Что ты всё пьешь воду?
Ты от горя и печали
Лучше выпей меду!

Стал цедиться мед душистый
Струйкой золотистой,
А друзья-то подстрекали:
Пей! Ведь липец чистый!

Липец? — Как не пить в собраньи,
Липам в честь и славу,
Добрым людям для компаньи
И себе в забаву!

Вот и пил я что есть мочи,
Славя липку-липу,
А потом и дни и ночи
Спал я без просыпу.

Про́спал жар я, выспал холод,
Жизнь пропала даром,
Всё прошло; уснул я — молод,
А проснулся старым.

Еле ходишь, сухопарый,
Ломит поясницу;
Кашель душит, а и старый —
Любишь молодицу.

Вот однажды ей в признаньях
Говорю сквозь слезы:
«Может, милая, в страданьях
Помогли б мне розы.

Может, это лишь простуда,
И с померзлой кровью
Мне согреться бы не худо
Например — любовью». —

«Нет, на розы не надейся!
Слушайся совету, —
Говорит она: — напейся
Липового цвету!

Не любовью согревайся,
С сердцем обветшалым,
А плотнее накрывайся
Теплым одеялом!»

Стал я пить настой целебный,
Пил его я жадно,
Принял я совет врачебный,
Только всё не ладно.

Скоро, всю потратив силу,
Век я кончу зыбкой:
Вы ж, друзья, мою могилу
Осените липкой!

1857

Переселение

Срок настал. Оставив город шумный,
От него я скрылся, как беглец:
От тревог той жизни неразумной
Отдохнуть пора мне наконец.

Душно там; громадность да огромность
Ждут меня, — и посреди всего
Сознаю я горькую бездомность:
Нет нигде домишка моего.

Что я там? — Не гость и не хозяин;

Чувствую — там не по мне земля.
«Город — мой» — мне всюду шепчет Каин,
Авелю отведены поля.

То ли дело в мирной сельской доле;
Вольное, широкое житье!
Выйду ль я, да разгуляюсь в поле —
Это поле, кажется, мое.

Где себе ни выберу я место,
Лягу тут: точь-в-точь пришел домой;
Ну, а лес-то… Боже мой! А лес-то —
Темный лес — весь совершенно мой!

Там — посев; там хижины, строенья.
Прохожу по каждому двору:
Кажется — тут всё мои владенья,
Только я оброка не беру.

У меня ковер тут под ногами —
Шелковистый, бархатный ковер,
Мягкий, пышный, затканный цветами —
Злаки, мох и травка вперебор.

Там просвет, там тени по утесам;
Виды, виды — любо посмотреть!
А с лугов мне веет сенокосом…
Запах-то! Дохнуть — и умереть!

Я иду: колосья ржи — взгляните!

Все под ветром кланяются мне.
«Здравствуйте, друзья мои, растите, —
Мыслю я, — и полнитесь в зерне!»

Царь я; солнце у меня в короне;
У меня вот зеркало — река!
У меня на голубом плафоне
В позолоте ходят облака.

Живопись-то, живопись какая!
Вы всмотритесь: что за колорит!
Эта краска, искрясь и сверкая,
Семьдесят столетий так горит.

Утром встал я: мне заря блеснула
Алой лентой; пред моим окном
Мельница мне крылья распахнула
И глядит торжественным крестом.

Жизнь ведет под тем крестом отшельник…
Не ищи других завидных мест!
Этот крест — твой орден, добрый мельник,
И тебя питает этот крест.

Всех здесь будит утра в час обычный
Гласом трубным мой герольд[1224] — пастух,
Иль повеса и крикун публичный
С красным гребнем либерал-петух.

[1224] *Герольд* — вестник, глашатай при дворах феодальных правителей, а также распорядитель на рыцарских турнирах.

В полдень вся горит моя палата
Золотом; всё в красках, всё пестро;
Вечер мне шлет пурпур свой с заката;
Ночь в звездáх мне сыплет серебро.

А роса-то — перлы, бриллианты!
Эти слезы чище всяких слез;
Птички мне певцы и музыканты,
Соловей — мой первый виртуоз.

Церковь тут, — и сельское кладбище
Близко так, — и ельник тут в виду.
Вот мое последнее жилище!
Хорошо. Я дальше не пойду.

Вечерние облака

Уж сумрак растянул прозрачную завесу;
Последние лучи мелькают из-за лесу,
Где солнце спряталось. Волшебный час любви!
Заря затеплилась — и вот ее струи,
Объемля горизонт, проходят чрез березки,
Как лент изрезанных багряные полоски.
Там, светлым отблеском зари освещены,
Густые облака, сбегая с вышины,
Нависли пышными янтарными клубами,
А дальше бросились капризными дугами,
Узлами, прядями, чертами вкривь и вкось,
И это вьется всё, запуталось, сплелось

Так фантастически, так чудно, идеально,
Что было бы художнику дано
Всё это перенесть к себе на полотно,
Сказали б: хорошо, но как ненатурально!

К новому поколению

(От стариков)

Шагайте через нас! Вперед! Прибавьте шагу!
Дай Бог вам добрый путь! Спешите! Дорог час.
Отчизны, милой нам, ко счастию, ко благу
Шагайте через нас!

Мы грузом наших дней недолго вас помучим;
О смерти нашей вы не станете тужить,
А жизнью мы своей тому хоть вас научим,
Что так не должно жить.

Не падайте, как мы, пороков грязных в сети!
Не мрите заживо косненьем гробовым!
И пусть вины отцов покроют наши дети
Достоинством своим!

Молитесь! Ваша жизнь да будет с мраком битва!
Пусть будет истины светильником она!
Слышней молитесь! Жизнь — единая молитва,
Которая слышна.

Молитесь же — борьбой с гасильниками света,
Борьбой с невежеством и с каждым злом земным!

Пред вами — добрый царь: хвала и многи лета!
Молитесь вместе с ним!

Прямую вечную прокладывать дорогу
Вы, дети, научась блужданием отцов,
Молитесь, бодрые, живых живому Богу —
Не богу мертвецов!

Служите Господу — не аскетизма скукой,
Не фарисейства тьмой, не бабьим ханжеством,
Но — делом жизненным, искусством и наукой,
И правды торжеством!

И если мы порой на старине с упорством
Стоим и на ходу задерживаем вас
Своим болезненным, тупым противоборством —
Шагайте через нас!

1858

Ответ

Греза ль беспокойная
Жжет меня во сне?
Юга дева знойная
Видится все мне.
«Брось, — мне говорит она, —
Этот вздорный свет!
В нем тобой испытано
Мало ль разных бед?

Здесь — дела неправые,
Воля — не своя,
Женщины лукавые,
Ложные друзья.
Где бы ты ни кинулся —
Давка, теснота,
Ты вперед бы двинулся —
Заняты места.
Всякий пробавляется
У своей межи.
Небо-то является
Чем для вас? Скажи!
Серой, грязной крышкою,
Старым потолком!
Край ваш лишь наслышкою
С солнышком знаком.
Всюду лица бледные,
Каждый нездоров,
Всюду — топи вредные,
Климат так суров!
Здесь по году целому
Кстати бы храпеть
Лишь медведю белому —
Не поэту петь!
Здесь лишь каркать ворону
Или лаять псу!
Я тебя в ту сторону
К нам перенесу.
В блеске упоительном
Золотого дня

В том краю пленительном
Дом есть у меня.
Зелени фестонами
Перевит карниз,
Дремлют под балконами
Лавр и кипарис;
Ароматы носятся,
Всё озарено,
Розы так и просятся
В каждое окно;
Персик там румянится,
Рдеет виноград
И далеко тянется
Чудный, чудный сад.
Горный кряж там режется
Между облаков
И над морем нежится
Бархат берегов.
Там, как птичка с птичкою,
Могут тешить свет
Звонкой перекличкою
Эхо и поэт.
Песни строчку новую
Чуть лишь он начнет —
Там оно готовую
Рифму подает.
Мало ль, — говорит она, —
Книг про этот край
Писано и читано?
Едем! Это — рай!»

«Нет! — Хоть беспрестанно я
Здесь во льду, в снегу —
Нет, моя желанная,
Право, не могу.
Пусть края там чудные,
Райские края,
Но края безлюдные!
Там встоскуюсь я.
Люди... удивительно!
Как уехать вдаль?
С ними жить мучительно,
А расстаться жаль.
Нраву-то я странного:
Солон мне иной,
А ведь окаянного
Любишь, — ведь родной!
Пав с Адама внуками
В смуте бытия,
С ними вместе муками
Упитался я, —
До боренья страшного
С ними доходил,
Только рукопашного
Боя не любил:
Полюбовно ссорился
(Ссора — не вражда),
Славился, позорился,
Плакал иногда,
С ними дни веселые

Иногда знавал,
Времена тяжелые
С ними отживал.
И теперь, отечества
Видя благодать,
Как от человечества
Кровного отстать?
Рад я при усталости
На́ людях пожить,
Хочется хоть в малости
Миру послужить,
В бездне бестолковости
Взять иное в толк,
Похватать все новости,
Свет пока не смолк,
Братьев поприветствовать
В этой новизне —
Тех, с кем прежде бедствовать
Доводилось мне,
И уже не с пенями,
Не с душевной тьмой —
Общими ступенями
Нисходя домой,
На предсмертной лесенке
Тут же — налицо —
Бросить людям в песенке
Доброе словцо,
И хоть хриплым пением
Наконец я рад
С юным поколением

Попрощаться в лад.
Хочется хозяину
Честь-хвалу воздать,
Крикнуть брату-каину:
«Полно убивать!»
Молвить зловершителю:
«Не губи души!»
Божьих искр тушителю
Свистнуть: «Не туши!»
Нет, о дева южная,
Брось об этом речь!
Жизнь моя недужная
Здесь должна истечь, —
Здесь, у исполинского
Царства головы,
У залива Финского,
У родной Невы.
Несмотря на трудности,
Как-то любо мне
В вихре этой людности,
В вечной толкотне.
Солнца лик торжественный
Пусть не тешит нас,
Только бы общественной
Правды луч на час.
У камина ближнего
Сев перед огнем,
Род мне солнца нижнего
Любо видеть в нем;
А про солнце вышнее

Пусть идет молва!
Ведь оно уж лишнее —
Роскошь естества!
Сердце с сердцем встретится —
Ряд светил открыт,
И в глазах всё светится,
И в груди горит.
Жарче полдня жаркого
Дружеский привет,
Краше солнца яркого
Яркой мысли свет».

И ныне

Над нами те ж, как древле, небеса,
И так же льют нам благ своих потоки,
И в наши дни творятся чудеса,
И в наши дни являются пророки.

Бог не устал: Бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой Змия;
Там — зрит слепой, там — мертвый восстает:
Исайя жив, и жив Иеремия.

Не истощил Господь своих даров,
Не оскудел духовной благодатью:
Он всё творит, — и Библия миров
Не замкнута последнею печатью.

Кто духом жив, в ком вера не мертва,

Кто сознает всю животворность Слова,
Тот всюду зрит наитье божества.
И слышит всё, что говорит Егова.

И, разогнав кудесничества чад,
В природе он усмотрит святость чуда,
И не распнет он Слово, как Пилат,
И не предаст он Слово, как Иуда,

И брата он, как Каин, не убьет;
Гонимого с радушной лаской примет,
Смирением надменных низведет,
И слабого и падшего подымет.

Не унывай, о малодушный род!
Не падайте, о племена земные!
Бог не устал: Бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой Змия.

1860

Бессонница

Полночь. Болезненно, трудно мне дышится,
Мир, как могила, молчит.
Жар в голове; изголовье колышется,
Маятник-сердце стучит.
Дума, — не дума, а что-то тяжелое
Страшно гнетет мне чело,
Что-то холодное, скользкое, голое

Тяжко на грудь мне легло:
Прочь! — И как всползшую с ядом, с отравою
Дерзкую, злую змею,
Сбросил, смахнул я рукой своей правою
Левую руку свою,
Вежды сомкну лишь — и сердце встревожено
Мыслию: жив или нет?
Кажется мне, что на них уж наложена
Тяжесть двух медных монет,
Словно покойник я. Смертной отдышкою
Грудь захватило. Молчу.
Мнится, придавлен я черною крышкою;
Крышку долой! Не хочу!
Вскройтесь глаза, — и зрачки раздвигаются;
Чувствую: эти глаза
Шире становятся, в мрак углубляются,
Едкая льется слеза.
Ночь предо мной с чернотою бездонною,
А над челом у меня
Тянутся в ряд чередой похоронною
Тени протекшего дня;
В мрачной процессии годы минувшие,
Кажется, тихо идут:
«Вечная память! Блаженни уснувшие!» —
Призраки эти поют;
Я же, бессонный, сжав персты дрожащие
В знаменье Божья креста,
Скорбно молюсь. «Да, блаженни вы, спящие!!!» —
Вторят страдальца уста.

Человечество

История раскрыта предо мной.
Мне говорят: «Взгляни на эту панораму!»
И я к ней подошел, как бы к святому храму,
С благоговейною душой, —
И думал видеть я, как люди в век из века,
В разнообразии племен,
Идут по лестнице времен
К предназначенью человека.
И думал видеть я, как человек растет,
Как благо высится, стирается злодейство,
И человечество со всех сторон идет,
Чтоб слиться наконец в блаженное семейство.

И что же вижу я? — От самых юных дней
Доныне, в ярости своей,
Всё тот же мощный дух, дух зла — мирохозяин,
И тот же пир для кровопийц.
К началу восхожу, — там во главе убийц
Стоит братоубийца Каин,
Нависла бровь его и жилы напряглись,
Рука тяжелая подъята,
Чело темно, как ночь, и в сонный образ брата
С кровавой жадностью зрачки его впились, —
Быстробегущий тигр, при этом выгнув спину,
Из лесу выглянул, остановил свой бег
И выкатил глаза на страшную картину —
И рад, что он — не человек!

И с той поры всемирное пространство
Багрится кровию, враждуют племена, —
И с той поры — война, война,
И каинство, и окаянство.
Война за женщину, за лоскуток земли,
Война за бархатную тряпку,
Война за золотую шапку,
За блестку яркую, отрытую в пыли,
И — чтоб безумия всю переполнить меру —
Война за мысль, за мнение, за веру,
За дело совести, — война из века в век!
О тигр! Возрадуйся, что ты — не человек!

Люцерн

Дыша безмятежно и мерно,
Храня светло-зе́ркальный вид,
Под сению башен Люцерна
Зеленое озеро спит.
Блестят его струек узоры,
Светла его мелкая рябь,
И нежит и радует взоры
Его изумрудная хлябь,
И складки так тонко рядами
Бегут по утоку воды,
Как будто бы ангел перстами
Ведет этих складок ряды;
И крытые дымкой тумана
При озере этом стоят
Два крепких земных великана;

То — Риги-гора и Пилат.
Меж ними, в пучину эфира,
В его лучезарную высь
Громады альпийского мира
Могучей семьей вознеслись.
Та — острой подобная крыше,
Та — словно с аркадами мост.
Идут они выше и выше,
Как будто на спор вперерост,
И гнутых и ломаных линий
Волшебный, картинный нарез
Подходит в дали темно-синей
Под купол бездонных небес.
Чем дальше — тем больше означен
Их очерк; их дымчатый вид
Чем дальше, тем больше прозрачен
И с небом загадочно слит.
Иные, средь гордого взбега
Сияя денницы в лучах,
Покровы из вечного снега
Несут на широких плечах;
И снег так легко разметался,
Так бережно лег на хребты,
Как будто измять их боялся
Святых изваяний черты.
А те — облаками пушатся
И дымно парят в вышине,
Как будто кадильно курятся
В безмолвной молитве оне.
И с ними молюсь я умильно

И с ними тону в небесах,
И крупные слезы обильно
В моих накипают глазах.
Для чувства ищу выражений
И слов… Но одетый в лучи
Природы невидимый гений
Мне шепчет: не порти! молчи!

Ночью

Ночь темна и тепла;
Благодатная мгла
На долины легла.

Горы в дымке ночной
Восстают предо мной
Необъятной стеной.

Вышина! Тишина!
Люди… Ночь их полна
Обаянием сна.

Но где шум их заглох, —
Принимают мой вздох
И природа и Бог.

Утром

Солнечный свет, как сквозь сито просеян,
Сыплется мелко сквозь частые ветки,

И на тропинку мне падают с неба
Светлые сетки и темные сетки:
Словно опутан, иду я. Прохладно.
В чаще сокрытая птичка щебечет,
И ручеек через камешки змейкой
Вьется и шепотно что-то лепечет.
Как хорошо тут! Отрадная свежесть
Льется и в грудь мне и, кажется, в душу…
Так и боюсь я, что грешным дыханьем
Чистого утра святыню нарушу.

Светлые ночи

Не всё-то на севере худо,
Не всё на родном некрасиво:
Нет! Ночь наша майская — чудо!
Июньская светлая — диво!

Любуйтесь, бессонные очи!
Впивайтесь всей жадностью взгляда
В красу этой северной ночи!
Ни звезд, ни луны тут не надо.

Уж небо заря захватила
И алые ленты выводит.
И, кажется, ночь наступила,
И день между тем не проходит.

Нет, он остается, да только
Не в прежнем пылающем виде:

Не душен, не жгуч, и нисколько
Земля от него не в обиде.

Он долго широким разгаром
В венце золотом горячился,
Да, видно, уж собственным жаром
И сам наконец утомился.

Не стало горячему мочи:
Он снял свой венец, распахнулся,
И в ванну прохладную ночи
Всем светом своим окунулся, —

И стало не ярко, не мрачно,
Не день и не темень ночная,
А что-то, в чем смугло-прозрачно
Сквозит красота неземная.

При свете, проникнутом тенью,
При тени, пронизанной светом,
Волшебному в грезах виденью
Подобен предмет за предметом.

Весь мир, от *вчера* на *сегодня*
Вскрыв дверь и раскинув ступени,
Стоит, как чертога Господня,
Сквозные хрустальные сени.

Ты мне всё

Воздуха чистого в легком дыхании
Мне твоей поступи веянье слышится;
На море, белой волны в колыхании
Все мне волна твоих персей колышется,
Тополя стройного в лиственном шелесте
Чудится шепот твой нежный, таинственный, —
В целой природе твои только прелести
Я созерцаю, о друг мой единственный.
Ты — мое сердце в полудне высокое,
Месяц серебряный, звездочка скромная;
Ты — моя радость и горе глубокое,
День мой блестящий и ночь моя темная.

Сон

И жизнью, и собой, и миром недоволен,
Я весь расстроен был, я был душевно болен,
Я умереть хотел — и, в думы углублен,
Забылся, изнемог — и погрузился в сон.
И снилось мне тогда, что, отрешась от тела
И тяжести земной, душа моя летела
С полусознанием иного бытия,
Без форм, без личного исчезнувшего «я»,
И ширилась она во весь объем эфира,
И в бездне всех миров, — от мира и до мира —
Терялась вечности в бездонной глубине,
Где нераздельным всё являлось ей вполне;
И стало страшно ей, — и, этим страхом сжата,
Она вдруг падает, вновь тяжестью объята,
На ней растет, растет телесная кора,

Паденье все быстрей… Кричат: «Проснись! пора!»
И пробудился я, встревоженный и бледный,
И как был рад, как рад увидеть мир свой бедный!

Перевороты

Когда-то далёко от нашего века
Не зрелось нигде человека;
Как лес исполинский, всходила трава,
И высилась пальма — растений глава,
Средь рощ тонкоствольных подъемлясь престольно,
Но, крупным твореньем своим недовольна,
Природа земною корой потрясла,
Дохнула вулканом, морями плеснула
И, бездны разверзнув, наш мир повернула
И те организмы в морях погребла.

И новый был опыт зиждительной силы.
В быту земноводном пошли крокодилы,
Далёко влача свой растянутый хвост;
Драконов, удавов и ящериц рост
Был страшен. С волнами, с утесами споря,
Различные гады и суши и моря
Являлись гигантами мира тогда…
И снова стихийный удар разразился,
И мир тот под землю опять провалился,
А сверху вновь стали земля и вода.

И твари живые в открытых им сферах
Опять начинались в широких размерах:

Горы попирая муравчатый склон,
Там мамонт тяжелый, чудовищный слон —
Тогдашней земли великан толстоногой —
Шагал, как гора по горе; но тревогой
Стихий возмущенных застигнутый вдруг,
В бегу, на шагу, вдруг застыл, цепенеет…
Глядь! жизни другая эпоха яснеет,
И новых живущих является круг.

И вот при дальнейшей попытке природы,
Не раз обновляющей земли и воды
И виды менявшей созданий своих, —
Средь мошек, букашек и тварей иных,
В мир Божий вступив из таинственной двери,
Возник человек — и попятились звери.
И в страхе, потомка узнав своего
И больше предвидя в орехах изъяна,
Лукаво моргнула, смеясь, обезьяна,
Сей дед человека — предтеча его.

И начал он жить-поживать понемногу,
Сквозь глушь, чрез леса пролагая дорогу,
Гоня всех животных. Стрелок, рыболов,
Сдиратель всех шкур, пожиратель волов,
Взрыватель всех почв — он в трудах землекопных
Дорылся до многих костей допотопных,
Отживших творений; он видит могилы,
Где плезиозавры, слоны, крокодилы,
Недвижные, сном ископаемых спят.

Он видит той лестницы темной ступени,
Где образ былых, первородных растений
На камне оттиснут. В коре ледяной
Труп мамонта найден с подъятой ногой;
Там мумии древних фантазий природы —
Египет подземного мира; там — своды
Кряжей известковых и глинистых глыб
С циклоповой кладкой из черепов плотных,
Из раковин мелких, чуть зримых животных
И моря там след с отпечатками рыб.

Над слоем там слой и пласты над пластами
Являются книгой с живыми листами.
Читает ее по складам геолóг.
Старинная книга! Не нынешний слог!
Иные страницы размыты, разбиты,
А глубже под ними — граниты, граниты,
А дальше — всё скрыто в таинственной мгле
И нет ни малейших следов организма;
Один указует лишь дух вулканизма
На жар вековечный в центральном котле.

И мнит человек: вот — времен в переходе,
Как много работать досталось природе,
Покуда, добившись до светлого дня,
С усильем она добралась до меня!
И шутка ль? Посмотришь — ее же созданье
Господствует, взяв и ее в обладанье!
Природа ж всё вдаль свое дело ведет,
И втайне день новый готовит, быть может,

Когда и его в слой подземный уложит,
А сверху иной царь творенья пойдет.

И скажет сын нового, высшего века,
Отрыв ископаемый труп человека:
«Вот — это музею предложим мы в дар —
Какой драгоценный для нас экземпляр!
Зверь этот когда-то был в мир нередок,
Он глуп был ужасно, но это — наш предок!
Весь род наш от этой породы идет».
И, древних пород при обзоре отчетном,
Об этом курьезном двуногом животном
Нам лекцию новый профессор прочтет.

Поздно

Время шло. Время шло. Не считали мы дней,
Нас надежда всё вдаль завлекала,
Мы судили-рядили о жизни своей
А она между тем утекала.

Мы всё жить собирались, но как? — был вопрос.
Разгорались у нас разговоры,
Простирались до мук, доходили до слез
Бесконечные споры и ссоры.

Сколько светлых минут перепортили мы
Тем, что лучших минут еще ждали,
Изнуряли сердца, напрягали умы
Да о будущем всё рассуждали.

Настоящему все мы кричали: «Иди!»
Но вдруг холодно стало, морозно...
Оглянулись — и видим: вся жизнь — назади,
Так что жить-то теперь уж и поздно!

* * *

Ну вот — всё ладится, идет всё понемногу
Вперед. Надежда есть: жить будем, слава Богу!
Вот и устроились! — И светлый день блестит
В грядущем... Поглядишь — и рухнет всё мгновенно,
И всё, что строил ты так долго, постепенно,
В один прекрасный день всё к черту полетит!

В музеуме скульптурных произведений

Ага! — Вы здесь, мои возлюбленные боги!
Здорово, старики-сатиры козлоноги[1225]
И нимфы юные! Виновник нежных мук —
Амур-мальчишка здесь, прищурясь, держит лук
И верною стрелой мне прямо в сердце метит,
Да нет, брат, опоздал: грудь каменную встретит
Стрела твоя; шалишь!.. над сердцем старика
Бессильна власть твоя. Смеюсь исподтишка
Коварным замыслам. — А, это ты — Венера!
Какая стройность форм, гармония и мера!
Из рук божественных одною грудь прикрыв,

[1225] *Сатиры* — (в греческой мифологии) лесные божества, спутники бога вина и винограда Диониса.

Другую наискось в полтела опустив,
Стоишь, богиня, ты — светла, лепоообразна;
И дышишь в мраморе всей роскошью соблазна;
А там — в углу, в тени — полуземной урод
Любуется тобой, скривив беззубый рот,
А позади тебя, с подглядкой плутоватой,
Присел на корточки повеса — фавн мохнатый.[1226]
А тут, крылатые, в гирлянду сплетены
Малютки, мальчики, плутишки, шалуны —
Побочные сынки! прелюбодейства крошки!
Ручонки пухлые и скорченные ножки,
Заброшенные вверх. — Задумчиво поник
Здесь целомудрия богини важный лик;
Смотрю и думаю, — и всё сомненья боле:
Не зависть ли уж тут! Не девство ль поневоле!
Вот нимфы разные от пиндовых вершин:
Та выгнутой рукой склоняет свой кувшин
И льет незримую, божественную влагу;
Та силится бежать — и замерла... ни шагу!
Страсть догнала ее… Противиться нельзя!
Покровы падают, с плеча ее скользя,
И разъясняются последние загадки, —
И мягки, нежны так одежд упавших складки,
Что ощупью рукой проверить я хочу,
Не горный ли виссон перстами захвачу;
Касаюсь — камень, да!.. Нет, всё еще немножко
Сомнительно. — А как прелестна эта ножка!
Коснулся б до нее, да страх меня берет…

[1226] *Фавн* — (в римской мифологии) бог полей, лесов и гор; обладал даром пророчества; изображался с козлиными ногами и острыми ушами.

.....

Вот — вижу — Геркулес! Надулись мышцы, жилы;
Подъята палица… Я трус; громадной силы
Боюсь: я тощ и слаб — итак, прощай, силач,
Рази немейских львов![1227] А я вприпрыжку, вскачь
Спешу к другим. Прощай! — А! Вот где, вот приманка!..
Сладчайшим, крепким сном покоится вакханка,
Под тяжесть головы, сронившей вязь венка,
В упругой полноте закинута рука,
В разбросе волосы объемлют выгиб шеи
И падают на грудь, как вьющиеся змеи.
Как в чувственности здесь ваятель стал высок!
Мне в мраморе сквозит и кровь и гроздий сок.
А вот стоят в кусках, но и в кусках велики,
Священной пылью лет подернуты антики:[1228]
Привет вам, ветхие! — Кто ж это, кто такой
Стоит без головы, с отшибленной рукой?
У тех чуть держатся испорченные ноги;
Там — только торс один. Изломанные боги!
Мы сходны участью: я так же изможден,
Расшиблен страстию и в членах поврежден;
Но есть и разница великая меж нами:
Все восхищаются и в переломке вами,
Тогда как мне — увы! — сужден другой удел:

[1227] *Немейский лев* — в греческой мифологии лев чудовищной величины с невероятно прочной шкурой, которую не могло пробить ни одно оружие. Зверь опустошал окрестности городов Немея, Клеоны и поселка Бембина. Убийство немейского льва стало первым заданием, которое поручил выполнить Гераклу микенский царь Еврисфей.

[1228] *Анти́к* — сохранившийся до нас памятник древнего искусства; старинный или редкий предмет художественной работы; всё старинное, носящее отпечаток старины.

Не любовались мной, когда я был и цел.

И ты, Юпитер, здесь. Проказник! Шут-потешник!
Здорово, старый бог! Здорово, старый грешник!
Здорово, старый черт! — Ишь как еще могуч
Старинный двигатель молниеносных туч!
Охотник, лакомый до этих нимф прелестных!
Любил земное ты и в существах небесных.
Досель еще на них ты мечешь жадный взгляд.
Я знаю: ты во всё был превращаться рад
Для милых — в лебедя, что, верно, помнит Леда,[1229]
Где надо — в юношу, в орла — для Ганимеда,[1230]
И высунув рога и утучнив бока,
Влюбленный, ты мычал и в образе быка.[1231]
Бесстыдник! Посмотри: один сатир нескрытно
Смеется над тобой так сладко, аппетитно
(Забыто, что в руках властителя — гроза),
Смеется он; его прищурились глаза,
И расплыли́сь черты так влажно, шаловливо,
В морщинке каждой смех гнездится так игриво,
Что каждый раз, к нему едва оборочусь, —
Я громко, от души, невольно засмеюсь.
Но — мне пора домой; устал я, ноют ноги…
Как с вами весело, о мраморные боги!

[1229] *Леда* — (в греческой мифологии) супруга спартанского царя Тиндарея. Зевс, плененный красотой Леды, овладел ею, обратившись в лебедя.
[1230] *Ганимед* — прекрасный юноша, унесенный на небо с горы Иды Зевсовым орлом. На Олимпе он сделался виночерпием Зевса.
[1231] Имеется в виду история с Европой — дочерью финикийского царя Агенора. В нее влюбился Зевс и, обратившись в быка, перенес ее на своей спине через море на остров Крит.

Каролина Павлова (1807—1893)

* * *

Шепот грустный, говор тайный,
Как в груди проснешься ты
От неясной, от случайной,
От несбыточной мечты?..

И унылый, и мятежный,
Душу всю наполнит он,
Будто гул волны прибрежной,
Будто колокола звон.

И душа трепещет страстно,
Буйно рвется из оков,
Но бесплодно, но напрасно:
Нет ей звуков, нет ей слов.

О, хоть миг ей! миг летучий,
Миг единый, миг святой!
Чтоб окрепнуть немогучей,
Чтобы вымолвить немой!

Есть же светлые пророки,
Вдохновенья торжества,
Песен звучные потоки
И державные слова!..

Шепот грустный, говор тайный,
Как в груди проснешься ты
От неясной, от случайной,
От несбыточной мечты!..

1839

Да иль нет

За листком листок срывая
С белой звездочки полей,
Ей шепчу, цветку вверяя,
Что скрываю от людей.

Суеверное мечтанье
Видит в нем себе ответ
На сердечное гаданье —
Будет *да* мне, или *нет?*

Много в сердце вдруг проснется
Незабвенно-давних грез,
Много из груди польется
Страстных просьб и горьких слез.

Но на детское моленье,
На порывы бурных лет
Сердцу часто Провиденье
Молвит милостиво: *нет!*

Стихнут жажды молодые;

Может быть, зашепчут вновь
И мечтанья неземные,
И надежда, и любовь.

Но на зов видений рая,
Но на сладкий их привет
Сердце, жизнь воспоминая,
Содрогнувшись, молвит: *нет!*

Июнь 1839

* * *

Есть любимцы вдохновений,
Есть могучие певцы;
Их победоносен гений,
Им восторги поколений,
Им награды, им венцы.

Но проходит между нами
Не один поэт немой,
С бесполезными мечтами,
С молчаливыми очами,
С сокровенною душой.

Этих манит свет напрасно,
Мысль их девственно дика;
Лишь порой, им неподвластна,
Их слеза заблещет ясно,
Вспыхнет жарко их щека.

Им внушают вдохновенье
Не высокие труды,
Их призванье, их уменье —
Слушать ночью ветра пенье
И влюбляться в луч звезды.

Пусть не их толпа лелеет;
Пусть им только даст она
Уголок, где шум немеет,
Где полудня солнце греет,
Где с небес глядит луна.

Не для пользы же народов
Вся природа расцвела:
Есть алмаз подземных сводов,
Реки есть без пароходов,
Люди есть без ремесла.

Сентябрь 1839

* * *

Нет, не им твой дар священный!
Нет, не им твой чистый стих!
Нет, ты с песнью вдохновенной
Не пойдешь на рынок их!

Заглушишь ты дум отзывы,
И не дашь безумцам ты

Толковать твои порывы,
Клеветать твои мечты.

То, чем сердце трепетало,
Сбережешь ты от людей;
Не сорвешь ты покрывала
С девственной души своей.

Тайну грустных вдохновений
Не узнают никогда;
Ты, как призрак сновидений,
Пронесешься без следа.

Безглагольна перед светом,
Будешь петь в тиши ночей:
Гость ненужный в мире этом,
Неизвестный соловей.

1840

Н. М. Языкову
Ответ

Невероятный и нежданный
Слетел ко мне певца привет,
Как лавра лист благоуханный,
Как южных стран прелестный цвет.
Там вы теперь — туда, бывало,
Просилась подышать и я,
И я мечтою улетала

В те благодатные края.
Но даром не проходит время,
Мне принесло свой плод оно,
И суетных желаний бремя
Я с сердца сбросила давно.
И примирилась я с Москвою,
С отчизной лени и снегов:
Везде есть небо над главою,
Везде есть много чудных снов;
Везде проходят звезды мимо,
Везде напрасно любишь их,
Везде душа неукротимо
В борьбах измучится пустых.
О Риме ныне не тоскуя,
Москве сравненьем не вредя,
Стихи здесь русские пишу я
При шуме русского дождя.
Покинув скромную столицу
Для полугородских полей,
Шлю из Сокольников я в Ниццу
Дань благодарности моей —
Слова сердечного ответа
В родной, далекой стороне
За сладкозвучный дар поэта,
За вспоминанье обо мне.

Июнь 1840. Сокольники

Дума

Грустно ветер веет.
Небосклон чернеет,
И луна не смеет
Выглянуть из туч;
И сижу одна я,
Мгла кругом густая,
И не утихая
Дождь шумит, как ключ.

И в душе уныло
Онемела сила,
Грудь тоска стеснила,
И сдается мне,
Будто всё напрасно,
Что мы просим страстно,
Что, мелькая ясно,
Манит нас во сне.

Будто средь волнений
Буйных поколений
Чистых побуждений
Не созреет плод;
Будто всё святое
В сердце молодое,
Как на дно морское,
Даром упадет!

Август 1840

Думы

Я снова здесь, под сенью крова,
Где знала столько тихих грез:
И шепот слушаю я снова
Знакомых кедров и берез;
И как прошедшею весною,
Несутся вновь издалека
Над их зыбучей головою
За облаками облака.

И вы опять несетесь мимо,
О тени лучших снов моих!
Опять в уста неотразимо
Играющий ложится стих;
Опять утихнувших волнений
Струя живая бьет в груди,
И много дум и вдохновений,
И много песен впереди!

Свершу ли их? Пойду ли смело,
Куда мне Бог судил идти?
Увы! окрестность опустела,
Отзывы смолкли на пути.
Не вовремя стихов причуда,
Исчез поэтов хоровод,
И ветер русский ниоткуда
Волшебных звуков не несет.

Пришлось молчать мечтам заветным;
Зачем тому, кто духом нищ,

Тревожить ныне словом тщетным
Безмолвный мир святых кладбищ!..

Июнь 1847. Гиреево[1232]

* * *

Воет ветр в степи огромной,
И валится снег.
Там идет дорогой темной
Бедный человек.

В сердце радостная вера
Средь кручины злой,
И нависли тяжко, серо
Тучи над землей.

1850

* * *

Молчала дума роковая,
И полужизнию жила я,
Не помня тайных сил своих;
И пробудили два-три слова
В груди порыв бывалый снова
И на устах бывалый стих.

[1232] *Гиреево* — дачное место под Москвой, где в 40-е гг. Павловы жили летом. С Гиреевом связаны у Павловой воспоминания о встречах с Н. М. Языковым и Е. А. Баратынским, которым она отправляла отсюда послания. В последних стихах «Думы» речь идет о рано умерших Пушкине, Лермонтове, Языкове.

На вызов встрепенулось чутко
Всё, что смирила власть рассудка;
И борется душа опять
С своими бреднями пустыми;
И долго мне не сладить с ними,
И долго по ночам не спать.

Декабрь 1852

* * *

Salut, salut, consolatrice!
Ouvre tes bras, je viens chanter.
Musset[1233]

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло;
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!

Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся с уст моих опять;
Сойди к избраннице ты снова,
О роковая благодать!
Уйми безумное роптанье
И обреки всё сердце вновь

[1233] Привет, привет, утешительница! Открой объятия, я запою! *Мюссе* (франц.).

На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

Февраль 1854. Дерпт

Спутница фея

1

Явилась впервой мне в час дивный она:
Лежал я под сенью цветущей сирени, —
Играли лучи сквозь дрожащие тени,
На высях и долах царила весна.

И солнце всходило, и пел соловей,
И ласточек в небе резвилася стая,
И ясные капли катились, блистая,
Как слезы блаженства с душистых ветвей.

И, вторя ликующей, пышной весне,
Резвились мечты мои, тешились смело,
И плакало сладко и радостно пело
Шестнадцатилетнее сердце во мне.

Мне новое словно далося чутье,
Звучали отвсюду мне звуки привета;
И весь этот мир ароматов и света,
И солнце, и небо — всё было мое.

Далёко стремить захотелось свой бег.

И вдруг мне она, улыбаясь, предстала,
Чудесная, сбросив с лица покрывало,
В наряде, блестящем как девственный снег;

С венком благовонным на ясном челе
Стояла, глазами в глаза мне сияя,
Она предо мною, посланница рая,
Несущая радость и счастье земле.

Сквозь шепот ветвей говорила она
И сквозь соловья переливные трели:
«Идем! нам есть в мире высокие цели;
Сподвижницей смелой тебе я дана.

Я силами грудь переполню твою,
Живительно буду ее волновать я,
Заветные в ум твой вложу я понятья,
И пламень восторга я в душу волью.

И всем помогу я стремленьям твоим,
Пойду, как слуга, за тобою повсюду;
И долго твоею я спутницей буду,
И много житейских мы зол победим,

И много блаженства нас ждет впереди».
Она говорила; и в светлую фею
Я взоры вперял, упоенные ею,
И слушало сердце, трепеща в груди.

Она в день грустный, в час невзгодный
В последний раз ко мне пришла:
Серела пеленой холодной
В полях туманов полумгла.

Бесцветны были и унылы,
Как дол и скаты, небеса,
Все замирали жизни силы,
И все немели голоса;

Невнятно, как больной тоскливый,
Роптал лишь бор издалека;
Чуть двигаясь над сжатой нивой,
Тянулись тяжко облака.

И тот же самый край был это,
И тот же дол, и тот же сад,
Где мы сошлись в лучах рассвета
Пятнадцать лет тому назад.

И гас заката луч багровый,
На землю листьев желтый рой
Ложился; и в игре суровой
Взвивал их ветр с земли сырой.

Вились, как пестрые их груды,
В уме моем, средь тишины,
Мои увядшие причуды,
И упования, и сны.

И вдруг, очнувшися душою
От горестного забытья,
Ее опять перед собою
Нежданную увидел я.

Не гостью радостной, как прежде,
Не с ясным взглядом торжества, —
В обезображенной одежде
Она стояла, чуть жива,

Вся одичалая, немая,
В унынье тяжком и тупом,
Изнеможенно поникая
Своим развенчанным челом.

«К чему ты здесь? — сказал я глухо. —
Ко мне вотще не приходи;
Ты сберегла ль мне силу духа,
Отвагу сердца, жар груди?

Я знал с тобой одни утраты
И бедоносные мечты;
Изменница! мне солгала ты,
Мне ненавистна стала ты».

— «Несчастный! — тихо прошептали
Ее дрожащие уста. —
Взгляни и вспомни: не была ли
Я и прекрасна и свята?

Припомни, что сбылося с нами
С тех дней до нынешнего дня;
Какими дикими путями
Повел, жестокий, ты меня.

Я отдалась тебе всецело,
Твоею сделалась рабой,
И расставаться не хотела,
Безумец жалкий, я с тобой.

Сует я часто гул презренный
Воззваньем честным прервала,
Твердя про труд благословенный,
Про долговечные дела.

Но дальше мчал меня ты люто
Стезею бедствий и грехов;
Тебе я мирного приюта
Не раз указывала кров, —

Но ты шел мимо, в злой тревоге
Бессмысленно меня губя.
Порой, измучась, на дороге
Я отставала от тебя.

Тогда ты звал меня сердито,
И вновь старалась я идти,
И вот, — тобою я убита,
Мне нет спасения, прости!»

И, говоря, она редела
Как сон, бледнее и бледней,
И чуть лишь отделялась бело
От окружающих теней.

И я, в вражде с самим собою,
Глядел, и сердце облилось
Внезапно теплою струею
Моих невыплаканных слез.

«Постой! пойдем мы вместе снова, —
Воскликнул я, — останься мне!
Дай мне безумия былого
Ошибку искупить вполне.

И если, бедная подруга,
Нам расставаться суждено,
Так пусть обнимем мы друг друга
Хоть на мгновение одно.

Святым лобзаньем примиренья
Мою ты душу оживи;
Дай мне минуту вдохновенья,
Минуту счастья и любви!»

Печальной дрогнули улыбкой
Ее черты; едва видна,
Мелькала полосою зыбкой
В вечернем сумраке она.

«Так кто ж ты? — вскрикнул я невольно. —
Откуда ты? зачем же вдруг
С тобой расстаться мне так больно?
Кто ты, скорбящий, странный друг?

Кто ты, пришедшая сначала
Ко мне как радость бытия?»
— «Меня у ж нет, — она сказала. —
Была я молодость твоя».

Август 1858. Москва

* * *

В думе гляжу я на бег корабля.
Спит экипаж; лишь матрос у руля
Стоит недвижимо;

Море темнеет таинственной мглой;
Тихо шепнув мне, струя за струей.
Проносится мимо;

Тихо шепнув: «Потерпи, подожди...
Встретить успеешь, что ждет впереди
У брега чужого;

Цели достигнешь, к земле доплывешь,
Всех ожиданий всегдашнюю ложь
Изведаешь снова...

Даром спешишь ты над бездною вод
Мыслью туда... от тебя не уйдет
Обман и потеря...»

Тихо шепнув, за струею струя
Мимо несется... и слушаю я,
Их речи не веря.

Февраль 1857. Константинополь

Гондола

Встал месяц, — скольжу я в гондоле,
Качаясь, по светлой бразде;
Всё тихо; плыву я по воле;
Венеция спит на воде.

И сказочной блещет красою,
Сквозь легкий тумана покров,
Над томнотекучей волною
Узорчатый мрамор дворцов.

И с лаской весло гондольера,
Касаяся мерно струи,
Глухим повтореньем размера
Баюкает думы мои.

Далёко, далёко, далёко
Несутся душевные сны!

К волшебным пределам Востока,
Над шумом морской глубины;

Где Сира с вершины утеса
В лазурный глядит небосклон,
Вдоль сумрачных скал Тенедоса,[1234]
Вдоль брега, где был Илион.[1235]

И волн лучезарных Босфора
Мне снится опять красота:
Сверкает Софии собора
Святая глава без креста;[1236]

Белеет Галата и Пера...[1237]
И снова, чуть зыбля струи,
Удары весла гондольера
Баюкают думы мои.

И быстро меняются сцены:
Везувий, блажной исполин,
Гаета, — вкруг мыса Мизены[1238]
Отливы сапфирных пучин.

У шумного берега Кьяи[1239]
Веселый, крикливый народ,
И лодок бесчисленных стаи

[1234] *Сира* и *Тенедос* — острова в Эгейском море.
[1235] *Илион* (Троя) — древний малоазиатский город, известный по поэме Гомера «Илиада».
[1236] В 1453 г. после завоевания Константинополя турками храм святой Софии был превращен ими в мечеть.
[1237] *Галата* — предместье Константинополя. *Пера* — европейская часть Константинополя.
[1238] *Мизена* — город в Италии (на берегу Неаполитанского залива).
[1239] *Кьяйя* — морское побережье (неподалеку от Неаполя).

На зеркале блещущих вод.

Вдоль пристани frutti di mare[1240]
В корзинах, расставленных в ряд;
И, уличной внемля гитаре,
Факкини в кружочке сидят.[1241]

Вдали изумрудная лента,
Тень лавров, платанов, олив;
С душистой террасы Соррента[1242]
Весь век бы смотреть на залив.

Притихла б там сердца химера!..
И, сонные зыбля струи,
Удары весла гондольера
Баюкают думы мои.

Другие мелькнули картины,
Суровее, — мыслям милей:
Убогие избы, овины
И гладь бесконечных полей.

Повсюду простор величавый,
Звон всенощной в каждом селе;
И город огромный, стоглавый
Широко сверкнул в полумгле,

И с грани земли православной

[1240] Морские плоды (морепродукты) (итал.).
[1241] *Факкини (facchini)* (итал.) — носильщики, грузчики.
[1242] *Сорренто* — город на побережье Неаполитанского залива.

Громада столицы другой
Кичливо блестит над державной,
В гранит заключенной рекой.

Над ней небо хладно и серо...
И, мерно колебля струи,
Удары весла гондольера
Баюкают думы мои.

И взорам мерещится снова,
Что видеть отвыкли они:
И ночи без мрака ночного,
И темные зимние дни.

Несутся видения роем:
Та грустного счастья пора...
И дом тот с уютным покоем...
И тихие те вечера...

И вновь разыгралися бредни,
Как будто б шли даром года;
Как будто б случилось намедни
Всё то, что сбылося тогда!

Очнулась сердечная вера
И льются, сливаясь, струи;
И плещет весло гондольера,
Баюкая думы мои.

Июнь 1858

Пильниц[1243]

В свое осеннее убранство
Весь лес торжественно одет;
Роскошно на его пространство
Заката льется яркий свет;
Блестят все ветви золотые
Под неба золотым лучом...
Зачем мне помнится Россия
С своим суровым октябрем?

И тихо гаснет блеск эфирный,
Страны таинственней черты.
Как думе предаваясь мирной,
Стоят лесные высоты!
Дерев чуть движется лишь темя,
Ручья внизу чуть шепчет ток...
Как мне на ум приходит время
Злых возмущений и тревог?

Октябрь 1861

Дорога

Тускнеет в карете, бессильно мерцая,
И гаснет ночник;
Всё пасмурней тянется чаща глухая,

[1243] *Пильниц* — бывшая летняя резиденция саксонских королей и рядом с ней с тем же названием деревня на правом берегу Эльбы, где летом жила Павлова «в убогой комнатке немецкого столяра», о чем сообщал 15 июня 1862 г. в письме П. А. Плетневу поэт С. А. Никольский, посетивший поэтессу.

Путь темен и дик.

Карета несется, как будто б спешила
В приют я родной;
Полуночный ветр запевает уныло
В пустыне лесной.

Бегут вдоль дороги всё ели густыя
Туда, к рубежу,
Откуда я еду, туда, где Россия;
Я вслед им гляжу.

Бегут и, качая вершиною темной,
Бормочут оне
О тяжкой разлуке, о жизни бездомной
В чужой стороне.

К чему же мне слушать, как шепчутся ели,
Всё мимо скользя? —
О чем мне напомнить они б ни сумели, —
Вернуться нельзя!

Сентябрь 1861. Пильниц

* * *

Труд ежедневный, труд упорный!
Ты дух смиряешь непокорный,
Ты гонишь нежные мечты;
Неумолимо и сурово

По сердца области всё снова,
Как тяжкий плуг, проходишь ты,
Ее от края и до края
В простор невзрачный превращая,
Где пестрый блеск цветов исчез...
Но на нее, в ночное время,
В бразды — святое сеять семя
Нисходят ангелы с небес.

1862

Алексей Кольцов (1809—1842)

Песня пахаря

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,[1244]
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!

[1244] *Десятина* — русская единица земельной площади, равная 2 400 кв. саженям или 1,09 гектара.

Я сам-друг[1245] с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,

[1245] *Сам-друг* — вдвоем с кем либо.

Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею.
Уроди мне, Боже,
Хлеб — мое богатство!

26 ноября 1831

Раздумье селянина

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,

Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

9 апреля 1837

Горькая доля

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая

С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу, —
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

4 августа 1837

Лес

Посвящено памяти А. С. Пушкина

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-силач[1246]
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою

Ты стоишь — поник,
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь: — поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася

[1246] *Бова-Королевич* — герой русской волшебной богатырской повести XVII в., а в XVIII в. лубочных сказок. Преодолевая различные препятствия, он добивается прекрасной царевны Дружевны, совершает подвиги, проявляет чудеса храбрости.

Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было́,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было́,
Дни — роскошество, —
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было́,
Поздно вечером
Грозно с бурею
Разговор пойдет;

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,

Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплачется
Лешим, ведьмою
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили

Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

1837

Первая песня Лихача Кудрявича

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:

По щучьему веленью
Всё тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело на белом
С черными бровями.

Вовремя да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают;

И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;
С ними всё на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

1837

Вторая песня Лихача Кудрявича

В золотое время
Хмелем кудри вьются;
С горести-печали
Русые секутся.

Ах, секутся кудри!
Любит их забота;
Полюбит забота —
Не чешет и гребень.

Не родись в сорочке,
Не родись таланлив —
Родись терпеливым

И на всё готовым.

Век прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу,
Не уносит ветром.

Зла беда — не буря —
Горами качает,
Ходит невидимкой,
Губит без разбору.

От ее напасти
Не уйти на лыжах;
В чистом поле на́йдет,
В темном лесе сыщет.

Чуешь только сердцем:
При́дет, сядет рядом,
Об руку с тобою
Пойдет и поедет...

И щемит и ноет,
Болит ретивое —
Всё — из рук вон плохо,
Нет ни в чем удачи.

То́ — скосило градом,
То́ — сняло пожаром...
Чист кругом и легок;

Никому не нужен...

К старикам на сходку
Выйти приневолят, —
Старые лаптишки
Без онуч[1247] обуешь;

Кафтанишка рваный
На плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...

Тихомолком станешь
За чужие плечи...
Пусть не видят люди
Прожито́ва счастья.

1837

Последний поцелуй

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;

[1247] *Онучи* — обмотки для ног под сапоги или лапти; портянки.

Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родной
И согласье возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша

Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей!

12 апреля 1838

Хуторок

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, —
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;[1248]
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день». —

«Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опознился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!» —

[1248] *Курень* — (на Украине) шалаш, сторожка (на огородах, бахчах и т. п.).

«До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня, —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — всё купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил». —

«Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила насмерть;
Ступай к куму в село». —

«Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вся головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом с рыбаком
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец)...

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать —
Петь мы песни давай!

Я с людями люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работáй;
А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песню поет...

5 сентября 1839

* * *

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работáют давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Чтó ты был? И чтó стал?
И чтó есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах[1249] — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей[1250] домовой
Сор метлою посмел;
И лошадок за долг

[1249] *Закром* — отгороженное место в амбаре для ссыпки зерна, муки.
[1250] *Клеть* — холодная половина избы, через сени; кладовая при избе; отдельная нежилая постройка для хранения имущества.

По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна
По дорожке большой
По селам, городам,
По торговым людя́м!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях сиротой
Хлеб нескошен стоит.
Ветер точит зерно!

Птица клю́ет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло[1251] глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну —
Бражку ковшиком пьют.

25 сентября 1839

Нестор Кукольник (1809—1868)

Английский романс

Уймитесь, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!
Я плачу, я стражду, —
Душа истомилась в разлуке.

[1251] *Прясло* — звено изгороди, забора; сооружение для сушки снопов.

Я плачу, я стражду!
Не выплакать горя в слезах...

Напрасно надежда
Мне счастье гадает, —
Не верю, не верю
Обетам коварным:
Разлука уносит любовь...

Как сон, неотступный и грозный,
Соперник мне снится счастливый,
И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает...
И тайно и злобно
Оружия ищет рука...

Минует печальное время,
Мы снова обнимем друг друга.
И страстно и жарко
Забьется воскресшее сердце,
И страстно и жарко
С устами сольются уста.

Напрасно измену
Мне ревность гадает, —
Не верю, не верю
Коварным наветам!
Я счастлив! Ты снова моя!

И всё улыбнулось в природе;

Как солнце, душа просияла;
Блаженство, восторги
Воскресли в измученном сердце!
Я счастлив: ты снова моя.

Август 1838

Жаворонок

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей!
Где поет так громко
Над подружкою своей
Жаворонок звонкой.

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет.
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

11 июля 1840

Попутная песня[1252]

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волненье,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

Нет, тайная дума быстрее летит,
И сердце, мгновенья считая, стучит.
Коварные думы мелькают дорогой,
И шепчешь невольно: «О Боже, как долго!»

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волненье,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

Не воздух, не зелень страдальца манят, —
Там ясные очи так ярко горят,

[1252] Кукольник писал, что в «Попутной песне» изображен «наш царскосельский пароход с его ежедневными ощущениями». Текст песни был сочинен для уже готовой музыки (М. И. Глинки). Пароход — старое название паровоза на первой в России железнодорожной ветке от Петербурга до Царского Села.

Так полны блаженства минуты свиданья,
Так сладки надеждой часы расставанья.

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волненье,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

15 июля 1840

Семен Стромилов (1810—1860)

* * *

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит, —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист, дрожит.

Извела меня кручина,
Подколодная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой,
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска…
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

1830-е годы

Николай Макаров (1810—1890)

* * *

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.

Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,

Что в душе моей хладной, остылой
Разгорелося сердце огнем.

И припомнил я ночи иные
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка.
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека…

Евдокия Растопчина (1811—1858)

Двойные рамы

Ich aber lieb' euch all':
Rose, Schmetterling, Sonnenstrahl,
Abendstern und Nachtigall!
H. Heine[1253]

Примета скучных зимних дней,
Снегов, морозов предвещанье,
Двойные рамы здесь!.. Скорей
Пошлю я лету взор прощанья!

[1253] Но я люблю вас всех: / Розу, бабочку, солнечный луч, / Вечернюю звезду и соловья! Г. Гейне (нем.).

Теперь в окно издалека
Не слышу шум реки ленивой,
Лесные звуки, песнь рожка
И листьев шорох торопливый.

Двойные рамы вложены!..
И одиночества страданья
Еще живей средь тишины
Ненарушимого молчанья.

Отныне слеп и глух наш дом,
Нет с жизнью внешней сообщенья...
Он загражден — как будто в нем
Кто дал обет уединенья.

Под мертвой тяжестью зимы,
Без воздуха, в глуши печальной
Мне веет сыростью тюрьмы,
Затвором кельи погребальной.

И как здесь мрачно, как темно!..
Хоть солнце в небе загорится,
Сквозь стекла тусклые оно
Ко мне лучом не заронится.

Хоть улыбнется ясный день,
Гость мимолетный, запоздалый,
Он не рассеет мглу и тень
В моей светлице одичалой.

Ни щебетанье воробья,
Ни песни иволги пустынной
Достичь не могут до меня,
Чтоб сократить мне вечер длинный.

Со всей природою разрыв
Мне на полгода уготован,
И только дум моих порыв
Не замедлён и не окован.

Октябрь 1839. Село Анна

Домашний друг

Joyeux, il chantait toujours.
Charles Nodier, Trilby[1254]

Есть в глуши далекой,
В сельской стороне, —
Словно у царевны
Дедовских времен, —
У меня потешник,
Сказочник-певец.

У царевен тоже
Были завсегда
Карлы выписные
Из заморских стран,
Птицы-щебетуньи

[1254] Веселый, он всё время пел. — Шарль Нодье. Трильби (франц.).

В клетках золотых.

Чем был карло меньше,
Тем дороже он
При дворе ценился;
Птиц любили тех,
Что всех чаще пели,
Летом и зимой.

Мой потешник крошка, —
Хоть и даровой, —
Просто невидимка,
Так он чудно мал.
Даже и с очками
Не сыскать его!

А поет он, бает,
Тешит здесь меня
В всякую погоду
И во всякий час;
Он всегда радушен,
Весел, говорлив.

Солнце ли сияет
В красный, вешний день,
В вечер ли осенний
Буря загудит, —
Я знакомый голос
Слышу за углом!

Были-небылицы,
Сказки о чертях,
Сплетни о раздорах
Ведьм и домовых, —
Вот чем зимний вечер
Сокращает он.

Жизнеописанья
Роз и мотыльков,
Свадебные песни
Джиннов, резвых фей, —
Вот что в летний полдень
Мне лепечет он.

Всё на свете знает
Постоялец мой;
Знает, как мне вторить,
Чем развлечь меня
В час воспоминанья,
Грусти иль хандры...

Он наперсник верный
Дум и грез моих,
И слезы невольной,
И мечты святой...
Он свидетель жизни
И души моей!..

Я к нему привыкла
И люблю его;

Но у нас на свете
Всем кто угодит?
Так и он, бедняжка,
В доме мил не всем...

От врагов домашних,
От беды и зла
Я ему защитой,
Берегу его;
В нем примету счастья
Вижу и храню!

Кто же мой любимец,
Баловень и друг?..
Ах, смеяться станут, —
Я боюсь сказать...
Он... кто угадает?..
Он — простой сверчок!

1 сентября 1841. Село Анна

Колокольчик

Звенит, гудит, дробится мелкой трелью
Валдайский колокольчик удалой...
В нем слышится призыв родной, —
Какое-то разгульное веселье
С безумной, безотчетною тоской...

Кто едет там?.. Куда?.. С какою целью?..

Зачем?.. К кому?.. И ждет ли кто-нибудь?..
Трепещущую счастьем грудь
Смутит ли колокольчик звонкой трелью?..
Спешат, летят!.. Бог с ними... Добрый путь!..

Вот с мостика спустились на плотину,
Вот обогнули пруд, и сад, и дом...
Теперь поехали шажком...
Свернули в парк аллеею старинной...
И вот ямщик стегнул по всем по трем...

Звенит, гудит, как будто бьет тревогу,
Чтоб мысль завлечь и сердце соблазнить!..
И скучно стало сиднем жить,
И хочется куда-нибудь в дорогу,
И хочется к кому-нибудь спешить!..

27 августа 1853. Вороново

Голубая душегрейка

Слова для музыки

Ножка, ножка-чародейка,
Глазки девицы-души,
Голубая душегрейка, —
Как вы были хороши!..

Помню, помню, как, бывало,
В зимню пору, вечерком

Свет-красотка выбегала
Погулять со мной тайком!..

Пусть журила мать-старушка,
Пусть ворчал отец седой, —
Выпорхала их резвушка
Птичкой вольной и живой.

Помню радость жданной встречи,
Нежный взгляд, невольный страх,
Помню ласковые речи
И румянец на щеках.

Помню беленькую ручку,
Перстенек из бирюзы,
Помню песню-самоучку,
Детский смех и блеск слезы.

Помню муку расставанья
И прощальный поцелуй...
Эх, молчи, воспоминанье!..
Полно, сердце, не тоскуй!..

Не вернуть тебе былого,
Стары годы не придут!
Жадных уст моих уж снова
Поцелуи не сожгут!

Ножка, ножка чародейка,
Глазки девицы-души,

Голубая душегрейка, —
Как вы были хороши!..

Январь или начало февраля 1855

Дмитрий Давыдов (1811—1888)

Думы беглеца на Байкале

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Ну, баргузин, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалечко!

Долго я звонкие цепи носил;
Худо мне было в норах Акатуя.
Старый товарищ бежать пособил;
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь;
Горная стража меня не видала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка — миновала.

Шел я и в ночь — и средь белого дня;
Близ городов я поглядывал зорко;
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Весело я на сосновом бревне
Вплавь чрез глубокие реки пускался;
Мелкие речки встречалися мне —
Вброд через них пробирался.

У моря струсил немного беглец:
Берег обширен, а нет ни корыта;
Шел я коргой — и пришел наконец
К бочке, дресвою замытой.

Нечего думать, — Бог счастье послал:
В этой посудине бык не утонет;
Труса достанет и на судне вал,
Смелого в бочке не тронет.

Тесно в ней было бы жить омулям;
Рыбки, утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам —
В бочку полезли бы сами!

Четверо суток верчусь на волне;
Парусом служит армяк дыроватый,
Добрая лодка попалася мне, —
Лишь на ходу мешковата.

Близко виднеются горы и лес,
Буду спокойно скрываться под тенью;
Можно и тут погулять бы, да бес
Тянет к родному селенью.

Славное море — привольный Байкал,

Славный корабль — омулевая, бочка...

Ну, баргузин, пошевеливай вал:

Плыть молодцу недалечко!

Примечания

Беглецы из заводов и с поселений вообще известны под именем «прохожих». Они идут, не делая никаких шалостей, и питаются подаянием сельских жителей, которые не только не отказывают им никогда в куске хлеба, но даже оставляют его в известных местах для удовлетворения голода прохожих. Беглецы не делают дорогою преступлений из боязни преследования; а жители не ловят их сколько потому, что это для них неудобно, а более из опасения, что пойманный, при новом побеге, отомстит поимщику. Беглецы боятся зверопромышленников и особенно бурят: существует убеждение, будто бы они стреляют прохожих (это и выражает стих: «Пуля стрелка — миновала»).

Беглецы с необыкновенною смелостию преодолевают естественные препятствия в дороге. Они идут через хребты гор, через болота, переплывают огромные реки на каком-нибудь обломке дерева; и были примеры, что они рисковали переплыть Байкал в бочках, которые иногда находят на берегу моря и в которых обыкновенно рыболовы солят омулей.

Шилка и Нерчинск. Под этими словами здесь разумеются всегда Шилкинский и Большой Нерчинский заводы. В последнем из них сосредоточено заводское управление. Говорят: «Партия ссыльных идет в Нерчинск»; значит — в Нерчинские заводы. Собственно же Нерчинск не что иное, как город, и туда никого за преступления не ссылают. *Акатуйский рудник* — место для самых злейших преступников. *Баргузин* — так называется на Байкале северо-восточный ветер, которым суда идут от Забайкалья на Иркутскую сторону. *Корга* — береговая отлогость.

1858

Иван Клюшников (1811—1895)

* * *

Я не люблю тебя: мне суждено судьбою,
Не полюбивши, разлюбить.
Я не люблю тебя; больной моей душою
Я никого не буду здесь любить.

О, не кляни меня! Я обманул природу,
Тебя, себя, когда в волшебный миг
Я сердце праздное и бедную свободу
Поверг в слезах у милых ног твоих.

Я не люблю тебя, но, полюбя другую,
Я презирал бы горько сам себя,
И, как безумный, я и плачу и тоскую,
И всё о том, что не люблю тебя!..

1838

Беатриче

Бледнеют звезды полуночи,
Луна заснула в облаках,
Но сна мои не знают очи,
В душе тоска, тревога, страх.

Лампада гаснет — я вздыхаю
И плачу о погибшем дне,
Сквозь слез едва-едва читаю —
Не наяву и не во сне —

Больной души моей скрижали,
Где трудно прожитые дни
Так беспощадно начертали
Сказанья верные свои:

Невзгоды жизненной дороги,
Безумных сил безумный гнет,
Ошибок страшные итоги
И счастья вечный недочет;

Где всё, что отнято судьбою
И жизнью у души моей...
И вдруг явилась предо мною
В сияньи розовых лучей —

Она! — Знакомое виденье!
В ней всё о прошлом говорит:
И очи, полные томленья,
И бледный мат ее ланит,

Ее сверкающие плечи
В каскаде шелковых кудрей,
Волшебных уст немые речи,
Понятные душе моей;

Волнистый стан, ко мне склоненный,
Полупрозрачные персты...
И я очнулся, пробужденный
Сияньем дивной красоты.

Замолкли злой судьбы угрозы,
Молчит душевная гроза.
Иные, радостные слезы
Туманят жадные глаза.

Она, колеблясь, улетает
В объятьях молодого дня,
И, мнится, свыше призывает
Благословенье на меня.

В душе гармония святая,
Чуть слышно сердце бьется вновь,
Таинственно переживая
Святую, первую любовь.

Печальных дней моих отрада!
Подруга милых сердцу дней!
Неугасимая лампада
В святилище души моей!

Гори! Сияй! И тьме окрестной
Объять святыни не давай!
И до конца стези безвестной
Не угасай! не угасай!

1880

Евгений Гребенка (1812—1848)

Песня

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело. Я стояла у ворот —
А по улице всё конница идет.
К воротáм подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...
Он уехал... долго я смотрела вслед, —
Жарко стало мне, в очах мутился свет,
Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —
К нам заехал на квартиру генерал,
Весь простреленный, так жалобно стонал...
Я взглянула — встрепенулася душой:
Это он, красавец барин молодой;
Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.
И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была.

1841

Черные очи

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час.

Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Всё, что лучшего в жизни Бог дал нам,
В жертву отдал я огневым глазам.

1843

Николай Огарев (1813—1877)

Деревенский сторож

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий

В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокой,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вкруг него,
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет,

И, качаясь, завывает
Звонкая доска…
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска!

1840

* * *

Там на улице холодом веет,
Завывает метель под окном;
Еще ночь над землей тяготеет,
И всё спит безмятежно кругом.

Я один до рассвета проснулся
И безмолвно камин затопил,
И трескучий огонь встрепенулся
И блуждающий отблеск разлил.

Тяжело мне и грустно мне стало,
И невольно на память пришло,
Как мне в детские годы бывало
У камина тепло и светло.

1840

Полдень

Полуднем жарким ухожу я
На отдых праздный в темный лес
И там ложусь, и всё гляжу я
Между вершин на даль небес.
И бесконечно тонут взоры
В их отдаленьи голубом;
А лес шумит себе кругом,
И в нем ведутся разговоры:
Щебечет птица, жук жужжит,

И лист засохший шелестит,
На хворост падая случайно, —
И звуки все так полны тайной...
В то время странным чувством мне
Всю душу сладостно объемлет;
Теряясь в синей вышине,
Она лесному гулу внемлет
И в забытьи каком-то дремлет.

1840—1841

Вечер

Когда настанет вечер ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотреть, как гаснет день прекрасный
И загорается звезда,
Как ласточка, неуловимо
По лону вод скользя крылом,
Несется быстро, быстро мимо —
И исчезает... Смутным сном
Тогда душа полна бывает —
Ей как-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекает
Ее куда-то далеко.
Мне грезятся иные годы,
Такой же вечер у пруда,
И тихо дремлющие воды,
И одинокая звезда,

И ласточка — и всё, что было,
Что сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

1840—1841

Nocturno[1255]

Как пуст мой деревенский дом,
Угрюмый и высокий!
Какую ночь провел я в нем
Бессонно, одинокий!
Уж были сумраком давно
Окрестности одеты,
Луна светила сквозь окно
На старые портреты;

А я задумчивой стопой
Ходил по звонкой зале,
Да тень еще моя со мной —
Мы двое лишь не спали.
Деревья темные в саду
Качали всё ветвями,
Впросонках гуси на пруду
Кричали над волнами,

И мельница, грозя, крылом

[1255] Ноктюрн (итал.)

Мне издали махала,
И церковь белая с крестом,
Как призрак, восставала.
Я ждал знакомых мертвецов —
Не встанут ли вдруг кости,
С портретных рам, из тьмы углов
Не явятся ли в гости?..

И страшен был пустой мне дом,
Где шаг мой раздавался,
И робко я внимал кругом,
И робко озирался.
Тоска и страх сжимали грудь
Среди бессонной ночи,
И вовсе я не мог сомкнуть
Встревоженные очи.

1840—1841

Дорога

Тускло месяц дальний
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы

С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок,
Напевает тихо
Мой ямщик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

1841

Изба

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится,
Дедушка в избе
На печи ложится
И уж спит себе.

Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу

Стали засыпать.

Только, за работой,
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь,

И лучина бледно
Перед ней горит.
Всё в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

1842

Обыкновенная повесть

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Река была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пели;
Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвел,
Стояла темных лип аллея.

Быда чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели.
О, если б кто увидел их
Тогда, при утренней их встрече,
И лица б высмотрел у них
Или подслушал бы их речи —
Как был бы мил ему язык,
Язык любви первоначальной!
Он, верно б, сам, на этот миг
Расцвел на дне души печальной!..
Я в свете встретил их потом:
Она была женой другого,
Он был женат, и о былом
В помине не было ни слова.
На лицах виден был покой,
Их жизнь текла светло и ровно,
Они, встречаясь меж собой,
Могли смеяться хладнокровно...
А там, по берегу реки,
Где цвел тогда шиповник алый,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалой
И пели песни — и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было там говорено
И сколько было позабыто.

1842

* * *

К подъезду! — Сильно за звонок рванул я. —
Что, дома? — Быстро я взбежал наверх.
Уже ее я не видал лет десять;
Как хороша она была тогда!
Вхожу. Но в комнате всё дышит скукой,
И плющ завял, и шторы спущены.
Вот у окна, безмолвно за газетой,
Сидит какой-то толстый господин.
Мы поклонились. Это муж. Как дурен!
Широкое и глупое лицо.
В углу сидит на креслах длинных кто-то,
В подушки утонув. Смотрю — не верю!
Она — вот эта тень полуживая?
А есть еще прекрасные черты!
Она мне тихо машет: «Подойдите!
Садитесь! рада я вам, старый друг!»
Рука как желтый воск, чуть внятен голос,
Взор мутен. Сердце сжалось у меня.
«Меня теперь вы, верно, не узнали…
Да — я больна; но это всё пройдет:
Весной поеду непременно в Ниццу».
Что отвечать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули к глазам от сердца,
А слово так и мрет на языке.
Муж улыбнулся, что я так неловок.
Какую-то я пошлость ей сказал

И вышел. Трудно было оставаться —
Поехал. Мокрый снег мне бил в лицо,
И небо было тускло…

1842

Хандра

Бывают дни, когда душа пуста;
Ни мыслей нет, ни чувств, молчат уста,
Равно печаль и радости постылы,
И в теле лень, и двигаться нет силы.
Напрасно ищешь, чем бы ум занять —
Противно видеть, слышать, понимать,
И только бесконечно давит скука,
И кажется, что жить такая мука!
Куда бежать? чем облегчить бы грудь?
Вот ночи ждешь — в постель! скорей заснуть!
И хорошо, что стало всё беззвучно...
А сон нейдет, а тьма томит докучно!

Начало 40-х годов

* * *

Длинный день проходит вяло,
Скучны люди, жизнь узка,
И живет в душе усталой
Беспокойная тоска.

Но опять полно стремленья
Сердце в поздней тишине,
И желанное виденье
Предстает в блаженном сне.

А наутро всё пропало,
Скучны люди, жизнь узка;
И опять в душе усталой
Беспокойная тоска.

1843

На мосту

Я на мосту стоял. Река
В ночи недвижно широка
Под ледяным своим покровом
Светилась пологом свинцовым.
Далеко трепетным огнем
В тумане фонари мерцали;
Высоко в воздухе ночном
Дома угрюмые стояли,
И редко в тишине звучал
По жестким плитам шаг пустынный,
Иль стук кареты дребезжал,
Спешащей путь покончить длинный.
Рождало чувство пустоты
Вопрос — подобие мечты,

И не могла мне до рассвета
Пустая ночь подать ответа.

Первая половина 1850-х

Летом

Мой друг, не вижу я средь а́нглийских полей
Станицы сто́рожкой высоких журавлей,
И посвистом тройным в траве, всегда скошенной,
Не свищет перепел, отрадно затаенный,
Не стонет коростель в вечерней тишине;
Один — космополит — трепещет в вышине,
Как точка малая, веселый жаво́ронок,
И здесь его напев всё так же чист и звонок;
Да воробей еще — другой космополит —
По кровлям и в садах и скачет и пищит.
На Темзе не видать, чтоб диких уток стая
Садилась на́ воду, кругами налетая;
Ручные лебеди над грязью тусклых вод
Одни белеются, минуя пароход.
Сурово осудил невинные созданья
Жестокий человек на дальние изгнанья,
Пугая злобно их и силой, и враждой,
И смертью дикою — зане[1256] он царь земной.
Зато промышленность разви́та у народа,
И рабство тайное, и для иных свобода;

[1256] *Зане́* — ибо, потому что.

Всё это хорошо, я скоро в прозе сам
Развитию хвалу торжественно воздам.

Но сердцем я дикарь! Мне хочется на лоно
Раздольной роскоши моих родных степей,
Где взору нет конца до края небосклона,
Где дремлет в знойный день станица журавлей, —
Один настороже стоит, поднявши ногу,
И в миг опасности готов поднять тревогу, —
Где слышен дергача протяжный, грустный стон,
Когда уходит день за дальний небосклон;
Где перепел свистит, таясь в зеленом море
Некошеной травы; где жить им на просторе
Привольно и легко, при ясном, теплом дне,
В благоухающей, безбрежной стороне.

Иль наш дремучий лес, и шум и колыханье,
И в чаще пенье птиц, и пчел и мух жужжанье...
И вновь мне хочется, чтоб мирно, без тревог,
В тенистой зелени я заплутаться мог,
Дождаться вечера... Закат в мерцаньи дальнем
По листьям золотым блестит лучом прощальным,
За птицей птица вслед смолкает в тишине,
И лес таинственный почиет в свежем сне;
Одни кузнечики, по ветреной привычке,
Трепещут у корней в болтливой перекличке,
Да где-то явственней становится слышна
Ручья журчащего бессонная волна.
И жду я месяца... Он встал над лесом мглистым,

Прокрался сквозь вершин отливом серебристым,
И призрачно встают, как бы из мира грез,
Всё белые стволы развесистых берез,
Задумчиво в тиши понурились ветвями
И робко шепчутся пахучими листами...
Но месяц клонится, светлей лесная мгла,
Проснулась иволга, жужжа летит пчела,
И вновь, разбуженный алеющей зарею,
Заколебался лес под влажною росою.

1857—1858

* * *

По краям дороги
В тишине глубокой
Темные деревья
Поднялись высоко;
С неба светят звезды
Мирно сверх тумана...
Сердце? Сердце просит
Нового обмана.

В памяти тревожной
Всё былые встречи,
Ласковые лицы,
Ласковые речи;
Но они подобны
Призракам могилы,

Не вернут былого
Никакие силы.

О! Когда б пришлося
По дороге темной
Снова для ночлега
Встретить домик скромный
И в объятьях жарких
Пробудиться рано...
Сердце?.. Сердце просит
Нового обмана.

1858

* * *

Среди сухого повторенья
Ночи за днем, за ночью дня —
Замолкших звуков пробужденье
Волнует сладостно меня.

Знакомый голос, милый лепет
И шелест тени дорогой —
В груди рождают прежний трепет
И проблеск страсти прожитой.

Подобно молодой надежде,
Встает забытая любовь,
И то, что чувствовалось прежде,

Всё так же чувствуется вновь.

И, странной негой упоенный,
Я узнаю забытый рай…
О! погоди, мой сон блаженный,
Не улетай, не улетай!

В тоске обычного броженья
Смолкает сна минутный бред,
Но долго ласки и томленья
Лежит на сердце мягкий след.

Так, замирая постепенно,
Исполнен счастия и мук, —
Струны внезапно потрясенной
Трепещет долго тихий звук.

1859—1860

Призрак

В одну из тех ночей весеннего тепла,
Когда покоится серебряная мгла,
А месяц трепетный наводит освещенье, —
В одну из тех ночей явилось мне виденье.
Под дубом вековым недвижно я лежал,
Раскрыть глаза едва-едва имея силу,
Как будто был уже готов сойти в могилу —
И для меня мой час последний наставал.

Не поднималися беспомощные руки,
Но слух еще ловил каких-то голосов
Блаженства полные, знакомые мне звуки
В движеньи воздуха и трепете листов.
И вдруг пришла она — всё тот же образ стройный,
Всё так же хороша, всё так же молода,
С улыбкой тихою, и поступью спокойной,
И взором ласковым, как в прежние года, —
И близ меня она колени преклонила...
«Зачем, — я ей сказал, — зачем приходишь ты?
Я знаю — никогда меня ты не любила...
А я? А я всю жизнь не знал иной мечты;
Любил ли я еще когда-нибудь — не знаю —
Ни прежде, ни потом... Но жизнь пережита,
Теперь уже я стар, теперь я умираю...»
Тут уст моих ее коснулися уста...
В последний раз во мне сердечное биенье
Мгновенно вздрогнуло и замерло совсем...
Тогда исчезло всё — и звуки и виденье,
Глаза закрылися, и был я глух и нем,
И только бледная луна еще глядела
На мертвое, хладеющее тело...

1863

* * *

Береза в моем стародавнем саду
Зеленые ветви склоняла к пруду.

Свежо с переливчатой зыби пруда
На старые корни плескала вода.
Под веянье листьев, под говор волны,
Когда-то мне грезились детские сны,
С тех пор протянулося множество лет
В волнении праздном и счастья и бед,
И сад мой заглох, и береза давно
Сломилась, свалилась на мокрое дно.
И сам я дряхлею в чужой стороне,
На отдых холодный пора, знать, и мне,
А всё не забыл я про детские сны
Под веянье листьев, под говор волны.

1863

Михаил Лермонтов (1814—1841)

Предсказание

Настанет год, России черный год,[1257]
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;

[1257] Стихотворение написано в связи с крестьянскими восстаниями в России в 1830 г. «Черный год» — так называлось обычно в современной поэту литературе время пугачевского восстания.

Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

1830

Нищий[1258]

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

[1258] По воспоминаниям Е. А. Сушковой, стихотворение посвящено ей и написано в середине августа 1830 г. в Троице-Сергиевой лавре, куда молодежь ходила из Середникова на богомолье. Мемуаристка рассказывает при этом о следующем эпизоде, послужившем сюжетной основой для стихотворения: «На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: „пошли вам Бог счастие, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!"»

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

1830

Желание[1259]

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,

[1259] В стихотворении отражены семейные предания о шотландском происхождении рода Лермонтовых.

Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

1831

Исповедь

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..
Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,

И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших, но святых видений —
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнем язвительным своим.

1831

Ангел

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами[1260] райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;[1261]

[1260] *Куща* — шатер, хижина, сень; кроны деревьев, тенистая роща.
[1261] Ср. с «долиной слез» — традиционным названием дольнего, земного мира.

И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

Мой дом

Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Всё, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кровлей досягает,
И от одной стены к другой
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, теченье века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,

И осужден страдать я долго в нем,
И в нем лишь буду я спокоен.

1831

К ***

Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое всё сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный цвет чела.
На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где всё мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною морскою,
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих вод.

1831

* * *

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,

Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или Бог — или никто!

1832

К ***[1262]

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою,
Хоть пути не кончить им вдвоем!

Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами, —

[1262] Обращено, по всей вероятности, к Варваре Александровне Лопухиной (впоследствии Бахметевой), которую Лермонтов горячо полюбил в студенческие годы и сохранил это чувство до конца жизни.

Я рожден, чтобы не жить без них.

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч-путеводитель,
Что́ хвала иль гордый смех людей!

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

1832

* * *

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

1832

* * *[1263]

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее — не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

1832

Парус

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

[1263] В стихотворении говорится о В. А. Лопухиной.

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрыпит...
Увы! он счастия не ищет,
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1832

* * *

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! — но безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и Бог не спас!
Так сочный плод до времени созрелый
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты — его паденья час!

И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем, как нежные подруги
Колеблются на ветках, — ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой вьюги!

Ужасно стариком быть без седин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И всё, что чувствует, он чувствует один!

1832

Русалка

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада,
Там хрустальные есть города;

4

«И там на подушке из ярких песков,
Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны...

5

«Расчесывать кольца шелкóвых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы, в полуденный час,
Целовали красавца не раз.

6

«Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит, — и склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне».

7

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

1832

Бородино[1264]

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время.
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

[1264] Написано, по всей вероятности, в январе 1837 г., в связи с исполнявшимся в этом году двадцатипятилетием со времени Отечественной войны 1812 г.

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи;
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый
Кто кивер чистил весь избитый,

Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,[1265]
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

[1265] Речь идет о французской кавалерии: уланы были вооружены пиками, к которым привязывались матерчатые флажки наподобие флюгеров; к каскам драгун прикреплялись конские хвосты для защиты от сабельных ударов.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена́, как тени,
В дыму огонь блестел.
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.[1266]
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:

[1266] *Басурман* — (искаженное из «мусульманин») — недоброжелательное обозначение магометанина (первонач. татарина), а также вообще иноверца, иноземца.

Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

1837

Смерть поэта

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,

Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно[1267]
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что́ он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,[1268]
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,

[1267] Речь идет о Дантесе — убийце Пушкина. Жорж Шарль Дантес (1812—1895) — французский монархист, бежавший в 1833 г. в Россию после вандейского мятежа, был приемным сыном голландского посланника в Петербурге барона Геккерена. Имея доступ в салоны придворной русской аристократии, участвовал в травле поэта, закончившейся роковой дуэлью 27 января 1837 г. После смерти Пушкина выслан во Францию.
[1268] Лермонтов вспоминает здесь Владимира Ленского из романа Пушкина «Евгений Онегин».

Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок, — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

*

А вы, надменные потомки,[1269]
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!

[1269] «А вы, надменные потомки» и следующие 15 стихов, по свидетельству С. А. Раевского, написаны позднее, чем предшествующий текст. Это — отклик Лермонтова на попытку правительственных кругов и знати очернить память Пушкина и оправдать Дантеса. Непосредственным поводом Для создания последних 16 стихов, по свидетельству Раевского, послужила ссора Лермонтова с родственником, камер-юнкером Н. А. Столыпиным, который, навестив больного поэта, стал излагать ему «невыгодное» мнение придворных лиц о Пушкине и попытался защитить Дантеса.

Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

1837

Ветка Палестины[1270]

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветр в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали

[1270] О «ветке Палестины» родственник и друг поэта А. П. Шан-Гирей рассказывает: «Пальмовая, искусно сплетенная ветка Палестины была привезена известным путешественником ко святым местам Андреем Николаевичем Муравьевым. С нею стоял он у заутрени в Вербное воскресенье в Иерусалиме и подарил ее Лермонтову». При виде этой ветки перед образами в доме Муравьева Лермонтов «по мгновенному вдохновению» записал стихотворение на том же листке, где была им оставлена записка хозяину дома.

Солима[1271] бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Всё так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, Божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

[1271] *Солим* — Иерусалим.

Прозрачный сумрак, луч лампады,

Кивот[1272] и крест, симво́л святой...

Всё полно мира и отрады

Вокруг тебя и над тобой.

1837

Узник[1273]

Отворите мне темницу,

Дайте мне сиянье дня,

Черноглазую девицу,

Черногривого коня!

Я красавицу младую

Прежде сладко поцелую,

На коня потом вскочу,

В степь, как ветер, улечу.

*

Но окно тюрьмы высоко,

Дверь тяжелая с замком;

Черноокая далеко,

В пышном тереме своем;

Добрый конь в зеленом поле

[1272] *Кивот, киот* — ящик со стеклом или небольшой шкаф для икон, божница.

[1273] Родственник Лермонтова А. П. Шан-Гирей рассказывает в своих воспоминаниях, что стихотворение написано в феврале 1837 г.. когда поэт находился под арестом за стихотворение «Смерть Поэта»: «Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: „Когда волнуется желтеющая нива", „Я, Матерь Божия, ныне с молитвою", „Кто б ни был ты, печальный мой сосед", и переделал старую пьесу „Отворите мне темницу"».

Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

*

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями,
Звучномерными шагами,
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

1837

Сосед

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь — а после тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет

Мне умирая посылает,
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает,

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...

И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей всё оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

1837

* * *

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,

Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу[1274]
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога…

1837

Молитва

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного, —
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

[1274] *Сага* — (в древнескандинавской литературе) народное сказание; поэтическое сказание, легенда (поэт.).

Окружи счастием душу достойную,
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты восприять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

* * *

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастия, ни славы
Мне в мире не найти; — настанет час кровавый;
И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений;
Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый!..
Пускай! я им не дорожил.

1837

* * *[1275]

Спеша на север из далека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье,
К престолу вечному Аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла

[1275] Написано, вероятно, в конце 1837 г. перед отъездом Лермонтова в Петербург с Кавказа, где он отбывал первую ссылку.

Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

1837

Кинжал

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполненны таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

1837—1838

* * *

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне Бог готовил,
Зачем так горько прекословил

Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

1837—1838

Дума

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,

И перед властию — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час.

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,

Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

1838

Поэт

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,

И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как Божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык, —
Нас тешат блестки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

1838

Не верь себе

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier[1276]

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей больной,
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи —
То кровь кипит, то сил избыток!

[1276] Какое нам, в конце концов, дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов, продавцов пафоса и мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе? О. Барбье. (Франц.)

Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой,
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что́ нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным...

1839

Три пальмы

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной
Журча пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали…
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса[1277] вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

[1277] *Фарис* (араб.) — всадник.

Вот к пальмам подходит шумя караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно, жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

1839

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко…

1839

Дары Терека[1278]

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.

[1278] В стихотворении отразилось знакомство Лермонтова с народными песнями и сказами гребенских казаков о Тереке.

Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов, им на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный

Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:
«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.

Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхался, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

1839

Памяти А. И. Одоевского[1279]

1

Я знал его: мы странствовали с ним

[1279] Написано в связи со смертью друга Лермонтова, поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского (1802—1839), сосланного после декабрьского восстания в Сибирь, а затем на Кавказ, где он и умер 15 августа 1839 г. от лихорадки. Лермонтов познакомился с Одоевским в 1837 г. во время своей кавказской ссылки. Оба поэта служили в Нижегородском драгунском полку.

В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и Бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,

Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый.

4

И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы, — всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит —
Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит..

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда? Пускай забудет свет

Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?...
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи —

6

И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вкруг твоей могилы неизвестной
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

1839

* * *

На буйном пиршестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
Духовный взор его смотрел.

И помню я, исполненны печали

Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.

Он говорил: «Ликуйте, о друзья!
Что вам судьбы дряхлеющего мира?..
Над вашей головой колеблется секира,
Но что ж!.. Из вас один ее увижу я».[1280]

1839

* * *[1281]

……...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред. Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть,
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне.
И солнце сквозь хрусталь волны

[1280] Стихотворение не закончено. В основу его лег вымышленный рассказ французского писателя Лагарпа о том, что в начале 1786 г. на банкете у одного знатного вельможи писатель-монархист Ж. Казот (казненный в 1792 г.) предсказал дату Французской революции и судьбу присутствовавших на вечере гостей.
[1281] Отрывок из поэмы «Мцыри» (Песня рыбки).

Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее сребристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

*

«Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

«Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

«О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»

1839

* * *

1-е Января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету
Ласкаю я в душе старинную мечту,

Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
    На праздник нéзванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих
    Облитый горечью и злостью!..[1282]

1840

И скучно и грустно

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;

[1282] Стихотворение написано под впечатлением новогоднего бала-маскарада в Дворянском собрании. На этом балу Лермонтова видел И. С. Тургенев, о чем он рассказывает в своих «Литературных и житейских воспоминаниях»: «На бале Дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
    Давно бестрепетные руки... и т. д.».

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...

1840

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег
Точит свои кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.

Я седельце боевое
Шелком разошью…
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1840

* * *

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,

И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

1840

Журналист, читатель и писатель

Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.
Inédit.[1283]

(Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.)

Журналист

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато, какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:

[1283] Поэты похожи на медведей, сытых тем, что сосут лапу. Неизданное (франц.). Эпиграф взят из «Изречений в стихах» Гёте.

Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? нельзя ль
Узнать?

Писатель

Да ничего…

Журналист

Напрасно!

Писатель

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали с тайною мольбою
К N. N., неведомой красе, —
И страшно надоели все.

Читатель

И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал

(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста;
Да как-то страшно без перчаток…
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? Перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я
Прочтите критику мою.

Читатель

Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И всё зачем? чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадется как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним Богом.

Журналист

Всё это так, — да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель

О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...

Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко, без сознанья,
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сиянье прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...

Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно черных
И ложно радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать...
Скажите ж мне, о чем писать?

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?

О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

1840

Воздушный корабль[1284]

(Из Зейдлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;

[1284] Стихотворение является свободным переложением баллады австрийского поэта-романтика Цедлица «Geisterschiff» («Корабль призраков»), Лермонтов значительно сократил подлинник и внес в текст сюжетные изменения.

На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.[1285]

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

[1285] Остров Св. Елены.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,[1286]
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

[1286] В долине Эльбы — под Йеной и Ауэрштадтом — в 1806 г. произошли кровопролитные сражения, приведшие к победе наполеоновских войск над прусской армией и завоеванию германских территорий вплоть до Эльбы.

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,[1287]
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

1840

Соседка[1288]

[1287] Сын Наполеона I и Марии-Луизы — Наполеон II Бонапарт (1811—1832) после падения Наполеона в 1814 г. был увезен в Австрию; умер от чахотки в возрасте двадцати одного года.
[1288] Как указывает родственник и друг поэта А. П. Шан-Гирей, стихотворение написано в ордонанс-гаузе, когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с Барантом. По словам Шан-Гирея, соседка, о которой написано стихотворение, действительно существовала, но «была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при ордоканс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери». Имеются свидетельства, что существовал и портрет этой девушки, нарисованный Лермонтовым, с подписью «la jolie fille de sous-officier» («хорошенькая дочь унтер-офицера»).

Не дождаться мне видно свободы,
А тюремные дни, будто годы;
И окно высокó над землей!
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду.
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подымется вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок.

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отво́рится клетка,
И, как Божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне укра́дешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

1840

Отчего

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

1840

Благодарность

За всё, за всё Тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

1840

Из Гёте[1289]

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

1840

[1289] Является вольным переводом стихотворения Гёте «Über allen Gipfeln» («Над всеми вершинами»).

Тучи[1290]

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

1840

Валерик[1291]

[1290] Написано в апреле 1840 г. перед отъездом Лермонтова в ссылку на Кавказ. По воспоминаниям В. А. Соллогуба, стихотворение создавалось при следующих обстоятельствах: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение “Тучки небесные, вечные странники!..” Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...»

[1291] Послание обращено, по всей вероятности, к В. А. Бахметевой (Лопухиной). Поэт рассказывает в нем о боевых действиях отряда генерал-лейтенанта Галафеева в Чечне. 11 июля 1840 г. на реке Валери́к (приток Сунжи, впадающей в Терек) разыгралось сражение, стоившее больших жертв той и другой стороне. Лермонтов участвовал в этом бою. Ему было поручено наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и держать связь с командиром, что было связано с величайшей опасностью, так как чеченцы скрывались в лесу. С первыми рядами храбрецов поэт ворвался в неприятельские завалы. За проявленное «отличное мужество» Лермонтов был представлен к ордену. Но высочайшим повелением опальному поэту было отказано в награде. В «Журнале военных действий» отряда Галафеева подробно описано валерикское

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, Боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок?
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых потому, что много

сражение. Рассказ Лермонтова в стихотворном послании до деталей совпадает с этими журнальными записями.

И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин
За всё я ровно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их Пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...

Зато лежишь в густой траве,
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз;
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове[1292] ходили
В Чечню, в Аварию,[1293] к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя Пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету поговиц,[1294]
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! прожужжала

[1292] *Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861) —полководец, дипломат, герой Отечественной войны 1812 г., в 1816—1827 гг. — главнокомандующий на Кавказе.
[1293] *Авария* — в ту пору Аварское ханство в Дагестане.
[1294] *Поговицы* — род голенищ, застегивающихся вокруг голени.

Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли? — Дай огниво! —
Подъем ударил барабан —
Гудит музы́ка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показалися значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид[1295]
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым…

[1295] *Мюрид* — у мусульман последователь духовного наставника, в данном случае сподвижник Шамиля, возглавлявшего движение горцев Дагестана и Чечни за освобождение их от власти России.

Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них
Без кровожадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья.
Каких у вас на сцене нет...

Раз — это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой[1296]
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживилися леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.

[1296] *Ичкерия* — территория Сев. Кавказа, граничащая с Большой Чечней, находилась южнее Терека и Сунжи, населена была чеченцами и ичкеринцами.

Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилося оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгну́ть с коня...

Ура — и смолкло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленах; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц.
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал…
«Спасите, братцы. — Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал Богу;

На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел я недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьям,
Ее тяжелым испареньем
Быд полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: *Валерик,*
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми.
— А сколько их дралось примерно
Сегодня? — Тысяч до семи.
— А много горцы потеряли?
— Как знать? — зачем вы не считали!
«Да! будет, — кто-то тут сказал, —
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюся вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни путь?

И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденье?

Теперь прощайте: если вас
Мои безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

1840

Завещание[1297]

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был;

[1297] Написано, по всей вероятности, в конце 1840 г., когда Лермонтов участвовал в военных действиях на Кавказской линии.

Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

1840

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!

Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,[1298]
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

[1298] *Гумно́* — отгороженное место, где в особых постройках складывают сжатый хлеб; расчищенная площадка для молотьбы — то же, что ток.

1841

* * *[1299]

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой,[1300] она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

* * *

Из-под таинственной холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки,
И улыбалися лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

[1299] Это вольный перевод стихотворения Генриха Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» из «Buch der Lieder» («Книга песен»). В переводе изменен смысл стихотворения Гейне: любовную тему — влечение пальмы к сосне (сосна на немецком языке — слово мужского рода), Лермонтов заменил темой одиночества.
[1300] *Риза* — парчовое, тканное золотом или серебром одеяние без рукавов, верхнее церковное облачение священнослужителей.

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою:
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слыхал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

1841

* * *[1301]

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,[1302]
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,[1303]
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

1841

[1301] Написано, по свидетельству биографов, в апреле 1841 г., перед отъездом Лермонтова из Петербурга на Кавказ по месту ссылки.
[1302] *Мундиры голубые* — речь идет о царских жандармах.
[1303] *Пашá* — титул высших военных и гражданских сановников в Османской империи.

Утес

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

1841

Сон[1304]

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

[1304] Написано между маем и началом июля 1841 г. В литературе указывалось на связь этого стихотворения с одной из песен терского казачества — «Ох, не отстать-то тоске-кручинушке», где рассказывается о казаке, который увидел себя во сне убитым.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841

Тамара[1305]

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

[1305] Написано между маем и началом июля 1841 г. Стихотворение свидетельствует о знакомстве Лермонтова с грузинским фольклором. В Грузии сохранилась легенда о коварной царице Дарье, замок которой находился в Дарьяльском ущелье. Царица волшебной силой заманивала путников к себе в замок и после ночи любви убивала их, сбрасывая затем трупы в Терек. В истории Грузии не было царицы Дарьи. Лермонтов, возможно, слышал другой вариант легенды, связанный с именем царицы Тамары, жившей в конце XII — начале XIII вв.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евну́х.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчу́г убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

1841

Листок[1306]

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

На что мне тебя? — отвечает младая чинара. —
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

[1306] В литературе указывалось на связь стихотворения «Листок» с элегией французского поэта Арно, переводившейся на русский язык В. Жуковским и Д. Давыдовым. В статье Пушкина «Французская академия», напечатанной в 1836 г. в «Современнике», приводится история шумного успеха этой элегии Арно.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море.

1841

* * *[1307]

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,

[1307] Написано между маем и началом июля 1841 г. При жизни поэта не печаталось.

И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы…
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

Морская царевна

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провесть ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.

Вышла младая потом голова;
В косу вплелася морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет.

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

1841

Пророк

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои

Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи;

Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

1841

* * *[1308]

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

1841

[1308] Высказывались предположения, что стихотворение относится к Софье Михайловне Соллогуб, жене писателя В. А. Соллогуба, или к Екатерине Быховец, дальней родственнице Лермонтова, с которой поэт встречался летом 1841 г. в Пятигорске. Лермонтов находил в ней сходство с В. А. Бахметевой (Лопухиной) — «подругой юных лет», горячо любимой поэтом.

Эдуард Губер (1814—1847)

Сердце

Поиграли бедной волею
Без любви и жалости,
Повстречались с новой долею —
Надоели шалости.

А пока над ним шутили вы,
Сердце к вам просилося;
Отшутили, разлюбили вы —
А оно разбилося.

И слезами над подушкою
Разлилось, распалося...
Вот что с бедною игрушкою,
Вот что с сердцем сталося.

1841

Надежда Теплова (1814—1848)

Перерождение

Прости, лечу! В дали необозримой,

Как утренний туман, исчезну я,
Невидима очам, для чувств непостижима,
Как темная загадка бытия.

Твои смешны ничтожные усилья,
Тебе нельзя достигнуть до меня:
Я легче воздуха, я получила крылья,
Теперь совсем другая я.

Смотри: как тлен, мои распались цепи,
Мне радостный отныне жребий дан, —
Я беспредельные теперь увижу степи,
Я преплыву безбрежный океан.

Прости, лечу! В красе неизъяснимой
Передо мной и небо, и земля;
И в мире многое мне стало постижимо, —
Теперь совсем другая я.

1835

Флейта

Люблю луны волшебное сиянье,
И запах лип, и легкий шум ветвей,
Люблю забот людских молчанье,
Люблю безмолвие страстей.
Люблю в час вечера унылой флейты звуки
И слушаю их нежный перелив,
Склонив главу, скрестивши руки,

В груди дыханье притаив.

1835

Воспоминание

Ее здесь нет! Когда в тени древесной
В таинственный час вечера стою
И слушаю песнь птички поднебесной,
И сладкую весны прохладу пью,
Тогда твержу с невольными слезами:
«Прости, прости, мой догоревший день!»
И тихими минувшее крылами
Приносит мне утраченную тень
И радует знакомыми чертами.

1836

* * *

Болит, болит мое земное сердце,
Но не стеснен ничем бессмертный дух,
И, странствуя по жизненной юдоли,
Грядущего я больше не страшусь.
Как будто всё со мною совершилось,
И на земле мне нечего терять,
И только я одно боюсь утратить —
К высокому стремленье и любовь
И на пути задержанной остаться
Губительной завистливою тьмой,

С светильником, угасшим без елея,
В юродивом бессилии души.

1845

Константин Аксаков (1817—1860)

* * *[1309]

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из крыльев комаришки
Сделал две себе манишки
И — в крахмал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из грецкого ореха
Сделал стул, чтоб слушать эхо,
И кричал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из листика сирени
Сделал зонтик он для тени
И гулял!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,

[1309] Обращено, вероятно, к Марии Григорьевне Карташевской, двоюродной сестре поэта. К. С. Аксаков ее горячо любил, но отец его возлюбленной запретил молодым людям видеться. На эти слова написана П. И. Чайковским «Детская песенка».

Что из скорлупы яичной
Фаэтон себе отличный
Заказал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы рачонка
Сшил четыре башмачонка
И — на бал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что, одувши одуванчик,
Он набил себе диванчик,
Тут и спал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что наткать себе холстины
Пауку из паутины
Заказал!

1836

* * *

Меня зовет какой-то тайный голос, —
Я не могу противиться ему.

Смотрю вперед; вдали передо мною
Несется дым по серым облакам.
И что за чувство пробудилось смутно
В душе моей? Мне грустно, тяжело,

Неясное, далекое я вспомнил.
Уж к западу склонилось солнце, вечер,
Весеннею всё дышит теплотой.
На улицах снег тает, и потоки,
Шумя, бегут, так весело струясь,
И тихий звон вечерний раздается…
О, что со мной! Как хорошо теперь,
Какое чувство полное, благое
И грустное теперь в душе моей,
И нет ему названия. Приходит
На память мне наш сельский мирный дом,
Наш луг, покрытый свежею травою,
И сельская прекрасная весна.

О, хорошо теперь! Прочь с ней, с землею,
И с этим светом, мелким и пустым, —
Прочь от него! К вам, чудные мгновенья,
К тебе, неясное, святое чувство, —
Чудесный край в туманных облаках.

Меня зовет какой-то тайный голос, —
Я не могу противиться ему.

1837

Свободное слово

Ты чудо из Божьих чудес,
Ты мысли светильник и пламя,
Ты луч нам на землю с небес,

Ты нам человечества знамя!
Ты гонишь невежества ложь,
Ты вечною жизнию ново,
Ты к свету, ты к правде ведешь,
Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана,
В животной же силе нет прока:
Для истины — гибель она,
Спасенье — для лжи и порока.
Враждует ли с ложью — равно
Живит его жизнию новой…
Неправде опасно одно —
Свободное слово!
Ограды властям никогда
Не зижди на рабстве народа!
Где рабство, там бунт и беда;
Защита от бунта — свобода.
Раб в бунте опасней зверей,
На нож он меняет оковы…
Оружье свободных людей —
Свободное слово!
О, слово, дар Бога святой!..
Кто слово, дар Божеский, свяжет,
Тот путь человеку иной —
Путь рабства преступный — укажет
На козни, на вредную речь;
В тебе ж исцеленье готово,
О духа единственный меч,
Свободное слово!

1854

Алексей Толстой (1817—1875)

* * *

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?

Безмолвные аллеи,
Заглохший, старый сад,
В высокой галерее
Портретов длинный ряд?

Ты помнишь ли, Мария,
Вечерний небосклон,
Равнины полевые,
Села далекий звон?

За садом берег чистый,
Спокойный бег реки,
На ниве золотистой
Степные васильки?

И рощу, где впервые
Бродили мы одни?

Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни?

1840-е годы

* * *

По гребле неровной и тряской,[1310]
Вдоль мокрых рыбачьих сетей,
Дорожная едет коляска,
Сижу я задумчиво в ней;

Сижу и смотрю я дорогой
На серый и пасмурный день,
На озера берег отлогий,
На дальний дымок деревень.

По гребле, со взглядом угрюмым,
Проходит оборванный жид;
Из озера с пеной и шумом
Вода через греблю бежит;

Там мальчик играет на дудке,
Забравшись в зеленый тростник;
В испуге взлетевшие утки
Над озером подняли крик;

Близ мельницы, старой и шаткой,
Сидят на траве мужики;

[1310] *Гребля* (укр.) — насыпь, дамба.

Телега с разбитой лошадкой
Лениво подвозит мешки...

Мне кажется всё так знакомо,
Хоть не был я здесь никогда,
И крыша далекого дома,
И мальчик, и лес, и вода,

И мельницы говор унылый,
И ветхое в поле гумно...
Всё это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.

Так точно ступала лошадка,
Такие ж тащила мешки;
Такие ж у мельницы шаткой
Сидели в траве мужики;

И так же шел жид бородатый,
И так же шумела вода —
Всё это уж было когда-то,
Но только не помню когда...

1840-е годы

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,

Веселый ведут хоровод:

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать!
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло.

Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно...
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

1840-е годы

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом,
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные,
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю,
Конь несет меня лихой,
А куда — не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле,
И не блещет как огонь
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор

К цели неизвестной!
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? Кручиной?
Знать не может человек —
Знает Бог единый!

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,
С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
Лежа под травою,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,
И на площади народ,
В шумном ожиданье,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,[1311]
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами,

[1311] *Кунту́ш* — старинный польский и украинский кафтан с широкими откидными рукавами. *Чекме́нь* — суконная верхняя мужская одежда халатообразного покроя, реже в виде кафтана или полукафтана; долгополая верхняя форменная одежда казачьих офицеров.

Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час!
Говорит державный, —
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»
И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вкруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук

Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные,
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конец 1840-х годов

* * *

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра ль ты мне, молода ль жена
Или детище ты мне малое?
И не знаю я, и не ведаю,
Как назвать тебя, как прикликати.
Много цветиков во чистóм поле,
Много звезд горит по поднéбесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал;

Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

30 октября 1851

* * *

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю…

Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

1851

* * *

С ружьем за плечами, один, при луне,
Я по́ полю еду на добром коне.
Я бросил поводья, я мыслю о ней,
Ступай же, мой конь, по траве веселей!
Я мыслю так тихо, так сладко, но вот
Неведомый спутник ко мне пристает,
Одет он, как я, на таком же коне,
Ружье за плечами блестит при луне.
«Ты, спутник, скажи мне, скажи мне, кто ты?
Твои мне как будто знакомы черты.
Скажи, что́ тебя в этот час привело?
Чему ты смеешься так горько и зло?»
— «Смеюсь я, товарищ, мечтаньям твоим,
Смеюсь, что ты будущность губишь;
Ты мыслишь, что вправду ты ею любим?
Что вправду ты сам ее любишь?
Смешно мне, смешно, что, так пылко любя,
Ее ты не любишь, а любишь себя.
Опомнись! Порывы твои уж не те,
Она для тебя уж не тайна,
Случайно сошлись вы в мирской суете,
Вы с ней разойдетесь случайно.

Смеюся я горько, смеюся я зло
Тому, что вздыхаешь ты так тяжело».
Всё тихо, объято молчаньем и сном,
Исчез мой товарищ в тумане ночном,
В тяжелом раздумье, один, при луне,
Я по полю еду на добром коне...

1851

* * *

Мне в душу, полную ничтожной суеты,
Как бурный вихрь, страсть ворвалась нежданно,
С налета смяла в ней нарядные цветы
И разметала сад, тщеславием убранный.

Условий мелкий сор крутящимся столбом
Из мысли унесла живительная сила
И током теплых слез, как благостным дождем,
Опустошенную мне душу оросила.

И над обломками безмолвен я стою,
И, трепетом еще неведомым объятый,
Воскреснувшего дня пью свежую струю,
И грома дальнего внимаю перекаты...

1851 или 1852

* * *

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной —
Моей души коснулась ты:
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна!
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом;
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье.

1851 или 1852

* * *

Меня, во мраке и в пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В отчизну пламени и слова.
И просветлел мой темный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что́ для других неуловимо.

И с горней выси я сошел,
Проникнут весь ее лучами,
И на волнующийся дол

Взираю новыми очами.
И слышу я, как разговор
Везде немолчный раздается,
Как сердце каменное гор
С любовью в темных недрах бьется.
С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой
Струей подъемлется певучей.
И вещим сердцем понял я,
Что всё рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к Божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало...

1851 или 1852

Колодники

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —

Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет всё боле, — а цепи
Дорогу метут да метут...

1854

* * *

Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньице,
Ты скажи, скажи, ты поведай мне;
На добычу-то как выходишь ты?
Как сживаешь люд Божий со свету?
Ты змеей ли ползешь подколодною?
Ты ли бьешь с неба бурым коршуном?
Серым волком ли рыщешь пó полю?
Аль ты, горе, богатырь могуч,
Выезжаешь со многой силою,
Выезжаешь со гридни[1312] и отроки?
Уж вскочу в седло, захвачу тугой лук,
Уж доеду тебя, горе горючее,
Подстрелю тебя, тоску лютую!
«Полно, полно, добрый молодец,
Бранью на ветер кидатися,
Неразумны слова выговаривать.
Я не волком бегу, не змеей ползу,
Я не коршуном бью из поднéбесья,
Не с дружиною выезжаю я —
Выступаю-то я красной девицей,
Подхожу-то я молодицею,
Подношу чару, в пояс кланяюсь,
И ты сам слезешь с коня долой,
Красной девице отдашь поклон,
Выпьешь чару, отуманишься,
Отуманишься, сердцем всплачешься,
Ноги скорые-то подкосятся,

[1312] *Гридни* — члены младшей дружины князя.

И тугой лук из рук выпадет».

1854

Из Гейне[1313]

Вянет лист, проходит лето,
Иней серебрится.
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.

Погоди, безумный! Снова
Зелень оживится...
Юнкер Шмидт! Честно́е слово,
Лето возвратится.

1854

* * *

Колышется море; волна за волной
Бегут и шумят торопливо...
О друг ты мой бедный, боюся, со мной
Не быть тебе долго счастливой!
Во мне и надежд и отчаяний рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы.

1856

[1313] Шуточное стихотворение, приписаннье затем Козьме Пруткову.

* * *

Смеркалось — жаркий день бледнел неуловимо,
Над озером туман тянулся полосой,
И кроткий образ твой, знакомый и любимый,
В вечерний тихий час носился предо мной.

Улыбка та ж была, которую люблю я,
И мягкая коса, как прежде, расплелась,
И очи грустные, по-прежнему тоскуя,
Глядели на меня в вечерний тихий час...

1856

* * *

Вот уж снег последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зеленый дым одетый,
Теплых гроз нетерпеливо ждет,
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом и любит и поет;

Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звезды светят так светло —
Отчего ж в душе твоей так мрачно

И зачем на сердце тяжело?

Грустно жить тебе, о друг, я знаю,
И понятна мне твоя печаль:
Отлетела б ты к родному краю,
И земной весны тебе не жаль...

1856

* * *

Что за грустная обитель
И какой знакомый вид!
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит!

Стукнет вправо, стукнет влево,
Будит мыслей длинный ряд;
В нем рассказы и напевы
Затверженные звучат.

А в подсвечнике пылает
Догоревшая свеча,
Где-то пес далеко лает,
Ходит маятник, стуча;

Стукнет влево, стукнет вправо,
Всё твердит о старине;
Грустно так! Не знаю, право,
Наяву я иль во сне?

Вот уж лошади готовы —
Сел в кибитку и скачу, —
Полно, так ли? Вижу снова
Ту же сальную свечу,

Ту же грустную обитель,
И кругом знакомый вид,
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит...

Лето 1856

* * *

Лишь только один я останусь с собою,
Меня голоса призывают толпою.
Которому ж голосу отповедь дам?
В сомнении рвется душа пополам.
Советов, угроз, обещаний так много,
Но где же прямая, святая дорога?
С мучительной думой стою на пути —
Не знаю, направо ль, налево ль идти?
Махни уж рукой да иди, не робея,
На голос, который всех манит сильнее,
Который немолчно, вблизи, вдалеке,
С тобой говорит на родном языке!

Август или сентябрь 1856

* * *

Он водил по струна́м; упадали
Волоса на безумные очи,
Звуки скрыпки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.
В них рассказ убедительно-лживый
Развивал невозможную повесть,
И змеиного цвета отливы
Соблазняли и мучили совесть;
Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья,
И в туманных волнах рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной,
И так билося сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно,
И к себе беспощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула;
Звуки пели, дрожали так звонко,
Замирали и пели сначала,

Беглым пламенем синяя жженка[1314]
Музыканта лицо освещала...

Начало 1857

* * *

Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали,
Красуяся, идет нарядная весна...
Порою входит так в дом скорби и печали
В цветах красавица, надменна и пышна.

Как праздничный мне лик весны теперь несносен,
Как грустен без тебя дерев зеленых вид!
И мыслю я: когда ж на них повеет осень
И, сыпля желтый лист, нас вновь соединит!

Весна 1857

* * *

Порой, среди забот и жизненного шума,
Внезапно набежит мучительная дума
И гонит образ твой из горестной души;
Но только лишь один останусь я в тиши
И суетного дня минует гул тревожный,
Смиряется во мне волненье жизни ложной,

[1314] *Жженка* — напиток из коньяка или рома с добавлением пережженного сахара, фруктов и пряностей.

Душа, как озеро, прозрачна и сквозна,
И взор я погрузить в нее могу до дна;
Спокойной мыслию, ничем не возмутимой,
Твой отражаю лик, желанный и любимый,
И ясно вижу глубь, где, как блестящий клад,
Любви моей к тебе сокровища лежат.

1857

* * *

Не Божиим громом горе ударило,
Не тяжелой скалой навалилося;
Собиралось оно малыми тучками,
Затянули тучки небо ясное,
Посеяло горе мелким дождичком,
Мелким дождичком осенниим.
А и сеет оно давным-давно,
И сечет оно без умолку,
Без умолку, без устали,
Без конца сечет, без отдыха;
Проняло насквозь добра молодца,
Проняло дрожью холодною,
Лихорадкою, лихоманкою,
Сном-дремотою, зевотою.
«Уж полно, горе, дуб ломать по прутикам,
Щипати по листикам!»
А и бывало же другим счастьице:
Налетало горе вихрем-бурею,

Ворочало горе дубы с корнем вон.

1857

* * *

Ой, честь ли то молодцу лен прясти?
А и хвала ли боярину кичку носить?[1315]
Воеводе по воду ходить?
Гусляру-певуну во приказе сидеть,[1316]
Во приказе сидеть, потолок коптить?
Ой, коня б ему, гусли б звонкие!
Ой, в луга б ему, во зеленый бор,
Через реченьку да в темный сад,
Где соловушка на черемушке
Целу ноченьку напролет поет!

1857

* * *

Ты неведомое, незнамое,
Без виду, без образа,
Без имени-прозвища,
Полно гнуть меня ко сырой земле,
Донимать меня, добра молодца!
Как с утра-то встану здоровёшенек,

[1315] *Кичка* — старинный русский праздничный головной убор замужней женщины.
[1316] *Приказ* — учреждение, ведавшее отдельной отраслью управления в Московском государстве, ведомство.

Здоровёшенек, кажись, гору сдвинул бы,
А к полудню уже руки опущаются,
Ноги словно ко земле приросли.
А подходит оно без оклика,
Меж хотенья и дела втирается,
Говорит: «Не спеши, добрый молодец,
Еще много впереди времени!»
И субботу называет пятницей,
Фомину неделю светлым праздником.
Я пущуся ли в путь-дороженьку,
Ан оно повело проселками,
На полпути корчмой выросло,
Я за дело примусь, ан оно мухою
Перед носом снует, извивается,
А потом тебе же насмехается:
«Ой, удал, силен, добрый молодец!
Еще много ли на боку полёжано,
Силы-удали понакоплено,
Отговорок-то понахожено?
А и много ли богатырских дел,
На печи сидючи, понадумано,
Вахлаками других поругано,[1317]
Себе спину почёсано?»

1857

* * *

[1317] *Вахлак* — неповоротливый, неуклюжий и невоспитанный человек.

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими — досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами —
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снесть,
Я знамени врага отстаивал бы честь!

1858

* * *

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив,

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

1858

* * *

Что ни день, как поломя со влагой,
Так унынье борется с отвагой,
Жизнь бежит то круто, то отлого,
Вьется вдаль неровною дорогой,
От беспечной удали к заботам
Переходит пестрым переплетом,
Думы ткут то в солнце, то в тумане
Золотой узор на темной ткани.

1858

* * *

Осень! Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят,
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядючи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю!

1858

* * *

Источник за ви́шневым садом,
Следы голых девичьих ног,
И тут же оттиснулся рядом
Гвоздями подбитый сапог.

Всё тихо на месте их встречи,
Но чует ревниво мой ум
И шепот, и страстные речи,
И ведер расплесканных шум...

1858

* * *

Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве утопает
И в неге врозь ее расходятся лучи.
Но в скромный, тихий день, осеннею погодой,
Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой
И немощен ее на жизнь мою напор.
Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений,
Сосредоточен, я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовет толпы видений,
Как зажигательным рождая их стеклом.
Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду меж озимей, чернеющей дорогой,
Смотрю на кучу скирд, на сломанный забор,

На пруд и мельницу, на дикий косогор,
На берег ручейка болотисто-отлогий
И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клен,
Еще зеленый дуб и желтые березы
Печально на меня свои стряхают слезы;
Но дале я иду, в мечтанья погружен,
И виснут надо мной полунагие сучья,
А мысли между тем слагаются в созвучья,
Свободные слова теснятся в мерный строй,
И на душе легко, и сладостно, и странно,
И тихо всё кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит благоуханный...

1858

Мадонна Рафаэля

Склоняся к юному Христу,
Его Мария осенила,
Любовь небесная затмила
Ее земную красоту.

А он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед — и ясным оком
Голгофу видит пред собой.

1858

* * *

Не брани меня, мой друг,
Гнев твой выразится худо,
Он мне только нежит слух,
Я слова ловить лишь буду,
Как они польются вдруг,
Так посыпятся, что чудо,
Точно падает жемчу́г
На серебряное блюдо!

1858

* * *

Запад гаснет в дали бледно-розовой,
Звезды небо усеяли чистое,
Соловей свищет в роще березовой,
И травою запахло душистою.

Знаю, что́ к тебе в думушку вкралося,
Знаю сердца немолчные жалобы,
Не хочу я, чтоб ты притворялася
И к улыбке себя принуждала бы.

Твое сердце болит, безотрадное,
В нем не светит звезда ни единая —
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока песня звучит соловьиная,

Соловьиная песня унылая,
Что как жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушает звездное!

1858

* * *

Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь;
Не верь себе! Сама того не зная,
Ты любишь в нем лишь первую любовь.

Ты не его в нем видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя он мог —
Лишь тайных дум, мучений и блаженства
Он для тебя отысканный предлог.

То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Всё, что к нему случайно подойдет.

1858

* * *

Вырастает дума, словно дерево,
Вроет в сердце корни глубокие,
По поднéбесью ветвями раскинется,
Задрожит, зашумит тучей листиев.
Сердце знает ту думу крепкую,
Что оно взрастило, взлелеяло,
Разум сможет ту думу окинути,
Сможет слово ту думу высказать.
А какая то другая думушка,
Чтó ни высказать, ни вымерить,
Ни обнять умом, ни окинути?
Промелькнет она без образа,
Вспыхнет дальнею зарницею,
Озарит на миг душу темную,
Много вспомнится забытого,
Много смутного, непонятного
В миг тот ясно сердцу скажется;
А рванешься за ней, погонишься —
Только очи ее и видели,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету ветра буйного,
Тень от облака летучего
Не прибить гвоздем ко сырой земле!

1858

* * *

Тебя так любят все; один твой тихий вид

Всех делает добрей и с жизнию мирит.
Но ты грустна, в тебе есть скрытое мученье,
В душе твоей звучит какой-то приговор;
Зачем твой ласковый всегда так робок взор
И очи грустные так молят о прощенье,
Как будто солнца свет, и вешние цветы,
И тень в полдневный зной, и шепот по дубравам,
И даже воздух тот, которым дышишь ты,
Всё кажется тебе стяжанием неправым?

1858

* * *

Хорошо, братцы, тому на свете жить,
У кого в голове добра не много есть,
А сидит там одно-одинешенько,
А и сидит оно крепко-накрепко,
Словно гвоздь, обухом вколоченный.[1318]
И глядит уж он на свое добро,
Всё глядит на него, не спуская глаз,
И не смотрит по сторонушкам,
А знай прет вперед, напролом идет,
Давит встречного-поперечного.
А беда тому, братцы, на свете жить,
Кому Бог дал очи зоркие,
Кому видеть дал во все стороны,
И те очи у него разбегаются;

[1318] *Обух* — утолщенная тупая часть острого орудия, находящаяся на противоположной от лезвия стороне (обычно в топоре).

И кажись, хорошо, а лучше есть!
А и худо, кажись, не без доброго!
И дойдет он до распутьица,
Не одну видит в поле дороженьку,
И он станет, призадумается,
И пойдет вперед, воротится,
Начинает идти сызнова;
А дорогою-то засмотрится
На луга, на леса зеленые,
Залюбуется на Божьи цветики
И заслушается вольных пташечек.
И все люди его корят, бранят:
«Ишь идет, мол, озирается,
Ишь стоит, мол, призадумался,
Ему б мерить всё да взвешивать,
На все боки бы поворачивать.
Не бывать ему воеводою,
Не бывать ему посадником,[1319]
Думным дьяком не бывать ему,[1320]
Ни торговым делом не править!»

1858

* * *[1321]

Благословляю вас, леса,

[1319] *Посадник* — (в древней Руси) наместник князя для управления городом, областью или выбранный вечем правитель города.
[1320] *Дьяк* — чиновник в древней Руси, исполнявший обязанности секретаря отдельного учреждения (приказа). *Думный дьяк* — низший думный чин. Думные дьяки составляли и правили проекты решений Боярской думы и царских указов, ведали делопроизводством Боярской думы и важнейших приказов, нередко из их среды выдвигались видные государственные деятели и дипломаты.
[1321] Из поэмы «Иоанн Дамаскин».

Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!

1858

* * *

На нивы желтые нисходит тишина,
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон... Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово.

1862

* * *

Темнота и туман застилают мне путь,
Ночь на землю всё гуще ложится,
Но я верю, я знаю: живет где-нибудь,
Где-нибудь да живет царь-девица!

Как достичь до нее — не ищи, не гадай,
Тут расчет никакой не поможет,
Ни догадка, ни ум, но безумье в тот край,
Но удача принесть тебя может!

Я не ждал, не гадал, в темноте поскакал
В ту страну, куда нету дороги,
Я коня разнуздал, наудачу погнал
И в бока ему втиснул остроги...

Август 1870

* * *

В монастыре пустынном близ Кордовы
Картина есть. Старательной рукой
Изобразил художник в ней суровый,
Как пред кумиром[1322] мученик святой
Лежит в цепях и палачи с живого
Сдирают кожу... Вид картины той,
Исполненный жестокого искусства,
Сжимает грудь и возмущает чувство.

[1322] *Кумир* — изваяние античного (т. е. языческого) божества.

Но в дни тоски, мне всё являясь снова,
Упорно в мысль вторгается она,
И мука та казнимого святого
Сегодня мне понятна и родна:
С моей души совлечены покровы,
Живая ткань ее обнажена,
И каждое к ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

Осень 1870

* * *

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
В полуденных лучах следы недавней стужи
Дымятся. Теплый ветр повеял нам в лицо
И морщит на полях синеющие лужи.

Еще трещит камин, отливами огня
Минувший тесный мир зимы напоминая,
Но жаворонок там, над озимью звеня,
Сегодня возвестил, что жизнь пришла иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и доверье,
И громко вторят им бегущие ручьи,
Колебля тростника желтеющие перья.

Пускай же, как они по глине и песку
Растаявших снегов, журча, уносят воды,
Бесследно унесет души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!..

25 декабря 1870

* * *

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий;

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! О лес! О солнца свет!
О юность! О надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастие! О слезы!
О лес! О жизнь! О солнца свет!
О свежий дух березы!

Май 1871

Илья Муромец

Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий, полдень едет бором
Дедушка Илья;

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?

Двор мне, княже, твой не диво,
Не пиров держусь,
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,[1323]
Уноси Илью!

Без меня других довольно:
Сядут — полон стол;
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол.

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь —
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свету снова

[1323] *Чубарый* — с темными пятнами по светлой шерсти или вообще с пятнами другой шерсти (о масти лошадей).

Без того пора.

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит;

Душно в Киеве, что в скрине,[1324] —
Только киснет кровь,
Государыне-пустыне[1325]
Поклонюся вновь!

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.

1871

[1324] *Скрин* — ларь, сундук.
[1325] *Пустыня* — безлюдный (пустынный) край.

Федор Миллер (1818—1881)

* * *

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять;
Вдруг охотник прибегает,
Из ружья в него стреляет...
Пиф-паф! ой, ой, ой!
Умирает зайчик мой!

1851

Мне всё равно

(Романс)

Мне всё равно, страдать иль наслаждаться,
К страданьям я привыкла уж давно.
Готова плакать и смеяться,
Мне всё равно!

Мне всё равно, враги ли мне найдутся,
Я к клеветам привыкла уж давно.
Пускай бранят, пускай смеются,
Мне всё равно!

Мне всё равно, сердечная ль награда,
Любовь забыта мной давно,
Меня не любят? И не надо!
Мне всё равно!

1859

Иван Тургенев (1818—1883)

В дороге

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Ноябрь 1843

Весенний вечер

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветр в листах осины
Трепещет пойманным крылом.

Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит,
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

1843

* * *

Люблю я вечером к деревне подъезжать,
Над старой церковью глазами провожать
Ворон играющую стаю;
Среди больших полей, заповедны́х лугов,

На тихих берегах заливов и прудов
Люблю прислушиваться лаю

Собак недремлющих, мычанью тяжких стад;
Люблю заброшенный и запустелый сад
И лип незыблемые тени;
Не дрогнет воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь — и грудь упоена
Блаженством безмятежной лени...

Задумчиво глядишь на лица мужиков —
И понимаешь их; предаться сам готов
Их бедному, простому быту...
Идет к колодезю старуха за водой;
Высокий шест скрипит и гнется; чередой
Подходят лошади к корыту...

Вот песню затянул проезжий... Грустный звук!
Но лихо вскрикнул он — и только слышен стук
Колес его телеги тряской;
Выходит девушка на низкое крыльцо —
И на зарю глядит... и круглое лицо
Зарделось алой, яркой краской.

Качаясь медленно, с пригорка, за селом,
Огромные возы спускаются гуськом
С пахучей данью пышной нивы;
За конопляником зеленым и густым
Бегут, одетые туманом голубым,
Степей широкие разливы.

Та степь — конца ей нет... раскинулась, лежит...
Струистый ветерок бежит, не пробежит...
Земля томится, небо млеет...
И леса длинного подернутся бока
Багрянцем золотым, и ропщет он слегка,
И утихает, и синеет...

1846

Гроза

Уже давно вдали толпились тучи
Тяжелые — росли, темнели грозно...
Вот сорвалась и двинулась громада.
Шумя, плывет и солнце закрывает
Передовое облако; внезапный
Туман разлился в воздухе; кружатся
Сухие листья... птицы притаились...
Из-под ворот выглядывают люди,
Спускают окна, запирают двери...
Большие капли падают... и вдруг
Помчалась пыль столбами по дорогам;
Поднялся вихрь и по стенáм и крышам
Ударил злобно; хлынули потоки
Дождя... запрыгал угловатый град...
Крутятся, бьются, мечутся деревья,
Смешались тучи... молнья!.. ждешь удара...
Загрохотал и прокатился гром.

Сильнее дождь... Широкими струями,
Волнуясь, льет и хлещет он — и ветер
С воды срывает брызги... вновь удар!
Через село растрепанный, без шапки
Мужик за стадом в поле проскакал,
А вслед ему другой кричит и машет...
Смятенье!.. Но зато, когда прошла
Гроза, как улыбается природа!
Как ласково светлеют небеса!
Пушистые, рассеянные тучки
Летят; журчат ручьи; болтают листья...
Убита пыль; обмылася трава;
Скрипят ворота; слышны восклицанья
Веселые; шумя, слетает голубь
На влажную, блестящую дорогу...
В ракитах раскричались воробьи;
Смеются босоногие мальчишки;
Запахли хлебом желтые скирды...
И беглым золотом сверкает солнце
По молодым осинам и березам...

1846

* * *

Уж поздно... Конь усталый мой
Храпит и просится домой...
Холмы пологие кругом —
Степные виды! За холмом
Печально светится пожар —

Овин горит. На небе пар;
На небе месяц золотой
Блестит холодной красотой,
И под лучом его немым
Туман волнуется, как дым.
Большие тени там и сям
Лежат недвижно по полям,
И различает глаз едва
Лесов высоких острова.
Кой-где, по берегам реки,
В кустах мерцают огоньки;
Внезапный крик перепелов
Гремит один среди лугов,
И синяя, ночная мгла
Как будто нехотя тепла.

1846

* * *

Кроткие льются лучи с небес на согретую землю;
Стелется тихо по ней, теплый скользит ветерок.
Но давно под травой иссякли болтливые воды
В тучных лугах; и сама вся пожелтела трава.
Сумрак душистый лесов, отрадные, пышные тени,
Где вы? где ты, лазурь ярких и темных небес?
Осень настала давно; ее прощальные ласки
Часто милее душе первых улыбок весны.
Бурые сучья раскинула липа; береза
Вся золотая стоит; тополь один еще свеж —

Так же дрожит и шумит и тихо блестит, серебристый;
Но побагро́вел давно дуба могучего лист.
Яркие краски везде сменили приветную зелень:
Издали пышут с рябин красные гроздья плодов,
Дивно рдеет заря причудливым, долгим пожаром...
Смотришь и веришь едва жадно вперенным очам.
Но природа во всем, как ясный и строгий художник,
Чувство меры хранит, стройной верна простоте.
Молча гляжу я кругом, вниманья печального полный...
В тронутом сердце звучит грустное слово: прости!

1846

Перед охотой

Утро! вот утро! Едва над холмами
Красное солнце взыграет лучами,

Холод осеннего, светлого дня,
Холод веселый разбудит меня.

Выйду я... небо смеется мне в очи;
С сердца сбегают лобзания ночи...

Блестки крутятся на солнце; мороз
Выбелил хрупкие сучья берез...

Светлое небо, здоровье да воля —
Здравствуй, раздолье широкого поля!

Вновь не дождаться подобного дня...
Дайте ружье мне! седлайте коня!

Вот он... по членам его благородным
Ветер промчался дыханьем холодным,

Ржет он и шею сгибает дугой...
Доски хрустят под упругой ногой;

Гуси проходят с испугом и криком;
Прыгает пес мой в восторге великом;

Ясно звучит его радостный лай...
Ну же, скорей мне коня подавай!

1846

Первый снег

Здравствуйте, легкие звезды пушистого, первого снега!
Быстро на темной земле таете вы чередой.
Но проворно летят за вами другие снежинки,
Словно пчелы весной, воздух недвижный пестря.
Скоро наступит зима, — под тонким и звучным железом
Резвых саней завизжит холодом стиснутый лед.
Ярко мороз затрещит; румяные щеки красавиц
Вспыхнут; иней слегка длинных коснется ресниц.
Так! пора мне с тобой расстаться, степная деревня!
Крыш не увижу твоих, мягким одетых ковром,
Струек волнистого дыма на небе холодном и синем,

Белых холмов и полей, грозных и темных лесов.
Падай обильнее, снег! Зовет меня город далекий;
Хочется встретить опять старых врагов и друзей.

1846

(Из поэмы, преданной сожжению)

...И понемногу начало назад
Его тянуть: в деревню, в темный сад,
Где липы так огромны, так тенисты
И ландыши так девственно душисты,
Где круглые ракиты над водой
С плотины наклонились чередой,
Где тучный дуб растет над тучной нивой,
Где пахнет конопелью да крапивой...
Туда, туда, в раздольные поля,
Где бархатом чернеется земля,
Где рожь, куда ни киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами
И падает тяжелый, желтый луч
Из-за прозрачных, белых, круглых туч.
Там хорошо; там только — русский дома;
И степь ему, как родина, знакома;
Как по́ морю, гуляет он по ней —
Живет и дышит, движется вольней;
Идет себе — поет себе беспечно;
Идет... куда? не знает! бесконечно
Бегут, бегут несвязные слова...
Приподнялась уж по́ следу трава...

Ему другой вы не сулите доли —
Не хочет он другой, разумной воли...

1848

* * *

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок душою я стал;
И я сжег всё, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

1858

Синица

Слышу я: звенит синица
Средь желтеющих ветвей;
Здравствуй, маленькая птица,
Вестница осенних дней!

Хоть грозит он нам ненастьем,
Хоть зимы он нам пророк —
Дышит благодатным счастьем
Твой веселый голосок.

В песенке твоей приветной
Слух пленен ужели ж мой
Лишь природы безответной
Равнодушною игрой?

Иль беспечно распевает
И в тебе охота жить —
Та, что людям помогает
Смерть и жизнь переносить?

Сентябрь 1863

* * *

Я шел среди высоких гор,
Вдоль светлых рек и по долинам...
И всё, что ни встречал мой взор,
Мне говорило об едином:
Я был любим! любим я был!
Я всё другое позабыл!

Сияло небо надо мной,
Шумели листья, птицы пели...
И тучки резвой чередой
Куда-то весело летели...
Дышало счастьем всё кругом,
Но сердце не нуждалось в нем.

Меня несла, несла волна,
Широкая, как волны моря!
В душе стояла тишина
Превыше радости и горя...
Едва себя я сознавал:
Мне целый мир принадлежал!

Зачем не умер я тогда?
Зачем потом мы оба жили?
Пришли года... прошли года —
И ничего не подарили,
Что б было слаще и ясней
Тех глупых и блаженных дней.

Ноябрь 1878

Алексей Разоренов (1819—1891)

* * *

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его, —
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилося со мной,
Что так бьется ретивое
И терзается тоской.

Всё оно во мне изныло,
Вся горю я как огнем,
Всё не мило мне, постыло,
Всё страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли...
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

Сжалься, сжалься же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая, —
Я должна его любить!..

1850-е годы

Яков Полонский (1819—1898)

* * *

Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи
Глубокий мрак ее очей;
Над ухом шепчет голос нежный,
И змейкой бьется мне в лицо
Ее волос, моей небрежной
Рукой измятое, кольцо.

Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный мир любви!

Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!

Но покачнулись тени ночи,
Бегут, шатаяся, назад.
Ее потупленные очи
Уже глядят и не глядят;
В моих руках рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! Погоди!

1842

Дорога

Глухая степь — дорога далека,
Вокруг меня волнует ветер поле,
Вдали туман — мне грустно поневоле,
И тайная берет меня тоска.

Как кони ни бегут — мне кажется, лениво
Они бегут. В глазах одно и то ж —
Всё степь да степь, за нивой снова нива.
— Зачем, ямщик, ты песни не поешь?

И мне в ответ ямщик мой бородатый:
— Про черный день мы песню бережем.
— Чему ж ты рад? — Недалеко до хаты —
Знакомый шест мелькает за бугром.

И вижу я: навстречу деревушка,
Соломой крыт стоит крестьянский двор,
Стоят скирды. — Знакомая лачужка,
Жива ль она, здорова ли с тех пор?

Вот крытый двор. Покой, привет и ужин
Найдет ямщик под кровлею своей.
А я устал — покой давно мне нужен;
Но нет его... Меняют лошадей.

Ну-ну, живей! Долга моя дорога —
Сырая ночь — ни хаты, ни огня —
Ямщик поет — в душе опять тревога —
Про черный день нет песни у меня.

1842

Зимний путь

Ночь холодная мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.

За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.
Вой протяжный голодных волков
Раздается в тумане дремучих лесов. —

Мне мерещатся странные сны.

Мне всё чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет.

И я вижу во сне, как на волке верхом
Еду я по тропинке лесной
Воевать с чародеем-царем
В ту страну, где царевна сидит под замком,
Изнывая за крепкой стеной.

Там стеклянный дворец окружают сады,
Там жар-птицы поют по ночам
И клюют золотые плоды,
Там журчит ключ живой и ключ мертвой воды —
И не веришь и веришь очам.

А холодная ночь так же мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
И ямщик погоняет коней.

1844

* * *

Посмотри — какая мгла
В глубине долин легла!
Под ее прозрачной дымкой
В сонном сумраке ракит
Тускло озеро блестит.
Бледный месяц невидимкой,
В тесном сонме сизых туч,
Без приюта в небе ходит
И, сквозя, на всё наводит
Фосфорический свой луч.

Лунный свет

На скамье, в тени прозрачной
Тихо шепчущих листов,
Слышу — ночь идет, и — слышу
Перекличку петухов.
Далеко мелькают звезды,
Облака озарены,
И дрожа тихонько льется
Свет волшебный от луны.

Жизни лучшие мгновенья
Сердца жаркие мечты,
Роковые впечатленья
Зла, добра и красоты;
Всё, что близко, что далеко,
Всё, что грустно и смешно,
Всё, что спит в душе глубоко,
В этот миг озарено.

Отчего ж былого счастья
Мне теперь ничуть не жаль,
Отчего былая радость
Безотрадна, как печаль,
Отчего печаль былая
Так свежа и так ярка? —
Непонятное блаженство!
Непонятная тоска!

* * *

Уже над ельником из-за вершин колючих
Сияло золото вечерних облаков,
Когда я рвал веслом густую сеть пловучих
Болотных трав и водяных цветов.

То окружая нас, то снова расступаясь,
Сухими листьями шумели тростники;
И наш челнок шел, медленно качаясь,
Меж топких берегов извилистой реки.

От праздной клеветы и злобы черни светской
В тот вечер, наконец, мы были далеко —
И смело ты могла с доверчивостью детской
Себя высказывать свободно и легко.

И голос твой пророческий был сладок,
Так много в нем дрожало тайных слез,
И мне пленительным казался беспорядок

Одежды траурной и светлорусых кос.

Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я в глубину глядел, где тысяча корней
Болотных трав невидимо сплеталась,
Подобно тысяче живых зеленых змей.

И мир иной мелькал передо мною —
Не тот прекрасный мир, в котором ты жила;
И жизнь казалась мне суровой глубиною
С поверхностью, которая светла.

Затворница

В одной знакомой улице —
Я помню старый дом,
С высокой, темной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонек, как звездочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,
И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой.

Какие речи детские
Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
О дальней стороне.
Как не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она дрожа шептала мне:
«Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные —
Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих,
Туда возврата нет...»
И тихо слезы капали —
И поцелуй звучал —
И ветер занавескою
Тревожно колыхал.

Тифлис, 1846, июля 20

Не жди

Я не приду к тебе... Не жди меня! Недаром,
Едва потухло зарево зари,
Всю ночь зурна звучит за Авлабаром,[1326]
Всю ночь за банями поют сазандари.[1327]

Здесь теплый свет луны позолотил балконы,
Там углубились тени в виноградный сад,

[1326] *Авлабар* — часть города Тифлиса.
[1327] *Сазандар* — певец.

Здесь тополи стоят, как темные колонны,
А там, вдали, костры веселые горят —

Пойду бродить! — Послушаю, как льется
Нагорный ключ во мгле заснувших Саллалак,[1328]
Где звонкий голос твой так часто раздается,
Где часто, вижу я, мелькает твой личак.[1329]

Не ты ли там стоишь на кровле под чадрою,
В сиянье месячном?! — Не жди меня, не жди!
Ночь слишком хороша, чтоб я провел с тобою
Часы, когда душе простора нет в груди;

Когда сама душа — сама душа не знает,
Какой любви, каких еще чудес
Просить или желать — но просит — но желает —
Но молится пред образом небес,

И чувствует, что уголок твой душен,
Что не тебе моим моленьям отвечать, —
Не жди! — я в эту ночь к соблазнам равнодушен —
Я в эту ночь к тебе не буду ревновать.

Старый сазандар[1330]

Земли, полуднем раскаленной,

[1328] *Саллалаки* — юго-западная часть Тифлиса. В повести Полонского «Тифлисские сакли» есть подробное описание Салалак: «Кто живал в Тифлисе, тот, конечно, не может не узнать одного из самых живописных уголков его: этот уголок — Салалакское ущелье или просто *Салалаки,* некогда одно из предместий небольшой столицы Грузии, теперь небольшой квартал одного из обширнейших городов в России».
[1329] *Личак* — головной убор грузинки, в виде длинной вуали, обыкновенно откинутой назад.
[1330] *Сазандар* — певец.

Не освежила ночи мгла.
Заснул Тифлис многобалконный;
Гора темна, луна тепла...

Кура шумит, толкаясь в темный
Обрыв скалы живой волной...
На той скале есть домик скромный,
С крыльцом над самой крутизной.

Там, никого не потревожа,
Я разостлать могу ковер,
Там целый день, спокойно лежа,
Могу смотреть на цепи гор:

Гор не видать — вся даль одета
Лиловой мглой; лишь мост висит,
Чернеет башня минарета,
Да тополь в воздухе дрожит.

Хозяин мой хоть брови хмурит,
А, право, рад, что я в гостях...
Я всё молчу, а он все курит,
На лоб надвинувши папах.

Усы седые, взгляд сердитый,
Суровый вид; но песен жар
Еще таит в груди разбитой
Мой престарелый сазандар.

Вот, медных струн перстом касаясь,

Поет он, словно песнь его
Способна, дико оживляясь,
Быть эхом сердца моего!

«Молись, кунак,[1331] чтоб дух твой крепнул;
Не плачь; пока весь этот мир
И не оглох и не ослепнул,
Ты званый гость на Божий пир.

Пока у нас довольно хлеба
И есть еще кувшин вина,
Не раздражай слезами неба:
И знай — тоска твоя грешна.

Гляди — еще цела за нами
Та сакля, где, тому назад
Полвека, жадными глазами
Ловил я сердцу милый взгляд.

Тогда мне мир казался тесен;
Я умирал, когда не мог
На празднике, во имя песен,
Переступить ее порог.

Вот с этой старою чингури[1332]
При ней бывало на дворе
Я пел, как птица после бури
Хвалебный гимн поет заре.

[1331] *Кунак* — друг, приятель, кум.
[1332] *Чингури* — струнный инструмент.

Теперь я стар; она — далеко!
И где? — не ведаю; но верь,
Что дальше той, о ком глубоко
Ты, может быть, грустишь теперь...

Твое мученье — за горами,
Твоя любовь — в родном краю;
Моя — над этими звездами
У Бога ждет меня в раю!»

И вновь молчит старик угрюмый;
На край лохматого ковра
Склонясь, он внемлет с важной думой,
Как под скалой шумит Кура.

Ему былое время снится...
А мне?.. Я не скажу ему,
Что сердце гостя не стремится
За эти горы ни к кому;

Что мне в огромном этом мире
Невесело; что, может быть,
Я лишний гость на этом пире,
Где собрались есть и пить;

Что песен дар меня тревожит,
А песням некому внимать,
И что на старости, быть может,
Меня в раю не будут ждать!

Качка в бурю

Посв. М. Л. Михайлову

Гром и шум. Корабль качает;
Море темное кипит;
Ветер парус обрывает
И в снастях свистит.

Помрачился свод небесный,
И, вверяясь кораблю,
Я дремлю в каюте тесной...
Закачало — сплю.

Вижу я во сне: качает
Няня колыбель мою
И тихонько запевает —
«Баюшки-баю!»

Свет лампады на подушках;
На гардинах свет луны...
О каких-то всё игрушках
Золотые сны.

Просыпаюсь... Что случилось?
Что такое? Новый шквал? —
«Плохо — стеньга обломилась,
Рулевой упал».

Что же делать? что могу я?

И, вверяясь кораблю,
Вновь я лег и вновь дремлю я...
Закачало — сплю.

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен, мечты кипят...
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

Скоро ночь — темнеют ели...
Слышу ласково-живой,
Тихий лепет: «На качели
Сядем, милый мой!»

Стан ее полувоздушный
Обвила моя рука,
И качается послушно
Зыбкая доска...

Просыпаюсь... Что случилось? —
«Руль оторван; через нос
Вдоль волна перекатилась,
Унесен матрос!»

Что же делать? Будь что будет!
В руки Бога отдаюсь:
Если смерть меня разбудит —
Я не здесь проснусь.

Пароход «Тамань». Сентябрь 1850

Ночь

Отчего я люблю тебя, светлая ночь, —
Так люблю, что страдая любуюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь!
Ты не мне, ты другим посылаешь покой!..

Что́ мне звезды — луна — небосклон — облака —
Этот свет, что, скользя на холодный гранит,
Превращает в алмазы росинки цветка,
И, как путь золотой, через море бежит?

Ночь! — за что мне любить твой серебряный свет!
Усладит ли он горечь скрываемых слез,
Даст ли жадному сердцу желанный ответ,
Разрешит ли сомненья тяжелый вопрос!

Что мне сумрак холмов — трепет сонных листов —
Моря темного вечно-шумящий прибой —
Голоса насекомых во мраке садов —
Гармонический говор струи ключевой?

Ночь! — за что мне любить твой таинственный шум!
Освежит ли он знойную бездну души,
Заглушит ли он бурю мятежную дум —
Все, что жарче впотьмах и слышнее в тиши!

Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, —
Так люблю, что страдая любуюсь тобой!

Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, —
Оттого, может быть, что далек мой покой! —

30 августа 1850. Массандра, на южном берегу Крыма

Песня цыганки

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя

На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Колокольчик

Улеглася метелица... путь озарен...
Ночь глядит миллионами тусклых очей...
Погружай меня в сон, колокольчика звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!

Мутный дым облаков и холодная даль
Начинают яснеть; белый призрак луны
Смотрит в душу мою — и былую печаль
Наряжает в забытые сны.

То вдруг слышится мне — страстный голос поет,
С колокольчиком дружно звеня:
«Ах, когда-то, когда-то мой милый придет —
Отдохнуть на груди у меня!

У меня ли не жизнь!.. чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе,
И трещит моя печь, озаряя в угле,
За цветной занавеской, кровать!..

У меня ли не жизнь!.. ночью ль ставень открыт,
По стене бродит месяца луч золотой,
Забушует ли вьюга — лампада горит,
И, когда я дремлю, мое сердце не спит,
Всё по нем изнывая тоской».

То вдруг слышится мне, тот же голос поет,
С колокольчиком грустно звеня:
«Где-то старый мой друг?.. Я боюсь, он войдет
И, ласкаясь, обнимет меня!

Что за жизнь у меня! и тесна, и темна,
И скучна моя горница; дует в окно.
За окошком растет только вишня одна,
Да и та за промерзлым стеклом не видна
И, быть может, погибла давно!..

Что за жизнь!.. полинял пестрый полога цвет,
Я больная брожу и не еду к родным,
Побранить меня некому — милого нет,
Лишь старуха ворчит, как приходит сосед,
Оттого, что мне весело с ним!..»

1854

* * *

Моя судьба, старуха, нянька злая,
И безобразная, и глупая, за мной
Следит весь день и, под руку толкая,

Надоедает мне своею болтовней.
Когда-то в карты мне она гадала
И мне сулила много светлых дней;
Я, как ребенок, верил ей сначала,
Доверчив был и уживался с ней.
То штопая, то делая заплаты,
Она не раз при мне ворчала на беду:
«Вот погоди! как будем мы богаты,
Я от тебя сама уйду...»
А между тем несутся дни и годы —
Старуха всё еще в моем углу ворчит,
Во всё мешается, хлопочет и, свободы
Лишая разум, сердце злит.
И жизнь моя, невольно, как-то странно
Слилась с ее житьем-бытьем,
И где бы ни был я, один ли — беспрестанно
Мне кажется: мы с ней вдвоем.
Проснусь ли я душою, озаренный
Внезапной мыслию иль новой красотой,
Плаксивое лицо старухи раздраженной
Как желтое пятно мелькает предо мной.
Хочу любить... «Нет, — говорит, — невправе,
Не смеешь ты, не должен ты любить».
Уединясь, мечтаю ли о славе,
Она, как мальчика, придет меня дразнить.
И болен я — и нет мне сил подняться,
И слышу я: старуха, головой
Качая, говорит, что вряд ли мне дождаться
Когда-нибудь судьбы иной.

1855

На пути из гостей

Славный мороз. Ночь была бы светла,
Да застилает сиянье
Месяца душу гнетущая мгла —
Жизни застывшей дыханье.
Слышится города шорох ночной,
Снег подметенный скрипит под ногой…
Дальних огней вижу мутные звезды,
Да запертые подъезды...
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Что же в гостях удержало меня?
Или мне было привольно
В сладком забвеньи бесплодного дня
Мучить себя добровольно?
Скучно и глупо без цели болтать...
И не охотник я в карты играть,
Даже, признаться, не радует ужин;
Да и кому я там нужен!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Мери сегодня была весела
И грациозно-любезна;
Но хоть она и умна и мила —
Нравиться ей бесполезно.

Слушать — так, право, на горе мое,
Бредит героями... но до нее
Мне далеко, потому что невеста
Ищет доходного места.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Олимпиада простее сестры...
Впрочем — глаза с поволокой,[1333]
Листа играет; во время игры
Пальцы взлетают высоко,
Клавиши так и стучат и гремят...
Все, будто в страхе каком-то, молчат.
Правду сказать, мастера ее руки
На музыкальные штуки!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Виктор стихи нам сегодня прочел:
Дамы остались довольны;
Только старик отчего-то нашел,
Что чересчур мысли вольны,
Что молодежь нынче стала писать
Так, что не следует вслух и читать.
Вот и прочел я стихи эти снова, —
Ну, и не понял ни слова!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

[1333] *Поволока* — легкая пелена, дымка, застилающая что либо; преим. в выражении: глаза с поволокой — о томном и нежном медленном взгляде.

Гости бывают там разных сортов:
В дом приезжают — верти́тся,
И комплимент у них мигом готов,
Из дому едут — бранятся.
Что занимает их — трудно понять,
Всё обо всем они могут сказать;
Каждый себя самолюбьем измучил,
Каждому каждый наскучил.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

В люди как будто невольно идешь:
Всё будто ищешь чего-то,
Вот-вот не нынче, так завтра найдешь…
Одолевает зевота,
Скука томит... А проклятый червяк
В сердце уняться не хочет никак:
Или он старую рану тревожит,
Или он новую гложет.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Много есть чудных, прекрасных людей,
Светлых умом и вполне благородных,
Но и они, вроде бледных теней,
Меркнут душою в гостиных холодных.
Есть у нас так называемый свет,
Есть даже люди, а общества нет:
Русская мысль в одиночку созрела,

Да и гуляет без дела.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Вот, вижу дворник сидит у ворот,
В шубе да в шапке лохматой:
Точно медведь; на усах его лед,
Снег в бороде, в рукавице лопата...
Спит ли он, так ли, прижавшись, сидит,
Думает думу, морозы бранит,
Или, как я же, бесплодно мечтает,
Или меня поджидает?
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Ночь в Крыму

Помнишь, лунное мерцанье,
Шорох моря под скалой,
Сонных листьев колыханье,
И цынцырны стрекотанье[1334]
За оградой садовой;

В полумгле нагорным садом
Шли мы, — лавр благоухал;
Грот чернел за виноградом,
И бассейн под водопадом
Переполненный звучал;

[1334] *Цынцырна* — татарское слово, — то же, что цикада.

Помнишь, свежее дыханье,
Запах розы, говор струй —
Всей природы обаянье,
И невольное слиянье
Уст в нежданный поцелуй.

Эта музыка природы,
Эта музыка души
Мне в иные, злые годы,
После бурь и непогоды,
Ясно слышалась в тиши.

Я внимал — и сердце грелось
С юга веющим теплом,
Легче верилось и пелось...
Я внимал — и мне хотелось
Этой музыки во всем...

1857

А. Н. Майкову

Ответ на стихи его: «Полонский! суждено опять судьбою злою...»

Как, ты грустишь? — помилуй Бог!
Скажи мне, Майков, как ты мог,
С детьми играя, тихо гладя
Их по головке, слыша смех
Их вечно-звонкий, вспомнить тех,
Чей гений пал, с судьбой не сладя,
Чей труд погиб... Как мог ты, глядя

На северные небеса,
Вдруг вспомнить Рима чудеса,
Проникнуться воспоминаньем,
Вообразить, что я стою
Средь Колизея, как в раю,
И подарить меня посланьем?
Мне задушевный твой привет
Был освежительно-отраден.
Но — я еще не в Риме, нет!
В окно я вижу Баден-Баден,
И тяжело гляжу на свет.
Хоть мне здорово и приятно
Парным питаться молоком,
Дышать нетопленым теплом
И слушать музыку бесплатно;
Но — если б не было руин,
Плющом повитых, луговин
Зеленых, гор, садов, скамеек,
Холмов и каменных лазеек, —
Здесь на меня нашел бы сплин —
Так надоело мне гулянье,
Куда, расхаживая лень,
Хожу я каждый Божий день
На равнодушное свиданье,
И где встречаю, рад не рад,
При свете газовых лампад,
Американцев, итальянцев,
Французов, англичан, голландцев,
И немцев, и немецких жен,
И всем известную графиню,

И полурусскую княгиню,
И русских множество княжен.
Но в этих встречах мало толку,
И в разговорах о *ничем*
Ожесточаюсь я умом,
А сердцем плачу втихомолку.
И эта жизнь меня томит,
И этот Баден, с этим миром,
Который вкруг меня шумит,
Мне кажется большим трактиром,
В котором каждый Божий час
Гуляет глупость напоказ.
А ты счастливец! — любишь ты
Домашний мир. Твои мечты
Не знают роковых стремлений;
Зато как много впечатлений;
Проходит по душе твоей,
Когда ты с удочкой своей,
Нетерпеливый, вдохновенный,
Идешь на лов уединенный.
Или, раздвинув тростники,
Над золотистыми струями
Стоишь — протер свои очки —
И жадными следишь глазами,
Как шевелятся поплавки.
И весь ты страстное вниманье…
Вот — гнется удочка дугой,
Кружится рыбка над водой —
Плеск — серебро и трепетанье.
О, в этот миг перед тобой,

Чтó значат Рим и все преданья,
Обломки славы мировой!

Но, чу! свисток раздался птичий,
Ночь шелестит во мгле кустов:
Спеши, мой милый рыболов,
Домой с наловленной добычей!
Спеши! — уж Божья благодать
На ложе сна детей приемлет,
Твои малютки спят, — и дремлет
Их убаюкавшая мать.
Уже в румяном полусвете,
Там, в сладких грезах полусна,
Тебя ждет милая жена
Иль труд в соседнем кабинете.
Труд благодатный! Труд живой!
Часы, в которые душой
Ты, чуя Бога, смело пишешь
И на себе цепей не слышишь.
Люблю я стих широкий твой,
Насквозь пропахнувший смолою
Тех самых сосен, где весною,
В тени от солнца, меж ветвей,
Ты подстерег лесную фею,
И где с Каменою твоею[1335]
Шептался плещущий ручей.
Я сам люблю твою Камену,
Подругу северных ночей:
Я помню, как неловко с ней

[1335] *С Каменою* — с Музой.

Ты шел на шумную арену
Народных браней и страстей;
Как ей самой неловко было...
Но... олимпийская жена,
Не внемля хохоту зоила,
Тебе осталася верна,
И вновь в объятия природы —
В поля, в леса, туда, где воды
Струятся, где синеет мгла
Из-под шатра дремучей ели,
Туда, где водятся форели,
С тобою весело ушла.

Прости, мой друг! не знай желаний
Моей блуждающей души!
Довольно творческих страданий,
Чтоб не заплесневеть в глуши.
Поверь, не нужно быть в Париже,
Чтоб к истине быть сердцем ближе,
И для того, чтоб созидать,
Не нужно в Риме кочевать.
Следы прекрасного художник
Повсюду видит и — творит,
И фимиам его горит
Везде, где ставит он треножник,
И где Творец с ним говорит.

Баден-Баден. Август 1857

Иная зима

Я помню, как детьми, с румяными щеками,
По снегу хрупкому мы бегали с тобой —
Нас добрая зима косматыми руками
Ласкала и к огню сгоняла нас клюкой;
А поздним вечером твои сияли глазки
И на тебя глядел из печки огонек,
А няня старая нам сказывала сказки,
О том, как жил да был на свете дурачок.

Но та зима от нас ушла с улыбкой мая,
И летний жар простыл — и вот, заслыша вой
Осенней бури, к нам идет зима иная,
Зима бездушная —и уж грозит клюкой.

А няня старая уж ножки протянула —
И спит себе в гробу, и даже не глядит,
Как ты, усталая, к моей груди прильнула,
Как будто слушаешь, что сердце говорит.
А сердце в эту ночь, как няня, к детской ласке
Неравнодушное, раздуло огонек
И на ушко тебе рассказывает сказки,
О том, как жил да был на свете дурачок.

1860

* * *[1336]

[1336] Это стихотворение связано со смертью жены. *Книга песен* — это “Buch der Lieder” Гейне.

Я читаю книгу песен,
«Рай любви — змея любовь» —
Ничего не понимаю —
Перечитываю вновь.

Что со мной! — с невольным страхом
В душу крадется тоска...
Словно книгу заслонила
Чья-то мертвая рука —

Словно чья-то тень поникла
За плечом — и в тишине
Тихо плачет — тихо дышит
И дышать мешает мне.

Словно эту книгу песен
Прочитать хотят со мной
Потухающие очи
С накипевшею слезой.

Последний вздох

«Поцелуй меня...
Моя грудь в огне...
Я еще люблю...
Наклонись ко мне».
Так в прощальный час
Лепетал и гас
Тихий голос твой,
Словно тающий

В глубине души
Догорающей.
Я дышать не смел —
Я в лицо твое,
Как мертвец, глядел —
Я склонил мой слух...
Но, увы! мой друг,
Твой последний вздох
Мне любви твоей
Досказать не мог.
И не знаю я,
Чем развяжется
Эта жизнь моя!
Где доскажется
Мне любовь твоя!

* * *

Заплетя свои темные косы венцом,
Ты напомнила мне полудетским лицом
Всё то счастье, которым мы грезим во сне,
Грезы детской любви ты напомнила мне.

Ты напомнила мне зноем темных очей
Лучезарные тени восточных ночей —
Мрак цветущих садов — бледный лик при луне,
Бури первых страстей ты напомнила мне.

Ты напомнила мне много милых теней
Простотой, темным цветом одежды твоей.

И могилу, и слезы, и бред в тишине
Одиноких ночей ты напомнила мне.

Всё, что в жизни с улыбкой навстречу мне шло,
Всё, что время навек от меня унесло,
Всё, что гибло, и всё, что стремилось любить, —
Ты напомнила мне. — Помоги позабыть!

1864

* * *

Рассказать ли тебе, как однажды
Хоронил друг твой сердце свое,
Всех знакомых на пышную тризну
Пригласил он и по́звал *ее*.

И в назначенный час панихиды,
При сиянии ламп и свечей,
Вкруг убитого сердца толпою
Собралось много всяких гостей.

И *она* появилась — всё так же
Хороша, холодна и мила,
Он с улыбкой красавицу встретил;
Но *она* без улыбки вошла.

Поняла ли *она*, что́ за праздник
У него на душе в этот день,
Иль убитого сердца над нею

Пронеслась молчаливая тень?

Иль боялась *она*, что воскреснет
Это глупое сердце — и вновь
Потревожит ее жаждой счастья —
Пожелает любви за любовь! —

В честь убитого сердца заезжий
Музыкант «Marche funèbre» играл,
И гремела рояль — струны пели,
Каждый звук их как будто рыдал.

Его слушая, томные дамы
Опускали задумчивый взгляд, —
Вообще они тронуты были,
Ели дули и пили оршад.[1337]

А мужчины стояли поодаль,
Исподлобья глядели на дам,
Вынимали свои папиросы
И курили в дверях фимиам.

В честь убитого сердца какой-то
Балагур притчу нам говорил,
Раздирательно-грустную притчу,
Но до слез, до упаду смешил.

В два часа появилась закуска,

[1337] *Дуля* — название плода груши, чаще всего небольшого, дикорастущего сорта. *Оршад* — старинный молочный сироп, смесь миндального молока с сахаром и померанцевой водой.

И никто отказаться не мог
В честь убитого сердца отведать,
Хорошо ли состряпан пирог?

Наконец, слава Богу, шампанским
Он *ее* и гостей проводил —
Так, без жалоб, роскошно и шумно
Друг твой сердце свое хоронил.

1864

* * *

Время новое повеяло — смотри,
Время новое повеяло крылом:
У одних глаза вдруг вспыхнули огнем,
Словно луч в лицо ударил от зари,
У других глаза померкли и чело
Потемнело, словно облако нашло...

Плохой мертвец

Схоронил я навек и оплакал
Мое сердце — и что ж, наконец!
Чудеса, наконец! — Шевелится,
Шевелится в груди мой мертвец...
Что с тобой, мое бедное сердце?
— Жить хочу, выпускай на простор!
Из-за каждой хорошенькой куклы
Стану я умирать, что за вздор!

Мир с тобой, мое бедное сердце!
Я недаром тебя схоронил,
Для кого тебе жить! Что за радость
Трепетать, выбиваться из сил!
Никому ты не нужно — покойся!
— Жить хочу — выпускай на простор!
Из-за каждой хорошенькой куклы
Стану я умирать, что за вздор!

* * *

Слышу я, моей соседки
Днем и ночью, за стеной,
Раздается смех веселый,
Плачет голос молодой —
За моей стеной бездушной
Чью-то душу слышу я,
В струнных звуках чье-то сердце
Долетает до меня.

За стеной поющий голос —
Дух незримый, но живой,
Потому что и без двери
Проникает в угол мой,
Потому что и без слова
Может мне в ночной тиши
На призыв звучать отзывом,
Быть душою для души.

Напрасно

Напрасно иногда взывал он к тени милой
И ждал — былое вновь придет и воскресит
Всё то, что мертвым сном спит, взятое могилой,
Придет — и усыпит любви волшебной силой
Ту жажду счастья, что проснулась и — томит.

Напрасно он хотел любовь предать забвенью, —
Чтоб ясный свет ее, утраченный навек,
Не раздражал его, подобно впечатленью
Потухшего огня, который красной тенью,
Рябя впотьмах, плывет из-под усталых век.

Напрасно он молил, отдавшись страсти новой:
— Хоть ты приди ко мне с улыбкой на устах!
Чтоб с новой силой мог я к старости суровой
На голове пронесть вражды венец терновый
И крест — тяжелый крест на слабых раменах.

Любовь не шла к нему, как месяц из тумана.
Жизнь в душу веяла, как ветер в зимний день.
Сильней час от часу горела в сердце рана, —
Но в новом образе в мир мрака и обмана
Не возвращалася возлюбленная тень.

На железной дороге

Мчится, мчится железный конек!
По железу железо гремит.

Пар клубится, несется дымок;
Мчится, мчится железный конек,
Подхватил, посадил да и мчит.

И лечу я, за делом лечу, —
Дело важное, время не ждет...
Ну, конек! я покуда молчу...
Погоди, соловьем засвищу,
Коли дело-то в гору пойдет...

Вон навстречу несется лесок,
Через балки грохочут мосты,
И цепляется пар за кусты;
Мчится, мчится железный конек,
И мелькают, мелькают шесты...

Вон и родина! Вон в стороне
Тесом крытая кровля встает,
Темный садик, скирды на гумне;
Там старушка одна, чай, по мне
Изнывает, родимого ждет.

Заглянул бы я к ней в уголок,
Отдохнул бы в тени тех берез,
Где так много посеяно грез.
Мчится, мчится железный конек
И, свистя, катит сотни колес.

Вон река — блеск и тень камыша;
Красна девица с горки идет,

По тропинке идет не спеша;
Может быть — золотая душа,
Может быть — красота из красот.

Познакомиться с ней бы я мог,
И не всё ж пустяки городить, —
Сам бы мог, наконец, полюбить...
Мчится, мчится железный конек,
И железная тянется нить.

Вон, вдали, на закате пестрят
Колокольни, дома и острог;
Однокашник мой там, говорят,
Вечно борется, жизни не рад...
И к нему завернуть бы я мог...

Поболтал бы я с ним хоть часок!
Хоть немного им прожито лет,
Да немало испытано бед...
Мчится, мчится железный конек,
Сеет искры летучие вслед...

И, крутя, их несет ветерок
На росу потемневшей земли,
И сквозь сон мне железный конек
Говорит: «Ты за делом, дружок,
Так ты нежность-то к черту пошли».

1868

Из Бурдильёна

«The night has a thousand eyes»[1338]

Ночь смотрит тысячами глаз,
А день глядит одним;
Но солнца нет — и по земле
Тьма стелется, как дым.

Ум смотрит тысячами глаз,
Любовь глядит одним;
Но нет любви — и гаснет жизнь,
И дни плывут, как дым.

Зимой, в карете

Вот, на каретных стеклах, в блеске
Огней и в зареве костров,
Из бледных линий и цветов
Мороз рисует арабески.
Бегут на смену темноты
Не фонари, а пятна света;
И катится моя карета
Средь этой мглы и суеты.

Огни, дворцы, базары, лица
И небо — всё заслонено...
Миражем кажется столица —
Тень сквозь узорное окно

[1338] «Ночь смотрит тысячами глаз» (англ.). *Бурдильён*— вероятно, F. W. Bourdillon, малоизвестный английский поэт, автор сборника «Among the Flowers and other Poems», 1878.

Проносится узорной дымкой,
Клубится пар, и — мнится мне,
Я сам, как призрак, невидимкой
Уселся в тряской тишине.

Скрипят тяжелые колеса,
Теряя в мгле следы свои;
Меня везут, и — нет вопроса
Бегут ли лошади мои.
Я сам не знаю, где я еду, —
Заботливый слуга страстей,
Я словно рад ночному бреду,
Воспоминанью давних дней.

И снится мне — в холодном свете
Еще есть теплый уголок...
Я не один в моей карете...
Вот-вот сверкнул ее зрачок...
Я весь в пару ее дыханья —
Как мне тепло назло зиме!
Как сладостно благоуханье
Весны в морозной полутьме!

Очнулся — и мечта поблёкла;
Опять, румяный от огней,
Мороз забрасывает стекла
И веет холодом. Злодей!
Он подглядел, как сердце билось:
Любовь, и страсти, и мечты,
И вздох мой — всё преобразилось

В кристаллы, звезды и цветы.

Ткань ледяного их узора
Вросла в края звенящих рам,
И нет глазам моим простора,
И нет конца слепым мечтам!
Мечтать и дрогнуть не хочу я;
Но — каждый путь ведет к концу.
И скоро, скоро подкачу я
К гостеприимному крыльцу.

Январь, 1889

* * *

Зной — и всё в томительном покое —
В пятнах света тени спят в аллее...
Только чуткой чудится лилее,
Что гроза таится в этом зное.

Бледная, поникла у балкона —
Ждет грозы, — и грезится ей, бедной,
Что далекой бури призрак бледный
Стал темнеть в лазури небосклона...

Грезы лета кажутся ей былью, —
Гроз и бурь она еще не знает,
Ждет... зовет... и жутко замирает,
Золотой осыпанная пылью....

Воробьевка,[1339] *1890*

* * *

Полонский здесь не без привета
Был встречен Фетом, и пока
Старик гостил у старика,
Поэт благословлял поэта.
И, поправляя каждый стих,
Здесь молодые музы их
Уютно провели всё лето.

1890

В саду

Мы празднуем в саду прощальный наш досуг.
Прощай! пью за твое здоровье, милый друг! —
И солнцу, что на всё наводит зной, не жарко,
И льду не холодно, и этот пышный куст
Своих не знает роз, и даже эта чарка
Не знает, чьих она касалась жарких уст.
И блеск, и шорохи, и это колыханье
Деревьев — всё полно блаженного незнанья;
А мы осуждены отпраздновать страданье,
И холод сознаем и пламенный недуг...
Прощай! пью за твое здоровье, милый друг!

[1339] *Воробьевка* — имение А. А. Фета, где Полонский гостил летом 1890 года.

1893

* * *

Если б смерть была мне мать родная,
Как больное, жалкое дитя,
На ее груди заснул бы я
И, о злобах дня позабывая,
О самом себе забыл бы я.

Но она — не мать, она — чужая,
Грубо мстит тому, кто смеет жить,
Мыслить и мучительно любить,
И, покровы с вечности срывая,
Не дает нам прошлое забыть.

1897

Афанасий Фет (1820—1892)

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

1841

* * *

Вот утро севера — сонливое, скупое —
Лениво смотрится в окно волоковое;[1340]
В печи трещит огонь — и серый дым ковром
Тихонько стелется над кровлею с коньком.
Петух заботливый, копаясь на дороге,
Кричит... а дедушка брадатый на пороге
Кряхтит и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья белые летят ему в лицо.
И полдень настает. Но, Боже, как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит — и скроется.... И долго, мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.

1841

* * *

Перекресток, где ракитка
И стоит и спит...

[1340] *Волоковое окно, оконце* — (в старину в курных избах и банях): небольшой проем в стене или потолке для выхода дыма.

Тихо ветхая калитка
За плетнем скрыпит.

Кто-то кра́дется сторонкой,
Санки пробегут —
И вопрос раздастся звонкой:
«Как тебя зовут?»

1841

* * *

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят, —
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

1842

* * *

Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

1842

Деревня

Люблю я приют ваш печальный,
И вечер деревни глухой,
И за лесом благовест дальный,
И кровлю, и крест золотой.

Люблю я немятого луга
К окну подползающий пар,
И тесного, тихого круга
Не раз долитой самовар.

Люблю я на тех посиделках
Старушки чепец и очки;
Люблю на окне на тарелках
Овса золотые злачки;

На столике близко к окошку
Корзину с узорным чулком,
И по полу резвую кошку
В прыжках за проворным клубком;

И милой, застенчивой внучки
Красивый девичий наряд,
Движение бледненькой ручки
И робко опущенный взгляд;

Прощанье смолкающих пташек,
И месяца бледный восход,
Дрожанье фарфоровых чашек,
И речи замедленный ход;

И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И вас, любопытные глазки,
Живую награду мою!

1842

* * *

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,

Я при свечах навела;
В два ряда свет — и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шеею белою
Плавает, давит меня!

Ну как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Дух захватило в груди...
Суженый! золото, серебро!.. Чур меня,
Чур меня — сгинь, пропади!

1842

* * *

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких, и в крупных звездах,

Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

1842

* * *

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,

Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

1842

* * *

Стихом моим незвучным и упорным
Напрасно я высказывать хочу
Порыв души, но, звуком непокорным
Обманутый, душой к тебе лечу.

Мне верится, что пламенную веру
В душе твоей возбудит тайный стих,
Что грустию невольною размеру
Она должна сочувствовать на миг.

Да, ты поймешь, поймешь — я это знаю
Всё, чем душа родная прожила, —
Ведь я ж всегда по чувству угадаю
Твой след везде, где ты хоть раз была.

1842

* * *

Сосна так темна, хоть и месяц
Глядит между длинных ветвей.
То клонит ко сну, то очнешься,
То мельница, то соловей,

То ветра немое лобзанье,
То запах фиалки ночной,
То блеск замороженной дали
И вихря полночного вой.

И сладко дремать мне — и грустно,
Что сном я надежду гублю.
Мой ангел, мой ангел далекий,
Зачем я так сильно люблю?

1842

* * *

Как на черте полночной дали
Тот огонек,
Под дымкой тайною печали
Я одинок.

Я не влеку могучей силой
Очей твоих,
Но приманю я взор твой милый
На краткий миг.

И точка трепетного света

Моих очей —
Тебе печальная примета
Моих страстей.

1842

* * *

Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?

И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг…

1842

* * *

Буря на нéбе вечернем,
Моря сердитого шум —
Буря на море и думы,
Много мучительных дум —
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

1842

* * *

Вдали огонек за рекою,
Вся в блестках струится река,
На лодке весло удалое,
На цепи не видно замка.

Никто мне не скажет: «Куда ты
Поехал, куда загадал?»
Шевелись же, весло, шевелися!
А берег во мраке пропал.

Да что же? Зачем бы не ехать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла, и огня за рекой?...

1842

* * *

Теплым ветром потянуло,
Смолк далекий гул,
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.

В загородке улеглися

И жуют волы,
Звезды частые зажглися
По навесу мглы.

Только выше всё всплывает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пес сторожевой.

Редко, редко кочевая
Тучка бросит тень...
Неподвижная, немая
Ночь светла, как день.

1842

* * *

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валежник свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...

О друг мой, скажи, что́ с тобою?
Я знаю давно, что́ со мной!

1842

* * *

Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только к зевоте ведут...
Бросив педантов, бегу с тобой побеседовать, друг мой;
Знаю, что в этих глазах, черных и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких стах фолиантах,[1341]
Знаю, что сладкую жизнь пью с этих розовых губ.
Только пчела узнает в цветке затаенную сладость,
Только художник на всем чует прекрасного след.

1842

* * *

Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...
Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Ручке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, покоряясь богине, —
Много и рифм у меня, много размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,

[1341] *Фолиант* — (нем. *Foliant*, от лат. *folium* лист) — книга форматом в сложенный пополам целый лист бумаги; (разг.) вообще толстая книга большого формата.

С нежной цезурою[1342] уст, с вольным размером любви.

1842

Вакханка

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая всё ниже опускалась,
И молодая грудь всё больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

1843

* * *

Полуно́чные образы реют,
Блещут искрами ярко впотьмах,
Но глаза различить не умеют,
Много ль их на тревожных крылах.

[1342] *Цезура* (лат. *caesura*, от *caedere* рубить, отрезывать) — (в поэзии) пресечение, остановка, разделяющая две части стиха (как, например, в данном стихе после слова «уст» стих делится на две половины по три ударения в каждой).

Полуночные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,
И всплывают, и стонут, и тонут —
Но о чем это стонут оне?

Полуночные образы воют,
Как духóв испугавшийся пес;
То нахлынут, то бездну откроют,
Как волна обнажает утес.

1843

* * *

Как ангел неба безмятежный,
В сияньи тихого огня
Ты помолись душою нежной
И за себя и за меня.

Ты от меня любви словами
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

1843

* * *

Мы с тобой не просим чуда:

Только истинное чудно;
Нет для духа больше худа,
Как увлечься безрассудно.

Нынче, завтра — круг волшебный
Будет нем и будет тесен;
Оглянись — и мир вседневный
Многоцветен и чудесен.

Время жизни скоротечно,
Но в одном пределе круга
Наши очи могут вечно
Пересказывать друг друга.

1843

* * *

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

1843

* * *

Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;

Без тебя всё та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра...

1843

Узник

Густая крапива
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром;

Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Визжит под пилой.

Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

1843

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь, — но только песня зреет.

1843

* * *

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

1843

* * *

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,

И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

1844

* * *

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемым то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

1844

* * *

Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
На воды блестящего Майна.

Вдали огонек одинокой
Трепещет под сумраком липок;
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.

Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мне всё сердцу родное.

Ожившая память несется
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрет, то проснется
За каждой безумною трелью.

Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
Вдоль вод тихоструйного Майна.

Август 1844. Франкфурт-на-Майне

* * *

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.

Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.

Но память былого
Всё крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

11 августа 1844

* * *

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселия жажды...
Вы, полные, сладкие звуки, —
Знать, вас не услышать мне дважды!

Зачем же за тающей скрипкой
Так сердце в груди встрепенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?

Так томно и грустно-небрежно
В свой мир расцвечённый уносит,
И ластится к сердцу так нежно,
И так умилительно просит?

1844

* * *

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.

1844

Серенада

Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает, —

Спи, мое дитя.

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели, —
Спи, мое дитя.

Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи, —
Спи, мое дитя.

1844

* * *

Теплый ветер тихо веет,
Жизнью свежей дышит степь,
И курганов зеленеет
Убегающая цепь.

И далеко меж курганов
Темно-серою змеей
До бледнеющих туманов
Пролегает путь родной.

К безотчетному веселью
Подымаясь в небеса,
Сыплют с неба трель за трелью
Вешних птичек голоса.

1845

* * *

Офелия гибла и пела,[1343]
И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.

И многое с песнями канет
Мне в душу на темное дно,
И много мне чувства, и песен,
И слез, и мечтаний дано.

1846

* * *

Еще весна, — как будто неземной
Какой-то дух ночным владеет садом
Иду я молча, — медленно и рядом
Мой темный профиль движется со мной.

Еще аллей не сумрачен приют,

[1343] *Офелия* — обезумевшая девушка из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет, принц датский», которая утонула в реке: «*Лаэрт* Как, утонула? Где? Не может быть! *Королева* Над речкой ива свесила седую / Листву в поток. Сюда она пришла / Гирлянды плесть из лютика, крапивы, / Купав и цвета с красным хохолком, / Который пастухи зовут так грубо, / А девушки — ногтями мертвеца. / Ей травами увить хотелось иву, / Взялась за сук, а он и подломись, / И, как была, с копной цветных трофеев, / Она в поток обрушилась. Сперва / Ее держало платье, раздуваясь, / И, как русалку, поверху несло. / Она из старых песен что-то пела, / Как бы не ведая своей беды / Или как существо речной породы. / Но долго это длиться не могло, / И вымокшее платье потащило / Ее от песен старины на дно, / В муть смерти». (Пер. Бориса Пастернака)

Между ветвей небесный свод синеет,
А я иду — душистый холод веет
В лицо — иду — и соловьи поют.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное в нашем бедном мире,
И грудь вздыхает радостней и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.

Придет пора — и скоро, может быть, —
Опять земля взалкает[1344] обновиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.

1847

* * *

Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим существом:
Радость и светлая грусть, благотворный покой и желанья
Детские, резвые — сам даже понять не могу.
Вот хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов и птичек звонкие песни —
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдем же, пойдем!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только

[1344] *Взалкать* — захотеть есть; почувствовать страстное желание чего-нибудь.

Всю озираю тебя, всю — от пробора волос
До перекладины пялец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки носок.
Жалко... да нет — хорошо, что никто не видал, как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой, шалун,
Что изучает грамматику в комнате ближней, мне дорог.
Можно ль так ложно его вещи учить понимать!
Как отворялися двери, расслушать я мог, что учитель
Каждый отдельный глагол прятал в отдельный залог:
Он говорил, что любить есть действие — не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь ни зги;
Я говорю, что любить — состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай Бог нам вечно любить!

1847

* * *

Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта; меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему этот дух разрушенья!
Ты доставать виноград высунешь руку на двор, —
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно была.

1847

Диана[1345]

Богини девственной округлые черты
Во всем величии блестящей наготы
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми, бесцветными очами
Высоко поднялось открытое чело, —
Его недвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Но ветер на заре между листов проник, —
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал, — она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные... Но мрамор недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.

1847

* * *

Спи — еще зарею
Холодно и рано;
Звезды за горою

[1345] *Диана* — богиня луны и богиня-покровительница охоты, молодняка и рожениц, изображалась юной охотницей с колчаном за спиной; целомудренная богиня, девственница (рим. миф.); в греческой мифологии — Артемида.

Блещут средь тумана;

Петухи недавно
В третий раз пропели,
С колокольни плавно
Звуки пролетели.

Дышат лип верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

1847

* * *

Полно спать: тебе две розы
Я принес с рассветом дня.
Сквозь серебряные слезы
Ярче нега их огня.

Вешних дней минутны грозы,
Воздух чист, свежей листы...
И роняют тихо слезы
Ароматные цветы.

1847

* * *

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами —
Звуком на душу навей.

1847

* * *

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,[1346]

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, — и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

[1346] *Аргус* — многоглазый, всевидящий великан (греч. миф.), неусыпный страж.

И долго слушаю, как ты молчишь, — и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, —
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

1847

Фантазия

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

Что ж молчим мы? Или самовластно
Царство тихой, светлой ночи мая?
Иль поет и ярко так и страстно
Соловей, над розой изнывая?

Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?

На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сияньи изумрудном,
Над водой качается жар-птица;

Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водометы.[1347]

Листья полны светлых насекомых,
Всё растет и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.

Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще — и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

1847

* * *

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

[1347] *Водомёт* — фонтан.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, —
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастию сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

1847

* * *

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несется рысью.

1847

* * *

Непогода — осень — куришь,
Куришь — всё как будто мало.

Хоть читал бы, — только чтенье
Подвигается так вяло.

Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо.

Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Всё такая чертовщина!

Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава Богу, понемногу,
Будто вечер, засыпаю...

1847

Весенние мысли

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,

И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

1848

* * *

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

1850

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает как мяч.

1850

* * *

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.

Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки
И льнут к моему изголовью.

1853

* * *

Растут, растут причудливые тени,
В одну сливаясь тень...
Уж позлатил последние ступени
Перебежавший день.

Что звало жить, что силы горячило —
Далеко за горой.
Как призрак дня, ты, бледное светило,
Восходишь над землей.

И на тебя как на воспоминанье
Я обращаю взор...
Смолкает лес, бледней ручья сиянье,
Потухли выси гор;

Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно всё окрест...
Да сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звезд.

1853

Муза

Не в сумрачный чертог наяды говорливой
Пришла она пленять мой слух самолюбивый
Рассказом о щитах, героях и конях,
О шлемах кованых и сломанных мечах.
Скрывая низкий лоб под ветвию лавровой,
С цитарой[1348] золотой иль из кости слоновой,
Ни разу на моем не прилегла плече
Богиня гордая в расшитой епанче.[1349]
Мне слуха не ласкал язык ее могучий,
И гибкий, и простой, и звучный без созвучий.
По воле пиерид[1350] с достоинством певца
Я не мечтал стяжать широкого венца.

[1348] *Цитара, китара, кифара* (cithara) — древний струнный греческий инструмент, в общих чертах схожий с лирой, но более широкий и короткий, чем последний. Струны, более короткие, чем в лире, прикреплялись в кифаре своими нижними концами к небольшой коробке, служившей для резонанса и находившейся в нижней части инструмента. Кифара имела 5 или 6 струн, позднее 7 и 8. Играющий на кифаре задевал струны пальцами или плектром.
[1349] *Епанча* — длинный и широкий старинный плащ (позднее теплая женская накидка).
[1350] Т. е. по воле муз.

О нет! Под дымкою ревнивой покрывала
Мне музу молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волос
Головку дивную узлом тяжелых кос;
Цветы последние в руке ее дрожали;
Отрывистая речь была полна печали,
И женской прихоти, и серебристых грез,
Невысказанных мук и непонятных слез.
Какой-то негою томительной волнуем,
Я слушал, как слова встречались поцелуем,
И долго без нее душа была больна
И несказанного стремления полна.

1854

* * *

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая

Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

1854

Первый ландыш

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

1854

Пчелы

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,

Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет всё боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.

Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.

1854

* * *

Как здесь свежо под липою густою —
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

1854

* * *

Над озером лебедь в тростник протянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.

И воздухом чистым усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечерние тени. — Вечерний мой путь
Краснел меж деревьев вдали.

А мы — мы на лодке сидели вдвоем,
Я смело налег на весло,
Ты молча покорным владела рулем,
Нас в лодке как в люльке несло.

И детская челн направляла рука
Туда, где, блестя чешуей,
Вдоль сонного озера быстро река
Бежала как змей золотой.

Уж начали звезды мелькать в небесах...

Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пестрый нашептывал флаг,
Куда нас потоком несло!

1854

Степь вечером

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни — и не ждешь!
Всё степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрыпят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут.

Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И как река засветит Млечный Путь.

1854

* * *

Жди ясного на завтра дня.
Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

В заливе дремлют корабли, —
Едва трепещут вымпела.
Далеко небеса ушли —
И к ним морская даль ушла.

Так робко набегает тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь.

1854

* * *

Какое счастие: и ночь, и мы одни!
Река — как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:

Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя —
О слушай! о пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

1854

Сосны

Средь кленов девственных и плачущих берез
Я видеть не могу надменных этих сосен;
Они смущают рой живых и сладких грез,
    И трезвый вид мне их несносен.

В кругу воскреснувших соседей лишь оне
Не знают трепета, не шепчут, не вздыхают
И, неизменные, ликующей весне
    Пору́ зимы напоминают.

Когда уронит лес последний лист сухой
И, смолкнув, станет ждать весны и возрожденья,
Они останутся холодною красой
    Пугать иные поколенья.

1854

Старый парк

Сбирались умирать последние цветы
И ждали с грустию дыхания мороза;
Краснели по краям кленовые листы,
Горошек отцветал, и осыпалась роза.

Над мрачным ельником проснулася заря,
Но яркости ее не радовались птицы;
Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы.

Беседка старая над пропастью видна.
Вхожу. Два льва без лап на лестнице встречают.
Полузатертые чужие имена,
Сплетаясь меж собой, в глазах моих мелькают.

Гляжу. У ног моих отвесною стеной
Мне сосен кажутся недвижные вершины,
И горная тропа, размытая водой,
Виясь как желтый змей, бежит на дно долины.

И солнце вырвалось из тучи, и лучи,
Блеснув как молния, в долину долетели.
Отсюда вижу я, как бьют в пруде ключи
И над травой стоят недвижные форели.

Один. Ничьих шагов не слышу за собой.
В душе уныние, усилие во взоре.
А там, за соснами, как купол голубой,
Стоит бесстрастное, безжалостное море.

Как чайка, парус там белеет в высоте.
Я жду, потонет он, но он не утопает
И, медленно скользя по выгнутой черте,
Как волокнистый след пропавшей тучки тает.

1854

Шарманщик

К окну я в потемках приник —
Ну, право, нельзя неуместней:
Опять в переулке старик
С своей неотвязною песней!

Те звуки свистят и поют
Нескладно-тоскливо-неловки...
Встают предо мною, встают
За рамой две светлых головки.

Над ними поверхность стекла
При месяце ярко-кристальна.
Одна так резво́-весела,
Другая так томно-печальна.

И — старая песня! — с тоской

Мы прошлое нежно лелеем,
И жаль мне и той и другой,
И рад я сердечно обеим.

Меж них в промежутке видна
Еще голова молодая, —
И всё он хорош, как одна,
И всё он грустит, как другая.

Он предан навеки одной
И грусти терзаем приманкой...
Уйдешь ли ты, гаер седой,[1351]
С твоей неотвязной шарманкой?

1854

Больной

Его томил недуг. Тяжелый зной печей,
Казалось, каждый вздох оспаривал у груди.
Его томил напев бессмысленных речей,
Ему противны стали люди.

На стены он кругом смотрел как на тюрьму,
Он обращал к окну горящие зеницы,
И света Божьего хотелося ему —
Хотелось воздуха, которым дышат птицы.

[1351] *Гаер* — шут, паяц.

А там, за стеклами, как чуткий сон легки,
С востока яркого всё шире дни летели,
И солнце теплое, морозам вопреки,
Вдоль крыш развесило капели.

Просиживая дни, он думал всё одно:
«Я знаю, небеса весны меня излечат...»
И ждал он: скоро ли весна пахнёт в окно
И там две ласточки, прижавшись, защебечут?

1855

Весна на дворе

Как дышит грудь свежо и емко —
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь —[1352]
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»

1855

Вечер

[1352] *Глыба* — ком твердой земли или дернина на пашне; здесь: поле, нива (ср. франц. *glèbe* — ком, глыба земли; возделываемая земля; поле, нива).

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, лукáми
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханьи ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

1855

* * *

В темноте, на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонилися прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.

1856

У камина

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек.

Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

1856

Горное ущелье

За лесом лес и за горами горы,

За темными лилово-голубые,
И если долго к ним приникнут взоры,
За бледным рядом выступят другие.

Здесь темный дуб и ясень изумрудный,
А там лазури тающая нежность...
Как будто из действительности чудной
Уносишься в волшебную безбрежность.

И в дальний блеск душа лететь готова,
Не трепетом, а радостью объята,
Как будто это чувство ей не ново,
А сладостно уж грезилось когда-то.

Октябрь 1856. Париж

Смерти

Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
Со взором, полным сладострастья,
В тебе последнего участья
Искать страдалец обречен, —

Не верь, суровый ангел Бога,
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.

Придет пора — пора иная:
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.

Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча, сознавая, носит
Твое могучее зерно,

Кто дышит с равным напряженьем, —
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

Конец 1856 или начало 1857

Весенний дождь

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,

И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

1857

* * *

Весна и ночь покрыли дол,
Душа бежит во мрак бессонный,
И внятно слышел ей глагол
Стихийной жизни, отрешенной.

И неземное бытиё
Свой разговор ведет с душою
И веет прямо на нее
Своею вечною струею.

Но вот заря! Бледнеет тень,
Туман волнуется и тает, —
И встретить очевидный день
Душа с восторгом вылетает.

1857

* * *

Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!

Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, чернее тень,
Лишь тоньше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.

1857

Еще майская ночь

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

1857

Цветы

С полей несется голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.

Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной
Плодов румяных семена.

Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грезы
И в сердце песню заронi.

1857

Грезы

Мне снился сон, что сплю я непробудно,
Что умер я и в грезы погружен;
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тень навеял этот сон.

Я счастья жду, какого — сам не знаю.
Вдруг колокол — и всё уяснено;
И, просияв душой, я понимаю,
Что счастье в этих звуках. — Вот оно!

И звуки те прозрачнее, и чище,
И радостней всех голосов земли;
И чувствую — на дальнее кладбище
Меня под них, качая, понесли.

В груди восторг и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть раз еще вздохнуть
И, на волне ликующего звука
Умчася вдаль, во мраке потонуть.

1857

* * *

На стоге сена ночью южной

Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Крутом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

1857

На корабле

Летим! Туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычною стопою
Вскипая белою грядою,
Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла;

Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,
Куда невидимая сила
Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

1857

Дождливое лето

Ни тучки нет на небосклоне,
Но крик петуший — бури весть,
И в дальнем колокольном звоне
Как будто слезы неба есть.

Покрыты слегшими трава́ми,
Не зыблют колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не верит солнышку земля,

Под кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье.
Серпа с косой, давно отбитой,
В углу тускнеет лезвие.

1857—1858

Певице

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря, —
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

1857

* * *

Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;

На стенах оледенелых
Блещут хрустали.

От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.

Ветер спит, и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

1858

* * *

Заря прощается с землею,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!

И всё таинственней, безмерней
Их тень растет, растет, как сон;
Как тонко по заре вечерней

Их легкий очерк вознесен!

Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овеяны вдвойне, —
И землю чувствуют родную
И в небо просятся оне.

1858

* * *

Влачась в бездействии ленивом
Навстречу осени своей,
Нам с каждым молодым порывом,
Что день, встречаться веселей.

Так в летний зной, когда в долины
Съезжают бережно снопы
И в зрелых жатвах круговины
Глубоко врезали серпы,

Прорвешь случайно повилику
Нетерпеливою ногой —
И вдруг откроешь землянику,
Красней и слаще, чем весной.

1858—1859

Колокольчик

Ночь нема, как дух бесплотный,
Теплый воздух онемел;
Но как будто мимолетный
Колокольчик прозвенел.

Тот ли это, что мешает
Вдалеке лесному сну
И, качаясь, набегает
На ночную тишину?

Или этот, чуть заметный
В цветнике моем и днем,
Узкодонный, разноцветный,
На тычинке под окном?

1859

* * *

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба

Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

1859

* * *

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.[1353]

Я и думать забыл про холодную ночь, —
До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь умчалося прочь,
Будто искры в дыму улетело.

Пусть на зорьке, всё ниже спускаясь, дымок
Над золою замрет сиротливо;
Долго-долго, до поздней поры огонек
Будет теплиться скупо, лениво.

И лениво и скупо мерцающий день
Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне.

Но нахмурится ночь — разгорится костер,

[1353] Ельник кажется шатающимся от идущих по нему огненных бликов.

И, виясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.

1859

* * *

Я ждал. Невестою-царицей
Опять на землю ты сошла.
И утро блещет багряницей,
И всё ты воздаешь сторицей,
Что осень скудная взяла.

Ты пронеслась, ты победила,
О тайнах шепчет божество,
Цветет недавняя могила,
И бессознательная сила
Свое ликует торжество.

1860

***

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,

В степи всё гладко, всё бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А всё надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, —
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

1862

* * *

Солнце нижет лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

1863

* * *

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю,
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Всё тот же золоченый крест.

Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне — мне кажется понятно,
Что́ шепчут куполу листы.

Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,

Стремлюсь куда-то, вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.

1864

* * *

Еще вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
Лежала бархатным ковром.

Глядя́ надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чем не изменяла
Непобедимая сосна.

Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо — всё одето
Каким-то тусклым серебром.

Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы,
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листвы.

Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков волей фей

Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.

1864

* * *

Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась — кто скажет мне куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, всё буйство первых дней
С их радостью — всё тише, всё ясней
К последнему подходят новоселью.

Так, заверша беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,
Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лесной остановясь глуши,
Сбирается в серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

1864

* * *

Die Gleichmäßigkeit des Laufes der Zeit in allen Köpfen beweist mehr, als irgend etwas, daß wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja daß es Ein Wesen ist, welches ihn träumt.
Schopenhauer[1354]

[1354] Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом. Шопенгауэр (нем.).

1

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И всё, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотскóй и бесплотный, —
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновеньи
Как дым несусь я и таю невольно,
И в этом прозреньи, и в этом забвеньи

Легко мне жить и дышать мне не больно.

2

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

1864

* * *

Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О, окрыли — и дай мне превозмочь
Весь этот тлен бездушный и унылый!

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,

Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля — и теплится, как море.

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звéздной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.

1865

* * *

Пришла, — и тает всё вокруг,
Всё жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимних вьюг,
Вдруг разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвело
Всё, что вчера томилось немо,
И вздохи неба принесло
Из растворенных врат эдема.

Как весел мелких туч поход!
И в торжестве неизъяснимом
Сквозной деревьев хоровод
Зеленоватым пышет дымом.

Поет сверкающий ручей,
И с неба песня, как бывало;
Как будто говорится в ней:

Всё, что ковало, — миновало.

Нельзя заботы мелочнóй
Хотя на миг не устыдиться,
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.

20 мая 1866

* * *

Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Всё сорвать хочет ветер, всё смыть хочет ливень ручьями.

Никого! Ничего! Даже сна нет в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет время.
Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?

О, войди ж в этот мрак, улыбнись, благосклонная фея,
И всю жизнь в этот миг я солью, этим мигом измерю,
И, речей благовонных созвучием слух возлелея,
Не признаю часов, и рыданьям ночным не поверю!

Конец 60-х гг.

Майская ночь

Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.

Царит весны таинственная сила
С звездами на челе. —
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле.

А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно — как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой —
И в вечность улетим!

1870

Осенью

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,

Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
Яснее понимаем мы.

1870

* * *

Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.

Пускай клянут, волнуяся и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, нетонущей ногой.

Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой — и с ним двойное бытиё
Вручила ты, и я — я торжествую
Хотя на миг бессмертие твое.

1871

* * *

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?

Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
И тебе не больно?

Апрель 1873

* * *

Только встречу улыбку твою
Или взгляд уловлю твой отрадный,
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленною трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой ее колыбелью.

Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

1873

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

1877

* * *

Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсущ,

К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.

И рядом, куст родной смущая,
И силясь и боясь летать,
Семья пичужек молодая
Зовет заботливую мать.

Не шевелюсь, не беспокою.
Уж не завидую ль тебе?
Вот, вот она здесь, под рукою,
Пищит на каменном столбе.

Я рад: она не отличает
Меня от камня на свету,
Трепещет крыльями, порхает
И ловит мошек на лету.

1879

А. Л. Бржеской[1355]

Далекий друг, пойми мои рыданья,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык.

Кто скажет нам, что жить мы не умели,

[1355] Стихотворение обращено к Александре Львовне Бржеской (р. 1821). Фет дружил с ней и с ее мужем, херсонским помещиком и поэтом Алексеем Федоровичем Бржеским (1818—1868).

Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это всё? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар! Никто не отвечает,
Воскреснут звуки — и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес,
В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье. —
Прочь этот сон, — в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что́ жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

28 января 1879

* * *

Дул север. Плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пеньи голосистом;

Лишь соловьихи робких чад
Хрипливым подзывали свистом.

Прошла пора влюбленных грез,
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг один любовник роз
Запел так ярко, беззаветно.

Прощай, соловушко! — И я
Готов на миг воскреснуть тоже,
И песнь последняя твоя
Всех вешних песен мне дороже.

1880

* * *

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этот пух — не лист,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затменья,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это всё — весна.

1881

Музе

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

1882

* * *

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

3 апреля 1883

Осень

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

5 октября 1883

* * *

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883

* * *

С гнезд замахали крикливые цапли,
С листьев скатились последние капли,
Солнце, с прозрачных сияя небес,
В тихих струях опрокинуло лес.

С сердца куда-то слетела забота,
Вижу, опять улыбается кто-то;
Или весна выручает свое?

Или и солнышко всходит мое?

1883

* * *

Солнце садится, и ветер утихнул летучий,
Нет и следа тех огнями пронизанных туч;
Вот на окраине дрогнул живой и нежгучий,
Всю эту степь озаривший и гаснущий луч.

Солнца уж нет, нет и дня неустанных стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если б небо судило без тяжких томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!

29 апреля 1883

Смерти

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель!

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу — ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

1884

Бабочка

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот — дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

1884

* * *

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,

Так освежительно-радостно мне!

Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!

Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя.

1884

* * *

Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.

О, как ничтожно всё! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых —
Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих.

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них всё прошлое — один жестокий бред,

Без них — один укор, без них — одно терзанье,
И нет прощения, и примиренья нет!

29 мая 1884

Ласточки

Природы праздный соглядатай,[1356]
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельча́той[1357]
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновенье
И человеческого *я*?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

[1356] *Соглядатай* — лицо, которое занимается тайным наблюдением за кем-либо, чем-либо.
[1357] *Стре́льчатый* — имеющий в очертании форму арки, завершающейся острым углом, сходный с готическим (архит.). Стрельчатый свод. Стрельчатые окна.

1884

* * *

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что́ я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885

Осенняя роза

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,

Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.

Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

18 сентября 1885

* * *

Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать ее начало.

Что такое день иль век
Перед тем, что бесконечно?
Хоть не вечен человек,
То, что вечно, — человечно.

Между 1874 и 1886

* * *

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, —
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел,
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

15 февраля 1887

* * *

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.

И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только что́ вечно и чисто,
Что́ навеяно ею самой.

7 февраля 1889

Поэтам

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова невольно,
Как и бывало, пред вами, поэты.

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных и душных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.

5 июня 1890

* * *

Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотою

И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

10 декабря 1890

* * *

На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
Верти́тся призрачною тенью.

Зари осенней след в мерцаньи этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом...

Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного лица!

Как шепот горестен разлуки!..

Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада, —
И кружится еще, приюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.[1358]

15 декабря 1890

* * *

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь заныть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

7 сентября 1891

* * *

Рассыпаяся смехом ребенка,
Явно в душу мою влюблены,

[1358] Комментарий Б. Я. Бухштаба (из книги «А. А. Фет. Очерк жизни и творчества»): «На освещенном потолке вертится тень от жестяного кружка, подвешенного над висячей керосиновой лампой (чтобы не коптился потолок) и слегка вращающегося от притока воздуха. Глядя на эту вертящуюся круглую тень, поэт вспоминает, как когда-то на осенней заре кружилась над садом стая грачей. А этот образ окрашен в его воспоминании горечью разлуки с любимой, которая уезжала в то время, как над садом кружились грачи».

Пролетают прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны.

И, мгновенной охвачен истомой,
Снова молодость чую свою;
Узнаю я и голос знакомый
И победный призыв узнаю.

И когда этой песне внимаю,
Окрыленный восторгом, не лгу,
Что я всё без речей понимаю
И к чему призывает — могу!

13 марта 1892

* * *

Тяжело в ночной тиши
Выносить тоску души
Пред безглазым домовым,
Темным призраком немым,
Как[1359] стихийная волна
Над душой одна вольна.

Но зато люблю я днем,
Как замолкнет всё кругом,
Различать, раздумья полн,
Тихий плеск житейских волн.
Не меня гнетет волна,

[1359] *Как* — когда.

Мысль свежа, душа вольна;
Каждый миг сказать хочу:
«Это я!» Но я молчу.

15 сентября 1892

Николай Щербина (1821—1869)

Невольная вера

Как я рад, что оставил Акрополь!
Там лишь башни висят надо мной,
Да лепечет бестенная тополь,
Да летают щуры над стеной;
Мне и слышать, и видеть докучно,
Как сова-мышеловка поет,
Как ворота скрипят однозвучно,
И змея по цистерне ползет...
Но в лесу, но средь поля — иное...
Я не в силах, друзья, рассказать!...
Здесь отрадно воскресло былое,
Осенила меня благодать...
Здесь меня обнимает природа,
И всё тихо, покойно кругом...
Только слышишь: — свобода, свобода!
Пролепечет листок с ветерком.
Медяница, повиснув на ветке,

Померанец лениво сосет.
Не бояся ни змея, ни сетки,
Соловей беззаботно поет.
Надо мною склонилась олива,
Льют прохладу с утеса ключи,
И горят разноцветным отливом
На волнах голубого залива
Заходящего солнца лучи,
И бросают развалин колонны
На холмы свою длинную тень,
И мою полусонную лень
Освежают росой анемоны...

Я всему здесь поверить готов,
В этом чудном жилище богов,
Подсмотрев, как клонились лианы,
Будто смятые ножкой Дианы,
Пробежавшей незримо на лов...

Я всему здесь поверить готов!

1844

Мысль о смерти

Страшна мне смерть!.. Не от сомненья,
Не от неведенья страшна...
Хоть ложной жизни обольщенья,
Ее ничтожность и волненья
Собою сокрушит она:

Но всё ж я смерти не желаю...
Я жить хочу, хочу я жить:
Я убежден, и сердцем знаю,
Что быть отрадней, чем не быть!

1844

Эллада

Окружена широкими морями,
Среди олив покоится она,
Развалина, покрытая гробами,
В ничтожестве великая страна.

Я с корабля сошел при блеске ночи,
При ропоте таинственном валов...
Горела грудь, в слезах кипели очи:
Я чувствовал присутствие богов...

И видел я усыпанный цветами,
Рельефами покрытый саркофаг:
В них грации поникли головами
И Аполлон, и вечно-юный Вакх;

А в гробе том красавица лежала
Нетленная, печальна, но ясна...
Казалося, она не умирала,
Казалося, бессмертной рождена...

И песнь ее носилась над могилой,
Когда уже замолкнули уста; —
И всё вокруг собой животворила
Усопшая во гробе Красота.

1846

Миг

Чудный был вечер весенний. Уж солнце в волнах потонуло
Искрились тихие волны, и запад в последнем сияньи
Медленно гаснул над ними, и Геспер уж теплился ярко.
Робкой стопой среброногая дева Селена из тучки
    В темно-лазурное поле небес выходила.

Всё было тихо, прохладно, темно и прозрачно под небом;
Небо с землей и с душой человека дышало одною
Сладкой гармонией, будто бы звучною грудью одною...
Счастливы мы, что живем, что родились, друзья-человеки!...
    Горе нежившим и горе отжившим!

1846

Notturno[1360]

Ароматной весеннею ночью
Я на небо гляжу ненаглядно...
Когда море, уснувшею мочью,
Так прекрасно, так мирно-отрадно,

[1360] Ноктюрн (итал.)

Когда слышу, как злак прозябает,
И как пьет он дыхание ночи: —
Тебя сердце мое призывает,
Тебя видят во всем мои очи...
Будто смотришь ты теми звездами,
Будто дышишь дыханьем природы,
Расцветаешь ночными цветами,
Населяешь и воздух, и воды.

Когда слышу вечерние звуки,
Те, что льются, что в воздухе тают,
И таинственно с счастием муки
И с покоем тревогу мешают:
Тогда, кажется, будто незримо
Ты ко мне издалёка несешься...
Будто чую — промчалася мимо,
Будто пламенем по́ сердцу льешься...
Что ж родного, скажи мне, сокрыто
В этой ночи и в звуках с тобою,
И какая струна у них слита
С моим сердцем, с моею судьбою?..

1846

Письмо

Я теперь не в Афинах, мой друг:
В беотийской деревне живу я.
Мне за ленью писать недосуг.
Не под портиком храма сижу я,

Не гляжу на кумиры богов,
Не гляжу на Зевксиса картины:[1361]
Я живу под наметом дубов,
Средь широкой цветущей долины;
Я забыл об истмийских венках,[1362]
Агоры́ мне волнения чужды;[1363]
Как до пыли у вас в городах,
Мне в народном избраньи нет нужды.
Будто в море, я весь погружен
В созерцанье безбрежной природы
И в какой-то магический сон,
Полный жизни, ума и свободы.
Здесь от речи отвыкли уста:
Только слухом живу я, да зреньем...
Красота, красота, красота! —
Я одно лишь твержу с умиленьем.

1847

* * *

Когда в высокие минуты бытия
Внимает ум сердечным убежденьям,
И открывается всему душа моя,
Восторженным полна ясновиденьем:
Тогда одним живущим существом

[1361] *Зе́вксис* из Гераклеи — древнегреческий живописец, работавший в 420—380 годах до н. э.
[1362] Имеются в виду победы на Истмийских играх, проводившихся в честь бога Посейдона на Коринфском (Истмийском) перешейке через два года, вероятно, весной каждого второго и четвертого из годов олимпиады.
[1363] То есть политические страсти. *Агора́* — рыночная площадь (торжище) в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегражданских (народных) собраний.

Я вижу мир перед собою,
И многое сливается в одном,
И дышет общею душою;
Тогда бездушное живет подобно мне,
И, кажется, ничто не жить не может,
И вечно мир растет в своей весне,
И ничего в нем время не изгложет...

1848

Скульптору

Как у себя я в твоей мастерской, о, ваятель-художник!
Как-то привольно душе меж богов и героев;
Молод я сердцем тогда, говорю откровенный речи,
К детству людей возвращаюсь, сближаюсь с природой.

Как ты искусно поставил свою Афродиту и Вакха
В зелени темной плюща между гроздий и миртов!
Кажется, будто Киприда ко мне простирает объятья,
В полном блистаньи своей красоты всепобедной;
Хочет сойти с пьедестала и Вакх-Дионис вечно-юный,
Дружески руку пожать мне, приветствуя юность,
Что низошла на меня в созерцаньи твоих изваяний...

Сколько спокойствия в этих сияющих лицах,
Сколько довольства и жизни, себя навсегда уяснившей!...
Добрый художник! Я знаю, что близок ты к музам, —
Им помолись за меня, — да пошлют мне покой и довольство
В душу больную, в изрытое ранами сердце,

Да утолю я навеки немолчно-зовущую жажду
К истинам мира, да вижу я всё без страданий,
Мудро на лоне покоясь ничем не смущаемой мысли.

1851

Симпатии

«Вся жизнь человеческая имеет нужду в ритме и гармонии».
«Протагор» Платона

Вечером мир низлетает на землю...
Девственно-ясен румянец заката;
Грежу я, чувствую, мыслю и внемлю:
Всюду я радостно вижу иль друга, иль брата.

Птицы заснули на ветках древесных,
В сон погрузилась семья насекомых,
Много зажглося в пространствах небесных
Звезд, мне из раннего детства родных и знакомых.

Дремлют цветы в ветерке благодатном,
Сны свои мне говорят и мечтанья
На языке ароматов понятном —
Речью одною из тысяч речей мирозданья.

Грезы свои распевает цикада —
Ей, наклонившись, колосья внимают:
Весело прыгает резвое стадо —
Им потревожены, пташки пугливо порхают.

Стройная музыка тайно сокрыта,

Всё проникая в подлунной собою, —
То, что сиянием солнца облито,
Что освещается томно Дианой ночною.[1364]

Звуком ответным всему пламенел я,
Жаждая в общей гармонии слиться;
Страстно душою прозревшей летел я
В вечное лоно любви мировой погрузиться.

Чувством широким тогда обнимаю
Сродную жизнь и стремленье всех сущих,
Маленький мир их любви открываю
В сердце летающих, в крошечной гру́ди ползущих.

Всё, что цветет и ползет, и летает,
Долю имеет свою в наслажденьи, —
Всё и заботы, и радости знает,
Мчится и тонет со мною в житейском волненьи.

1852

Утреннее впечатление

Расцветшей зарею
Сокровищ рассыпано много:
Всё тонет в лучах предо мною...
Я чую прозревшей душою
Повсюду живущего Бога...

[1364] Т. е. луной. *Диана* — богиня луны (совпадает в этой своей ипостаси с богиней луны Селеной).

И лик мирозданья
Мне плотию духа прекрасной
Является в перлах сиянья —
Средь песен, любви, ликованья,
С улыбкою женственно-ясной.

Я, жаждая тени,
Спущуся в долину глубоко,
Где бродят, скрываясь, олени,
Отдаться и грезам, и лени,
Под лепет ветвей и потока...

И тихой стопою
Я буду на горы взбираться:
Боюсь раздавить я ногою
Червя, что ползет под травою
Сияньем тепла наслаждаться;

Исполнен вниманьем
Для всякой летающей крошки,
И груди сдержав колыханье,
В себя не втяну я дыханьем
В лучах затерявшейся мошки.

1854

Мы

У нас чужая голова,
А убежденья сердца хрупки:

Мы — европейские слова
И азиатские поступки.

1860

Лето на острове Уайте

Я б с тоски бежал отсюда,
Если б здесь мне моря шум,
Резкий дождик, бьющий в стекла,
Не дарили прежних дум.

Ветра вой и гул, и взвизги,
Да лучи сквозь сумрак дня,
Здесь, в Британии далекой,
Тем отрадны для меня,

Что в смешеньи этих звуков,
Под туманом я живу,
Убаюканный природой,
Грежу Русью наяву...

Лишь они мне здесь родные,
Лишь от них мне есть привет:
Я в них вижу много, много
Русской осени примет,

Что хандру мне наводила
Темной ночью, серым днем,
Что мне раны растравляла

В сердце страждущем моем;

А теперь, и в пору лета,
И в отзвучиях своих,
Льет елей на раны сердца,
Умягчая боли их...

1861

Николай Некрасов (1821—1878)

В дороге

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи —
Буду, братец, за всё благодарен».

«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,

На варгане играть[1365] и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши,
Вид вальяжный[1366] имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородной
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка),
Да, знать, счастья ей Бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души[1367]
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрубила ему
В чем-нибудь, али напросто тесно
Вместе жить показалось в дому,

[1365] *Варган* — искаженное слово «орган»; здесь, очевидно, подразумевается пианино.
[1366] *Вальяжный* — красивый, величественный.
[1367] Т. е. проверил списки своих крепостных крестьян.

Понимаешь-ста, нам неизвестно.
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тяглó[1368] — да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спори́лось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утешишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,[1369]
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет как шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет всё глядит
Да читает какую-то книжку...

[1368] *Тя́гло* — трудоспособная крестьянская семья (муж с женой), которая принималась за хозяйственную единицу в имении помещика и которая обязана была отработать на барщине или выполнить установленную норму оброка.
[1369] *Коты́* — здесь: род женских полусапожек.

Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно ба́рченка, каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна[1370] —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит Бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...»

«Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..»

1845

Колыбельная песня

(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою,

[1370] *Толокно́* — мука из поджаренного (предварительно заваренного) очищенного овса.

Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темно-зеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!

Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.[1371]
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

1845

Перед дождем

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

[1371] *Охулка* — хула, осуждение; только в выражении: охулки на руку не класть или не положить (разг. фам.) — не упускать своей выгоды, интереса, не зевать, не ошибаться в чем-нибудь.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перёд закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит…

1846

Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

Псовая охота

Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и вселяются разные пороки.
(Реутт, Псовая охота)

1

Сторож вкруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья — и жалобно стонет...

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули все — до грудного мальчишки.

Вот, при дрожащем огне фонарей,
Движутся длинные тени псарей.

Крик, суматоха!.. ключи зазвенели,
Ржавые петли уныло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит — седлай поскорей!

В синих венгерках на заячьих лапках,
В остроконечных, неслыханных шапках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу,
Любо глядеть — молодец к молодцу!

Хоть и худéньки у многих подошвы —
Да в сертуках зато желтые прошвы,[1372]

Хоть с толокна животы подвело —
Да в позументах[1373] под каждым седло,

Конь — загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник[1374] и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,

Грозен осанкой и пышен нарядом,
Молча поводит властительным взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
«Змейка[1375] издохла, в забойке Набат,

Сокол сбесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завилял.

2

В строгом порядке, ускоренным шагом

[1372] *Прошва* — прошивка, узкая полоска кружева, ткани или кожи, вшитая, вставленная между чем-нибудь.
[1373] *Позумент* — тесьма, обычно шитая золотом или серебром, галун.
[1374] *Арапник* — длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.
[1375] *Змейка, Набат, Сокол, Хандра, Нахал* и далее употребляющиеся в этой пьесе названия — *Свирепп, Терзай, Ругай, Угар, Замашка, Победка* — собачьи клички. (Здесь и далее — примечания Некрасова.)

Едут псари по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом —
Дым поднимается к небу столбом,

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп[1376] скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
«Глянь-ко, собаки!» — ребята кричат...

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,

А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псари
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не насладился из них не единый.

[1376] Так называется снаряд особого устройства, имеющий в спокойном положении форму неправильного треугольника. С помощью этого снаряда в некоторых наших деревнях достают воду из колодцев, что производится с раздирающим душу скрипом.

«В Банники,[1377] — крикнул помещик, — набрось![1378]»
Борзовщики разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
В острове скрылся крикун-доезжачий.

Горло завидное дал ему Бог:
То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «Добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заорет: «Го-го-го! — ту!-ту!!-ту!!!»
Вот и нашли — залились на следу.

Варом-варит[1379] закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!

[1377] *Банники* — название леска.

[1378] *Набрасывать* — техническое выражение: спускать гончих в остров для отыскания зверя (остров — отъемный лес, удобный, по положению своему, для охотников). Набрасывает гончих обыкновенно так называемый доезжачий; бросив в остров, он поощряет их порсканьем (порскать — значит у охотников криками понуждать гончих к отысканию зверя и подбивать всю стаю на след, отысканный одною) и вообще содержит в неослабном повиновении своему рогу и арапнику. Помощник его называется подъезжим. При выезде из дому или переходе от одного острова к другому соблюдается обыкновенно такой порядок: впереди доезжачий, за ним стая гончих, а за нею подъезжий, всегда готовый с криком: «В кучу» хлестнуть арапником собаку, отбившуюся от стаи, — а за ним уже барин и остальные борзовщики. Обязанность борзовщика — стеречь зверя с борзыми близ острова, переменяя место по направлению движения стаи. В уменье выбрать хорошую позицию, выждать зверя, выгнанного наконец гончими из острова, хорошо принять его (т. е. вовремя показать собакам) и хорошо потравить — заключается главная задача охотника и великий источник его наслаждения.

[1379] *Варом-варит* — техническое выражение, употребляется, когда гонит вся стая дружно, с неумолкающим лаем и заливаньем, что бывает, когда собаки попадут на след только что вскочившего зайца (называемый горячим следом) или когда зверь просто у них в виду. В последнем случае говорится: гонят по зрячему, и гон бывает в полном смысле неистовый. При жарком и дружном гоне хорошо подобранной стаи голоса гончих сливаются в довольно стройную и не чуждую дикой приятности гармонию, для охотников ни с чем не сравнимую.

Однопометников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

3

Ближе и лай, и порсканье, и крик —
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещичьей воле!

Через ручьи, буераки и рвы
Бешено мчится: не жаль головы!

В бурных движеньях — величие власти,
Голос проникнут могуществом страсти,

Очи горят благородным огнем —
Чудное что-то свершилося в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крёз за мильоны не купит!

Буйная удаль не знает преград,
Смерть иль победа — ни шагу назад!

Смерть иль победа! (Но где ж, как не в буре,
И развернуться славянской натуре?)

Зверь отседает[1380] — и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке.

Зверя поймали — он дико кричит,
Мигом отпазончил,[1381] сам торочит,[1382]

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост отирает доспехи

И замирает, главу преклоня
К шее покрытого пеной коня.

4

Много травили, много скакали,
Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свиреп и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

[1380] *Зверь отседает* — говорят, когда заяц, уже нагнанный борзыми, вдруг оставляет их далеко за собою, обманув неожиданным уклонением в сторону, прыжком вверх или другим каким-нибудь хитрим и часто разительным движением. Иногда, например, он бросается просто к собакам; собаки с разбега пронесутся вперед, и, когда попадут на новое направление зайца, он уже далеко.
[1381] *Отпазончить* — отрезать задние лапы в среднем суставе.
[1382] *Торочить, приторачивать* — привязывать зайца к седлу, для чего при охотничьих седлах находятся особенные ремешки, называемые тороками.

Следом за ними Угар и Замашка —
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сечь,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

Рёвма-ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, животина!»
Не унимается бойкий детина.

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил — и валится в ноги мужик.

Барин отъехал — мужик встрепенулся,
Снова ругается; барин вернулся,

Барин арапником злобно махнул —
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетеним дубьем
Вместе с горластым твоим холуем!»

Но уже барин сердитый не слушал,
К стогу подсевши, он рябчика кушал,

Кости Нахалу кидал, а псарям
Пе́редал фляжку, отведавши сам.

Пили псари — и угрюмо молчали,
Лошади сено из стога жевали,

И в обагренные кровью усы
Зайцев лизали голодные псы.

5

Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают и травят без счету.

Время меж тем незаметно идет,
Пес изменяет, и конь устает.

Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполовину,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

Слезли с коней; поджидают у стога,
Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов

Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе чрез мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей —

Рады борзые, довольны тявкуши:[1383]
В воду залезли по самые уши!

В поле завидев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарей...

Вот наконец добрались до ночлега.
В сердце помещика радость и нега —

Много загублено заячьих душ.
Слава усердному гону тявкуш!

Из лесу робких зверей выбивая,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал, —
Ты словно ветер пустынный летал!

Слава тебе, резвоножка Победка!
Бойко скакала, ловила ты метко!

[1383] *Тявкуша* — то же, что гончая, иногда также называются выжлецами (в женск. — выжловка); от этого слова доезжачий, заправляющий ими, называется еще *выжлятником.*

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятнику, слава псарям!

6

Выпив изрядно, поужинав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно,

Завтра велит себя раньше будить.
Чудное дело — скакать и травить!

Чуть не полмира в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седин молодые порывы
В нем сохранятся, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит.

1846

* * *

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;

Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоем совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
«Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут,

Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

Август 1847

* * *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понурив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

1847

* * *

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной
Постыдное бессилие раба!

Ей всё равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, ненависть, любовь, —
Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогревала кровь.

Я жду... но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом... и та,
Которая воззвать могла бы к свету, —
Как будто смерть сковала ей уста!

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие, напряженные глаза —
И, кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

1848

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;[1384]
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

[1384] Сенная площадь в Санкт-Петербурге.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

1850

На улице

1. Вор

Спеша на званый пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрогнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач
И, бросясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сертуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моленья и испуга...
Пришел городовой, подчаска[1385] подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгой,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
И Богу поспешил молебствие принесть
За то, что у меня наследственное есть...

2. Проводы

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И всё просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,

[1385] *Подчасок* — помощник часового на посту.

Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.

Сивка дернул дровнишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

3. Гробок

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитятко,
То и дело говорилося:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родилося?»

4. Ванька

Смешная сцена! Ванька-дуралей,
Чтоб седока промыслить побогаче,
Украдкой чистит бляхи на своей
Ободранной и заморенной кляче.
Не так ли ты, продажная краса,
Себе придать желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове, давно полуплешивой?

Но оба вы — извозчик-дуралей
И ты, смешно причесанная дама,—
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

1850

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир — и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участья…

1851

* * *

Блажен незлобивый поэт,

В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:

Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

Конец февраля 1852

В деревне

1

Право, не клуб ли вороньего рода
Около нашего нынче прихода?
Вот и сегодня... ну, просто беда!
Глупое карканье, дикие стоны...
Кажется, с целого света вороны

По вечерам прилетают сюда.
Вот и еще, и еще эскадроны...
Рядышком сели на купол, на крест,
На колокольне, на ближней избушке, —
Вон у плетня покачнувшийся шест:
Две уместились на самой верхушке,
Крыльями машут... Всё то же опять,
Что и вчера... посидят, и в дорогу!
Полно лениться! ворон наблюдать!
Черные тучи ушли, слава Богу,
Ветер смирился: пройдусь до полей.
С самого утра унылый, дождливый,
Выдался нынче денек несчастливый:
Даром в болоте промок до костей,
Вздумал работать, да труд не дается,
Глядь, уж и вечер — вороны летят...
Две старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорят...

2

«Здравствуй, родная». «Как можется, кумушка?
Всё еще плачешь, никак?
Ходит, знать, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяин-большак?»[1386]
«Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душенька ноет, болит...
Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыт!

[1386] *Большак* — глава семьи, старший в доме; хозяин.

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплошал!
Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень;[1387]
Умер, Касьяновна, умер, болезная,—
Вот уж тринадцатый день!

Шкуру с медведя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Савушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна, —
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин...
Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадется ли сын?
Взял бы топорик — беда поправимая, —
Мать бы утешил свою...
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Надо ль? топор продаю.

[1387] *Косая сажень* в плечах — о широкоплечем человеке (от старой меры длины — от носка правой ноги до конца среднего пальца вытянутой кверху левой руки).

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка, —
Даром ружье пропадет!

Веришь, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!
Лягу в каморку, покроюсь тенетами,[1388]
Словно как саваном... Нет!
Смерть не приходит... Брожу нелюдимая.
Попусту жалоблю всех...
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Эх! кабы только не грех...

Ну, да и так... дай Бог зиму промаяться, —
Свежей травы мне не мять!
Скоро избенка совсем расшатается,
Некому поле вспахать.
В город сбирается Марья Романовна,
По миру сил нет ходить...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,
И не велел долго жить!»

3

[1388] *Тенёта* — сеть для ловли зверей.

Плачет старуха. А мне что за дело?
Что и жалеть, коли нечем помочь?..
Слабо мое изнуренное тело,
Время ко сну. Недолга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свету надо покрепче уснуть...
Вот и вороны готовы к отлету,
Кончился раут[1389]... Ну, трогайся в путь!
Вот поднялись и закаркали разом.
— Слушай, равняйся! — Вся стая летит:
Кажется, будто меж небом и глазом
Черная сетка висит.

Весна 1854

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

[1389] *Раут* — званый вечер без танцев.

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
«Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою».

22—25 ноября 1854

Влас

В армяке с открытым воротом,[1390]
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная:
Просит он на Божий храм, —
Весь в веригах,[1391] обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было: побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного

[1390] *Армяк* — в старину у крестьян: кафтан из толстого сукна.
[1391] *Вериги* — тяжелые железные цепи, обручи и т. п., носимые на голом теле христианскими аскетами с целью «умерщвления плоти».

Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кащеем-мужиком;[1392]
Нрава был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще всё неможется.
Год прошел — а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,[1393]
Видел грешников в аду;

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
И как углие глаза,

[1392] *Кащей, кощей* — очень скупой человек, скряга.
[1393] *Светопреставление* — (христианском вероучении) конец, гибель мира.

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр шестокрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел...

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял Господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И сбирать на построение
Храма Божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело Божие ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой всё говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, —

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной...

1855

Свадьба

В сумерки в церковь вхожу. Малолюдно,
Светят лампады печально и скудно,
Темны просторного храма углы;
Длинные окна, то полные мглы,
То озаренные беглым мерцаньем,
Тихо колеблются с робким бряцаньем.
В куполе темень такая висит,
Что поглядеть туда — дрожь пробежит!
С каменных плит и со стен полутемных
Сыростью веет: на петлях огромных
Словно заплакана тяжкая дверь...

Нет богомольцев, не служба теперь —
Свадьба. Венчаются люди простые.
Вот у налоя[1394] стоят молодые:
Парень-ремесленник фертом,[1395] глядит,
Красен с лица и с затылка подбрит —
Видно: разгульного сорта детина!
Рядом невеста: такая кручина
В бледном лице, что глядеть тяжело...
Бедная женщина! Что вас свело?

[1394] *Налой* — род церковной утвари, высокий столик для книг и икон, перед которым совершался свадебный обряд.
[1395] *Ферт* — старинное название буквы «Ф»; (*прост. презр.*) самодовольный, развязный и обычно франтоватый человек. Ходить *фертом*— ходить, подперев руками бока, вести себя самодовольно.

Вижу я, стан твой немного полнее,
Чем бы... Я понял! Стыдливо краснея
И нагибаясь, свой длинный платок
Ты на него потянула... Увлек,
Видно, гуляка подарком да лаской,
Песней, гитарой да честною маской?
Ты ему сердце свое отдала...
Сколько ночей ты потом не спала!
Сколько ты плакала!.. Он не оставил,
Волей ли, нет ли, он дело поправил —
Бог не без милости — ты спасена...
Что же ты так безнадежно грустна?

Ждет тебя много попреков жестоких,
Дней трудовых, вечеров одиноких:
Будешь ребенка больного качать,
Буйного мужа домой поджидать,
Плакать, работать — да думать уныло,
Чтó тебе жизнь молодая сулила,
Чем подарила, чтó даст впереди...
Бедная! лучше вперед не гляди!

29 марта, 23 апреля 1855

* * *

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткою ум, —

Что недуг, мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит —
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам пошел бы... Но сон освежит —

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить
И о близости темной могилы
Так же внятно душе говорить...

Апрель 1855

* * *

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои — плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Сокрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,
Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

Весна 1855

* * *[1396]

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоет —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

[1396] Из поэмы «Саша».

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгинуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую Музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

1855

Забытая деревня

1

У бурмистра[1397] Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: «Нет лесу, и не жди — не будет!»
«Вот приедет барин — барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», — думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец[1398] жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне. — Скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хором...

4

Умерла Ненила; на чужой землице

[1397] *Бурмистр* — (при крепостном праве) староста, назначенный помещиком.
[1398] *Лихоимец* — берущий слишком большие поборы или проценты; взяточник, ростовщик.

У соседа-плута — урожай сторицей;
Прежние парнишки ходят бородаты;
Хлепопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит.
Барина всё нету... барин всё не едет!

5

Наконец однажды середи дороги
Шестернею цугом[1399] показались дроги:
На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер.

2 октября 1855

* * *

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

[1399] *Цуг* — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно; езда цугом была привилегией богатых и знатных господ.

Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрожденья!
Я звал тебя — во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

3 декабря 1855

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы

Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1855 или 1856

Школьник

— Ну, пошел же, ради Бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
— Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха

Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных

И напыщенных собой!

Лето 1856

* * *

В столицах шум, гремят витии,[1400]
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

1857

Тишина

1

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,

[1400] *Витии* — оратор, красноречивый человек.

И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиленьи посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозою выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенек тишину,
И нив широкие размеры...
Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,

Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слыхали
Ни римский Петр,[1401] ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

4

А тройка всё летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей

[1401] Т. е. храм Св. Петра в Риме.

И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листами!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни Божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.

Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.

Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И Богу уступай — не споря...

1856—1857

* * *

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

1858

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,

Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектёры,[1402] искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,

[1402] *Прожектёр* — составитель неосуществимых проектов, прожектов.

И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его Бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкопёров[1403] забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!

[1403] *Щелкопёр* — бумагомаратель, писака.

Безмятежней аркадской идиллии[1404]
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля

[1404] *Аркадия* — греческая провинция на юге Древней Греции (на полуострове Пелопоннес), жители которой занимались преимущественно пастушеством — и потому считалось, что они отличаются простотой и невинностью нравов; (в переносн. знач.) счастливая, простая, тихая жизнь.

И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином,[1405] под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурла́ки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,

[1405] *Овин* — строение для сушки снопов перед молотьбой.

И духовно навеки почил?..

1858

Песня Еремушке

«Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодицами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная и праздная
Жизнь покатится шутя...»
«Эка песня безобразная!
Няня! дай-ка мне дитя!»

«На, родной! да ты откудова?»
«Я проезжий, городской».
«Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

«Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
— Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь ои проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь Божьею грозой...

И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

1859

На Волге[1406]

3

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь.
Всё тот же виден монастырь
На острову, среди песков,

[1406] Стихотворение приводится не полностью.

И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки[1407] дремлют над водой,
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо
Вот догоню!..» Догнал, поймал.
И поцелуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

[1407] *Рыбалка* — стрекоза.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услыхал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...

Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал. — Когда б попасть
Хоть на Илью...» — «Авось придем,
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. — Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще...»
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,

С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,

Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что́ я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы — наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Всё ту же песню ты поешь,
Всё ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца...
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!

Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертию не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, безвестно пропадешь.
Так заметается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «раз да два!»
С болезненным припевом «ой»!
И в такт мотая головой...

1860

Рыцарь на час

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава Богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка.
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запевает...

Я советую гнать ее прочь —
Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета

Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что как иней к земле прилегли, —
Всё отчетливо видно: далече
Протянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов, —
Всё доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!

Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, Божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,

На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит Бога о ведряном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов,
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен, — всё живет предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидать я и той,

Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилася!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость Бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои

Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная, —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебно светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клевещут язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,

Я на всё безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилася,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билося,
Что умел он любить...
.....
(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Всё в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?

Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролось,
Всё луч бледного утра спугнул.
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе,
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»

1860—1862

Плач детей

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую по́ру малолетства
Всё живое — счастливо живет,

Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелося
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, всё кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —
Всё и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:
«Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!»
Бесполезно плакать и молиться —
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться, —
Но зачем идем мы и туда?..

Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

1860

* * *

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведряный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

1861

* * *[1408]

[1408] Из: «Крестьянские дети».

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово парнище!» «Ступай себе мимо!»
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?»
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
«Так вон оно что! А как звать тебя?» «Власом».
«А кой тебе годик?» «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни,[1409] и хворост, и легонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —

[1409] *Дровни* — крестьянские сани без кузова для перевозки дров, грузов.

Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

1861

Слезы и нервы

О слезы женские, с придачей
Нервических, тяжелых драм!
Вы долго были мне задачей,
Я долго слепо верил вам
И много вынес мук мятежных.
Теперь я знаю наконец:
Не слабости созданий нежных, —
Вы их могущества венец.
Вернее закаленной стали
Вы поражаете сердца.
Не знаю, сколько в вас печали,
Но деспотизму нет конца!
Когда, бывало, предо мною
Зальется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутренно озлоблен я.
Пока она дрожит и стонет,

Лукавлю праздною душой:
Язык лисит, а глаз шпионит
И открывает... Боже мой!
Зачем не мог я прежде видеть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоит ненавидеть...
О ней не стоит говорить...
Скажи «спасибо» близорукой,
Всеукрашающей любви
И с головы с ревнивой мукой
Волос седеющих не рви!
Чем ты был пьян — вином поддельным
Иль настоящим — всё равно;
Жалей о том, что сном смертельным
Не усыпляет нас оно!

Кто ей теперь флакон подносит,
Застигнут сценой роковой?
Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке
И «ты свободен!» говорит?
Кто боязливо наблюдает,
Сосредоточен и сердит,
Как буйство нервное стихает
И переходит в аппетит?
Кто ночи трудные проводит,
Один, ревнивый и больной,

А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгуя дорогой?
Кто говорит: «Прекрасны оба» —
На нежный спрос: «Который взять?» —
Меж тем как закипает злоба
И к черту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
С ее коварным: «C’est joli!»[1410]
И даже милую с вопросом...
Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку,
И, увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку
И рабства темное клеймо?..

1861

* * *[1411]

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
Песня

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,

[1410] Прелестно (франц.).
[1411] Из: «Коробейники».

А завижу черноокую —
Все товары разложу.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

1861

* * *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени

Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые

С кислым кваском пополам?..

Начало 1863

* * *

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, — в просторе свободы

Всё в гармонию жизни слилось.

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

1863

Орина мать солдатская

День-деньской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница...
(Из народной песни)

Чуть живые в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава Богу, добираемся.

«Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая эта думушка!

Посетила ли кручинушка?

Молви — может, и размыкаю». —
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...»

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
«Да с чего же привязалася
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?..»
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри как шелкóвые...»

И опять молчит несчастная...
«Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?»

— «Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — Богу обреченную!

Говорить — гневить Всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает Бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую обхаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался.
«Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости» —

И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращалися...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артику́л[1412] ружьем выкидывал
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

[1412] *Арти́кул* — статья, глава; артикул, воинский устав, уложение; ружейные приемы, хватка.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие![1413]
Ваше!..» Вижу, задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли Бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...»

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

1863

* * *[1414]

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,

[1413] *Ваше благородие* — титулование обер-офицерских и равных им гражданских чинов; общее обращение к дворянину.
[1414] Из: «Мороз, Красный нос».

С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,

Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!»
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,

У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогой —
Вольнó ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознанье,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И пó сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

1863

* * *[1415]

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

1863

[Два отрывка из поэмы «Мороз, Красный нос»: старик-отец хоронит Прокла, Дарья (молодая вдова Прокла) замерзает в лесу]

*

[1415] Из: «Мороз, Красный нос».

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,

И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась…

Могила на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)
Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел… по дороге шагает…
Нет солнца, луна не взошла…
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла…

*

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко бесстрастный… Но вот
Послышался шорох случайный —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгну́в по сосне,
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне…

1863

Железная дорога

Ваня
(в кучерском армячке)
Папаша! кто строил эту дорогу?
Папаша
(в пальто на красной подкладке)
Граф Петр Андреич Клейнмихель, душенька!
Разговор в вагоне

1

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

2

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,

Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные,
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цынгой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...

Всё претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит

И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что Господь ни пошлет!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

3

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный,—
Ваня сказал, — тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и *он* мне сказал:
«Вот они — нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!

«Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал!»
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

«Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...»

4

«Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.

Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной.
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот поди ты!..» — махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..

С Богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю...»*

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:

С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

1864

До сумерек[1416]

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру — холеру — холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокую сцену, —
Полицейский, не в меру сердит,

[1416] Из: «О погоде. Уличные впечатления».

Тесаком,[1417] как в гранитную стену,
В спину бедного Ваньки[1418] стучит.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вот сильней, — видно, треснули вновь...
Стали греться — догрелись до драки
Два калашника...[1419] хохот — и кровь!

2

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» — погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) —
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,

[1417] *Тесак* — один из видов боевого оружия в царской армии, род большого кинжала с прямым широким клинком.
[1418] *Ванька* — извозчик.
[1419] *Калашник* — пекарь, пекущий калачи.

Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился — и думал уныло:
«Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа, —
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился —
Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась — и пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилья,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

3

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,

Не жалею: я истинный росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
Лошадей... Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжко и глухо
Подвигает орудья свои.
Всё молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

6

Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,
Снег лепешками крупными валится!
Город начал пустеть — и пора!
Только бедный да пьяный шатаются,
Да близ медной статуи Петра,
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней
И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей.
Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня?.. Жалей не жалей,
Перемелется — дело привычное!

Злость-тоску мужики на лошадках сорвут,
Коли денежки есть — раскошелятся
И кручинушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделятся!
По ведерочку слез на сестренок уйдет,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет —
И без меры возьмет — что останется!

10 февраля 1859

Эй, Иван!

(Тип недавнего прошлого)

Вот он весь, как намалеван,
Верный твой Иван:
Неумыт, угрюм, оплеван,
Вечно полупьян;
На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд.
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат;
Вечно теплая шапчонка
Вся в пуху на нем,
Туго стянут сертучонко
Узким ремешком;
Из кармана кончик трубки
Виден да кисет.
Разве новенькие зубки
Выйдут — старых нет...

Род его тысячелетний
Не имел угла —
На запятках и в передней
Жизнь веками шла.
Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают:
Шьет, кует, варит, строгает,
Не потрафил — бьют!
«Заживет!» Грубит, ворует,
Божится и врет
И за рюмочку целует
Ручки у господ.
Выпить может сто стаканов —
Только подноси...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?..

«Эй, Иван! иди-ка стряпать!
Эй, Иван! чеши собак!»
Удалось Ивану сцапать
Где-то четвертак,
Поминай теперь как звали!
Шапку набекрень —
И пропал! Напрасно ждали
Ваньку целый день:
Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур
(Он же тайный похититель
Индюков и кур),

У корчемника Игнатки
Приютился плут,
Две пригожие солдатки
Так к нему и льнут.
«Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живей!»
В Ваньке пляшут все суставы
С ног и до ушей,
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе —
Жизнь недорога!

Утром с барином расправа:
«Где ты пропадал?»
«Я... нигде-с... ей-богу... право...
У ворот стоял!»

«Весь-то день?»... Ответы грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били в зубы,
Нет — трещит скула.
«Виноват!» — порядком струся,
Говорит Иван.
«Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!»

Ванька снова лямку тянет,
А потом опять
Что-нибудь у дворни стянет...

«Неужли плошать?
Коли плохо положили,
Стало, не запрет!»
Господа давно решили,
Что души в нем нет.
Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с петли,
Перед тем грустил.
Господам конфузно было:
«Что с тобой, Иван?»
«Так, под сердце подступило», —
И глядят: не пьян!
Говорит: «Вы потеряли
Верного слугу,
Всё равно — помру с печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки
Петли не снимать»...
Сам помещик выслал водки
Скуку разогнать.
Пил детина ерофеич,[1420]
Плакал да кричал:
«Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал!»...

Как мертвецки накатили,
В город тем же днем:

[1420] *Ерофеич* — старинная водка, настоенная на различных душистых травах. (По имени изобретателя способа ее приготовления.)

«Лишь бы лоб ему забрили —
Вешайся потом!»

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своих господ
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьет.
Хоть бы в каторгу урода —
Лишь бы с рук долой!
К счастью, тут пришла свобода:
«С Богом, милый мой!»
И, затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе?
Где ты?.. Эй, Иван!

1867

* * *

Наконец не горит уже лес,
Снег прикрыл почернелые пенья,
Но помещик душой не воскрес,
Потеряв половину именья.

Приуныл и мужик. «Чем я буду топить?» —

Говорит он, лицо свое хмуря.
«Ты не будешь топить — будешь пить», —
Завывает в ответ ему буря...

1868

Утро

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;

Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Повезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводненье столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.[1421]

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем эта́же раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

1874

* * *[1422]

[1421] Орденом Святой Анны 1-й степени награждались исключительно генералы.
[1422] Из: «Уныние» (последняя строфа).

День свечерел. Томим тоскою вялой,
То по лесам, то по лугу брожу.
Уныние в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу.
Вот дождь пошел и гром готов уж грянуть,
Косцы бегут проворно под шатры,
А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись в лугах костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычке повинуясь,
Пишу стихи и, недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье,
На северном пустынном берегу...

5—12 июля 1874

Пророк

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

Август 1874

Сеятелям

Сеятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
    Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
    Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупицами,
    Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
    Русский народ...

Декабрь 1876

* * *[1423]

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, —
Каким идти?

Одна просторная
Дорога — торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выспренней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бренные...
Там души пленные

[1423] Эта песня и следующая за ней — из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.

За обойденного,
За угнетенного,
Стань в их ряды.

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Там нужен ты!

1877

Русь

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,

Матушка Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется

Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!

1877

Баюшки-баю

Непобедимое страданье,
Неумолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: умрем! конец надежде!
Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
Стучит... смолкает... и затих...
И нет ее, моей всесильной,
И изменил поэту стих.
Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:

«Пора с полуденного зноя!

Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прийми трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы
Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы.

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвенья:

Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

3 марта 1877

* * *

Великое чувство! У каждых дверей,
В какой стороне ни заедем,
Мы слышим, как дети зовут матерей,
Далеких, но рвущихся к детям.
Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем, —
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

Конец 1877

* * *

О муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —

Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную музу...

Декабрь 1877

Аполлон Майков (1821—1897)

Сон

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге отражаясь, —
Иду я под родной соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов;
И там, в урочный час, с улыбкой уст приветных,
В венце дрожащих звезд и маков темноцветных,
С таинственных высот, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,

Сияньем палевым главу мне обливает
И очи тихою рукою закрывает,
И, кудри подобрав, главой склонясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тишине.

1839

Поэзия

Люби, люби камеи, кури им фимиам!
Лишь ими жизнь красна, лишь ими милы нам
Панорма[1424] небеса, Фетиды блеск неверный,[1425]
И виноградники богатого Фалерна,[1426]
И розы Пестума,[1427] и в раскаленный день
Бландузия кристалл, и мир его прохлады,[1428]
И Рима древнего священные громады,
И утром ранний дым сабинских деревень.[1429]

1840

Барельеф

Вот безжизненный отрубок
Серебра: стопи его

[1424] *Панорм* — город-гавань в западной части северного берега Сицилии, при впадении реки Орефа, основанный финикиянами, н. Палермо.
[1425] *Фетида* (греч. Миф.) — морская богиня (здесь — олицетворение моря).
[1426] *Фалерн* — область в Италии (в северной Кампании), которая была известна как *ager Falernus* (лат. *Фалернская земля*), а также название древнеримского вина (янтарного цвета), производившегося в этой области.
[1427] Розы Пестума упоминаются в «Георгиках» Вергилия: «Пышные сады и розарии Пестума <...>, дважды в год цветущие...» (IV, 119—120).
[1428] *Бландузий* — ручей в имении Горация. Строка отсылает к оде Горация, посвященной этому ручью.
[1429] *Сабины* — горная страна в юго-западной части Апеннин. Здесь было имение Горация.

И вместительный мне кубок
Слей искусно из него.
Ни кипридиных голубок,
Ни медведиц, ни плеяд[1430]
Не лепи по стенкам длинным.
Отчекань: в саду пустынном,
Между лоз, толпы менад,
Выжимающих созрелый,
Налитой и пожелтелый
С пышной ветки виноград;
Вкруг сидят умно и чинно
Дети возле бочки винной;
Фавны с хмелем на челе;
Вакх под тигровою кожей
И силен румянорожий[1431]
На споткнувшемся осле.

Октябрь 1842

* * *

На дальнем Севере моем
Я этот вечер не забуду.
Смотрели молча мы вдвоем
На ветви ив, прилегших к пруду;
Вдали синел лавровый лес
И олеандр блестел цветами;
Густого мирта был над нами

[1430] *Плеяды* (греч. миф.) — семь сестер, дочери Атланта, превращенные в созвездие.
[1431] *Силен* (греч. миф.) — демон, сын Гермеса, наставник Диониса. Древние представляли его в виде пьяного, добродушного, толстого, лысого старика.

Непроницаемый навес;
Синели горные вершины;
Тумана в золотой пыли
Как будто плавали вдали
И акведуки, и руины...
При этом солнце огневом,
При шуме водного паденья,
Ты мне сказала в упоенье:
«Здесь можно умереть вдвоем...»

1844

* * *[1432]

Друзья! нам смерть страшна лишь чем?
Всё кажется, что не совсем,
Не разом мы умрем,

Что будем видеть мы свой труп,
Улыбку неподвижных губ,
Глаза с тупым зрачком;

А мухи стаей по лицу,
Без уваженья к мертвецу,
И по́ лбу поползут;

И с содроганьем от тебя
Родные, близкие, друзья
В испуге отойдут...

[1432] Из лирической драмы «Три смерти».

Что даже из земли сырой
За резвой жизнию земной
Следить твой будет слух;

И между тем как над тобой
Весна покров расстелет свой
И запестреет луг —

Червь на тебя уж нападет
И жадно есть тебе начнет
И щеки, и бока...

И будешь вечно рваться ты
На свет из душной темноты —
Да крышка-то крепка!

Но, смертный, знай: твой тщетен страх.
Ведь на твоих похоронах
Не будешь зритель ты!

Ведь вместе с дружеской толпой
Не будешь плакать над собой
И класть на гроб цветы;

По смерти стал ты вне тревог,
Ты стал загадкою, как бог,
И вдруг душа твоя,

Как радость, встретила покой,

Какого в жизни нет земной, —
Покой небытия!

1851

* * *

Еще я полн, о друг мой милый,
Твоим явленьем, полн тобой!..
Как будто ангел легкокрылый
Слетал беседовать со мной, —

И, проводив его в преддверье
Святых небес, я без него
Сбираю выпавшие перья
Из крыльев радужных его…

1852

Пейзаж

Люблю дорожкою лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист

И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь, как будто по водам, —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные, спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалека...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет...
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя.
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

1853

* * *

Весна! Выставляется первая рама —
    И в комнату шум ворвался,
    И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

Мечтания

Пусть пасмурный октябрь осенней дышит стужей,
Пусть сеет мелкий дождь или порою град
В окошки звякает, рябит и пенит лужи,
Пусть сосны черные, качаяся, шумят,
И даже без борьбы, покорно, незаметно,
Сдает угрюмый день, больной и бесприветный,
Природу грустную ночной холодной мгле, —
Я одиночества не знаю на земле.
Забившись на диван, сижу; воспоминанья
Встают передо мной; слагаются из них
В волшебном очерке чудесные созданья
И люди движутся, и глубже каждый миг
Я вижу души их, достоинства их мерю
И так уж наконец в присутствие их верю,
Что даже кажется, их видит черный кот,
Который, поместясь на стол, под образами,
Подымет морду вдруг и желтыми глазами
По темной комнате, мурлыча, поведет...

1855

Рыбная ловля

Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. Л. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и всем понимающим дело

Себя я помнить стал в деревне под Москвою.
Бывало, ввечеру поу́дить карасей
Отец пойдет на пруд, а двое нас, детей,
Сидим на берегу под елкою густою,
Добычу из ведра руками достаем
И шепотом о ней друг с другом речь ведем...
С летами за отцом по ручейкам пустынным
Мы стали странствовать... Теперь то время мне
Является всегда каким-то утром длинным,
Особым уголком в безвестной стороне,
Где вечная заря над головой струится,
Где в поле по росе мой след еще хранится...
В столицу приведен насильно точно я;
Как будто, всем чужой, сижу на чуждом пире,
И, кажется, опять я дома в Божьем мире,
Когда лишь заберусь на бережок ручья,
Закину удочки, сижу в траве высокой...
Полдневный пышет жар — с зарей я поднялся, —
Откинешься на луг и смотришь в небеса,
И слушаешь стрекоз, покуда сон глубокой
Под теплый пар земли глаза мне не сомкнет...
О, чудный сон! душа Бог знает где, далеко,
А ты во сне живешь, как всё вокруг живет...

Но близкие мои — увы! — всё горожане...
И странствовать в лесу, поднявшися с зарей,

Иль в лодке осенью сидеть в сыром тумане,
Иль мокнуть на дожде, иль печься в летний зной —
Им дико кажется, и всякий раз я знаю,
Что, если с вечера я лесы разверну
И новые крючки навязывать начну,
Я тем до глубины души их огорчаю;
И лица важные нередко страсть мою
Корят насмешками: «Грешно, мол, для поэта
Позабывать Парнас и огорчать семью».
Я с горя пробовал послушать их совета —
Напрасно!.. Вот вчера, чтоб только сон прогнать,
Пошел на озеро; смотрю — какая гладь!
Лесистых берегов обрывы и изгибы,
Как зеркалом, водой повторены. Везде
Полоски светлые от плещущейся рыбы
Иль ласточек, крылом коснувшихся к воде...
Смотрю — усач солдат сложил шинель на травку,
Сам до колен в воде и удит на булавку.
«Что, служба?» — крикнул я. «Пришли побаловать
Маленько», — говорит. «Нет, клев-то как, служивый?»
«А клев-то? Да такой тут вышел стих счастливый,
Что в час-от на уху успели натаскать».

Ну, кто бы устоять тут мог от искушенья?
Закину, думаю, я разик — и назад!
Есть место ж у меня заветное: там скат
От самых камышей и мелкие каменья.
Тихонько удочки забравши, впопыхах
Бегу я к пристани. Вослед мне крикнул кто-то,
Но быстро оттолкнул челнок я свой от плота

И, гору обогнув, зарылся в камышах.

Злодеи рыбаки уж тут давно: вон с чёлном
Запрятался в тростник, тот шарит в глубине...
Есть что-то страстное в вниманьи их безмолвном,
Есть напряжение в сей людной тишине:
Лишь свистнет в воздухе леса волосяная
Да вздох послышится — упорно все молчат
И зорко издали друг за другом следят.
Меж тем живет вокруг равнина водяная,
Стрекозы синие колеблют поплавки,
И тощие кругом шныряют пауки,
И кружится, сребрясь, снетков веселых стая
Иль брызнет в стороны, от щуки исчезая.

Но вот один рыбак вскочил, и, трепеща,
Все смотрят на него в каком-то страхе чутком:
Он, в обе руки взяв, на удили́ще гнутком
Выводит на воду упорного леща.
И черно-золотой красавец повернулся
И вдруг взмахнул хвостом — испуганный, рванулся.
«Отдай, отдай!» — кричат, и снова в глубину
Идет чудовище, и ходит, вся в струну
Натянута, леса... Дрожь вчуже пробирает!..
А тут мой поплавок мгновенно исчезает.
Тащу — леса в воде описывает круг,
Уже зияет пасть зубастая — и вдруг
Взвилась моя леса, свистя над головою...
Обгрызла!.. Господи!.. Но, зная норов щук,
Другую удочку за тою же травою

Тихонько завожу и жду едва дыша...
Клюет... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надежд, волнуяся от страха,
Выкидываю вверх — чуть видного ерша...
О, тварь негодная!.. От злости чуть не плачу,
Кляну себя, людей и мир за неудачу
И как на угольях, закинув вновь, сижу,
И только комары, облипшие мне щеки,
Обуздывают гнев на промах мой жестокий.

Чтобы вздохнуть, кругом я взоры обвожу.
Как ярки горы там при солнце заходящем!
Как здесь, вблизи меня, с своим шатром сквозящим,
Краснеют темных сосн сторукие стволы
И отражаются внизу в заливе черном,
Где белый пар уже бежит к подножьям горным.
С той стороны село. Среди сребристой мглы
Окошки светятся, как огненные точки;
Купанье там идет: чуть слышен визг живой,
Чуть-чуть белеются по берегу сорочки,
Меж тем как слышится из глубины лесной
Кукушка поздняя да дятел молодой...
Картины бедные полунощного края!
Где б я ни умирал, вас вспомню, умирая:
От сердца пылкого всё злое прочь гоня,
Не вы ль, миря с людьми, учили жить меня!..

Но вот уж смерклося. Свежеет. Вкруг ни звука.
На небе и водах погас пурпурный блеск.
Чу... тянут якоря! Раздался вёсел плеск...

Нет, видно, не возьмет теперь ни лещ, ни щука!
Вот если бы чем свет забраться в тростники,
Когда лишь по заре заметишь поплавки,
И то почти к воде припавши... Тут охота!..
Что ж медлить? Завтра же... Меж тем все челноки,
Толкаясь, пристают у низенького плота,
И громкий переклик несется на водах
О всех событьях дня, о порванных лесах,
И брань и похвальба, исполненные страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаем снасти,
И плещет ходкий плот, качаясь под ногой.
Идем. Под мокрою одеждой уж прохладно;
Зато как дышится у лодок над водой,
Где пахнет рыбою и свежестью отрадной,
Меж тем как и́з лесу чуть слышным ветерком,
Смолой напитанным, потянет вдруг теплом!..

О милые мои! Ужель вам не понятно,
Вам странно, отчего в тот вечер благодатный
С любовию в душе в ваш круг вбегаю я
И, весело садясь за ужин деревенской,
С улыбкой слушаю нападки на меня —
Невинную грозу запальчивости женской?
Бывало, с милою свиданье улучив
И уж обдумавши к свиданью повод новый,
Такой же приходил я к вам... Но что вы? что вы?
Что значит этот клик и смеха дружный взрыв?
Нет, полно! вижу я, не сговорить мне с вами!
Истома сладкая ко сну меня зовет.
Прощайте! Добрый сон!.. Уже двенадцать бьет...

Иду я спать... И вот опять перед глазами
Всё катится вода огнистыми струями
И ходят поплавки. На миг лишь задремал —
И кажется, клюет!.. Тут полно, сон пропал;
Пылает голова, и сердце бьется с болью.
Чуть показался свет, на цыпочках, как вор,
Я кра́дусь и́з дому и лезу чрез забор,
Взяв хлеба про запас с кристальной крупной солью,
Но на небе серо, и мелкий дождь идет,
И к стуже в воздухе заметен поворот;
Чуть видны берегов ближайшие извивы;
Не шелохнется лес, ни птица не вспорхнет, —
Но чувствую уже, что будет лов счастливый.

И точно. Дождь потом зашлепал всё сильней,
Вскипело озеро от белых пузырей,
И я промок насквозь, окостенели руки;
Но окунь — видно, стал бодрее с холодком —
Со дна и по верху гнался за червяком,
И ловко выхватил я прямо в челн две щуки...
Тут ветер потянул — и золотым лучом
Деревню облило. Э, солнце как высоко!
Уж дома самовар, пожалуй, недалеко...
Домой! И в комнату, пронизанный дождем,
С пылающим лицом, с душой и мыслью ясной,
Две щуки на снурке, вхожу я с торжеством
И криком все меня встречают: «Ах, несчастный!..»

Непосвященные! Напрасен с ними спор!

Искусства нашего непризнанную музу
И грек не приобщил к парнасскому союзу!
Нет, муза чистая, витай между озер!
И пусть бегут твои балованные сестры
На шумных поприщах гражданственности пестрой
За лавром, и хвалой, и памятью веков:
Ты, ночью звездною, на мельничной плотине,
В сем царстве свай, колес, и плесени, и мхов,
Таинственностью дух питай в святой пустыне!
Заслыша, что к тебе в тот час взываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
В высокой о́соке протоптанной тропинкой,
В дремучий, темный лес; играй, резвись со мной;
Облей в пути лицо росистою рябинкой;
Учи переходить по жердочке живой
Ручей, и, усадив за о́льхой серебристой
Над ямой, где лопух разросся круглолистый,
Где рыбе в затиши прохлада есть и тень,
Показывай мне, как родится новый день;
И в миг, когда спадет с природы тьмы завеса
И солнце вспыхнет вдруг на пурпуре зари,
Со всеми криками и шорохами леса
Сама в моей душе ты с Богом говори!
Да просветлен тобой, дыша, как часть природы,
Исполнюсь мощью я и счастьем той свободы,
В которой праотец народов, дни катя
К сребристой старости, был весел, как дитя!

1855

* * *

Бездарных несколько семей
Путем богатства и поклонов
Владеют родиной моей.
Стоят превыше всех законов,
Стеной стоят вокруг царя,
Как мопсы жадные и злые,
И простодушно говоря:
«Ведь только мы и есть Россия!»

1855

Нива

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду, с трудом ее руками разбирая.
Мелькают и жужжат колосья предо мной
И колют мне лицо... Иду я наклоняясь,
Как будто бы от пчел тревожных отбиваясь,
Когда, перескочив чрез ивовый плетень,
Средь яблонь в пчельнике проходишь в ясный день.
О, Божья благодать!.. О, как прилечь отрадно
В тени высокой ржи, где сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Беседу важную ведут между собой.
Им внемля, вижу я: на всем полей просторе
И жницы, и жнецы, ныряя точно в море,

Уж вяжут весело тяжелые снопы;
Вон на заре стучат проворные цепы;
В амбарах воздух полн и розана, и меда;
Везде скрипят возы; средь шумного народа
На пристанях кули валятся; вдоль реки
Гуськом, как журавли, проходят бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влаге ударяя...
О Боже! ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба, —
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, Господи, духовного дай хлеба!
Уже над нивою, где мысли семена
Тобой насажены, повеяла весна,
И непогодами не сгубленные зерна
Пустили свежие ростки свои проворно, —
О, дай нам солнышка! Пошли ты ведра нам,
Чтоб вызрел их побег по тучным бороздам!
Чтоб нам, хоть опершись на внуков, стариками
Прийти на тучные их нивы подышать
И, позабыв, что мы их полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

1856

Болото

Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка жесткий;
Там точно пруд зеленый разлился;

Лягушка, взгромоздясь, как на подмостки,
На старый пень, торчащий из воды,
На солнце нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки вьются роем целым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в глаза,
Да оживляют бедный мир болотный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинок тощих и сухих.
Ах! прелесть есть и в этом запустенье!..
А были дни, мое воображенье
Пленял лишь вид подобных тучам гор,
Небес глубоких праздничный простор,
Монастыри, да белых вилл ограда
Под зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восход
Между колонн руины молчаливой,
Над серебром с горы падущих вод...
Мне в чудные гармоний переливы
Слагался рев катящихся зыбей;
В какой-то мир вводил он безграничный,
Где я робел душою непривычной
И радостно присутствие людей
Вдруг ощущал, сквозь этот гул упорный,
По погремушкам вьючных лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...
И вот — теперь такою же мечтой
Душа полна, как и в былые годы,

И так же здесь заманчиво со мной
Беседует таинственность природы.

1856

Ласточки

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! Меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном:
В нем ласточек речи не слышу,
Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок

Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далёко, далёко, далёко...
О, если бы крылья и мне!

1856

Осень

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят;
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой
И, как безумный, пою!

Знаю, недаром средь мхов
Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал.

Что им сказала душа,
Что ей сказали они —
Вспомню я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой...
Смерть стелет жатву свою!
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

1856

Под дождем

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку
Или с плеч катились прямо под снуровку...
Помнишь, как всё тише смех наш становился?..
Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмуря...
Благодатный дождик! Золотая буря!

1856

Сенокос

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:

Мужички его кругом
На́ воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданьи конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая,
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

1856

Голос в лесу

Давно какой-то девы пенье
В лесу преследует меня,
То замирая в отдаленьи,
То гулко по лесу звеня.

И, возмущен мечтой лукавой,
Смотрю я в чащу, где средь мглы
Блестят на солнце листья, травы
И сосен красные стволы.

Идти ль за девой молодою?
Иль сохранить, в душе тая,

Тот милый образ, что мечтою
Под чудный голос создал я?..

1856

В лесу

Шумит, звенит ручей лесной,
Лиясь блистающим стеклом
Вокруг ветвей сосны сухой,
Давно, как гать, лежащей в нем.
Вкруг темен лес и воздух сыр;
Иду я, страх едва тая...
Нет! Здесь свой мир, живущий мир,
И жизнь его нарушил я...
Вдруг всё свершавшееся тут
Остановилося при мне,
И все следят за мной и ждут,
И злое мыслят в тишине;
И точно любопытный взор
Ко мне отвсюду устремлен,
И слышу я немой укор,
И дух мой сдавлен и смущен.

1857

* * *

Всё вокруг меня, как прежде —
Пестрота и блеск в долинах...

Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах...

Отчего ж так сердце ноет,
И стремится, и болеет,
Неиспытанного просит
И о прожитом жалеет?

Не начать ведь жизнь сначала —
Даром сила растерялась,
Да и попусту растратишь
Ту, которая осталась...

А вокруг меня, как прежде,
Пестрота и блеск в долинах!
Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах!..

1857

* * *

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...
Последние слезы
О горе былом
И первые грезы
О счастьи ином...

1857

Я. П. Полонскому[1433]

Полонский! суждено опять судьбою злою
Нам розно дни влачить;
Меж тем моя душа сроднилась уж с тобою —
Ей нужно так любить!
Да! в мире для нее нужна душа другая,
Которой бы порой
Хоть знак подать, что мы, друг друга понимая,
Свершаем путь земной!
И часто я, когда иду лесной опушкой
И, прячася за ель,
Стараюсь обмануть искусственною мушкой
Пугливую форель,
И предо мной шумит ручей студеноводный,
А ров, где льется он,
Уж тени полн, и пар над ним бежит холодный,
Меж тем как озарен
Вверху растущий лес последним солнца светом, —
От сердца полноты
Я б перемолвиться желал тогда с поэтом,
И думаю — где ты?
Где ты?.. О, Боже мой! ты там, где в оны годы

[1433] Полонский Яков Петрович (1819—1898) — русский поэт, цензор Комитета иностранной цензуры, председателем которого с 1882 г. был Майков. «Единственный человек в Петербурге из числа пишущих, с которым сошелся я, — писал Полонский А. Н. Островскому 10 ноября 1851 г., — это А. Н. Майков». Литературная критика того времени объединяла А. Н. Майкова, Я. П. Полонского и А. А. Фета в «триаде» поэтов «чистого искусства». Стихотворение получено Полонским, бывшим в это время за границей, в августе 1857 г. Он откликнулся посланием «А. Н. Майкову. Ответ на стихи его: „Полонский! суждено опять судьбою злою...”».

Беспечно я бродил...
Прости невольный вздох!.. полуденной природы
И Рим я не забыл!
Обломки красные средь рощи кипарисной,
Под небом голубым, —
Величием своим и грязью живописной
Он по душе мне, Рим!
Как часто на конях мы римскою долиной
Неслись во весь опор;
Коней остановив, снимали вид руины
И очерк дальних гор,
И града вечного в тумане купол гордый,
А там водопровод
И черных буйволов к нам поднятые морды
В осоке, из болот...
И эти городки, куда в веселье диком,
Как будто ошалев,
Врывались мы потом, преследуемы криком
Старух, детей и дев...
Там с громом подскакав к радушной австерии,[1434]
Суровых поселян
Напаивали мы, крича «ура!» России,
Ругая Ватикан
И вековой союз монахов и германцев...
А пламенный народ
На ветреную речь безвестных чужестранцев,
Бывало, слезы льет...
Средь этих шалостей высокий труд и дума,

[1434] *Австерия* — итал. *osteria* — таверна, харчевня; гостиница.

Вазари и Тацит,[1435]

И сладостный певец Тибура и Пестума,[1436]

И Дант, и Феокрит...[1437]

А ночи лунные в руинах Колизея!..

Мне кажется теперь,

Что игры зверские я видел и, немея,

Внимал, как злится зверь,

Как шумно валит чернь, толкаясь, на ступени,

При кликах торжества,

А на арене две белеющие тени

Ждут, обнимаясь, льва...

О, дни волшебные! о, годы золотые!

О, как светла тогда

Казалась наших дней над милою Россией

Всходившая звезда!

Где ж сверстники мои? Где Штернберг? Где Иванов?

Ставассер милый мой?[1438]

Где наши замыслы? Где ряд блестящих планов?

Где гений их живой?

Где пышные мечты о русском пантеоне,[1439]

Где б *наших* имена

Сиять должны в веках, как звезды в небосклоне,

Как вечная весна?..

О, милые мои!.. Слезой не провожая,

[1435] *Вазари* (1511—1574) — итальянский архитектор, живописец, автор жизнеописаний итальянских художников. *Тацит* (ок. 55 — ок. 120) — римский историк.

[1436] Т. е. Вергилий.

[1437] *Феокрит* (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор пастушеских идиллий.

[1438] С живописцем В. И. Штернбергом (1818—1845) и скульптором П. А. Ставассером (1816—1850) Майков встречался во время своего пребывания в Италии в 1842 г. Они оба умерли в Риме. О каком Иванове идет речь — не совсем ясно. Возможно, имеется в виду скульптор Антон Андреевич Иванов (1815—1848); в 1841—1846 гг. он находился в Риме как пансионер Академии художеств.

[1439] *Пантеон* — храм, посвященный всем богам. Такой храм был в Древнем Риме; усыпальница выдающихся людей.

Как чуждых всем сирот,
Их Рим похоронил, кого, увы! не зная,
Земле он предает!..
А брат мой, милый брат...[1440] Ах, многие почили!
И имя их звучит
Воспоминанием какой-то чудной были,
И сердце мне щемит...
Все сгибли, полные надеждами святыми
И в блеске сил своих,
И я, осиротев, я плачу и над ними,
И над мечтами их!..
Ах, жизнь моя уже печалями богата;
Уже за мной в пути
Есть несколько могил, есть горе и утрата...
Прости мне, друг, прости...
Я больше наводить тоски тебе не буду
Непрошеной слезой,
И в воды быстрые закидываю уду,
На всё махнув рукой.

1857

Из Гейне

Конец! Опущена завеса!
К разъезду публика спешит...
Ну что ж? успех имела пьеса?
О да! В ушах моих звучит
Еще доселе страстный шепот,

[1440] Речь идет о трагической гибели В. Н. Майкова (1823—1847), критика и журналиста.

И крик, и вызовы, и топот...
Ушли... И зала уж темна,
Огни потухли... Тишина...

Чу! что-то глухо прозвенело
Во тьме близ сцены опустелой...
Иль это лопнула струна
На старой скрипке?.. Там что? Крысы
Грызут ненужные кулисы...

И лампы гаснут, и чадит
От них дымящееся масло...
Одна осталась... вот — шипит,
Шипит... чуть тлеет... и угасла...
Ах, эта лампа... то, друзья,
Была, увы! душа моя.

1857

* * *

Когда, гоним тоской неутолимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души, —
Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...

1857

Альпийские ледники

Сырая мгла лежит в ущелье,
А там — как призраки легки,
В стыдливом девственном веселье,
В багрянцах утра — ледники!

Какою жизнью веет новой
Мне с этой снежной вышины,
Из этой чистой, бирюзовой
И света полной глубины!

Там, знаю, ужас обитает,
И нет людского там следа, —
Но сердце точно отвечает
На чей-то зов: «Туда! Туда!»

1858

Альпийская дорога

На горе сияньем утра
Деревянный крест облит,
И малютка на коленях
Перед ним в мольбе стоит...

Помолись, душа святая,
И о странных и чужих,

О тоскующих, далеких,
И о добрых, и о злых...

Помолись, душа святая,
И о том, чей путь далек,
Кто с душой, любовью полной,
В мире всюду одинок...

1858

* * *

Здесь весна, как художник уж славный, работает тихо,
От цветов до других по неделе проходит и боле.
Словно кончит картину и публике даст наглядеться,
Да и публика знает маэстро — и уж много о нем не толкует:
Репутация сделана — бюст уж его в Пантеоне.
То ли дело наш Север! Весна, как волшебник нежданный,
Пронесется в лучах, и растопит снега и угонит,
Словно взмахом одним с яркой озими сдернет покровы,
Вздует почки в лесу, и — цветами уж зыблется поле!
Не успеет крестьянин промолвить: «Никак нынче вёдро»,
Как — и сóху справляй, и сырую разрыхливай землю!
А на небе-то, господи, праздник, и звон, и веселье!
И летят надо всею-то ширью от моря и дó моря птицы —
К зеленям беспредельным, к широким зеркальным разливам!
Выбирай лишь, где больше приволья, в воде им и в лесе!
И кричат как, завидя знакомые реки и дебри,
И с соломенных крыш беловатый дымок над поляной!..
Унеси ты, волшебник, скорее меня в это царство,

Где по утренним светлым зарям бодро дышится груди,
Где пред ликом Господних чудес умиляется всякое сердце...

1859, Неаполь

Мадонна

Стою пред образом Мадонны:
Его писал монах святой,
Старинный мастер, не ученый;
Видна в нем робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубит[1441]
Величье девы: так она
Вам сострадает, так вас любит,
Такою благостью полна,

Что веришь, как гласит преданье,
Перед художником святым
Сама Пречистая в сиянье
Являлась, видима лишь им...

Измучен подвигом духовным,
Постом суровым изнурен,
Не раз на пóмосте церковном
Был поднят иноками он, —

И, призван к жизни их мольбами,
Еще глаза открыть боясь,

[1441] *Сугу́бить* — удваивать («согибать»), усиливать, увеличивать.

Он братью раздвигал руками
И шел к холсту, душой молясь.

Брался за кисть, и в умиленьи
Он кистью то изображал,
Что от небесного виденья
В воспоминаньи сохранял, —

И слезы тихие катились
Вдоль бледных щек... И, страх тая
Монахи вкруг него молились
И плакали — как плачу я...

1859, Флоренция

Приговор

(Легенда о Констанцском соборе)

На соборе на Констанцском
Богословы заседали:
Осудив Иоганна Гуса,
Казнь ему изобретали.[1442]

В длинной речи доктор черный,
Перебрав все истязанья,
Предлагал ему соборно
Присудить колесованье;

[1442] *Констанцский собор* — вселенский собор католической церкви (1414—1418), проходивший в городе Констанц. *Гус Иоганн* (Ян, 1371—1415) — чешский национальный герой, возглавивший борьбу народа против католической церкви, феодалов, иноземного засилья; был осужден Констанцским собором и сожжен 6 июля 1415 г.

Сердце, зла источник, кинуть
На съеденье псам поганым,
А язык, как зла орудье,
Дать склевать нечистым вранам;

Самый труп предать сожженью,
Наперед прокляв трикраты,
И на все четыре ветра
Бросить прах его проклятый...

Так, по пунктам, на цитатах,
На соборных уложеньях,
Приговор свой доктор черный
Строил в твердых заключеньях;

И, дивясь, как всё он взвесил
В беспристрастном приговоре,
Восклицали: «Bene, bene!»[1443] —
Люди, опытные в споре,

Каждый чувствовал, что смута
Многих лет к концу приходит
И что доктор из сомнений
Их, как из лесу, выводит...

И не чаяли, что тут же
Ждет еще их испытанье...
И соблазн великий вышел!

[1443] «Хорошо, хорошо!» (лат.).

Так гласит повествованье:

Был при кесаре в тот вечер
Пажик розовый, кудрявый;
В речи доктора не много
Он нашел себе забавы;

Он глядел, как мрак густеет
По готическим карнизам,
Как скользят лучи заката
Вкруг по мантиям и ризам,

Как рисуются на мраке,
Красным светом облитые,
Ус задорный, череп голый,
Лица добрые и злые...

Вдруг в открытое окошко
Он взглянул и — оживился;
За пажом невольно кесарь
Поглядел — развеселился,

За владыкой — ряд за рядом,
Словно нива от дыханья
Ветерка, оборотилось
Тихо к саду всё собранье:

Грозный сонм князей имперских,
Из Сорбонны депутаты,
Трирский, Люттихский епископ,

Кардиналы и прелаты,

Оглянулся даже папа!
И суровый лик дотоле
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневоле;

Сам оратор, доктор черный,
Начал путаться, сбиваться,
Вдруг умолкнул и в окошко
Стал глядеть и — улыбаться!

И чего ж они так смотрят?
Что могло привлечь их взоры?
Разве небо голубое?
Или розовые горы?

Но — они таят дыханье
И, отдавшись сладким грезам,
Точно следуют душою
За искусным виртуозом...

Дело в том, что в это время
Вдруг запел в кусту сирени
Соловей пред темным замком,
Вечер празднуя весенний;

Он запел — и каждый вспомнил
Соловья такого ж точно,
Кто в Неаполе, кто в Праге,

Кто над Рейном, в час урочный,

Кто — таинственную маску,
Блеск луны и блеск залива,
Кто — трактиров швабских Гебу,
Разливательницу пива...

Словом — всем пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотые грезы счастья,
Золотые дни свободы...

И — история не знает,
Сколько длилося молчанье
И в каких странах витали
Души черного собранья...

Был в собраньи этом старец,
Из пустыни вызван папой
И почтен за строгость жизни
Кардинальской красной шляпой, —

Вспомнил он, как там, в пустыне,
Мир природы, птичек пенье
Укрепляли в сердце силу
Примиренья и прощенья, —

И, как шепот раздается
По пустой, огромной зале,
Так в душе его два слова:

«Жалко Гуса», — прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся он и, объятья
Всем присущим открывая,
Со слезами молвил: «Братья!»

Но, как будто перепуган
Звуком собственного слова,
Костылем ударил об пол
И упал на место снова.

«Пробудитесь, — возопил он,
Бледный, ужасом объятый, —
Дьявол, дьявол обошел нас!
Это глас его, проклятый!..

Каюсь вам, отцы святые!
Льстивой песнью обаянный,
Позабыл я пребыванье
На молитве неустанной —

И вошел в меня нечистый! —
К вам простер мои объятья,
Из меня хотел воскликнуть:
«Гус невинен». Горе, братья!..»

Ужаснулося собранье,
Встало с мест своих, и хором

«Да воскреснет Бог»[1444] запело
Духовенство всем собором, —

И, очистив дух от беса
Покаяньем и проклятьем,
Все упали на колени
Пред серебряным распятьем, —

И, восстав, Иоганна Гуса,
Церкви Божьей во спасенье,
В назиданье христианам,
Осудили — на сожженье...

Так святая ревность к вере
Победила ковы ада![1445]
От соборного проклятья
Дьявол вылетел из сада,

И над озером Констанцским,
В виде огненного змея,
Пролетел он над землею,
В лютой злобе искры сея.

Это видели: три стража,
Две монахини-старушки
И один констанцский ратман,[1446]
Возвращавшийся с пирушки.

[1444] *«Да воскреснет Бог»* — из псалма LXVII, ст. 2.
[1445] *Ковы* — злостные, коварные действия; злостные планы, умыслы. (Строить ковы. Тайные ковы.)
[1446] *Ратман* — член городского совета (нем. *Rat*).

1859

<Новогреческие песни>

Мать и дети

«Что ты, мама, беспрестанно
О сестрице всё твердишь?
В лучшем мире наша Зоя, —
Ты сама нам говоришь».

«Ах, я знаю, в лучшем мире!
Но в том мире нет лугов,
Ни цветов, ни трав душистых,
Ни веселых мотыльков».

«Мама, мама! В Божьем небе
Божьи ангелы поют,
Ходят розовые зори,
Ночи звездные плывут».

«Ах, у бедной нет там мамы,
Кто смотрел бы из окна,
Как с цветами, с мотыльками
В поле рéзвится она!..»

1860

* * *

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как февраль ни злися,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весною пахнет!

1858

* * *

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится
И расскажет синю морю,
Сине море скажет веслам,
Весла — Яни-рыболову,
А у Яни — люба Мара;
А когда узнает Мара —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

1860

* * *

Что горы потемнели?
Что тьма по ним ползет?
Не ветер ли их хлещет?
Не дождик ли сечет?

Не ветер горы хлещет,
Не дождик их сечет:
Их Смерть переезжает
И полк теней ведет.

Кончают поезд старцы,
А юноши в челе;
Рядком сидят младенцы
У Смерти на седле.

И юноши ей кличут,
И молят старики:
«Свернем с пути в деревню,
Вздохнем хоть у реки!

Испьют водицы старцы,
И юноши пускай
Поборются, а детям
Нарвать цветочков дай».

«В деревню не заеду,
Не стану над рекой!
К ней матери и жены

Приходят за водой:

Жена узнает мужа,
Узнает сына мать —
Уцепятся друг в друга,
И их уж не разнять!»[1447]

1858

Мать

«Бедный мальчик! Весь в огне,
Всё ему неловко!
Ляг на плечико ко мне,
Прислонись головкой!
Я с тобою похожу...
Подремли, мой мальчик,
Хочешь, сказочку скажу:
Жил-был мальчик с пальчик...
Нет! не хочешь?.. Сказки — вздор!
Песня лучше будет...
Зашумел сыр-темен бор,
Лис лисичку будит;
Во сыром-темном бору...
Задремал мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыром-темном бору...
Тише! Засыпает...

[1447] На этом новогреческие песни заканчиваются в данном собрании.

Словно птенчик, всё в жару
Губки открывает...»

«Во сыром бору» поет
Мать и ходит, ходит...
Тихо, долго ночь идет...
Ночь уж день выводит —
Мать поет... Рука у ней
Затекла, устала,
И не раз слезу с очей
Бедная роняла...
И едва дитя, в жару,
Вздрогнув, встрепенется —
«Во темном-сыром бору»
Снова раздается...

Отклони удар, уйди,
Смерть с своей косою!
Мать дитя с своей груди
Не отдаст без бою!
Заслонит средь всех тревог
Всей душой своею
Жизни чудный огонек,
Что затеплен ею!
И едва он засветил —
Вдруг ей ясно стало,
Что́ любви, что́ чудных сил
Сердце в ней скрывало!..

1861

Рассвет

Вот — полосой зеленоватой
Уж обозначился восток;
Туда тепло и ароматы
Помчал со степи ветерок;

Бледнеют тверди голубые;
На горизонте — всё черней
Фигуры, словно вырезные,
В степи пасущихся коней...

1862

* * *

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Всё гибнет, всё гибнет! Ты черен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!»

Не слышит тревоги их царственный лес.
Под темной лазурью суровых небес
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны.

1863

<Дочери>[1448]

*

Не может быть! не может быть!
Она жива!.. сейчас проснется...
Смотрите: хочет говорить,
Откроет глазки, улыбнется,
Меня увидит, обоймет
И, вдруг поняв, что плач мой значит,
Ласкаясь, нежно мне шепнет:
«Какой смешной! о чем он плачет!..»

Но нет!., лежит... тиха, нема,
Недвижна...

23 апреля 1866

*

Вот уж и гроб!.. и она
Тихо лежит меж цветов...
Что же за призраки вкруг
В белых одеждах стоят?
Светлых ли грез ее рой,
Светлых мечтаний, надежд, —
Спутницы жизни ее?
Те, с кем она по часам

[1448] Дочь Майкова Вера, родившаяся 21 февраля 1855 г., умерла 11 лет от роду. В письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 19 ноября 1892 г. Майков писал: «Это был бы такой ангел хранитель семьи, братьев и всех, с кем бы связала ее судьба. И у маленькой у ней была забота, чтобы всем было хорошо...».

Тихие речи вела,
Что провожали ее
Всюду — в полях и лесах?..
Смолкли и плачут они,
Тихо обнявшись вокруг
Бедной подруги своей...
Плачут — она ж и теперь
Им улыбается... Да!
Да, улыбается им...
О, беспощадная смерть!

1867

* * *

Дорог мне, перед иконой
В светлой ризе золотой,
Этот ярый воск, возжженный
Чьей неведомо рукой.
Знаю я: свеча пылает,
Клир торжественно поет —
Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет,
Светлый ангел упованья
Пролетает над толпой...
Этих свеч знаменованье
Чую трепетной душой:
Это — медный грош вдовицы,
Это — лепта бедняка,

Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска...
Это — светлое мгновенье
В диком мраке и глуши,
Память слез и умиленья
В вечность глянувшей души...

1868

* * *

Есть мысли тайные в душевной глубине;
Поэт уж в первую минуту их рожденья
В них чует семена грядущего творенья.
Они как будто спят и зреют в тихом сне,
И ждут мгновения, чьего-то ждут лишь знака,
Удара молнии, чтоб вырваться из мрака...
И сходишь к ним порой украдкой и тайком,
Стоишь, любуешься таинственным их сном,
Как мать, стоящая с заботою безмолвной
Над спящими детьми, в светлице, тайны полной...

1868

Пан

Пан — олицетворение природы; по-гречески παν значит: всё.

Он спит, он спит,
Великий Пан!
Иди тихонько,

Не то разбудишь!
Полдневный жар
И сладкий дух
Поспелых трав
Умаял бога —
Он спит и грезит,
И видит сны...

По темным норам
Ушло зверье;
В траве недвижно
Лежит змея;
Молчат стада,
И даже лес,
Певучий лес,
Утих, умолк...
Он спит, он спит,
Великий Пан!..

Над ним кружит,
Жужжит, звенит,
Блестит, сверкает
И вверх и вниз
Блестящий рой
Жуков и пчел;
Сереброкрылых
Голубок стая
Кругами реет
Над спящим богом;
А выше — строем

Иль острым клином,
Подобно войску,
Через всё небо
Перелетает
Полк журавлей;
Еще же выше,
На горнем небе,
В густой лазури,
Незримой стражи
Чуть слышен голос...
Все словно бога
Оберегают
Глубокий сон,
Чудесный сон, —
Когда пред ним
Разверзлось небо,
Он зрит богов,
Своих собратий,
И, как цветы,
Рои видений
С улыбкой сыплют
К нему с Олимпа
Богини-сестры...

Он спит, он спит,
Великий Пан!
Иди тихонько,
Мое дитя,
Не то проснется...
Иль лучше сядем

В траве густой
И будем слушать, —
Как спит он, слушать,
Как дышит, слушать;
К нам тоже тихо
Начнут слетать
Из самой выси
Святых небес
Такие ж сны,
Какими грезит
Великий Пан,
Великий Пан...

1869

<Из Аполлодора Гностика>[1449]

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...

1878

* * *

Из темных долов этих взор

[1449] Литературная мистификация Майкова. «Вы знаете, что это за Аполлодор Гностик? — спрашивал Майков М. И. Сухомлинова в письме от 28 сентября 1889 г. — Это моя выдумка: не люблю обнаруживать моих интимнейших мыслей и представлений, вот и прибег к такой уловке. Но секрет обнаруживаю не многим, а многих оставляю в заблуждении (даже филологов), что будто есть такой поэт II века; некоторые отвечали мне: „Знаю, знаю!”»

Всё к ним стремится, к высям гор,
Всё чудится, что там идет
Какой-то звон и всё зовет:
«Сюда! Сюда!..» Ужели там
В льдяных пустынях — Божий храм?

И я иду на чудный зов;
Достиг предела вечных льдов;
Но храма — нет!.. Всё пусто вкруг;
Последний замер жизни звук;
Туманом мир внизу сокрыт, —
Но надо мною всё гудит
Во весь широкий небосклон:
«Сюда! Сюда!» — всё тот же звон...

1883

* * *

Вдохновенье — дуновенье
Духа Божья!.. Пронеслось —
И бессмертного творенья
Семя бросило в хаос.

Вмиг поэт душой воспрянет
И подхватит на лету,
Отольет и отчеканит
В медном образе — мечту!

1889

На Чамлиджи

Как дышится легко на этих высотах,
Какой-то радостью ты полон безотчетной —
Здесь — точно ближе ты к живущим в небесах,
И вдруг в тебе самом проснулся дух бесплотный,
И ты глядишь на мир не как уж сын земли!
Вон там — за полосой сверкающего моря
Белеют городки, чуть видные вдали...
И — точно голосам вселенской жизни вторя —
В душе одна лишь мысль, одна звучит струна:
«Когда б в сердцах людей, везде, во всем бы мире,
Такая ж красота, и свет, и тишина,
Как здесь — и на земле — и в море — и в эфире!..»

1890. В Малой Азии

Алексей Жемчужников (1821—1908)

Освобожденный скворец

Скворушка, скворушка! Глянь-ко, как пышно
Дерево гибкие ветви развесило!
Солнце сверкает на листьях, и слышно,
Как меж собой они шепчутся весело.

Что ж ты сидишь такой чопорный, чинный?
Что не летаешь, не рéзвишься, скворушка?
Хвостик коротенький, нос зато длинный,
Ножки высокие, пестрое перышко.

Вскочишь на ветку, соскочишь обратно;
Смотришь лениво на листья зеленые;
Петь не поешь, а бормочешь невнятно,
Будто спросонья, слова заученные.

Ты удивления, птица, достойна;
Этаких птиц на свободе не видано;
Очень уж что-то смирна и пристойна —
В клетке, знать, вскормлена, в клетке воспитана.

Скворушка, скворушка, ты с непривычки
Чуешь на воле тоску и лишения;
Ты ведь не то, что все прочие птички,
Дружные с волею прямо с рождения.

Вон как играют! Высоко, высоко
В небе их стая нестройная носится;
В поле, в лесу, за рекою далеко
Слышится звонкая разноголосица.

1857

Осенние журавли

Сквозь вечерний туман мне, под небом стемневшим,
Слышен крик журавлей всё ясней и ясней...
Сердце к ним понеслось, издалёка летевшим,
Из холодной страны, с обнаженных степей.
Вот уж близко летят и, всё громче рыдая,
Словно скорбную весть мне они принесли...
Из какого же вы неприветного края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?..

Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждет, холодея, земля
И где в голых лесах воет ветер унылый, —
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмый людей, вид печальный земли...
О, как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

28 октября 1871. Югенгейм, близ Рейна

* * *

Ранней осени подарок —
Голубой, прозрачный день...
Полдень блещущий не жарок;
Не нужна густая тень.

Близ пути, под дикой грушей,
На траве скамья стоит;
«Сядь сюда! Смотри да слушай!» —

Мне как будто говорит.

Сел. Смотрю кругом и внемлю.
Долго, кажется, сижу...
То на небо, то на землю
С благодарностью гляжу.

Нет болтливого народу...
Тишина... Лишь мошек рой
Всё про ясную погоду
Распевает надо мной...

10 сентября 1883. Близ Цюриха

На железной дороге

Еду, всё еду... Меня укачало...
Видов обрывки с обеих сторон;
Мыслей толпа без конца и начала;
Странные грезы — ни бденье, ни сон...

Трудно мне вымолвить слово соседу;
Лень и томленье дорожной тоски...
Сутки-другие всё еду, всё еду...
Грохот вагона, звонки да свистки...

Мыслей уж нет. Одуренный движеньем,
Только смотрю да дивлюсь, как летят
С каждого места и с каждым мгновеньем
Время — вперед, а пространство — назад.

Июль 1884

В вагоне за Москвою

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмом тихих ангелов хранимый!
Только что простившись с жизнью городскою,
Я один остался, окружен тобою,
И уж груз душевный — страхи и тревоги —
Побросал за окна вдоль моей дороги.
Сумрачные думы также поневоле
То плутают в рощах, то гуляют в поле;
А теперь умчались к крайним тем полянам,
Где садится солнце в зареве румяном.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмом тихих ангелов хранимый!
Прелестью безмолвной, жизнию безлюдной
Ты целишь иль губишь? распознать мне трудно.
Ласкою ли нежной прочь кручину гонишь?
К сонному ль покою ум и совесть клонишь?..
Грезы роем легким вьются надо мною,
Словно опьянен я брагою хмельною.
Вот и сумрак сходит, в воздухе прохлада...
Ни о чем не мыслю, ничего не надо.

10 августа 1886

Прогулка по большой дороге

Иду давно — и пред глазами
Дороги тот же всё простор;
Всё тот же, с пестрыми цветами,
Зеленый стелется ковер.

Здесь редко люди проезжают;
Почти что некому пройти;
И только бабочки летают
Вдоль по широкому пути.

И тишина зато какая!
Как будто с тем проложена́
Была дорога, чтоб немая
Здесь воцарилась тишина.

Шумят лишь ласково деревья,
Да мне доносит ветерок
При стаде мальчика со жневья
Поющий песню голосок.

Сравнить покой мне этот не с чем,
Как с тихой грезой в сладком сне;
Лишь ворон раз ее при мне
Нарушил карканьем зловещим.

Сентябрь 1886

Отдых при дороге

На мураве присев кудрявой,
Я в одиночестве счастлив;
И всё любуюсь — то направо
Сребристой гладью сжатых нив;

То милым зрелищем налево,
Как нежной зеленью взошли
Ростки озимого посева
На черном бархате земли.

Смотрю, как тучки в небе тают;
Как тени их, при блеске дня,
Окрестность дымкой застилают —
И будто меркнут зеленя;[1450]

Иль как несутся тени эти
За горизонт поверх полей...
Что проще может быть на свете
И что же может быть милей?..

8 сентября 1886

Зима идет

Средь ночи бурной и ненастной,
Когда гудел со всех сторон
Осенний ветер, я напрасно
На помощь звал безмолвный сон.

[1450] *Зеленя* — всходы озимых и яровых хлебов.

Притом же близ меня нередко,
С двора, где было так темно,
Сухой постукивала веткой
Сирень тревожная в окно.

Мне было жутко и печально...
Однако всё же я заснул;
И нынче радостно из спальной
В окно веселое взглянул.

Кругом везде — светло и бело!
А было грязно так вчера.
С покровом чистым подоспела
Зимы опрятная пора.

Весь сельский быт, с явленьем снега,
Вдруг изменился там и тут...
В сарай уж вдвинута телега;
Зерно в амбар в санях везут.

Привет зиме у всех на лицах;
Вчерашней скуки нет ни в ком;
Всем веселее в рукавицах
И в полушубке с кушаком.

Сам одеваюсь я поспешней
И на дорогу выхожу:
Скорей на вид природы здешней
В уборе снежном погляжу.

Зима идет, морозом вея...
И я, как все, ей тоже рад;
И воробьи еще резвее
В кустах, чирикая, шуршат.

Гостеприимный запах дыма
Из труб доносится ко мне;
Роняя снег, проходят мимо
Под солнцем тучки в тишине.

Как тихо там в дубовой роще!
Как в чистом воздухе свежо!..
Что может быть на свете проще,
И как всё это хорошо!

15 октября 1886. Павловка[1451]

Вечерняя заря

Была пора уборки хлеба,
Пора в полях работы страдной.
Садилось солнце, меркло небо,
И ветерок подул прохладный.

Уж бабы с граблями толпою
Ушли с оконченной работы;
И их напева, под горою,

[1451] «Последние годы, — писал Жемчужников в предисловии к сборнику «Песни старости» в 1899 году, — я проживал и в деревне, и в городе... Лето я проводил и у себя в Павловке (Елецкого уезда Орловской губернии), и у моих родных: в Стенькине (имение А. С. Мерхелевича, близ Рязани), а с 1896 года постоянно в Ильиновке (имение мужа моей старшей дочери, М. А. Боратынского, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии)».

Чуть слышны тающие ноты.

Ушли крестьяне молчаливо;
А между тем уж солнце село,
Когда покинутая нива
Еще не вовсе опустела.

В телеге кормит мать ребенка;
Отец и мальчик расторопный
Уж запрягли; но лошаденка
Туда всё тянется, где копны.

И вдруг за этой кучкой черни,
Над скудным бытом темных мира —
Зажглись огни зари вечерней
И развернулася порфира...[1452]

Я их узрел, с их нищетою,
С их видом кротким и усталым,
Парчой убранных золотою,
Среди лучей, под сводом алым.

И мнилось мне, что с небосклона
В юдоль труда и воздыханья
Сошла явленная икона[1453]
В венце небесного сиянья.

1888. Павловка

[1452] *Порфира* — (царская регалия) длинная пурпуровая мантия.
[1453] *Явле́нная икона* — чудесно обретенная икона.

Как шумят мои липы

В часы ли отрады иль горя
Люблю навещать я мой сад.
Там старые липы, мне вторя,
Сочувственным звуком шумят.

Сижу ли я утром в аллее,
Погоде сияющей рад, —
И липы мои веселее
Как будто мне сверху шумят.

Духовным ли взором порою,
Грустя, оглянусь я назад, —
Возросшие вместе со мною
И липы так грустно шумят.

Под вечер предамся ли думам, —
Очнувшись, я слышу: мне в лад
Каким-то таинственным шумом
Задумчиво липы шумят;

Спасибо им! Нынешним летом
Мне, целыми днями подряд,
Всё добрым, радушным приветом
Родимые липы шумят.

Когда же на крае равнины
Свершается солнца закат, —

Молитву прошепчут вершины
И в алой заре замолчат.

21 августа 1888. Павловка

Осенью

Так полночь темная тепла,
Так в жаркий полдень много света,
Как будто осень не пришла
И длится пламенное лето.

Плывут и тают облака
В просторе ярком и спокойном;
На горизонте, как река,
Струится воздух паром знойным;

Освобожденные поля
Блестят под паутиной тонкой;
Порой на пашне вихрь, пыля,
Бежит крутящейся воронкой;

Плодами сильно пахнет сад;
Гумно — мякиной и соломой;
И дуба веет аромат
Из рощи, с детства мне знакомой.

Опять, как в юные года,
Я здесь живу в тиши привольной...
Мне было радостно тогда;

Теперь — мне радостно и больно.

21 августа 1889. Павловка

Первый снег

Поверхность всей моей усадьбы
Сегодня к утру снег покрыл...
Подметить всё и записать бы, —
Так первый снег мне этот мил!

Скорей подметить! Он победу
Уступит солнечному дню;
И к деревенскому обеду
Уж я всего не оценю.

Там, в поле, вижу черной пашни
С каймою снежной борозду;
Весь изменился вид вчерашний
Вкруг дома, в роще и в саду.

Кусты в уборе белых шапок,
Узоры стынущей воды,
И в рыхлом снеге птичьих лапок
Звездообразные следы...

15 октября 1888. Павловка

Одиночество

Глубокая в доме царит тишина,
И кра́дется время шагами нескорыми.
Пред снежной пустыней стою у окна;
Смотрю через мерзлые стекла с узорами.

Близ дома: сугробы метель намела;
Деревья покрыты пылинками инея;
Вдали — непроглядная белая мгла;
Меж небом и долом стушевана линия.

Безмолвны долины, безмолвны холмы;
Как будто объяла их дума угрюмая...
И я — перед грустной картиной зимы —
Безмолвно стою, вспоминая и думая.

30 ноября 1890. Павловка

* * *

Не спеша меняйтеся, картины,
Шествуй, время, медленной стопою,
Чтобы день не минул ни единый
Пережит, но не замечен мною.

Тишина покоя и все шумы,
Жизнью наполняющие землю,
Злоба дня и вековые думы,
Смех и плач людские, — вам я внемлю.

В чутком сердце впечатленья живы;

Дверь ума открыта свету настежь...
Ты лишь, смерти призрак молчаливый,
Отойди немного, — ты мне застишь!

23 октября 1891. Стенькино

Грачи

Лесок дремал. Приход ничей
Его покуда не тревожил.
Но я пришел, и сонм грачей
Взлетел, крича, и весь он ожил.

Они, к полудню прилетев
С прогулок утренних по нивам,
Качались на верхах дерев
В расположении сонливом.

Я помешал; я их спугнул.
Над рощей долго в шумной свалке
Стоял грачей басистый гул,
И звонко вторили им галки.

Иным грачей несносен крик;
А я его люблю, напротив.
Я с детских лет к грачам привык,
Себя их слушать приохотив.

Друзья родной земли моей,
Они, как я, здесь летом — дома.

Непостижима без грачей
Страна дубов и чернозема.

10 ноября 1896. Ильиновка

Старость

Сколько мне жить?.. Впереди — неизвестность.
Жизненный пламень еще не потух;
Бодрую силу теряет телесность,
Но, пробудясь, окрыляется дух.
Грустны и сладки предсмертные годы!
Это привычное мне бытие,
Эти картины родимой природы —
Всё это словно уже не мое.
Плоти не чувствую прежней обузы;
Жду перехода в обитель теней;
С милой землей расторгаются узы,
Дух возлетает всё выше над ней.
Чужд неспокойному страсти недугу,
Ведая тихую радость одну, —
Словно хожу по цветистому лугу,
Но ни цветов, ни травы уж не мну!..

1896

Алексей Жемчужников

Осеннее ненастье

Небо холодное — в тучах;
Хмуры лужайки и чащи;
Слышен в березах плакучих
Ветер, уныло гудящий...

Словно томимы тоскою —
Близко ко мне, но незримо,—
Тени одна за другою,
Плача, проносятся мимо.

10 ноября 1896. Ильиновка

За шлагбаумом[1454]

Одна статья теперь поэтов сосчитала
Живых известных — пять. Меня в числе их нет.
Не потому ль, что счет ошибочен? Пять — мало.
Зачем я не шестой, седьмой, восьмой поэт?
На это звание прошу мне выдать нумер.
Меня молчанием нельзя же обойти.
Мне место надо дать среди живых пяти, —
Ведь я еще пока не умер.
«Тот за шлагбаумом, — цитирую статью, —
Кого именовать не вспомнили с пятью».
Но я «известным» быть себя считаю вправе,
Доверчиво пойду к опущенной заставе;

[1454] По желанию поэта, это стихотворение должно было быть напечатано только после его смерти. «В одной петербургской газете, — писал поэт во вступительной заметке к стихотворению, — в конце 1898 г. был помещен фельетон: «Петербургские разговоры». Между прочим, автор фельетона поставил вопрос: «Кого, после смерти Полонского, можно назвать в настоящее время «поэтом»?» Затем перечислялись в таком порядке следующие поэты: Минский, Мережковский, Фофанов, гр. Голенищев-Кутузов, Случевский. В конце же говорится: «Те, которых имена не пришли сами собою в голову, пусть и остаются за шлагбаумом». А. Ж.».

И при писательской почетной братье всей,
Пред теми, от кого действительно зависит,
Впустить иль нет, скажу: «Подвысь; я — Алексей
Жемчужников». И страж подвысит.

18 ноября 1898

Звуки старины далекой

Зимой мне были молчаливы
Явленья жизни; я ведь глух;
Но музыкальные мотивы
Ласкали мой духовный слух.

Сижу, бывало, одинокий,
В невозмутимой тишине,
А звуки старины далекой
Былое воскрешают мне.

Всё боле отрочества годы
Мне шлют радушный свой привет.
Я уж тогда был друг природы,
Уже тогда я был поэт...

В аллее лип, в аллее вишен
Весенним днем гуляю я;
Мне птичий гам отвсюду слышен;
Я светел, добр; мой дух возвышен;
Я полон счастьем бытия.

Я убежден, что мошки, пчелы
Таким же счастием полны,
И все слагают гимн веселый
Во славу жизни и весны.

Я увлечен петушьим криком;
И объяснил мне чуткий слух,
Что, в удовольствии великом,
Поведать силится петух:

«Как хорошо!» — кричит он, славя
Природу щедрую за всё;
И юный сын его, картавя,
Кричит за ним: «Как халясё!»

Сижу я в классной. Не пускают
Меня гулять в ненастный день;
Но звуки скоро развлекают
Мою задумчивую лень.

То чтенье слышится: красиво
Звучит «Онегина» строфа;
То мать поет иль “Casta diva”[1455]
Иль “Una voce poco fa...”[1456]

В столовой — Всенощной служенье,[1457]
Открыты окна настежь в сад;

[1455] Непорочная богиня (итал.). [каста дива]
[1456] Одним голосом = *согласными голосами* недавно... (итал.). [уна вече поко фа]
[1457] *Всéнощная* (всенощное бдение) — богослужение православной церкви, совершаемое накануне воскресений и отдельных праздников.

И дым кадильного куренья
Цветам струит свой аромат.

Стал уставать я понемногу
И стал рассеян, но потом,
При пеньи: «Слава в вышних Богу!»
Души я чувствую подъем.

И в то же время из-за сада
Я слышу топот, ржанье, рев
Домой вернувшегося стада
Овец, коней, телят, коров.

Сперва все взрослые смутились;
Но дал пример священник сам,
Чтобы погромче возносились
Молитвы клира к небесам.

Весь труд, однако, был напрасен;
И стадо заглушить не мог
Ни дьякон басом громогласным,
Ни звонким тенором дьячок.

А мне приятен выси с долом
Такой нечаянный союз;
И я, в волнении веселом,
Еще усерднее молюсь...

Так звуки старины далекой
Былое воскрешали мне,

Когда мечтал я, одинокий,
В невозмутимой тишине.

Март 1903. Тамбов

Лев Мей (1822—1862)

* * *

Не знаю, отчего так грустно мне при ней?
Я не влюблен в нее: кто любит, тот тоскует,
Он болен, изнурен любовию своей.
Он день и ночь в огне — он плачет и ревнует...
Я не влюблен... при ней бывает грустно мне —
И только... Отчего — не знаю. Оттого ли,
Что дума и у ней такой же просит воли,
Что сердце и у ней в таком же дремлет сне?
Иль от предчувствия, что некогда напрасно,
Но пылко мне ее придется полюбить?
Бог весть! А полюбить я не хотел бы страстно:
Мне лучше нравится — по-своему грустить.
Взгляните, вот она: небрежно локон вьется,
Спокойно дышит грудь, ясна лазурь очей —
Она так хороша, так весело смеется...
Не знаю, отчего так грустно мне при ней?

1844

Ты печальна

Кому-то

Ты печальна, ты тоскуешь,
Ты в слезах, моя краса!
А слыхала ль в старой песне:
«Слезы девичьи — роса»?

Поутру на поле пала,
А к полудню нет следа...
Так и слезы молодые
Улетают навсегда,
Словно росы полевые,
Знает Бог один — куда.

Развевает их и сушит
Жарким пламенем в крови
Вихорь юности мятежной,
Солнце красное любви.

30 июля 1857. С. Кораллово

* * *

Убей меня, Боже всесильный,
Предвечною правдой своей,
Всей грозною тайной могильной
И всем нерекомым убей —

Любви Ты во мне не погубишь,
Не сдержишь к бессмертью порыв:
Люблю я — затем, что Ты любишь,
Бессмертен — затем, что Ты жив!

19 октября 1857

Церера[1458]

Посвящается графу
Григорию Александровичу
Кушелеву-Безбородко[1459]

Rachette me fecit[1460].

Октябрь... клубятся в небе облака,
Уж утренник осеребрил слегка
Поблекшие листы березы и осины,
И окораллил кисть поспелую рябины,
И притупил иголки по сосна́м...
Пойти к пруду: там воды мертво-сонны,
Там в круг сошлись под куполом колонны
И всепечальнице земли воздвигнут храм,
Храм миродержице — Церере...
Там
Я часто, по весенним вечерам,

[1458] *Цере́ра* (римск.) — богиня плодородия.
[1459] *Кушелев-Безбородко* Г. А., граф (1832—1870) — литератор, бывший лицеист, с 1859 по 1862 г. издатель журнала «Русское слово», издатель «Сочинений и переводов Льва Мея», 1862. Мей сблизился с Кушелевым и его кружком, в котором тот играл роль мецената, вскоре после приезда в Петербург.
[1460] Рашетт меня сделал (лат.). Д. Рашетт (1744—1809), французский скульптор, с 1779 г. работавший в России. Стихотворение навеяно статуей Цереры, воздвигнутой в честь Екатерины II в парке Полюстрова, имения Кушелевых-Безбородко. В издании «Л. А. Мей, Стихотворения и драмы.» (1947) приводится описание ее, сделанное П. Н. Столпянским: «12 столбов поддерживали купол храма, посреди которого возвышалось бронзовое изваяние императрицы Екатерины II в образе Сибиллы (ошибка, — следует: Цереры). На статуе была надпись: «Rachette fecit 1789. Отливал и отделывал имп. Академии художеств мастер Василий Металов». Впоследствии эта статуя была переведена в Царское Село».

Сидел один на каменной ступени
И в высь глядел, и в темной той высѝ
Одна звезда спадала с небеси
Вслед за другой мне прямо в душу... Тени
Ложилися на тихий пруд тогда
Так тихо, что не слышала вода,
Не слышали и темные аллеи
И на воде заснувшие лилеи...
Одни лишь сойка с иволгой не спят:
Тревожат песней задремавший сад, —
И этой песне нет конца и меры...
Но вечно нем громадный лик Цереры...
На мраморном подножии, в венце
Из стен зубчатых, из бойниц и башен,
Стоит под куполом, величественно-страшен,
Спокоен, и на бронзовом лице
Небесная гроза не изменѝт улыбки...
А очертания так женственны и гибки,
Так взгляд ее живительно-могуч,
И так дрожат в руках богини ключ
И пук колосьев, что сама природа,
А не художник, кажется, дала
Ей жизнь и будто смертным прорекла:
«Склонитесь перед ней — *вот сила и свобода*!»

Но вот, без мысли, цели и забот,
Обходит храм, по праздникам, народ;
На изваяние не взглянет ни единый,
И разве старожил, к соседу обратясь,

Укажет: «Вон гляди! беседку эту князь[1461]
Велел построить в честь Екатерины».

19 октября 1857. Безбородкино

Малиновке

Посвящается Варваре Александровне Мей[1462]

Да! ты клетки ненавидишь,
Ты с тоской глядишь в окно;
Воли просишь... только, видишь,
Право, рано: холоднó!

Пережди снега и вьюгу:
Вот олиственятся леса,
Вот рассыплется по лугу
Влажным бисером роса,

Клетку я тогда открою
Ранним-рано поутру —
И порхай, Господь с тобою,
В крупноягодном бору.

Птичке весело на поле
И в лесу, да веселей
Жить на *воле*, петь на *воле*
С красных зорек до ночей...

[1461] А. А. Безбородко (1746—1799), двоюродный прадед Г. А. Кушелева-Безбородко, вице-канцлер при Екатерине II, пользовавшийся ее неограниченным доверием; он сохранил свое влияние и при Павле I, который сделал его государственным канцлером и возвел в княжеское достоинство.
[1462] *Мей В. А.* (в девичестве Кропоткина) — жена П. П. Мея, двоюродного брата поэта.

Не тужи: весною веет;
Пахнет в воздухе гнездом;
Алый гребень так и рдеет
Над крикливым петухом;

Уж летят твои сестрицы
К нам из-за моря сюда:
Жди же, жди весны-царицы,
Теплой ночи и гнезда.

Я пущу тебя на *волю*;
Но, послушай, заведешь
Ты мне песенку, что полю
И темны́м лесам поешь?

Знаешь, ту, что полюбили
Волны, звезды и цветы,
А задумали-сложили
Ночи вешние да ты.

1857

При посылке стихов
(Кате Мей)[1463]

Года прошли с тех пор обычным чередом,
Как, силы юные в семейной лени тратя,
С тобою вечера просиживал я, Катя,

[1463] *Катя Мей* — Екатерина Екимовна Мей (урожд. Никотина), жена Вяч. А. Мея, младшего брата поэта.

В глуши Хамовников[1464] и на крылечке том,
Где дружба и любовь давно порог обила,
Откуда смерть сама раздумчиво сходила...
Года прошли, но ты, не правда ли, всё та?
Всё так же для тебя любезны те места,
Где в праздник, вечером, умчась из пансиона,
Ты песню слушала доверчиво мою
И знала, что пою — не зная, что́ пою,
Под звучный перелив знакомого нам звона?
Возьми же, вот тебе тетрадь моих стихов
На память молодых и прожитых годов...
Когда нас Чур стерег, дымилась вечно трубка
И жизнь цвела цветком, как ты, моя голубка!

1858

Сумерки

Оттепель... Поле чернеет;
Кровля на церкви обмокла;
Так вот и веет, и веет —
Пахнет весною сквозь стекла.

С каждою новой ложбинкой
Во́дополь всё прибывает,
И ограненною льдинкой
Вешняя звездочка тает.

[1464] Дом Меев в Москве, куда поэт вернулся после окончания лицея, был расположен в Хамовниках; половину его занимал штабной доктор Е. Никотин, отец Кати.

Тени в углах шевельнулись,
Темные, сонные тени,
Вдоль по стенам потянулись,
На пол ложатся от лени...

Сон и меня так и клонит...
Тени за тенями — грезы...
Дума в неведомом тонет...
На́ сердце — крупные слезы.

Ох, если б крылья да крылья,
Если бы доля да доля,
Не было б мысли *«бессилья»,*
Не было б слова — *«неволя»*.

22 марта 1858

Запевка

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
Благовестная, победная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, в слезах крещеная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася:
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью,
Намело тебя с сырых могил метелицей...

1856

Канарейка

Говорит султанша канарейке:
«Птичка! Лучше в тереме высоком
Щебетать и песни петь Зюлейке,[1465]
Чем порхать на Западе далеком?
Спой же мне про за-море, певичка,
Спой же мне про Запад, непоседка!
Есть ли там такое небо, птичка,
Есть ли там такой гарем и клетка?
У кого там столько роз бывало?
У кого из шахов есть Зюлейка —
И поднять ли так ей покрывало?»

Ей в ответ щебечет канарейка:
«Не проси с меня заморских песен,
Не буди тоски моей без нужды:
Твой гарем по нашим песням тесен,
И слова их одалыкам чужды...[1466]
Ты в ленивой дреме расцветала,
Как и вся кругом тебя природа,
И не знаешь — даже не слыхала,
Что у песни есть сестра — свобода».

1859

[1465] *Зюлейка* — героиня восточных поэм Байрона.
[1466] *Одалык* — прислужница в гареме (от турецк. «ода́» — комната).

Чуру

Ты непородист был, нескладен и невзрачен,
И постоянно зол, и постоянно мрачен;
Не гладила тебя почти ничья рука, —
И только иногда приятель-забияка
Мне скажет, над тобой глумяся свысока:
«Какая у тебя противная собака!»
Когда ж тебя недуг сломил и одолел,
Все в голос крикнули: «Насилу околел!»
Мой бедный, бедный Чур! Тобою наругались,
Тобою брезгали, а в дверь войти боялись,
Не постучавшися: за дверью ждал их *ты!*
Бог с ними, с пришлыми!.. *Свои* тебя любили,
Не требуя с тебя статей и красоты,
Ласкали, холили — и, верно, не забыли.

А я... Но ты — со мной, я знаю — ты со мной,
Мой неотходный пес, ворчун неугомонный,
Простороживший мне дни жизни молодой —
От утренней зари до полночи бессонной!
Один ты был, один свидетелем тогда
Моей немой тоски и пытки горделивой,
Моих ревнивых грез, моей слезы ревнивой
И одинокого, упорного труда...
Свернувшися клубком, смирнехонько, бывало,
Ты ляжешь, чуть дыша, у самых ног моих,
И мне глядишь в глаза, и чуешь каждый стих...
Когда же о́т сердца порою отлегало
И с места я вставал, довольный чем-нибудь,

И *ты* вставал за мной — и прыгал мне на грудь,
И припадал к земле, мотая головою,
И пестрой лапою заигрывал со мною...
Прошли уже давно былые времена,
Давно уж нет тебя, но странно: ни одна
Собака у меня с тех пор не уживалась,
Как будто тень твоя с угрозой им являлась...

Теперь ты стал еще любовнее ко мне:
Повсюду и везде охранником незримым
Следишь ты за своим хозяином любимым;
Я слышу днем тебя, я слышу и во сне,
Как ты у ног моих лежишь и дремлешь чутко...
Пережила ль тебя животная побудка
И силой жизненной осталась на земле,
Иль бедный разум мой блуждает в тайной мгле —
Не спрашиваю я: на то ответ — у Бога...

Но, Чур, от моего не отходи порога
И береги покой моей родной семьи!
Ты твердо знаешь, кто чужие и свои, —
Остерегай же нас от недруга лихого,
От друга ложного и ябедника злого,
От переносчика усердного вестей,
От вора тайного и нéзваных гостей;
Ворчи на них, рычи и лай на них, не труся,
А я на голос твой в глухой ночи проснуся.
Смотри же, узнавай их поверху чутьем,
А впустят — сторожи всей сметкой и умом,
И будь, как был всегда, доверия достоин...

Дай лапу мне... Вот так... Теперь я успокоен:
Есть сторож у меня!.. Пускай нас осмеют,
Как прежде, многие: *немногие* поймут.

1859

Зяблику

Мне гроза дана в наследство:
Гром и молнию стеречь
Научило рано детство,
И понятна мне их речь.

Только молния-первинка
В сердце врежется стрелой —
Оживал я, как былинка,
Освеженная грозой.

Только в серой тучке грянет
Громозвучная краса,
За собою так и манит
Душу прямо в небеса!

А пройдет гроза, бывало,
В нашем садике цветы
Все поднимут покрывало:
Запоешь тогда и ты.

И тогда, смеясь над няней,
Убегал я в мокрый сад,

Под малинник, где зараней
Мне готов был водопад.

И бумажный я кораблик
В лужу мутную спускал.
Но тогда, мой милый зяблик,
Я тебя не понимал.

Не слыхал твоей я песни,
Хоть звучала мне она:
«Божье де́ревцо, воскресни,
Где гроза, там и весна!»

Начало 1859

Фейерверк

Много взвивалось потешных огней,
Брошенных смелой рукою людей, —
    Дна допроситься у неба;
Да неизведано дно в небеси,
И в бирюзовой бездонной выси
    Звезды, сопутницы Феба,
Не увидали взлетевших ракет,
Будто их не было в небе и нет,
    Будто из темного сада,
С каждого дерева, с ветки, с листка,
Не разбросала их чья-то рука
    И не глядела дриада...
Нет: меж ветвей не глядит уж она...

Но, как богиня лесов, зелена,
В дымке струистой хитона,[1467]
Вся, как цветок, создана для венца,
Кисти и песен, струны и резца,
Ты поглядела с балкона
Вслед за ракетой и быстрой мечтой
Обогнала ее в мгле голубой,
Выше надзвездной границы,
И замечталася — Бог весть о чем...
Между тем тени вставали кругом
Из повседневной гробницы;
Шли по аллеям, дорожкам, кустам,
По закурённым до сна цветникам
Ладаном ночи; скользили —
Где меж толпы, обогнувшей балкон,
Где меж далеко белевших колонн
Черный свой саван спустили,
Где охватили, припавши за куст,
Мраморный цоколь, иль бронзовый бюст,
Или предсение храма...
Вот и бенгальские гаснут огни —
И потонуло в росистой тени
Всё — и картина, и рама...
Всё... Воцарилась ночная краса...

Что ж ты пытливо глядишь в небеса,
Что же не сводишь с них взора?
Что тебе звезды с небес говорят?
То ли, что гаснет и огненный взгляд

[1467] *Хитон* — одежда древних греков, род рубахи без рукавов.

Так же безвременно скоро,
Как и ракета, что в их вышине
Дщерям земли недоступны оне
И что лазурной стезею
Много земных звезд умчалось туда,
Только назад ни одна никогда
С неба не спала звездою?
То ли они говорят, что, пока
Летний день долог и ночь коротка,
Надо ловить наслажденья;
Что пред святым алтарем красоты
Надо кошницами сыпать цветы,
Жечь фимиам воскуренья;
Что потому-то всё дышит кругом
И красоты и любви торжеством:
Пышные эти палаты,
Статуи, куполы, арки, столпы,
Шелест внизу изумленной толпы,
Стройные звуки сонаты,
Сдержанный шепот привычных похвал,
Вся эта роскошь, весь блеск и весь бал —
Всё для тебя?..
Отчего же,
В небо взглянувши, задумалась ты?
Знаю, ты светской бежишь суеты,
Да и оков ее тоже;
Знаю, устала ты сердце губить,
Хочется жить тебе, хочется жить
Страстью разумно-свободной,
И отрекаешься ты со стыдом —

Быть человеку потешным огнем,
А не звездой путеводной.

20 июля 1859

Знаешь ли, Юленька

Ю. И. Липиной[1468]

Знаешь ли, Юленька, что мне недавно приснилося?..
Будто живется опять мне, как смолоду жилося;
Будто мне на́ сердце веет бывалыми вёснами:
Просекой, дачкой, подснежником, хмурыми соснами,
Талыми зорьками, пеночкой, Невкой, березами,
Нашими детскими... нет! — уж не детскими грезами!
Нет!.. уже что-то тревожно в груди колотилося...
Знаешь ли, Юленька?.. глупо!.. А всё же приснилося...

1860

Молодой месяц

Ясный месяц, ночной чародей!..
Вслед за зорькой вечерней пурпурною
Поднимись ты стезею лазурною,
Посвети мне опять поскорей...
Сердце молотом в грудь мне колотится,
Сердце чует: к нему не воротится
Всё, с чего обмирало оно...

[1468] *Липина* Юлия Ивановна (урожд. Мей) — двоюродная сестра поэта.

Всё далёко теперь... Но далекую
Пережил бы я ночь звездоокую —
При надежде... А то — всё темно.

1861

Четыре строки

Нет предела стремлению жадному...
Нет исхода труду безуспешному...
Нет конца и пути безотрадному...
Боже, милостив буди мне, грешному.

1861

Аполлон Григорьев (1822—1864)

Комета[1469]

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозда́нная, вся полная раздора,

[1469] В марте 1843 года комету наблюдали в Западной Европе, и русская печать заинтересованно обсуждала это явление. Стихотворение А. Григорьева связано со строками из стихотворения А. С. Пушкина: «Как беззаконная комета / В кругу расчисленных светил».

Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,
Чтó нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

1843

Город

Да, я люблю его, громадный, гордый град,
Но не за то, за что другие;
Не здания его, не пышный блеск палат
И не граниты вековые
Я в нем люблю, о нет! Скорбящею душой
Я прозираю в нем иное —
Его страдание под ледяной корой,
Его страдание больное.

Пусть почву шаткую он заковал в гранит
И защитил ее от моря,
И пусть сурово он в самом себе таит
Волненье радости и горя,
И пусть его река к стопам его несет
И роскоши, и неги дани, —

На них отпечатлен тяжелый след забот,
Людского пота и страданий.

И пусть горят светло огни его палат,
Пусть слышны в них веселья звуки, —
Обман, один обман! Они не заглушат
Безумно страшных стонов муки!
Страдание одно привык я подмечать,
В окне ль с богатою гардиной,
Иль в темном уголку, — везде его печать!
Страданье — уровень единый!

И в те часы, когда на город гордый мой
Ложится ночь без тьмы и тени,
Когда прозрачно всё, мелькает предо мной
Рой отвратительных видений…
Пусть ночь ясна, как день, пусть тихо всё вокруг,
Пусть всё прозрачно и спокойно, —
В покое том затих на время злой недуг,
И то — прозрачность язвы гнойной.

1 января 1845

* * *

Доброй ночи!.. Пора!
Видишь: утра роса небывалая там
Раскидала вдали озера…
И холмы поднялись островами по тем озерам.

Доброй ночи!.. Пора!
Посмотри: зажигается яркой каймой
На востоке рассвета заря…
Как же ты хороша, освещенная утра зарей!

Доброй ночи!.. Пора!
Слышишь утренний звон с колоколен церквей;
Тени ночи спешат до утра,
До урочного часа вернуться в жилище теней…

Доброй ночи!.. Засни.
Ночи тайные гости боятся росы заревой,
До луны не вернутся они…
Тихо спи, освещенная розовой утра зарей.

1843, 1857

* * *

Мой ангел света! Пусть перед тобою
Стихает всё, что в сердце накипит;
Немеет всё, что без тебя порою
Душе тревожной речью говорит.

Ты знаешь всё… Когда благоразумной,
Холодной речью я хочу облечь,
Оледенить души порыв безумный —
Лишь для других не жжется эта речь!

Ты знаешь всё… Ты опускаешь очи,

И долго их не в силах ты поднять,
И долго ты темней осенней ночи,
Хоть никому тебя не разгадать.

Один лишь я в душе твоей читаю,
Непрошенный, досадный чтец порой…
Ты знаешь всё… Но я, я также знаю
Всё, что живет в душе твоей больной.

И я и ты равно друг друга знаем,
А между тем наедине молчим,
И я и ты — мы поровну страдаем
И скрыть равно страдание хотим.

Не видясь, друг о друге мы не спросим
Ни у кого, хоть спросим обо всем;
При встрече взгляда лишнего не бросим,
Руки друг другу крепче не пожмем.

В толпе ли шумной встретимся с тобою,
Под маскою ль подашь ты руку мне —
Нам тяжело идти рука с рукою,
Как тяжело нам быть наедине.

И чинны ледяные наши речи,
Хоть, кажется, молчать нет больше сил,
Хоть так и ждешь, что в миг подобной встречи
Всё выскажешь, что на сердце таил.

А между тем и ты и я — мы знаем,

Что мучиться одни осуждены,
И чувствуем, что поровну страдаем,
На жизненном пути разделены.

Молились мы молитвою единой,
И общих слез мы знали благодать:
Тому, кто раз встречался с половиной
Своей души, — иной не отыскать!

1857

* * *

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована…

И сердце ведает мое,

Отравою облитое,
Что я впивал в себя ее
Дыханье ядовитое…

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую…
Допой же мне — договори
Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные…
Смотри: звезда горит ярчей…
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я…
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

1857

Цыганская венгерка

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли…
С детства памятный напев,
Старый друг мой — ты ли?

Как тебя мне не узнать?

На тебе лежит печать
Буйного похмелья,
Горького веселья!

Это ты, загул лихой,
Ты — слиянье грусти злой
С сладострастьем баядерки[1470] —
Ты, мотив венгерки!

Квинты резко дребезжат,[1471]
Сыплют дробью звуки…
Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.

Что за горе? Плюнь, да пей!
Ты завей его, завей
Веревочкой горе!
Топи тоску в море!

Вот проходка по баскам
С удалью небрежной,
А за нею — звон и гам
Буйный и мятежный.

Перебор… и квинта вновь
Ноет-завывает;
Приливает к сердцу кровь,

[1470] *Баядерка* (баядера) — индийская танцовщица.
[1471] *Квинта* — один из музыкальных интервалов.

Голова пылает.

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
С голубыми ты глазами, моя душечка!

Замолчи, не занывай,
Лопни, квинта злая!
Ты про них не поминай…
Без тебя их знаю!
В них хоть раз бы поглядеть
Прямо, ясно, смело…
А потом и умереть —
Плевое уж дело.
Как и вправду не любить?
Это не годится!
Но, что сил хватает жить,
Надо подивиться!
Соберись и умирать,
Не придет проститься!
Станут люди толковать:
Это не годится!
Отчего б не годилось,
Говоря примерно?
Значит, просто всё хоть брось…
Оченно уж скверно!
Доля ж, доля ты моя,
Ты лихая доля!
Уж тебя сломил бы я,
Кабы только воля!

Уж была б она моя,
Крепко бы любила…
Да лютая та змея,
Доля, — жизнь сгубила.
По рукам и по ногам
Спутала-связала,
По бессонныим ночам
Сердце иссосала!
Как болит, то ли болит,
Болит сердце — ноет…
Вот что квинта говорит,
Что басок так воет.

. . . . . .
. . . . . .
Шумно скачут сверху вниз
Звуки врассыпную,
Зазвенели, заплелись
В пляску круговую.
Словно табор целый здесь,
С визгом, свистом, криком
Заходил с восторгом весь
В упоеньи диком.
Звуки шепотом журчат
Сладострастной речи…
Обнаженные дрожат
Груди, руки, плечи.
Звуки все напоены
Негою лобзаний.

Звуки воплями полны
Страстных содроганий…
Ба́сан, ба́сан, басана́,
Басана́та, басана́та,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата…
Что за дело? ты моя!
Разве любит он, как я?
Нет — уж это дудки!
Доля злая ты моя,
Глупы эти шутки!
Нам с тобой, моя душа,
Жизнью жить одною,
Жизнь вдвоем так хороша,
Порознь — горе злое!
Эх ты, жизнь, моя жизнь…
К сердцу сердцем прижмись!
На тебе греха не будет,
А меня пусть люди судят,
Меня Бог простит…

Что же поешь ты, мое
Ретиво сердечко?
Я увидел у нее
На руке колечко!..
Ба́сан, ба́сан, басана́,
Басана́та, басана́та!
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата!

Эх-ма, ты завей
Веревочкой горе…
Загуляй да запей,
Топи тоску в море!
Вновь унылый перебор,
Звуки плачут снова…
Для чего немой укор?
Вымолви хоть слово!
Я у ног твоих — смотри —
С смертною тоскою,
Говори же, говори,
Сжалься надо мною!
Неужель я виноват
Тем, что из-за взгляда
Твоего я был бы рад
Вынесть муки ада?
Что тебя сгубил бы я,
И себя с тобою…
Лишь бы ты была моя,
Навсегда со мною.
Лишь не знать бы только нам
Никогда, ни здесь, ни там
Расставанья муки…
Слышишь… вновь бесовский гам,
Вновь стремятся звуки…
В безобразнейший хаос
Вопля и стенанья
Всё мучительно слилось.
Это — миг прощанья.

Уходи же, уходи,
Светлое виденье!..
У меня огонь в груди
И в крови волненье.
Милый друг, прости-прощай,
Прощай — будь здорова!
Занывай же, занывай,
Злая квинта, снова!
Как от муки завизжи,
Как дитя от боли,
Всею скорбью дребезжи
Распроклятой доли!
Пусть больнее и больней
Занывают звуки,
Чтобы сердце поскорей
Лопнуло от муки!

1857

* * *

Und wenn du ganz in dem Gefühle selig bist
Nenns Glück, Liebe, Gott!
Ich kenne keinen Namen
Dafür. Gefühl ist alles…
Name ist Schall und Rauch
Umnebelnd Himmelsglut.
Goethe. Faust. I Teil[1472]

[1472] Наполни же всё сердце этим чувством
И, если в нем ты счастье ощутишь,
Зови его как хочешь:
Любовь, блаженство, сердце, Бог!
Нет имени ему! Всё — в чувстве!

Над Флоренцией сонной прозрачная ночь
Разлила свой туман лучезарный.
Эта ночь — точно севера милого дочь!
Фосфорически светится Арно…

Почему же я рад как дурак, что грязна,
Как Москва, и Città dei Fiori?[1473]
Что луна в облаках, как больная, бледна,
Смотрит с влагою тусклой во взоре?

О владыка мой, Боже! За душу свою
Рад я всею *поющей* душою;
Рад за то, что я гимн мирозданью пою
Не под яркой полудня луною…

Что не запах могучих полудня цветов
Душу дразнит томленьем и страстью,
Что у неба туманного, серого — вновь
Сердце молит и требует счастья;

Что я верю в минуту, как в душу свою,
Что в душе у меня лучезарно,
Что я гимн мирозданью и сердцу пою
На сыром и на грязном Лунг-Арно.[1474]

Тихо спи под покровом прозрачно-сырой
Ночи, полной туманных видений,

А имя — только дым и звук,
Туман, который застилает небосвод.
Гете. «Фауст», 1 часть (нем.)

[1473] Город цветов (итал.). [читта́ дей фьо́ри]

[1474] *Лунг-Арно* — набережная реки Арно.

Мой хранитель таинственный, странный, больной,
Мое сердце, мой северный гений.

17 февраля 1858

Александр Аммосов (1823—1866)

Элегия

«Хас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет[1475]
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.

Дам старее тебя

[1475] *Бешмет* — стеганый полукафтан.

Тебе шашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром.[1476]

Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай,
Лишь за это свою
Ты жену мне отдай.

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье,
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Тяжело без любви
Ей тебе отвечать
И морщины твои
Не любя целовать.

Видишь, вон Ямман-Су[1477]
Моет берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоею женой.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,

[1476] *Тавро* — клеймо, выжигаемое на коже лошадей и служащее отличительным знаком.
[1477] *Ямман-Су* — горная река на Северном Кавказе.

Всё молчало кругом.

И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Мне она отдалась
До последнего дня
И Аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

Крепко шашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схватись за кинжал,
Стал ему отвечать:

«Князь! рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рек,
Я с женой молодой
Вас вчера подстерег.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.

Ты невестой своей
Полюбуйся поди,

Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на губах».

Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой;
И играет река
Перекатной волной.

1858

Иван Аксаков (1823—1886)

Дождь

Тепло и тихо; ливень крупный
Гудит, стуча по мостовой.
Скорей, скорей! Приют доступный
Еще далек передо мной!
По желобам вода струится,
Шумящим падает ручьем;
По скатам бешено катится
Потоком грязи в водоем,

На кры́льца, под навес, тревожно
Досужий прячется народ;
Кой-где по камням, осторожно,
Ступает мокрый пешеход;
Да шляпу завернув в бумажный
Широкий клетчатый платок,
Закинув голову, отважный,
Спешит купеческий сынок.
Порой чрез улицу мелькает
Огромный зонтик иногда,
Тяжелый, синий; и вода
По прутьям звонко ниспадает.
Да в луже целою ступней,
Походкой пьяной и кривой,
Мужик шагает, распевая…
Порой мещанка молодая,
Подол забравши без затей,
Красуясь белыми чулками,
Проходит ловкими ногами
По ребрам вымытых камней!
Но вот блестящая карета
Несется шумно. В ней сидит,
С лорнетом, сморщен и сердит,
Какой-то франт большого света,
Небрежно смотрит, развалясь,
На дождик; зол и полон гнева…
Кругом направо и налево
Колеса вскидывают грязь!..

Но дальше, дальше. Мчатся кони

То мимо лавок и рядов,
То мимо разных благовоний
И ветхих низменных домов.
Пестреет всё в движеньи скором…
Вот дом огромный за забором.
Я мимо дома проскакал,
И мне, сквозь ряд окошек длинный,
Мелькнули быстро: желтый зал,
Две печи в голубой гостиной,
Да у последнего окна
Сидит красавица, одна…

И вот уносится и скачет
Моя досужая мечта:
О чем грустит и будто плачет,
О чем тоскует красота?
Пред нею даль; окно открыто;
Тепло и тихо; дождик льет…
Всё настоящее забыто,
Одно минувшее живет!
Зачем она поникла взором?..
Иль смущена теперь иным?
Заботой мелкой, женским вздором,
Тщеславьем жалким и смешным?..

А между тем приют доступный
Уж мне мелькнул издалека…
Не продолжи́тся ливень крупный,
И разойдутся облака!
И воздух чистый и прекрасный

Благоуханием пахнет,
И в вечер теплый, тихий, ясный
Душою каждый отдохнет!

13 июня 1846

* * *

Странным чувством объята душа,
Будто хочет проститься с землею,
Будто всё, чем земля хороша,
С бесконечной и пестрой семьею,
Всё покинуть ей дóлжно спеша!..

И с порывом тоскливо-больным
Просит воли, — на миг позабыться,
Всё вместить, полюбить, всем земным,
Всем дыханием жизни упиться,
Всем блаженством ее молодым!..

1847

Иван Никитин (1824—1861)

Лес

Шуми, шуми, зеленый лес!
Знаком мне шум твой величавый,

И твой покой, и блеск небес
Над головой твоей кудрявой.
Я с детства понимать привык
Твое молчание немое
И твой таинственный язык
Как что-то близкое, родное.

Как я любил, когда порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорил с сильною грозой
В минуты страшной непогоды,
Когда больших твоих дубов
Вершины темные качались
И сотни разных голосов
В твоей глуши перекликались...

Или когда светило дня
На дальнем западе сияло
И ярким пурпуром огня
Твою одежду освещало.
Меж тем в глуши твоих дерев
Была уж ночь, а над тобою
Цепь разноцветных облаков
Тянулась пестрою грядою.

И вот я снова прихожу
К тебе с тоской моей бесплодной,
Опять на сумрак твой гляжу
И голос слушаю свободный.
И может быть, в твоей глуши,

Как узник, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыдённой.

1849

* * *

Ярко звезд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведен костер.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,

Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьем свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь да блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звезды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

Июль 1858

* * *

Помнишь? — с алыми краями
Тучки в озере играли;
Шапки на ухо, верхами

Ребятишки в лес скакали.

Табуном своим покинут,
Конь в воде остановился
И, как будто опрокинут,
Недвижим в ней отразился.

При заре румяный колос
Сквозь дремоту улыбался;
Лес синел. Кукушки голос
В сонной чаще раздавался.

По поляне перед нами,
Что ни шаг, цветы пестрели,
Тень бродила за кустами,
Краски вечера бледнели...

Трепет сердца, упоенье, —
Вам в слова не воплотиться!
Помнишь?.. Чудные мгновенья!
Суждено ль им повториться?

1858

Юлия Жадовская (1824—1883)

* * *

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты в жизни разлюбишь, полюбишь,
А я — никого, никогда!
Ты новые лица увидишь
И новых друзей изберешь;
Ты новые чувства узнаешь
И, может быть, счастье найдешь.
Я — тихо и грустно свершаю,
Без радостей, жизненный путь;
И как я люблю и страдаю —
Узнает могила одна!

1844

* * *

Я всё еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещет;
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольно блещет.

Я всё еще его, безумная, люблю!
Отрада тихая мне душу проникает,
И радость ясная на сердце низлетает,
Когда я за него Создателя молю.

1846

Взгляд

Я помню взгляд, мне не забыть тот взгляд! —
Он предо мной горит неотразимо:
В нем счастья блеск, в нем чудной страсти яд,
Огонь тоски, любви невыразимой.
Он душу мне так сильно взволновал,
Он новых чувств родил во мне так много,
Он сердце мне надолго оковал
Неведомой и сладостной тревогой!

1847

Прощай

Прощай! не нужно мне участья:
Не жалуюсь, не плачу я.
Тебе— вся прелесть бытия,
Тебе — весь блеск земного счастья,
Тебе — любовь, тебе — цветы,
Тебе — все жизни наслажденья;
Мне — сердца тайные мученья
Да безотрадные мечты.
Прощай! пришла пора разлуки...
Иду в печальный, долгий путь...
Бог весть, придется ль отдохнуть
Мне здесь от холода и скуки!

1847

* * *

Ты всюду предо мной: повеет ли весна,
Я чувствую тебя в ее отраде тайной;
Любуюсь ли цветком, я уж тоски полна, —
Я мыслю о тебе; забросит ли случайно
Холодная луна свой бледный луч ко мне,
Иль кроткая звезда вечерняя сияет, —
Всё это мне тебя, мой друг, напоминает.
Я плачу о тебе в печальной тишине.
Тоской, любовию, разлукою томима,
Вся жизнь моя — бессильная борьба...
Меня гнетет недуг неисцелимый
И неизбежный, как судьба...

1847

* * *

Люди много мне болтали
О тебе добра и худа;
Но на все пустые толки
Я презреньем отвечала.
Пусть кричат, что им угодно,
Про себя я говорила,
Мне всю правду сердце скажет:
Лучше всех оно сумеет
Различить добро и худо.

И с тех пор, как полюбила
Я тебя, прошло немало
Дней веселых и печальных;
Разгадать же и теперь я
Не могу, как ни стараюсь,
Чтó в тебе я так любила:
То ли, что хвалили люди,
Или то, что осуждали?..

1848

Скучный вечер

Как мне вечером скучно одной,
Да притом же не в шутку больной!
Я б охотно послушала сказки,
Дождалась бы и глупой развязки;
А уж если бы песню кто спел,
Мой недуг бы как раз отлетел.
Мне работать, читать запретили.
Да еще бы хоть звезды светили!
Нет, в окошко, темна, холодна,
Ночь угрюмая смотрит одна;
Шумно сани порой проезжают,
Да у дома в потемках мерцают,
И лениво, и тускло горя,
Покривленные два фонаря.
С каждым часом минуты длиннее,
С каждым часом в душе холоднее.

Вот и песня... Спасибо тому,
Кто запел, невзирая на тьму, —
И не мыслит о том, не гадает,
Кто ему с наслажденьем внимает:
Для себя одного он поет
И по улице дальше идет...

1848

* * *

Ночь. Всё тихо. Только звезды
Неусыпные блестят
И в струях реки зеркальной
И мелькают, и дрожат;
Да порою пробегает
Легкий трепет по листам
Или сонный жук лениво
Прожужжит привет цветам.
Полно нам с тобой так поздно
Под деревьями сидеть
И с мечтой неисполнимой
Грустно на небо смотреть
И, как детям, любоваться
И звездами, и рекой:
О другом давно пора уж
Нам подумать бы с тобой.
Посмотри, ведь ты седеешь,
Да и я уж не дитя;

Путь далек, притом не гладок, —
Не пройдешь его шутя!
И не вечно будут звезды
Нам так ласково сверкать:
То и жди, беда, как туча,
Набежит на нас опять...
Вот и надобно подумать,
Чтобы нас она врасплох
Не застала, чтоб рассудок
Силы нам собрать помог,
Чтоб взглянуть в глаза несчастью
С думой смелой и прямой,
Чтоб не пасть нам перед горем,
А возвыситься душой...

1848

* * *

Тихо я бреду одна по саду,
Под ногами желтый лист хрустит,
Осень льет предзимнюю прохладу,
О прошедшем лете говорит.
Говорит увядшими цветами,
Грустным видом выжатых полей
И холодными, сырыми вечерами —
Всей печальной прелестью своей.
Так тоска душе напоминает
О потере наших лучших дней,

Обо всем, чего не возвращает
Эта жизнь — жестокий чародей!

1857

Алексей Плещеев (1825—1893)

Зимнее катанье

Посмотри, на небе звезды,
Снег блистает серебром,
Едем, друг мой... ночью зимней
Мчаться весело вдвоем.

Полетит как птица тройка,
Колокольчик зазвенит,
И раскинется пред нами
Бесконечной степи вид.

Всё, что сердце днем тревожит:
И забот докучных рой,
И судьбы насмешки злые —
Всё забудем мы с тобой.

И пускай перенесемся,
Обаяния полны,
В мир волшебных пестрых сказок
Нашей доброй старины.

Будем думать, что в хрустальный
Ты дворец заключена,
Что тебя я похищаю
От седого колдуна...

Что мечом моим булатным
Сторож твой — косматый зверь —
Поражен, и мы с тобою
Птицы вольные теперь.

Право, этот мир чудесный
Лучше нашего в сто крат:
Лучше козни чародеев,
Чем житейский наш разлад.

Едем! ждут за воротами
Сани, крытые ковром;
В небе месяц, в небе звезды,
Снег блистает серебром!

1857

* * *

Тихо всё, глядится месяц
В воды зыбкие реки;
За рекою слышны песни
И мелькают огоньки.

Отчего так сердцу больно?
Дней ли прошлых стало жаль,
Иль грядущего пугает
Неразгаданная даль?

Отчего в груди томленье?
И туманит взор слеза?
Или снова надо мною
Собирается гроза?

Вот сокрылся месяц в тучи,
Огоньков уж не видать;
Стихли песни... Скоро ль, сердце,
Перестанешь ты страдать?

1858

* * *

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце

Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заране
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нету в печке дров...
Ты на чей же, осень,
Поспешила зов?

Вон и худ и бледен
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь — наводит
Желтых листьев шум
На́ душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим не дождаться
Света и тепла!

1860

Родное

Свесилась уныло
Над оврагом ива,
И всё дно оврага
Поросло крапивой.

В стороне могила
Сиротеет в поле:
Кто-то сам покончил
С горемычной долей!

Вой вдали чернеют,
Словно пни, избушки;
Не из той ли был он
Бедной деревушки?

Там, чай, труд да горе,
Горе без исхода...
И кругом такая
Скудная природа!

Рытвины да кочки,
Даль полей немая;
И летит над ними
С криком галок стая...

Надрывает сердце
Этот вид знакомый...
Грустно на чужбине,

Тяжело и дома!

1862

* * *

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;
Вон вдали — соломой крытые избушки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины;
Не пройдешь без думы без тяжелой мимо.
Что же к ним всё тянет так неодолимо?

Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни берез плакучих,
Ни избушек этих сереньких, как тучи;
Что же в них так сердцу дорого и мило?
И какая манит тайная к ним сила?

Июль 1861

* * *

Люблю я по́д вечер тропинкою лесною
Спуститься к берегу зеленому реки

И там, расположись под ивою густою,
Смотреть, как невод свой закинут рыбаки,
Как солнце золотит прощальными лучами
И избы за рекой, и пашни, и леса,
А теплый ветерок меж тем, шумя листами,
Едва-едва мои взвевает волоса,
И ласково лицо мое целует ива,
Нагнув ко мне свои сребристые листы.
О, как мне хорошо! Довольный и счастливый,
Лежу я вдалеке от скучной суеты;
Мне в уши не жужжат заученные фразы
Витий, что ратуют за «медленный прогресс»
И от кого бы прочь бежал, как от заразы,
В пустыни дикие, в непроходимый лес.
Порою в разговор рыбак со мной вступает
О том, какой ему на долю выпал лов,
Как сына он к дьячку учиться посылает...
И я внимать ему хоть целый день готов:
Мне по душе его бесхитростное слово,
Как по душе мне жизнь средь вспаханных полей, —
Здесь, пошлости и лжи стряхнув с себя оковы,
Свободней я дышу и чувствую полней.

Июль 1861

* * *

Солнце горы золотило,
    Золотило облака.
Воды светлые катила

В яркой зелени река.

И казалось, эти воды
Унесли с собою вдаль
И недавние невзгоды,
И недавнюю печаль.

И как будто воротилась
Снова дней моих весна;
Сердце весело так билось,
Так душа была ясна.

Всё, чего душа просила
Так напрасно с давних пор,
Всё природа ей дарила:
И свободу, и простор!

Июль 1862

* * *

Ночь пролетала над миром,
Сны на людей навевая;
С темно-лазоревой ризы
Сыпались звезды, сверкая.

Старые мощные дубы,
Вечнозеленые ели,
Грустные ивы листвою
Ночи навстречу шумели.

Радостно волны журчали,
Образ ее отражая;
Рожь наклонялась, сильнее
Пахла трава луговая.

Крики кузнечиков резвых
И соловьиные трели,
В хоре хвалебном сливаясь,
В воздухе тихом звенели,

И улыбалася кротко
Ночь, над землей пролетая...
С темно-лазуревой ризы
Сыпались звезды, сверкая...

Июль 1862

* * *

Бледный луч луны пробился
Сквозь таинственной листвы,
И приносит ветер теплый
Запах скошенной травы.

Всё бы только здесь лежал я,
Под навесом этих ив,
В даль немую, в купол звездный,
Взор бесцельно устремив;

Всё бы слушал, как вершина
Ивы дремлющей шумит,
Как на темном дне оврага
По камням родник журчит.

Это тихое журчанье,
Шелест листьев, свет луны —
На меня всё навевает
Примиряющие сны...

Ночь! с твоим сияньем кротким,
Для усталого меня,
Ты дороже и милее
Ярко блещущего дня...

Июль 1862

Осень

Я узнаю тебя, время унылое:
Эти короткие, бледные дни,
Долгие ночи, дождливые, темные,
И разрушенье — куда ни взгляни.
Сыплются с дерева листья поблекшие,
В поле, желтея, поникли кусты;
По́ небу тучи плывут бесконечные...
Осень докучная!.. Да, это ты!

Я узнаю тебя, время унылое,
Время тяжелых и горьких забот:

Сердце, когда-то так страстно любившее,
Давит мертвящий сомнения гнет;
Гаснут в нем тихо одна за другою
Юности гордой святые мечты,
И в волосах седина пробивается...
Старость докучная!.. Да, это ты!

1863

* * *

Я помню всё: и голос милый,
И ласки, ласки без конца;
Я буду помнить до могилы
Черты любимого лица.

И сад я помню над рекою,
Где мы, в вечерний, поздний час,
Бродили тихою стопою,
Где мы сошлись в последний раз.

Какой глубокой, страшной муки
Была душа моя полна,
Когда, мои сжимая руки,
«Прости!» — сказала мне она...

Прошли года... Но образ милый
Еще живет в душе моей,
И буду помнить до могилы
Я кроткий свет ее очей...

1860-е годы

Весна

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждет чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна!» — читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят — кто больше всех
Природы любит обновленье!

1872

* * *

Как часто образ дорогой
Встает в ночи передо мною,
С своей улыбкой молодой,
С своей задумчивой красою.
И вновь я вижу этот взор —
Взор, полный ласки и привета...
Больное сердце с давних пор
Его лучами не согрето!
Но тщетно к призраку с мольбой
Свои я простираю руки,
Взываю тщетно я: «Постой!
Изныла грудь моя от муки...»
Безмолвно он уходит прочь,
И остаюсь один я снова
С своей тоской... И только ночь
Глядит в окно мое сурово...

1884

* * *

Нам звезды кроткие сияли,
Чуть веял теплый ветерок,
Кругом цветы благоухали,
И волны ласково журчали
У наших ног.

Мы были юны, мы любили,
И с верой вдаль смотрели мы;
В нас грезы радужные жили,
И нам не страшны вьюги были
Седой зимы.

Где ж эти ночи с их сияньем,
С благоухающей красой
И волн таинственным роптаньем?
Надежд, восторженных мечтаний
Где светлый рой?

Померкли звезды, и уныло
Поникли блеклые цветы...
Когда ж, о сердце, всё, что было,
Что нам весна с тобой дарила,
Забудешь ты?

1884

Михаил Михайлов (1829—1865)

Простая история

Мы встречались часто, говорили
Много всякой безотрадной гили;
А о том, как сердце наше ныло,

Как рвалось, как бешено любило,
Никогда словца не проронили.

Мы прощались тихо, без рыданий,
Без излишних нежных излияний;
При пожатьи не дрожали руки...
А меж тем душа рвалась от муки,
Сердце замирало от страданий.

1851

* * *

Те же всё унылые картины,
Те же всё унылые места:
Черный лес да белые равнины,
По селеньям голь и нищета.
А кругом всё будто стоном стонет...
И вопрос тоскливый сердце жмет:
Лес ли то со стоном сосны клонит,
Или вьюга твой мне стон несет,
Изнемогший в вековом томленьи,
Искушенный в вековом терпеньи,
Мой родной, несчастный мой народ?

1861

* * *

Долиной пышной шли мы рядом,
Блаженных дум полны.
Кругом весь мир цветущим садом
Сиял в лучах весны.

Казалось, радостным полянам
Из века в век цвести
И к ним ни бурям, ни туманам
Не отыскать пути.

Мы как во сне остановились
У быстрого ручья.
Как чудно в нем лучи дробились!
Как искрилась струя!

Ты пела мне: «К угрюмой дали
Журча бежит ручей,
Там всё страданья да печали,
Темна там жизнь людей.

Пойдем — осушим Горю слезы
Счастливою рукой;
Снесем им радость, песни, розы,
Свободу, свет, покой!»

Мы шли, соединясь руками,
Над синей быстриной;
Ручей играл, сверкал меж нами
Веселою волной.

Мы поцелуем обменяться
Через него могли;
Нам было любо петь, смеяться...
Мы в чудных грезах шли.

Но вдруг рассеял наши грезы
Зловещий шум ручья:
Вздымалась в нем, полна угрозы,
Померкшая струя.

Он шире стал — и наши руки
Невольно разлучил.
Темнела даль, и грома звуки
К нам ветер доносил.

Чрез миг завыла непогода...
Ручей влился в поток.
Искать мы стали перехода...
Волна срывала с ног.

Мы оглянулись... И за нами
Разливы бурных вод
Клубились по полям волнами...
Поток шумел: «Вперед!»

И мы пошли... Катилась с ревом
Меж нас уже река.
Мы только обменяться словом
Могли издалека.

Нам не сомкнуть уста и руки...
Река всё шире, злей...
И милых слов родные звуки
Доносятся слабей.

Их заглушают злобной силой
И гром и вой реки.
Лишь виден мне твой образ милый
И знак твоей руки.

Но волны выше; тьма густая
Чернеет, свет губя...
Мне не видать тебя, родная!
Мне не видать тебя!

Зову... Во мраке исчезает
Бесследно крик тоски.
Лишь ураган мне отвечает
Один из-за реки.

И вот передо мною море:
В него влилась река...
И я один... со мной лишь горе,
Тревога и тоска.

Напрасно вопли посылаю
Я с темных берегов...
Ни мой тебе, ни твой, я знаю,
Мне не услышать зов.

Вдали лишь молнии трепещут
Среди зловещей мглы,
Вблизи же злобно в берег хлещут
Студеные валы.

1862

* * *

Снова дней весенних
Дождалися мы:
Ласточки щебечут
Над окном тюрьмы.

Между гор зеленых
Темной полосой
Вьется вдаль дорога
К стороне родной.

1862

* * *

Говорят, весна пришла,
Ярки дни, и ночь тепла;
Луг зеленый весь в цветах,
Соловьи поют в лесах.
Я хожу среди лугов —
Я ищу твоих следов;

В чаще слушаю лесной,
Не раздастся ль голос твой.

Где ж весна и где цветы?
Их срывать не ходишь ты.
Где же песня соловья?
Не слышна мне речь твоя...
Не пришла еще весна.
День угрюм, ночь холодна.
Поле инеи куют,
Птицы плачут, не поют.

1862

* * *

Только помыслишь о воле порой,
Словно повеет откуда весной.

Сердце охватит могучая дрожь;
Полною жизнью опять заживешь.

Мир пред тобою широкий открыт;
Солнце надежды над далью горит.

Ждет тебя дело великое вновь,
Счастье, тревога, борьба и любовь.

Снова идешь на родные поля,

Труд и надежды с народом деля.

Пусть будет снова боренье со злом,
Пусть и падешь ты, не сладив с врагом,

Пусть будут гибель, страданья, беда, —
Только б не эта глухая чреда.

1863 или 1864

Петр Вейнберг (1831—1908)

* * *

Он был титулярный советник,[1478]
Она — генеральская дочь;
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь,
И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь.

[1478] *Титулярный советник* — девятая ступень из 14 на гражданской службе в петровской Табели о рангах (соответствовал капитану в армии и поручику в гвардии). Обладатели этого чина были уже не секретарями, но еще и не полноправными советниками. Генеральские чины начинались с четвертой ступени (действительный статский советник, тайный советник, действительный тайный советник).

1859

Платон Кусков (1834—1909)

Муха

Ничего не слышит ухо;
Ночь безмолвна, как в пустыне;
Всё уснуло, только муха
Где-то бьется в паутине.

Да еще среди молчанья
У меня, во мраке ночи,
Сердце, полное страданья,
Тоже бьется что есть мочи.

Но во мгле, в ночном покое,
Никому, увы! нет дела,
Что на сердце на больное
Пауком любовь насела.

И ни шелеста, ни звука —
Ничего не слышит ухо;
Только в сердце скорбь и мука,
И один товарищ — муха.

1860

Весна

Опять твои увижу я поля,
Природа-мать, — не в царственном уборе,
Как в тех странáх, где знойная земля
Цветет, глядит — со страстию во взоре;
Нет, бедная, из-под своих снегов
Ты явишься передо мною снова...
Но всё равно тебе моя любовь,
Тебе любви приветливое слово!
Зажжется грудь желаньями опять,
И скромные, чуть слышимые грозы
Твои на ум навеют благодать
И на глаза живительные слезы.
Я лепет твой, с тобой наедине,
Услышу, полн волнения, как прежде;
И в рубище своем ты будешь мне
Опять мила, как в царственной одежде.
И сам себя, под рубищем своим,
Почувствую царем я в мире снова —
В тени лесов, под небом голубым,
Средь лепета и ропота родного.

1861

Константин Случевский (1837—1904)

Рассвет в деревне

Огонь, огонь! На небесах огонь!
Роса дымится, в воздух отлетая;
По грудь в реке стоит косматый конь,
На ранний ветер уши навостряя.
По длинному селу, сквозь дымку темноты,
Идет обоз с богатой кладью жита;
А за селом погост и низкие кресты,
И церковь древняя, чешуйками покрыта...
Вот ставней хлопнули: в окне старик седой
Глядит и крестится на первый луч рассвета;
А вот и девушка извилистой тропой
Идет к реке, огнем зари пригрета.
Готово солнце встать в мерцающей пыли,
Крепчает пенье птиц под бесконечным сводом,
И тянет от полей гвоздикою и медом
И теплой свежестью распаханной земли...

* * *

Старый плющ здесь ползет
Вдоль мохнатых корней;
Ель, замшившись, растет —
Вся в дремоте ветвей...
Опуститься б в тени,
Поглядеть на закат,
Как ночные огни
В небесах заблестят,

И, с темнеющим днем,
Всем своим бытием,
Как и день, отойти
На иные пути...

В листопад

Ночь светла, хоть звезд не видно,
Небо скрыто облаками,
Роща темная бушует
И бичуется ветвями.

По дороге ветер вьется,
Листья скачут вдоль дороги,
Как бессчетные пигмеи
К великану, мне, под ноги.

Нет, неправда! То не листья,
Это — маленькие люди:
Бьются всякими страстями
Их раздавленные груди...

Нет, не люди, не пигмеи!
Это — бывшие страданья,
Облетевшие мученья
И поблекшие желанья...

Всех их вместе ветер гонит
И безжалостно терзает!
Вся дорога змеем темным

Под роями их мелькает...

Нет конца змее великой...
Вьется, бьется, копошится,
В даль и темень уползает,
Но никак не может скрыться.

* * *

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Бьется весело в гранит,
Вихри завивает,
И, метелицей гудя,
Плачет да рыдает.

Под мостами свищет он
И несет с разбега
Белогрудые холмы
Молодого снега.

Под дровнишки мужика
Всё ухабы сует,
Кляче в старые бока
Безотвязно дует.

Он за валом крепостным

Воет жалким воем
На соборные часы
С их печальным боем:

Много близких голосов
Слышно в песнях ваших,
Сказок муромских лесов,
Песен дедов наших!

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Мало свету

Мало свету в нашу зиму!
Воздух темен и не чист;
Не подняться даже дыму —
Так он грузен и слоист.

Он мешается с туманом;
В нем снуют со всех сторон,
Караван за караваном,
Стаи галок и ворон...

Мгла по лесу, по болоту...
Да, задача не легка —
Пересиливать дремоту
Чуть заметного денька!

Снега

Месяц в небе высоком стоит,
Степь, покрытая снегом, блестит,
И уж сколько сияет по ней
Голубых и зеленых огней!..

Неподвижная ночь холодна,
И глубоко нема тишина,
И ломается в воздухе свет
Проплывающих звезд и планет...

Вот из белых, глубоких снегов,
На какой-то таинственный зов,
Словно белые люди встают,
И встают, и идут, и растут!

Светят лики неясные их
И проходят одни сквозь других,
И по степи мерцает вокруг
Много, много светящихся рук...

Осенний мотив

Мой старый клен с могучею листвою,
Еще ты густ, и зелен, и тенист,
А между тем чуть видной желтизною
Уже слегка озолочен твой лист.

Еще и птиц напевы голосисты,
Ты ими полн, как плеском бег реки;
Еще висят вдоль плеч твоих монисты[1479] —
Твоих семян созревших мотыльки.

В них бывший цвет — твои воспоминанья,
Остатки чувств, испытанных тобой;
Но ты сказал им только: «До свиданья!»
Ты будешь жить и будущей весной;

Глубокий сон зимы обледенелой
Додремлешь ты и, покидая сны,
Весь обновлен, листвой своей всецело
Отдашься ласкам будущей весны.

Для нас — не то. Хотя живут стремленья,
И в сердце песнь, и грез душа полна,
Но, старый друг, нет людям обновленья,
И жизнь идет, как нить с веретена.

Наши птицы

Наши обычные птицы прелестные,
Галка, ворона и вор-воробей!
Сча́стливым странам не столько известные,
Сколько известны отчизне моей...

Ваши окраски всё серые, черные,
Да и обличьем вы очень просты:

[1479] *Монисто* — ожерелье из бус, монет или каких-нибудь разноцветных камней.

Клювы как клювы, прямые, проворные,
И без фигурчатых перьев хвосты.

В непогодь, вьюги, буруны, метелицы —
Всё вы, голубчики, тут, подле нас,
Жизни пернатой невесть что — безделицы,
Вы утешаете сердце подчас.

И для картины вы очень существенны
В долгую зиму в полях и лесах!
Все ваши сборища шумны, торжественны
И происходят у всех на глазах.

Это не то, что сова пучеокая
Или отшельница-птица челна —
Только где темень, где чаща глубокая,
Там ей приятно, там дома она!

С вами иначе. То вдруг вы слетаетесь
Стаей большой на дорогу; по ней
Ходите, клю́ете и не пугаетесь,
Даже нисколько людей и коней.

То вы весь вид на картину меняете,
В лес на опушку с дороги слетев,
Белую в черную вдруг обращаете,
Сотнями в снежные ветви насев.

То, как лоскутина флёра, таскаетесь
Стаей крикливою вдоль по полям,

Тут подбираетесь, там раздвигаетесь
Черным пятном по бесцветным снегам.

Жизнь хоть и скромная, жизнь хоть и малая,
Хоть не большая, а всё благодать,
Жизнь в испытаньях великих бывалая,
Годная многое вновь испытать...

* * *

В немолчном говоре природы,
Среди лугов, полей, лесов,
Есть звуки рабства и свободы
В великом хоре голосов...

Коронки всех иван-да-марий,
Вероник, кашек и гвоздик
Идут в стога, в большой гербарий, —
Утратив каждая свой лик!

Нередко видны на покосах,
Вблизи усталых косарей —
Сидят на граблях и на косах
Певцы воздушные полей.

Поют о чудных грезах мая,
О счастье, о любви живой,
Поют, совсем не замечая
Орудий смерти под собой!

На плотине

Как сочится вода сквозь прогнивший постав,[1480]
У плотины бока размывает,
Так из сердца людей, тишины не сыскав,
Убывает душа, убывает...

Надвигается вкруг от сырых берегов
Поросль вязкая моха и тины!
Не певать соловьям, где тут ждать соловьев
На туманах плывучей трясины!

Бор погнил... Он не будет себя отражать,
Жить вдвойне... А зима наступает!
И промерзнет вода, не успев убежать,
Вся, насквозь... и уже замерзает!..

В деревне

И мнится мне: иду дорожкой сада,
Мне не тяжел обычный полдня жар;
Иду нетвердо, опираться надо,
И сад не тот, и сам я слаб и стар,
И одинок... Семья, что дом мой оживляла,
Как луг цветы, давно уж подросла,
Меньшая дочь давно большою, взрослой стала;
Все разбрелись из отчего дупла.
В могилах спят Остапы, Марьи, Гришки,
Что день и ночь толкались по дворам...

[1480] *Постáв* — по В. И. Далю, снасть, стан, каждая пара жерновов мельницы: расположение чего-либо.

В моих коленях дрожь, мне тяжко от одышки,
Туман какой-то лепится к глазам.
Из-под бровей, на лбу моем нависших,
Темней чем прежде кажет небосклон;
Мелькают в мыслях сотни лиц почивших...
О, как ты крут, горы знакомой склон!
Как далеко мне кажется до дома,
Хочу присесть, едва-едва иду;
Была скамья тут... как была знакома!
Иль нет ее? Быть может, не найду?
Я помню — тут у нашего соседа
Сзывал рабочих колокола звон;
Я помню час семейного обеда,
Мы шли к столу, неслись со всех сторон;
Был длинен стол, все дружно восседали,
Все ели всласть — здоровым всё равно;
Как было шумно, как мы хохотали...
Где этот смех? Веселье — где оно?
Здоровье где? О, как же я тоскую!
Мне много лет... Я стар стал... Я дрожу...
Чу, колокол! Проснулся я — гляжу:
Кругом семья?! Я всех их расцелую!

* * *

Шли путем неведомым...
Шли тропинкой скрытою,
Бог весть кем проложенной
И почти забытою!..

В сердце человеческом
Есть обетованные
Тропочки закрытые,
Вовсе безымянные!

Под ветвями темными
Издавна проложены,
Без пути протоптаны,
Без толку размножены.

И по ним-то крадутся,
По глубокой темени,
Чувства непонятные
Бе́з роду, без племени...

Чувства безымянные,
Си́роты бездомные,
Робкие, пугливые,
Иногда нескромные...

Подле сельской церкви

Свевая пыль с цветов раскрытых,
Семья полуночных ветров
Несет в пылинках, тьмой повитых,
Рассаду будущих цветов!

В работе робкой и безмолвной,
Людскому глазу не видна,
Жизнь сыплет всюду горстью полной

Свои живые семена!

Теряясь в каменных наростах
Гробниц, дряхлеющих в гербах,
Они плодятся на погостах
И у крестов, и на крестах.

Кругом цветы!.. Цветам нет счета!
И, мнится, сквозь движенья их
Стремятся к свету из-под гнета
Былые силы душ людских.

Они идут свои печали
На вешнем солнце осветить,
Мечтать, о чем не домечтали,
Любить, как думали любить...

Камаринская

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать.

«Ручку в ручку дай, а плечико к плечу...
Не вернуться ли нам жить?» — «Ой, не хочу!
Из покойничков в живые нам не лезть, —
Знаем, видим — лучше смерть, как ни на есть!»

Ах! Одно же сердце у людей, одно!

Истомилося, измаялось оно;
Столько горя, ну́жды, столько лжи кругом,
Что гуляет зло по свету ходенем.

Дай копеечку, кто может, беднякам,
Дай копеечку и нищим духом нам!
Торопитесь! Будет поздно торопить.
Сами станете копеечки просить...

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать...

* * *

Отдохните, глаза, закрываясь в ночи,
Вслед за тем, что вы днем увидали!
Отчего-то вы, бедные, так горячи,
Отчего так глубоко устали?

Иль нельзя успокоить вас, очи, ничем,
Охладить даже полночи тьмою! —
Спишь глубоко, а видишь во сне между тем:
Те же люди идут пред тобою...

* * *

Горячий день. Мой конь проворно
Идет над мягкой пахотой;

Белеют брошенные зерна,
Еще не скрытые землей.

Прилежной кинуты рукою,
Как блестки в пахотной пыли,
Где в одиночку, где семьею,
Они узором полегли...

Я возвращаюсь ночью бором;
Вверху знакомый взору вид:
Что зерна звезды! Их узором
Вся глубь небесная горит...

* * *

Саван белый... Смерть — картина...
Ум смиряющая даль...
Ты уймись, моя кручина,
Пропади, моя печаль!

В этом царстве запустенья
И великой немоты,
Что же значат все мученья —
Что же значим я и ты?

* * *

В избенке бедной, в стеклах окон
Свет солнца только что погас.

Над помазуемой елеем[1481]
Священник молится, склонясь!

Слова молитв совсем не ясны,
Порою в них как будто тьма —
И не для гаснущего взгляда,
И не для скромного ума!

Но, дорисованные духом,
Над отходящей поднялись
Все сонмы праведных и чистых,
И вся небесной церкви высь...

* * *

Будто месяц с шатра голубого,
Ты мне в душу глядишь, как в ручей...
Он струится, журча бестолково
В чистом золоте горних лучей.

Искры блещут, что риза живая...
Как был темен и мрачен родник —
Как зажегся ручей, отражая
Твой живой, твой трепещущий лик!..

* * *

Когда, приветливо и весело ласкаясь,

[1481] Таинство соборования, совершающееся над тяжко больным, умирающим, включает в себя чтение особых молитв, семи отрывков из Евангелия и семикратное помазание елеем.

Глазами, полными небесного огня,
Ты, милая моя, головкой наклоняясь,
Глядишь на дремлющего в забытьи меня —

Струи младенческого, свежего дыханья
Лицо горячее мне нежно холодят,
И, сквозь виденья сна и в шепоте молчанья,
Сердца в обоих нас так медленно стучат —

О, заслони, закрой головкою твоею
Весь мир, прошедшее, смысл завтрашнего дня,
Мечту и мысль... О, заслони ты ею
Меня, мой друг, от самого меня...

* * *

Мне ее подарили во сне;
Я проснулся — и нет ее! Взяли!..
Слышу: ходят часы на стене, —
Встал и я, потому что все встали.

И брожу я весь день, как шальной,
И где вижу, что люди смеются, —
Мнится мне: это смех надо мной,
Потому что нельзя мне проснуться!

* * *

Не погасай хоть ты, — ты, пламя золотое, —
Любви негаданной последний огонек!

Ночь жизни так темна, покрыла всё земное,
Всё пусто, всё мертво, и ты горишь не в срок!
Но чем темнее ночь, сильней любви сиянье;
Я на огонь иду, и я идти хочу...
Иду... Мне всё равно: свои ли я желанья,
Чужие ль горести в пути ногой топчу,
Родные ль под ногой могилы попираю,
Назад ли я иду, иду ли я вперед,
Неправ я или прав, — не ведаю, не знаю
И знать я не хочу! Меня судьба ведет...
В движеньи этом жизнь так ясно ощутима,
Что даже мысль о том, что и любовь — мечта,
Как тысячи других мелькает мимо, мимо,
И легче кажутся и мрак, и пустота...

Невменяемость

Есть в земном творении облики незримые,
Глазу незаметные, чудеса творящие,
Страшно ненавистные, горячо любимые,
Целый мир обманчивый в этот мир вносящие.

В жизни человеческой, в важные мгновения,
Облики незримые вдруг обозначаются,
В обаянье подвига, в злобе преступления
Нежданно, негаданно духом прозреваются.

С ними всё незримое видимым становится,
В гробовом молчании разговоры слышатся,
Что-то небывалое в жизнь вступить готовится,

Все основы мыслей, как тростник, колышатся...

Человек решается... и в его решении
Мир несуществующий в обликах присутствует,
Он зовет на подвиги, тянет к преступлению,
И совсем по-своему вразумив — напутствует...

Нас двое

Никогда, нигде один я: не хожу,
Двое нас живут между людей:
Первый — это я, каким я стал на вид,
А другой — то я мечты моей.

И один из нас вполне законный сын;
Без отца, без матери — другой;
Вечный спор у них и ссоры без конца;
Сон придет — во сне всё тот же бой.

Потому-то вот, что двое нас — нельзя,
Мы не можем хорошо прожить:
Чуть один из нас устроится — другой
Рад в чем может только б досадить!

* * *

Когда бы, как-нибудь, для нас возможным стало
Вдруг сблизить то, что в жизни возникало
На расстояньях многих-многих лет —
При дикой красоте негаданных сближений

Для многих чувств хотелось бы прощений...
Прощенья нет, но и забвенья нет.

Вот отчего всегда, везде необходимо
Прощать других... Для них проходит мимо
То, что для нас давным-давно прошло,
Что было куплено большим, большим страданьем,
Что стало ложью, бывши упованьем,
Явилось светлым, темным отошло...

Мы — стоики

Да, смерть нам не страшна, мы это знаем;
Мы каждый день немного обмираем.
Слабеют чувства, ясность мысль теряет,
Надежды гибнут, вера погасает,
И эту правду вечных погасаний
Того, что кем-то, как-то зажжено,
Мы величаем именем призваний...
Смешно!

В больнице Всех Скорбящих[1482]

Еще один усталый ум погас...
Бедняк играет глупыми словами...
Смеется!.. Это он осмеивает нас,
Как в дни былые был осмеян нами.

Слеза мирская в людях велика!

[1482] *Больница Всех Скорбящих* — психиатрическая больница в Петербурге.

Велик и смех... Безумные плодятся...
О, берегитесь вы, кому так жизнь легка,
Чтобы с безумцем вам не побрататься!

Чтоб тот же мрак не опустился в вас;
Он ближе к нам, чем кажется порою...
Да кто ж, поистине, скажите, кто из нас
За долгий срок не потемнел душою?

Lux aeterna[1483]

Когда свет месяца бесстрастно озаряет
Заснувший ночью мир и всё, что в нем живет,
Порою кажется, что свет тот проникает
К нам, в отошедший мир, как под могильный свод.

И мнится при луне, что мир наш — мир загробный,
Что где-то, до того, когда-то, жили мы,
Что мы — не мы, послед других существ, подобный
Жильцам безвыходной, таинственной тюрьмы.

И мы снуем по ней какими-то тенями,
Чужды грядущему и прошлое забыв,
В дремоте тягостной, охваченные снами,
Не жизнь — но право жить — как будто сохранив...

В Киеве ночью

Спит пращур городов! А я с горы высокой

[1483] Вечный свет (лат.).

Смотрю на очерки блестящих куполов,
Стремящихся к звездáм над уровнем домов,
Под сенью темною, лазурной и стоокой.
    И Днепр уносится... Его не слышу я, —
    За далью не шумит блестящая струя.

О, нет! Не месяц здесь живой красе причина!
Когда бы волю дать серебряным лучам
Скользить в безбрежности по темным небесам,
Ты не явилась бы, чудесная картина,
    И разбежались бы безмолвные лучи,
    Чтоб сгинуть, потонуть в неведомой ночи.

Но там, где им в пути на землю пасть случилось,
Чтобы светить на то, что в тягостной борьбе,
Так или и́наче, наперекор судьбе,
Бог ведает зачем, составилось, сложилось —
    Иное тем лучам значение иметь:
    В них мысль затеплилась! Ей пламенем гореть!

Суть в созданном людьми, их тяжкими трудами,
В каменьях, не в лучах, играющих на них,
Суть в исчезаньи сил, когда-то столь живых,
Сил, возникающих и гибнущих волнами, —
    А кроткий месяц тут, конечно, ни при чем
    С его бессмысленным, серебряным лучом.

* * *

Да, нет сомненья в том, что жизнь идет вперед,

И то, что сделано, то сделать было нужно.
Шумит, работает, надеется народ;
Их мелочь радует, им помнить недосужно...

А всё же холодно и пусто так кругом,
И жизнь свершается каким-то смутным сном,
И чуется сквозь шум великого движенья
Какой-то мертвый гнет большого запустенья;

Пугает вечный шум безумной толчеи
Успехов гибнущих, ненужных начинаний
Людей, ошибшихся в избрании призваний,
Существ, исчезнувших, как на реке струи...

Но не обманчиво ль то чувство запустенья?
Быть может, устают, как люди, поколенья,
И жизнь молчит тогда в каком-то забытьи.
Она, родильница, встречает боль слезами
И ловит бледными, холодными губами
Живого воздуха ленивые струи,
Чтобы, заслышав крик рожденного созданья,
Вздохнуть и позабыть все, все свои страданья!

На публичном чтении

Когда великий ум в час смерти погасает,
Он за собою вслед потомству оставляет,
Помимо всяких дел, еще и облик свой,
Каким он в жизни стал за долгою борьбой...
И вот к нему тогда радетели подходят,

И, уверяя всех, что память мертвых чтут,
В душе погаснувшей с фонариками бродят,
По сокровеннейшим мечтам ее снуют, —
В догадках, вымыслах и выводах мудреных
Кощунствуют при всех и, на правах ученых,
В любезном чаянье различных благостынь
Немытою рукой касаются святынь...

* * *

Я задумался и — одинок остался;
Полюбил и — жизнь великой степью стала;
Дружбу я узнал и — пламя степь спалило;
Плакал я и — василиски нарождались.

Стал молиться я — пошли по степи тени;
Стал надеяться и — свет небес погаснул;
Проклял я — застыло сердце в страхе;
Я заснул — но не нашел во сне покоя...

Усомнился я — заря зажглась на небе,
Звучный ключ пробился где-то животворный,
И по степи, неподвижной и алкавшей,
Поросль новая в цветах зазеленела...

* * *

Где только есть земля, в которой нас зароют,
Где в небе облака свои узоры ткут,
В свой час цветет весна, зимою вьюги воют,

И отдых сладостный сменяет тяжкий труд.

Там есть картины, мысль, мечтанье, наслажденье,
И если жизни строй и злобен, и суров,
То всё же можно жить, исполнить назначенье;
А где же нет земли, весны и облаков?

Но если к этому прибавить то, что было,
Мечты счастливые и встречи прежних лет,
Как, друг за дружкою, то шло, то проходило,
Такая-то жила, такой-то не был сед;

Как с однолетками мы время коротали,
Как жизни смысл и цель казалися ясней, —
Вы вновь слагаетесь, разбитые скрижали
Полузабывшихся, но не пропавших дней.

* * *

Край, лишенный живой красоты,
В нем намеки одни, да черты,
Всё неясно в нем, полно теней,
Начиная от самых людей;
Если плачут — печаль их мелка,
Если любят — так любят слегка,
Вял и медлен неискренний труд,
Склад всей жизни изношен и худ,
Вечно смутен, тревожен их взгляд,
Всё как будто о чем-то молчат...
Откровенной улыбки в них нет,

Ласки странны, двусмыслен совет...
Эта бледность породы людской
Родилась из природы самой:
Цепи мелких, пологих холмов,
Неприветные дебри лесов,
Реки, льющие волны сквозь сон,
Вечно серый, сырой небосклон...
Тяжкий холод суровой зимы,
Дни, бессильные выйти из тьмы,
Гладь немая безбрежных равнин —
Ряд неконченных кем-то картин...
Кто-то думал о них, рисовал,
Бросил кисти и сам задремал...

* * *

Не стонет справа от меня больной,
Хозяйка слева спорить перестала,
И дети улеглись в квартире надо мной,
И вот, кругом меня так тихо, тихо стало!

Газета дня передо мной раскрыта...
Она мне не нужна, я всю ее прочел:
По-прежнему в ходу ослиные копыта,
И за клочок сенца идет на пытку вол!

И так я утомлен отсутствием свободы;
Так отупел от доблестей людей,
Что крики кошек и возню мышей
Готов приветствовать, как голоса природы.

В Заонежьи

Верст сотни на́ три одинокий,
Готовясь в дебрях потонуть,
Бежит на север неширокий,
Почти всегда пустынный путь.

Порою, по часам по целым,
Никто не едет, не идет;
Трава под семенем созрелым
Между колей его растет.

Унылый край в молчаньи тонет...
И, в звуках медленных, без слов,
Одна лишь проволока стонет
С пронумерованных столбов...

Во имя чьих, каких желаний
Ты здесь, металл, заговорил?
Как непрерывный ряд стенаний,
Твой звук задумчив и уныл!

Каким пророчествам тут сбыться,
Когда, решившись заглянуть,
Жизнь стонет раньше, чем родиться,
И стоном пролагает путь?!

После казни в Женеве

Тяжелый день... Ты уходил так вяло...
Я видел казнь: багровый эшафот
Давил, как будто бы, сбежавшийся народ,
И солнце ярко на топор сияло.

Казнили. Голова отпрянула, как мяч!
Стер полотенцем кровь с обеих рук палач,
А красный эшафот поспешно разобрали,
И увезли, и площадь поливали.

Тяжелый день... Ты уходил так вяло...
Мне снилось: я лежал на страшном колесе,
Меня коробило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости все...

И я вытягивался в пытке небывалой
И, став звенящею, чувствительной струной, —
К какой-то схимнице, больной и исхудалой,
На балалайку вдруг попал едва живой!

Старуха страшная меня облюбовала
И нервным пальцем дергала меня,
«Коль славен наш Господь»,[1484] тоскливо напевала,
И я втори́л ей — жалобно звеня!..

На Раздельной[1485]

(После Плевны)

[1484] «Коль славен наш Господь» — начало псалма 47 в переложении М. М. Хераскова; исполнялся на музыку Д. С. Бортнянского как государственный гимн России.
[1485] *Раздельная* — узловая станция железной дороги Одесса—Казатин.

К вокзалу железной дороги
Два поезда сразу идут;
Один — он бежит на чужбину,
Другой же — обратно ведут.

В одном по скамьям новобранцы,
Всё юный и целый народ;
Другой на кроватях и койках
Калек бледноликих везет...

И точно как умные люди,
Машины, в работе пыхтя,
У станции ход уменьшают,
Становятся ждать, подойдя!

Уставились окна вагонов
Вплотную стекло пред стеклом;
Грядущее виделось в этом,
Былое мелькало в другом...

Замолкла солдатская песня,
Замялся, иссяк разговор,
И слышалось только шаганье
Тихонько служивших сестер.

В толпе друг на друга глазели:
Сознанье чего-то гнело,
Пред кем-то всем было так стыдно
И так через край тяжело!

Лихой командир новобранцев, —
Имел он смекалку с людьми, —
Он гаркнул своим музыкантам:
«Сыграйте ж нам что, черт возьми!»

И свеялось прочь впечатленье,
И чувствам исход был открыт:
Кто был попрочней — прослезился,
Другие рыдали навзрыд!

И, дым выпуская клубами,
Машины пошли вдоль колей,
Навстречу судьбам увлекая
Толпы́ безответных людей...

* * *

Всё чаще говорить приходится — «забыл»,
И всё яснее мне, что я совсем «устал»;
Всё чаще слышат те, с кем говорю — «я был»,
И, что ни день, твержу всё чаще — «я желал».

Всё реже сознаю, что «радость ждет меня»,
Совсем не говорю — я жажду, я ищу;
И в слабых проблесках темнеющего дня,
Оскудевающий, надеюсь и молчу...

На кладбище

Я лежу себе на гробовой плите,

Я смотрю, как ходят тучи в высоте,
Как под ними быстро ласточки летят
И на солнце ярко крыльями блестят.
Я смотрю, как в ясном небе надо мной
Обнимается зеленый клен с сосной,
Как рисуется по дымке облаков
Подвижной узор причудливых листов.
Я смотрю, как тени длинные растут,
Как по небу тихо сумерки плывут,
Как летают, лбами стукаясь, жуки,
Расставляют в листьях сети пауки...

Слышу я, как под могильною плитой,
Кто-то ежится, ворочает землей,
Слышу я, как камень точат и скребут
И меня чуть слышным голосом зовут:
«Слушай, милый, я давно устал лежать!
Дай мне воздухом весенним подышать,
Дай мне, милый мой, на белый свет взглянуть,
Дай расправить мне придавленную грудь.
В царстве мертвых только тишь да темнота,
Корни цепкие, да гниль, да мокрота,
Очи впавшие засыпаны песком,
Череп голый мой источен червяком,
Надоела мне безмолвная родня.
Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня?»

Я молчал и только слушал: под плитой
Долго стукал костяною головой,
Долго корни грыз и землю скреб мертвец,

Копошился и притихнул наконец.
Я лежал себе на гробовой плите,
Я смотрел, как мчались тучи в высоте,
Как румяный день на небе догорал,
Как на небо бледный месяц выплывал,
Как летали, лбами стукаясь, жуки,
Как на травы выползали светляки...

* * *

Я видел свое погребенье.
Высокие свечи горели,
Кадил непроспавшийся дьякон,
И хриплые певчие пели.

В гробу на атласной подушке
Лежал я, и гости съезжались,
Отходную кончил священник,
Со мною родные прощались.

Жена в интересном безумьи
Мой сморщенный лоб целовала,
И, крепом красиво прикрывшись,
Кузену о чем-то шептала.

Печальные сестры и братья:
(Как в нас непонятна природа!)
Рыдали при радостной встрече
С четвертою частью дохода.

В раздумьи, насупивши брови,
Стояли мои кредиторы,
И были и мутны и страшны
Их дикоблуждавшие взоры.

За дверью молились лакеи,
Прощаясь с потерянным местом,
А в кухне объевшийся повар
Возился с поднявшимся тестом.

Пирог был удачен. Зарывши
Мои безответные кости,
Объелись на сытных поминках
Родные, лакеи и гости.

* * *

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией, — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.[1486]

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А всё как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!

[1486] *Ярославна* — жена северского князя Игоря Святославича, чей плач на стене г. Путивля передает «Слово о полку Игореве».

Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна всё-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

Быть ли песне?

Какая дерзкая нелепость
Сказать, что будто бы наш стих,
Утратив музыку и крепость,
Совсем беспомощно затих!

Конечно, пушкинской весною
Вторично внукам, нам, не жить:
Она прошла своей чредою
И вспять ее не возвратить.

Есть вёсны в людях, зимы глянут,
И скучной осени дожди,
Придут морозы, бури грянут,
Ждет много горя впереди...

Мы будем петь их проявленья
И вторить всем проклятьям их;
Их завыванья, их мученья
Взломают вглубь красивый стих...

Переживая злые годы
Всех извращений красоты —
Наш стих, как смысл людской природы,
Обезобразишься и ты;

Ударясь в стоны и рыданья,
Путем томления пройдешь,
Минуешь много лет страданья —
И наконец весну найдешь!

То будет время наших внуков,
Иной властитель дум придет...
Отселе слышу новых звуков
Еще не явленный полет.

* * *

Ни слава яркая, ни жизни мишура,
Ни кисти, ни резца бессмертные красоты,

Ни золотые дни, ни ночи серебра
Не в силах иногда согнать с души дремоты.

Но если с детских лет забывшийся напев
Коснется не́жданно притупленного слуха, —
Дают вдруг яркий цвет, чудесно уцелев,
Остатки прежних сил надломленного духа.

Совсем ребяческие, старые тона,
Наивность слов простых, давным-давно известных,
Зовут прошедшее воспрянуть ото сна,
Явиться в обликах живых, хоть бестелесных.

И счастье прежних дней, и яркость прежних сил, —
То именно, что в нас свершило всё земное,
Вдруг из таинственно открывшихся могил
Сквозь песню высится: знакомое, живое...

* * *

В молчаньи осени ссыпаются листы,
В ветвях являются нежданные просветы, —
И незамеченные прежде силуэты,
И новые вдали красивые черты...

Не то же ль и с душой людскою? — Вечно споря
С невзгодами судьбы, осилена тщетой,
Лишь только в холоде — и немощи, и горя —
Вдруг небывалою заблещет красотой!..

* * *

Любо мне, чуть с вечерней зарей
Солнце, лик свой к земле приближая,
Взгляды искоса в рощу бросая,
Сыплет в корни свой свет золотой;

Багрянистой парчой одевает
Листьев матовый, бледный испод...
Это — очень нечасто бывает,
И вечернее солнце — не ждет.

* * *

Порою между нас пророки возникают,
Совсем, совсем не так, как думаете вы,
Их в этот мир вещать не степи посылают,
Сиянье не блестит с избранной головы.

Нет в наши дни у нас пророков по призванью,
Им каждый может быть, — пустыня ни при чем;
Вдруг замечается — в противность ожиданью —
Огонь, светящийся на том или другом.

Ничтожнейший из нас в минуту ту иль в эту
Пророком может быть; случайно он постиг
Большую истину, и он вещает свету...
Знать, огненный к нему с небес сошел язык.

И скажет он свое, и быстро замолкает,

И, бедный, может быть, всю жизнь свою прождет:
Вот-вот сойдет язык, вновь пламя заиграет...
И, в ожидании, он, чающий, умрет...

* * *

О, будь в сознаньи правды смел...
Ни ширм, ни завесей не надо...
Как волны дантовского ада
Полны страданий скорбных тел, —
Так и у нас своя картина...
Но только нет в ней красоты:
Людей заткала паутина...
В ней бьются все — и я, и ты...

* * *

Заката светлого пурпурные лучи
Стремятся на́ гору с синеющей низины,
И ярче пламени в открывшейся печи
Пылают сосен темные вершины...

Не так ли в Альпах горные снега
Горят, когда внизу синеет тьма тенями...
Жизнь родины моей! О, как ты к нам строга,
Как не балуешь нас роскошными дарами!

Мы силами мечты должны воссоздавать
И дорисовывать, чего мы не имеем;
То, что другим дано, нам надо отыскать,

Нам часто не собрать того, что мы посеем!

И в нашем творчестве должны мы превозмочь
И зиму долгую с тяжелыми снегами,
И безрассветную, томительную ночь,
И тьму безвременья, сгущенную веками...

* * *

Сквозь листву неудержимо
Тихо льет церковный звон,
Уносясь куда-то мимо
В бесконечность всех сторон.

Сквозь большие непорядки
Душ людских — добро скользит...
Где и в чем его зачатки?
И какой влечет магнит?

Дивной силой притяженья
Кто-то должен обладать,
Чтобы светлые явленья
В тьме кромешной вызывать.

* * *

Горит, горит без копоти и дыма
И всюду сыплется по осени листва...
Зачем, печаль, ты так неодолима,
Так жаждешь вылиться и в звуки, и в слова?

Ты мне святá, моя печаль родная, —
Не тем святá ты мне, что ты — печаль моя;
Тебя порою в песне оглашая,
Совсем не волен я, пою совсем не я!

Поет во мне не гордость самомненья...
Нет, плач души слагается в размер,
Один из стонов общего томленья
И безнадежности всех чаяний, всех вер!

Вот оттого-то кто-нибудь и где-то
Во мне отзвучия своей тоске найдет;
Быть может, мной яснее будет спето,
Но он, по-своему, со мной одно поет.

* * *

Меня здесь нет. Я там, далеко,
Там, где-то, в днях пережиты́х!
За далью их — не видит око
И нет свидетелей живых.

Я там, весь там, за серой мглою!
Здесь нет меня; другим я стал,
Забыв, где был я сам собою,
Где быть собою перестал...

* * *

Здесь всё мое! — Высь небосклона,
И солнца лик, и глубь земли,
Призыв молитвенного звона
И эти в море корабли;

Мои — все села над равниной,
Стога, возникшие окрест,
Река с болтливою стремниной
И всё былое этих мест...

Здесь для меня живут и ходят...
Мне — свежесть волн, мне — жар огня,
Туманы даже, те, что бродят, —
И те мои и для меня!

И в этом чудном обладанье,
Как инок, на исходе дней,
Пишу последнее сказанье,
Еще одно, других ясней!

Пускай живое песнопенье
В родной мне русский мир идет,
Где можно — даст успокоенье
И никогда, ни в чем не лжет.

* * *

Что тут писано, писал совсем не я, —
Оставляла за собою жизнь моя;
Это — куколки от бабочек былых,

След заметный превращений временны́х.

А души моей — что бабочки искать!
Хорошо теперь ей где-нибудь порхать,
Никогда ее, нигде не обрести,
Потому что в ней, беспутной, нет пути...

Алексей Апухтин (1840—1893)

Вечер

Окно отворено… Последний луч заката
Потух… Широкий путь лежит передо мной;
Вдали виднеются рассыпанные хаты;
Акации сплелись над спящею водой;
Всё стихло в глубине разросшегося сада…
Порой по небесам зарница пробежит;
Протяжный звук рогов скликает с поля стадо
И в чутком воздухе далеко дребезжит.
Яснее видит ум, свободней грудь трепещет,
И сердце полное сомненья гонит прочь…
О, скоро ли луна во тьме небес заблещет
И трепетно сойдет пленительная ночь!..

15 июля 1855

Близость осени

Еще осенние туманы
Не скрыли рощи златотканой;
Еще и солнце иногда
На небе светит, и порою
Летают низко над землею
Унылых ласточек стада, —

Но листья желтыми коврами
Шумят уж грустно под ногами,
Сыреет пестрая земля;
Куда ни кинешь взор пытливый —
Встречает высохшие нивы
И обнаженные поля.

И долго ходишь в вечер длинный
Без цели в комнате пустынной…
Всё как-то пасмурно молчит —
Лишь бьется маятник докучный,
Да ветер свищет однозвучно,
Да дождь под окнами стучит.

14 августа 1855

Деревенский вечер

Зимний воздух сжат дремотой…
В темной зале всё молчит;
За обычною работой
Няня старая сидит.

Вот зевнула, засыпает,
Что-то по́д нос бормоча…
И печально догорает
Одинокая свеча.

Подле няни на подушке
Позабытое дитя
То глядит в лицо старушке,
Взором радостно блестя,
То, кудрявою головкой
Наклонившись над столом,
Боязливо и неловко
Озирается кругом.

Недалёко за стеною
И веселие, и смех,
Но — с задумчивой душою
Мальчик прячется от всех.
Не боится, как другие,
Этой мертвой тишины…
И глаза его большие
На окно обращены.

Ризой белою, пушистой
Ели и́скрятся светло;
Блещет тканью серебристой
Льдом одетое стекло;
Сторона лесов далеких
Снегом вся занесена,
И глядит с небес высоких

Круглолицая луна.

А ребенок невеселый
К няне жмется и дрожит…
В зале маятник тяжелый
Утомительно стучит.
Няня спицами качает,
Что-то под нос бормоча…
И едва-едва мерцает
Нагоревшая свеча…

26 февраля 1856

Апрельские мечты

Хотя рассыпчатый и с грязью пополам
Лежит пластами снег на улице сонливой,
Хотя и холодно бывает по утрам
И ветра слышатся стесненные порывы,

Но небо синее, прозрачное, без туч,
Но проницающей, крепительной струею
И свежий пар земли, но редкий солнца луч,
Сквозящий трепетно в час полдня над землею, —

Всё сладко шепчет мне: «На родине твоей
Уже давно весны повеяло дыханье,
Там гру́ди дышится просторней и вольней,
Там ближе чувствуешь природы прозябанье,

Там отсыревшая и рыхлая земля
Уж черной полосой мелькает в синей дали…
Из сохнувших лесов чрез ровные поля
Потоки снежные давно перебежали.

И сад, где весело ребенком бегал ты,
Такой же прелестью былого детства веет:
В нем всё под сладостным дыханьем теплоты
Стремительно растет, цветет и зеленеет».

Апрель 1856. Санкт-Петербург

Осенняя примета

Всюду грустная примета:
В серых тучах небеса,
Отцветающего лета
Равнодушная краса;
Утром холод, днем туманы,
Шум несносный желобов,
В час заката — блик багряный
Отшумевших облаков;

Ночью бури завыванье,
Иль под кровом тишины
Одинокие мечтанья,
Очарованные сны;
В поле ветер на просторе,
Крик ворон издалека,
Дома — скука, в сердце — горе,

Тайный холод и тоска.

Пору осени унылой
Сердце с трепетом зовет:
Вы мне близки, вы мне милы,
Дни осенних непогод;
Вечер сумрачный и длинный,
Мрак томительный ночей…
Увядай, мой сад пустынный,
Осыпайся поскорей.

16 августа 1856

* * *

Весенней ночи сумрак влажный
Струями льется предо мной,
И что-то шепчет гул протяжный
Над обновленною землей.

Зачем, о звезды, вы глядите
Сквозь эти мягкие струи?
О чем так громко вы журчите,
Неугомонные ручьи?

Вам долго слух без мысли внемлет,
К вам без тоски прикован взор…
И сладко грудь мою объемлет
Какой-то тающий простор.

10 апреля 1858

* * *

Вчера у окна мы сидели в молчаньи…
Мерцание звезд, соловья замиранье,
Шумящие листья в окно,
И нега, и трепет… Не правда ль, всё это
Давно уже было другими воспето
И нам уж знакомо давно?

Но я был взволнован мечтой невозможной;
Чего-то в прошедшем искал я тревожно,
Забытые спрашивал сны…
В ответ только звезды светлее горели,
Да слышались громче далекие трели
Певца улетавшей весны.

16 мая 1858

* * *

Опять весна! Опять какой-то гений
Мне шепчет незнакомые слова,
И сердце жаждет новых песнопений,
И в забытьи кружится голова.
Опять кругом зазеленели нивы,
Черемуха цветет, блестит роса,
И над землей, светлы и горделивы,
Как купол храма, блещут небеса.

Но этой жизни мне теперь уж мало,
Душа моя тоской отравлена́…
Не так она являлась мне, бывало,
Красавица, волшебница-весна!
Сперва ребенка языку природы
Она, смеясь, учила в тишине,
И для меня сбирала хороводы,
И первый стих нашептывала мне.

Потом, когда с тревогой непонятной
Зажглася в сердце отрока любовь,
Она пришла и речью благодатной
Живила сны и волновала кровь:
Свидания влюбленным назначала,
Ждала, томилась с нами заодно,
Мелодией по клавишам звучала,
Врывалася в раскрытое окно.

Теперь на жизнь гляжу я оком мужа,
И к сердцу моему, как в дверь тюрьмы,
Уж начала подкрадываться стужа,
Печальная предвестница зимы…
Проходят дни без страсти и без дела,
И чья-то тень глядит из-за угла…
Что ж, неужели юность улетела?
Ужели жизнь прошла и отцвела?

Погибну ль я в борьбе святой и честной
Иль просто так умру в объятьях сна, —

Явися мне в моей могиле тесной,
Красавица, волшебница-весна!
Покрой меня травой и свежим дерном,
Как прежде, разукрась свои черты,
И над моим забытым трупом черным
Рассыпь свои любимые цветы!..

1862

Проселок

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрез леса да реки, по степям, по нивам,
Всё бежит куда-то шагом торопливым,
И чудес, хоть мало встретишь той дорогой,
Но мне мил и близок вид ее убогой.
Утро ли займется на небе румяном —
Вся она росою блещет под туманом;
Ветерок разносит из поляны сонной
Скошенного сена запах благовонный;
Всё молчит, всё дремлет, — в утреннем покое
Только ржи мелькает море золотое,
Да куда ни глянешь освеженным взором,
Отовсюду веет тишью и простором.
На́ гору ль въезжаешь — за горой селенье
С церковью зеленой видно в отдаленьи.
Вот и деревенька, барский дом повыше…
Покосились набок сломанные крыши.
Ни садов, ни речки; в роще невысокой

Липа да орешник разрослись широко,
А вдали, над прудом, высится плотина…
Бедная картина! Милая картина!..
Уж с серпами в поле шумно и́дут жницы,
Между лип немолчно распевают птицы,
За клячонкой жалкой мужичок шагает,
С диким воплем стадо путь перебегает.
Жарко… День, краснея, всходит понемногу…
Скоро на большую выедем дорогу.
Там скрипят обозы, там стоят ракиты.
Из краев заморских к нам тропой пробитой
Там идет крикливо всякая новинка…
Там ты и заглохнешь, русская тропинка!

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая.
На большую съехал — впереди застава,
Сзади пыль да версты… Смотришь, а направо
Снова вьется путь мой лентою узорной —
Тот же прихотливый, тот же непокорный!

6 июля 1858

* * *

Глянь, как тускло и бесплодно
Солнце осени глядит,
Как печально дождь холодный
Каплет, каплет на гранит.

Так без счастья, без свободы,
Увядая день за днем,
Скучно длятся наши годы
В ожидании тупом.

Если б страсть хоть на мгновенье
Отуманила глаза,
Если б вечер наслажденья,
Если б долгая гроза!

Бьются ровно наши груди,
Одиноки вечера...
Что за небо, что за люди,
Что за скучная пора!?

19 октября 1858

Актеры

Минувшей юности своей
Забыв волненья и измены,
Отцы уж с отроческих дней
Подготовляют нас для сцены.
Нам говорят: «Ничтожен свет,
В нем все злодеи или дети,
В нем сердца нет, в нем правды нет,
Но будь и ты как все на свете!»
И вот, чтоб выйти напоказ,
Мы наряжаемся в уборной;

Пока никто не видит нас,
Мы смотрим гордо и задорно.
Вот вышли молча и дрожим,
Но оправляемся мы скоро
И с чувством роли говорим,
Украдкой глядя на суфлера.
И говорим мы о добре,
О жизни честной и свободной,
Что в первой юности поре
Звучит тепло и благородно;
О том, что жертва — наш девиз,
О том, что все мы, люди, — братья,
И публике из-за кулис
Мы шлем горячие объятья.
И говорим мы о любви,
К неверной простирая руки,
О том, какой огонь в крови,
О том, какие в сердце муки.
И сами видим без труда,
Как Дездемона[1487] наша, мило
Лицо закрывши от стыда,
Чтоб побледнеть, кладет белила.
Потом, не зная, хороши ль
Иль ду́рны были монологи,
За бестолковый водевиль
Уж мы беремся без тревоги.
И мы смеемся надо всем,

[1487] *Дездемона* — героиня трагедии Шекспира «Отелло».

Тряся горбом и головою,
Не замечая между тем,
Что мы смеялись над собою!
Но холод в нашу грудь проник,
Устали мы — пора с дороги:
На лбу чуть держится парик,
Слезает горб, слабеют ноги...
Конец. Теперь что ж делать нам?
Большая зала опустела...
Далёко автор где-то там...
Ему до нас какое дело?
И, сняв парик, умыв лицо,
Одежды сбросив шутовские,
Мы все, усталые, больные,
Лениво сходим на крыльцо.
Нам тяжело, нам больно, стыдно,
Пустые улицы темны,
На черном небе звезд не видно —
Огни давно погашены...
Мы зябнем, стынем, изнывая,
А зимний воздух недвижим,
И обнимает ночь глухая
Нас мертвым холодом своим.

1861

Минуты счастья

Не там отрадно счастье веет,

Где шум и царство суеты:
Там сердце скоро холодеет
И блекнут яркие мечты.

Но вечер тихий, образ нежный
И речи долгие в тиши
О всем, что будит ум мятежный
И струны спящие души, —

О, вот они, минуты счастья,
Когда, как зорька в небесах,
Блеснет внезапно луч участья
В чужих внимательных очах,

Когда любви горячей слово
Растет на сердце, как напев,
И с языка слететь готово,
И замирает, не слетев…

1865

* * *

Ни отзыва, ни слова, ни привета, —
Пустынею меж нами мир лежит,
И мысль моя с вопросом без ответа
Испуганно над сердцем тяготит:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,

Как легкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

1867

* * *

Сухие, редкие, нечаянные встречи,
Пустой, ничтожный разговор,
Твои умышленно-уклончивые речи,
И твой намеренно-холодный, строгий взор, —
Всё говорит, что надо нам расстаться,
Что счастье было и прошло…

Но в этом так же горько мне сознаться,
Как кончить с жизнью тяжело.
Так в детстве, помню я, когда меня будили
И зимний день глядел в замерзшее окно, —
О, как остаться там уста мои молили,
Где так тепло, уютно и темно!
В подушки прятался я, плача от волненья,
Дневной тревогой оглушен,
И засыпал, счастливый на мгновенье,
Стараясь на лету поймать недавний сон,
Бояся потерять ребяческие бредни…
Такой же детский страх теперь объял меня.
Прости мне этот сон последний
При свете тусклого, грозящего мне дня!

1869, 1874

* * *

Истомил меня жизни безрадостный сон,
Ненавистна мне память былого,
Я в прошедшем моем как в тюрьме заключен
Под надзором тюремщика злого.

Захочу ли уйти, захочу ли шагнуть —
Роковая стена не пускает,
Лишь оковы звучат, да сжимается грудь,
Да бессонная совесть терзает.

Но под взглядом твоим распадается цепь,
И я весь освещаюсь тобою,
Как цветами нежданно одетая степь,
Как туман, серебримый луною...

1872

Мухи

Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружáтся над бедной моей головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,
Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,
Валится книга из рук, разговор упадает, бледнея...
Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:
Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!
Только прогонишь одну, а уж в сердце впилася другая, —
Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить, а всё любишь сильней и больнее...
Эх, кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!

1873

* * *

Как бедный пилигрим, без крова и друзей,
Томится жаждою среди нагих степей, —
Так, одиночеством, усталостью томимый,
Безумно жажду я любви недостижимой.
Не нужны страннику ни жемчуг, ни алмаз,
На груды золота он не поднимет глаз,
За чистую струю нежданного потока
Он с радостью отдаст сокровища Востока.
Не нужны мне страстей мятежные огни,
Ни ночи бурные, ни пламенные дни,
Ни пошлой ревности привычные страданья,
Ни речи страстные, ни долгие лобзанья…
Мне б только луч любви!.. Я жду, зову его…
И если он блеснет из сердца твоего
В пожатии руки, в немом сиянье взора,
В небрежном лепете пустого разговора…
О, как я в этот миг душою полюблю,
С какою радостью судьбу благословлю!..
И пусть потом вся жизнь в бессилии угрюмом

Терзает и томит меня нестройным шумом!

1873

* * *

М. Д. Жедринской[1488]

В уютном уголке сидели мы вдвоем,
В открытое окно впивались наши очи,
И, напрягая слух, в безмолвии ночном
Чего-то ждали мы от этой тихой ночи.

Звон колокольчика нам чудился порой,
Пугал нас лай собак, тревожил листьев шорох…
О, сколько нежности и жалости немой,
Не тратя лишних слов, читали мы во взорах!

И сколько, сколько раз, сквозь сумрак новых лет,
Светиться будет мне тот уголок уютный,
И ночи тишина, и яркий лампы свет,
И сердца чуткого обман ежеминутный!

24 августа 1874

С курьерским поездом

1

[1488] *Жедринская* Мария Дмитриевна — жена А. Н. Жедринского, бывшего в 1866—1881 гг. курским губернатором. Апухтин сблизился с семьей Жедринских, особенно с их сыновьями Владимиром и Александром. После смерти своих родителей и раздела имущества с братьями поэт перестал бывать в родном селе Павлодар и в конце 1870-х- начале 1880-х гг. часто проводил лето в имении Жедринских Рыбница, Орловской губ.

«Ну, как мы встретимся? — невольно думал он,
По снегу рыхлому к вокзалу подъезжая. —
Уж я не юноша и вовсе не влюблен…
Зачем же я дрожу? Ужели страсть былая
Опять как ураган ворвется в грудь мою
Иль только разожгли меня воспоминанья?»
И опустился он на мерзлую скамью,
Исполнен жгучего, немого ожиданья.
Давно, давно, еще студентом молодым,
Он с нею встретился в глуши деревни дальней.
О том, как он любил и как он был любим
Любовью первою, глубокой, идеальной,
Как планы смелые чертила с ним она,
Идее и любви всем жертвовать умея, —
Про то никто не знал, а знала лишь одна
Высоких тополей тенистая аллея.
Пришлось расстаться им, прошел несносный год.
Он курс уже кончал, и новой, лучшей доли
Была близка пора… И вдруг он узнает,
Что замужем она, и вышла против воли.
Чуть не сошел с ума, едва не умер он,
Давал нелепые, безумные обеты,
Потом оправился… С прошедшим примирен,
Писал ей изредка и получал ответы;
Потом в тупой борьбе с лишеньями, с нуждой
Прошли бесцветные, томительные годы;
Он привыкал к цепям, и образ дорогой
Лишь изредка блестел лучом былой свободы,
Потом бледнел, бледнел, потом совсем угас.

И вот, как одержал над сердцем он победу,
Как в тине жизненной по горло он погряз, —
Вдруг весть нежданная: «Муж умер, и я еду».
— «Ну, как мы встретимся?» А поезд опоздал….
Как ожидание бывает нестерпимо!
Толпою пестрою наполнился вокзал,
Гурьба артельщиков прошла, болтая, мимо,
А поезда всё нет, пора б ему прийти!
Вот раздался́ свисток, дым по дороге взвился…
И, тяжело дыша, как бы устав в пути,
Железный паровоз пред ним остановился.

2

«Ну, как мы встретимся?» — так думала она,
Пока на всех порах курьерский поезд мчался.
Уж зимний день глядел из тусклого окна,
Но убаюканный вагон не просыпался.
Старалась и она заснуть в ночной тиши,
Но сон, упрямый сон бежал всё время мимо:
Со дна глубокого взволнованной души
Воспоминания рвались неудержимо.
Курьерским поездом, спеша Бог весть куда,
Промчалась жизнь ее без смысла и без цели,
Когда-то, в лучшие, забытые года,
И в ней горел огонь, и в ней мечты кипели!
Но в обществе тупом, средь чуждых ей натур
Тот огонек задут безжалостной рукою:
Покойный муж ее был грубый самодур,
Он каждый сердца звук встречал насмешкой злою.

Был человек один. — Тот понял, тот любил…
А чем она ему ответила? — Обманом…
Что ж делать? Для борьбы ей не хватило сил,
Да и могла ль она бороться с целым станом?
И вот увидеться им снова суждено…
Как встретятся они? Он находил когда-то
Ее красавицей, но это так давно…
Изменят хоть кого утрата за утратой!
А впрочем… Не блестя, как прежде, красотой,
Черты остались те ж, и то же выраженье…
И стало весело ей вдруг при мысли той,
Всё оживилося в ее воображеньи!
Сидевший близ нее и спавший пассажир
Качался так смешно, с осанкой генерала,
Что, глядя на него и на его мундир,
Бог знает отчего, она захохотала.
Но вот проснулись все, — теперь уж не заснуть…
Кондуктор отобрал с достоинством билеты;
Вот фабрики пошли, свисток — и кончен путь.
Объятья, возгласы, знакомые приветы…
Но где же, где же он? Не видно за толпой,
Но он, конечно, здесь… О, Боже, неужели
Тот, что глядит сюда, вон этот, пожилой,
С очками синими и в меховой шинели?

3

И встретились они, и поняли без слов,
Пока слова текли обычной чередою,
Что бремя прожитых бессмысленно годов

Меж ними бездною лежало роковою.
О, никогда еще потраченные дни
Среди чужих людей, в тоске уединенья,
С такою ясностью не вспомнили они,
Как в это краткое и горькое мгновенье!
Недаром злая жизнь их гнула до земли,
Забрасывая их слоями грязи, пыли…
Заботы на лице морщинами легли,
И думы серебром их головы покрыли!
И поняли они, что жалки их мечты,
Что под туманами осеннего ненастья
Они — поблекшие и поздние цветы —
Не возродятся вновь для солнца и для счастья!
И вот, рука в руке и взоры опустив,
Они стоят в толпе, боясь прервать молчанье…
И в глубь минувшего, в сердечный их архив
Уже уходит прочь еще воспоминанье!
Ему припомнилась та мерзлая скамья,
Где ждал он поезда в волнении томящем,
Она же думала, тревогу затая:
«Как было хорошо, когда в вагоне я
Смеялась от души над пассажиром спящим!»

Начало 1870-х годов

* * *

В дверях покинутого храма
С кадил недвижных фимиама
Еще струился синий дым,

Когда за юною четою
Пошли мы пестрою толпою,
Под небом ясным, голубым.

Покровом облаков прозрачных
Оно, казалось, новобрачных
Благословляло с высоты,
И звуки музыки дрожали,
И словно счастье обещали
Благоухавшие цветы.

Людское горе забывая,
Душа смягчалася больная
И оживала в этот час…
И тихим, чистым упоеньем,
Как будто сладким сновиденьем,
Отвсюду веяло на нас.

Начало 1870-х годов

* * *

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые…
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Всё же лечу я к вам памятью жадною,

В прошлом ответа ищу невозможного…

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные…
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

1876

* * *

Отчалила лодка. Чуть брезжил рассвет…
В ушах раздавался прощальный привет,
Дышал он нежданною лаской…
Свинцовое море шумело кругом…
Всё это мне кажется сладостным сном,
Волшебной, несбыточной сказкой!

О нет, то не сон был! В дали голубой
Две белые чайки неслись над водой,
И серые тучки летели, —
И всё, что сказать я не мог и не смел,
Кипело в душе… и восток чуть алел,
И волны шумели, шумели!..

1879

* * *

Снова один я… Опять без значенья

День убегает за днем,
Сердце испуганно ждет запустенья,
Словно покинутый дом.

Заперты ставни, забиты вороты,
Сад догнивает пустой…
Где же ты светишь и греешь кого ты,
Мой огонек дорогой?

Видишь, мне жизнь без тебя не под силу,
Прошлое давит мне грудь,
Словно в раскрытую грозно могилу,
Страшно туда заглянуть.

Тянется жизнь, как постылая сказка,
Холодом веет от ней…
О, мне нужна твоя тихая ласка,
Воздуха, солнца нужней!..

1879

Пара гнедых

Перевод из Донаурова[1489]

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.

[1489] Переделка и перевод французского романса: «Pauvres chevaux» Сергея Ивановича Донаурова (1839—1897) — поэта, переводчика и композитора-дилетанта.

Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарелась с вами,
Пара гнедых!

Ваша хозяйка в старинные годы
Много имела хозяев сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.
Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых!

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал —
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей доныне,
Пара гнедых!

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по нескольку дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.
Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,

Пара гнедых!

1870-е годы

Два голоса

Посвящается С. А. и Е. К. Зыбиным[1490]

Два голоса, прелестью тихой полны,
Носились над шумом салонным,
И две уж давно не звучавших струны
Им вторили в сердце смущенном.

И матери голос раздумьем звучал
Про счастье, давно прожитое,
Про жизненный путь между мелей и скал,
Про тихую радость покоя.

И дочери голос надеждой звучал
Про силу людского участья,
Про блеск оживленных, сияющих зал,
Про жажду безвестного счастья.

Казалось, что, в небе лазурном горя,
С прекрасной вечерней зарею
Сливается пышная утра заря, —
И блещут одной красотою.

[1490] Посвящено Зыбиным Софье Александровне и ее дочери Екатерине Кирилловне, в замужестве Остен-Сакен (1845—1923). Позднее она вспоминала, как на одном из музыкальных вечеров у С. Я. Веригиной «Апухтин, заслушавшись Зыбиных, экспромтом написал стихотворение «Два голоса», посвященное им и впоследствии без малейшей поправки вошедшее в его сборник».

1870-е годы

Памятная ночь

Зачем в тиши ночной, из сумрака былого,
Ты, роковая ночь, являешься мне снова
И смотришь на меня со страхом и тоской?
— То было уж давно… на станции глухой,
Где ждал я поезда… Я помню, как сначала
Дымился самовар и печь в углу трещала;
Курил и слушал я часов шипевший бой,
Далекий лай собак да сбоку, за стеной,
Храпенье громкое… И вдруг, среди раздумья, —
То было ль забытье, иль тяжкий миг безумья —
Замолкло, замерло, потухло всё кругом.
Луна, как мертвый лик, глядела в мертвый дом,
Сигара выпала из рук, и мне казалось,
Что жизнь во мне самом внезапно оборвалась.
Я всё тогда забыл: кто я, зачем я тут?
Казалось, что не я — другие люди ждут
Другого поезда на станции убогой.
Не мог я разобрать, их мало или много,
Мне было всё равно, что медлит поезд тот,
Что опоздает он, что вовсе не придет…
Не знаю, долго ли то длилось испытанье,
Но тяжко и теперь о нем воспоминанье!

С тех пор прошли года. В тиши немых могил
Родных людей и чувств я много схоронил,
Измен, страстей и зла вседневные картины

По сердцу провели глубокие морщины,
И с грузом опыта, с усталою душой
Я вновь сижу один на станции глухой.
Я поезда не жду, увы!.. пройдет он мимо…
Мне нечего желать, и жить мне нестерпимо!

1880

На новый 1881 год

Вся зала ожидания полна,
Партер притих, сейчас начнется пьеса.
Передо мной, безмолвна и грозна,
Волнуется грядущего завеса.

Как я, бывало, взор туда вперял,
Как смутный каждый звук ловил оттуда!
Каких-то новых слов я вечно ждал,
Какого-то неслыханного чуда.

О Новый год! Теперь мне всё равно,
Несешь ли ты мне смерть и разрушенье,
Иль прежних лет мне видеть суждено
Бесцветное, тупое повторенье…

Немного грез — осколки светлых дней —
Как вихрем, он безжалостно развеет,
Еще немного отпадет друзей,
Еще немного сердце зачерствеет.

Декабрь 1880

Памяти Нептуна[1491]

В часы бессонницы, под тяжким гнетом горя,
Я вспомнил о тебе, возница верный мой,
Нептуном прозванный за сходство с богом моря…
Двенадцать целых лет, в мороз, и в дождь, и в зной,
Ты всё меня возил, усталости не зная,
И ночи целые, покуда жизнь я жег,
Нередко ждал меня, на козлах засыпая…
Ты думал ли о чем? Про это знает Бог,
Но по чертам твоим не мог я догадаться,
Ты всё молчал, молчал и, помню, только раз
Сквозь зубы проворчал, не поднимая глаз:
«Что убиваетесь? Не нужно убиваться…»
Зачем же в эту ночь, чрез много, много лет,
Мне вспомнился простой, нехитрый твой совет
И снова я ему обрадован, как другу?

Томился часто ты по родине своей,
И «на побывку» ты отправился в Калугу,
Но побыл там, увы! недолго: десять дней.
Лета ли подошли, недугом ли сраженный,
Внучат и сыновей толпою окруженный,
Переселился ты в иной, безвестный свет.
Хоть лучшим миром он зовется безрассудно,
Но в том, по-моему, еще заслуги нет:
Быть лучше нашего ему весьма не трудно.

[1491] Кучер Василий. (Примеч. Апухтина.)

Мир праху твоему, покой твоим костям.
Земля толпы людской теплее и приветней.
Но жаль, что, изменив привычке многолетней,
Ты не отвез меня туда, где скрылся сам.

1883

* * *

Проложен жизни путь бесплодными степями,
И глушь, и мрак… ни хаты, ни куста…
Спит сердце; скованы цепями
И разум, и уста,
И даль пред нами
Пуста.

И вдруг покажется не так тяжка дорога,
Захочется и петь, и мыслить вновь.
На небе звезд горит так много,
Так бурно льется кровь…
Мечты, тревога,
Любовь!

О, где же те мечты? Где радости, печали,
Светившие нам ярко столько лет?
От их огней в туманной дали
Чуть виден слабый свет…
И те пропали…
Их нет.

1888

Федор Берг (1840—1909)

Смерть

Мне кажется, что я умру в дороге,
На станции. Глухая будет ночь,
Я не смогу усталость превозмочь
И задремлю тихонько на пороге.
Там в темноте меняют лошадей,
Среди теней и тусклых фонарей
Бубенчиков раздались переливы,
И фыркает протяжно конь ленивый...

А ночь темна — без звезд и без лучей.

И снится мне, что я приеду скоро,
Что вот теперь уж кончен скучный путь,
Что будет мне так сладко отдохнуть
Средь тихих слов простого разговора,
Под жаркий треск растопленных печей...

А ночь темна — без звезд и без лучей.

Вот огоньки блеснули мне приветно,
И сердце им забилося ответно,

И хочется туда лететь, бежать
И нового так много рассказать,
И хочется так многих мне увидеть,
По-старому любить и ненавидеть
И страстно жить опять среди людей...

А ночь темна — без звезд и без лучей.

Темна, темна! И сердце вдруг упало...
Ну, стоит ли стремиться и желать
И новое всё что-то узнавать?
И эта мысль мне мозг застывший сжала:
Так тяжела, упорна и одна,
Как ночь кругом, черна и холодна...
Ну стоит ли? Ведь всё одно и то же!

Когда-то был я лучше и моложе,
Мне нравилась вся эта трескотня,
Весь этот блеск так радовал меня!
Ну, а теперь... теперь с меня довольно!
Но отчего ж вдруг сердцу стало больно?

И отчего — всё будто холодней
Сырой туман ползет с сырых полей?

Ну пусть уж так! Пусть тише сердце бьется!
Холодный мрак всё тише раздается...
Но хорошо! Вот так бы всё лежать!
Ни мучиться, ни думать, ни желать,

И мирно спать без снов — покойно, вечно...

И дальше не поеду я, конечно.

1862

Иван Суриков (1841—1880)

Рябина

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

— «С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,

На просторе, в воле,
Дуб растет высокой.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

1864

В степи[1492]

Кони мчат-несут,
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;

[1492] В основе стихотворения — текст старинной ямщицкой песни «Уж ты степь моя, степь моздокская...». Моздóк — город в Северной Осетии.

Сердце грусть берет;
Про моздокскую
Степь ямщик поет...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит, —
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой.

Отведи домой,

Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати, ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,

В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

1865

Дмитрий Садовников (1847—1883)

* * *

Из-за острова на стрежень[1493],
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявши́сь с своей княжной,
Свадьбу новую справляет
И веселый и хмельной.

А княжна, склонивши очи,

[1493] *Стрежень* — глубокая часть речного русла с быстрым течением.

Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился —
Сам наутро бабой стал…

Ошалел…» Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза…

«Эх, кормилица родная,
Волга — матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

Чтобы не было зазорно

Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, —
На, кормилица… возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну…

«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка, черт, пляши!..
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души!..»

1883

Арсений Голенищев-Кутузов (1848—1913)

Летняя ночь

Я видел ночь. Она передо мной
Вся в черном шла, прекрасная, живая,
Волшебница с поникшей головой,
Зарницами, как взглядами, сверкая.

Прозрачен был ее воздушный стан;
Но чуял я дыханья знойный трепет,
И в тишине, как ласковый обман,

Незримых уст призывный несся лепет.

Казалось мне, желанная зовет
Меня с собой к любви и наслажденью...
И я всё шел, всё шел за ней вперед,
Объятый весь огнем ее и тенью!

1878

* * *

Снилось мне утро лазурное, чистое,
Снилась мне родины ширь необъятная,
Небо румяное, поле росистое,
Свежесть и юность моя невозвратная...

Снилось мне, будто иду я дорогою, —
Ярче и ярче восток разгорается,
Сердце полно предрассветной тревогою,
Сердце от счастья любви разрывается.

Рощи и воды младенческим лепетом
Мне отвечают на чувство приветное;
Шепчут уста с умиленьем и трепетом
Имя любимое, имя заветное!..

1884

Заря во всю ночь

Было поздно; в душе замирающий шум
Пережитого дня был чуть слышен;
Сумрак вешнего бреда, видений и дум
Надвигался — волшебен и пышен.

В нем росли очертанья дремучих дерев,
В нем туманились гладкие воды;
Шла заря от заката к востоку — садов
Проникая вершины и своды.

И боролася ночь с этой белой зарей,
И боролися — радость с печалью,
Непроглядная грусть с незакатной мечтой,
Ближний сумрак с сияющей далью.

И заря побеждала, и ночь не могла
Заключить ее в своды темницы —
И победная радость росла, всё росла
Вместе с пламенем юной денницы.

1894

* * *

В сонме поздних теней ты желанной звездой
Мне блеснула на миг — и пропала.
Эта ласка мечты, эта радость тобой
Словно песня в душе прозвучала.

Прозвучала и смолкла... И звук ее слов
Замер в далях ночных сновидений —
И опять надо мной лишь немых облаков
Пролетают тревожные тени.

В них луча твоего уж глазам не найти;
Кроткой песни потеряны звуки;
Умирая, слились и привет, и «прости»
В призрак встречи, любви и разлуки.

Но не властен я сердца мятеж превозмочь,
Жгучий пламень под пеплом таится, —
И тоска по тебе, как заря во всю ночь,
Не дает ни забыть, ни забыться!

1904

Владимир Соловьев (1853—1900)

* * *

Вся в лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя,[1494] —
Сердце сладким восторгом забилось,

[1494] Царица, явившаяся поэту — София Премудрость.

И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

Конец ноября 1875. Каир

* * *

Близко, далёко, не здесь и не там,
В царстве мистических грез,
В мире, невидимом смертным очам,
В мире без смеха и слез,

Там я, богиня, впервые тебя
Ночью туманной узнал.
Странным ребенком был я тогда,
Странные сны я видал.

В образе чуждом являлася ты,
Смутно твой голос звучал,
Смутным сознанием детской мечты
Долго тебя я считал.

Ныне опять ты являешься мне
С лаской нежданной любви,
Вижу тебя я уже не во сне,
Ясны мне речи твои.

Мне, оглушенному в мире чужом

Гулом невнятных речей,
Вдруг прозвучало в привете твоем
Слово отчизны моей.

Голос отчизны в волшебных речах,
В свете лазурных очей,
Отблеск отчизны в эфирных лучах,
В золоте чудных кудрей.

Всё, чем живет мое сердце и ум,
Всё, что трепещет в груди,
Все силы чувства, желаний и дум
Отдал я в руки твои.

Деспот угрюмый, холодное «я»,
Гибель почуя, дрожит,
Издалека лишь завидел тебя,
Стихнул, бледнеет, бежит.

Пусть он погибнет, надменный беглец;
В вольной неволе и в смерти живой,
Я и алтарь, я и жертва, и жрец,
С мукой блаженства стою пред тобой.

Между концом ноября 1875 и 6 марта 1876. Каир

* * *

Бескрылый дух, землею полоненный,
Себя забывший и забытый бог…

Один лишь сон — и снова, окрыленный,
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной, —
И прежний мир в немеркнущем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.

Один лишь сон — и в тяжком пробужденье
Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой.

Июнь 1883

* * *

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездáми,
Еще летали сны — и, схваченная снами,
Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь и как еще далеко,
Далеко всё, что грезилося мне.

И до полуночи неробкими шагами

Всё буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездáми,
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.

1884

* * *

Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такою негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

Май 1886

* * *

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венок твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

18 сентября 1887

* * *

В час безмолвного заката
Об ушедших вспомяни ты, —
Не погибло без возврата,
Что с любовью пережито.

Пусть синеющим туманом
Ночь на землю наступает —
Не страшна ночная тьма нам:
Сердце день грядущий знает.

Новой славою Господней
Озарится свод небесный,
И дойдет до преисподней
Светлый благовест воскресный.

1892

* * *

Ветер с западной страны
Слезы навевает;
Плачет небо, стонет лес,
Соснами качает.

То из края мертвецов
Вопли к нам несутся.
Сердце слышит и дрожит,
Слезы льются, льются.

Ветер с запада утих,
Небо улыбнулось,
Но из края мертвецов
Сердце не вернулось.

2 июня 1892

* * *

Зачем слова? В безбрежности лазурной
Эфирных волн созвучные струи
Несут к тебе желаний пламень бурный
И тайный вздох немеющей любви.

И, трепеща у милого порога,

Забытых грез к тебе стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Один лишь миг — и я перед тобой.

И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Начало сентября 1892

* * *

Я добился свободы желанной,
Что манила вдали, словно клад, —
Отчего же с тоскою нежданной,
Отчего я свободе не рад?

Ноет сердце, и падают руки,
Всё так тускло и глухо вокруг
С рокового мгновенья разлуки,
Мой жестокий, мой сладостный друг.

3 декабря 1892

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени

От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

1892

* * *

День прошел с суетой беспощадною.
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно царишь.

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Поглотило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

Днем луна, словно облачко бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи — перед ней, всепобедною,

Гаснут искры небесных огней.

1892

* * *

О, что значат все слова и речи,
Этих чувств отлив или прибой
Перед тайною нездешней нашей встречи,
Перед вечною, недвижною судьбой?

В этом мире лжи — о, как ты лжива!
Средь обманов ты живой обман.
Но ведь он со мной, он мой, тот миг счастливый,
Что рассеет весь земной туман.

Пусть и ты не веришь этой встрече,
Всё равно, — не спорю я с тобой.
О, что значат все слова и речи
Перед вечною, недвижною судьбой?

1892

* * *

Милый друг, не верю я нисколько
Ни словам твоим, ни чувствам, ни глазам,
И себе не верю, верю только
В высоте сияющим звездáм.

Эти звезды мне стезею млечной
Насылают верные мечты
И растят в пустыне бесконечной
Для меня нездешние цветы.

И меж тех цветов, в том вечном лете,
Серебром лазурным облита,
Как прекрасна ты, и в звездном свете
Как любовь свободна и чиста!

1892

* * *

Сходня… Старая дорога…
А в душе как будто ново.
Фон осенний. Как немного
Остается от былого!

21 августа 1894

У Саймы в полдень[1495]

Этот матово-светлый жемчужный простор
В небесах и в зеркальной равнине,
А вдали этот черный застывший узор, —
Там, где лес отразился в пучине.

Если воздух прозрачный доносит порой

[1495] *Сайма* — озеро в юго-восточной Финляндии.

Детский крик иль бубенчики стада —
Здесь и самые звуки звучат тишиной,
Не смущая безмолвной отрады.

Так остаться бы век — и светло, и тепло
Здесь на чистом нетающем снеге.
Злая память и скорбь — всё куда-то ушло,
Всё расплылось в чарующей неге.

11 октября 1894

Весна

Ласкается небо к цветущей земле,
Грачи прилетели, а я — на столе.

Октябрь 1894

На Сайме зимой

Вся ты закуталась шубой пушистой,
В сне безмятежном, затихнув, лежишь.
Веет не смертью здесь воздух лучистый,
Эта прозрачная, белая тишь.

В невозмутимом покое глубоком,
Нет, не напрасно тебя я искал.
Образ твой тот же пред внутренним оком,
Фея — владычица сосен и скал!

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь,
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

Декабрь 1894

* * *

Шум далекий водопада
Раздается через лес,
Веет тихая отрада
Из-за сумрачных небес.

Только белый свод воздушный,
Только белый сон земли…
Сердце смолкнуло послушно,
Все тревоги отошли.

Неподвижная отрада,
Всё слилось как бы во сне…
Шум далекий водопада
Раздается в тишине.

Конец декабря 1894

Сон наяву

Лазурное око
Сквозь мрачно-нависшие тучи...

Ступая глубоко
По снежной пустыне сыпучей,
К загадочной цели
Иду одиноко.
За мной только ели,
Кругом лишь далёко
Раскинулась озера ширь в своем белом уборе,
И вслух тишина говорит мне: нежданное сбудется вскоре.
Лазурное око
Опять потонуло в тумане,
В тоске одинокой
Бледнеет надежда свиданий.
Печальные ели
Темнеют вдали без движенья,
Пустыня без цели,
И путь без стремленья,
И голос всё тот же звучит в тишине без укора:
Конец уже близок, нежданное сбудется скоро.

Январь 1895

* * *

Нет, силой не поднять тяжелого покрова
Седых небес…
Всё та же вдаль тропинка вьется снова,
Всё тот же лес.

И в глубине вопрос — вопрос единый
Поставил Бог.

О, если б ты хоть песней лебединой
Ответить мог!

Весь мир стоит застывшею мечтою,
Как в первый день.
Душа одна, и видит пред собою
Свою же тень.

1897

Око вечности

«Да не будут тебе Бози инии, разве Мене».

Одна, одна над белою землею
Горит звезда
И тянет вдаль эфирною стезею
К себе — туда.

О нет, зачем? В одном недвижном взоре
Все чудеса,
И жизни всей таинственное море,
И небеса.

И этот взор так близок и так ясен, —
Глядись в него,
Ты станешь сам — безбрежен и прекрасен —
Царем всего.

Январь 1897

Три свидания

(Москва — Лондон — Египет. 1862—75—76)

Поэма

Заранее над смертью торжествуя
И цепь времен любовью одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
Но ты почуешь трепетный напев…

Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье Божества…

Не трижды ль ты далась живому взгляду —
Не мысленным движением, о нет! —
В предвестие, иль в помощь, иль в награду
На зов души твой образ был ответ.

1

И в первый раз, — о, как давно то было! —
Тому минуло тридцать шесть годов,
Как детская душа нежданно ощутила
Тоску любви с тревогой смутных снов.

Мне девять лет, *она*…[1496] ей — девять тоже.
«Был майский день в Москве», как молвил Фет.[1497]

[1496] *Она* этой строфы была простою маленькой барышней и не имеет ничего общего с тою *ты*, к которой обращено вступление. *(Примеч. Вл. Соловьева.)*
[1497] Перефразировка стихотворения А. Фета «Был чудный майский день в Москве...».

Признался я. Молчание. О, Боже!
Соперник есть. А! он мне даст ответ.

Дуэль, дуэль! Обедня в Вознесенье.[1498]
Душа кипит в потоке страстных мук.
Житейское… отложим… попеченье —
Тянулся, замирал и замер звук.

Алтарь открыт… Но где священник, дьякон?
И где толпа молящихся людей?
Страстей поток, — бесследно вдруг иссяк он.
Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылася в туман.

И детская любовь чужой мне стала,
Душа моя — к житейскому слепа…
А немка-бонна грустно повторяла:
«Володинька — ах! слишком он глупá!»

2

Прошли года. Доцентом и магистром
Я мчуся за границу в первый раз.
Берлин, Ганновер, Кёльн — в движенье быстром
Мелькнули вдруг и скрылися из глаз.

[1498] *Вознесенье* — церковь в Москве.

Не света центр, Париж, не край испанский,
Не яркий блеск восточной пестроты, —
Моей мечтою был Музей Британский,
И он не обманул моей мечты.[1499]

Забуду ль вас, блаженные полгода?
Не призраки минутной красоты,
Не быт людей, не страсти, не природа —
Всей, всей душой одна владела ты.

Пусть там снуют людские мириады
Под грохот огнедышащих машин,
Пусть зиждутся бездушные громады, —
Святая тишина, я здесь один.

Ну, разумеется, cum grano salis:[1500]
Я одинок был, но не мизантроп;
В уединении и люди попадались,
Из коих мне теперь назвать кого б?

Жаль, в свой размер вложить я не сумею
Их имена, не чуждые молвы…
Скажу: два-три британских чудодея[1501]
Да два иль три доцента из Москвы.[1502]

[1499] В библиотеке Британского музея (Лондон) Соловьев занимался изучением мистической литературы с конца июня до середины октября 1875 г.
[1500] С иронией (букв.: с крупинкой соли) (лат.).
[1501] В письме к матери от 17 (29) июля 1875 г. Соловьев упоминает о своем знакомстве с В. Рольстоном (1829—1889) — английским писателем, служившим в Британском музее и изучавшим русский фольклор, и «некоторыми другими англичанами». Несколько позже состоялось знакомство Соловьева с известным зоологом Уоллесом (1822—1913).
[1502] В бытность свою в Лондоне Соловьев сблизился с двумя доцентами-правоведами, впоследствии известными учеными: И. И. Янжулом (1846—1914) и М. М. Ковалевским (1851—1916).

Всё ж больше я один в читальном зале;
И верьте иль не верьте, — видит Бог,
Что тайные мне силы выбирали
Всё, что о ней читать я только мог.

Когда же прихоти греховные внушали
Мне книгу взять «из оперы другой» —
Такие тут истории бывали,
Что я в смущенье уходил домой.

И вот однажды — к осени то было —
Я ей сказал: «О божества расцвет!
Ты здесь, я чую, — что же не явила
Себя глазам моим ты с детских лет?»

И только я помыслил это слово, —
Вдруг золотой лазурью всё полно,
И предо мной она сияет снова —
Одно ее лицо — оно одно.

И то мгновенье долгим счастьем стало,
К земным делам опять душа слепа,
И если речь «серьезный» слух встречала,
Она была невнятна и *глупа*.

3

Я ей сказал: «Твое лицо явилось,
Но всю тебя хочу я увидать.

Чем для ребенка ты не поскупилась,
В том — юноше нельзя же отказать!»

«В Египте будь!» — внутри раздался голос.
В Париж! — и к югу пар меня несет.
С рассудком чувство даже не боролось:
Рассудок промолчал, как идиот.

На Льон, Турин, Пьяченцу и Анкону,
На Фермо, Вари, Бриндизи — и вот
По синему трепещущему лону
Уж мчит меня британский пароход.

Кредит и кров мне предложил в Каире
Отель «Аббат», — его уж нет, увы!
Уютный, скромный, лучший в целом мире…
Там были русские, и даже из Москвы.

Всех тешил генерал — десятый номер —
Кавказскую он помнил старину…
Его назвать не грех — давно он помер,
И лихом я его не помяну.

То Ростислав Фаддеев был известный,[1503]
В отставке воин и владел пером.
Назвать кокотку иль собор поместный —
Ресурсов тьма была сокрыта в нем.

[1503] Фаддеев Р. А. (1824—1883), генерал русской армии (после 1868 г. — в отставке), военный писатель. Соловьев писал о нем матери из Каира: «Часто видаюсь с генералом Фаддеевым — тип русского медведя, впрочем, очень неглупый человек».

Мы дважды в день сходились за табльдотом;
Он весело и много говорил,
Не лез в карман за скользким анекдотом
И философствовал по мере сил.

Я ждал меж тем заветного свиданья,
И вот однажды, в тихий час ночной,
Как ветерка прохладное дыханье:
«В пустыне я — иди туда за мной».

Идти пешком (из Лондона в Сахару
Не возят даром молодых людей, —
В моем кармане — хоть кататься шару,
И я живу в кредит уж много дней).

Бог весть куда, без денег, без припасов,
И я в один прекрасный день пошел, —
Как дядя Влас, что написал Некрасов.
(Ну, как-никак, а рифму я нашел.)[1504]

Смеялась, верно, ты, как средь пустыни
В цилиндре высочайшем и в пальто,
За черта принятый, в здоровом бедуине
Я дрожь испуга вызвал и за то

Чуть не убит, — как шумно, по-арабски
Совет держали шейхи двух родов,
Что делать им со мной, как после рабски

[1504] Прием нахождения рифмы, освященный примером Пушкина и тем более простительный в настоящем случае, что автор, будучи более неопытен, чем молод, первый раз пишет стихи в повествовательном роде. *(Примеч. Вл. Соловьева.)*

Скрутили руки и без лишних слов

Подальше отвели, преблагородно
Мне руки развязали — и ушли.
Смеюсь с тобой: богам и людям сродно
Смеяться бедам, раз они прошли.

Тем временем немая ночь на землю
Спустилась прямо, без обиняков.
Кругом лишь тишину одну я внемлю
Да вижу мрак средь звездных огоньков.

Прилегши наземь, я глядел и слушал…
Довольно гнусно вдруг завыл шакал;
В своих мечтах меня он, верно, кушал,
А на него и палки я не взял.

Шакал-то что! Вот холодно ужасно…
Должно быть, нуль, — а жарко было днем…
Сверкают звезды беспощадно ясно;
И блеск, и холод — во вражде со сном.

И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: «Усни, мой бедный друг!»
И я уснул; когда ж проснулся чутко, —
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,[1505]

[1505] Стих Лермонтова. *(Примеч. Вл. Соловьева.)*

Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Что есть, что было, что грядет вовеки —
Всё обнял тут один недвижный взор…
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.

Всё видел я, и всё одно лишь было —
Один лишь образ женской красоты…
Безмерное в его размер входило, —
Передо мной, во мне — одна лишь ты.

О лучезарная! тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидал…
В душе моей те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.

Один лишь миг! Видение сокрылось —
И солнца шар всходил на небосклон.
В пустыне тишина. Душа молилась,
И не смолкал в ней благовестный звон.

Дух бодр! Но всё ж не ел я двое суток,
И начинал тускнеть мой высший взгляд.
Увы! как ты ни будь душою чуток,
А голод ведь не тетка, говорят.

На запад солнца путь держал я к Нилу
И к вечеру пришел домой в Каир.

Улыбки розовой душа следы хранила,
На сапогах — виднелось много дыр.

Со стороны всё было очень глупо
(Я факты рассказал, виденье скрыв),
В молчанье генерал, поевши супа,
Так начал важно, взор в меня вперив:

«Конечно, ум дает права на *глупость*,
Но лучше сим не злоупотреблять:
Не мастерица ведь людская тупость
Виды́ безумья точно различать.

А потому, коль вам прослыть обидно
Помешанным иль просто дураком, —
Об этом происшествии постыдном
Не говорите больше ни при ком».

И много он острил, а предо мною
Уже лучился голубой туман
И, побежден таинственной красою,
Вдаль уходил житейский океан.

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье Божества.

Предчувствием над смертью торжествуя

И цепь времен мечтою одолев,

Подруга вечная, тебя не назову я,

А ты прости нетвердый мой напев!

26—29 сентября 1898

Примечание. Осенний вечер и глухой лес внушили мне воспроизвести в шутливых стихах самое значительное из того, что до сих пор случилось со мною в жизни. Два дня воспоминания и созвучия неудержимо поднимались в моем сознании, и на третий день была готова эта маленькая автобиография, которая понравилась некоторым поэтам и некоторым дамам.

У себя

Дождались меня белые ночи

Над простором густых островов…

Снова смотрят знакомые очи,

И мелькает былое без слов.

В царство времени всё я не верю,

Силу сердца еще берегу,

Роковую не скрою потерю,

Но сказать «навсегда» — не могу.

При мерцании долгом заката,

Пред минутной дремотою дня,

Что погиб его свет без возврата,

В эту ночь не уверишь меня.

Июнь 1899

Les revenants[1506]

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы к душе пробрались, и — спасибо вам!
Сладко мне приблизиться памятью унылою
К смертью занавешенным, тихим берегам.

Нитью непонятною сердце всё привязано
К образам незначащим, к плачущим теням.
Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается, но — ни здесь, ни там.

Бывшие мгновения поступью беззвучною
Подошли и сняли вдруг покрывало с глаз.
Видят что-то вечное, что-то неразлучное
И года минувшие — как единый час.

16 января 1900

[1506] Призраки (франц.).